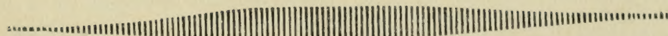
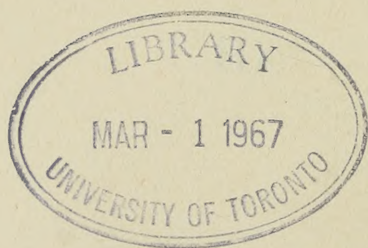
АРХИВЪ РУССКОЙ РЕВОЛЮЦІИ

ИЗДАВАЕМЫЙ
І. В. ГЕССЕНОМЪ

XII



БЕРЛИНЪ 1923


LIBRARY
MAR - 1 1967
UNIVERSITY OF TORONTO

ВОСПОМИНАНІЯ

С. П. Бѣлецкаго*

ГЛАВА I.

Назначение А. Н. Хвостова министром внутренних дел. – Переговоры с С. П. Белецким. – Программа А. Н. Хвостова. – Григорий Распутин. – Его отношения к министрам. – Выступление в Г. Думе А. И. Гучкова против Распутина. – Результаты этого выступления. – План охраны Распутина.– Распутин и В. Н. Коковцов. – Письма ген. Богдановича. – Письма к Распутину от государыни.– Телеграмма Думбадзе о разрешении покончить с Распутиным. – Сводка филерских наблюдений над Распутиным. – Вел. кн. Николай Николаевич и Распутин. – Доклад ген. Джунковского Николаю II о Распутине.

О назначении А. Н. Хвостова на должность управляющего министерством внутренних дел, я знал недели за две до официального приказа и в этот период времени я с Хвостовым виделся почти ежедневно, так как он пригласил меня, с первой же встречи, в случае, если назначение состоится, к сотрудничеству с ним в должности товарища министра вн. дел.

В течение двухнедельного промежутка времени нами были обсуждены как первые шаги А. Н. Хвостова при вступлении в должность, так и намечена была, в соответствии с переживаемым тогда моментом, программа его деятельности по вопросам внутренней политики. Тот чисто дружеский тон отношений, который сразу А. Н. Хвостов усвоил со мною, меня подкупил, и поэтому я согласился принять на себя некоторые обязанности, которые я, если бы хорошо знал его ранее, как узнал впоследствии, ни за что не принял.

С намеченною нами программой и со знанием, ему подсказанным, некоторых сторон характера государя, А. Н. Хвостов представился его величеству и получил вместе с портфелем министерства и утверждение его программы, от которой, правда, он впоследствии отказался, частью по независящим от него обстоятельствам, а частью в силу отличительных свойств своего характера. Первые дни и первые месяцы я был

---

* Въ виду исключительнаго интереса и значенія, какое имѣютъ воспоминанія С. П. Бѣлецкаго для характеристики послѣднихъ мѣсяцевъ царскаго режима, воспроизводимъ ихъ изъ Петербургскаго журнала «Былое», за границей почти недоступнаго.

С. П. Бѣлецкій, дойдя въ своей служебной карьерѣ до поста директора деп. полиціи, былъ уволенъ тов. мин. вн. дѣлъ Джунковскимъ, не одобрявшимъ провокаторскаго характера дѣятельности департамента полиціи, но засимъ въ 1915 г., въ разгаръ войны, при содѣйствіи Распутина и А. Вырубовой, А. Н. Хвостовъ былъ назначенъ министромъ вн. дѣлъ, а С. П. Бѣлецкій его товарищемъ. Къ этому періоду и относятся печатаемыя воспоминанія, которыя находятъ свое дополненіе въ слѣдующей за ними записи бесѣды І. В. Гессена и М. А. Суворина съ А. Н. Хвостовымъ. Послѣ увольненія отъ должности Бѣлецкому удалось сохранить хорошія отношенія съ Распутинымъ и продолжать играть за кулисами видную роль.

с ним неразлучен, пока не состоялись некоторые, на мой взгляд, неудачные назначения по министерству и не последовало моего разочарования в самом министре. Поэтому, мне пришлось в первое время принимать иногда даже и широкое участие в работах общего характера, не относящихся к сфере деятельности порученного моему наблюдению департамента полиции и штаба корпуса жандармов, и, в силу некоторых соображений, о коих я скажу впоследствии, принимать также просителей, имевших ту или иную просьбу к министру, а также и участвовать вместо него зачастую в заседаниях совета министров. Единственно, что с начала до конца нашей совместной службы взял на себя А. Н. Хвостов, это – сношение с Госуд. Думой и выступления в бюджетной комиссии, а также, по моей просьбе, переговоры и руководительство правыми организациями и сношения с Марковым 2 и Г. Замысловским по вопросам общепартийного направления. Таков порядок был и при А. А. Макарове и Н. А. Маклакове в бытность их на посту министра вн. дел. Я только выдавал, если то требовалось министрами, соответствующие суммы, поддерживая хорошие отношения с правыми деятелями. Затем А. Н. Хвостов, по назначении г. Гурлянда директором-распорядителем осведомительного бюро, взял на себя также и наблюдение за прессою.

Время, в которое мне пришлось состоять в должности товарища министра, было переходное. Война затянулась, надежды на скорое и победоносное окончание ее несколько затуманились, патриотический порыв поостыл, частые наборы влекли за собою некоторое раздражение в народных кругах; расстройство транспорта и падение рубля отразились, в связи с причинами политико-экономического свойства, на недостатках в крупных центрах предметов первой необходимости; кое-где начались бабьи голодные бунты, пораженческое движение в рабочей среде увеличилось, недовольство мероприятиями правительства усилило оппозиционное настроение больших общественных кругов, антидинастическое движение начало просачиваться в народные массы даже в таких местах, где и нельзя было ранее предполагать, как, напр., в области Войска Донского и пр. В виду этого программа А. Н. Хвостова сводилось к стремлению усилить, с одной стороны, наблюдение за революционными организациями, не внося излишнего раздражения постоянными и массовыми арестами, зорко и неустанно следить за общественным движением, стараясь, по возможности, излишним стеснением свободы их деятельности не раздражать общественных кругов, наладить, по возможности, отношения с прессою, а с другой – усилить и широко распространять в массах патриотические издания, обрисовывающие царственные труды на войне государя и наследника и августейшие заботы государыни Александры Феодоровны, как по уходу за ранеными, так, главным образом, по верховному совету в сфере обеспечения участи и дальнейшей судьбы жертв долга и их семей, а также по созданному ею по докладу А. Н. Хвостова комитету по заботам о наших военнопленных за границею (где товарищем был кн. Голицын, впоследствии председатель совета); распространять среди рабочих издания о роли рабочей массы по снабжению боевыми припасами нашей армии, внести порядок в вопросе о заботах о беженцах, стремиться помочь беднейшему населению в получении в крупных центрах, главным образом, в столицах, предметов первой необходимости, усилить надзор за немецким засилием и переходом немецкой земли в руки русских подданных (отражение речи А. Н. Хвостова в Госуд. Думе по этому вопросу), не стеснять излишними формальностями получение учащейся молодежью свидетельств о благонадежности и т. п.

Во время моего нахождения на посту товарища министра мне пришлось очень близко войти в соприкосновение и особо считаться с влиянием покойного старца крестьянина с. Покровского, Тюменского у., Тобольской губ., Распутина, переменившего впоследствии свою фамилию, с соответствующего разрешения, на «Новых». Так

как я свои сношения с ним и с его большой почитательницей А. А. Вырубовой продолжал до смерти Распутина, а с А. А. Вырубовой не прерывал знакомства до последних дней (до заболевания ее корью), то я свою исповедь разобью на три периода и начну со времени моего директорства.

До назначения моего директором, когда я был вице-директором при П. А. Столыпине, мне не пришлось ни в служебной, ни в частной моей жизни сталкиваться с Распутиным, но в этот период его имя начало просачиваться в средние круги петроградского общества, так как он был принят во дворце великого князя Николая Николаевича его супругою и им самим, бывал в великосветских гостиных, был близок к семье гр. С. Ю. Витте, — которого он до конца своей жизни вспоминал с особой теплотой, и которого он при жизни графа, как он мне сам говорил, неоднократно хвалил в высоких сферах, мечтал об обратном его возвращении к власти, и познакомил уже с А. А. Вырубовой. В первых шагах Распутина в Петрограде, кроме ректора академии еп. Феофана, разочаровавшегося в нем впоследствии, и тех великосветских кружков, которые интересовались церковными вопросами, куда его ввел еп. Феофан, особую поддержку ему оказывал и предоставлял ему у себя жить, Г. П. Сазонов, охладивший свои отношения к нему впоследствии, когда Распутин изменил свой образ жизни.

Наблюдение за Распутиным в это время, т. е. при П. А. Столыпине, вел П. Г. Курлов, товарищ министра внутренних дел. В чем оно выразилось, следов в департаменте полиции не осталось, но, со слов Распутина, я знаю, что последний с того времени знаком с П. Г. Курловым. При А. А. Макарове*, когда я вступил в должность директора и до моего оставления этой должности, я лично также с ним знаком не был, как и А. А. Макаров, и Золотарев** избегали возможности с ним познакомиться и не желали этого и впоследствии. Что касается Н. А. Маклакова*** и генерала Джунковского[1], то Н. А. Маклаков был в хороших отношениях с Распутиным; не знаю, как он познакомился, но думаю, что через покойного кн. Мещерского[2], знавшего Распутина и относившегося к нему с почтением еще тогда, когда он не был вхож во дворец. Джунковский же, с первых своих шагов по вступлении, относился к нему отрицательно-демонстративно, несмотря даже на то, что к концу моего директорства влияние Распутина можно было считать прочно установившимся.

Выступление А. И. Гучкова с кафедры Государственной Думы по поводу влияния Распутина повлекло за собою: 1. принятие мер к охране его личности, в силу полученных указаний свыше министром А. А. Макаровым, 2. воспрещение помещения в прессе статей о нем и 3. наблюдение за Гучковым, которое потом мною, при назначении генерала Джунковского, было снято. Вместе с тем А. А. Макаровым было предложено мне и несение охраны жизни Распутина. В силу этого мною с полковником Коттеном[3] был выработан план охраны, сводившийся к командированию развитых и конспиративных филеров, коим было поручено, кроме охраны Распутина, тщательно наблюдать за его жизнью и вести подробный филерский дневник, который к моменту оставления мною должности представлял собой в сделанной сводке с выяснением лиц, входивших в соприкосновение с Распутиным, весьма интересный материал к обрисовке его, немного односторонне, не личности, а жизни. Затем, в село Покровское был командирован филер на постоянное жительство, но не для охраны,

* Министр внутренних дел после смерти П. А. Столыпина.

** Товарищ министра внутренних дел, б. прокурор палаты, сменивший П. Г. Курлова.

*** Министр внутренних дел, преемник А. А. Макарова.

[1] Товарищ министра внутренних дел и командир отдельного корпуса жандармов.

[2] Редактор-издатель «Гражданина».

[3] Начальник Петербургского охранного отделения.

так как таковая из постоянных при Распутине филеров, в несколько уменьшенном только составе, его сопровождала и не оставляла его и при поездках, а для «освещения», ибо на месте, как выяснилось, агентуры завести нельзя было.

Такая система двойственного наблюдения продолжалась до моего ухода.

Сведения о Распутине докладывались Коттеном министрам, товарищам и мне, а то, что поступало в письменной форме, я держал у себя, – в служебном кабинете, не сдавая в департамент, и, при уходе, в форме дела оставил в несгораемом шкафу, внеся его в опись, представленную мною Н. А. Маклакову, но на другой день, по требованию Маклакова, в числе нескольких других дел, его заинтересовавших, сдал ему и это дело.

Председатель совета министров В. Н. Коковцов очень интересовался личностью Распутина, и я ему о нем докладывал неоднократно, так как он хотел положить конец его влиянию путем доклада о нем государю, о чем я слышал не только от самого В. Н. Кокоцова, но и потом от А. А. Макарова, но не знаю, докладывал ли он. Впоследствии от Распутина я слышал, что он, незадолго до ухода Коковцова с своего поста, виделся с В. Н. Коковцовым и убеждал его уничтожить винную монополию, о чем Распутин неоднократно, по его словам, говорил государю, и давал понять В. Н. Коковцову, что это будет стоить ему его поста; насколько это правильно, я не знаю, так как против В. Н. Коковцова были в ту пору настроены некоторые из влиятельных членов кабинета (Н. А. Маклаков, И. Г. Щегловитов* и В. А. Сухомлинов**), а также и кн. Мещерский, и генерал Богданович***. По уходе своем В. Н. Коковцов виделся с Распутиным на квартире кн. Андронникова, но особого примирения, по словам князя, между ними не произошло.

Я в ту пору тяготел к кружку покойного ген. Богдановича, с содержанием писем которого, вызвавших даже к нему одно время немилость и направленных против Распутина, я был знаком, так как давал ему и материалы из жизни Распутина за этот период времени. Докладывал-ли А. А. Макаров государю в подробностях о Распутине, я не знаю, но только заявляю, что часть найденных писем к Распутину от государыни, кои были у Илиодора, были добыты при посредстве г-жи Карабович из Вильны Замысловским, а также одним казачьим офицером и переданы А. А. Макаровым государю, что и послужило причиною гнева на Макарова со стороны государыни, не пожелавшей даже принять его, когда он, спустя продолжительное время, был приглашен Б. В. Штюрмером в кабинет на пост министра юстиции, – и имело также свое значение и в отношении к уходу его снова в Государственный Совет. Н. А. Маклаков, хотя и знал мое и генерала Джунковского отношение к Распутину и то, что я снабжал Богдановича сведениями о нем, тем не менее ни разу не сделал мне указаний о прекращении снабжения этими сведениями Богдановича, быть может, потому, что не желал обидеть Богдановича, искренно к нему расположенного.

В последние месяцы моего директорства при Н. А. Маклакове, когда августейшая семья находилась в Ливадии, и Распутин был вызван в Ялту, от Ялтинского градоначальника, покойного генерала Думбадзе, следовавшего особым распоряжениям государя и бывшего под большим воздействием генерала Богдановича, который протежировал Думбадзе, мною была получена шифрованная телеграмма с надписью «лично» приблизительно следующего содержания: «Разрешите мне избавиться от Распутина во время его переезда на катере из Севастополя в Ялту».

---

* Министр юстиции.

** Военный министр.

*** Придворный «литератор», автор монархических брошюр, листовок и воззваний.

Расшифровал эту телеграмму работавший в секретарской части департамента А. Н. Митрофанов; посылая мне на квартиру дешифровку, он предупредил меня по телефону, что телеграмма интересная. Я, подписав препроводительный бланк, послал ее срочно с надписью: «в собственные руки Н. А. Маклакову» и затем по особому для разговоров только с министром телефону, спросил его, не последует ли каких либо его распоряжений, но он мне ответил, что «нет, я сам». Какие были посланы указания Думбадзе и были ли посланы, я не знаю, но проезд в сопровождении филеров, состоялся без всяких осложнений. Этой телеграммы в деле нет, так как Н. А. Маклаков мне ее не возвратил, а Митрофанов, по расшифровке и скрепе, порвал подлинник, так это делалось в департаменте с шифрованными телеграммами*.

Сводка филерских наблюдений над жизнью Распутина, в общих чертах, рисовала отрицательные стороны его характера, сводившиеся к начавшейся уже тогда его наклонности к пьянству и его эротическим похождениям. В бытность мою сенатором, ко мне, в конце 1914 года, обратился через посредство своего управляющего хозяйственною частью дворца, полковника Балинского, великий князь Николай Николаевич, жена которого и он сам перестали уже принимать Распутина, с просьбой, не могу ли я дать сведения о порочных наклонностях Распутина, так как, по словам полковника Балинского, великий князь решил определенно поговорить с государем об удалении Распутина из Петрограда. Сведения эти я дал, черпая материал из имевшейся у меня лично на руках сводки. Впоследствии уже я узнал, что великий князь свое желание осуществил, и Распутин до конца своей жизни, что я сам слышал, не мог этого простить великому князю, причем пред уходом великого князя на Кавказ, с чьих только слов, не знаю, — он утверждал, что великий князь мечтает о короне.

Затем, — как я проверил впоследствии у самого Распутина, — генерал Джунковский, незадолго до своего ухода, пользуясь исходатайствованным для него еще Н. А. Маклаковым правом непосредственных докладов по штабу и к высочайшим проездам государя, воспользовавшись также полученными им из Москвы сведениями о недостойном в опьянении поведении Распутина в ложе ресторана «Яр», докладывал их государю в связи с общей его характеристикой. Доклад этот, как мне говорил сам Распутин, вызвал сильный на него гнев государя, — таким Распутин никогда до того даже и не видел государя. Но, по словам Распутина, он в свое оправдание говорил, что он, как и все люди, грешен, — не святой. По словам Распутина, государь после этого долго его не пускал к себе на глаза, и поэтому Распутин не мог слышать или говорить спокойно о генерале Джунковском до конца своей жизни.

Правда, потом генерал Адрианов, после немецкого погрома в Москве ушедший с должности градоначальника, находясь под сенаторским расследованием, — после свидания с Распутиным в Петрограде, — лично и затем в письменном изложении, передал через меня А. А. Вырубовой заявление, что никакой, по лично им произведенному расследованию, неблагопристойности Распутин не производил у «Яра». В это время шел разговор об оставлении генерала Адрианова в свите, и он был вызван гр. Фредериксом в Петроград. В свите затем он был оставлен, но, когда, значительно

* Я потом не спрашивал Маклакова, что он ответил на телеграмму. Я припоминаю, когда я был после оставления должности товарища министра в Ялте (мне и Хвостову было приказано раз'ехаться; Хвостов уехал в деревню, а я в Ялту), я спрашивал полковника Троцкого, говорил ли ему что нибудь Думбадзе про убийство во время морского переезда. Он сказал, что нет, но заметил, что вообще у Думбадзе были планы покончить с Распутиным, но планы заоблачного характера. Есть скала, на которой построен купцом из Москвы железный замок, стоящий над Ялтой. Думбадзе думал туда привести Распутина, чтобы оттуда сбросить его или вообще сделать какое нибудь разбойное нападение, но все это осталось в области предположений, и Думбадзе в этом отношении ничего не предпринимал.

позднее уже, — по окончании расследования, генерал Адрианов, при министре внутренних дел Протопопове, приехал в Петроград, чтобы представить министру юстиции свою об'яснительную записку перед слушанием дела в сенате, и был у меня с просьбой сказать за него несколько слов А. А. Макарову, для чего даже и оставил один экземпляр записки, — то он имел в виду передать через Распутина экземпляр и государю. Но, как мне говорил ген. Адрианов, Распутин отказался его принять. Когда я, при встрече, спросил Распутина, почему он не захотел повидаться с ген. Адриановым, то он ответил, что все-таки ген. Адрианов, хотя и дал другое показание, но ему нужно было бы в свое время, когда он был градоначальником, посмотреть, что такое полиция о нем писала ген. Джунковскому.

ГЛАВА II.

Князь Андронников. — Его «записки» в высшем свете. — Планы кн. Андронникова. — Епископ Варнава. — Личное знакомство С. П. Белецкого с Распутиным и А. А. Вырубовой. — Кандидатура А. Н. Хвостова на пост министра внутренних дел.

В промежуток этого времени я не прерывал своих отношений с кн. Андронниковым, хорошо установившихся со времен министерства А. А. Макарова, когда я впервые с ним познакомился. Я часто бывал у него, он также вечером заезжал ко мне, и от него я слышал всегда много интересных новостей из придворных и министерских сфер, так как он имел широкий круг влиятельных знакомцев и бывал у гр. Фредерикса, Воейкова, у большинства министров, у председателя совета Горемыкина, имел знакомых при великокняжеских дворах, знал много директоров департаментов почти всех министерств и других чинов из министерств, которые считались с его влиянием у министров, боялись вооружать его чем-либо, поддерживали с ним лучшие отношения и старались исполнить его просьбы, предпочитая его иметь лучше своим хорошим знакомым, чем сильным и опасным врагом. Я, в сущности говоря, в ту пору на него смотрел, как на человека, который поразительно мог проникнуть к каждому министру. Эта у него идет красною нитью во всей его жизни. Он даже надевал красную рубаху и пахал перед государем. Он много ездил и всегда с портфелем. Плеве интересовался этим портфелем и наблюдал за ним. В конце концов этот портфель схватили, но там ничего не оказалось, кроме газет. Он всегда старался делать вид человека делового. Его в «Новом Времени» и в «Вечернем Времени» описывали в замаскированном виде, как тип... Андронников старался проникнуть в торгово-промышленные сферы... Я могу сказать, что не было в истории прошлого периода таких моментов, чтобы Андронников не проводил кого-нибудь в министры под тем или другим предлогом... Средств и имений он не имел, потому что был из обедневшей семьи, — а трен его жизни был очень широк. Временами у него были большие деньги, временами был без денег, и его поддерживали знакомые...

Его записки были интересны. Он их представлял Марии Федоровне, государю и государыне... Во всех министерских назначениях он безусловно имел громадное значение... Он бывал у управляющего двором Марии Федоровны Шервашидзе... Он в этот период был занят доведенной им затем до конца крупной финансовой операцией по покупке, при содействии военного министра Сухомлинова, на акционерных началах в Бухаре и Хиве больших земельных площадей, прилегающих к речным артериям. Ко мне он был искренно в ту пору расположен, так как во времена моего директорства у него никаких дел в департаменте полиции не было, и он только пользовался бесплатными проездными билетами на пред'явителя. При генерале Джунковском, кото-

рого кн. Андронников знает по пажескому корпусу, в силу отрицательного отношения к Андронникову Н. А. Маклакова, и под влиянием просьб к Маклакову со стороны военного министра Сухомлинова, с которым в ту пору, после продолжительной и неразрывной дружбы кн. Андронников разошелся и повел борьбу, – последовало увольнение кн. Андронникова от должности причисленного к министерству внутренних дел чиновника, дававшей кн. Андронникову, некоторым образом, официальное положение. Это его сильно задело, и хотя он и был устроен, путем всеподданнейшего доклада обер-прокурора Саблера, на должность чиновника особых поручений при святейшем синоде, но этой обиды не мог забыть Н. А. Маклакову и, где мог, старался подорвать к нему доверие.

В своих «Записках» к гр. Фредериксу для высоких сфер кн. Андронников давал очерк деятельности министров, сообщая те или другие о них сведения, давал обрисовку событий, волновавших Петроград, и т. д. Записки эти были стильно написаны, в большинстве отличным французским языком, иногда зло обрисовывали какие-либо факты из деятельности или жизни тех высших сановников, против коих что-либо имел князь, и прочитывались им тем, кто был противником этих лиц. За этот период времени князь несколько раз писал обо мне, как о человеке, который не был в достаточном отношении использован. Взамен этого я помог ему в выпуске к 50-ти летнему юбилею Горемыкина изящно изданной брошюры – «О государственных заслугах И. Л. Горемыкина», в составлении ему адреса, подписи на котором были собраны кн. Андронниковым.

В конце апреля 1915 г. скончался у меня старший сын. Смерть его сильно нас поразила. По возвращении в Петроград, осенью, кн. Андронников, узнав о моем приезде, первый позвонил ко мне, прося зайти. Когда я пришел к нему, то от него я узнал, что за время моего отсутствия он близко сошелся с Распутиным, проник через него в особое доверие к А. А. Вырубовой, вошел в более лучшие отношения с статс-дамой Нарышкиной, и что предстоят большие перемены в составе кабинета, которые могут повлечь за собою обратное мое возвращение к активной работе, и что почва достаточным образом подготовлена, так как им сделано многое в мою пользу, с условием в будущем действовать с ним солидарно. Когда же я ему сказал, что Распутин, который был в это время на родине у себя, может потом пойти против меня, под влиянием недоверия ко мне за прошлое, и потому, что при оставлении должности моей, когда мне передавали о его желании со мной познакомиться, я тогда, по просьбе жены, от этого отказался, – то Андронников меня успокоил тем, что все уже предусмотрено, и я охотно согласился.

Здесь же я познакомился с тобольским епископом Варнавой, который был у князя во время своей борьбы с Самариным* по поводу канонизации мощей св. Иоанна Тобольского; сойдясь с ним близко, князь помог ему, пользуясь своим знакомством с сотрудниками газет, в печатании статей, освещавших это дело. Узнав затем поближе владыку и поняв многие стороны его души и характера, я искренно относился к нему и все время поддерживал с ним сердечные связи. Мне впоследствии приходилось видеть лиц, предубежденных против него за его связь с Распутиным, которые, познакомившись ближе с ним, резко переменили свое к нему отношение. Я не хочу этим сказать, что он не имел своих недостатков, но они поглощались очень многими хорошими его качествами. Выйдя из простой среды, не получив даже и среднего образования, он обладал от природы пытливым умом, наблюдательностью; хорошо ознакомившись, подобно старообрядческому начетнику, со священным писанием и догмою,

* Обер-прокурор святейшего синода.

он не потерял связи с народом, знал, что нужно его пастве и его жизни. Образные собеседования его с народом влекли к нему сердца. Его незлобие и отношение к иноверцам создали ему на месте его служения глубокое к нему почитание со стороны последних. Его народный говор, уснащенный народными поговорками и умело примененными текстами св. писания и примерами из жизни святых, давали особый интерес в собеседовании с ним.

Этим об'ясняется его умиротворяющее влияние в высоких сферах, где он тонко, дипломатично парализовал, не задевая Распутина, влияние последнего, что чувствовал Распутин. Вследствие этого, при мне уже можно было наблюдать, что приезды еп. Варнавы нервировали Распутина; он подозрительно относился к нему, старался причинить ему затруднения в приемах в высоких сферах и всячески противодействовать сильному стремлению еп. Варнавы уйти из Тобольской епархии на север. Но не могу умолчать, что, сделавши ту или другую владыке неприятность, Распутин через некоторое время старался чем-либо исправить ее. Так, например, даваемое обычно архиепископство при открытии мощей в епархии было заменено очередной звездой, но через промежуток времени, по настойчивым просьбам Распутина, владыке, без его о том напоминания, было пожаловано архиепископство.

По моему и князя Андронникова совету, владыка, в интересах своего дела, в исполнение воли синода, не представился государю и выехал из Петрограда, так как, по сведениям кн. Андронникова, коему Самарин к тому времени предложил официально подать прошение об увольнении, Самарин был в числе лиц, кои должны были уйти из кабинета И. Л. Горемыкина. Но владыка уехал не в свою епархию, а сперва на родину, — в одну из северных губерний, — а затем в Москву, где и остался, поддерживая сношения с князем Андронниковым через своего близкого человека, архимандрита Леонида (много, между прочим, вредившего ему в деле управления епархии) в ожидании нового назначения обер-прокурора и в виду скорого приезда Распутина из Покровского, зная, что в данном деле этот последний ему поможет, так как назначение Самарина обер-прокурором состоялось неожиданно для Распутина. Самарина Распутин не знал, но знал, что последний к нему относился отрицательно и что свящ. Востоков, публично выступавший против Распутина, состоял воспитателем по Закону Божьему детей Самарина.

К этому времени я уже познакомился с Распутиным, секретно от жены, в конце 1915 г. в квартире кн. Андронникова и несколько раз с ним там виделся. Был два раза у него на квартире по Гороховой ул. По воскресеньям туда, после обедни, приезжала А. А. Вырубова пить чай в небольшом кружке избранных Распутиным лиц, и здесь я познакомился с А. А. Вырубовой. Распутин тоже был у меня один раз, когда я, воспользовавшись от'ездом жены из Петрограда в Москву к матери, и тем, что дети были в церкви на вечерней службе, пригласил его к себе на чай; но тем не менее отношения эти не были в ту пору тесными, так как и он, и я, и А. А. Вырубова друг к другу приглядывались. Мне было неловко чувствовать, что они понимают цель моего сближения, так как им тоже в это время было известно, что я до того не был сторонником Распутина и давал о нем сведения Богдановичу и великому князю Николаю Николаевичу. Единственно, что их примиряло со мною, это то, что в мое время жизнь Распутина была в безопасности, так как покушение на него, устроенное по инициативе Илиодора, случилось уже после моего ухода при генерале Джунковском.

Когда Андронников мне передал о предстоящих переменах, то под строгим секретом он мне сообщил, что им еще задолго до этого, с лета, уже выставлена кандидатура А. Н. Хвостова, которого он сблизил и с дворцовым комендантом Дедюлиным, и с

А. А. Вырубовой; что А. Н. Хвостов уже был вызываем во дворец государыней, произвел самое лучшее на нее впечатление, и что теперь подготовляется благоприятная для него почва к приему у государя, что, по всему, успех назначения обеспечен*, и что это делается очень тонко, — так, что даже Горемыкин не посвящен в это назначение, так как это назначение, как он думает, могло бы встретить противодействие со стороны Горемыкина, имевшего своего кандидата**, к провалу которого, путем сообщения о нем некоторых сведений, приняты уже им, кн. Андронниковым, меры и что А. Н. Хвостов, который раньше ко мне относился, будучи губернатором, несколько предубежденно, теперь, под влиянием его, князя, рад будет совместному служению со мною. На другой день было назначено в квартире кн. Андронникова мое свидание с А. Н. Хвостовым, повлекшее за собою ряд ежедневных свиданий, нас тесно сблизивших, и затем состоялась моя совместная поездка к А. А. Вырубовой, — где я встретил доверчивый прием, — и к генералу Воейкову, с которым до этого времени я познакомился через кн. Андронникова и у которого бывал неоднократно.

Эти сведения убедили меня, что кн. Андронников весьма точно передал мне обстановку дела и что вопрос о переменах в кабинете — вопрос самого близкого будущего, и назначение А. Н. Хвостова предопределено, судя по полученным уже из дворца известиям. Действительно, скоро последовал вызов Хвостова к государю, особо милостивый прием с воспоминанием о его прошлой службе, сообщение о том, что его назначение состоится на днях, и согласие на проведение преднамеченной А. Н. Хвостовым программы в исполнение. До опубликования указа дело было в большом секрете, но Андронников познакомил тогда и Горемыкина с положением дела и с совершившимся фактом и, пользуясь своим сильным на него влиянием, убедил его не противодействовать, так как это ничего не изменит, добавив, что А. Н. Хвостов будет в будущем считаться с его, Горемыкина, желаниями, тем более, что Горемыкин может всегда воздействовать на А. Н. Хвостова, через особо близкого к себе человека, министра юстиции А. А. Хвостова. Поэтому, кн. Андронников просил его принять А. Н. Хвостова.

Против моего назначения И. Л. Горемыкин ничего не имел, так как я часто бывал у него, и он относился ко мне хорошо. А. Н. Хвостов был у Горемыкина, и тот обещал ему не противодействовать его назначению, если ему не будет предоставлено выбора. Я тоже был у Горемыкина после назначения А. Н. Хвостова, и было условлено, в случае моего назначения, что я его буду держать в курсе дел, с ведома министра, о чем он ему и заявил, докладами о настроении России. Это мною в точности было исполнено вплоть до доклада ему о предстоящей смене его, Горемыкина, и назначении на его место Штюрмера, чему Горемыкин не поверил, — настолько это было для него неожиданно.

Штюрмер упорно в это время бывал у Горемыкина в течение недели с женой. Это была самая тесная дружба. И в то же время Штюрмер вел переговоры с Распутиным и Вырубовой, и должно было состояться его назначение. Штюрмер приезжал к нему в тот-же самый день, когда должно было состояться его назначение на должность председателя совета министров. Я знал об этом. Я приехал к Горемыкину, к которому я питал уважение, как бывший крестьянский деятель, воспитанный на крестьянских законах и раз'яснениях его, и сказал: «Вы мне не верите, но сегодня поезжайте на вокзал. Штюрмер, одетый в мундир, будет ехать к государю». — «Это

* Назначение Штюрмера проходило тем же порядком.
** Статс-секретаря Крыжановского.

он едет по другому делу, он мне говорил, по делу обер-прокурора св. синода. Я сегодня буду у государя». И такой самодовольный! И он, действительно, был у государя, просидел у него 20 минут и вернулся оттуда уже не председателем. Увидя его, я сказал: «Я был прав, зачем вы не послушались»... Про назначение я знал от Манасевича и из филерских наблюдений о том, где был Распутин, где был Штюрмер и где были свидания с ним... Они виделись на второй квартире Распутина, у Лерма, Басейная 35... Горемыкин был тоже близок с Распутиным. Распутин проводил его канцлером.

Как только назначение А. Н. Хвостова состоялось, на первом докладе его, как министра, было им испрошено согласие у государя на мое назначение, и до опубликования указа я официально не вступал в должность, но фактически уже приступил к ознакомлению с делами, так как безотлучное мое нахождение при А. Н. Хвостове, который мало знал состав министерства и обстановку министерского обихода, само собой ясно подчеркивало близость моего назначения.

ГЛАВА III.

Общая характеристика Распутина. – Его прошлое. – В мире странников и в монашеской среде. – «Гриша-провидец». – Епископ Феофан, богоискательские кружки и дворец великого князя Николая Николаевича. – Распутин и Николай II-ой. – Уроки магнетизирования. – «Воскрешение из мертвых» Вырубовой. – Значение его для последующего влияния Распутина. – Разочарование Вырубовой. – Распутин накануне смерти. – Предчувствия Распутина. – Поклонницы Распутина после его смерти. – Мечты Распутина скрыться от мира. – Распутин и хлыстовщина. – Распутин и православие. – Основные черты его характера. – Судьба распутинцев.

Я лично близко подошел к Распутину уже тогда, когда его положение во дворце и сила его влияния на августейших особ настолько упрочились, что он считал себя как бы неот'емлемо связанным с высочайшею семьею узами средостения не только в личной жизни их величеств, но и в сфере государственного правления. При этом надо иметь в виду и то обстоятельство, что если Распутин в редких случаях когда-либо и касался этого вопроса, то он всегда высказывался по этому поводу в самых неопределенных формах; что же касается А. А. Вырубовой, то она никогда в разговорах со мною или в моем присутствии не приподнимала завесы над этою тайною. Но, наблюдая за Распутиным с 1912 г. с некоторыми перерывами, я лично пришел к следующим о нем выводам.

Распутин обладал недюжинным природным умом практически смотрящего на жизнь сибирского крестьянина, который помог ему наметить свой жизненный идеал, как только он начал ясно отдавать себе отчет в необходимости улучшить свои жизненые условия. В обстановке обихода своей крестьянской семьи Распутин этой возможности не видел, тем более, что тяжелый и упорный труд земледельца его, привыкшего с ранних лет к праздношатанию по монастырям, к себе не привлекал. Поэтому Распутин пошел по пути своих склонностей, которые в нем развились под влиянием общения его во время странствований с миром странников и с монашеской средой. Общение это дало Распутину зачатки грамотности и своеобразное богословское образование, приноровленное к умению применять его к жизненному обиходу, расширило его взгляд на жизнь, развило в нем любознательность и критику, выработало в нем чутье физиономиста, умевшего распознавать слабости и особенности человеческой натуры и играть на них, и само по себе повело его по тому пути, который растворял пред ним страдающую женскую душу. Сильно чувствуя в себе с юных

лет человека с большим уклоном к болезненно-порочным наклонностям своей натуры, Распутин ясно отдавал себе отчет в том, что узкая сфера монастырской жизни, в случае поступления его в монастырь, в скорости выбросила бы его из своей среды, и поэтому он решил пойти в сторону, наиболее его лично удовлетворявшую — в тот мир видимых святош, странников и юродивых, который он изучил с ранних лет в совершенстве.

Очутившись в этой среде в сознательную уже пору своей жизни, Распутин, игнорируя насмешки и осуждения односельчан, явился уже, как «Гриша провидец», ярким и страстным представителем этого типа, в настоящем народном стиле, будучи разом и невежественным и красноречивым, и лицемером и фанатиком, и святым и грешником, аскетом и бабником, и в каждую минуту актером, возбуждая в себе любопытство и в то же время приобретая несомненное влияние и громадный успех, выработавши в себе ту пытливость и тонкую психологию, которая граничит почти с прозорливостью.

Заинтересовав собою некоторых видных иерархов с аскетическою складкою духовного мировоззрения и заручившись их благорасположением к себе, Распутин, под покровом епископской мантии владыки Феофана, проник в петроградские великосветские духовные кружки, народившиеся в последнее время в пору богоискательства, и здесь сумел быстро приспособиться и ориентироваться в чуждой ему до того новой среде, стремившейся вернуться к старомосковским симпатиям, но слабой духом и волею; оценил всю выгоду своего положения и, применив и к этой среде усвоенный им метод влияния, заставил остановить на себе внимание влиятельных представительниц этих салонов и заинтересовать своею личностью великого князя Николая Николаевича. Дворец вел. кн. Николая Николаевича для Распутина явился милостью, брошенной пророком Илией своему ученику Елисею, привлекшей внимание к нему высочайших особ, чем Распутин и воспользовался, несмотря на наложенный на него в этом отношении запрет со стороны вел. князя, после того, как его высочество, поближе ознакомившись с Распутиным, разгадал в нем дерзкого авантюриста. Войдя в высочайший дворец при поддержке разных лиц, в том числе покойных гр. С. Ю. Витте и кн. Мещерского, возлагавших на него свои надежды с точки зрения своего влияния в высших сферах, Распутин, — пользуясь всеобщим бесстрашием, основанным на кротости государя, ознакомленный своими милостивцами с особенностями склада мистически настроенной натуры государя, во многом по характеру своему напоминавшего своего предка Александра I, — до тонкости изучил все изгибы душевных и волевых наклонностей государя, сумел укрепить веру в свою прозорливость, связав со своим предсказанием рождение наследника и закрепив на почве болезненного недуга его высочества свое влияние на государя путем внушения уверенности, все время поддерживаемой в его величестве болезненно к тому настроенной государыней, в том, что только в одном нем, Распутине, и сосредоточены таинственные флюиды, врачующие недуг наследника и сохраняющие жизнь его высочества, и что он как бы послан провидением на благо и счастье августейшей семье. В конце концов Распутин настолько даже сам в этой мысли укрепился, что он мне несколько раз с убежденностью повторял, что «если меня около них не будет, то и их не будет», и на свои отношения к царской семье он смотрел, как на родственную связь, называя на словах и в письмах своих к высочайшим особам государя «папой», а государыню «мамой».

В обществе моего времени ходило много легенд о демонизме Распутина, причем сам Распутин не старался никогда разубеждать в этом тех, кто ему об этом передавал или к нему с этим вопросом обращался, большей частью отделываясь многозначительным молчанием. Эти слухи поддерживались отчасти особенностями нервности всей его подвижной жилистой фигуры, аскетической складкою его лица и глубоко впав-

шими глазами, острыми, пронизывавшими и как бы проникавшими внутрь своего собеседника, заставлявшими многих верить в проходившую через них силу его гипнотического внушения.

Когда я был директором департамента полиции, то в конце 1913 г., наблюдая за перепискою лиц, приближавшихся к Распутину, я имел в своих руках несколько писем одного из петроградских магнетизеров к своей даме сердца, жившей в Самаре, которые свидетельствовали о больших надеждах, возлагаемых этим гипнотизером, лично для своего материального благополучия, на Распутина, бравшего у него уроки гипноза и подававшего, по словам этого лица, большие надежды в силу наличия у Распутина сильной воли и умения ее в себе сконцентрировать. В виду этого, я, собрав более подробные сведения о гипнотизере, принадлежавшем к типу аферистов, спугнул его, и он быстро выехал из Петрограда. Продолжал ли после этого Распутин брать уроки гипноза у кого-либо другого, я не знаю, так как я в скорости оставил службу и, при обратном моем возвращении в министерство внутренних дел, проследка за Распутиным этих данных мне не давала. Но в этот последний мой служебный период при одном из моих разговоров с Распутиным об А. А. Вырубовой, когда я касался железнодорожной катастрофы (между Петроградом и Царским Селом), жертвой которой явилась А. А. Вырубова, Распутин с большими подробностями и с видимой откровенностью рассказал мне, что своим, по выражению Распутина, воскрешением из мертвых А. А. Вырубова обязана исключительно ему.

По словам Распутина, несчастный случай с А. А. Вырубовой произошел в период сильного гнева на него со стороны государя после одного из первых докладов о нем генерала Джунковского, по оставлении мною должности директора департамента полиции, — и поэтому сношения Распутина с дворцом были временно прекращены. О несчастном случае с А. А. Вырубовой Распутин узнал только на второй день, когда положение А. А. Вырубовой было признано очень серьезным, и она, находясь все время в забытьи, была уже молитвенно напутствована глухой исповедью и причастием святых тайн. Будучи в бредовом горячечном состоянии, не открывая все время глаз, А. А. Вырубова повторяла лишь одну фразу:

— Отец Григорий, помолись за меня!

В виду настроения матери А. А. Вырубовой, решено было Распутина к А. А. Вырубовой не приглашать. Узнав о тяжелом положении А. А. Вырубовой, со слов графини Витте, и не имея в ту пору в своем распоряжении казенного автомобиля, Распутин воспользовался любезно предложенным ему графинею Витте ее автомобилем и прибыл в Царское Село в приемный покой лазарета, куда была доставлена А. А. Вырубова женщиною-врачом этого лазарета княжною Гедройц, оказавшей на месте катастрофы первую медицинскую помощь пострадавшей.

В это время в палате, где лежала А. А. Вырубова, находились государь с государыней, отец А. А. Вырубовой и княжна Гедройц. Войдя в палату без разрешения и ни с кем не здороваясь, Распутин подошел к А. А. Вырубовой, взял ее руку и, упорно смотря на нее, громко и повелительно сказал ей:

— Аннушка! Проснись, погляди на меня!...

И, к общему изумлению всех присутствовавших, А. А. Вырубова открыла глаза и, увидев наклоненное над нею лицо Распутина, улыбнулась и сказала:

— Григорий — это ты? Слава Богу!

Тогда Распутин, обернувшись к присутствовавшим сказал:

— Поправится!

И, шатаясь, вышел в соседнюю комнату, где и упал в обмороке. Придя в себя, Распутин почувствовал большую слабость и заметил, что он был в сильном поту.

Этот рассказ я изложил почти текстуально со слов Распутина, как он мне передавал; проверить правдивость его мне не удалось, так как с княжной Гедройц я не был знаком, и мне не представилось ни разу случая с нею встретиться, чтобы расспросить ее о подробностях этой сцены и о том, не совпал-ли этот момент посещения Распутина А. А. Вырубовой с фазою кризиса в болезненном состоянии г-жи Вырубовой, когда голос близкого ей человека, с которым она душевно сроднилась, ускорил конец бредовых ее явлений и вывел ее из забытья.

Об'ясняя себе таким образом всю картину происшедшего исцеления Распутиным А. А. Вырубовой, я ясно представлял себе, какое глубокое и сильное впечатление эта сцена «воскрешения из мертвых» А. А. Вырубовой Распутиным должна была произвести на душевную психику высочайших особ, воочию убедившихся в наличии таинственных сил благодати Провидения, пребывавшей на Распутине, и упрочить значение и влияние Распутина на августейшую семью. После этого случая А. А. Вырубова, — как мне закончил свой рассказ Распутин, — сделалась ему «дороже всех на свете, даже дороже царей», так как для нее, по словам Распутина, не было той жертвы, которую она не принесла бы по его требованию. Действительно, — как я сам замечал в особенности в последнее время, — Распутин относился к своей августейшей покровительнице без того должного внимания и почтительности, какие следовало бы в нем преполагать за все милости, ему ее величеством оказываемые, по сравнению с А. А. Вырубовой, в которой он видел безропотное отражение своей воли и своих приказаний.

А. А. Вырубова, по натуре своей, была очень религиозна, в чем я сам имел возможность несколько раз убеждаться, но в Распутине, несмотря на то, что она не могла не видеть его некоторых порочных наклонностей, находила твердую опору в своих душевных стремлениях. Когда я был у А. А. Вырубовой утром на другой день после убийства Распутина, до обнаружения его тела, примерзшего ко льду, — как мне передавал потом Протопопов, — еще живым, но находившимся в беспамятстве, брошенного с моста в полынью, то я видел по лицу А. А. Вырубовой, какая сильная душевная борьба происходила в ней от начавшего заползать в ее душу сомнения в отношении Распутина; этого чувства она не скрыла от меня, сказав, что не может допустить мысли, чтобы Распутин не предчувствовал своей смерти и не сказал бы ей об этом, тем более, что в день его убийства она, до прихода А. Д. Протопопова, была вечером в 8 часов у Распутина, и он ей передал, что после Протопопова к нему должен заехать молодой князь Юсупов, чтобы отвезти его к себе в дом к больной своей жене для ее «исцеления». А. А. Вырубовой показалось несколько странным такое позднее приглашение князем Юсуповым к себе Распутина, что она ему и высказала, не зная того, что супруги князя в это время в Петрограде не было, и посоветовала Распутину отказаться от этого приглашения, об'яснив ему, что если кн. Юсупов и его жена стыдятся открыто принять его у себя днем, то ему не для чего унижать себя перед ними и ехать к ним. Передавая об этом, А. А. Вырубова сообщила мне о своем недоумении по поводу того, что Распутин, дав обещание, не последовал затем ее совету, тем более, что она настойчиво указывала ему, что, по ее мнению, в данном случае кроется другая цель, которую преследовал князь Юсупов, приглашая его ночью к себе в гости, так как из слов Распутина она поняла, что кн. Юсупов особенно настаивал на том, чтобы ко времени его заезда за ним у него никого не было из посторонних, хотя бы и близких к Распутину лиц, кроме его домашних; в виду этого она, А. А. Вырубова, узнав на другой день об исчезновении Распутина, сразу невольно поставила это обстоятельство в связь с таинственною обстановкою приглашения Распутина кн. Юсуповым к себе и укрепилась в своем подозрении после получения императрицей в тот же день, без всякого запроса со стороны ее величества,

письма от кн. Юсупова, в котором он, в виду распространившихся в Петрограде слухов о причастности его к исчезновению Распутина, заверял честным словом государыню, что он накануне у Распутина не был, с ним даже по телефону не разговаривал и к себе Распутина не приглашал, между тем как это находилось в полном противоречии с тем, что она лично слышала от Распутина.

Но потом уже Симанович сообщил А. А. Вырубовой, что Распутин за три дня перед своей смертью был грустно настроен, находился в подавленном состоянии и попросил помочь ему советом в деле устройства им денежного вклада на имя дочерей, для чего они вдвоем секретно ездили в банк, куда Распутин и положил для каждой дочери несколько десятков тысяч, бывших у него в ту пору на руках, а затем, по приезде домой, Распутин велел затопить печь и, вместе с Симановичем, несмотря на просьбы старшей дочери, сжег все письма и телеграммы, им полученные как от высочайших особ, так и от А. А. Вырубовой. В день же своего убийства Распутин повеселел, пошел в баню и вечером, после от'езда А. А. Вырубовой, надел лучшую свою новую шелковую верхнюю рубаху и новый костюм и, несмотря на убеждения Симановича никуда без него не ехать, успокоив его, настоял на его уходе, заявив, что он ожидает к себе А. Д. Протопопова. Наконец, в той же мысли, что Распутин как бы предчувствовал свою кончину, укрепил А. А. Вырубову и М. В. Скворцов, сообщив ей, — как мне потом об этом он сам рассказывал, — что, зайдя за день до смерти Распутина к нему на квартиру, он был поражен видом Распутина, лицо которого было землистого цвета и носило уже на себе, по словам Скворцова, печать смерти, причем он застал Распутина в сильно подавленном настроении духа, и ему стоило больших трудов вывести Распутина из его меланхолического настроения и отвлечь от разговоров о смерти. К рассказу В. М. Скворцова, им переданному уже после смерти Распутина, я отнесся несколько скептически, так как, посетив Распутина, по просьбе А. А. Вырубовой, за день или за два дня до его смерти поздно вечером, я не нашел в нем никакой перемены, а, наоборот, видел в нем жизнерадостное настроение, полное удовлетворение по случаю полученного им обещания о назначении на пост министра юстиции Н. А. Добровольского, при посредстве которого он расчитывал добиться окончательного погашения дела генерала Сухомлинова, и большую самонадеянность в том, что его никто не посмеет тронуть — в ответ на мое предупреждение быть осторожным в своих поездках в мало знакомые дома. При последующих затем моих свиданиях с А. А. Вырубовой я не позволил себе подымать разговоров о Распутине и только послал ей в феврале сего (1917) года фотографический снимок с последнего портрета Распутина, нарисованного с него одной из его знакомых художниц для какого-то большого американского иллюстрированного издания.

Что же касается других, искренно веровавших в Распутина его поклонниц, то, после его убийства, среди этих немногих его почитательниц, кроме А. И. Гущиной, серьезно заболевшей после его смерти, почти ни у кого не оставалось прежней веры в его духовную обособленность; в этом мне пришлось убедиться из разговора моего с матерью М. Головиной при встрече с ней в воскресенье на масленой неделе у А. А. Вырубовой, причем г-жа Головина (одна из самых давних почитательниц Распутина) откровенно высказала мне свое разочарование в прозорливости Распутина, в виду непредвидения им такой ужасной своей смерти, так как в последнее время Распутин уверял своих поклонниц, чему я сам раз был свидетелем во время одного из воскресных часов у него на квартире, в июне 1916 г., в присутствии А. А. Вырубовой, — что ему положено на роду еще пять лет пробыть в миру с ними, а после этого он скроется от мира и от всех своих близких и даже семьи в известном только ему одному, намеченном им уже глухом месте, вдали от людей, и там будет спасаться, строго соблюдая устав

древней подвижнической жизни. Это свое намерение Распутин, как я понимал, навряд ли привел-бы в осуществление, даже если бы он и не был убит, так как он довольно глубоко, за последнее время, опустился на дно своей порочной жизни.

Но Распутин ясно, по настроению государя, замечал близость наступления поворота в отношениях к нему со стороны его величества и заранее подготовлял себе почетный отход от дворца, указывая на пятилетний срок, как на то время, когда наступит для наследника юношеский возраст, кладущий преграду гемофилии, внушавшей их величествам постоянную боязнь за жизнь его высочества и связавшей Распутина, в силу приведенных мною причин, с августейшей семьею.

Приобретя в лице А. А. Вырубовой послушную исполнительницу своих желаний и деятельную помощницу в деле укрепления своего влияния и значения во дворце, Распутин дерзко перешагнул черту заповедного ранее для него другого мира, укрепился в новой своей позиции и из Гриши превратился в отца Григория для своих почитательниц и всемогущего Григория Ефимовича для лиц, прибегавших к его заступничеству, влиятельной поддержке, помощи или посредничеству.

В дополнение обрисовки личности Распутина считаю необходимым передать вынесенные мною из разговора с ним и наблюдения за ним свои впечатления относительно религиозной стороны его духовной структуры. Этот вопрос останавливал на себе мое внимание еще в бытность мою директором департамента полиции. Из имевшихся в делах канцелярии обер-прокурора святейшего синода сведений, переданных секретно мне директором канцелярии г. Яцкевичем, несомненым являлся тот вывод, что Распутин был сектант, причем из наблюдения причта села Покровского, родины Распутина, явствовало, что он тяготел к хлыстовщине. Переписка эта своего дальнейшего развития не получила и только повлекла за собою перемену причта и назначение взамен его нового духовенства, которое, благодаря влияниям Распутина, было хорошо обеспечено, пользовалось его поддержкой и покровительством и считало Распутина преданным церкви, вследствие его забот о благолепии и украшении местного храма, благодаря щедрым милостям не только его почитательниц, но и дарам августейшей семьи. Таким образом, официально установить, путем соответствующего расследования, на основании фактических и к тому же проверенных данных, несомненную принадлежность Распутина к этой именно секте не удалось, тем более, что Распутин после этого случая был крайне осторожен, никого из своих односельчан не вводил в интимную обстановку своей жизни во время приездов к нему его почитательниц и филерное наблюдение к себе не приближал. В виду этого я принужден был, секретно даже от филерного отряда и местной администрации и сельских властей, всецело бывших на стороне Распутина, поселить на постоянное жительство в селе Покровском одного из развитых и опытных агентов и приблизить его к причту. Из донесений этого агента, которые он, вследствие дружбы Распутина с местным начальством почтово-телеграфного отделения, посылал окружным путем, для меня было очевидным уклонение Распутина от исповедания православия и несомненное тяготение его к хлыстовщине, но в несколько своеобразной форме понимания им основ этого учения, применительно к своим порочным наклонностям. Проникнуть несколько глубже в тайны его бани мне в ту пору не удалось, так как этого агента, сумевшего уже заручиться и доверием причта и местной интеллигенции, и особым благорасположением к себе Распутина, я должен был, с уходом полковника Коттена из службы по корпусу жандармов, немедленно, во избежание провала, отозвать из Покровского, а затем и я сам в скорости ушел из департамента полиции. Познакомившись затем лично с Распутиным и заручившись доверчивым его к себе вниманием, я, продолжая интересоваться духовным мировоззрением Распутина, укре-

пился в вынесенных мною ранее выводах. Поддерживая в обиходе своей жизни обрядовую сторону православия и безапелляционно высказывая, даже в присутствии иерархов, свои далеко не авторитетные мнения по вопросам догматического характера, Распутин не признавал над своею душою власти той церкви, к которой он себя сопричислял; вопросами обновления православной церковной жизни, к чему его хотел направить г. Папков, не интересовался, а любил вдаваться в дебри церковной схоластической казуистики; православное духовенство не только не уважал, а позволял себе его третировать, никаких духовных авторитетов не ценил даже в среде высшей церковной иерархии, отмежевав себе функции обер-прокурорского надзора, и чувствовал в себе молитвенный экстаз лишь в момент наивысшего удовлетворения своих болезненно-порочных наклонностей, что мною и было засвидетельствовано в свою пору вел. кн. Николаю Николаевичу, на основании точно проверенных данных. Мне лично пришлось, бывая на воскресных завтраках-чаях Распутина в ограниченном кругу избранных, слышать своеобразное об'яснение им своим неофиткам проявления греховности. Распутин считал, что человек, впитывая в себя грязь и порок, этим путем внедрял в свою телесную оболочку те грехи, с которыми он боролся, и тем самым совершал «преображение» своей души, омытой своими грехами.

К той общей характеристике, которую я дал Распутину, мне остается добавить только несколько штрихов для обрисовки его личности. Распутин пренебрежения к себе и обид, ему наносимых, не прощал и никогда не забывал, а мстил за них до жестокости; на людей смотрел только с точки зрения той пользы, которую он мог извлечь из общения с ними в личных для себя интересах; будучи скрытным, подозрительным и неискренним, он тем не менее требовал от окружавших его безусловной с ним искренности, и фальши в отношении себя не допускал; помогая кому-нибудь, он затем стремился поработить того, кому он был полезен; в своих выводах и решениях отличался упрямством и трудно поддавался переубеждению, идя на уступки лишь в тех только случаях, когда это отвечало его интересам; в своих домогательствах и в желаниях отличался поразительной настойчивостью и до той поры не успокаивался, пока не осуществлял их, умея носить на лице и в голосе маску лицемерия и простодушия, вводил этим в заблуждение тех, кто, не зная его (а таких было много, в особенности из состава правившей бюрократии), мечтали сделать из него послушное орудие для своих влияний на высокие сферы. Присматриваясь к судьбе тех лиц, которые искали в Распутине той или иной поддержки, я видел или печальный исход влияния на них Распутина и всей окружавшей его порочной обстановки, или фатальный для них позор, как последствие сближения их с Распутиным, но не в силу демонизма Распутина, а, главным образом, вследствие свойства тех побуждений, которые толкали их итти к Распутину и заставляли затем поступаться многим, в ущерб своей чести и достоинству, в исполнении желаний или, лучше сказать, требований Распутина.

ГЛАВА IV.

Планы сношений с Распутиным А. Н. Хвостова, С. П. Белецкого и кн. Андронникова. – Кн. Андронников и государственная измена; наблюдение за ним. – Сухомлинов и кн. Андронников. – Первый обед с Распутиным. – Начало интриги против обер-прокурора синода Самарина. – Волжин – кандидат на этот пост. – Интрига против Саблера. – Имябожцы. – Инцидент с епископом Варнавой в связи с открытием мощей св. Иоанна Тобольского. – Доклад А. Н. Хвостова государю о Волжине и прием его Николаем II-м. – Ликвидация инцидента с еп. Варнавой.

Сейчас же по опубликовании высочайших указов о назначении А. Н. Хвостова министром внутренних дел, а меня – его товарищем, были получены сведения о

выезде из с. Покровского Григория Распутина. В виду этого между мною, А. Н. Хвостовым и кн. Андронниковым состоялось соглашение относительно плана наших будущих отношений к Распутину. План этот видоизменился с его приездом в Петроград, потому что оказалось, что никто из нас, даже кн. Андронников, тесно сблизившийся с Распутиным, так же, как и епископ Варнава с приближенными ему лицами из духовенства тобольской епархии, не знали многих сторон его характера и не учли многих сторон его натуры, его силы и влияния.

Наш первоначальный план состоял в следующем. Официальные сношения с Распутиным по поводу его просьб по министерству внутренних дел должен был взять на себя кн. Андронников, чтобы избавить меня и А. Н. Хвостова от необходимости открыто принимать просителей с письмами от Распутина, как на службе, так и у себя дома. Для того, чтобы Распутин не брал со своих посетителей денег за протекцию, мы решили выдавать ему по 1500 р., и эти деньги должен был частями вручать Распутину кн. Андронников. Такая частичная выдача денег имела, между прочим, целью заставить Распутина видеться с нами почаще для установления непрерывного влияния на него. Вместе с тем, чтобы знать в подробностях его внутреннюю жизнь и понемногу отдалять от Распутина тяготевший к нему нежелательный элемент, мы решили приставить к нему своего человека.

Наш выбор пал на нашу общую знакомую и друга кн. Андронникова Н. И. Червинскую, родственницу по первому мужу М. Т. Сухомлиновой, немолодую уже даму, много видевшую, не верившую, как и кн. Андронников, в чары Распутина и познакомившуюся уже с А. А. Вырубовой.

Свидания наши с Распутиным мы наметили на квартире у кн. Андронникова, где решено было устраивать обеды в своем тесном кругу, чтобы, не стесняясь, иметь возможность влиять на Распутина по тем вопросам, по которым нужно было А. Н. Хвостову подготовить благоприятную почву при дворе. Кн. Андронников отказался от нашего предложения оплачивать ему расходы по устройству этих обедов, но предложил А. Н. Хвостову, для проведения его начинаний и поддержки его, свою газету «Голос Руси», намеченную им к изданию с нового года. Эта газета должна была заменить «Гражданин» кн. Мещерского, и на страницах своей газеты кн. Андронников предполагал проводить программные вопросы с точки зрения, желательной председателю совета министров и тех министров, которых он считал нужным поддерживать, – и, наоборот, вести борьбу против министров или вообще государственных деятелей, ему неугодных или неудобных в его политической игре. Газета эта вышла с большим запозданием только в 1916 году. В этой газете, между прочим, кн. Андронников помещал патриотические статьи против Германии в виду возникшего против него подозрения в государственной измене. Наблюдение за ним ставилось со стороны военного контр-шпионажа уже с начала войны при Сухомлинове и Н. А. Маклакове, а затем Поливанове. Наблюдение это, по моему мнению, преследовало не государственные, а личные цели Сухомлинова, с которым кн. Андронников разорвал свои отношения и против которого повел энергичную борьбу путем своих «Записок», памфлетов и шаржей пасквильного свойства, затрагивавших жену Сухомлинова. В ту пору Сухомлинов настаивал даже на высылке Андронникова. Нужно думать, что установкой наблюдения за Андронниковым Сухомлинов желал узнать, кто из военных бывает у князя и может давать ему о нем, Сухомлинове, сведения. Сухомлинов пытался даже ввести своих наблюдателей в самый дом Андронникова, который взял на службу двух бывших слуг Сухомлинова, надеясь получать от них сведения о военном министре и его жене и не зная, что эти слуги с аналогичной целью были посланы в дом Андронникова Сухомлиновыми. Благодаря Червинской, роль двух

слуг была выяснена, и они вскоре были уволены Андронниковым. Однако, за период наблюдения за Андронниковым, дворцовый комендант, председатель совета министров и министры продолжали свои близкие сношения с князем.

Как только приехал Распутин, на другой же день состоялся наш интимный обед с ним. Не только я и А. Н. Хвостов, до сих пор мало знавшие Распутина, но и кн. Андронников и Червинская, хорошо его знавшие, были поражены происшедшею с ним переменою: в нем было гораздо больше, чем ранее, апломба и уверенности в себе. Первыми же своими словами Распутин дал нам понять, что он несколько недоволен тем, что наше назначение состоялось в его отсутствие, и это подчеркнул князю, считая его в том виноватым. Однако, оказалось, что этот упрек и Хвостов, и Андронников предвидели, и князь с усиленной любезностью парировал этот удар, рассыпаясь в комплиментах и из'явлении чувства благодарности за его поддержку наших назначений, и трогательно благодарил его за приезд именно теперь, на первых шагах нашего вступления в должность, так как отныне его советы и поддержка при дворе поставят нас на правильный путь и охранят от ошибок, которые нам могут быть поставлены в счет на верху, и т. д.

За столом началась оживленная беседа, из которой я убедился, что наши назначения Распутину были известны и что он против нас теперь ничего не имеет: повидимому, Распутин все же хотел, чтобы эти назначения мы получили непосредственно из его рук.

Затем, поздравляя нас и желая нам успехов, Распутин упрекнул А. Н. Хвостова за то, что тот по приезде Распутина в Нижний Новгород (где Хвостов был губернатором) плохо принял его, не накормил даже, а у него, Распутина, было тогда всего 3 р. в кармане. И напрасно, говорил Распутин, потому что он приезжал тогда — после убийства П. А. Столыпина, — в Нижний по приказанию государя «посмотреть Хвостова», и если бы он встретил другой прием, то Хвостов уже давно был бы министром. Меня же Распутин попрекнул тем, что я ставил около него наблюдение в лице 30 сыщиков, о чем Распутину говорил сам государь. В завязавшемся по этому поводу разговоре пришлось упомянуть имя Джунковского, и из перемены голоса Распутина, выражения его глаз, лица и нервности можно было видеть, что этот человек не способен забывать ударов, ему нанесенных. В ответ я рассказал ему неизвестный ему факт выпуска заграницу гражданской жены Илиодора с архивом последнего вследствие того, что, несмотря на донесение и несколько телеграмм в департамент полиции из Саратова с просьбой к Джунковскому разрешить арестовать и обыскать жену Илиодора, разрешение было дано уже тогда, когда жена Илиодора проехала границу.

Затем зашла речь о Самарине, обер-прокуроре святейшего синода, и о владыке Варнаве в связи с его конфликтом по поводу прославления св. Иоанна Тобольского. Распутин гневно говорил о Самарине, но мы разговор не муссировали, а только старались оттенить, что Самарин — человек близкий сестре государыни, но отнюдь не сторонник самой государыни и в то же время — личный враг его, Распутина.

Мы перешли после обеда в гостиную, а я, вместе с Андронниковым, вышел к нему в кабинет и здесь передал князю 1500 р. для Распутина. Князь из этих денег отобрал несколько — три или пять — сотенных и, когда я вернулся в гостиную, он вызвал Распутина к себе в кабинет. Вскоре они оба вышли оттуда, и я заметил, как Распутин прятал деньги в карман.

Распутин после обеда уехал, расцеловавшись со всеми нами, а мы остались, чтобы обменяться впечатлениями от первого свидания, нас далеко не удовлетворившего.

Из свидания мы вынесли убеждение в трудности, без соответствующей подготовки, проведения нашего первого плана, намеченного с А. Н. Хвостовым. Мы решили

провести на пост обер-прокурора святейшего синода, вместо Самарина, директора департамента общих дел Волжина, свойственника Хвостова. Это было необходимо в особых целях Хвостова. Мы понимали, что Волжин не подготовлен к этой должности, но это было чистое имя, и его назначение особого раздражения внести не могло. Сам Волжин, с которым я говорил по этому поводу, хотя и был доволен своих служебным движением, но с большей охотой взял бы какой-либо другой министерский портфель, чем этот, но во всяком случае Волжин умолял меня об одном — устроить так, чтобы отклонить всякое его не только сближение, но и знакомство с Распутиным. Волжин затем пошел на сближение с кн. Андронниковым, с которым он тотчас же и познакомился, и выполнил свои обещания, ему данные. Волжин был лично известен государю. Его сыновей, служивших в гвардейских частях Петрограда, знал отлично государь. Волжин имел придворные связи и хорошие знакомства в петроградском обществе. Он человек верующий, любитель старого церковного напева и церковной старины.

Мы понимали с А. Н. Хвостовым, что уход Самарина, против которого шел, не без воздействия князя Андронникова, также и Горемыкин, безусловно взволнует не одну Москву, где любили и знали Самарина, заденет и обидит не одно дворянство, где Самарин пользовался крупным весом и влиянием, и не одну Государственную Думу, приветствовавшую его назначение, а — общественное мнение России и те круги православного духовенства, которые, во главе с митрополитом Владимиром, видели в его назначении начало новой эры в деле церковного управления.

Вместе с тем мы знали, что Саблер-Десятовский уже делал попытки примирения с Распутиным и был у него несколько раз, а в князе Андронникове он имел верного и преданного человека.

Поэтому, мы убедили кн. Андронникова в политическом значении, с точки зрения настроения широких кругов русского общества, вопроса о заместительстве Самарина, следовательно против Саблера, и эту точку зрения решили сообща проводить во дворце, предварительно внедрив ее в сознание Распутина. Те же соображения были высказаны А. А. Вырубовой, и она не могла с ними не согласиться.

Для более сильного влияния на Распутина решено было немедленно вызвать из Москвы епископа Варнаву.

На одном из ближайших обедов у кн. Андронникова с Распутиным, я навел разговор на тему об имябожцах, — монашеской секты на Афоне, образование которой повело гонения синода, командировку на Афон епископа Никона и арест около 700 монахов, отправленных в Россию по требованию русского правительства, — и восстановил в памяти Распутина картину репрессий, предпринятых по инициативе Саблера. Вопрос об имябожцах в тот момент не был еще окончательно решен, и мне, кстати, хотелось выяснить отношение к нему со стороны Распутина по существу, чтобы узнать, не находится ли он под влиянием какого-нибудь кружка, занимающегося церковными вопросами, или интриги против Саблера, — или же в нем говорило чувство жалости, которое заставило его отвозить во дворец на показ тайно приезжавших в Петроград монахов-имябожцев, в преклонном возрасте, — многие из них были в схиме, — с обрезанным бородами, в штатском платье . . .

Я лично думал, что в данном деле Распутин преследовал какие-либо другие свои цели, так как он имел уже в ту пору личные причины быть недовольным Саблером, который в последнее время (до отставки), считая свое положение прочным, изменил свое отношение к чинам синодального надзора — друзьям Распутина: к товарищу обер-прокурора Даманскому, Скворцову, Мудролюбову и др. — и попал под влияние директора своей канцелярии, к которому Распутин относился подозрительно и сдер-

жанно. В особенности Распутин был глубоко задет, когда Саблер захотел расстаться с Даманским, который, не используя Распутина для своих дел, всегда давал ему хорошие советы, исполнял его просьбы, предоставлял ему свою квартиру, когда Распутин приезжал наездами в Петроград по вызовам Вырубовой, и был всегда с ним искренним. В свою очередь Распутин добился у государя того, что Даманский был оставлен на посту товарищи обер-прокурора с выделением ему самостоятельного круга дел и был удостоен многих высочайших пожалований.

Затронутая на обеде у кн. Андронникова тема об имябожцах оживила Распутина, и из его слов я понял, что он и сам является сторонником этого учения в монашеской среде. И, действительно, впоследствии он отстаивал все время имябожцев. Не задолго до смерти Распутина в «Колоколе» были напечатаны статьи В. М. Скворцова с такой же целью. Статьи эти повлекли за собой для Скворцова большие осложнения с синодом, а он их писал в угоду Распутину, мечтая при его помощи вернуться в синод в роли товарища обер-прокурора. Эти статьи Распутин представил во дворец.

Разговор об имябожцах перешел на Саблера, как их противника, и под влиянием как беседы на эту тему, так и общих высказанных нами соображений, в конце концов, Распутин решительно заявил, что он не будет «ни за что» поддерживать кандидатуры Саблера.

Когда же приехал владыка Варнава и лично познакомился с Волжиным, на которого произвел хорошее впечатление, тогда общими силами нам удалось добиться согласия Распутина на назначения Волжина и на поддержку в сферах, причем даже Распутин согласился на первых порах предварительно не видеться с Волжиным, во избежание излишних разговоров. Правда, к этому Распутин отнесся несколько подозрительно, но ничего прямо не высказал. Но он был доволен тем, что Волжин, в свою очередь, обещал ликвидировать инцидент епископа Варнавы по поводу открытия мощей по плану, мною предложенному и всеми принятому, в том числе и Волжиным. План этот был одобрен и Вырубовой, и об этом было доложено государыне, от которой получено также одобрение.

Сущность инцидента епископа Варнавы заключается в следующем. Епископ возбудил вопрос об открытии мощей св. Иоанна Тобольского. Синод одобрил предложение и состоялся соответствующий всеподданнейший доклад. Однако, синод замедлил исполнением всех актов, с которыми должно быть соединено открытие мощей, а епископ Варнава, видя в этом промедлении интригу синода против него, обратился непосредственно к государю в ставку и получил разрешение для «прославления», а не канонизации, т. е. открытия мощей для народного почитания. Прославление было принято верующими, как акт открытия мощей. Синод об этом обмене телеграмм с государем ничего не знал, а, получив сведение о прославлении, рассмотрел его, как самовольный проступок. Варнава, чувствуя такой исход, приехал без разрешения в Петроград, надеясь испросить монаршее прощение. Но в это время обер-прокурором был назначен Самарин, который резко высказался против проступка Варнавы. Дело получило огласку в прессе, и еп. Варнава должен был доложить синоду о телеграмме государя.

Государь, — я это знаю хорошо, — относился к Самарину сердечно; он его уважал, и это чувство крепло с годами. Поэтому, приглашение Самарина в состав кабинета исходило от его величества без всяких побочных влияний.

Но, с другой стороны, как я в этом убедился впоследствии и на себе, государь не любил ни частных выступлений в прессе министров, ни тех или иных разоблачений, ни даже слухов о предстоящих переменах, чем многие пользовались для сведения своих личных счетов. В особенности государь, как человек верующий,

всегда отрицательно относился к огласке тех или других неприятных происшествий в сфере церковной. Вот почему была уверенность не только у нас, но и у многих лиц, знающих характер государя, что Самарин не может оставаться на своем посту.

Когда, таким образом, все было подготовлено, А. Н. Хвостов на одном из ближайших своих докладов после того, как Распутин был у государя и поддержал Варнаву, умело и тонко касаясь вопроса об общественных настроениях, провел мысль о Волжине. Волжин был вызван государем, был милостиво принят, и государь одобрил план ликвидирования через некоторое время дела епископа Варнавы путем проведения его через синод в новом составе.

ГЛАВА V.

Надзор за Распутиным. – План его удаления из Петрограда. – Назначение тобольского губернатора.– Скандалы Распутина. – Отказ его от поездки по монастырям.

Пока проводилась кандидатура Волжина на должность обер-прокурора святейшего синода, я предписал начальнику охранного отделения полковнику Глобычеву, всесторонне освещать для меня жизнь Распутина, представляя мне ежедневные, а затем и еженедельные, сводки филерских наблюдений. Оказалось, что, вопреки предположениям кн. Андронникова, Распутин сделался осторожнее; приставленных к нему для охраны филеров в квартиру свою не допускал и избегал разговоров с с ними. Вследствие этого, филеры были помещены внизу, в швейцарской, а затем в агентуру были взяты швейцар и его жена. Тем не менее, как путем агентурным, так и наблюдениями Червинской выяснилось, что к Распутину лился живой поток людей различных положений и классов общества. За ним приезжали в автомобилях, отвозили и привозили его. Он сам часто, стараясь быть незамеченным филерами, черным ходом куда-то уходил и уезжал. Около него образовывались кружки лиц, имевших на него различные влияния, и т. п. Это была колоссальная фигура, чувствовавшая и понимавшая свое значение, что и сказалось на первых же порах наших отношений.

На своих утренних приемах Распутин раздавал небольшими суммами деньги лицам, прибегавшим к его помощи. Если требовалась большая сумма, то он писал письма для просителей и посылал с этими письмами к знакомым, а часто и к незнакомым лицам, преимущественно из финансового мира. Письма его, написанные безграмотно, с крестом наверху, письма, как пишут обыкновенно лица духовные, ходили во множестве по рукам и составляли предмет своеобразной пикантности; находились любители, которые покупали их и коллекционировали.

Все это, в связи с ореолом таинственности влияний Распутина на высокие сферы, с его посещениями ресторонов и частных домов без разбора, куда его приглашали часто напоказ и напаивали, заставляя танцовать, говорить по телефону с министрами, с которыми он находился в хороших отношениях, писать им письма и проч. — заставило нас сильно обеспокоиться не только с точки зрения охраны личности Распутина, высочайше нам предписанной. Опасны были его публичные выступления в общественных местах, в различных компаниях, не охранявших Распутина от выходок, о которых потом, иногда в преувеличенном виде, ходили не только в столицах, но и по всей России слухи, связывавшие имя Распутина с именами августейших особ, являясь угрозой идее царизма . . . Наконец, приближалась сессия Государственной Думы, а думская агентура, сведения от Родзянко и других депутатов предсказывали неизбежнось выступлений по поводу Распутина при обсуждении сметы министерства внутренних дел.

К тому же наш план сделать кн. Андронникова единственным посредником для сношений с нами Распутина по его делам и ходатайствам не удался: Распутин, вопреки обещаниям, стал засыпать своими письмами и присылкой просителей не только меня и А. Н. Хвостова, но и наших жен, которые к нему относились в высшей степени отрицательно. Мы увеличили, поэтому, сумму наших выдач Распутину, и мне пришлось, кроме ежемесячной выдачи в 1500 р., давать ему разновременно по 3 т. р. (тайно от кн. Андронникова) и, вместе с тем, через кн. Андонникова и Червинскую, настоятельно просили Распутина, чтобы он к нам на квартиру просителей со своими письмами не посылал, что он обещал делать, но что выполнял только на первых порах.

Все вышеизложенное побудило нас серьезно приняться за проведение ряда широких мер, не жалея, по приказанию А. Н. Хвостова, денег из секретного фонда, ибо с именем Распутина связывалось антидинастическое движение в стране, — ряда широких мер, чтобы предупредить проникновение в общество сведений и фактов из жизни Распутина, повлиять на Распутина в смысле большей разборчивости его в знакомствах, развить ради того же тесную кружковую жизнь около Распутина при помощи расположенных к нему лиц, особенно дам, не проводивших через него своих дел (а таких было очень мало), бороться с разного рода влияниями на него и т. п.

По докладе об этом А. А. Вырубовой, она согласилась с нашими планами и просила нас отдалить от Распутина лиц, имеющих на него дурное влияние, хотя она по опыту хорошо знала, как трудно было, а иногда бесполезно пытаться влиять на Распутина в хорошую сторону, так как эти попытки только его озлобляли.

О наших мероприятиях, отнюдь не опорачивая Распутина, а, наоборот, защищая его и указывая лишь на обстановку времени и дурные извне влияния, А. Н. Хвостов доложил и государю, получив и его согласие, и благодарность.

Помимо всего, политическая жизнь того времени и наши служебные обязанности требовали от нас слишком много времени, — и мы решили, что лучше всего было бы удалить Распутина на некоторое время из Петрограда, хотя бы для путешествия по монастырям, и затянуть это путешествие на возможно долгий срок, с тем, чтобы к моменту открытия Государственной Думы Распутина в столице не было. Во время моего директорства, после речи А. И. Гучкова в Государственной Думе о Распутине, такой план удаления его из Петрограда удался, и Распутин, хотя неохотно, но сознательно подчинился и уехал.

Удалением Распутина из Петрограда мы имели в виду создать себе возможность спокойно работать, но главным образом, заставить общество забыть о Распутине. В думскую среду мы предполагали провести слухи о том, что нам удалось ослабить влияние Распутина в сферах на столько, что Распутин уехал не к себе домой, как обычно делал, а по монастырям, чтобы таким смирением восстановить подорванное к себе у высоких особ доверие; мы хотели убедить влиятельных депутатов Думы и ее председателя не мешать нам в нашей дальнейшей в этом направлении работе своими выступлениями против Распутина: такие выступления, в силу особого склада характера августейших особ, усиливали только положение Распутина.

Согласно этому плану в таком направлении, т.-е. для удаления Распутина из Петрограда, должны были воздействовать на А. А. Вырубову епископ Варнава, кн. Андронников и А. Н. Хвостов. На ту же тему епископ Варнава и А. Н. Хвостов должны были говорить и с государыней с тем, чтобы впоследствии А. Н. Хвостов сделал соответствующий доклад государю. В докладе государю А. Н. Хвостов предполагал провести ту мысль, что поездка Распутина по святым местам не только будет полезна в смысле умиротворения Государственной Думы, но и рассеет всякие неспра-

ведливые толки о жизни Распутина и будет свидетельствовать о религиозных порывах духовной его натуры во время войны.

Приступив к осуществлению этого плана, мы, по предложению епископа Варнавы, вызвали игумена Тюменского монастыря Мартемиана, личного и большого друга Распутина. А пока, мы начали подготовлять беседами на тему о роли Государственной Думы в общественном сознании, в особенности в связи с войной, в сфере влияния Думы на армию. Об этом горячо говорили еп. Варнава, кн. Андронников и А. Н. Хвостов. Я же был сдержан, не потому, что боялся неуспеха наших начинаний, — я знал, что Распутин побаивался Государственной Думы, — а потому, что Распутин был во время беседы мрачен, подавал односложные реплики и расхолаживал настроение. Поэтому я предпочел выждать приезда игумена Мартемиана. С его приездом дело пошло быстрее. А. Н. Хвостов уже прямо рекомендовал Распутину поездку с Мартемианом в Верхотурье с тем, чтобы привезти августейшей семье оттуда благословение обители — икону св. Павла Обдорского. Говорил на эту тему и еп. Варнава, а затем и Мартемиан, бросившийся целовать Распутина и убеждать его поехать по монастырям и заехать домой, а затем, когда отношения с Гос. Думой наладятся, вернуться в Петроград.

С поездкой Распутина к себе домой были связаны многие важные дела.

Еп. Варнава, еще до приезда Распутина, взял с А. Н. Хвостова и меня слово назначить тобольским губернатором, вместо бывшего тогда на этом посту Станкевича, вице-губернатора Гаврилова, своего друга, что нами и было обещано. Но Распутин по приезде категорически заявил, что Станкевича надо удалить, а на его место назначить «своего человека», который защищал бы его, Распутина, а не предавал. Дело в том, что Распутин, в последние дни министерства Маклакова, едучи на пароходе с Мартемианом, в пьяном виде наскандалил на пароходе, где, после пьянства и плясок с новобранцами, избил лакея, за что и был высажен капитаном парохода на берег, о чем был составлен полицией протокол. Полиция, однако, протокола по подсудности не направила, имея предписание считаться с личностью Распутина и затушевывать подобные факты поведения его, и отослала этот протокол губернатору Станкевичу, который, не имея директив в отношении Распутина от министра внутренних дел кн. Щербатова, личным письмом «в собственные руки» препроводил ему всю переписку по делу в копии. Кн. Щербатов отправил переписку министру юстиции А. А. Хвостову, а последний вернул ее князю, указав, что подобные дела не подлежат разрешению министерства юстиции, так как в законе указана подсудность подобного рода дел. Кн. Щербатов осведомил об этой переписке и председателя совета министров И. Л. Горемыкина. Об этом проникли слухи и в думские сферы. И в таком виде переписка поступила в наследство к новому министру внутренних дел — А. Н. Хвостову. Дело же должно было разбираться в волостном суде, так как потерпевший лакей отказался от примирения. Это обстоятельство сильно беспокоило А. А. Вырубову и Распутина, который отрицал правдивость протокола, хотя Мартемиан в беседе со мной подтвердил справедливость всех деталей скандала. Распутин же успел по-своему изложить все происшествие и в высоких сферах, так что возобновление дела его очень тревожило. Мы понимали, что необходимо как-нибудь уладить этот инцидент и отсрочить по крайней мере процесс, чтобы он не совпал с думской сессией, иначе при огласке дело вызвало бы неудовольствие и А. А. Вырубовой, и августейших особ.

Так как Распутин настаивал на удалении Станкевича, то мы его вызвали телеграммой в Петроград, предписав привезти подлинное дело, касавшееся Распутина. Станкевич привез, однако, и второе дело о Распутине по обвинению его в неуважительном отзыве в пьяном виде об императрице и августейших дочерях. Дознание по

этому делу велось жандармским управлением и, по требованию Станкевича, было переслано ему. Об этом дознании не знали еще ни Вырубова, ни Распутин, и, таким образом, у меня явился хороший козырь в отстаивании Станкевича, которого я считал необходимым и полезным оставить на службе в качестве губернатора с переводом в лучшую, земскую губернию.

Разговоры с Распутиным о поездке по монастырям продолжались, и он неожиданно для меня, — я ожидал большего сопротивления, — согласился решительно уехать из столицы. Мы думали, что такая решительность явилась результатом влияния игумена Мартемиана и опасений самого Распутина за исход его первого дела о скандале на пароходе. Впоследствии наши предположения не оправдались.

А. Н. Хвостов заявил Распутину, что все расходы по его поездке будут оплачены и соответствующие суммы выданы игумену Мартемиану. В беседе со мной, затем последовавшей, А. Н. Хвостов сказал мне, что верит в удачу поездки Распутина, потому что знает Мартемиана и потому что в Вологде и в губернии у него есть много преданных ему лиц, которые окружат тесным кольцом Распутина и надолго его задержат путем спаивания; особенные надежды в этом отношении он возлагал на вологодского исправника, друга Мартемиана. В денежном отношении решено было не скупиться и предложить Мартемиану не стесняться в средствах, в особенности на вино... Игумен Мартемиан ставил, однако, условием своего участия в поездке с Распутиным возведение его, Мартемиана, в сан архимандрита. Поэтому я, по просьбе А. Н. Хвостова, в виду согласия еп. Варнавы войти с соответствующим представлением в синод, заехал на другой день к Волжину и отвез ему послужной список Мартемиана, прося Волжина о содействии, на что последний, в особенности узнав о предполагаемом от'езде Распутина, охотно согласился.

Мы удовлетворили также все просьбы еп. Варнавы и устроили ему собственную квартиру, выдав для этой цели денег на обстановку и ежемесячное пособие его сестре, и, кроме того, выдали епископу и пособие. На другой день деньги на поездку Мартемиану были выданы. Кроме того, я передал Распутину на личные расходы 5 т. р. и на примирение с побитым им лакеем еще 3 т. р. После этой передачи я сообщил Распутину о втором о нем деле по поводу оскорбления им высочайших особ и отметил в этом инциденте тактичную роль Станкевича, с которым рекомендовал не ссориться. Это второе дело сильно поразило Распутина, очевидно, боявшегося, что о нем узнает государь. Распутин переменил свой тон и манеру обращения, стал доказывать полную свою невиновность и успокоился тогда лишь, когда я сообщил ему, что об этом деле решительно никто не знает, кроме меня и А. Н. Хвостова, не знает даже кн. Андронников (который мог сообщить о случившемся, по своему обыкновению, министрам, с которыми был в хороших отношениях, и председателю совета министров И. Л. Горемыкину, ничего о втором деле не знавшему). Государю А. Н. Хвостов обещал также о деле не докладывать. Весь этот образ действий я об'яснил Распутину сердечным к нему отношением с нашей стороны. Мы расцеловались, и когда я после этого заговорил о Станкевиче, то Распутин уже заявил, что он зла ему не желает, но что в Тобольск требует назначения «своего человека», а именно председателя пермской казенной палаты Ордовского-Танеевского. Вопрос о Станкевиче был улажен. А. А. Вырубова согласилась на перевод его губернатором в Самару, и соответствующий об этом доклад был сделан А. Н. Хвостовым царю и не встретил возражений.

Что касается кандидатуры Ордовского-Танеевского, то, как оказалось из дальнейшей беседы с Распутиным, она была предрешена. Пермский управляющий казенной палатой был в отличных отношениях с Распутиным, воздавал ему почесть при проезде

его через Пермь, когда Ордовский-Танеевский исправлял там должность губернатора, и о переводе его в Тобольск губернатором Распутин уже условился с А. А. Вырубовой, и государыня уже одобрила этот план. А. А. Вырубова была также весьма довольна нашим планом покончить первое пароходное дело Распутина примирением с лакеем, для чего я выдал Распутину 3 т. р.; и еще более довольна тем, что я передал ей в подлиннике второе дело о Распутине (оскорбление высочайших особ), чем оно и было ликвидировано. Но когда я заговорил о поездке Распутина, то Вырубова, не возражая ни слова, быстро перевела разговор на другую тему. Распутин же все оттягивал под разными предлогами свой от'езд, поджидая, между прочим, Ордовского-Танеевского, а когда тот приехал, и А. Н. Хвостов провел доклад об его назначении у государя, то положение сразу изменилось.

Распутин определенно заявил, что он никуда по монастырям не поедет, и свой отказ выразил в такой категорической форме, что возражать, из опасения вызвать только его гнев, уже никто не решался. В виду этого я поручил Ордовскому-Танеевскому, по приезде его в Тобольск, ликвидировать дело с лакеем, о чем его просил и сам Распутин, но 3 т. р. он не дал ему для передачи лакею... Я предложил Ордовскому-Танеевскому для ликвидации дела не стесняться расходами.

Почему Распутин не поехал? Мне казалось, что его путешествие по монастырям теперь теряло свой смысл, так как все тобольские инциденты были улажены, а, с другой стороны, ему казались подозрительными наши настойчивые убеждение его в необходимости поездки. Религиозная же цель поездки никакого веса ни в глазах, ни в сердце Распутина не имела...

Но впоследствии, после моей отставки, в 1916 году, когда Распутин стал относиться ко мне доверчивее, я его спрашивал о причинах его отказа от поездки по монастырям. И Распутин откровенно мне сказал, что он и не предполагал выезжать и что А. А. Вырубова была также против этой поездки. Не устраивала эта поездка и Мартемиана... Играл же свою роль Распутин потому, что хотел выяснить, к чему же все наши настояния клонятся...

ГЛАВА VI.

Распутин и церковные дела. — Назначение Питирима. — Распутин и Питирим. — Влияние Питирима.

Все вопросы, тесно связанные с церковной жизнью и назначениями, как по обер-прокурорскому надзору, так и в составе высшей духовной иерархии, не только интересовали Распутина, но близко его задевали, так как в этой области он считал себя не только компетентным, но и как бы непогрешимым. Поэтому, при всяком видном назначении или в мероприятиях в сфере духовных интересов церкви он играл, особенно в последнее время, доминирующую роль. С ним считались многие, в том числе видные иерархи церкви, не говоря уже о средних духовных слоях, искавших, по человеческой слабости, мощной поддержки у него. И наоборот, ко всему тому, что происходило помимо Распутина и его желаний, он относился нервно и неблагожелательно. Это задевало его самолюбие, и Распутин искал тех или других слабых сторон данного лица, чтобы оттенить их в высоких сферах, как крупную ошибку при назначении, происшедшую потому, что его не послушали или с ним не посоветовались. Этим об'ясняется, почему зачастую предположения синода по некоторым вопросам или проектам назначений, представляемые через обер-прокурора, не разрешались немедленно при докладах, а оставлялись царем и возвращались с резолюциями, дававшими иные указания.

После ухода Самарина и в связи с делом еп. Варнавы предстояло обновление состава синода.

Мы предупредили Волжина об отношении к подобного рода вопросам со стороны Распутина и рекомендовали, предварительно всеподданнейшего доклада, хорошо узнать, нет ли в составе представляемых лиц таких, к которым Распутин относится неблагоприятно. Что касается нашего участия в деле составления списка присутствующих в синоде, то А. Н. Хвостов рекомендовал архиепископа тверского, а я — епископа могилевского Константина (противника Распутина). С этими кандидатурами согласилась и Вырубова, записавшая эти имена себе на память. Когда мы заговорили по этому вопросу на одном из обедов с Распутиным, то он согласился с нашими кандидатурами, но прибавил категорически, что необходимо вызвать с Кавказа экзарха Питирима, так как он «свой человек» и Варнаву защитит.

Ни я, ни Хвостов Питирима не знали, но у обер-прокурора Волжина имелись, как оказалось, секретные сведения о нем, касавшиеся его отношений к своему секретарю Осипенко. Эти секретные сведения Волжин доложил царю, когда Николай II повелел Волжину вычеркнуть из списка епископа могилевского Константина и, вместо него, поместить Питирима. Царь ответил, что он впервые слышит об этом, список оставил у себя, а затем вернул его с пометкой о вызове преосвященного Питирима. Оказалось, что Вырубова уже давно знала Питрима, что у него были давнишние связи со двором и что, наконец, кандидатуру его провел Распутин.

В виду поколебавшегося после ухода Самарина положения петроградского митрополита Владимира, мы опасались его ухода и назначения в Петроград митрополитом Питирима, так как предоставление ему митрополичьей кафедры было уже предрешено. Открылась тогда вакансия в Киеве, после смерти митрополита Флавиана. Мы проводили через Вырубову и Распутина Питирима в Киев, но Волжин получил от государя приказание о назначении митрополита Владимира в Киев, а Питирима в Петроград.

Из всей обстановки назначения Питирима ясно было видно желание двора иметь около себя близкого человека. Мы поняли, что в силу занимаемого им положения, ему будет отведено крупное влияние во дворце.

Мы с Хвостовым поздравили Питирима с высоким назначением, были у него с визитом, и наши отношения, таким образом, завязались. О Распутине мы с Питиримом никаких разговоров не заводили из чувства деликатности, хотя из докладов начальника охранного отделения Глобычева мы знали о частых посещениях Распутиным митрополита. То же подтвердил мне и Манасевич-Мануйлов, который проник вновь в дом Распутина и ввел туда сотрудника «Нов. Времени» Снарского. Монасевич-Мануйлов вел кампанию в «Нов. Времени» против Распутина, когда с ним же боролся и ген. Богданович. По приказанию Маклакова, выступления Мануйлова против Распутина были в прессе прекращены, но Распутин боялся их возобновления и стал поэтому принимать Мануйлова, который и начал после этого передавать мне все, что узнавал в доме Распутина.

Нужно отметить, что сам митрополит, все время поддерживая самые тесные отношения с Распутиным и решая с ним все дела, всячески избегал вплоть до смерти Распутина подчеркивать публично свою к нему близость, принимал его в конспиративной обстановке, его квартиры не посещал, а для сношения с ним, зная подозрительность характера Распутина и во избежание телефонных разговоров с ним, уполномочил своего секретаря Осипенко. Последний ежедневно бывал у Распутина, часто сопрождал его в поездках по знакомым, ездил впоследствии с поручениями и письмами владыки к Вырубовой, которой только в этот приезд был представлен, и удостоился приема у государыни.

По отношению к Осипенко я сделал ошибку: пытался заагентурить его и настойчиво вручил даже ему для этой цели 300 р., обещая подобные же выдачи и в будущем. Но значение Питирима и роль при нем Осипенко были слишком велики, чтобы можно было прибегать к подобной мере.

Питирим вскоре не избежал общей участи тех, кого судьба сводила с Распутиным: владыке пришлось испытать перемену общественных отношений к себе из за своих связей с Распутиным, несмотря на все старания Питирима приобрести общественную популярность. Поведение Распутина и по отношению к Питириму было таким же, как и ко всем другим лицам из правящего мира, на которых Распутин смотрел, как на своих ставленников. Распутин о своей близости к митрополиту говорил, где можно, и в особенности говорил там, где этого нельзя было делать, что причиняло Питириму весьма много огорчений.

На этой почве произошел разрыв Питирима и с А. Н. Хвостовым, который позволил себе бестактность. Раздосадованный на то, что митрополит не поддерживает планов Хвостова в связи с предстоявшей выборной кампанией в Думу, Хвостов, чтобы оказать давление на владыку, однажды приказал полковнику Комиссарову, приставленному к Распутину, привезти последнего к митрополиту и ввести его без доклада в кабинет. А к этому моменту у владыки был и сам Хвостов. Этот приезд Распутина и приход без доклада ясно обнаружили близость митрополита к Распутину, что Питирим скрывал, а затем разговор Распутина с митрополитом о поддержке начинаний Хвостова, в присутствии Распутина привели только к обратным результатам, потому что митрополита вся эта тактика Хвостова только оттолкнула от него.

Из всех лиц правящего класса, как этого, так и последнего периода, прошедших через Распутина, никто не пользовался таким постоянным и неизменным доверием, как государя и государыни, так и Вырубовой, как митрополит Питирим. Его постоянно приглашали к себе высокие особы и Вырубова. К его мнениям по вопросам церковной и государственной жизни прислушивались, также считались с его отзывами и оценками лиц, интересовавших высокие сферы. Поездки Питирима в Царское конспирировались, и Осипенко принимал все меры, чтобы сведения о них не проникли в печать и общество. При жизни Распутина, последний был в курсе всех начинаний митрополита, поэтому Питириму приходилось с ним считаться. Когда Распутин умер, я был в день его похорон вечером у владыки, и тут я понял, насколько велик был для него гнет Распутина.

ГЛАВА VII.

Моя аудиенция у государыни императрицы. – Распутин и царица.

Вскоре после приезда Распутина в Петроград, – по моем назначении товарищем министра внутренних дел, – и установления с ним и с Вырубовой некоторого сближения, епископ Варнава был принят августейшей семьей и передал ей свои впечатления, вынесенные им от знакомства со мной и А. Н. Хвостовым. Владыка подчеркнул нашу преданность интересам царской семьи, наше благожелательное отношение к Распутину, нашу общую солидарность во взглядах и дружескую между собою связь. Вслед за этим, как епископ Варнава, так и кн. Андронников признали необходимым для меня, в моих интересах, представиться государыне императрице Александре Федоровне. Это отвечало и моим желаниям, так как я до того ни разу в личной особой аудиенции не был принят государыней. Видел я ее только на общих

приемах, где был удостоиваем поклона и целования ее руки. Зная о том влиянии, которое императрица имела на государя, и о ее роли в решении вопросов государственной важности, я хотел вынести и свое непосредственное, хотя и мимолетное, впечатление. Но вместе с тем, я слышал и знал, из примера немилости государыни к А. А. Макарову, что ее величество ничего не забывает и не легко поддается перемене своих отношений к тем, о которых она составила определенное не в их пользу мнение. Во время моего директорства, после передачи министром Макаровым государыне ее писем к Распутину, найденных у Илиодора, я был заподозрен Александрой Федоровной в том, что перехватил одно из таких писем в общем порядке перлюстрации. Кроме того, государыня знала мое отрицательное отношение в ту пору к Распутину. И этими обстоятельствами я об'яснил себ тот факт, что Макаров, получив отставку от должности министра, получил в то же время письменное приказание уволить меня без об'яснения причин. Об этом я узнал впоследствии не от Макарова. Узнал и то, что Макаров, получив такое повеление, испросил себе аудиенцию у государя и убедил его оставить меня на службе. Думаю, что на решение государя уволить меня повлиял и князь Мещерский, с которым у меня произошел разрыв и который вел против меня кампанию в «Гражданине» и делал личные и письменные обо мне доклады государю.

В виду всех этих обстоятельств я естественно боялся, что прием меня государыней может носить характер простого официального представления, которое не выяснит отношения царицы к представляющемуся лицу.

Поэтому, по совету кн. Андронникова и с ведома А. Н. Хвостова, я обратился к Вырубовой и высказал ей свои опасения относительно своего приема государыней. Вырубова приняла во мне большое участие, переговорила при мне по телефону с государыней по-английски и сказала мне, что государыня будет рада принять меня. И кроме того, записала себе для памяти – переговорить еще раз перед приемом обо мне с государыней. На другой день я ею был принят.

В назначенный час я был введен скороходом в одну из личных комнат государыни и удостоился особо милостивого приема. Пригласив меня сесть, государыня выразила свое удовольствие по поводу моего назначения и моей солидарности и дружественной связи с А. Н. Хвостовым, поблагодарила за сведения, сообщаемые Вырубовой, и подчеркнула, что в передаче переписок о Распутине (по двум вышеупомянутым делам-скандалам, очевидно, переданным Вырубовой государыне) она видит залог нашего дальнейшего благожелательного отношения к Распутину. В ответ на это я принес ее величеству искреннюю благодарность за то доверие, какое она проявила ко мне своим участием в деле моего назначения, и затем уверил ее величество, что как во время моего управления департаментом полиции, так и в настоящее время, мною принимались и будут приняты все меры к охране жизни Распутина. Коснувшись истории с письмом, о котором я раньше упомянул, я постарался рассеять у государыни сомнения относительно участия моего в этом деле.

Затем, я доложил ее величеству о намеченной А. Н. Хвостовым и мною первейшей задаче нашей программы – организовать и широко распространить среди народа издания и картины, обрисовывающие царственные за период войны труды ее величества, его величества и их дочерей. К этому государыня отнеслась с большим сочувствием и просила предварительно посылать ей на просмотр корректурные листы.

Когда я перешел к докладу о намеченном нами открытии в фабричных районах продовольственных лавок для рабочих, государыня отнеслась одобрительно к этому плану и указала, что продовольственный вопрос и настроение рабочих сильно озабочивают государя, который возлагает в этом отношении особые надежды на А. Н. Хвостова.

Наконец, государыня, находясь, повидимому, под впечатлением представлявшегося ей предо мной князя Жевахова (которого я встретил в приемной) и зная мои отношения к Волжину, передала через меня обер-прокурору святейшего синода повеление об устройстве князя Жевахова по ведомству св. синода, согласно желанию князя.

Разговор наш все время шел на русском языке, которым государыня владеет хорошо, с редкими сравнительно заминками в длинных периодах и со слабым иностранным акцентом, в противоположность своей сестре Елизавете Федоровне.

Из этого приема государынею, длившегося полчаса, я вынес впечатление, что интересы Распутина очень близки ее величеству, что вопросы, выдвигаемые обстановкою времени, ее сильно захватывают, что Вырубова ставит ее в курс всего того, о чем узнает от лиц, ее окружающих, пользуясь безграничным доверием государыни, и что, наконец, государыня, если пожелает, может быть простой, доступной, любезной и благодарной тем, кто служит ее интересам.

Заехав затем после приема к Вырубовой, я поблагодарил ее за проявленное ею участие в этом приеме и передал ей, как прием государыней тронул меня и расположил к ней. О том же я сообщил кн. Андронникову, Распутину и еп. Варнаве.

Поручение к Волжину я исполнил, и, после длинной истории, больших затруднений и препятствий, кн. Жевахов получил впоследствии должность второго товарища обер-прокурора синода, несмотря на свою молодость и отсутствие достаточного служебного стажа.

ГЛАВА VIII.

А. Н. Хвостов и его положение при дворе. – Флигель-ад'ютант Дрентельн. – Распутин и великие князья Павел и Михаил Александровичи и вел. кн. Елизавета Федоровна.

А. Н. Хвостов, как министр внутренних дел, не имел никаких полномочий вмешиваться в назначения министров, тем не менее он это систематически практиковал. Роль Хвостова в назначении Волжина указана выше. Он провел Наумова на пост министра земледелия, вместо Кривошеина, и весьма долго вел интригу, чтобы, вместо Барка, министром финансов провести гр. Татищева. Невольно возникает вопрос, как же А. Н. Хвостов, не имея высочайших обещаний поста председателя совета министров, ни полномочий близкого советчика, мог осмелиться вмешиваться в функции, относящиеся к сфере прав председателя совета министров?

Нужно заметить, что назначение Хвостова состоялось в весьма знаменательный период. К этому моменту у государыни окончательно созрело поддерживаемое, особенно, Распутиным мнение о небходимости иметь около себя, государя и наследника только людей, в личной преданности которых она не могла сомневаться. Государыня учитывала сложившиеся политические условия страны и их серьезность и особенно опасалась за жизнь наследника. Эту мысль о необходимости окружать себя только безусловно преданными людьми государыня внушила и государю, и с этой точки зрения необходимо смотреть на все назначения этого и последующего периода.

А. Н. Хвостов был давно известен государю. Мысль о назначении его на пост председателя совета министров возникла тотчас после смерти Столыпина, и Распутин был уже командирован в Нижний, чтобы «посмотреть» на такого кандидата. Свою преданность престолу и самодержавным началам Хвостов подчеркнул тем, что, оставив губернаторский пост, пошел в Государственную Думу и не только сел на правых скамьях, но и добился звания председателя правой фракции. При представлении

государю, он даже в дни докладов по должности министра всегда надевал значок союза русского народа, украшенный лентами, чего никто из сановников правых убеждений никогда не делал. Близкие лица, мнением которых государь дорожил, к А. Н. Хвостову относились хорошо, и об его начинаниях отзывались с похвалой. Сам Хвостов при докладах царю усвоил систему Сухомлинова и умел вести такой доклад, учитывая особенности характера его величества, располагая изобильным материалом для поднятия множества вопросов, ловко выведывая взгляд государя и внушая ему и свою точку зрения. Наружность и подкупающие своею правдивостью глаза скрывали внутренние его побуждения. Подобно впоследствии Протопопову, Хвостов подчеркивал государю, государыне (а также Вырубовой и Распутину) идейную сторону своего служения и бескорыстного желания быть полезным государю: он всегда указывал, что он обладает громадным состоянием (которое в значительной части принадлежало не ему, а его жене). Хвостов затем умело использовал хорошо ему известные отношения государя к лицам и событиям; таким образом, достиг того, что доверие к нему росло. И если бы не ряд ошибок, им сделанных, несомненно, Россия имела бы его на посту председателя совета министров после ухода Штюрмера.

Как умел обставлять свои приемы у государя, при помощи Распутина и Вырубовой, Хвостов, видно из следующего факта. Флигель-ад'ютант Дрентельн, хотя и родственник Хвостова, открыто заявлял, что в виду близости последнего к Распутину, он Хвостову при встрече руки не подаст. Дрентельн был очень близок к государю и постоянно бывал около него во дворце и в ставке. Поэтому, в виду того, что Хвостову предстояло ехать в ставку для доклада, он был очень обеспокоен возможностью открытого скандала с неподачей руки, скандала, о котором немедленно была бы осведомлена Государственная Дума, не говоря о сановном Петрограде. Поэтому, Хвостов решил обратиться к государыне, к Вырубовой и Распутину, хотя знал, что Дрентельна государыня очень не любила и была способна настоять на удалении его из армии, что вызвало бы неблагоприятные толки в армии и в Петрограде в думских кругах, а этого Хвостов решил избегать.

Кроме подготовительного письма, посланного князем Андронниковым и Хвостовым дворцовому коменданту Воейкову, Хвостов усиленно внушал Вырубовой и Распутину мысль о необходимости воспользоваться данным моментом и подорвать у государя доверие к Дрентельну, незаметно удалив его из армии путем назначения командиром армейской бригады. При этом Хвостов выставил себя страдальцем за интересы государыни и близких ей лиц. Распутин и Вырубова приняли горячее участие в этом деле. Вырубова обещала свое содействие, но не сказала, в чем оно выразится; однако, настаивала, чтобы Хвостов при приеме у государя коснулся бы вопроса и о Дрентельне.

Хвостов уехал в ставку, был принят государем и в конце доклада заговорил о Дрентельне и его угрозе. Царь ответил, что Хвостов сам скоро убедится в неосновательности своих опасений. И действительно, когда государь стал у закусочного стола и Хвостову, приглашенному к столу, пришлось проходить мимо Дрентельна, то государь не спускал глаз с флигель-ад'ютанта, и он подал Хвостову руку. По приезде Хвостов от Вырубовой узнал, что Дрентельн получит назначение в армию. На самом деле он получил назначение не в армию, а в гвардию командиром Преображенского полка. Вопрос об уходе Дрентельна в армию затянулся до предреволюционного времени. Незадолго перед этим, Дрентельн был в Петрограде и должен был представиться государыне, но в назначенный час на прием опоздал, а на другой день на прием и совсем не явился, сославшись на необходимость от'езда из Петрограда, что государыня приняла за демонстрацию против себя.

Эта характерная особенность государыни, — отождествлять личное к ней отношение с отношениями ко всей августейшей семье, — заставляла нас серьезно считаться при проведении всех наших дел и проектов, а также и при различных докладах Вырубовой. Относительно этих докладов приходилось во все посвящать Распутина, который подозрительно относился к влияниям на Вырубову вне своего участия и всегда проверял, правильно ли ему был передан доклад Вырубовой. Он придавал большое значение своей осведомленности, чтобы при свиданиях с государем, которым он придавал большое значение, обнаруживать знание и интерес к вопросам государственного порядка, причем Распутин так же, как и Вырубова, записывал все то, что останавливало его внимание.

Из бесед с Вырубовой я выяснил себе, кто из тех или иных лиц, в какой степени и в силу каких соображений интересует императрицу. И сообразно с этим я прибег к помощи перлюстрации, составив для заведующего ею т. с. Мардарьева соответствующий список лиц, корреспонденция которых подлежала просмотру. Этот список был дополнен фамилиями лиц, которыми интересовался также и Хвостов. Материал, почерпнутый из вскрытых писем, а также и сведения из других источников, служили темой для докладов Вырубовой. Так как в это время отношение к императрице почти всей императорской фамилии выяснилось, и государыня многое знала из жизни великокняжеских дворов из разных источников, то я своей агентуры в этих дворцах не заводил и письма их высочеств не просматривал, а только, получая в некоторых случаях от Вырубовой указания, сообщал ей то, что мне приходилось узнавать другими путями. Отношений императрицы к императорской фамилии Вырубова от нас не скрывала.

Распутин понимал хорошо, насколько для него лично важно парализовать влияние великих князей на государя. Поддерживая настроение императрицы и государя против тех высочайших особ, которые шли против него, Распутин в тех случаях, когда видел возможность заручиться хоть каким-нибудь поводом завязать с каким-нибудь двором августейших особ связи, старался проявить к тому свой живой интерес. Это он делал для того, чтобы в беседе с государем доказать отсутствие у него личных побуждений в вопросе о семейных отношениях в царской фамилии, а, наоборот, показать свое душевное желание сроднить и сблизить всю августейшую семью не столько в династических интересах, сколько в родственных. Но таких случаев было мало. Отмечу один из них, о котором сам Распутин старался везде говорить. Дело в том, что вел. кн. Павел Александрович был в опале из за своего морганатического брака. Отношение со стороны императрицы к его супруге было исключительно отрицательным, и последняя, поэтому, обратилась за содействием к Распутину. Распутин обрадовался случаю и со свойственной ему настойчивостью добился того, что императрица переменила свое отношение к жене Павла Александровича: опала была снята, брак великого князя был признан, его жене был дан титул светлейшей княгини Палей, а великий князь был привлечен к активной деятельности. Распутин даже мечтал сроднить эти августейшие семьи через великого князя Дмитрия Павловича. Впоследствии княгиня Палей, в силу различных причин, главным образом, вследствие поведения Распутина, отошла от него. Распутин, чтобы избежать упрека государя в неумении распознавать людей, старался подчеркнуть в его глазах положительную сторону своих побуждений вне всяких его отношений к княгине и ее супругу, виня в данном случае ту среду, в которой они вращались в последнее время. На это жаловалась и Вырубова, которая указывала на частые посещения великого князя Стаховичем и графом Олсуфьевым, открыто выступавшим и у великого князя, и в других домах против императрицы в связи с разоблачениями Распутина. Однако, Распутин

и поддерживавшие его лица не простили княгине Палей перемену ее отношений к Распутину, и результатом ее разрыва с ним явилось охлаждение к великому князю Павлу Александровичу и опала княгини Палей со стороны императрицы.

Тем же надо об'яснить и последовавшее в последнее время охлаждение царской семьи к великому князю Михаилу Александровичу. Снятие с него опалы, признание его брака с дарованием его супруге титула графини Брасовой, назначение командиром дикой дивизии, его посещение Кавказа и оказанный ему прием, успехи этой дивизии, все это невольно выдвигало личность вел. кн. и служило причиной частого упоминания его имени. Распутин все время поддерживал в императрице опасность популярности Михаила Александровича в армии и народе. Когда вел. кн. Михаил Александрович, после недолгого пребывания на театре военных действий, вернулся с супругой в Гатчину, то императрица обратила внимание на его личную жизнь и, в особенности, на его появление запросто с женою в общих залах петроградских ресторанов «Астории» и «Медведя» и на круг его знакомств и родственных связей его супруги. Вследствие этого Вырубова поручила нам сообщать ей для доклада императрице все сведения о Михаиле Александровиче. Нам было поручено возможно подробнее осветить его жизнь, так как императрица и Вырубова видели в замкнутой жизни семьи великого князя в Гатчине, в его знакомствах и в особенности во влиянии его жены, обладавшей сильным характером и большим честолюбием, — указания на возможность тайных династических притязаний. Однако, мои данные не дали никаких для этого материалов.

За тот же свой служебный период я заметил огромное влияние Распутина на возраставшее в ту пору охлаждение государыни к своей августейшей сестре Елизавете Федоровне. Со слов Распутина я знал, что приезды Елизаветы Федоровны, в особенности, если они совпадали с пребыванием государя в Царском Селе, сильно нервировали императрицу. При этом Распутин прибавлял, что Елизавета Федоровна постоянно поднимает вопрос об удалении его, Распутина, от близости к августейшей семье, чем, по словам Распутина, она добьется только того, что ее совсем не будут принимать.

ГЛАВА IX.

Государственная Дума в прошлом. — Дума, государь и государыня. — Война и Дума. — Политика А. Н. Хвостова. — Награждение Родзянко. — Распутин и Государственная Дума. — Его интриги против нее. — Доклад Хвостова и речь Горемыкина об отсрочке созыва Государственной Думы.

Все отмеченные выше черты отношений высоких сфер к государственным вопросам в особенности проявились по отношению к Государственной Думе. Я не буду касаться всем известной истории возникновения этого учреждения, вызванного к жизни напором общественного настроения того времени. Не буду говорить о той роли, которую сыграли влиятельные правые кружки, лица и действовавшие в силу своих партийных лозунгов монархические организации в деле удаления гр. Витте от должности премьера. Не коснусь и дальнейшего до его смерти отношения к нему государя, несмотря на то, что гр. Витте имел вначале сильную поддержку в лице государыни императрицы, стоявшей даже вначале на точке зрения необходимости дарования народу полной конституции. Не буду также касаться вопроса о последовавшем изменении отношения государя, в силу тех же причин, к покойному дворцовому коменданту Трепову и начавшемуся, правда, незаметно, охлаждению к великому князю Николаю Николаевичу за его участие в поддержке гр. Витте, при обновлении

порядка в стране. Отмечу только, что первые две Государственные Думы своими выступлениями по волновавшим их вопросам давали сильное оружие против них в руки их политических противников, сумевших внушить государю чувство подозрительности к этому учреждению. П. А. Столыпину пришлось выдержать большую борьбу с влиятельными правыми течениями и итти по пути некоторых уступок, чтобы доказать необходимость этого государственного института в интересах успокоения страны. В предпринятых Столыпиным начинаниях налаживания отношения правительства с Государственной Думой кроется весь секрет признанной необходимости пребывания его на посту председателя Совета Министров и успех его борьбы с покойным П. Н. Дурново, окончившейся выездом последнего заграницу незадолго до смерти Столыпина. Той же политики примирения с Государственной Думой держался и В. Н. Коковцов. Но с Государственной Думой начали считаться только как с учреждением законосовещательным, вошедшим так или иначе в обиход государственной жизни страны, и чутко прислушивались ко всем выступлениям Государственной Думы и министров, в особенности во время бюджетных прений и по вопросам управления. В силу тех же доминирующих правых течений развивалась политика привлечения на сторону правительства умеренных и правых групп, а в усилении правого крыла Государственного Совета видели сдерживавшее Государственную Думу начало в ее конституционных стремлениях.

Государь после речи А. И. Гучкова в Государственной Думе о влияниях Распутина заглушил в себе, считаясь с государственными соображениями, личное чувство обиды и не пошел на встречу сильному напору на него разных влияний, желавших использовать этот момент личных чувств государя в своих домогательствах об упразднении Государственной Думы. Но зато государыня с этого момента резко изменила свое отношение к ней и всецело перешла в этом вопросе на точку зрения правых групп. Она прислушивалась к их голосу, в особенности идущему из провинции и зачастую отвечавшему правительственным директивам. Старалась приблизить к государю тех влиятельных сановников, которые могли бы содействовать изменению его взглядов на Государственную Думу, нервно относилась ко всеподданнейшим личным докладам председателя Государственной Думы, в особенности, если темою доклада служили вопросы, которым она придавала личное значение.

Война заставила изменить отношение к Думе, в особенности в минуты тяжелых испытаний переменного военного счастия. Затем, между Думой и правительством начался ряд осложнений на почве обвинения правительства в неподготовленности к войне и в представлении неверных о боевой приспособленности армии сведений и в нежелании итти навстречу Думе в области мероприятий по обороне. Осложнения эти заставили Думу прибегать к поддержке Верховной Ставки, ставшей в интересах армии на сторону Государственной Думы. Этим была значительно выдвинута роль великого князя Николая Николаевича в делах государственного управления. Министры не только считались с его взглядами, но и были поставлены даже в положение исполнительных органов его повелений. Это повлекло за собою обращение некоторых министров к государю в отстаивании своих мероприятий, в соответствующем освещении роли Думы и великого князя. Изменилось отношение к великому князю и правых влиятельных групп, в особенности, после частичного обновления кабинета. Это повлекло за собой, в связи с отрицательным отношением Распутина к великому князю и умело внушенным старцем в это время подозрением о посягательстве великого князя при помощи Думы и армии на корону, — уход великого князя на Кавказ. Переменилось и отношение к Государственной Думе и к тем министрам, которые оказывали ей поддержку.

Этот период времени совпал со вступлением А. Н. Хвостова в управление министерством внутренних дел. При обсуждении нашего плана действий мы ввели в нашу программу необходимость ослабить остроту переживаемого момента, войти в контакт с правым крылом Думы и Совета и монархическими организациями, приостановить, хотя бы временно, их выступления перед государем против Государственной Думы и парализировать в этом вопросе влияние Горемыкина, отрицательный взгляд которого на Государственную Думу мне был известен из частных бесед. В нашу задачу входило также примирить государыню с необходимостью, в интересах армии и страны, прохождения бюджета в предстоящей сессии Государственной Думы, а также принять все меры к сближению с председателем Государственной Думы и влиятельными ее депутатами. Подготовив такую обстановку, мы предполагали, переговорив с генералом Алексеевым и убедив Воейкова, — осветить именно в этом направлении вопрос о Думе при личном докладе государю.

Центральную роль в осуществлении этого плана взял на себя Хвостов, а я, подготовляя ему обстановку, должен был влиять на Вырубову и на Распутина. По моему совету, А. Н. Хвостов сделал визиты влиятельным правым Государственного Совета и вошел в кружок Штюрмера, находившийся в полном согласии с Горемыкиным и придворными сферами. Я лично просил Штюрмера оказать Хвостову содействие, обещая ему перевод его старшего сына в Петроград, а затем и назначение его вице-губернатором в одну из отдаленных губерний. Равным образом, я постарался обеспечить Хвостову хорошее отношение к нему сенатора А. А. Римского-Корсакова и его монархического кружка. Кроме того, я устроил ряд обедов для правых членов Государственного Совета и влиятельных правых Государственной Думы, а также некоторых сенаторов для закрепления более тесного единения их с Хвостовым. Что касается монархических организаций, то вели переговоры с их представителями как Хвостов, так и я.

В отношении же Государственной Думы мною было значительно усилено, — путем дополнительного, по три тысячи рублей в месяц, ассигнования полковнику Бертхольду из секретного фонда, — агентурное освещение всех фракционных и советских заседаний Государственной Думы, а также кулуарных разговоров и ложи журналистов. Кроме того, секретно от Куманина было установлено проверочное наблюдение сообщаемых им председателю совета министров того же порядка сведений. Кроме того, все то, что мне сообщал А. Д. Протопопов или члены Государственной Думы Марков, Замысловский, Алексеев и Дерюгин при получении у меня субсидии, и все другие сведения о Думе я докладывал Хвостову при личных, почти ежедневных свиданиях. Что касается Хвостова, то он широко использовал князя Волконского, имевшего в Государственной Думе большое значение и большой круг знакомств, — как для парализования нежелательных для нас течений, слухов и разговоров, так и для передачи тех сведений, которые могли бы успокоительно подействовать на депутатов, особенно в вопросе своевременного открытия сессии и отношения государя к работам Думы. Вместе с тем, Хвостов, кроме инструктирования указанных выше правых депутатов, в особенности Барача, предпринял, как он мне говорил, меры к сближению с националистами и октябристами (насколько они были удачны, не знаю) и сблизился с членом Государственной Думы П. Н. Крупенским, которому я, по поручению Хвостова, переданному мне в присутствии Крупенского, выдал 20 тысяч рублей якобы для устройства потребительной при Государственной Думе лавки. При сем по уходе Крупенского Хвостов, смеясь, мне заявил, что эта ассигновка имеет своим назначением привлечение Крупенского к освещению настроения Государственной Думы.

Хвостов старался и, — как он сам мне передавал, — достиг ожидаемых результатов, завязать хорошие отношения с председателем Государственной Думы, часто к нему ездил и говорил по телефону, передавал ему политические новости, сообщая многое о деятельности совета министров и о Горемыкине, а также сведения из придворных сфер в освещении, соответствовавшем видам Хвостова. Он старался всячески заручиться расположением М. В. Родзянко в смысле его влияния на спокойный ход работ Думы и ради избежания поднятия в общих собраниях Думы, в интересах династических, каких-либо разговоров, связанных с именем государыни.

А. Н. Хвостов и лично при открытии занятий бюджетной комиссии посещал Государственную Думу, входя в нее из общего депутатского под'езда, и для более тесного сближения с депутатами передавал им в кулуарах и за завтраком желательные ему в общих или личных целях сведения.

Подготовив, таким образом, некоторую почву для осуществления нашей программы о Государственной Думе, мы постоянно, при каждом свидании подготовляли к благоприятному для нас разрешению наших предположений и Вырубову, и Распутина, запугивая их неспокойным настроением масс, видимыми осложнениями войны и подчеркиванием патриотической роли Думы. Нельзя сказать, чтобы нам с первых же разговоров удалось достигнуть желаемых результатов.

В этом отношении Вырубова была откровеннее Распутина. Хотя она и понимала важность переживаемого времени, но на Государственную Думу смотрела с той же точки зрения, как и императрица и правые кружки. Только наша настойчивость и убеждение ее в том, что нами будут приложены все усилия к тому, чтобы в общих собраниях Думы не был поднят разговор об императрице, Распутине, митрополите и о ней, несколько поколебали ее, и она обещала переговорить по этому поводу с императрицей. Особенно не верила Вырубова в содействии Хвостову со стороны Родзянко, так как она считала его врагом императрицы. Немного ее успокоило мое заявление, что мне дал обещание помогать в этом направлении товарищ председателя Государственной Думы Протопопов, о котором я, после предварительного моего с ним разговора, пользуясь случаем и исполняя его просьбу, высказался в благожелательных тонах, как о человеке, преданном интересам императрицы и желающем даже с нею, Вырубовою, познакомиться; я просил ее принять Протопопова и выслушать его доводы, а также его начинания в области воздействия на Родзянко, — что она и обещала.

Зная со слов Протопопова, сообщавшего мне сведения о настроениях Родзянко и о совете старейшин, насколько был обижен Родзянко пожалованием ему по случаю трехсотлетия юбилея дома Романовых ордена Владимира 3-ей степени в очередном, как рядовому чиновнику, порядке, тогда как министры получили награды в исключительном порядке, я высказал мысль о пожаловании Родзянке к предстоящему 6-го декабря вне правил ордена св. Станислава 1-ой степени, что покажет Родзянко знак милостивого отношения государя к нему и его заслугам и будет оценено Думой, как знак августейшего внимания к ней. Хвостов с этим согласился и добавил, что, если императрица не встретит препятствий к созыву Государственной Думы, то при докладе государю он будет просить его величество оказать Родзянке ряд знаков милостивого к нему внимания. А. Н. Хвостов обещал также Вырубовой переговорить перед докладом государя с Воейковым и Алексеевым.

Что касается Распутина, то его отношение к Государственной Думе можно охарактеризовать следующим образом.

Присмотревшись к Распутину, я вынес убеждение, что у него идейных побуждений не существовало и что к каждому делу он подходил с точки зрения личных интересов

своих и Вырубовой. Но в силу свойств своего характера он старался замаскировать внутренние движения своей души и помыслов. Изменяя выражение лица и голоса, Распутин притворялся прямодушным, открытым, неинтересующимся никакими материальными благами человеком, вполне доверчиво идущим на встречу доброму делу, так что многие, искушенные опытом жизни люди и даже близко к нему стоящие лица, зачастую составляли превратное о нем мнение и давали ему повод раскрывать их карты. Только в минуты сильного гнева, раздражения или полной его доверчивости, у него обнаруживались иные черты его характера и помыслов.

Как ни мало знали мы еще Распутина в ту пору, для нас была понятна его точка зрения на Государственную Думу. В прошлом Государственная Дума ничего ему, Распутину, не дала хорошего, а наоборот, каждое открытие сессии Государственной Думы влекло за собой не только стеснение его свободы действий, но, в большинстве, и выезды его на продолжительное время из Петрограда, а это порождало у него тревогу за возможность в этот промежуток времени изменения отношений к нему со стороны, по крайней мере, государя. Выступления Гучкова обнаружили близость Распутина к высшим сферам, что вызвало общее негодование и породило в Распутине чувство опасения за свою жизнь. В будущем он не надеялся на перемену отношений к нему Государственной Думы, так как он сам видел, насколько этот вопрос беспокоил государя. Поэтому, он всецело поддерживал государыню в мысли о бесполезности Думы, а государю указывал, что крестьянская масса разочаровалась в Государственной Думе, которая ничего не сделала для крестьян в улучшении их положения.

Распутин, будучи знаком с представителями монархических организаций, с Дубровиным, Орловым, его часто посещавшим, с Восторговым, Кольцовым и другими, находил в их взглядах на работы Государственной Думы материал для своих бесед с государем, с целью выставить не свои личные обиды и боязнь этого учреждения, а партийные лозунги и соображения в интересах монархического принципа. С другой стороны, Распутин боялся высказывать открыто свои взгляды на Государственную Думу, чтобы этим не дать повода к излишним о нем разговорам в ней. Он очень нервно воспринимал все то, что говорилось о нем в кулуарах Думы, и когда эти разговоры до него доходили, расспрашивал меня об их подробностях и очень ценил тех немногих лиц, кто старался рассеять среди депутатов эти толки. Поэтому, он обнаруживал свои симпатии А. А. Кону, который, познакомившись с ним по моей просьбе, — как увлекающийся вообще человек и к тому же мистик, — почему-то искренне к нему привязался, находя в нем какой-то особенный склад душевных импульсов. Имея место, как журналист, в ложе корреспондентов и часто посещая Государственную Думу, где у него было много знакомых среди депутатов, Кон старался защищать Распутина и даже носился с мыслью сблизить с ним членов Государственный Думы. Эта мысль очень понравилась Распутину, но, с другой стороны, несколько его пугала. Я был против этого плана, который был осуществлен уже после моего ухода, когда Кон уже по собственному побуждению начал осуществлять это сближение Распутина с членами Государственной Думы. Я два или три раза присутствовал при свидании Распутина с М. А. Карауловым и видел, как Распутин с особым вниманием всматривался в Караулова, как в человека другого мира, и не знал, как вести себя. И только когда Караулов, налив ему за обедом вина, пригласил его выпить, Распутин начал входить в свою колею. И все же в его беседе время от времени проскальзывало желание показать Караулову, что он — человек исключительный. По моим советам и настоянию Вырубовой, такие свидания вскоре прекратились.

После моего ухода, когда в Государственной Думе начались речи об императрице и о Распутине, я заинтересовался отношением Распутина к заседаниям Государ-

ственной Думы и спрашивал об этом Манасевича-Мануйлова, все время, на первых порах по назначению Штюрмера, находившегося около Распутина.

Мануйлов передал мне, что из всего того, что происходило в Думе, Распутин интересовался только выступлениями против него и против лиц, ему покровительствовавших. Распутин требовал, чтобы Мануйлов прочитывал ему все, что о нем говорилось в Думе, и был взволнован, сосредоточен и ругал Штюрмера за то, что тот сейчас же не выступил в его защиту.

Когда А. Н. Хвостов и я начали разговаривать с Распутиным о предстоящем открытии сессии Государственной Думы, он сразу изменился, выслушал наши доводы и ответил с замаскированно-простодушным и доверчивым видом, без всякой будто бы злобы, что он не раз говорил с государем о том, что надо помириться с Государственной Думой, приехать в нее и сказать: «я ваш и вы мои, из-за чего нам ссориться, будем жить в ладу». Но «они», т.-е. депутаты, по словам Распутина, больно оскорбили государыню, и виною охлаждения высоких сфер к Государственной Думе является Гучков и Родзянко. Распутин говорил, что он отлично понимает, почему его Дума не любит, тогда как он ничего дурного не сделал и, кроме добра, никому, а тем более августейшей семье, не желал. Думцы же все время про него распускают всякие небылицы, а Родзянко передает их государю.

Видя такую неискренность Распутина и чувствуя в его ответе оттенок затаенного озлобления против Думы, мы дали ему понять, что если только эта сессия Думы будет отложена, то не только Дума, но и вся Россия и армия будут винить в этом исключительно его, — и тогда мы не ручаемся за его безопасность. Наоборот, если Распутин поможет открытию Думы, то можно это обстоятельство использовать для изменения недоброжелательного к нему отношения, указав некоторым думцам на его роль в этом деле. Что касается Родзянко, то Хвостов успокоил Распутина, сказав, что он с ним находится в хороших отношениях и примет все меры к убеждению Родзянко не допускать в открытом заседании разговоров ни о нем, ни об императрице. Затем мы указали Распутину на те соображения, какие приводили и Вырубовой относительно смягчения настроения Родзянко. К этому я прибавил, что в Государственной Думе есть около Родзянко мой хороший знакомый — товарищ Родзянко А. Д. Протопопов, который желает познакомиться с Вырубовой и с ним, который обещал нам помогать, в виду своей преданности государю и государыне, и который совершенно иначе, чем другие, понимает и относится к нему, Распутину.

После этого Распутин, перешел на свой обычный тон и стал интересоваться деталями этого дела и, усвоив себе личную выгоду от нашего предложения, обещал даже сказать Вырубовой, чтобы она попросила Танеева (своего отца) о награждении Родзянко, и дал свое согласие содействовать нам в этом деле.

После посещения Распутиным государыни и получения А. Н. Хвостовым разрешения от ее величества императрицы внести этот вопрос на всеподданнейший доклад государю, Хвостов отправился в ставку и там, заручившись согласием Воейкова и Алексеева, провел свою программу. Вернувшись в Петроград, Хвостов постарался широко распространить в думских кругах о благожелательном настроении государя к Думе и ее работам. По агентурным думским сведениям, это обстоятельство сгладило недоверчивое отношение думских кругов к Хвостову и внесло успокоение в депутатскую среду относительно открытия занятий Государственной Думы.

О решении государя Хвостов довел до сведения некоторых министров. Но Хвостов не учел влияния Горемыкина... Горемыкин при докладе ему Хвостовым этого дела сказал, что он не получил еще никаких директив от государя и предполагает, в зависимости от хода занятий бюджетной комиссии Государственной Думы, испросить

указаний по этому вопросу от его величества. Своего взгляда Горемыкин не высказал... Председатель совета министров еще до этого говорил мне, что ему не нравится роль, которую занял Хвостов в вопросе об открытии Думы, взяв именно на себя его разрешение путем всеподданнейшего доклада. Об этом я сообщил Хвостову, и тогда он решил поднять этот вопрос в совете министров.

6 декабря последовала награда Родзянко, что, судя по отзывам, внесло успокоение и уверенность в нормальном ходе работ Государственной Думы. Горемыкин был молчалив и в совете министров избегал разговоров о созыве Государственной Думы.

Чем ближе время подходило к середине декабря, тем сведения, получаемые мною из Думы, становились тревожнее, так как в виду близости рассмотрения в бюджетной комиссии сметы министерства внутренних дел, видно было, что не избежать в бюджетной комиссии выступлений против Распутина. И Родзянко, по словам Хвостова, не видел возможности положить какой-нибудь предел этим разговорам в комиссии. Хвостов все же надеялся, что он сумеет своим ответом в бюджетной комиссии не вносить излишнего раздражения в среду депутатов и тем избежать резкой переходной формулы. Хвостов надеялся, что этим и окончатся выступления против Распутина и на общих собраниях они не повторятся. Что касается печати, то по военной и общей цензуре уже существовало распоряжение не пропускать о Распутине ни одной строчки. В этом направлении и были осведомлены Вырубова и Распутин. Не скажу, чтобы это их успокоило, так как они настаивали, чтобы ни о каких подробностях о заседании бюджетной комиссии, где будет затронут Распутин, не было помещено в печати. В виду этого Хвостов отдал по Петрограду и по Москве соответствующие распоряжения самого категорического характера.

Когда приблизился день рассмотрения сметы министерства внутренних дел в бюджетной комиссии, мы получили уже подробные сведения о том, кто именно из депутатов, о чем и в каком духе будет выступать с речами о влияниях Распутина.

В день заседания бюджетной комиссии я должен был выехать в ставку и поэтому присутствовал только на части заседания. По моем возвращении Хвостов заявил мне, а затем при мне Вырубовой и Распутину, что он сравнительно доволен исходом прений.

Приближалось время открытия Государственной Думы, но Горемыкин об этом в совете министров вопроса не подымал. Мне и Хвостову было известно, что он ездил с докладами к императрице. Это нас несколько встревожило. Затем у Горемыкина в этот период времени бывал Распутин, который нам также не сообщал о цели своего посещения председателя совета министров, а об`яснял это свидание желанием вообще его повидать. Все это было подозрительно, и поэтому Хвостов решил поднять вопрос о Думе в совете министров. Несмотря на попытки Горемыкина отклонить суждение по вопросу о созыве Думы, тем не менее обмен мнений состоялся, и большинство министров стояло на точке зрения Хвостова. Горемыкин, не высказывая своего мнения и закрывая заседание, обещал при докладе государю сообщить ему выслушанные им мнения министров.

Хотя мы обо всем предупредили Вырубову и Распутина, тем не менее мы узнали затем, что Горемыкин побил нас тем же оружием, которое мы выставляли, то-есть Распутиным, представив происшедшие в бюджетной комиссии выступления против Распутина началом более сгущенных разговоров на эту тему и относительно императрицы в открытом заседании Государственной Думы. При этом Горемыкин указал, что Родзянко, по имеющимся сведениям, противодействовать этому не будет. Сведения эти, конечно, стали достоянием министров, Государственной Думы и прессы. Настроение Государственной Думы резко изменилось. И это было использовано

Хвостовым для того, чтобы всю ответственность за изменившееся отношение Государственной Думы и общее в стране по этому поводу неудовольствие всецело перенести на Горемыкина и убедить высшие сферы принять ряд мер для смягчения настроения депутатов. Я рекомендовал изменить обычную форму даваемого в таких случаях указа, составив его в виде рескрипта на имя Родзянко и поставив срок открытия Думы в зависимости от доклада Родзянко государю об окончании работ бюджетной комиссии. Затем мы рекомендовали посещение государем Государственной Думы и указывали, что перемена председателя совета министров будет служить наглядным для всех доказательством того, что высокие сферы в этом вопросе считают ответственным Горемыкина, который своим неточным докладом о настроения Думы поставил в необходимость принять такую меру, как отсрочка ее созыва. Указ был составлен министром юстиции и дан на имя Горемыкина в несколько измененной редакции, что снова дало повод Хвостову отметить неприятное впечатление, произведенное на Государственную Думу этим указом, и опять высказать Вырубовой и Распутину для доклада во дворце, что необходимо и это обстоятельство поставить в вину Горемыкину.

ГЛАВА X.

Личный характер всех проявлений высоких сфер. – Дела свящ. Востокова, Восторгова, архиепископа Иннокентия. – Отношение к Поливанову. – Штюрмер и пятимиллионный секретный фонд на печать. – Уход Поливанова.

Чисто личные отношения, чисто личная оценка являются преобладающими во всех проявлениях высоких сфер. Об этом свидетельствуют многочисленные факты, из которых ограничусь следующими.

Чрезвычайно популярный в московских фабричных пригородах протоиерей Востоков, решившийся поместить на страницах своего духовного журнала петицию прихожан против влияния Распутина, был уволен и переведен в уфимскую епархию. Вмешательство в это дело уфимского архиерея Андрея, в миру князя Ухтомского, вызвало неудовольствие против него Вырубовой и Распутина, и митрополита Питирима и не повлекло его удаления на покой только из опасений синода, что такая мера вызовет открытое выступление самого еп. Андрея и поддержку со стороны прессы.

Известный протоиерей Восторгов был давно дружен с Распутиным. Вырубова и Распутин, под влиянием Хвостова, оказывали Восторгову поддержку в его стремлении получить викариатство в Москве. Но митрополит Питирим, в виду поднятого вокруг этого назначения газетами шума, хотя митрополит московский Макарий и стоял за Восторгова, высказался против этого, предполагая предоставить Восторгову епископскую кафедру в Иркутске. Делу помешал д-р Дубровин, который через меня передал Вырубовой одно из изданий Восторгова с отрицательным в нем отношением к Распутину. Распутин также заинтересовался этим изданием и сказал: «теперь Восторгову – крышка, ничего не получит»... И действительно, с тех пор все разговоры о переводе и повышении Восторгова прекратились.

Архиепископ иркутский Иннокентий был удален со своего поста в виду того, что в департамент полиции попала перлюстрированная военной цензурой его переписка с одной из игумений монастыря, в которой, кроме чисто интимных излияний, был высказан ряд горьких мыслей по поводу губительно отражающегося на всем ходе церковного управления, развращающего высшую иерархию влияния Распутина и отношений к нему высоких особ. Я ознакомил Вырубову с этой перепиской и по ее указаниям передал копию обер-прокурору Волжину и митрополиту Питириму.

После указа об удалении епископа были приняты меры к тому, чтобы его прощание с паствой, в которой он был популярен, не сопровождалось демонстрациями. А в виду донесений жандармского управления по поводу отношений к владыке генерал-губернатора Князева, последний, по представлению Хвостова, без всяких предварительных сношений с генерал-губернатором, что его обидело, был назначен в Государственный Совет.

Отношения к военному министру Поливанову определились еще тогда, когда он разорвал свои отношения с Сухомлиновым, и вследствие его близости к А. И. Гучкову. Когда Поливанов был назначен военным министром, то продолжающееся его знакомство с Гучковым и близость его к графу Коковцеву, — к чему относился подозрительно и Горемыкин, служили темою частых наших разговоров с Вырубовой. Но подозрительность к Поливанову усилилась с момента приезда Распутина, когда было обнаружено филерское наблюдение за Распутиным со стороны военного ведомства, устроившего также проследку телефонных разговоров Распутина и наших. Вырубова, узнав про это, просила нас принять свои меры. Мы филерское наблюдение военного ведомства за Распутиным провалили, были сделаны телефонные отводы, и я, в свою очередь, установил наблюдение за телефонными разговорами Поливанова из его квартиры и за его поездками в Царское и Павловск для выяснения его знакомств. О получаемых мною сведениях я сообщал Вырубовой. Так как она и Распутин волновались слежкой за собой, особенно за телефонными разговорами, то я как-то передал Поливанову, что установка наблюдений за Распутиным вызвала принятие и с нашей стороны таких же мер. После этого филерская проследка и наблюдение за телефоном военным ведомством были сняты. Хвостов пытался в докладах бороться с Поливановым, но государь не поддавался этому и, наоборот, требовал от Хвостова установления корректных отношений с Поливановым. Вследствие этого, и так как в наш план налаживания отношений с Думой не входило обострение вопроса о Поливанове, с декабря 1915 года мы старались избегать в наших беседах с Вырубовой и Распутиным упоминания о Поливанове.

Уход Поливанова состоялся уже после нашего оставления службы в министерстве, но основная причина охлаждения Штюрмера к Поливанову произошла при нас.

Штюрмер с первых шагов своего вступления на пост председателя совета министров отнесся очень внимательно к плану А. Н. Хвостова, задуманному им с Гурляндом по борьбе с оппозиционной прессой и созданию путем скупки акций «Нового Времени» доминирующего влияния правительства на этот орган и т. п. Узнав, что Хвостов получил уже согласие на кредит из секретного фонда для осуществления этих мероприятий и для предстоявшей избирательной кампании, Штюрмер пожелал взять на себя общее руководительство этим делом. Меня удивило, что Хвостов легко согласился на это, повидимому, не спроста, а имея в виду особые при этом цели. Согласился Хвостов и с желанием Штюрмера присутствовать при первом же докладе Хвостова государю, под предлогом необходимости совместного освещения общих вопросов. Также согласился Хвостов и на представление Штюрмеру всего перлюстрационного материала, шедшего к министру внутренних дел, чего при Горемыкине не было.

Хвостов затем рассказывал мне, что на совместном докладе Штюрмер нервничал, волновался, никаких программных предложений не делал, а только сумел испросить у государя разрешение на ассигнование в его, Штюрмера, распоряжение 5 миллионов рублей из секретного фонда на осуществление мер по прессе, но государь поставил условием, чтобы ассигнование прошло через совет министров. Повидимому, эта ассигновка была единственным мотивом желания Штюрмера присутствовать при докладе Хвостова.

В следующем очередном заседании совета министров Штюрмер предложил к подписи проект журнала о денежном отпуске без указания на какие надобности, доложив совету, что на отпуск денег государь уже согласился; Хвостов подписал журнал, а Поливанов, к которому журнал перешел для подписи, спросил о целях назначения кредита. На это Штюрмер резко отвечал, что обо всем он докладывал государю, как о секретном назначении, что если Поливанов не желает, то может журнала не подписывать, но об этом будет доложено царю. Тогда Поливанов и вслед за ним остальные министры подписали журнал, но об этом инциденте пошли разговоры, дошедшие и до Думы. Тогда я, помимо Хвостова, доложил обо всем Вырубовой, советуя, дабы избежать впутывания в это дело имени государя, предупредить его об этом, так как Штюрмер не указал совету министров цели расхода, а сослался на доклад государю. В результате государь оставил при докладе Штюрмером журнал у себя, а затем вернул его с пометкой о согласии «с ознакомлением лично государственного контролера Покровского о всяком расходе из этого кредита», Штюрмер был поражен таким исходом, а министры довольны. Сведения об отметке государя попали в Думу, и Штюрмер считал виновником всего этого Поливанова. Я вскоре после этого уезжал надолго из Петрограда и не знаю, что предпринимал Штюрмер относительно Поливанова, но знаю, что назначение Шуваева прошло мимо не только Штюрмера, но и лиц, его поддерживавших, и по своей неожиданности ошеломило Распутина, так как кандидатом Штюрмера и Распутина был ген. Беляев, друг Сухомлинова, известный Вырубовой и императрице и принимавший, по поручению императрицы, меры наблюдения через военную цензуру за телеграфными сношениями Илиодора с Ржевским после ареста последнего, мною произведенного. О ген. Беляеве Распутин отзывался всегда хорошо и говорил, что императрица и Вырубова считают его своим человеком. А. Д. Протопопов, когда я передал ему, со слов Распутина, о предстоящем назначении Беляева военным министром, отнесся к этой кандидатуре с одобрением.

ГЛАВА XI.

Настоятель Феодоровского собора о. Васильев. – Распутин и посещение государыней лазаретов. – Выезды наследника в ставку. – Вырубова и Распутин и отлучки государя. – Распутин и его возможные конкуренты из мира юродивых.

С таким же отношением мне пришлось считаться и в вопросе относительно настоятеля царскосельского Феодоровского собора воспитателя наследника по Закону Божиему, протоиерея о. А. Васильева. Вырубова заявила мне, что императрицу и ее интересует о. Васильев, так как можно предположить, что о. Васильев не является сторонником императрицы, а между тем государь относится к нему доверчиво, а наследник к нему привязался. Из двух перлюстрированных писем о. Васильева я усмотрел несколько отрицательное его отношение к Распутину. Никаких дальнейших данных, однако, у меня не накопилось, и Вырубова перестала о нем говорить. Сам же о. Васильев рассказал мне следующий эпизод, происшедший за семейным высочайшим столом. Наследник цесаревич спросил государя: «Правда ли, что Григорий Ефимович (Распутин) – святой человек». Тогда государь, ничего не отвечая наследнику, обратился к о. Васильеву и попросил его ответить наследнику на его вопрос. О. Васильев заметил при этом, как пытливо на него смотрела императрица, не спуская с него своего взгляда во время его ответа. О. Васильев, понимая щекотливое свое положение и не давая прямого ответа, об'яснил наследнику, какие требования пред'являет завет Спасителя и священное писание к каждому, кто искренно желает угодить Богу. Государь после этого встал из-за стола, и разговор на этом оборвался.

Я уже указывал, как Распутин дорожил теми советами, которое мы ему при свидании давали, если они могли закрепить его значение у государя. Используя эту черту, я на одном из наших свиданий на нашей конспиративной квартире высказал Распутину сожаление о том, что государыня прекратила свои выезды по лазаретам в Петрограде и в провинциальные города, а между тем такие поездки могут только подчеркнуть, как раненым, так и всему народу, ее заботы о жертвах войны, в особенности, если эти поездки будут совершаться в простой обстановке, которая могла бы дать возможность государыне воочию показать всем ее милосердное отношение к раненым. Это Распутину понравилось, и последствием его советов был ряд выездов государыни в ближайшие к Петрограду губернии и об'езды петроградских лазаретов. То же вначале впечатление на Распутина произвело и наше внушение о желательности, как эта разлука ни тяжела для государыни, чтобы наследник сопровождал государя при выездах в ставку. Мы лично в этом отношении следовали общему желанию удалить, по возможности, наследника от влияния на него Распутина. С этим был согласен и Воейков, как лично, так и отражая настроение армии. Затем Хвостов, вернувшись из ставки после одного из своих первых докладов государю, передавал мне и Вырубовой свой разговор с государем об его жизни в Могилеве, и государь говорил, что единственным утешением для него будет наследник и что за это он очень благодарен государыне. После этого прекратились на время разговоры Вырубовой и Распутина относительно выездов наследника в ставку, и Распутин передавал, что государь был ему благодарен за его советы брать иногда наследника в ставку. Но затем, время пребывания государя и наследника в ставке стало затягиваться, и Вырубова и Распутин, несмотря на наши указания, что это об'ясняется ходом военных операций, начали подозрительно относиться к этим долговременным отлучкам государя и наследника. Вместе с тем, и императрица, несмотря на просьбы наследника, снова начала, в интересах непрерывности занятий наследника, высказываться против его выездов с государем. В этом ей стал помогать и Распутин, потому что, когда государь уезжал один, то он старался поскорее вернуться в Царское Село, постоянно тревожась за здоровье наследника. Распутин мне передавал, что ему пришлось особенно настойчиво убеждать государя не брать наследника перед об'ездом армии юго-западного фронта. Распутин даже вызвал этим гнев государя. Так как на этот раз ни просьбы императрицы, ни убеждения Распутина не подействовали на государя, и он уехал с наследником, то настроение Распутина и Вырубовой сделалось подавленным и нервным.

Во время этой поездки, не доезжая до станции Бахмач, у наследника, смотревшего в окно вагона, близко прижавшись лицом к стеклу, при переходе поезда на стрелках, от сотрясения, открылось кровотечение из носа, что служило всегда для августейших родителей предметом постоянной боязни их за жизнь наследника, так как он страдал сложной формой гемофилии. Государь взволновался и, после принятых медицинских мер, приказал немедленно срочно возвращаться в Царское. Государь и наследник вернулись туда вечером. Немедленно по телефону было сообщено Распутину о болезни наследника с просьбой приехать. Но он не поехал. И как сам рассказывал потом, он сделал это сознательно, чтобы «помучить» государя. Распутин по телефону передал только, чтобы наследника положили в кровать; а сам выехал только на следующий день утром. Приехал он оттуда в торжествующем настроении и заявил, что отныне государь будет слушаться его советов. После этого, действительно, не только увеличилось влияние Распутина, но и на время приостановились и выезды наследника в ставку.

Вообще всякие выезды государя являлись событием, волновавшим как Вырубову,

так и Распутина: затягивавшееся пребывание государя давало повод для всяких опасений возможности влияния на государя в отношении императрицы и Распутина. В силу этого, как мне об'яснил Распутин, государыня каждый день почти писала государю, а впоследствии, по совету Распутина, наезжала в ставку и сама. Сам Распутин несколько раз порывался выехать в ставку, но я и Вырубова всегда этому препятствовали. Однако, телеграммы государю в духе и в стиле избранных его «размышлений» он посылал.

Чтобы показать, насколько нервно и злобно относился Распутин к тем, кого он подозревал в тайных замыслах подорвать его влияние на августейшую семью, я отмечу его позднейшее отношение к епископу Варнаве.

Затянувшееся по нашей, скорее, вине пребывание в Петрограде епископа Варнавы, по нашей просьбе проводившего некоторые назначения, возбудили у Распутина, не без влияния о. Мартемиана, Мануйлова и Осипенко, начавшееся чувство подозрительности к Варнаве. Поэтому Распутин приложил все усилия, чтобы воспрепятствовать дальнейшим приглашениям епископа Варнавы во дворец, всячески отдалял приемы его у Вырубовой, несколько охладил отношения к нему митрополита и, наконец, добился того, что епископу дали понять о желательности его от'езда из Петрограда. Варнава понимал свое положение и стал готовиться к от'езду. Хотя это и успокоило Распутина, тем не менее он, почти накануне от'езда владыки, находясь в опьянении, вызвал его к телефону и тоном насмешки сказал ему, вроде того, что: «довольно накатались на автомобилях, теперь пожалуйте на своих и к себе; нечего здесь прохлаждаться» (владыка ездил на предоставленном ему мною автомобиле, и хотя я завел впоследствии и для Распутина от охранного отделения автомобиль, но это не давало ему покоя).

Если его отношения были таковы к епископу Варнаве, с которым у него были старые связи, то по отношению к иноку Мардарию, воспитаннику Петроградской духовной академии, красавцу славянину, мистику, он был беспощаден. В одном из свиданий Вырубова просила меня сообщать ей сведения об этом монахе, так как Распутин постоянно о нем говорит, и поездки Мардария в Царское Село не дают Распутину покоя. Распутин добился, в конце концов, того, что Мардарий принужден был выехать из Петрограда.

Ту же нервность обнаружил Распутин, когда я передал ему и Вырубовой полученные мною сведении появлении в Царском Селе юродивого-босоножки Олега, которого скрывали в одном из домов, для представления его затем, как можно было предполагать, высочайшей особе. Старец Олег поспешил уехать из Петрограда.

Другое отношение Распутин проявлял к старцу Василию-босоножке. Этот старец стоял всегда в монашеском полукафтанье, со значком союза русского народа, без шапки и с жалованным посохом на паперти Казанского собора и собирал подаяние на построение храма, причем раздавал открытки со своим изображением во весь рост. Об этом старце была большая по департаменту полиции переписка с архиепископом ставропольским, который разоблачил его жизнь и его корыстность и требовал отобрания у него книжки для сборов, снятия монашеского одеяния и препровождения на родину. Но этот старец пользовался покровительством Распутина и не выходил из его подчинения, вследствие чего нельзя была исполнить требования епархиального начальства, хотя он и был на учете полиции и по другим неблагопристойным поступкам.

ГЛАВА XII.

Разоблачения Распутина в «Биржевых Ведомостях». — Давление на прессу. — Пьеса о Распутине. — Письмо Распутина о канцлерстве Горемыкина.

Если мы, понимая значение публичных разоблачений личности и влияния Распутина на высочайших особ, с точки зрения охраны династии, принимали меры сознательно к недопущению выступлений против него в прессе, то покровительствовавшие Распутину лица видели в таких разоблачениях вмешательство в их личную жизнь и стремление опорочить того, кто им был дорог.

До нашего вступления в должность в «Биржевых Ведомостях» был помещен ряд корреспонденций о покушении в с. Покровском на жизнь Распутина, организованном Илиодором. По особому распоряжению, следствие велось под наблюдением бывшего министра юстиции Щегловитова, который держал в курсе получаемых им сведений высочайших особ. По вступлении моем в должность, я, до издания общего запрещения писать что-либо о Распутине, обратился к редактору «Биржевых Ведомостей» М. М. Гакебушу, которому я впоследствии оказал содействие в перемене им своей фамилии на «Горелова», с просьбой прекратить эти фельетоны. От него я узнал, что материалы для этих статей дает им сотрудник Давидсон, случайно бывший в это время в с. Покровском и познакомившийся с семью Распутина, под видом жениха старшей дочери Распутина. Давидсона я знал еще ранее и помогал ему кое в чем в журнальной работе. Так как Давидсон, с которым Распутин и семья его прекратили знакомство после его фельетонов, продолжал звонить по телефону в дом Распутина, то Вырубова просила меня положить предел преследованию Давидсоном старшей дочери Распутина и была обеспокоена возможностью дальнейших газетных его против Распутина выступлений. Собрав о Давидсоне ряд сведений последнего времени, дававших мне возможность откровенного с ним разговора, я получил от него при письме желаемого мною содержания его архив, не представлявший никакой ценности, и помог ему, в виду болезни его выдав ему в два приема 600 р. из секретного фонда. Печатание фельетонов о Распутине в «Биржевых Ведомостях» было приостановлено, а письмо и полученные мною материалы от Давидсона вполне успокоили и Вырубову и Распутина. Давидсон после моего ухода, не знаю, по каким соображениям, был временно арестован, а потом, как я слышал, перешел в организацию печати к Гурлянду. После смерти Распутина, Давидсон хотел было поместить в «Биржевых Ведомостях» ряд сенсационных сведений, явившись в редакцию этой газеты с одной молодой особой и называя ее дочерью Распутина. Но был разоблачен редактором, г. Бонди, который мне об этом передавал. Затем, в первые недели моего вступления в должность, я запретил печатать и приказал уничтожить все материалы по предполагавшейся к изданию в Москве книги, разоблачавшей интимные отношения Распутина к его почитательницам и его радения в бане в с. Покровском.

Особенную нервность как Вырубова, так и Распутин проявили по отношению к пьесе, где был выведен Распутин и его почитательницы и которая должна была идти в театре Яворской. Пьеса, пропущенная цензурой, была снята в день первого спектакля, затем неоднократно цензуровалась и переделывалась, шла в сильно измененном виде, что вызвало разочарования публики и все же, по настояниям Вырубовой и Распутина, была запрещена Хвостовым окончательно к постановке по всей России.

Другое отношение проявила Вырубова к произведению фельдшера — фамилии не помню — массировавшего ей ноги и составившего хвалебный очерк жизни Распутина. Военная цензура не разрешила выпуска в свет этой брошюры, и мы соглашались

с ней, потому что выход книги в свет поставил бы в необходимость разрешать и рецензии о ней. Настояния Вырубовой в этом направлении делу не помогли.

Не менее характерным делом, подтверждавшим мой общий вывод о личном характере всех отношений, является история с письмом Распутина о Горемыкине. По просьбе князя Андронникова я принимал участие в устройстве юбилея Горемыкина, помогая составить юбилейный о нем очерк. Князь Андронников широко агитировал за возможную популяризацию юбилея, в результате чего последовал ряд поздравительных телеграммм от высочайших особ. А затем, при поддержке Распутина и Вырубовой, был проведен план награждения Горемыкина орденом Андрея Первозванного, который имел из числа высоких сановников только Куломзин.

После этого, когда последовала смена министров, подписавших петицию о поддержании пожеланий Государственной Думы по вопросу о кабинете общественного доверия, как в прессе, так и в думских кругах заговорили об уходе Сазонова, министра иностранных дел, и о принятии Горемыкиным на себя обязанностей такого министра с назначением канцлером Российской империм по образцу князя Горчакова. Слухи вскоре стихли. Но в один из своих очередных мне докладов Манасевич-Мануйлов передал мне, что случайно, как секретарь редакции «Вечернего Времени», на своем дежурстве он познакомился с сыном сенатора Кузьминского, авиатором, который предлагал редакции купить у него письмо Распутина к высоким особам с просьбой о пожаловании Горемыкина «канцлером», в случае отказа предполагая сделать такое же предложение редакции «Речи».

Мануйлов оценил всю серьезность предложения, отказался от покупки письма для редакции, имея в виду нас, и обещал Кузьминскому поместить письмо в надежные руки. Я решил письмо это выкупить у Кузьминского. Для этого был выработан план продажи письма мнимому корреспонденту английских газет, роль которого была поручена мною чиновнику Иозефовичу. Для этого ему пришлось иметь несколько свиданий с Кузьминским в ресторанах и в специально нанятой квартире, заказать визитные карточки несуществующего английского корреспондента и т. п. В конце концов, выкуп письма со всеми расходами обошелся в 1–1½ тыс. р., взятых мною из бывшего в моем распоряжении секретного фонда. Иозефовичу, со слов Кузьминского, удалось узнать, что письмо Распутина передала ему его знакомая барышня, бывавшая у дочери Распутина и видевшая как-то это письмо на письменном столе у Распутина, небрежно вообще относившегося к письмам. Об этом она рассказала Кузьминскому, который и упросил ее достать подлинник.

Этот подлинник я показал Хвостову, который велел снять с него фотографию для своей коллекции о Распутине. По его же приказанию я письмо и фотографии передал Вырубовой, подчеркнув ей ту опасность, которая грозила, если бы все эти материалы попали в руки кадетской партии. Фотография письма была показана и Горемыкину. Распутин был очень удивлен, узнав про похищение у него письма, стараясь разузнать, кто мог это сделать. По его словам, ему «влетело» от Вырубовой за небрежное хранение писем. Роль Кузьминского и Иозефовича в этом деле мы, конечно, никому не раскрывали...

ГЛАВА XIII.

Граф Игнатьев, министр народного просвещения, и борьба с ним. — Ходатайства Распутина. — Женские драмы. — Надзор за Распутиным.

В наш период управления министерством внутренних дел начались также разговоры об уходе графа Игнатьева, министра народного просвещения, подтверждавшие предсказание кн. Андронникова об уходе всех министров, подписавших петицию государю.

Несмотря на отрицательное отношение правых фракций Думы и Совета к деятельности гр. Игнатьева, Хвостов и я находили уход этого министра несоответствующим нашей программе умиротворения Думы. В разговорах с нами Вырубова неоднократно высказывала, что, помимо родственных связей с графиней Игнатьевой, императрица недоверчиво относилась вообще к деятельности этого министра, подыгрывающегося в своей программе к думским настроениям, но что государь, несмотря на неоднократные с ней разговоры о гр. Игнатьеве, продолжает попрежнему дарить его своим доверием не только вследствие давних симпатий к нему, но и потому, что ставит в заслугу гр. Игнатьеву успокоение студенческой молодежи высших учебных заведений.

Когда в бюджетной комиссии были проведена положительная формула оценки деятельности министерства народного просвещения, Вырубова очень заинтересовалась этим и просила доставить ей печатный экземпляр отчета о заседания комиссии. Я поручил своей агентуре узнать у Распутина о положении дела с гр. Игнатьевым, но вскоре я ушел со службы и, уже вернувшись, спросил Распутина о гр. Игнатьеве. Распутин ответил мне, что он поддерживал императрицу, настаивавшую, как и Горемыкин и Штюрмер, на необходимости иметь на этом посту своего человека и на уходе гр. Игнатьева; тем не менее государь «отмалчивался».

В это время Распутин начал уже посещать сенатора Кульчицкого. В ту же пору начались определенные поиски Распутиным нового обер-прокурора, на пост которого Питирим выдвигал Раева, против чего был Распутин. Я и предположил, что поездки его к Кульчицкому имеют целью проведение в обер-прокуроры Кульчицкого. Но, вернувшись в сентябре с Кавказа, я узнал, что мнение императрицы о гр. Игнатьеве поддержал и Н. А. Маклаков, имевший две частных аудиенции у государя. Против Игнатьева действовал и Протопопов, и Штюрмер, а Распутин выдвигал кандидатуру Кульчицкого, с которым говорил и Протопопов. Весь вопрос об уходе гр. Игнатьева держался в таком строгом секрете, что, пока я, вернувшись в ноябре, собирался предупредить гр. Игнатьева, уже состоялся указ об увольнении его от должности и назначении Кульчицкого.

Для характеристики Распутина приведу пример того, насколько он был неискренен в своих отношениях к высоким особам и как он старался в каждом случае найти возможность подчеркнуть им, что все его помыслы и действия направлены исключительно к служению их интересам, доходящему до забвения им даже своих личных обязанностей к семье или родным. За весь период моего знакомства с Распутиным, решительно при каждой смене министра внутренних дел или председателя совета, подымался вопрос о таком материальном обеспечении Распутина, какое исключало бы возможность проведения им дел, во многих случаях, сомнительного характера. Никто из нас не имел мужества, зная о далеко не бескорыстных побуждениях Распутина, честно его разоблачить перед государем. Но все старались как государю, так в особенности государыне и Вырубовой, оттенить, что Распутин является жертвой своих лучших бескорыстных желаний помочь каждому, к нему обращающемуся, и что широко оказываемая им денежная поддержка бедных поглощает все даваемые ему на этот предмет добрыми знакомыми небольшие суммы. При этом каждый из министров обсуждал с Вырубовой как вопрос о материальной поддержке Распутина, так и способы парализования эксплоатации его доброты, при чем, уходя с своего поста, каждый министр держал в тайне от своего заместителя, не желая подчеркивать свою близость к Распутину, секрет своего влияния и сношений с Распутиным. Распутин старался не разуверять в своем бескорыстии ни министров, ни окружавших его лиц, ни, в особенности, высоких особ. Если же государь иногда делал Распутину замечания, когда он представлял его величеству какой-нибудь коммерческой проект,

в особенности за последнее время по поставкам на армию, явно подозрительного свойства, то Распутин вседа отговаривался, что он ничего в этих делах не понимает, а исполняет лишь просьбы других лиц, думая принести этим пользу государю. А затем, в добродушном тоне Распутин рассказывал о том, как его хотели подвести под немилость царя. Все свои денежные дела Распутин вел в большом секрете даже, как я думаю, и от Вырубовой. Он всегда говорил о своих дырявых руках, не умеющих держать денег, и настолько уверил в этом высоких особ, что после его смерти Протопопов принял ряд мер к материальному обеспечению семьи Распутина. Со времени моего вступления в должность, наблюдая за Распутиным внимательно, я убедился, что он был погружен как в проведение больших коммерческих дел, так и в отстаивание своего влияния на государя, и по этим причинам он не желал и боялся оставлять Петроград.

В это время умер отец Распутина, и его вызвали приехать на родину, но Распутин мне говорил, что, когда он заговорил во дворце о своем намерении уехать, то должен был уступить усиленным просьбам высоких особ и остаться. О своем покойном отце он говорил с подкупающим прискорбием, и я подумал, что в нем заговорила совесть, так как из филерских донесений об отношениях его к отцу на родине я знал, что он не только не уважает отца, но даже не старается скрыть от посторонних своего пренебрежения к нему, ругает его самыми скверными словами, а в пьяном виде бьет его, и однажды даже вырвал у него клок бороды. Поэтому я заинтересовался, не изменит ли Распутин свой образ жизни, хотя бы в первые дни после смерти отца, но я убедился, что все осталось попрежнему: то же пьянство, те же кутежи, то же отношение к женщинам.

Как мы условились с Хвостовым, который, как и все сановники, имевшие дело с Распутиным, тщательно старался держать это в секрете, я взял на себя прием просителей с письмами Распутина. С письмами от него являлись преимущественно дамы и в единичных случаях мужчины. Просьбы Распутина заключались, главным образом, в избавлении от отбывания воинской повинности путем устройства в тыловых частях, о предоставлении должностей и о материальной поддержке. Просьбы первого характера я сначала исполнял, но затем в виду их многочисленности отказался, о чем и заявил Распутину. Распутин после этого обратился ко мне только с одной подобного рода просьбой за одного москвича К., прибегнув в этом случае к поддержке Вырубовой. Из разговоров с женой К. я убедился, что она совершенно не знает Распутина и что она обратилась к нему через одну москвичку, устраивавшую все дела через Распутина за плату. Г-жа К. сказала, что все эти хлопоты стоят ей больших денег, которые она давала и посреднице, и лично Распутину, и Вырубовой в виде пожертвований на лазарет. Просьба ее о муже была исполнена, он был назначен в тыл, но Распутин иначе смотрел на завязавшееся с ней знакомство, начал беспокоить К. телефонными разговорами и раз ночью хотел насильно ворваться к ней в номер. После этого К. явилась ко мне, рассказала об этом случае; по моему совету она послала еще денег Распутину и немедленно уехала в Москву. По уходе моем со службы я узнал, что Распутин все же брал на себя дела об освобождении от военной службы. В частности он устроил своего родного сына Димитрия санитаром в поезде императрицы по особому всеподданнейшему докладу.

Второй разряд просительниц ходатайствовал о материальной поддержке и устройстве их на места. На первых порах я помогал денежно и давал рекомендации этим дамам на места, но затем начал получать, наводя справки, такие неутешительные о них сведения, что мне приходилось почти всегда краснеть за рекомендованных мною лиц. Одну из таких дам пришлось даже выслать из Петрограда. После этого

случая я оказывал просительницам только денежную помощь, настойчиво советуя им в Петрограде не засиживаться. Характеризуя их, могу сказать, что эти просительницы принадлежали к числу интеллигентных дам, имевших то или другое положение в обществе, но находившихся на временной или постоянной свободе от семейных обязательств, легко смотревших на жизнь и на моральные принципы. Многие из них как бы гордились оказываемым им Распутиным вниманием и давали понять мне свою, хотя бы и временную, как я потом разузнавал в целях агентурных, к нему близость. Они же мне говорили, что познакомились у Распутина и с Вырубовой. Вначале эта психология для меня была непонятна, но затем, когда ко мне начали поступать из разных источников агентурные сведения, я уже более не удивлялся, так как пришлось встречаться и с такими фактами, когда занимающие видное положение в обществе, как, например, одна княгиня из Москвы, одна из крупных величин в артистическом опереточном мире и другие, хорошо материально обеспеченные и никаких просьб к Распутину не имевшие, из чувства не только любознательности, но и особого интереса к Распутину сознательно искали знакомства с ним, зная, на что они идут....

Наконец, был третий тип просительниц, которых не материальная нужда, а горе по любимым людям заставляло итти к Распутину. Но это горе Распутина не трогало, и я до сих пор не могу забыть одной женской драмы, разыгравшейся у меня в кабинете. На прием ко мне с письмом Распутина явилась прилично и скромно одетая дама, лет за тридцать, с просьбой помочь ей в возвращении административно высланного ее мужа. Высылка была произведена военными властями, и я, несмотря на усиленные ходатайства Распутина, ничего не мог сделать, но посоветовал просительнице уехать из Петербурга, предупредив ее о характере Распутина. Она все же осталась, и однажды, когда она вновь явилась ко мне, я просил ее прекратить ко мне визиты. Тогда она истерически разрыдалась и рассказала мне свою драму. Приехала она к Распутину, имея сбережения и драгоценные вещи; выдав почти все свои деньги Распутину, она настойчиво отклоняла всякие попытки Распутина фривольного свойства. После моего отказа хлопотать за ее мужа Распутин поставил ей ультиматум: или исполнить его требование, и тогда он попросит государя о муже, или же не показываться ему на глаза. Ни слезы, ни просьбы не помогли, и Распутин, пользуясь ее нервным состоянием, несмотря на то, что в соседней комнате были посторонние, насильно овладел ею и затем уже несколько раз приезжал к ней в гостиницу, поддерживая в ней веру в исход дела и взяв от нее всеподданнейшее прошение. Затем Распутин резко прервал с ней знакомство. Вспомнив мои предупреждения и не имея денег на обратный выезд, она и обратилась ко мне за помощью. Я посоветовал ей уехать, что она и сделала на другой день. Когда я спросил Распутина, почему он ее перестал принимать, то он ответил, что она «дерзкая» и что поэтому он не передал государыне ее прошения.

Прилегающая к столовой в его квартире комната, где стояла кровать Распутина и куда никто не имел права даже из близких входить, пока он там находился с кем-либо, могла бы рассказать много подобных жизненных драм, в ней протекших. Агентура отмечала и такие факты, когда оттуда в растрепанном виде выбегали с криками некоторые просительницы (из простолюдинок), ругаясь и отплевываясь, но их сейчас же старались успокоить и удалить из квартиры.

Чтобы разрядить атмосферу около Распутина, я при посредстве трех дам-сотрудниц и других лиц, близких Распутину, добился того, что поездки его по незнакомым ему домам значительно сократились, а в тех случаях, когда он, избегая домашней обстановки, рвался на сторону, – почитательницы его приглашали к себе и устраивали ему обеды или ужины с вызовом гармонистов, под плясовые наигрывания

которых подвыпивший Распутин любил танцовать. Кроме того, в излюбленных Распутиным ресторанах, вследствие моих соглашений с градоначальником, отводились отдаленные, изолированные от публики кабинеты, куда кроме лиц, приезжавших с Распутиным или им вызываемых, никто не допускался, и где Распутин мог, не стесняясь временем, засиживаться, слушая любимые им песни цыган и принимая участие в их танцах.

Что касается личной охраны Распутина, то с приездом полк. Комиссарова я учредил двойной контроль и проследку за Распутиным не только филерами начальника охранного отделения Глобычева, но и филерами Комиссарова; заагентурил всю домовую на Гороховой, 64, прислугу, поставил сторожевой пост на улице, завел для выездов Распутина особый автомобиль с филерами-шофферами; для наблюдения за выездами Распутина с кем-либо из приезжавших за ним на извозчике, завел особый быстроходный выезд с филером-кучером. Затем все лица, приближавшиеся к Распутину или близкие к нему, были, по моему поручению, выясняемы, и на каждого из них составлялась справка. Один экземпляр справок я передавал Хвостову. Далее была установлена сводка посещаемости Распутина и проследка тех случайных лиц, которые так или иначе возбуждали сомнения при посещении Распутина. Кроме того, были приняты меры против газетных и театральных выступлений о Распутине, реорганизована самая тщательная перлюстрация всех получаемых им писем, что давало иногда возможность не только обнаруживать некоторые планы и заранее знать содержание его просьб, но и раскрывать сношения с ним многих лиц, в особенности из среды духовной иерархии.

ГЛАВА XIV.

Приглашение Комиссарова. — Его прошлое. — Распутин, Добровольский и Симанович.

Для завершения всех наших мероприятний по отношению к Распутину, я рекомендовал Хвостову пригласить состоявшего в ту пору начальником вятского губернского жандармского управления полк. Комиссарова, о личности и деятельности которого держится в обществе много легендарных рассказов.

Директор департамента полиции Н. П. Зуев, бывший живой хроникой департамента, подробно рассказал мне прошлое Комиссарова, его отношения к ген. Герасимову и разрыв с ним на почве семейных недоразумений, о службе его в департаменте полиции, о знаменитой комнате, обитой пробкой, где печатались контр-революционные прокламации, обнаруженной бывшим товарищем министра внутренних дел кн. Урусовым и гр. Витте. Это открытие послужило началом борьбы Витте и Дурново и вызвало расследование, произведенное, по требованию Витте, директором департамента полиции Вуичем и Рачковским, в присутствии товарища прокурора палаты Камышанского, с целью доказать руководящую в этом деле роль П. Н. Друново. Зуев мне рассказывал, что Комиссаров, при допросе его, обнаружил большую стойкость и взял всю вину исключительно на себя, несмотря на угрозы со стороны Витте серьезным наказанием. Зуев, признавая некоторые слабости Комиссарова, лично ценил в нем его преданность и чувство привязанности к людям, оказавшим ему доверие и внимание. Поэтому Зуев прощал Комиссарову многое из его служебных погрешностей. Вскоре после этого Зуев уехал в заграничный отпуск, и я, по приказанию Столыпина, вступил в управление департаментом полиции, при товарище министра П. Г. Курлове. В ту пору Столыпин и Кривошеин решили совершить

об'езд по России и Сибири, в связи с произведенными аграрными реформами. Охрана поезда была возложена тогда, по моему настоянию, на Комиссарова, при чем роль его в этом отношении была затушевана. Он в поезде Столыпина не ехал, а был только передовым. На это назначение Столыпин согласился не особенно охотно. В дальнейшем Комиссаров успешно делал свою карьеру и дошел до поста саратовского начальника губернского жандармского управления, откуда был переведен, — что было значительным понижением, — в Вятку, по распоряжению Джунковского.

Узнав о моем назначении, Комиссаров пытался перевестись в Петроград, начальником охранного отделения, но я решил, что полковник Комиссаров, как человек искренне ко мне расположенный, которому я могу вполне довериться и откровенно посвятить его в мои и Хвостова отношениея к Распутину и Вырубовой, хорошо подойдет к роли агента, приставленного от нас при Распутине. Хвостов на это немедленно согласился. Комиссаров был вызван в Петроград и в первое же свидание с Хвостовым произвел на него хорошее впечатление своей оживленной беседой, в которой, к моему удивлению, он перешел несколько границы почтительности, ему обычно присущей. Когда я, возвращаясь от Хвостова в автомобиле с Комиссаровым, отметил ему в виде опасения эту черту разговора, то на это Комиссаров ответил, что я неправильно себе представляю личность и мотивы Хвостова, как министра вообще, так и в отношении к Распутину в особенности: в них Комиссаров не видит никаких государственных или идейных соображений, а только преследование Хвостовым личных своих интересов. Это впечатление Комиссаров вынес из обстановки приема у Хвостова и прибавил, что, зная близко многих министров внутренних дел, он не мог почувствовать в Хвостове министра. Затем Комиссаров заявил мне, что он только для меня, но не для Хвостова, о котором он навряд ли в будущем переменит свое мнение, возьмет предлагаемое ему поручение. Но Комиссаров ставит условием разрешить ему при всех случаях общения с Распутиным быть не в офицерской форме, которую он не желает ронять, а в статском платье.

Комиссаров был назначен начальником жандармского управления одной из эвакуированных губерний, прикомандирован к департаменту полиции и определен в мое распоряжение. Затем я поручил Комиссарову немедленно избрать соответствующий штат опытных, испытанных и преданных филеров, организовать параллельное наблюдение за Распутиным, вменив филерам в обязанность приобрести расположение к себе Распутина, — чего они впоследствии вполне достигли, — и позаботиться приисканием вполне удобной, подходящей для конспиративных свиданий с Распутиным квартиры. Не открывая роли Комиссарова Глобычеву, я предписал последнему ряд мер, которые согласовались бы с агентурными охранного отделения наблюдениями за Распутиным.

Приступая к делу, я сумел заинтересовать Вырубову и Распутина личностью Комиссарова и его преданностью интересам трона, рассказал им о роли Комиссарова при Дурново и оттенил отрицательное отношение к нему ген. Джунковского.

После этого я сказал Распутину, что, исполняя его желание и веря в его замечательное знание людей, мы сами отходим постепенно от кн. Андронникова; отныне те 1500 рублей, которые передавал ему от нас кн. Андронников, ему будет передавать, кроме ассигновок на ежемесячные благотворительные нужды, Комиссаров. Комиссарову Распутин может при ежедневной к нему явке передавать прошения, какие-либо интересующие нас новости и свои пожелания, вполне доверившись Комиссарову. Новая квартира для наших конспиративных с ним свиданий была нанята Комиссаровым в переулке, выходящем на Фонтанку, в первом этаже. Эту квартиру Комиссаров прилично обставил, снабдив ее всем необходимым, в том числе вином, для

устройства Распутину обедов и ужинов, и поселил в ней преданного ему, женатого филера под видом лакея.

Комиссаров сразу произвел на Распутина хорошее впечатление, быстро ориентировался в его жизни, установил с ним дружеские отношения и вошел в курс интересов и привычек Распутина. Рано утром, до прихода посетителей, Комиссаров являлся на квартиру к Распутину и, пока тот был в трезвом и приличном виде, узнавал от него новости, наводя его на интересующие нас темы, проводил путем обсуждения с Распутиным наши пожелания, подчеркивал нашу доброжелательность к Распутину, нашу преданность Вырубовой и интересам императрицы и государя, и удерживал Распутина от его поездок в незнакомые дома и от употребления вина в незнакомом обществе, чем заслужил уважение в семье Распутина, где он стал своим человеком. Затем Комиссаров брал от Распутина, когда начинались приемы, различные прошения для передачи нам, ехал ко мне, а со мной и к Хвостову и докладывал подробно обо всем, что касалось Распутина, и о том, как они, по шутливому замечанию Комиссарова, решают с Распутиным государственные вопросы и обсуждают необходимые перемены в составе кабинета. За этот период времени, благодаря Комиссарову и всестороннему агентурному освещению образа жизни Распутина, удалось в точности установить роль близких к Распутину лиц, из которых только немногие относились к нему сердечно; остальные же проводили через него крупные дела, действуя секретно друг от друга и следя один за другим, чтобы поддержать в Распутине постоянное чувство подозрительности в обмане его при расчетах с ним тех, чье влияние на Распутина усиливалось. Сам Распутин никогда не посвящал в свои денежные дела даже самых близких ему лиц, но зорко следил за охраною своих материальных интересов и производил подробный сыск о тех, кого он подозревал в обмане его, и затем, не сдерживаясь, публично их разоблачал, не стесняясь в выражениях.

Такие черты своего характера Распутин проявил в особенности по отношению к Добровольскому, инспектору народных училищ петроградского округа. Он и жена его пользовались особым расположением семьи Распутина. Сам Добровольский был очень конспиративен и сдержан, хорошо изучил слабые стороны Распутина, умело влиял на него. И поэтому Добровольский заведывал корреспонденцией Распутина, был посвящен в тайны влияния Распутина на высочайших особ и вел особую приходо-расходную книгу, куда записывал все свои денежные расчеты с Распутиным. Поставляя Распутину деловую клиентуру, Добровольский заставил окружавших Распутина лиц считаться с ним, Добровольским, и приглашать себя к участию в прибылях при проведении через Распутина денежных дел. Это многих задевало, конкуренты Добровольского, к которому доброжелательно относилась и Вырубова, повели против него умелую интригу, пользуясь подозрительностью Распутина, и, когда почва была подготовлена, то решительный удар был нанесен неким Симановичем. После бурного об'яснения Распутина с Добровольским отношения их прервались, и если потом и возобновились, то никакой роли Добровольский у Распутина уже не играл.

Что касается Симановича, то последний был знаком с Распутиным издавна еще по Киеву, где Симанович имел небольшую ювелирную лавку. Симанович в Петрограде вошел в полное доверие к Распутину, и его положение в доме Распутина закреплялось с каждым днем. Симанович не бескорыстно для себя устраивал Распутину много прибыльных дел. Из справки начальника охранного отделения полк. Глобычева выяснилось, что Симанович состоит на учете сыскной полиции, как клубный игрок и ростовщик, помещающий свой капитал до 200 т. р. в вексельные займы золотой кутящей петроградской молодежи под большие $^0/_0$. Эту справку мы доложили

Вырубовой и предупреждали Распутина, — и не раз при посредстве Комиссарова. Но Распутин, наоборот, после этого еще более сблизился с Симановичем. Хвостов предполагал выслать Симановича, но я высказался против этой меры, в виду того, что Симанович приносил и пользу в отношении ревнивой охраны Распутина от подозрительных знакомств. После моего ухода со службы Хвостов арестовал Симановича в связи с делом Ржевского и произвел обыск у Добровольского. В этот момент я понял, какое значение имел для Распутина Симанович: Распутин нервно и настойчиво хлопотал у императрицы и добился того, что Симанович был освобожден от ареста, а затем была отменена и высылка его в Псков. На всеподданнейшем прошении Симановича государь написал резолюцию о прекращении против Симановича всяких преследований.

В этот период времени Манасевич-Мануйлов передал мне о желании Симановича познакомиться со мной. Знакомство это я поддерживал до последного времени. Я часто встречался с ним в тех домах, куда Распутин приезжал в сопровождении Симановича, при посещениях квартиры Распутина и был у Симановича раз на обеде, данном им Распутину.

Симанович в общем был со мной откровенен, рассказывал мне много о тайных предположениях Распутина относительно служебных перемен, познакомил меня с подробностями дела Ржевского, помогая мне восстановить поврежденные этим отношения с Распутиным, давал мне правильную оценку отношений Распутина к высшим чинам правительства и посвятил меня в свои планы проведения через Распутина в министры юстиции Н. А. Добровольского, своего старого знакомого, с которым он познакомил поближе Распутина. Это дало мне возможность предупредить об этом А. А. Макарова. Симанович же держал меня в курсе всех данных о смерти Распутина, ездил со мной в ближайжие после смерти дни к Вырубовой с докладами об имевшихся у него по этому поводу данных и рассказывал мне о Протопопове и Курлове в первый период сближения их с ним при жизни Распутина.

Я усмотрел в Симановиче много хороших черт. Между прочим, он старался через Распутина воздействовать в высоких сферах на изменение правительственной политики в еврейском вопросе, чем отчасти и об'ясняется благожелательное отношение государя к поднятому Протопоповым вопросу о расширении прав евреев.

После смерти Распутина я узнал от Симановича, хорошо ознакомленного с материальными делами Распутина, что после Распутина осталось хорошее состояние, по крайней мере, в 300 т. р.

ГЛАВА XV.

Жизнь Распутина. — Его телефонные разговоры. — Празднование Распутиным своих именин. — Свидания с Распутиным.

Из наблюдений полк. Комиссарова, рисующих значение Распутина и обстановку его жизни, я припоминаю следующие его рассказы.

Однажды Комиссарову пришлось быть свидетелем телефонного разговора Распутина с великой княжной Татьяной Николаевной и наследником. Великая княжна сообщала Распутину, что у наследника болит голова, и передала телефонную трубку наследнику, который, повидимому, подтвердил то же самое Распутину, прося его приехать. Тогда Распутин ласковым тоном начал рассказывать ему какую-то сибирскую сказку и, по окончании, сказал, что он придет на другой день. Распутин начал настойчиво убеждать наследника пойти и лечь в постель, уверив его, что после этого у него пройдет головная боль.

Обычно все телефонные разговоры Распутина с Царским Селом, в особенности с Вырубовой, которая с ним говорила ежедневно, происходили около 10 ч. у. Поэтому Распутин, где бы он ни был и как бы бурно ни провел ночь, всегда к этому времени возвращался домой, ожидая с нетерпением звонка из Царского Села. В зависимости от этих разговоров находилось и его настроение. Поэтому и свидания с ним Комиссарова тоже приурочивались к утренним часам. Таким образом, мы имели возможность получать некоторые сведения, нас интересующие, из первоисточника, или передавать через Комиссарова Распутину к этому времени то, о чем мы признавали нужным осведомить Вырубову для дальнейшего ее доклада во дворце.

Второй рассказ Комиссарова касался празднования Распутиным дня своего ангела—10 января.

Так как об именинах мы знали от Комиссарова заранее, то с ведома Хвостова я отпустил в распоряжение Комиссарова из секретного фонда особую сумму на покупку ценных подарков не только самому Распутину и его двум дочерям, но и приехавшим к этому дню жене Распутина и его старшему сыну. Куплены были обеденное серебро, брошь, золотые часы и браслеты. В этот день филерам Комиссарова нами было поручено во что бы то ни стало проникнуть внутрь квартиры Распутина, так как нас интересовал завтрак с Вырубовой и вечер в интимной обстановке друзей Распутина. Филеры, которых Распутин сначала не пускал к себе в квартиру, к этому времени уже сумели войти в доверие к нему, сопровождая его в церковь и в баню. Он уже охотно вступал с ними в разговоры и ценил обнаруживаемую ими преданность и удовольствие быть в его обществе. Поэтому, сопровождая Распутина в церковь в этот день, филеры предложили свои услуги помогать девочке-племяннице Распутина в передней при раздевании посетителей. Распутин, находясь в хорошем настроении, благодаря полученным от нас подаркам и поздравлению по телефону Вырубовой, обещавшей быть у него к завтраку, и благодаря полученной им телеграмме от высочайших особ, разрешил филерам быть у него на квартире.

По возвращении Распутина из церкви, к нему начали собираться избранные его знакомые с ценными подношениями. Один из рестораторов приготовил уже на свой счет обеденный стол с именинным пирогом. По приезде Вырубовой начался завтрак, проходивший, до ее от'езда сдержанно, при чем Мудролюбов сказал большую, в патетическом тоне, речь и подчеркнул государственное значение Распутина, как простого человека, доводящего к подножию трона болевые народные нужды. После от'езда Вырубовой в течение целого дня совершался непрерывный приток посетителей, приносивших Распутину массу ценных подарков. Целый дождь ценных подношений был прислан Распутину при письмах и карточках разных лиц, так или иначе связанных с Распутиным. Чего только не было здесь: серебряные и золотые вещи, ковры, целые гарнитуры мебели, картины, деньги и т. п. Все эти вещи жена и сын затем отвезли в с. Покровское. Затем из разных мест России было прислано Распутину много поздравительных телеграмм.

Распутин сиял от благожеланного удовольствия, с каждым приходившим к нему пил и, наконец, к вечеру свалился, и его уложили в постель. Немного протрезвившись сном, он вечером, с приходом более интимного кружка лиц, преимущественно дам, начал снова с ужина пить и требовал того же от дам, так что он почти их всех споил. Более благоразумные дамы поспешили уехать, оставшиеся же были охвачены вместе с Распутиным, дошедшим в пляске и опьянении до полного безумия,—такой разнузданностью, что хор цыган поспешил уехать, а оставшиеся посетители в большинстве заночевали у Распутина. На другой день мужья двух дам, оставшихся на ночь в квартире Распутина, ворвались к нему на квартиру с оружием в руках. Филе-

рам стоило большого труда предупредить Распутина и дам и этим дать последним возможность скрыться из квартиры по черному ходу, успокоить мужей, для чего они проводили их по всей квартире и дали уверение, что их жен на вечере не было. Филеры затем проследили за ними и выяснили их личность.

По словам Комиссарова, докладывая ему об этом вечере, филеры не могли без омерзения вспомнить виденные ими сцены. Этот случай с мужьями запугал Распутина, и он несколько времени после этого как бы затих, был послушным, избегал выездов, боязливо прислушивался к звонкам и был благодарен нам за улаживание этой истории, обещая больше у себя на квартире замужних женщин на ночь не оставлять, и просил об этом никому, даже Вырубовой, не говорить, что мы и исполнили. Но затем в скором времени Распутин, убедившись, что эта история заглохла, начал снова вести свой прежний образ жизни, но только был сравнительно осторожен в своих отношениях к замужним женщинам.

Что касается наших свиданий с Распутиным, то они, после устройства нами особой квартиры, происходили регулярно, по мере необходимости в этом для нас или когда Комиссаров, видя какие-либо колебания Распутина в отношении к нам или его неудовольствие на нас за неисполнение какой-нибудь интересовавшей Распутина просьбы, убеждал нас в необходимости личных переговоров с Распутиным. В таких случаях устраивался обед, мы вели нужные беседы, и в свою очередь Распутин передавал нам содержание своих рагзоворов с высокими особами и с Вырубовой и всякий раз обращался к нам с какой-либо просьбой или прошением, его интересующим, подчеркивая неизменно свое бескорыстие. Иногда происходили неловкости, так как Распутин, плохо разбираясь в бумагах, иногда передавал нам не то прошение, какое ему было нужно. И когда Хвостов или я указывали ему, что переданный документ касается получения концессии или подряда и к нам не относится, то Распутин вынимал другое прошение, а их у него всегда было в кармане много.

На первых наших обедах Распутин бывал сдержан в вине и даже пытался вести с нами беседы в духе своих «размышлений», но затем Комиссаров установил с ним сразу дружеский разговор на «ты» и отучил его от этой, по словам Комиссарова, «божественности». Это понравилось Распутину, и он с того времени перестал нас совершенно стесняться и, приходя в хорошее настроение, приглашал нас обычно поехать к цыганам, что мы всегда отклоняли.

При наших свиданиях с Распутиным в тех случаях, когда дела касались личных интересов Хвостова, как, например, скорейшего его утверждения в должности министра, пожалования ему, по примеру Маклакова, минуя три награды, сразу ордена Анны 1-ой степени, проведении его кандидатуры на пост председатель совета министров и награждения его сразу шталмейстером, —Хвостов выходил в соседнюю комнату под предлогом отдыха, и тогда я о таких делах говорил лично с Распутиным. А затем я ездил к Вырубовой, ведя с ней такую же беседу и не забывая в нужных случаях заручиться поддержкой Воейкова.

ГЛАВА XVI.

Планы А. Н. Хвостова об убийстве Распутина. – Мое и Комиссарова отношение к этому. – Давление со стороны ген. Воейкова и правых. – План избиения Распутина и неудавшаяся попытка.

Под влиянием всех изложенных выше мер, отношения наши со всеми необходимыми мне и Хвостову лицами установились, вопрос об охране Распутина и сношений с ним наладился, равным образом установились и хорошие отношения с Вырубовой

не только деловые, но и частные. Меня и Хвостова государыня, Вырубова и Распутин считали, в чем я был искренно убежден, несмотря на неоднократные предупреждения Комиссарова, тесно связанными друг с другом не только общностью служебных интересов, но и чисто дружескими отношениями. Я за этот период времени никаких наград не получил, А. Н. Хвостов же был утвержден министром, пожалован Анной 1-ой степени и укрепился в своем положении, бросив первые семена недоверия к Горемыкину в смысле неправильности его политики по отношению к Государственной Думе.

В этот период времени А. Н. Хвостов начал вести со мною, в дружеской форме излияний, сначала отдаленные, а затем и вполне откровенные разговоры о вреде Распутина, не только с точки зрения охраны интересов династии, но и в наших личных. Подчеркивая мне то обстоятельство, что положение его, Хвостова, теперь укрепилось у высочайших особ, у Вырубовой и у Воейкова, Хвостов начал вести со мной разговоры на тему о том, что теперь Распутин нам не только совершенно не нужен, но даже и опасен: с ним, с его настроениями и с его подозрительностью постоянно необходимо считаться, что, при возможных на него сторонних влияниях, сильно осложняет проведение намеченных Хвостовым начинаний, как в области государственной, так и в сфере его личных предположений. При этом Хвостов указывал, что его, равно как—он думает — и меня, тяготят свидания с Распутиным и постоянная боязнь обнаружения, вследствие бестактности Распутина, нашей близости к нему. Это делает невозможным его, Хвостова, положение в семье, в обществе и в Государственной Думе. Избавление же от Распутина очистит атмосферу около трона, внесет полное удовлетворение в общественную среду лучше всех наших мероприятий, умиротворит настроение Государственной Думы и подымет в глазах общества, Думы и Совета наш престиж. При умелой организации этого дела устранения Распутина, наше положение не пошатнется в глазах высочайших особ и Вырубовой, если мы постепенно подготовим их к возможности подобного рода события, жалуясь в доброжелательной к Распутину форме на его неодократные, тайно от филеров совершаемые выезды. Хвостов указывал, что со смертью Распутина доминирующее во дворце положение Вырубовой бесспорно поколеблется, чем можно в дальнейшем умело воспользоваться для отдаления ее от высочайших особ. Затем Хвостов мне добавил, что в расходах на организацию этого дела можно не стесняться, так как он имеет в своем распоряжении для этой цели значительное частное денежное ассигнование.

Когда я об этом замысле Хвостова передал Комиссарову, то последний целым рядом логических посылок доказал мне, что в данном случае Хвостов, как и во всех предыдущих отношениях его ко мне, — неискренен: Хвостов, поставив меня в глазах высочайших особ, Вырубовой, митрополита и близких Распутину лиц в роль близкого к себе человека, которому он передоверил охрану Распутина и сношения с ним, все время умышленно подчеркивал это перед Вырубовой и другими и тем самым оставил себе в будущем возможность свалить всю вину в этом деле на меня. Комиссаров указал мне также очень важную черту Хвостова — отсутствие у него конспиративности. Но Комиссаров добавил, что, если у него раньше, когда он не знал Распутина, было еще какое-нибудь сомнение в фатальном зле, приносимом Распутиным династии, то теперь, хорошо узнав этого человека, он и его филеры, которые не могут без чувства крайнего возмущения говорить о близости такого порочного человека к тем, кто для них священен, — всегда бы нашли возможность, при тех отношениях, которые теперь установились с Распутиным, избавиться от него. Однако Комиссаров, не веря Хвостову, не может рисковать участью преданных ему людей. Комиссаров

закончил, что, если бы это отвечало моим желаниям, то он и его филеры, зная меня и мое отношение к подчиненным, сделают все то, что я прикажу.

После этого разговора с Комиссаровым я начал вспоминать весь период моей близости к Хвостову, отдельные эпизоды и мелочи жизни, слухи, все разговоры с ним и отношения к старым своим хорошим знакомым, которым он наружно при мне показывал знаки доверия, а после их ухода их вышучивал, указывая, ради какого личного интереса он их к себе приблизил, и т. п., — я, действительно, многое понял, — в особенности черствость, эгоистичность и беспринципность этого человека.

Переходя к вопросу о Распутине, вне всякой зависимости от желания Хвостова, я при всем моем органическом отвращении к крови, в силу природных качеств и воспитания, все-таки задумался: что, если бы под влиянием соображений высшего порядка, оставляя в стороне заманчивые перспективы, которые рисовал мне Хвостов, — что, если бы я пошел на эту великую для меня жертву и принял на себя организацию и осуществление, хотя бы в роли соучастника, этого преступления? Достиг ли бы я в конечных целях поставленной мною задачи и не был ли бы этот акт наивысшего, чреватого по своим непредвиденным последствиям, служебного преступления бесплодною жертвою с моей стороны, которая всегда была бы для меня тягчайшим укором совести?

После долгого размышления я всесторонне взвесил склад мистически настроенной духовной организации государя, который видел в даровании ему долгожданного наследника проявление милости к нему высших и таинственных сил провидения, вследствие его молитв и общения с людьми, как бы имевшими особый дар предвидения будущего. Я учел постоянные опасения государя и императрицы за жизнь наследника и единственную веру их в то, что только одна незримая мощь тех же сил и лиц способна спасти и продлить эту дорогую им жизнь. Я видел этому примеры в прошлом, до появления Распутина, в отношениях к старцам, юродивым, предсказателям и тому подобным лицам. И я пришел к тому заключению, что если исчезновение Распутина временно и успокоит, в силу одиозности этого имени, деспотизм общественного мнения о нем, то вследствие причин, выше мною отмеченных, оно неизбежно повлечет за собою появление во дворце какого нибудь нового странного человека по типу тех же лиц, которые проходили ранее, вроде Миши Козельского, Васи Босоножки, Мардария и других, от которых Распутин впоследствии так ревниво оберегал свое влияние на высокие сферы.

В виду этого такая жертва с моей стороны, противная совести и законам, была бы бесцельна сама по себе и, вызвав, при самых лучших условиях, общественное к Хвостову и ко мне внимание, могла бы через некоторое время вселить большое опасение в возможности применения нами, пользуясь преимуществами служебного положения, того же способа борьбы с политическими противниками существовавшего режима.

По всем этим основаниям я решил, пока мне не представится благовидный предлог для ухода, без ущерба для себя, со службы, удерживая в своих руках все нити наблюдения и охраны Распутина, противодействовать в этом отношении Хвостову, усыпляя его бдительность. Выдавать его намерения Вырубовой и Распутину я считал неэтичным, так как это могло быть истолковано Хвостовым и другими лицами в самом невыгодном для меня свете, в особенности в широких общественных кругах, которые, в силу одного имени Распутина, стали бы на сторону А. Н. Хвостова.

Я поделился этими соображениями с Комиссаровым, и мы решили показать Хвостову всю видимость нашего искреннего сочувствия его замыслу относительно Распутина, но подвергать самой широкой критике все предлагаемые им планы,

затягивая под всякими благовидными предлогами наступление решительного момента исполнения. Когда я передал Хвостову о том, что подготовил Комиссарова к принятию его предложения, и заручился его согласием, то при следующем нашем совместном докладе Хвостов, повторив ему все высказанные уже мне мотивы для устранения Распутина, был горячо поддержан Комиссаровым, заверившим его, что это отвечает его пожеланиям и его филеров, на которых можно всецело положиться.

После этого А. Н. Хвостов приступил к обсуждению плана убийства, входя с особым интересом в обсуждение каждой детали и даже высказывая желание лично принять участие в деле. Чем больше мы об этом говорили, тем сильнее захватывала А. Н. Хвостова мысль убить Распутина, и тем тяжелее было для меня присутствовать при этих обсуждениях. Что касается Комиссарова, то я поражался его умению подойти под тон настроения Хвостова, и только потом, когда мы уходили с Комиссаровым от него, Комиссаров не сдерживался в своей оценке Хвостова, который теперь и для меня стал ясен во всей беспринципности своего мировоззрения.

После долгого обсуждения А. Н. Хвостов предложил послать, после принятия мер предупредительного характера, Распутину автомобиль под видом приглашения к какой-нибудь даме, а затем в глухом переулке, где автомобиль должен был замедлить свой ход, в него должны были вскочить загримированные люди Комиссарова; затянув петлю на шее Распутина и обмотав предварительно его лицо платком, чтобы он не кричал, и оглушив его, — они должны были свезти затем труп его на Неву, на Острова, и там его бросить в прорубь или, что еще лучше, завезти его на взморье и там зарыть в снегу, привесивши к телу камни, чтобы при оттаянии льда труп опустился в море.

Но весь этот план требовал многочисленных предварительных приготовлений: необходимо было удалить под благовидным предлогом проследку филеров Глобычева, подготовить автомобиль, распределить роли среди филеров, наметить даму, которую знал бы Распутин, устранить возможность разговора с ней Распутина и т. п. Высказывая постоянно А. Н. Хвостову те или иные возражения, я не мог не обратить его подозрительного внимания своим поведением, и он в первое время приписывал это моему малодушию и поэтому старался воздействовать на меня не только лично, но и давлением со стороны. Так, в одно из обычных ежемесячных посещений меня Марковым и Замысловским для получения денег на партийные надобности и за дополнительными субсидиями на «Земщину» и лазарет, Марков, в присутствии Замысловского, сказал мне, что они только что были у Хвостова и от него, с его ведома и согласия, пришли переговорить со мной о необходимости, до открытия Государственной Думы, убрать Распутина, который всем своим поведением и афишируемою близостью к августейшим особам подрывает в корень все партийные начинания монархических организаций в деле борьбы с начавшимся анти-династическим движением в стране. При этом Марков добавил, что, судя по словам Хвостова, все зависит теперь от меня.

Замысловский почти не принимал никакого участия в разговоре, но, по моим сведениям, оба они с Распутиным знакомы не были и в отношении его держались непримиримой точки зрения, какой придерживалось подавляющее большинство членов правой фракции Государственного Совета, кроме Штюрмера и Н. А. Маклакова, лично знавших Распутина.

Своим собеседникам я ответил, что, если бы речь шла о моем отношении к устранению Распутина средствами партийных монархических организаций, то можно было бы говорить о моем колебании, но, в данном случае, когда осуществление всего акта А. Н. Хвостов возлагает на меня, я не могу не обдумать каждого своего шага.

Затем, при одном из ближайших моих посещений в Царском Селе дворцового коменданта ген.-майора Воейкова, последний также повел разговор на эту тему, указав на то, главным образом, что в армии идет как среди командного состава, так и среди войсковых частей, открытое брожение на почве возмущения влиянием Распутина на августейших особ, которое может вылиться в самые нежелательные формы анти-династического движения. Передав об этом А. Н. Хвостову, Воейков считал нужным обратить на это мое особое внимание. Когда же я указал, что, согласно одобренному и им плану, мною приняты все меры к избежанию лишних разговоров о Распутине, Воейков на это ответил, что это паллиативы и что мне надо подумать о чем-либо более существенном, чтобы раз навсегда положить этому предел. Затем и впоследствии я имел такой же разговор с Воейковым, при чем заметил некоторую сухость с его стороны по отношению к себе. Это было незадолго до истории с Ржевским, когда А. Н. Хвостов повел уже свою личную политику в отношении Ржевского, так что в перемене к себе Воейкова я видел отражение влияния Хвостова.

Наконец, с Комиссаровым, а затем и со мною, по поручению А. Н. Хвостова, на эту тему говорил кн. Андрей Ширинский-Шихматов. Но последнему и Комиссаров, и я, зная его доброжелательность к нам, откровенно расшифровали побуждения Хвостова; поставив его в курс всех своих соображений по этому делу, — и он их разделил, — мы рассказали ему о той позиции, какую я и Комиссаров заняли по отношению к Хвостову в этом вопросе.

Из всего происшедшего я вынес убеждение, с одной стороны, в том, что Комиссаров прав в оценке поведения Хвостова в этом деле и его неконспиративности, с другой — в необходимости что-либо предпринять, чтобы усыпить на время бдительность Хвостова. А он между тем становился с каждым днем все более и более настойчивым и обнаруживал желание или избить Распутина или, если мы не убьем его, самому его убить на свидании из револьвера... И при этом Хвостов показывал свой небольшой браунинг...

Тогда я, воспользовавшись брошенной Хвостовым мыслью об избиении Распутина, стал доказывать министру, что подобного рода мера, если она будет проведена под видом мести мужа за поруганную честь жены, даст нам в будущем, когда совершится основной акт, основание указать и Вырубовой, и высочайшим особам, что и убийство является таким же актом мести. Вместе с тем, развивая этот план, я указал Хвостову, что, желая отвлечь Распутина от посещения ресторанов, я, в числе других лиц, между прочим, вошел в соглашение с другом Манасевича-Мануйлова, — сотрудником «Вечернего Времени» М. А. Снарским (он же Оцуп), которого снабдил авансом для приглашения Распутина к себе на вечера. Я просил Снарского, в случае настойчивых попыток Распутина ехать в те или другие увеселительные заведения, сопровождать его, удерживая от скандалов и устраивая эти кутежи в изолированных от публики помещениях.

В виду этого я заявил Хвостову, что, переговорив со Снарским, который живет в малолюдном переулке, я дам ему еще денег для устройства у себя вечера: узнав, когда Распутин будет у него, я сообщу об этом Комиссарову, который замаскирует своих людей, и они, при выходе Распутина, с соответствующими угрозами нападут на его, привлекут шумом борьбы внимание дворников, чтобы последние могли доставить Распутина в полицию, — для регистрации этого случая, — и сами исчезнут на автомобиле Комиссарова. Затем филеры, встревожась долгим отсутствием Распутина, начнут осведомляться из его квартиры по участкам и таким образом отведут от себя всякое подозрение, а нам дадут возможность сослаться на этот случай, как на доказательство трудности охраны Распутина при его стремлении скрывать свои выезды от филеров, что может повлечь за собою и более серьезные против него выступления.

Когда А. Н. Хвостов одобрил этот план, то я переговорил с Комиссаровым, который согласился осуществить его, так как Комиссарова постоянно смущали тайные от филеров отлучки Распутина.

Ко мне зашел Снарский. Я об'яснил ему необходимость в виду поведения Распутина попугать его и попросил Снарского пригласить Распутина, задержать его при выходе гостей и выпустить его одного. Для устройства этого вечера я выдал Снарскому аванс.

Через несколько дней Снарский сообщил мне о дне, когда назначено у него на квартире свидание Распутина с двумя дамами. Я передал об этом Комиссарову и просил, чтобы он внушил филерам не переусердствовать. Когда вечером Комиссаров мне доложил, что люди поставлены им на посту и роли распределены, А. Н. Хвостов пожелал прокатиться и лично посмотреть всю инсценировку подготовлявшегося нападения на Распутина. Мы отправились втроем, проехали по переулку, где жил Снарский, видели и автомобиль Комиссарова с опущенным верхом, и загримированных филеров. Однако, показывая нам квартиру Снарского, Комиссаров обратил наше внимание на то, что она не освещена, но я успокоил его тем, что вечеринка состоится после 12 ч. ночи., когда дамы приедут из театра, и что Снарский к этому времени обещал привезти и Распутина.

На другой день Комиссаров доложил, что никакой вечеринки у Снарского не было, — и план избиения, таким образом, не мог быть осуществлен. Снарский об'яснил мне, что вечеринка расстроилась из-за Распутина, который не мог в этот вечер почему-то приехать к нему, но я узнал впоследствии, что всю эту ночь Распутин вместе со Снарским прокутили в отдельном кабинете Палас-Театра.

А. Н. Хвостов был очень недоволен такой неудачей потому, вероятно, что сказал кому-нибудь, что Распутина побили, потому что с этого же дня по городу пошли в разных версиях разговоры об избиении, о чем я узнал от кн. Волконского, товарища министра.

ГЛАВА XVII.

Обсуждение Хвостовым плана убийства Распутина с Комиссаровым. — Большие суммы денег у Хвостова на убийство Распутина. — Моя поездка в Ставку. — План отравления Распутина ядом.

После этого инцидента А. Н. Хвостов начал уже сам, без меня, приглашать к себе Комиссарова для разработки плана убийства Распутина, и о проектах министра я узнавал, таким образом, со слов Комиссарова.

Однажды, вернувшись от Хвостова, Комиссаров рассказал мне, что Хвостов ради скорейшего исполнения плана убийства предложил Комиссарову лично 200 т. р. на расходы по подготовке этого дела и для дальнейшего материального обеспечения филеров, которые будут участниками убийства, с тем, чтобы они, предварительно акта, официально уволились со службы, попрощались с Распутиным, получили увольнительные билеты из департамента полиции и выписались, как выбывшие из Петербурга.

А. Н. Хвостов даже показал Комиссарову эти деньги, вынув их из несгораемого министерского шкафа.

Комиссаров на это предложение ответил, что, если он и его филеры берутся за это дело, то не ради денег, и что такое предложение их обидит.

Наличность у Хвостова такой большой суммы денег меня весьма поразила, так как я знал финансовые дела министра. Личных денег в таком размере у него быть

не могло, ибо, хотя его жена, урожденная Попова, дочь старшего председателя киевской судебной палаты, и принесла ему в приданое миллионное состояние, но, по рассказам Хвостова, я знал, что она состояние свое держит на своем счету и только дала возможность Хвостову очистить его родовые имения от долгов и завести большое свинное хозяйство, обещавшее в будущем давать доходы, в чем жена его сомневалась.

Что касается секретных сумм, то помимо меня он их получать не мог, взял же он до сих пор лишь 300 т. р. на усиление рептильного фонда. Но он был намерен, в силу полученного им согласия государя, возбудить секретным всеподданнейшим представлением ходатайство об отпуске особых сумм на предвыборную кампанию 1917 года и на задуманную им для этого широкую правительственную агитацию, затем, на осуществление плана борьбы с оппозиционной прессой по проекту Гурлянда, на получение еще дополнительного отпуска на рептильную прессу и, наконец, особого ассигнования на пополнение позаимствований из сумм департамента полиции на монархическую печать и другие расходы, произведенные в связи с его назначением и охраною Распутина.

Из указаний Комиссарова я вынес убеждение, что Хвостов был, повидимому, прав, когда говорил, что у него есть особый фонд на убийство Распутина.

Положение мое, таким образом, в деле об убийстве Распутина становилось все сложнее, но подходящего случая, чтобы уйти от Хвостова, мне не представлялось, — а тут мне пришлось с'ездить в Ставку, что находили желательным Вырубова и Распутин и что советовал и кн. Андронников, обещавший написать об этом письмо гр. Фредериксу и Воейкову. Перед поездкой я побывал у Вырубовой и узнал, что императрица уже писала обо мне в Ставку.

В Ставке я переговорил с Воейковым, сделал все необходимые доклады ген. Алексееву и был приглашен к высочайшему столу.

После обеда государь подробно расспрашивал меня о моих докладах Алексееву, обещая их разрешить благоприятно для нашего министерства и затем спросил меня о служебных новостях. Я доложил его величеству о настроении рабочих в связи с 9 января, о свиданиях Бурцева с А. И. Гучковым и о первых выступлениях членов бюджетной комиссии по поводу Распутина, что, повидимому, остановило внимание государя, судя по сделавшемуся сосредоточенным его лицу.

В виду этого, я, по поручению Хвостова, вместо того, чтобы, как повелевал долг и совесть, откровенно высказать свое мнение о Распутине, повторил точку зрения А. Н. Хвостова на это выступление и его надежду, что этим будут исчерпаны все дальнейшие разговоры о Распутине в общих собраниях. Это успокоило государя, и он, прощаясь, поблагодарил меня за службу и за солидарность в работе с Хвостовым.

Милостивый прием, оказанный мне государем, в особенности напутственные его слова при прощании, ставили меня в безвыходное положение относительно Хвостова и его замысла на Распутина. В виду этого, переговорив с Комиссаровым, я решил восстать против предложенного Хвостовым убийства Распутина в автомобиле, а чтобы затянуть дело, предложил Хвостову отравить Распутина, дав ему в мадере яду. Яд обещал достать в Саратове (куда он должен был с'ездить) Комиссаров.

Хвостов с этим согласился и даже высказал проект послать ящик отравленной мадеры Распутину как бы от банкира Д. Л. Рубинштейна, чтобы затем как-нибудь связать и последнего с делом отравления Распутина. Против Рубинштейна Хвостов все время был враждебно настроен. Однако, я указал Хвостову на неудобство такого плана отравления, так как Распутин может поблагодарить по телефону за присылку мадеры Рубинштейна, который часто к нему обращался с просьбами, — и тогда весь план рухнет.

Комиссаров вернулся из Саратова с несколькими флаконами яда. Когда я пришел к Хвостову, то застал у него Комиссарова, объяснявшего министру свойство и действие каждого яда. Комиссаров уверял, что он попробовал действие одного из ядов на коте, забредшем на кухню конспиративной квартиры, и живописно рассказывал Хвостову, что доставило последнему удовольствие, — как вертелся и, наконец, издох кот. Хотя я и обратил внимание на то, что окраска всех порошков ядов во всех банках была одинаковой, тем не менее сначала я подумал, что это действительно яды. И когда при ближайшем свидании с Распутиным Комиссаров наливал ему мадеры, то я подставил и свою рюмку, думая, что, если Комиссаров дает Распутину отравленную мадеру, то мне уж ее не нальет. Затем на мои настойчивые вопросы относительно яда, Комиссаров признался в своей проделке: во флаконах, показанных им Хвостову, были безобидные порошки. О свойствах ядов Комиссаров рассказывал Хвостову по учебнику фармакологии, который купил себе в дорогу, а историю с отравлением кота он выдумал.

Наши свидания на конспиративной квартире с Распутиным продолжались, но Хвостов начал часто уходить в соседнюю комнату под предлогом отдохнуть, прося меня переговорить с Распутиным по поводу его кандидатуры на пост председателя совета министров с сохранением портфеля министра внутренних дел. Но в целях проверки моих бесед, Хвостов, притворяясь спящим, столь громко храпел, что Распутин заметил это притворство и указал мне на него. Распутин увидел в этом знак некоторого пренебрежения к себе и начал с тех пор отвечать уклончиво на мои вопросы относительно Горемыкина и заместительства Хвостова.

В это время я обратил внимание на то, что Хвостов, приближая к себе Комиссарова, начал вызывать к себе с очередными докладами и нач. охр. отделения Глобычева. Боясь, чтобы Хвостов не начал вести с Глобычевым разговора о ликвидации Распутина, и не зная, как к этому относится Глобычев, я в один из заездов последнего сам начал с ним разговор о Распутине и о вреде его для трона и высказался в духе пожеланий Хвостова. Но из всего поведения Глобычева и из удивленного взгляда, брошенного им на меня, я убедился, что он не пойдет на соглашение в этом вопросе с Хвостовым. После этого я начал еще более бдительно следить за Распутиным, а Хвостова заверял, что с осуществлением плана отравления, в виду опасности его для жизни других, кроме Распутина, лиц, надо повременить, пока Распутин не будет использован для проведения Хвостова в премьеры. Но это последнее соображение теперь даже его не останавливало; свидания с Распутиным он начал отдалять, что последнего задевало, а в отношениях Хвостова ко мне начала просвечивать некоторая враждебность.

ГЛАВА XVIII.

Дело Пеца. — Роман Манасевича-Мануйлова. — Незаконный арест.

Однажды Манасевич-Мануйлов, делая мне свой очередной доклад и проводя в нем интригу против Комиссарова, возбудившего уже к себе недоверие Распутина, попросил меня уделить ему несколько минут для выслушания его личной просьбы, имеющей весьма важное для него значение. И Мануйлов, вдруг разрыдавшись, в нервном тоне рассказал мне свою личную драму...

Несмотря на свое старое чувство привязанности к своей гражданской жене, о которой мне Комиссаров отзывался, как об умной, тактичной женщине, в чем и я убедился впоследствии, когда Мануйлов сидел в тюрьме, — Мануйлов сердечно увлекся артисткой Лерма. И драма заключалась в том, что Мануйлов имеет основание бояться,

что завязавшееся на почве уроков верховой езды знакомство Лерма с берейтором Пецом может перейти со стороны Лермы в чувство любви к Пецу, что причинит глубокую сердечную рану ему, Мануйлову. Поэтому Мануйлов просит меня, во имя расположения к нему и его всегдашней ко мне преданности, спасти его путем временного отдаления Пеца от Лермы.

Когда я указал Мануйлову, что не могу же я, как бы ни желал быть для него полезным, принять репрессивные меры к Пецу без всяких законных к тому поводов, то Мануйлов ответил мне, что Пец не только порочный человек, но и состоит под особым наблюдением следственной комиссии генерала Батюшина, имеющей веские основания подозревать Пеца в сбыте лошадей в воюющую с нами державу путем транспорта через Швецию. На мой вопрос, откуда Мануйлов мог получить такие сведения, он отвечал, что ему удалось оказать безвозмездно ряд весьма ценных услуг комиссии Батюшина, вследствие близости к члену этой комиссии полк. Резанову, тоже сотруднику «Нового Времени», и получить сведения о Пеце из этой комиссии. Мануйлов говорил, что он не настолько вошел в доверие ген. Батюшина, чтобы обратиться к нему с личной просьбой, но просит меня хотя бы временно арестовать Пеца, пока вопрос о нем не будет разрешен комиссией Батюшина, или выслать его административно из столицы.

Я не дал Мануйлову категорического ответа, сославшись на необходимость получить сведения о Пеце. Хвостов же, которому я доложил о просьбе Мануйлова, увидел в этом деле ту цепь, на которой можно будет держать Мануйлова все время ради исполнения им наших желаний, и поручил мне, если сведения о Пеце подтвердятся, арестовать временно Пеца. Так как сведения подтвердились, то Пец был арестован охранным отделением. Мануйлов горячо благодарил меня, сказав, что такой услуги он никогда не забудет... Однако, затем полк. Глобычев доложил мне, что тщательное расследование не подтвердило первоначальной справки о Пеце, что семья его ни в чем не замечена, об отце его имеется хороший авторитетный отзыв, а сам молодой Пец служит в Пскове в одном из учреждений, работающих на оборону. По данным Глобычева, все обвинения Пеца покоятся на чувстве мести Мануйлова из-за ревности к Лерма. Глобычев поэтому полагал необходимым освободить Пеца, за истечением законного срока содержания его под арестом.

Хвостов рассудил, что нам пока необходимо помучить Мануйлова и согласиться на исполнение его просьбы относительно продолжения ареста Пеца под условием полного его служения нашим интересам. Что касается Пеца, то Хвостов распорядился продлить ему арест, об'яснив Глобычеву, что это необходимо ради приведения в подчинение Мануйлова, пустившего крепкие корни около Распутина. Я несколько дней держал Мануйлова в неизвестности относительно нашего решения продлить арест Пеца. Мануйлов несколько раз заходил ко мне и просил меня, рыдая, успокоить его и написал мне три письма по тому же поводу.

Глобычев подчинился этому решению, но записал Пеца, как арестанат, числящимся за мной; я же указал, что Глобычев допустил здесь неточность, потому Пец должен «считаться за министром», ибо арестован по его распоряжению. Глобычев затем несколько раз намекал мне на необходимость ликвидировать это дело... Но когда ко мне приходил с просьбой о сыне старик Пец, служивший в учреждении, где его начальником был бывший начальник сыскного отделения Филиппов, то я все же говорил Пецу-отцу о серьезности улик против его сына. Но когда Пец, узнав, вероятно, от Филиппова подробности дела, подал мне прошение с обвинением Мануйлова в клевете на сына, и когда затем приходили ко мне просить за молодого Пеца его две сестры, взволнованные и нервные, то вид чужого горя образумил меня: не

докладывая Хвостову, я вызвал Мануйлова, сказав ему, что отныне я отказываюсь от содействия в этом деле, и приказал Глобычеву освободить молодого Пеца, посоветовав ему не ездить в Финляндию, где у Лерма была своя дача, чтобы не возбуждать против себя Мануйлова, который на этот раз может действовать против Пеца через комиссию Батюшина. Впоследствии оказалось, что отец Пеца подавал на меня жалобу в Ставку, но департамент полиции дал отзыв, устранявший мою ответственность в этом деле.

ГЛАВА XIX.

Свидание И. Г. Щегловитова с Распутиным. – Штюрмер. – Его прохождение в председатели совета министров. – Роль Питирима, Мануйлова и Распутина. – Борьба Штюрмера и Хвостова. – Гурлянд. – Появление Торопова.

При последующих моих свиданиях с Мануйловым, неоднократно расспрашивая его об отношениях Распутина к А. Н. Хвостову и Горемыкину, я получал уклончивые ответы относительно возможности кандидатуры Хвостова на пост председателя. Относительно Горемыкина Мануйлов сообщал, что при дворе в нем в последнее время разочаровались.

В один из этих дней, приехав от Распутина, Комиссаров доложил мне, что Распутин просил его устроить ему свидание с И. Г. Щегловитовым, но в абсолютном секрете. Распутин о цели свидания ничего не говорил, несмотря на попытки Комиссарова узнать, в чем дело.

В это время И. Г. Щегловитов, незадолго перед тем ушедший с поста министра юстиции, был выбран товарищем председателя правой фракции Совета. Его эта роль не удовлетворяла. Он продолжал следить за политической жизнью, интересовался Горемыкиным, которого считал виновником своего ухода, и почти ежедневно звонил ко мне за политической информацией, которой я его снабжал. Щегловитов очень интересовался отношением к нему высоких особ, прося меня собрать в этом направлении точные сведения, и о нем я не раз говорил Вырубовой.

Переговорив по телефону со Щегловитовым по поводу желания Распутина с ним повидаться, я намекнул Щегловитову, что подобного рода предварительное ознакомление знаменует собой ранее или позже призыв к власти. Согласно нашему условию вскоре Комиссаров привез вечером секретно Распутина к Щегловитову, который просил нас решительно никому не говорить о своем знакомстве с Распутиным. По отзывам того и другого, они произвели друг на друга хорошее впечатление; беседа их носила общий характер и не касалась конкретных предложений. Свидание было строго-конспиративным, и о нем знало только 4 лица.

Щегловитов просил меня узнать о результатах разговоров о нем Распутина при дворе. Я обещал, но дальнейшие события пошли так быстро, что я не успел ничего узнать.

Вслед за этим Мануйлов известил меня, что уход Горемыкина, после докладов Хвостова государю и моих разговоров с Вырубовой, решен, но выбор заместителя пал не на Хвостова и не на Щегловитова, а на кандидата митрополита Питирима – Штюрмера, которого при дворе ценили, как испытанной преданности престолу человека, много потрудившегося во время сопровождения царской семьи при юбилейном посещении в 1913 году древних обителей, как председателя собиравшегося у него влиятельного кружка правых сановников, имевшего огромный круг знакомств в придворных сферах и являющегося для Думы новым человеком, который сумеет

соединить мягкость с проявлением в нужных случаях твердости власти. С Штюрмером я был в давнишних отличных отношениях и был принят в его кружке, державшемся строго консервативного направления.

Несмотря на такой свой вес, его попытки вернуться к активной деятельности до сих пор не имели успеха, несмотря на поддержку кн. Мещерского и на знакомство Штюрмера и его жены с Распутиным. Я понял, что здесь сыграл свою роль Мануйлов, давнишний знакомый и друг Штюрмеров, и обратился к нему с вопросом об этом. Мануйлов мне отвечал, что, пользуясь благорасположением к нему митрополита Питирима, когда последний сообщил ему о недовольстве государыни на Горемыкина и о колебаниях в выборе преемника, позволил себе рекомендовать митрополиту Штюрмера, который в своей программной деятельности будет держаться советов владыки. Владыка заинтересовался Штюрмером, виделся с ним, беседовал о нем с императрицей, Вырубовой и Распутиным. По просьбе Штюрмера с Распутиным говорил о нем и Мануйлов. Распутин решил поддержать Штюрмера при дворе и пожелал поближе с ним познакомиться. Свидание между ними должно было состояться в день моего разговора с Мануйловым на квартире артистки Лерма.

Я спросил Мануйлова, почему он держал в секрете дело о Штюрмере и не содействовал видам Хвостова, — Мануйлов мне отвечал, что он не верит Хвостову и его расположению ко мне и что мне будет гораздо лучше при Шюрмере, который относится ко мне с большим доверием и рад был бы повидаться со мной теперь.

Я понял, что назначение Штюрмера означает то, что Хвостов не приобрел еще к себе доверия государыни и что предстоит борьба между Штюрмером и Хвостовым из-за портфеля министра внутренних дел, к чему первый, как ближайший и любимый сотрудник Плеве, естественно будет стремиться.

Я доложил Хвостову о предстоящем назначении Штюрмера, рассказав о роли, сыгранной в этом деле Питиримом, Распутиным и Мануйловым. Хвостов начал упрекать меня в излишнем доверии к Мануйлову, припомнил преждевременное освобождение Пеца, которым мы могли бы держать в своих руках Мануйлова, и указал мне, что, если бы я своевременно устранил Распутина, то все его планы были бы осуществлены. Это меня задело. Я ответил, что он сам виноват в своем поведении по отношению к митрополиту и к Распутину, а что с исчезновением Распутина все равно значение Питирима увеличилось бы. Я добавил, что в виду недоверия к себе я прошу его только об одном — устроить мне возвращение в сенат. Хвостов начал меня успокаивать, говорить о своем доверии, но все же с этого момента наши отношения определились.

Свидание Штюрмера с Распутиным на квартире артистки Лерма состоялось, что подтвердило и наблюдение Глобычева. Мануйлов же мне доложил, что свидание привело к благоприятному результату. Штюрмер просил Распутина оказать ему поддержку перед государем и государыней и обещал со своей стороны советоваться с Распутиным по делам, имеющим важное значение для трона. При прощании они расцеловались. После этого свидания Штюрмер зашел на квартиру Мануйлова, был в восторге от исхода свидания, расцеловался с Мануйловым и обещал ему относиться, как к родному сыну, и устроить его после своего назначения, согласно с его пожеланиями.

Результатом дальнейших свиданий Питирима со Штюрмером, поездки митрополита к императрице и выезда в Царское Распутина явилась поездка Питирима в Ставку, для проведения, дополнительно к письмам императрицы и Распутина к государю, кандидатуры Штюрмера у последнего. Государь отложил вопрос о Штюрмере до своего возвращения в Царское. И когда государь вернулся туда, то Мануйлов,

по возвращении Распутина из дворца, узнал о согласии государя на назначение Штюрмера и о назначении ему аудиенции. О случившемся я предупредил Горемыкина, но об этом обстоятельстве я уже говорил выше.

Как только Штюрмер был назначен, он принял меня самым любезным образом, расцеловался, просил его держать в курсе всех политических проявлений жизни, продолжать политику доброжелательства к Распутину и спросил меня, сколько мы выдавали ему денег? Получив ответ, он мне ответил, что еще не знает, какими суммами он располагает из секретного для себя фонда, поэтому с согласия Хвостова я ему выдал из наших сумм 2 т. р. Что касается Мануйлова, то Штюрмер сказал мне, что он хотел бы что-либо для Мануйлова сделать. И меня Штюрмер обещал обеспечить согласно моему желанию. И действительно Мануйлов накануне назначения Штюрмера сказал мне, что Штюрмер проведет меня в члены Государственного Совета с оставлением товарищем министра внутренних дел.

Мануйлов, вскоре причисленный к министерству с откомандированием в распоряжение председателя совета, с первых же дней вступил в исполнение секретарских обязанностей при Штюрмере, всюду сопровождал его в служебном автомобиле, сумел в это время проникнуть в дом Вырубовой, завел пишущую машинку и переписчицу в доме Распутина и установил регулярные сношения Распутина с Вырубовой путем посылки написанных на машинке под диктовку Мануйлова всякого рода сообщений для Вырубовой в интересах Питирима и Штюрмера. Над этими сообщениями Распутин ставил свой обычный крест. Эта форма сообщений нравилась во дворце, и императрица некоторые из них посылала в Ставку государю.

Свое значение при Штюрмере Мануйлов прекрасно использовал. Он вошел в самые близкие отношения с гр. Боргом. Утром, переговорив с Распутиным и приняв гр. Борга и секретаря митрополита Осипенко, которого он подавил своим авторитетом, он оказывался в курсе всех новостей, из которых сообщал мне то, что находил нужным, а затем устраивал у себя приемы просителей.

Причисляясь к министерству, Мануйлов имел, конечно, свои виды. Вскоре он завел разговор о необходимости для меня, ради облегчения работы, взять знающего розыск директора департамента полиции и предложил мне познакомиться с полк. Резановым, известным своими литературными трудами о немецком шпионаже и по розыскной своей в этой области работе в Прибалтийском крае, членом комиссии ген. Батюшина. Я познакомился с ним, и он на меня произвел хорошее впечатление. Мануйлов затем дал мне понять, что Штюрмер не считает Хвостова отвечающим своему назначению, как министр, и предполагает сам взять портфель министра внутренних дел, как я это и думал давно.

Из приведенных выше двух случаев уступок Хвостовым Штюрмеру – по поводу совместного доклада и распоряжения фондом для печати – я решил, что, очевидно, Хвостов имеет план, путем заманивания Штюрмера в сферу действий по министерству внутренних дел, ясно обнаружить его стремление узурпировать себе положение министра внутренних дел и сделать перед государем Штюрмера ответственным за изменение политики министерства в крупных вопросах, например, по отношению к Государственной Думе; с этой целью он убедил Штюрмера лично принимать доклады не только от начальника главного управления по делам местного хозяйства, но и директора департамента общих дел и директора департамента духовных дел и иностранных исповеданий. Затем Хвостов любезно предложил Штюрмеру сделать общий прием высших чинов министерства, чего не делал доселе ни один председатель совета министров. После этого приема пошли толки об ярко выраженном намерении Штюрмера взять себе портфель министра внутренних дел. Поэтому я счел нужным

открыть Штюрмеру глаза на образ действий Хвостова. По моему совету, Штюрмер сделал приемы и высших чинов некоторых других министерств, чтобы придать этому общий характер, и, доложив о том государю, предупредить неточность возможного об этом доклада со стороны Хвостова.

Вместе с тем Хвостов воспользовался своим старым знакомым Гурляндом, которого и откомандировал почти всецело в распоряжение Штюрмера под видом доброжелательства своего к последнему, для правильного освещения в прессе взглядов и начинаний Штюрмера. При этом Хвостов не прерывал своих ежедневных свиданий с Гурляндом. Если Гурлянд был обязан Штюрмеру своей карьерой по министерству внутренних дел, то в свою очередь Штюрмер был во многих отношениях обязан Гурлянду, и между ними и их семьями была старая и тесная связь. Эта связь началась, когда Штюрмер был ярославским губернатором, а Гурлянд, будучи приват-доцентом ярославского Демидовского лицея, составлял Штюрмеру всеподданнейшие отчеты и памятные записки по многим вопросам, в особенности по старообрядческому. Записки эти в свою пору останавливали на себе внимание Александра III, Плеве, святейшего Синода и кружка князя Мещерского и заставляли говорить о Штюрмере, как о выдающемся администраторе, знающем историю предмета и знакомом с практикой европейских государств. Для таких же работ Гурлянд был приглашен Штюрмером в департамент общих дел, а впоследствии по рекомендации Штюрмера был ближайшим сотрудником Крыжановского как по составлению изменений положения о выборах в Государственную Думу, так и в работах по выборам в третью и четвертую Государственные Думы.

Гурлянд оставался в роли ближайшего советника Штюрмера по делам внутренней политики и личного друга семьи Штюрмера с первых же дней его премьерства. Гр. Борг и Мануйлов, в виду усиливавшегося влияния, Гурлянда на Штюрмера, отделявшего Мануйлова от Штюрмера, вели против Гурлянда кампанию. Они указывали, что Гурлянд загипнотизировал своими взглядами Штюрмера, который под его влиянием вызвал неудовольствие Думы, что Гурлянд пользуется своим положением для того, чтобы пристроить себя и брата в весьма прибыльных частных финансовых предприятиях. В виду этого митрополит, Вырубова и Распутин сначала сами настаивали у Штюрмера на удалении Гурлянда, а затем, несмотря на свидание Гурлянда с Распутиным, как последний, так и означенные выше лица добились того, что императрица лично предложила Штюрмеру удалить от себя Гурлянда.

Вышеупомянутый гр. Борг, старый друг Штюрмера, бывший владимирский вице-губернатор, был вызван в Петроград Штюрмером, состоял чиновником особых поручений и был, благодаря своей энергии и умению вращаться в самой разнообразной среде, хорошим политическим осведомителем Штюрмера и помогал ему в борьбе с Хвостовым. В свою очередь и Хвостов собирал сведения о Борге и занялся расследованием дела Борга об его покровительственном отношении к одной водворенной во владимирскую губернию за германофильство семье, что чрезвычайно озлобило Борга.

Наружно наши отношения с Хвостовым оставались прежними, но свидания наши ограничивались официальными часами, при чем Хвостов заставлял меня ждать очереди для доклада, чего раньше не бывало. Совместные наши свидания с Распутиным продолжались. Однажды я спросил Распутина, до прихода Хвостова, отчего он не мог провести кандидатуру Хвостова в председатели совета министров. Распутин, улыбнувшись, ответил: «больно много сразу хочет А. Н. Хвостов; пусть не горячится; все будет в свою пору».

Хвостов за это время еще больше озлобился на Распутина и стал настоятельно требовать от Комиссарова скорейшего осуществления плана убийства. В это же

время Хвостов приблизил к себе прибывшего из Москвы дворянина Торопова, деятеля монархических организаций, намекавшего мне на свое близкое участие в партийной борьбе с революцией в Москве, когда был убит депутат Иоллос. Торопов много говорил мне о том, что он может предупреждать заговоры против сановников, императрицы и т. п. Как неуравновешенного человека, я отказался принять его на службу в департамент полиции, чего хотел Хвостов. Торопов проник и к Распутину, и к Вырубовой, которых встревожил своими рассказами о заговоре в Москве против императрицы и о плане насильственного заточения ее в монастырь. Зная участие Торопова в деле Иоллоса, я пришел к заключению, что Торопов, приближаясь к Распутину и Вырубовой, осуществлял замыслы Хвостова. Торопов после ареста Ржевского немедленно исчез из Петрограда.

ГЛАВА XX.

Мой разрыв с Хвостовым. – Дело Ржевского. – Арест Ржевского. – Его разоблачения. – Моя борьба с Хвостовым. – Моя отставка.

На почве ареста Ржевского произошел мой окончательный разрыв с Хвостовым.

Ржевский был близким Хвостову человеком еще в Нижнем-Новгороде, где он исполнял, в бытность там Хвостова губернатором, его секретные поручения, в особенности во время выборов в Государственную Думу депутата Барача, а впоследствии при борьбе с Кильвейном, не прошедшим в IV Думу. Но, по словам Хвостова, Ржевский часто подводил его в денежном отношении.

Ржевского до его приезда в Петроград я совершенно не знал, и он был принят в агентуру по личному желанию Хвостова. На меня Ржевский произвел неприятное впечатление, и я уклонялся от дачи ему поручений. Получив сведения о его широком образе жизни, я агентурным путем узнал, что Ржевский, занимая должность уполномоченного Красного Креста северо-западного района, злоупотребляет внеочередными свидетельствами на перевозку грузов. Расследование было произведено полк. Савицким, и, после откомандирования в виду этого Ржевского от министерства внутренних дел, я сообщил председателю общества Красного Креста о неблаговидных действиях Ржевского и доложил Хвостову о необходимости выслать этого агента.

Когда Ржевский вернулся вместе с своей гражданской женой из-за границы и явился ко мне, то стал меня умолять пощадить его, не подымая дела о злоупотреблениях. В виду того, что я был непреклонен, Ржевский, желая меня подкупить искренностью, заявил мне, что он за границу ездил не за покупкою мебели для литературного клуба, о чем он мне говорил ранее, а по секретному поручению Хвостова для свидания с Илиодором. Так как в первоначальный период наших совместных обсуждений плана убийства Распутина Хвостовым была высказана мысль о возможности сделать ответственным за это дело Илиодора, уже раз пытавшегося убить Распутина, то я понял, зачем посылал Хвостов Ржевского к Илиодору. Чтобы не связывать себя с Ржевским и по этому делу, я прервал его рассказ, указав ему, что, как агент министра, он не имеет права выдавать секретов, ему порученных. А затем я потребовал от Ржевского об'яснений по поводу двух протоколов, составленных жандармской властью в Белоострове при проезде Ржевского за границу. Едучи туда, Ржевский обиделся тоном жандармского офицера, потребовавшего у него и жены его паспорта, и угрожал офицеру своей близостью к министру внутренних дел. Офицер составил протокол. Возвращаясь из-за границы, Ржевский, зайдя в дежурную жандармскую комнату, начал справляться, какое направление дано протоколу, и советовал напра-

вить его не ко мне, а к Хвостову, по секретному поручению которого Ржевский ездил за границу. Указав Ржевскому на неуменье конспирировать, я сказал ему, что своего мнения не переменю и прошу его оставить мой кабинет.

В дальнейшем я решил посоветовать Хвостову решительно отказаться от услуг Ржевского и выслать его, если Хвостов будет со мной откровенен относительно данного за границей Ржевскому поручения. Если Хвостов будет конспирировать, то я сам решил арестовать Ржевского и выслать его. Хвостов после моего доклада — я не обнаружил, что знаю цель поездки Ржевского, — предоставил мне решить все это дело. В виду этого я отдал приказ Глобычеву арестовать Ржевского, произвести у него обыск и затем изготовить доклад об его высылке.

Пока еще Ржевский был на свободе, я заявил Хвостову, что, в интересах нашего плана о Распутине, необходимо отвести от него Комиссарова. Комиссарову я предписал заявить Распутину, что в виду частых тайных отлучек Распутина, исключающих возможность охраны, Комиссаров отказывается впредь охранять его. Я думал, что Распутин, насторожившись, будет после этого сидеть дома, а затем попросит вернуть ему Комиссарова. Но Комиссаров был так рад развязаться с Распутиным и излить чувство своего на него негодования за четыре месяца отношений с ним, что вышел из рамок данного ему мною поручения и так накричал и выругал Распутина, что семья его не только перепугалась, но и насторожилась против нас, передала обо всем по телефону Вырубовой, высказав свое недоверие к нам и предположение, что все это сделано нами с какой-либо целью против Распутина. Обо всем этом мне доложил Мануйлов. Я немедленно переговорил с Распутиным по телефону, извинялся за Комиссарова, — который, по словам Распутина, «уж больно шибко ругал он меня, прямо страсть, как шибко», — и советовал в эти дни никуда не выходить и пускать к себе лишь самых близких лиц. Узнав от Распутина, что Комиссаров увел от него и своих филеров, я приказал им вернуться.

На другой день я узнал, что Хвостов рвет и мечет по поводу того, что при произведенном у Ржевского обыске офицер взял, приобщил к делу и ознакомился с письмом Ржевского на имя Хвостова. Глобычев передавал мне, что в этом письме Ржевский просил Хвостова спасти его, тем более, что поездка за границу была предпринята по поручению его, Хвостова. Приехав к Хвостову, я услышал от него нервные обвинения Глобычева по поводу взятого письма. Я отвечал, что жандармский офицер не имел права иначе поступить и что, если бы Хвостов не конспирировался от меня в деле Ржевского, то ничего подобного не произошло бы, и что вообще все дело Ржевского не стоит беспокойства, ибо переписка зависит от усмотрения Хвостова. Тогда Хвостов сообщил мне, что Ржевский послал письмо и к Распутину, в котором возвел на Хвостова какие-то обвинения. Тут я заявил Хвостову, что гораздо лучше будет для всех нас отойти от Распутина и от той атмосферы, которой нам пришлось дышать в это время, а вместо всяких замыслов об убийстве Распутина, представить государю записку о поведении Распутина в форме выписок из филерского дневника за подписью Глобычева и Комиссарова и откровенно раскрыть глаза его величеству на личность Распутина. Если это может не привести, судя по бывшим примерам, к положительным результатам, то все же мы исполним свой долг. Хвостов согласился, и в одну ночь Глобычев и Комиссаров составили записку, которую утром я привез к Хвостову. Мы с ним отправились на вокзал вместе, и я старался дорогой укрепить его в мужестве для представления записки государю.

По возвращении Хвостова из Царского, я спросил его о записке. Хвостов отвечал мне, что он сделал устный доклад государю о Распутине, выставив последнего причиной анти-династического движения в стране, а затем передал и записку. По словам

Хвостова, государь в начале его доклада нервно вертел в своих руках карандаш, затем подошел к окну, начал барабанить по стеклу, и, когда доклад был кончен, государь взял записку и отнес ее в покои императрицы. Оттуда Хвостов слышал отзвуки повышенного разговора государя и государыни. Затем государь вернулся, оставил записку у себя и сухо попрощался с Хвостовым. Когда Хвостов вышел из кабинета, чтобы переодеться, то я попросил секретаря Графе посмотреть в портфеле министра, есть ли там записка о Распутине. Оказалось, что записка привезена обратно... Весь свой рассказ Хвостов, таким образом, сочинил, построив его на известных ему личных чертах государя. Хвостов продолжал вести со мной игру...

Вскоре я повидался с кн. Андронниковым, которому и рассказал про все разговоры о планах убийства Распутина. Андронников сообщил мне, что Хвостов уже сделал доклад государю о назначении меня вместо Князева иркутским генерал-губернатором. Жена моя была страшно рада этому назначению, да и я сам понял, что в моем выезде из Петрограда заключается спасение от тины, которая может меня засосать окончательно и довести до опозорения чести. В последующем моем разговоре с Хвостовым, когда я задал ему один вопрос: «за что?», он ответил, что все поправимо, если я ликвидирую Распутина. Затем я узнал из беседы, что, повидимому, Хвостов желает меня и Комиссарова сделать ответственными за все события, связанные с делом Ржевского. Я откровенно предупредил Хвостова, что я пока примиряюсь с положением дел, если Хвостов будет корректен и не заденет моего самолюбия. Затем я узнал, что везде и всюду вплоть до думских кругов Хвостов говорит про меня, что я, пользуясь близостью к Вырубовой и Распутину и интригуя против него, чтобы занять его должность, истолковал командировку Ржевского за границу, как шаг для организации убийства Распутина. В этом Хвостов изобличил, мол, меня перед государем, – поэтому меня решено удалить в Иркутск. Такое же освещение событиям дал Хвостов и в своей беседе с представителями совета редакторов М. А. Сувориным и И. В. Гессеном*. Я понял, что в будущем, после моего от'езда, Хвостов постарается еще решительнее подорвать мой авторитет и добьется быстрого моего ухода из Иркутска.

В виду этого я добился через Осипенко и Мануйлова у митрополита того, что у последнего в покоях состоялось мое свидание с ним, со Штюрмером и Распутиным. Я рассказал всем им всю правду о деле Ржевского и заявил, что Хвостов желает так или иначе покончить с Распутиным. Но я не рассказал им о наших планах убить Распутина в автомобиле или отравить ядом, о последнем же знал со слов Андронникова и Распутин. Затем я рассказал и Вырубовой, в присутствии сидевшей в соседней комнате, чтобы слышать разговор для передачи его Распутину, сестры милосердия Акилины, все про планы убийства Распутина, упомянув и Воейкова. Свидания мои с Вырубовой возобновились. В ее руки попало письмо Ржевского, привезенное ей Симановичем от Распутина, в котором Ржевский обвинял Хвостова в поручении ему организации убийства Распутина. В виду этого Вырубова, заехав к Штюрмеру лично, передала ему это письмо с высочайшим повелением расследовать это дело, а затем, по поручению императрицы, просила генерала Беляева учредить через контр-разведку наблюдение за перепиской Ржевского.

Хвостов с этого момента старался всячески приблизить к себе Мануйлова, увеличил его содержание и просил держать его в курсе всех сведений. Но Мануйлов, передавая мне об этом, заметил, что он и не подумает служить интересам Хвостова и будет стоять на стороне Штюрмера. От Мануйлова я узнал о полученных через

---

* См. ниже, стр. 76 – 82.

ген. Беляева телеграммах Илиодора на имя Ржевского, в которых Илиодор настойчиво требовал высыки 5 т. р. для выезда пяти лиц из Саратовской губ., близких к Илиодору. Эти лица, как уверял Ржевский в своем первоначальном показании, должны были убить Распутина в автомобиле, шоффером на котором должен был быть Ржевский. Распутина хотели заманить на любовное свидание через посредство жены Ржевского. Труп Распутина должны были бросить в Неву. Но потом Ржевский, вследствие пристрастного допроса Гурляндом, изменил свое показание. Вырубова и Распутин, пока дознание не перешло в руки Гурлянда, очень интересовались показаниями Ржевского. Штюрмер ездил с докладами об этом деле к императрице, заезжая к Вырубовой, которая по тому же делу тоже приезжала к Штюрмеру. Хотя дознание о Ржевском получило неопределенный характер, однако Вырубова и Распутин усумнились в искренности Хвостова. Штюрмер же, не веривший Ржевскому под влиянием Гурлянда, все же ускорил высылку Ржевского. Поэтому Хвостов, несмотря на свое желание повидаться с Вырубовой и Распутиным, не мог получить от них приглашения, а обычный доклад его государю был отложен. Это вывело Хвостова из равновесия, и он, выслав кн. Андронникова навстречу Воейкову, ехавшему из своего имения, с подробным докладом, с целью заручиться поддержкой государя, — начал действовать против Вырубовой и Распутина, сделав обыски у некоторых близких Распутина и арестовав его друга Симановича, угрожая арестовать и Распутина, о чем и постарался довести до сведения Вырубовой. Эта угроза встревожила Вырубову, написавшую письмо к Хвостову с вопросом, правдивы ли дошедшие до императрицы сведения о предстоящем аресте Распутина? Это письмо Хвостов показывал очень многим лицам. Тогда я решил поехать к Вырубовой. Она мне сообщила, что в ответ на письмо Хвостов сказал ей по телефону, что он недоволен поведением ее и Распутина в этом деле и нежеланием с ним видеться. Вырубова, в виду этого, пригласила Хвостова и Распутина на примирительный обед. Тогда я раскрыл Вырубовой всю игру Хвостова, и она обед отменила. Хвостов понял, что его игра проиграна. Штюрмер при поддержке митрополита, Распутина и Вырубовой доказал государю необходимость ухода Хвостова и передачи портфеля ему, Штюрмеру.

Я торопился выездом из Петрограда. За несколько дней до от'езда ко мне зашел редактор «Биржевых Ведомостей» М. М. Гакебуш-Горелов и просил меня сообщить ему лично, но не для печати, историю Ржевского на случай, если после моего от'езда пришлось бы защищать меня в прессе.

Я взял с него слово не оглашать моего рассказа и передал все то, что Горелов напечатал затем в «Биржевых Ведомостях», несмотря на отданный приказ по цензуре — не касаться дела Ржевского. Статья вызвала большой шум; говорили о запросе в Думе по инициативе Керенского. Правая группа Государственного Совета была возмущена, и Кобылинский послал в «Вечернее Время» свою статью с требованием моей отставки. Хвостов же был так возмущен, что Замысловскому и Маркову стоило не мало усилий отговорить Хвостова от выступления на кафедре Государственной Думы. Тогда Хвостов потребовал от Штюрмера удовлетворения наказанием меня.

Что касается Гакебуша, о дружбе которого с Гурляндом я до тех пор не знал, то он об'яснил мне, что счел необходимым выступить в мою защиту. Разрешения печатать нашу беседу он от меня не добился, за моим отсутствием дома. Запретительный же циркуляр, по недоразумению, не попал в редакцию. Узнав о последствиях всего этого дела, Гакебуш предложил мне напечатать раз'яснение от моего имени и от редакции. Военная цензура, по приказанию Штюрмера, не разрешила к печати таких писем. Тем не менее я добился помещения моего письма в «Новом Времени», что мне окончательно повредило, так как до появления моего письма

можно было отрицать самый факт беседы*. После же — всякое сомнение в этом отпало. Как я узнал, Штюрмер послал по поводу письма доклад государю. Вслед за этим я был приглашен Штюрмером к нему на квартиру, и он передал мне высочайшее повеление об увольнении меня от должности иркутского генерал-губернатора с оставлением в звании сенатора. Штюрмер, по получении через день доклада обо мне, вызвал меня вновь к себе, показал мне указ о моей отставке с оставлением сенатором и высочайшее повеление о пожаловании мне 18 т. р. Прощаясь со мной, Штюрмер настойчиво мне рекомендовал, намекая на желание государя, уехать на некоторое время из Петрограда и добавил, что он думает, что и А. Н. Хвостов уедет также.

---

* Это письмо въ редакцію гласило: «М. г., покорнѣйше прошу васъ не отказать помѣстить мое заявленіе о томъ, что появившаяся въ «Биржевыхъ Вѣдомостяхъ» бесѣда со мною отъ 7 марта напечатана безъ моего на то разрѣшенія

7 Марта 1916 г. С. Бѣлецкій».

Новое Время — 8 Марта 1916 г.

Бесѣда съ А. Н. Хвостовымъ

въ февралѣ 1916 г.

I. В. Гессена

Со времени войны въ Петербургѣ было образовано всероссійское общество редакторовъ газетъ. Въ виду того, что военная цензура страшно свирѣпствовала и такъ какъ вообще повременная печать испытывала различныя затрудненія, мнѣ, въ качествѣ предсѣдателя общества, постоянно приходилось обращаться къ министрамъ съ ходатайствами и жалобами.

26 февраля 1916 г. вмѣстѣ съ товарищемъ предсѣдателя Общества М. А. Сувориным мы посѣтили министра внутреннихъ дѣлъ А. Н. Хвостова по дѣлу объ измѣненіи нѣкоторыхъ параграфовъ устава Общества.

Мы застали въ пріемной нѣсколько лицъ, ожидавшихъ министра, но минутъ черезъ пять, когда изъ кабинета вышелъ какой то генералъ, были приглашены къ А. Н. Хвостову – мы.

Уродливо толстый, съ милымъ лицомъ и горящими глазами А. Н. Хвостовъ принялъ насъ весьма любезно и предупредительно.

Разсказавъ министру въ двухъ словахъ, что со стороны Департамента Полиціи не встрѣчается препятствій къ удовлетворенію нашего ходатайства объ измѣненіи устава, но что оно задерживается въ Главномъ Управленіи по дѣламъ печати, мы получили быстрый и рѣшительный отвѣтъ, что А. Н. Хвостовъ сегодня же скажетъ по телефону сенатору Судейкину о скорѣйшей посылкѣ удовлетворительнаго отвѣта.

– У насъ задерживающимъ центромъ можетъ быть только Департаментъ Полиціи, – прибавилъ министръ. – Разъ съ его стороны нѣтъ препятствій, то со стороны Главнаго Управленія нѣтъ никакихъ основаній задерживать Ваше ходатайство.

Такимъ образомъ, въ двѣ минуты, цѣль нашего посѣщенія была достигнута. Поблагодаривъ Хвостова и прощаясь съ нимъ, я спросилъ министра, что есть правды въ тѣхъ чудовищныхъ слухахъ, которые ходятъ по городу.

Какихъ слухахъ, – притворился Хвостовъ непонимающимъ.

– Если Вы не догадываетесь, какихъ, – то намъ остается еще разъ поблагодарить Васъ и раскланяться.

Да нѣтъ, позвольте! Что Вы имѣете въ виду?

– Очевидно, мы говоримъ о Ржевскомъ и Распутинѣ.

Ахъ! вотъ о чемъ! Это Васъ интересуетъ. Извольте! Я Вамъ разскажу.

И пригласивъ насъ сѣсть за круглый столъ, на которомъ лежало какое то «дѣло», министръ самъ усѣлся верхомъ на стулѣ и около двухъ часовъ разсказывалъ исторію Распутина-Ржевскаго.

– Ржевскаго, – сказалъ онъ, – я узналъ въ Новгородѣ, когда былъ тамъ губернаторомъ; его направили ко мнѣ его хорошіе знакомые съ просьбой оказать ему какую то помощь. Правда, мнѣ было и тогда уже извѣстно, что Ржевскій судился за ношеніе неприсвоенной формы. Ну, вѣдь это преступленіе не Богъ вѣсть. Я рѣшилъ помочь голодному человѣку, я пристроилъ его къ издававшейся тогда Барачемъ* газетѣ въ качествѣ сборщика объявленій; но въ первый же день Ржевскій растратилъ три рубля и былъ прогнанъ. Послѣ этого я потерялъ его изъ виду, но слышалъ, что онъ сталъ журналистомъ, весьма бойкимъ, что ему удалось проникнуть въ келію Илліодора, когда тотъ былъ заточенъ въ монастырѣ, и напечатать въ газетахъ бесѣду съ монахомъ. Мало того, вы, конечно, помните знаменитую статью въ «Биржевыхъ Вѣдомостяхъ» – «Мы готовы», появившуюся передъ войной и надѣлавшую столько шуму. Эта статья тоже была написана Ржевскимъ, подъ диктовку Сухомлинова, въ присутствіи казненнаго шпіона Мясоѣдова. И вотъ, когда я былъ назначенъ министромъ, мнѣ сообщили, что Ржевскій добивается свиданія со мной по какому то дѣлу; справившись, чѣмъ онъ теперь занимается, я узналъ, что онъ поступилъ въ ряды болгарской арміи во время балканской войны, получилъ тамъ знаки отличія, а теперь работалъ въ качествѣ помощника уполномоченнаго Краснаго Креста и при томъ на всѣхъ фронтахъ. Въ виду такихъ свѣдѣній я согласился принять Ржевскаго. На пріемѣ онъ мнѣ сообщилъ, что можетъ оказать русскому правительству большую услугу, убѣдивъ Илліодора отказаться отъ выпуска сочиненной имъ книги, компрометирующей нашъ Дворъ, и особеннно Наслѣдника Цесаревича. Его предложеніе показалось мнѣ весьма пріемлемымъ, тѣмъ болѣе, что мы имѣли свѣдѣнія о томъ, что нѣмцы собирались использовать заключающіяся въ этой книгѣ свѣдѣнія для распространенія ихъ путемъ разбрасыванія въ наши окопы прокламацій съ аэроплановъ. Имѣя однако въ виду прошлое Ржевскаго, я сказалъ ему, что денегъ впередъ дать ему не могу, такъ какъ я ему не вѣрю, и что нужно устроить такъ, чтобы платить Илліодору послѣ того, какъ книга будетъ уничтожена. Ржевскій согласился и вопросъ шелъ только о томъ, чтобы дать ему нѣкоторую сумму впередъ на необходимые расходы. Эту сумму брать изъ Департамента полиціи я не хотѣлъ, такъ какъ за все время своего управленія министерствомъ я не подписалъ ни одной ассигновки на секретные фонды и, если бы теперь я это сдѣлалъ впервые для Ржевскаго, то обратилъ бы общее вниманіе на то дѣло, которое нужно было сдѣлать въ большой тайнѣ. Поэтому я рѣшилъ написать министру финансовъ письмо о выдачѣ Ржевскому иностранной валюты на пять тысячъ рублей. Вотъ этимъ письмомъ и хотятъ теперь воспользоваться, какъ уликой противъ меня, но вы, конечно, понимаете, что если бы министръ внутреннихъ дѣлъ рѣшился на какое нибудь преступное дѣяніе, то онъ не оставлялъ бы такого яркаго слѣда какъ оффиціальное письмо. Но такъ какъ я дѣйствовалъ въ глубокомъ сознаніи своей правоты, то мнѣ не приходилось задумываться надъ выдачей Ржевскому валюты, хотя это закономъ и воспрещено. Ржевскій поѣхалъ въ Норвегію, но по дорогѣ, къ сожалѣнію, наскандалилъ: какого то жандарма обругалъ хамомъ и т. п. Когда же по этому поводу былъ составленъ протоколъ, Ржевскій заявилъ, что онъ является моимъ чиновникомъ и имѣетъ важную миссію. Ну, хорошо. Протоколъ былъ составленъ. Какъ же вы думаете, кому онъ долженъ былъ немедленно быть представленъ, если дѣйствительно Ржевскій мой чиновникъ и поѣхалъ по моему порученію. Отвѣтъ ясенъ. А въ дѣйствительности протоколъ былъ отъ меня скрытъ и узналъ я о немъ много времени спустя, когда Ржевскій былъ уже арестованъ. Когда Ржевскій вернулся, онъ мнѣ сообщилъ, что

* Видный дѣятель союза русскаго народа.

дѣло съ Илліодоромъ онъ уже устроилъ и при томъ такъ, что Илліодору не надо платить сразу всѣхъ денегъ, а по пять тысячъ рублей за годъ молчанія: прошелъ годъ молчанія – получи пять тысячъ рублей, еще годъ – еще пять тысячъ рублей, ну, а тамъ, когда война кончится, печатай, что хочешь.

Между тѣмъ ко времени возвращенія Ржевскаго въ Петербургъ, ко мнѣ стали поступать заявленія съ фронта о томъ, что Ржевскій обвиняется въ самыхъ разнообразныхъ преступленіяхъ – шантажахъ, растратахъ, мошенничествахъ и т. д. Возникъ вопросъ объ арестѣ Ржевскаго и вотъ тутъ его кто то предупредилъ о предстоящемъ обыскѣ. Узнавъ объ этомъ, Ржевскій, чтобы какъ нибудь спастись, рѣшилъ написать Распутину, что я подготовлялъ покушеніе на его жизнь черезъ посредство Илліодора; такъ какъ я своихъ чувствъ по отношенію къ Распутину не скрывалъ, и направо и налѣво открыто говорилъ, что ему было бы лучше состоять при Царѣ Небесномъ, чѣмъ при царѣ земномъ и, такъ какъ послѣ покушенія, произведеннаго на него этой глупой бабой*, Распутинъ сталъ чрезвычайно подозрителенъ, то онъ всему и повѣрилъ. Между тѣмъ, благодаря тому, что Ржевскій былъ предувѣдомленъ объ обыскѣ и арестѣ, всѣ документы, уличающіе его, были уничтожены и, напротивъ всѣ документы, которыми онъ надѣялся меня скомпрометировать, были подобраны и находились на самомъ видномъ мѣстѣ, – приходи, получай. Между прочимъ, при обыскѣ у него было найдено запечатанное письмо на мое имя. Какъ Вы думаете, что должны жандармы сдѣлать, найдя письмо запечатанное на имя шефа жандармовъ. Въ зубахъ они должны доставить его немедленно шефу жандармовъ, какъ реликвію оберечь его, а они письмо это вскрыли и подшили его къ дѣлу.

Послѣ этого я узнаю, что противъ меня возбуждается какое то разслѣдованіе; я прошу царя объ аудіенціи – мнѣ отказываютъ; тогда (– тонъ пріобрѣтаетъ игривый характеръ –) я размышляю, что я вѣдь не только министръ, а еще и членъ Гос. Думы и ношу придворное званіе, поэтому я долженъ все подробно сообщить съ одной стороны предсѣдателю Гос. Думы, съ другой – министру Императорскаго Двора. Къ послѣднему я успѣлъ съѣздить и разсказать, но къ предсѣдателю мнѣ уже не пришлось ѣздить, потому что меня немедленно приняли въ Царскомъ.

Министръ на этомъ остановился и мы ему задали вопросъ:

– Такъ значитъ на этомъ все дѣло и кончилось.

– Да, отвѣтилъ А. Н. Хвостовъ, – кончилось, но за симъ Илліодоръ прислалъ телеграмму на имя Распутина; если Васъ интересуетъ, то вотъ она, – и изъ лежащей передъ нимъ на столѣ папки министръ вынулъ бумажку, на которой была написана копія упомянутой телеграммы приблизительно такого содержанія: «Григорію Распутину. Петроградъ. Гороховая № 62. Имѣю убѣдительныя доказательства покушеній высокихъ лицъ твою жизнь. Пришли довѣренное лицо. Труфановъ.»

– Ну, и что же было послѣ полученія этой телеграммы?

– Послѣ этой телеграммы, отвѣчалъ А. Н. Хвостовъ, стали искать довѣренное лицо для производства разслѣдованія и, наконецъ, нашли его. Это лицо Вамъ вѣроятно не безызвѣстно, – это генералъ Спиридовичъ.

Замѣтивъ на нашихъ лицахъ недоумѣніе, А. Н. Хвостовъ съ дѣланнымъ смѣхомъ сказалъ.

– Не смотрите такъ трагически на все это, тутъ надо смотрѣть весело, не иначе.

– Но, вѣдь Вы же собственно хотите сказать, что противъ министра внутреннихъ дѣлъ ведется разслѣдованіе въ покушеніи его на убійство.

* Во время пребыванія Распутина на родинѣ въ Сибири, на него сдѣлано было неудачное покушеніе.

– Ну, отвѣчалъ А. Н. Хвостовъ, – какъ Вамъ сказать. Мнѣ говорятъ, что это меня не касается, что нужно разслѣдовать всѣ подробности; но если хотите, это дѣйствительно такъ. Гришка на меня очень золъ. Я прежде не вмѣшивался въ его поведеніе, но потомъ убѣдился, что онъ принадлежитъ къ международной организаціи шпіонажа, что его окружаютъ лица, которыя состоятъ у насъ на учетѣ и которыя неизмѣнно являются къ нему, какъ только онъ вернется изъ Царскаго, и подробно у него все выспрашиваютъ. Я счелъ себя обязаннымъ объ этомъ доложить Государю; но уже на другой день Гришкѣ обо всемъ было извѣстно и онъ хвасталъ передъ филерами, которые его охраняютъ, что онъ меня прогонитъ. Теперь я поставилъ Государю условіемъ, либо Гришка уѣзжаетъ, либо я ухожу. Мнѣ было категорически обѣщано, что на этой недѣлѣ его здѣсь не будетъ, но я не увѣренъ, что такъ случится. Теперь какъ разъ недѣля, когда царская семья говѣетъ, и это для меня очень неудобно, потому что я не могу безпокоить и надоѣдать. А вчера у Наслѣдника случилось кровотеченіе; позвали Гришку, какъ это ни странно, – но онъ дѣйствительно умѣетъ заговаривать кровь, какъ многіе мужики. Гришка отказался пріѣхать. Сегодня его прямо умоляла Государыня объ этомъ по телефону, и онъ, наконецъ, согласился поѣхать въ 3 часа. Что же будетъ послѣ этого, я не знаю; можетъ быть, къ часамъ 6 я получу письмо и покину эту квартиру.

Чтобы еще подзадорить Хвостова, мы ему задали вопросъ:

– Но откуда Вамъ извѣстны всѣ подробности поведенія Распутина и даже телефонные разговоры съ нимъ?

А. Н. Хвостовъ смѣрилъ насъ презрительнымъ взглядомъ.

– Какъ откуда извѣстно? За нимъ установлено строжайшее наблюденіе: его охраняютъ, во первыхъ, агенты Спиридовича, такъ какъ мнѣ уже не довѣряютъ; во 2-хъ, агенты министерства внутреннихъ дѣлъ и, наконецъ, мои агенты, которые за нимъ слѣдятъ. Такъ какъ онъ въ нихъ не разбирается и, опасаясь выѣзжать, сидитъ дома и скучаетъ, то онъ нерѣдко приглашаетъ ихъ всѣхъ къ себѣ чай пить и вступаетъ съ ними въ бесѣду. Какъ то, напримѣръ, на вопросъ о томъ, почему онъ такой задумчивый, онъ отвѣтилъ агенту: «да, вотъ все не могу рѣшить вопроса, созывать ли Думу или не созывать?» Филеры должны всегда вести подробный дневникъ; затѣмъ эти дневники между собой сравниваются и то, въ чемъ всѣ совпадаютъ и что представляетъ интересъ, вписывается въ журналъ. Этотъ журналъ, который содержитъ описаніе жизни Гришки чуть не по минутамъ, представляетъ совершенно исключительнаго интереса историческій документъ*.

– А этотъ документъ принадлежитъ министерству или Вамъ?

– Нѣтъ, онъ принадлежитъ министерству. А другой экземпляръ хранится лишь здѣсь, въ моей памяти, играя глазами, замѣтилъ Хвостовъ.

– А эти филеры докладываютъ Вамъ непосредственно?

– Нѣтъ, они докладываютъ старшему агенту, который уже докладываетъ мнѣ.

– Но, значитъ, старшій филеръ приходитъ сюда, въ этотъ кабинетъ и Вамъ непосредственно докладываетъ?

– Да, – отвѣчалъ А. Н. Хвостовъ недоумѣвающе, но это вѣдь статскій совѣтникъ.

– Объясните намъ, Алексѣй Николаевичъ, на чемъ основано такое вліяніе Распутина?

---

* Этотъ «документъ» мнѣ пришлось видѣть уже здѣсь въ Берлинѣ. Дѣйствительно, запись велась очень тщательно: отмѣчался день, часъ и продолжительность каждаго посѣщенія и каждаго выѣзда Распутина. Среди безчисленныхъ посѣтителей: министры, высшіе сановники и ихъ жены, директора банковъ, профессора и т. д. чередуются съ поклонницами старца и публичными женщинами, съ которыми Р. отправлялся въ общественныя бани.

– На это я тоже могу Вамъ отвѣчать совершенно откровенно: я производилъ самое тщательное разслѣдованіе и убѣдился безусловно, что въ его отношеніяхъ къ Государынѣ нѣтъ ничего низменнаго. Гришка поразительный гипнотизеръ; на меня, вотъ онъ не дѣйствуетъ, потому что у меня есть какая то неправильность, что ли, въ строеніи глазъ, и я не поддаюсь самому усиленному гипнотизму. Но вліяніе его настолько сильно, что ему поддаются въ нѣсколько дней и самые заматерѣлые филеры; на что уже, знаете, эти люди прошли огонь, воду и мѣдныя трубы, а чуть не черезъ каждые пять дней мы вынуждены мѣнять ихъ, потому что они поддаются его вліянію. Кромѣ того, на царя и царицу производила сильное впечатлѣніе его простая рѣчь: они привыкли тамъ слышать только рабское «слушаю-сь» и вытягиваніе въ струнку, и когда на этомъ фонѣ хитрый мужичокъ заговоритъ простымъ языкомъ, то это дѣйствуетъ очень сильно. А, наконецъ, какъ я Вамъ сказалъ, это умѣніе останавливать кровь. Извѣстно же, какое отвратительное бываетъ настроеніе, когда идетъ кровь изъ носу: наступаетъ вялость, болитъ голова. Онъ остановитъ кровь, погладитъ по головѣ, успокоитъ боль, – какъ же не испытывать къ нему чувства благодарности? Одна только великая княжна Ольга противъ него и на этой почвѣ происходятъ тяжелыя драмы. Вотъ на Рождество, напримѣръ, для него устраивали елку. Съ какой любовью вся царская семья ее убирала, навѣшивала свѣчки, подарки; онъ былъ позванъ на 6 часовъ, но всю ночь кутилъ съ грязными дѣвками въ Виллѣ Родэ; въ 9 часовъ утра его пьянѣе вина привезли домой, и онъ, какъ животное, свалился и безъ движенія лежитъ. Въ 3 часа агенты стали его будить: «вставай, сукинъ сынъ, тебѣ во дворецъ надо ѣхать». А онъ только мычитъ въ отвѣтъ. Насилу его съ помощью нашатырнаго спирта и т. п. подняли. Можете себѣ представить, въ какомъ видѣ этотъ мерзавецъ явился въ Царское. Но тамъ онъ мгновенно преображается и начинаетъ объяснять, что онъ всю ночь не спалъ, молился и что Николай Угодникъ будетъ намъ помогать. Да Государь самъ виноватъ, что Распутинъ играетъ такую роль. Если уже такой прохвостъ вамъ нуженъ, назначьте ему 10 тысячъ рублей въ мѣсяцъ, что вамъ это стоитъ, тогда бы онъ сидѣлъ себѣ спокойно и ни во что не вмѣшивался. Но тамъ вообще не имѣютъ понятія о деньгахъ. Приблизятъ къ себѣ какого нибудь молодца, кровь съ молокомъ, назначатъ его адъютантомъ или кѣмъ нибудь такимъ и даютъ ему 2 тыс. рублей въ годъ; такому молодцу двѣ тысячи въ день нужно, онъ и идетъ служить въ банкъ, а банки даромъ деньги не платятъ. Вотъ точно также и Распутинъ. Теперь у насъ точно установлено, что онъ проводитъ самыя разнообразныя дѣла. Да, быть можетъ, даже и не столько онъ, сколько окружающая его клика самыхъ темныхъ дѣльцовъ. Вотъ, напримѣръ, Вы знаете, конечно, это дѣло смоленскихъ дантистовъ, которые пріобрѣтали дипломы для полученія права жительства внѣ черты осѣдлости: Мы доподлинно знаемъ, что за помилованіе осужденныхъ судомъ распутинцы взяли 30.000 рублей, а самому Распутину изъ этого досталась только шуба и шапка – велика корысть. Между нимъ и его свитой происходятъ часто ссоры. Но свита умѣетъ его обойти и онъ тогда говоритъ: «ну, поставимъ крестъ» и начинаетъ работать дальше.

Неужели Вамъ извѣстно даже и то, что Распутинъ во Дворцѣ говоритъ?

– Все должно быть извѣстно. А на дняхъ предсѣдатель Совѣта министровъ мнѣ приказываетъ по телефону, чтобы я Гришку охранялъ, какъ зеницу ока, и что я отвѣчаю за него своей головой. Ну, это вообще возвращеніе къ среднимъ вѣкамъ, и я спрашиваю Штюрмера, какъ же я долженъ охранять въ такомъ случаѣ? Мнѣ отвѣчаютъ: какъ Высочайшую особу. Я попросилъ письменнаго распоряженія. Но мнѣ не дали. Жаль. Былъ бы очень интересный документъ.

– Но у Распутина, – спросили мы, – есть же соперники?

– Да, – отвѣчалъ А. Н. Хвостовъ – есть нѣсколько кандидатовъ, но они ничего не стоятъ. Гришка, вѣдь это большая умница, а остальные все дребедень: какой то Олегъ, который хочетъ взять монашескимъ ражемъ, Мардарій философствуетъ въ высокопоставленномъ обществѣ, но это все ничего. Тутъ каждая компанія имѣетъ своихъ кандидатовъ, которые только и ждутъ случая, если судьба Гришки будетъ рѣшена. Тогда у царицы начнутся истерики, меланхолія и каждый разсчитываетъ пробраться.

– Ну, а Варнава какую роль играетъ?

– Варнава отстраненъ; они боятся его вліянія и поэтому Питиримъ съ Распутинымъ его отдалили, какъ удаляютъ всякихъ лицъ, которыя могутъ ослабить ихъ вліяніе. О, Питиримъ, это великій мерзавецъ, со своимъ секретаремъ Осипенко. Онъ явно стремится стать патріархомъ. И еще заставитъ о себѣ говорить.

Въ концѣ концовъ я бы могъ прекратить всю эту исторію. Вы знаете меня: я человѣкъ безъ задерживающихъ центровъ. Я люблю эту игру и для меня было бы все равно, что рюмку водки выпить, арестовать Распутина и выслать его на родину. Можетъ быть, не всякій жандармъ согласился бы исполнить мое приказаніе, но у меня есть люди, которые пошли бы на это. Но я не увѣренъ, что изъ этого выйдетъ: Государь его можетъ вернуть съ дороги, за нимъ могутъ послать императорскій поѣздъ, могутъ сами выѣхать къ нему навстрѣчу, – его и безъ того собираются переселить во дворецъ, чтобы гарантировать безопасность. Не будь теперь войны, я бы все таки это сдѣлалъ, но въ такое время я не рѣшаюсь компрометировать династію, я не могу допустить возможности такихъ послѣдствій.

А зачѣмъ, собственно, Вы такъ добиваетесь его отъѣзда. Вѣдь онъ уѣзжалъ уже нѣсколько разъ и возвращался назадъ. То же можетъ случиться и теперь.

– Да, чортъ его возьми, пускай потомъ возвращается. Мнѣ лишь бы теперь его не было здѣсь, во время вѣроятнаго оживленія съ наступленіемъ весной военныхъ дѣйствій. Вотъ въ это время пусть не будетъ здѣсь этотъ членъ шпіонской организаціи. Но пока что, я доставляю себѣ удовольствіе: каждый день я обыскиваю, арестовываю кого нибудь изъ его приближенныхъ и секретарей. Вотъ извольте, – и министръ показалъ на лежащую передъ нимъ папку – досье одного изъ обысканныхъ; это никто иной, какъ Добровольскій, инспекторъ народныхъ училищъ; вотъ Вамъ, – и министръ сталъ вынимать изъ папки документы и показывать намъ – вотъ Вамъ реестръ дѣлъ, которыя онъ проводилъ одной рукой оффиціально, а другой дѣйствуя закулисно; вотъ Вамъ копіи прошеній на Высочайшее имя, вотъ Вамъ письма Гришки (министръ показалъ большой конвертъ, на которомъ характернымъ почеркомъ Распутина было написано: «Саблеру Владиміру Карловичу, оберъ прокурору»). Къ сожалѣнію, мы его не сразу арестовали, а теперь уже не можемъ его получить къ допросу. Онъ – мы знаемъ доподлинно – засѣлъ въ Царскомъ, а полиція намъ отвѣчаетъ, что она не знаетъ, гдѣ онъ.

– Скажите же пожалуйста, – спросили мы, кто будетъ министромъ, если Вы выйдете въ отставку? Бѣлецкій?

– Нѣтъ, живо возразилъ А. Н. Хвостовъ. Вы напрасно противопоставляете меня Бѣлецкому. Я, конечно, очень недоволенъ Бѣлецкимъ, потому что, какъ видите, онъ не охранилъ моихъ интересовъ, но и тамъ имъ недовольны потому, что онъ точно также не сумѣлъ охранить Распутина.

– Однако, вѣдь говорятъ, что Распутинъ повторяетъ вслухъ: «Хвостовъ убивецъ, одинъ Степа* хорошій».

* т. е. Степанъ Бѣлецкій.

Министръ и бровью не повелъ при этихъ словахъ, онъ также весело отвѣтилъ:

– Нѣгъ, это онъ раньше говорилъ, а теперь ужъ и Степанъ никуда не годится. Нѣтъ, если я уйду, то будетъ министромъ или самъ предсѣдатель Совѣта министровъ, онъ очень этого желаетъ, или Ширинскій-Шахматовъ.

На этихъ словахъ мы стали прощаться съ министромъ, извиняясь, что отняли у него такъ много драгоцѣннаго времени; онъ же намъ сказалъ, что, напротивъ, онъ очень радъ тому, что имѣлъ возможность все намъ разсказать, что время ему теперь совсѣмъ не дорого, потому ровно ни чѣмъ онъ заниматься не можетъ: «съ утра до вечера мы занимаемся только этимъ и больше ничѣмъ.»

– Гдѣ ужъ тутъ Дума – отвѣтилъ онъ на наше замѣчаніе, – я даже избѣгаю и показываться туда, ибо что же я могу сказать, если мнѣ поставятъ какой нибудь вопросъ?

Остается добавить, что, когда мы вышли отъ министра, то въ пріемной оказалось очень много ожидающихъ, но –, что замѣчательно, – среди нихъ былъ и тотъ самый генералъ Спиридовичъ, который, по словамъ министра, назначенъ для разслѣдованія. Фигура Спиридовича, стоявшаго какъ разъ противъ двери въ кабинетъ министра, создавала такое впечатлѣніе, что Хвостовъ уже находится подъ домашнимъ арестомъ.

Екатеринославъ 1917—22 г. г.

З. Ю. Арбатова

Въ большомъ губернскомъ городѣ Екатеринославѣ, имѣвшемъ тогда около полумилліона жителей, среди которыхъ было до семидесяти пяти тысячъ рабочихъ металлистовъ, — февральскую революцію сдѣлали люди, пріѣхавшіе утреннимъ поѣздомъ изъ Харькова.

Они привезли вечерніе выпуски газеты «Южный Край», въ которыхъ сообщалось, что Императоръ Николай II отрекся отъ престола въ пользу Михаила Александровича. Сообщеніе это, сейчасъ-же перепечатанное мѣстными газетами, вышло экстреннымъ выпускомъ и было встрѣчено населеніемъ съ воодушевленіемъ и радостью...

Никто ничего не зналъ подробно о Михаилѣ Александровичѣ, но почему то всѣ были подъ внушеніемъ, что именно Михаилъ Александровичъ въ это тяжелое время нуженъ Россіи, и что спасеніе страна найдетъ только въ новомъ Романовѣ, который дастъ Россіи отвѣтственныхъ министровъ, разгонитъ всю нечисть Зимняго Дворца, и Россія, обновленная, принесшая въ жертву милліоны жизней своихъ сыновъ, станетъ Державой, очищенной отъ всякихъ Горемыкиныхъ, Штюрмеровъ и Распутиныхъ.

А въ первыхъ дняхъ марта мѣстныя газеты получили телефонныя сообщенія изъ Харькова о томъ, что Михаилъ Александровичъ отказался отъ тяжелой шапки Мономаха, что «полковникъ Николай Романовъ» арестованъ, а вся власть въ странѣ переходитъ къ Временному Правительству съ Керенскимъ, Милюковымъ, Гучковымъ.

Тогда была организована настоящая манифестація, во главѣ которой, придерживая одной рукой длинную кавалерійскую саблю, спокойно и дѣловито шагалъ помощникъ полиціймейстера, подполковникъ Бѣлоконь.

По телеграммѣ, полученной изъ Петербурга, предсѣдатель губернской земской управы К. Д. фонъ-Гесбергъ созвалъ большое совѣщаніе всѣхъ общественныхъ силъ города. Тутъ были врачи, адвокаты, представители рабочихъ больничныхъ кассъ... Засѣданіе продолжалось до разсвѣта, а къ утру была сформирована временная губернская власть, во главѣ съ Гесбергомъ.

Тогда-же было рѣшено всю полицію изолировать и профильтровать съ тѣмъ, чтобы рядовыхъ полицейскихъ выпустить, а въ чемъ либо провинившихся арестовать и предать суду.

Полицейскіе были загнаны въ большой залъ театра «Колизей», а одинъ изъ приставовъ, Борисъ Красовскій, заподозрѣнный въ провокаціи, былъ заключенъ въ тюрьму.

Работу по изоляціи полиціи продѣлалъ мѣстный гарнизонъ подъ руководствомъ директора завода Бѣлявскаго, взявшаго себѣ въ помощники одного изъ дѣятелей рабочей больничной кассы, рабочаго, соціалиста-революціонера, Лавра Шаляхина.

Когда стало очевиднымъ, что Монархія провалилась и что Временное Правительство какъ будто и въ самомъ дѣлѣ является властью, тогда, къ концу первой половины марта, во многихъ учрежденіяхъ потихоньку и осторожно стали снимать и прятать на чердаки Царскіе портреты.

Полицейскія обязанности, вплоть до работъ по дѣламъ уголовнаго розыска взяли на себя студенты-юристы.

На заводахъ стали организовываться заводскіе комитеты. Появились меньшевики, эс-эры, большевики; пошли митинги, собранія; появились расцѣночныя и контрольныя комиссіи; однимъ дыханьемъ былъ введенъ восьми-часовый рабочій день и замѣтно стала понижаться продуктивность рабочихъ. Были созданы какія-то спеціальныя рабочія комиссіи по провѣркѣ правильности предоставленныхъ военно-обязаннымъ отсрочекъ по призыву въ армію; какъ грибы послѣ дождя стали расти профессіональные союзы и объединенія; пошла въ ходъ рабочая оппозиція; вошли въ моду паритетныя начала; наиболѣе расторопные и толковые рабочіе, съ нескрываемымъ удовольствіемъ, отъ продуктивныхъ станковъ перешли въ различныя разговорныя комиссіи: организовался Совѣтъ рабочихъ и крестьянскихъ депутатовъ во главѣ съ предсѣдателемъ, рабочимъ Брянскаго завода, Орловымъ.

О провинціи никто не заботился. Всѣ эти маленькіе уѣздные Александровски, Павлограды и Бахмуты жили своей отдѣльной жизнью; какъ-то по своему передѣлывали житейскія формы на новый революціонный ладъ; забытые центромъ, лишенные авторитетной и опредѣленной власти уѣзды быстро катились къ самой страшной анархіи.

Всякій уѣздъ, каждая волость создавали для себя особые имъ выгодные законы.

Губернская власть, занятая собственными заботами и, въ свою очередь, не получавшая никакихъ указаній изъ Петрограда, распространяла свои дѣйствія и мѣропріятія только въ масштабѣ губернскаго города и все видимо катилось къ пропасти.

Въ Городской Думѣ, состоявшей изъ выборныхъ различныхъ политическихъ партій, происходила ожесточенная грызня и борьба между фракціями и секціями, правыми и лѣвыми... Дѣловые вопросы оставались безъ движенія, или тонули въ политическихъ спорахъ, а вражда партій съ каждымъ днемъ все болѣе и болѣе обострялась...

Тогда-же вполнѣ самостоятельной единицей стало село Гуляй-Поле, въ которомъ прочно засѣлъ вернувшійся съ каторги каторжанинъ Несторъ Махно, окружившій себя въ селѣ нѣсколькими десятками такихъ-же уголовныхъ каторжанъ.

Послѣ Корниловскихъ событій, изъ Петрограда особымъ поѣздомъ пріѣхало въ Екатеринославъ триста рабочихъ, присланныхъ какимъ-то центральнымъ профессіональнымъ органомъ съ мандатомъ за подписью какого-то военнаго ниженера, съ указаніемъ, что мѣстное общество заводчиковъ обязано этихъ товарищей-рабочихъ немедленно распредѣлить по заводамъ съ предоставленіемъ имъ заработка по всѣмъ пунктамъ ставокъ, — и настроеніе въ заводскихъ кругахъ понизилось.

На мандатѣ этомъ, помимо подписи военнаго ниженера, были еще какія-то двѣ подписи пролетарской каллиграфіи, и въ тихую лужу былъ брошенъ первый камешекъ.

Ни приказъ номеръ первый, ни роковое іюньское наступленіе, ни общая очевидная безсистемность въ управленіи Великой страной не произвели такого впечатлѣнія, какъ эта небрежно написанная бумажка съ двумя пролетарскими подписями...

Устроили совѣщаніе. На этомъ совѣщаніи впервые были услышаны слова о буржуяхъ, капиталистахъ, кровопійцахъ-директорахъ и о наймитахъ французскаго капитала.

Начавъ свою рѣчь страннымъ обращеніемъ «товарищи-директора», представитель присланныхъ изъ Петрограда рабочихъ, пролетарій въ военной одеждѣ, произнесъ жуткую по безсмысленности рѣчь о мести рабочаго класса, о красномъ террорѣ и о соціализаціи... Вся эта рѣчь произвела впечатлѣніе плохо заученной и перепутанной прокламаціи, которую пріѣхавшіе рабочіе привезли изъ Петрограда.

При страшномъ паденіи продуктивности, при катастрофической дезорганизаціи фабрично-заводскихъ предпріятій въ смыслѣ ихъ административнаго управленія, размѣщеніе присланныхъ трехсотъ рабочихъ являлось поднесеніемъ спички къ бочкѣ пороху. Но настойчивыя требованія питерскихъ рабочихъ и начавшіяся съ ихъ стороны угрозы заставили заводчиковъ размѣстить этихъ гостей по предпріятіямъ среди своихъ старыхъ спокойныхъ рабочихъ, сразу почувствовавшихъ приливъ свѣжей ярко-красной струи.

На заводахъ все чаще и чаще стали возникать тренія съ администраціей и высшимъ техническимъ персоналомъ, — который частенько стали вывозить изъ цеховъ на тачкахъ подъ общій шумъ и свистъ рабочихъ.

Появились воззванія и прокламаціи о сверженіи буржуазнаго Временнаго Правительства капиталистовъ; стали на заводахъ образовываться какія-то красногвардейскія ячейки; во время работъ давались тревожные гудки, пріостанавливались работы въ цехахъ и устраивались митинги; раздавались открытыя требованія къ удаленію администраціи и взятію фабрикъ въ руки рабочихъ; по какому либо простому случаю, а часто и безъ всякаго повода дѣлались попытки къ массовымъ выходамъ съ красными знаменами на улицу и во всѣхъ этихъ взвинчивающихъ и разжигающихъ сравнительно спокойную рабочую массу кучкахъ — всегда появлялись рабочіе изъ петроградской партіи.

Всѣ они, разсыпанные небольшими группами въ двадцать — тридцать человѣкъ по заводамъ, появлялись въ цехахъ только для того, чтобы произнести короткую зажигающую рѣчь, а сами быстро проникли въ различные рабочіе союзы и организаціи, ведя открытую, вызывающую и смѣлую борьбу.

На заводахъ появились винтовки; организовалась запись въ красную гвардію; во время работъ тутъ-же на заводахъ производились оружейныя занятія и маршировки, руководимыя тѣми-же питерскими рабочими.

И когда, какъ-то осенью, Керенскій исчезъ — въ Екатеринославѣ съ поразительной быстротой и неожиданностью объявился Временный Революціонный Штабъ.

Занявъ большой особнякъ князя Урусова, Революціонный Штабъ, состоявшій изъ двухъ рабочихъ петроградской партіи, Каверина и Васильева, и одного рабочаго Брянскаго завода, Аверина, — сразу взялся за реквизиціи, аресты и разстрѣлы.

Отъ населенія вниманіе Штаба было случайно отвлечено, объявившимся въ одно время съ Революціоннымъ Штабомъ — Штабомъ анархистовъ. Потомъ выплылъ какой-то штабъ украинцевъ и все свелось къ тому, что въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ съ болѣе или менѣе продолжительными перерывами на улицахъ города происходили ружейныя и пулеметныя перестрѣлки: — то между Революціоннымъ Штабомъ рабочихъ и украинцами, то между анархистами и рабочими, а къ Рождеству вспыхнула общая свалка и по всему городу летали пули и трещали пулеметы...

Воспользовавшись общей свалкой, Махно, грабившій тогда только маленькіе уѣздные города, рѣшилъ побывать и въ «губерніи».

Подойдя къ пос. Амуръ, Махно открылъ пулеметный огонь по желѣзнодорожной части города и, такъ какъ никто ничего не зналъ о новомъ участникѣ боя, то произошло замѣшательство и каждая сторона, участвовавшая въ бою, сократила свои боевыя дѣйствія.

Въ Революціонномъ Штабѣ рабочихъ было высказано предположеніе, что это на помощь рабочимъ Екатеринослава идутъ рабочіе Амура и Нижне-Днѣпровска.

Когда Махновцы въ числѣ около трехсотъ человѣкъ вошли въ городъ и каждаго встрѣчавшагося на улицѣ тутъ-же безъ всякихъ разспросовъ разстрѣливали, всѣ участники уличнаго боя попрятались.

И по городу весь день перваго января восемнадцатаго года разгуливали махновцы.

Ограбивъ крупнѣйшіе магазины Озернаго базара, махновцы подожгли зданія магазиновъ и вся привокзальная часть города озарилась яркимъ свѣтомъ пламени. Самъ Махно поставилъ посреди проспекта трехдюймовую пушку и въ упоръ

стрѣлялъ въ наиболѣе высокіе и красивые дома. Спѣшившій на поддержку дравшихся украинцевъ полковникъ Самокишъ, ворвался въ городъ со стороны Горяиново во главѣ около пятидесяти всадниковъ и большую часть махновцевъ перебилъ. Къ вечеру большевики, разобравшіеся въ боевой обстановкѣ, снова выступили и добили остатки Махновской шайки и отрядъ Самокиша.

Первое кровавое посѣщеніе Махно Екатеринослава прибавило къ общему числу жертвъ свыше трехсотъ труповъ...

Въ короткіе отъ боевыхъ столкновеній перерывы, рабочій Аверинъ сорганизовалъ свой новый коммунистическій Совѣтъ Рабочихъ, Солдатскихъ и Крестьянскихъ депутатовъ и, взявъ у украинцевъ штурмомъ домъ бывшій губернатора, загналъ туда пару десятковъ смущенныхъ и недоумѣвавшихъ депутатовъ-рабочихъ, выпустивъ тогда-же приказъ о полномъ подчиненіи Революціоннаго Штаба всѣмъ распоряженіямъ Совѣта.

Но анархисты не унимались; украинцы затаили чувство мести, и къ концу января снова вспыхнули уличные бои.

Оперировавшій тогда въ Харьковѣ Антоновъ, разстрѣлявшій тамъ же на седьмомъ пути харьковскаго вокзала губернатора Кошуру-Массальскаго, присылалъ Екатеринославу подкрѣпленія въ видѣ безработныхъ и вооруженныхъ рабочихъ и казалось, что вотъ Временный Революціонный Штабъ Аверина окончательно раздавитъ и анархистовъ, и украинцевъ. Но въ Екатеринославъ неизвѣстно какими путями изъ совершенно отрѣзаннаго Кіева прибылъ Центральный Исполнительный Комитетъ Украинскихъ Коммунистовъ, носившій сокращенное названіе «Цикука». Занявъ одну изъ большихъ залъ Англійскаго клуба, Цикука, состоявшая изъ трехъ рабочихъ, вооруженныхъ австрійскими ручными пулеметами, занялась примиреніемъ враждующихъ партій. Предсѣдатель Цикуки, Миронъ Трубный, заводскій конторщикъ, изъ Штаба Аверина велъ переговоры съ украинцами; изъ Штаба анархистовъ кто-то велъ мирные переговоры съ Штабомъ Аверина, а загнанные Аверинымъ въ Совѣтъ рабочіе уныло болтались по просторнымъ комнатамъ губернаторскаго дома, унося домой, отъ нечего дѣлать, попадавшіяся подъ руки мелкія вещи...

Лежавшій на полу большущій текинскій коверъ былъ миролюбиво разрѣзанъ на равныя части и каждый изъ депутатовъ отнесъ домой по куску ковра.

Но какъ-то въ апрѣлѣ, какъ разъ въ тотъ день, когда всѣ партіи пришли къ соглашенію и почти безоговорочно рѣшили подчиниться власти Совѣта, на Чечелевку, окраинную часть города, упалъ и разорвался шестидюймовый снарядъ.

По распоряженію Васьки Аверина всѣ заводскіе гудки тревожно загудѣли. Рабочимъ, состоявшимъ въ красно-гвардейскихъ ячейкахъ, были розданы винтовки, патроны и пара пулеметовъ.

Аверинъ произнесъ рѣчь о наступающихъ петлюровскихъ бандахъ, впереди которыхъ идутъ помѣщики и попы... Было надѣлено оружіемъ около шестисотъ человѣкъ.

Разбитые на нѣсколько отрядовъ рабочіе, красно-гвардейцы, заняли вокзальную часть города; прождавъ около часу, они рѣшили выйти навстрѣчу противнику и, оставивъ небольшой караулъ на вокзалѣ, вышли на версту за городъ, разбившись на небольшіе отдряды. Продвинувшись глубже въ степь, они со страшной для нихъ неожиданностью съ трехъ сторонъ были засыпаны винтовочнымъ и пулеметнымъ огнемъ.

Никто изъ бывшихъ тамъ рабочихъ не вернулся въ городъ: легли всѣ.

Когда трескъ пулеметнаго и частаго оружейнаго огня донесся до города, всѣ Штабы исчезли. Аверинъ, Васильевъ и Каверинъ усѣлись въ автомобиль и бѣжали въ сторону Синельниково, а на разсвѣтѣ по центральной улицѣ города увѣренно и грузно шагали роты нѣмецкихъ солдатъ.

Къ утру въ помѣщеніи рабоче-крестьянскаго совѣта, какъ ни въ чемъ не бывало, работала нѣмецкая комендатура и по телеграфнымъ столбамъ нѣмецкіе солдаты спокойно проводили телефонные провода.

* * *

Никто ничего не понималъ.

Выяснилось, что сейчасъ городъ подъ властью Петлюры.

Къ обѣду перваго-же дня занятія города, въ саду игралъ нѣмецкій оркестръ военной музыки; по городу проѣхало нѣсколько платформъ съ трупами убитыхъ нѣмцами рабочихъ, захваченныхъ на вокзалѣ съ винтовками въ рукахъ.

И весь день безъ перерыва по мосту черезъ Днѣпръ, направляясь въ сторону Харькова, шли нѣмецкія войска.

А дня черезъ два появились въ городѣ какіе-то странные люди въ цвѣтныхъ широкихъ шароварахъ, яркихъ кафтанахъ, разговаривавшіе на ломанномъ русскомъ языкѣ, но дѣлавшіе видъ, что русскаго языка совершенно не понимаютъ.

На городъ нѣмцы наложили контрибуцію въ триста тысячъ рублей; созванная Дума контрибуцію разложила на населеніе.

Съ второго дня прихода нѣмецкихъ войскъ, начался сборъ военноплѣнныхъ нѣмцевъ, австрійцевъ и турокъ. Незначительное количество плѣнныхъ нѣмцевъ и турокъ, тысячи плѣнныхъ австрійцевъ, по два года проведшихъ на заводахъ города и раіона, были переписаны, отправлены въ баню и частыми поѣздами въ теченіе трехъ дней, счастливые и довольные, уѣхали домой.

Отдѣльныя единицы изъ плѣнныхъ уклонились отъ возвращенія на родину, такъ какъ во время пребыванія въ городѣ различныхъ штабовъ занимали тамъ какіе-то посты и, производя реквизиціи и аресты, не забывали о черномъ днѣ и о «грядущей старости». Чувствуя возможность повторенія условій, при которыхъ снова смогутъ возникнуть Штабы, — эти плѣнные вмѣстѣ съ большевиками, застрявшими въ городѣ, ушли въ подполье, скрываясь и проживая подъ чужими документами.

Не успѣли мы порядкомъ познакомиться съ новой петлюровской властью, какъ опять люди, пріѣхавшіе пароходомъ изъ Кіева, привезли намъ новую революцію и, кисло радуясь, поздравляли насъ съ новымъ покровителемъ гетманомъ Павло Скоропадскимъ. И тутъ-же показали манифестъ гетмана, въ которомъ онъ называлъ насъ «своимъ народомъ».

Въ городѣ все осталось по прежнему: тѣ-же нѣмецкія войска; та-же нѣмцами поставленная старая полиція; понемногу начали дымить заводскія трубы; отправился первый скорый поѣздъ на Кіевъ; потомъ пошелъ первый поѣздъ на Харьковъ и тогда только мы узнали, что Россія кончается за Харьковомъ — тамъ, — гдѣ начинается Бѣлгородъ...

Курскъ, Орелъ, Тула, Москва и Петербургъ остались за границей.

И столицей нашей сталъ Кіевъ.

Пока въ Кіевѣ Суозифъ (Соед. Укр. о-во заводчиковъ и фабрикантовъ) сокращалъ права Протофиса (Союзъ Пром., Торг., Фин., и Сельск. Хоз.), а Протофисъ пытался совсѣмъ уничтожить Суозифъ, украинское крестьянство, избиваемое помѣщиками и гетманскими приказными (нѣчто вродѣ полицейскихъ урядниковъ), потихоньку пускало скорый поѣздъ подъ откосъ или убивало нѣсколько нѣмецкихъ солдатъ...

Потомъ, пробравшійся въ Кіевъ представитель красной Россіи, Раковскій ожесточенно торговался съ гетманскими министрами о границахъ; велъ горячіе переговоры и споры о какомъ-то торговомъ и транзитномъ договорѣ между Украиной и красной Россіей, а тѣмъ временемъ, на украинской границѣ Дыбенко накоплялъ красныя части, а разсыпанныя по Украинѣ коммунистическія ячейки подстрекали крестьянъ и рабочихъ къ бунтамъ и возстаніямъ.

Вспыхнула революція въ Германіи. Подъ развалинами Вильгельмовскаго трона погибъ и гетманъ Скоропадскій. Появился снова Петлюра, но уже съ Директоріей.

Обезоруженные петлюровцами, опечаленные событіями на родинѣ, уныло пробирались съ Украины въ Германію остатки нѣмецкихъ войскъ.

И въ Екатеринославѣ опять появились анархисты; выползли изъ подполья большевики и, ночью крадучись въ сторону Александровска, вышелъ изъ города начавшій формироваться восьмой офицерскій корпусъ.

Раковскій продолжалъ свой торгъ съ Петлюровской Директоріей, а Дыбенко

по стопамъ откатывавшихся германскихъ войскъ вошелъ въ Харьковъ, занялъ Лозовую, придвинулся къ Синельниково и въ началѣ января уже девятнадцатаго года занялъ Екатеринославъ.

* * *

Послѣ пестрыхъ шароваръ петлюровскихъ «добродіівъ», умудрившихся изъ Воробьевыхъ стать Воробьцами, а изъ Петровыхъ перекраситься въ Петренковыхъ; послѣ Цикуки съ одноглазымъ Мирономъ, по улицамъ города стройными рядами прошли русскіе люди, въ русскихъ шинеляхъ, съ русскими винтовками на плечахъ, громко и заливчато распѣвая «Соловья».

А впереди совѣтскихъ ротъ нормальнымъ пѣхотнымъ шагомъ шли наши русскіе поручики, капитаны, усталые и мрачные.

И тутъ-же на площади восторженный юноша, взобравшись на какую-то будку, сталъ произносить рѣчь, восхваляя непобѣдимую красную армію, пришедшую съ сѣвера на югъ освободить своихъ братьевъ, товарищей-рабочихъ.

Въ городъ съ войсками вошелъ главнокомандующій первой украинской красной арміей Дыбенко вмѣстѣ съ политическимъ комиссаромъ арміи Петровскимъ, впослѣдствіи ставшимъ во главѣ Центральнаго Исполнительнаго Комитета Украины.

На устроенномъ въ Большомъ театрѣ митингѣ, Петровскій упрекалъ рабочихъ въ инертности и въ холодной встрѣчѣ, оказанной ими вошедшимъ въ городъ краснымъ войскамъ.

Рабочіе хмуро слушали Петровскаго и только зажигательная, чисто митинговая рѣчь Дыбенко нѣсколько подняла настроеніе рабочихъ, отчетливо помнившихъ послѣдніе дни власти Совѣта, когда Аверинъ послалъ рабочихъ на вокзалъ отбить банды петлюровцевъ, а самъ на автомобилѣ умчался въ противоположную сторону, подставивъ ничего не знавшихъ и довѣрившихся ему рабочихъ подъ четкій и косящій огонь нѣмецкихъ пулеметовъ.

Утромъ Дыбенко устроилъ парадъ войскамъ. Уныло плелись небольшія группы рабочихъ, неся красныя знамена, съ мертвыми, никого не волновавшими надписями: «вся власть совѣтамъ».

Когда-же рѣявшій надъ войсками красный аэропланъ при спускѣ перевернулся и пропеллеромъ сорвалъ головы у двухъ красныхъ кавалеристовъ, а самого летчика окровавленнаго и полуживого извлекли изъ подъ обломковъ аэроплана, всякій подъемъ окончательно пропалъ и рабочіе разбрелись на окраины, тихо что-то шепча о Божьемъ предзнаменованіи, о кровавой судьбѣ баламутящихъ жизнь коммунистовъ.

Появившіеся въ городѣ русскіе солдаты, старыя солдатскія пѣсни дали нѣсколько минутъ отдыха послѣ насильственной и принудительной украинизаціи, но когда къ утру изъ Москвы, черезъ Харьковъ, пріѣхалъ старый знакомый Васька Аверинъ въ городѣ стало жутко.

Съ первой-же минуты пріѣзда Аверина пошли аресты; въ тотъ-же день былъ созванъ прежній составъ Совѣта рабочихъ депутатовъ.

Во всѣхъ дѣйствіяхъ Аверина, пробывшаго нѣсколько мѣсяцевъ въ Москвѣ, отсутствовало его прежнее разгильдяйство, исчезла грубость, внѣшняя некультурность, а чувствовалась какая-то планомѣрность въ проведеніи заранѣе составленнаго плана.

Въ теченіе двухъ недѣль Аверинъ, выступавшій какъ представитель Народнаго Комиссаріата Украины по внутреннимъ дѣламъ, создалъ всѣ учрежденія совѣтскаго аппарата, всюду давая руководящія указанія и самостоятельно назначая отвѣтственныхъ партійныхъ руководителей. Снова появился изъ подполья рабочій Шаляхинъ, ставшій во главѣ отдѣла соціальной помощи; цеховой конторщикъ латышъ Квирингъ, впослѣдствіи делегатъ въ Ригѣ при заключеніи мира съ Польшей, взялъ на себя веденіе Губернскаго отдѣла Совнархоза; извѣстный и нѣсколько разъ судившійся въ Окружномъ судѣ конокрадъ цыганъ Николай Хавскій занялъ постъ завѣдывающаго

отдѣломъ Коммунальнаго хозяйства; латышъ-слѣсарь Межлаукъ — опредѣлился на постъ комиссара Екатеринской желѣзной дороги; во главѣ военнаго губернскаго комиссаріата сталъ, пришедшій съ войсками, нѣкій Бергъ; политическимъ секретаремъ губерніи былъ назначенъ коммунистъ Эпштейнъ; во главѣ губернскаго отдѣла народнаго образованія сталъ капельдинеръ кинематографа въ Юзовкѣ безграмотный Карповскій, впослѣдствіи смѣщенный студентомъ первокурсникомъ Митясовымъ; веденіе отдѣла народнаго здравоохраненія было поручено сыну проститутки Гурсину, а во главѣ Исполкома, какъ-то само по себѣ, на посту предсѣдателя остался Васька Аверинъ.

Тогда-же въ домѣ инженера Нѣпокойчицкаго послѣдней была организована Чека, предсѣдателемъ который сталъ рабочій завода «Шодуаръ» Валявка.

И государственный аппаратъ въ губернскомъ масштабѣ былъ налаженъ.

А къ веснѣ большевики все чаще стали устраивать митинги, проклиная царскаго генерала Деникина, холоповъ-казаковъ и призывая рабочихъ къ защитѣ Донецкаго бассейна.

Пріѣхалъ въ Екатеринославъ Раковскій, доказывавшій на митингѣ рабочимъ, что Донбассъ является кочегаркой міровой революціи и что если пролетаріатъ потеряетъ Донбассъ, то погибнетъ и вся пролетарская революція.

Потомъ пріѣхалъ Бубновъ — членъ Совѣта Обороны Украины и до хрипоты призывалъ рабочихъ вступать въ ряды Красной Арміи.

Наконецъ пріѣхалъ самъ Левъ Троцкій.

Та-же многотысячная толпа, съ восторгомъ встрѣчавшая въ пятнадцатомъ году Императора Николая II, высыпала на улицы и молча встрѣтила краснаго диктатора.

Съ вокзала Троцкій направился въ Большой театръ, гдѣ уже съ ранняго утра набились тысячи рабочихъ.

Докладъ Троцкаго о положеніи Республикъ продолжался четыре часа.

Проживавшая въ то время родная сестра Троцкаго, жена доктора Мейльмана, стремившаяся повидаться съ братомъ, не достигла цѣли, т. к. Троцкій не нашелъ свободной минуты, чтобы принять сестру.

На митингѣ Троцкій, заканчивая докладъ, объявилъ Екатеринославъ красной крѣпостью, и тогда всѣ облегченно вздохнули. Стало очевиднымъ, что Добровольцы приближаются и что избавленія отъ ежедневныхъ разстрѣловъ Валявки и отъ всей совѣтской власти осталось ждать недолго.

Уѣхалъ Троцкій и въ городъ въ спѣшномъ порядкѣ прибыла пѣхотная дивизія подъ командованіемъ капитана царской арміи Федотова, служившаго въ Красной арміи подъ украинской фамиліей Федько. Уѣхалъ и Дыбенко, передавъ командованіе всей I-ой Украинской Арміей Федько, ставшему Командармомъ.

Производились частые выѣзды штаба Федько за городъ; разставлялись въ разныхъ частяхъ города пушки; по ночамъ прорѣзали темноту, прощупывая небо, мутные лучи прожекторовъ.

Власть отъ Губернскаго Исполкома перешла цѣликомъ къ «Особой Тройкѣ по оборонѣ города отъ наступающихъ бандъ Деникина». Въ тройку вошли: Н. Хавскій, Ломовскій, бывшій меньшевикъ, перешедшій къ коммунистамъ, и студентъ Бекъ.

Городъ былъ объявленъ на осадно-крѣпостномъ положеніи. Уже съ пяти часовъ вечера нельзя было не только появляться на улицахъ, но подъ угрозой разстрѣла запрещено было выглядывать съ балконовъ или изъ оконъ.

Ночами Валявка безпрерывно и торопливо разстрѣливалъ содержавшихся въ Чека. Выпуская по десять-пятнадцать человѣкъ въ небольшой, специальнымъ заборомъ огороженный, дворъ, Валявка съ двумя-тремя товарищами выходилъ на середину двора и открывалъ стрѣльбу по этимъ совершенно беззащитнымъ людямъ. Крики ихъ разносились въ тихія майскія ночи по всему городу, а частые револьверные выстрѣлы умолкали только къ разсвѣту.

Опасаясь внезапнаго налета бѣлыхъ, Валявка рѣшилъ «вывести въ расходъ» всѣхъ, по его мнѣнію, контръ-революціонеровъ, и страшной тайной остались сотни

именъ тѣхъ людей, которыхъ озвѣрѣлый Валявка отправилъ на тотъ свѣтъ. Тамъ были и петлюровскіе офицеры, и офицеры бывшей царской арміи; случайно задержанные на улицѣ люди безъ документовъ; арестованные за контръ-революцію священники. И по какой-то кошмарной случайности удалось найти трупъ того самаго подполковника Бѣлоконя, который важно сопровождалъ манифестантовъ въ первые дни февральской революціи.

Когда поздно ночью грузовикъ отвозилъ на свалочное мѣсто за городъ первую партію разстрѣлянныхъ Валявкой труповъ, тѣло Бѣлоконя, лежавшее на верху кучи, отъ сильныхъ толчковъ и быстраго хода грузовика соскользнуло и упало на дорогу, а на разсвѣтѣ жители въ трупѣ узнали Бѣлоконя.

* * *

Въ городъ стали проникать слухи о томъ, что идетъ Генералъ Деникинъ съ милліонной Добровольческой Арміей, тотъ самый Деникинъ, который не такъ давно отрѣзалъ правду-матушку военному министру Керенскому; что за Деникинымъ идетъ все казачество и нѣсколько корпусовъ чернокожихъ стрѣлковъ.

Упорно утверждали, что на Екатеринославскую губернію уже назначенъ губернаторъ и даже называли фамилію Щетинина.

По вечерамъ шептались о томъ, что Деникинъ, занимая городъ, отпускаетъ коммунистовъ на всѣ четыре стороны, что большинству не понравилось, но за то Деникинъ ведетъ за собой прекрасно сформированную и крѣпко сплоченную армію, вслѣдъ за которой идетъ законъ и право.

На угрюмыхъ лицахъ гражданъ все чаще появлялись загадочныя улыбки, и Тройка рѣшила проучить торжествующихъ контръ-революціонеровъ.

Въ одну ночь было арестовано свыше пятисотъ человѣкъ: судьи, купцы, учителя, общественные дѣятели, священники, фабриканты, врачи, адвокаты и вся эта масса была загнана въ трюмъ большой дряхлой баржи, стоявшей на якорѣ на Днѣпрѣ.

Это была выдумка Ломовскаго, который предполагалъ, въ случаѣ необходимости оставить спѣшно городъ, однимъ снарядомъ въ бражу помочь своему товарищу Валявкѣ — и сразу уничтожить пятьсотъ контръ-революціонныхъ элементовъ.

Остальное мужское населеніе, отъ пятнадцатилѣтнихъ юношей до семидесятипятилѣтнихъ старцевъ, было выгнано на окопныя работы верстъ четырнадцать за городъ на ст. Игрень.

Безъ лопатъ, безъ указаній, безъ хлѣба и воды проводили тысячи людей въ степи, съ затаенной радостью и волненіемъ ожидая прихода противника.

Опасаясь какой-либо сигнализаціи, большевики, подъ угрозой разстрѣла, запретили церковный звонъ.

Такъ продолжалось около двухъ недѣль; были вырыты какія-то канавы, въ которыя никто не садился и, когда черезъ головы копавшихъ окопы большевики послали первый орудійный залпъ въ сторону предполагаемаго противника, настроеніе поднялось и всѣ были увѣрены въ томъ, что еще часъ, еще два и вотъ... вотъ покажутся освободители, борцы за право, борцы за законъ, борцы за Великую Россію...

* * *

Весь день одиннадцатаго іюня большевики обстрѣливали изъ орудій, разставленныхъ въ Потемкинскомъ паркѣ, участокъ расположенія ст. Игрень, намѣреваясь не пропустить по линіи добровольческіе броневики; но полковникъ Шифнеръ-Маркевичъ отвелъ свою конницу правѣе въ сторону Новомосковскаго шоссе, всю ночь на двѣнадцатое далъ лошадямъ и людямъ отдохнуть, а съ утра, продѣлавъ какіе-то маневры, показавшіеся большевикамъ отступательными, бѣшеннымъ налетомъ, подъ артиллерійскимъ огнемъ, первый влетѣлъ на желѣзнодорожный черезъ Днѣпръ мостъ, увлекая за собой безудержную лавину разгоряченныхъ казаковъ.

Къ часу дня по городу, озираясь по сторонамъ, разъѣзжали казаки, мимо которыхъ съ страшной быстротой проносились автомобили съ убѣгавшими изъ города коммунистами. Послѣднимъ изъ города успѣлъ бѣжать губернскій комиссаръ Бергъ.

А Шифнеръ-Маркевичъ съ сотней казаковъ помчался къ станціи Горяиново, чтобы отрѣзать большевикамъ путь отступленія по желѣзной дорогѣ и, захвативъ тамъ два эшелона красноармейцевъ, вернулся въ городъ.

Слезы, восторженные крики радости, дикіе возгласы о мести большевикамъ, прибѣжавшіе и влившіеся въ толпу плѣнные съ баржи, случайно оставшіеся у Валявки въ живыхъ — всѣ высыпали на улицы, создавая небывалый подъемъ и неповторную радость.

Легкой рысью проносились по широкому проспекту сотни казаковъ; добродушныя улыбки кубанцевъ, загорѣлыя лица офицеровъ, часто мелькавшіе бѣленькіе георгіевскіе кресты и безконечный восторгъ, неимовѣрное счастье освобожденныхъ людей...

Никакихъ вопросовъ добровольцамъ никто не задавалъ и у всѣхъ была въ душѣ одна скрытая молитва, а въ мозгу одна опасливая мысль: «только-бы устояли... только бы не откатились, только бы не отошли... только бы довели свое святое и великое дѣло до счастливаго конца...»

Въ тотъ-же день къ вечеру, когда по проспекту тянулись тачанки съ пулеметами и обозы, по городу былъ расклеенъ приказъ коменданта о присоединеніи Екатеринославской губерніи къ территоріи Добровольческой Арміи, о возстановленіи полностью права собственности и о введеніи въ дѣйствіе всѣхъ прежнихъ законовъ Россійской Имперіи и о смертной казни на мѣстѣ за бандитизмъ.

Но на утро другого-же дня восторженность смѣнилась досадливымъ недоумѣніемъ... Вся богатѣйшая торговая часть города, всѣ лучшіе магазины были разграблены; тротуары были засыпаны осколками стекла разбитыхъ магазинныхъ оконъ; желѣзныя шторы носили слѣды ломовъ, а по улицамъ конно и пѣше бродили казаки, таща на плечахъ мѣшки, наполненные всякими товарами...

Мануфактура, консервы, бутылки вина, обувь, коробки мыла, туалетныя зеркала, галстуки, все это не забранное и испорченное валялось тутъ-же на тротуарахъ, создавая полную картину настоящаго погрома...

Вышедшіе съ утра на улицу люди поспѣшили обратно по домамъ и весь день по городу бродили темные люди, водившіе за собой кучки казаковъ и указывавшіе имъ наиболѣе богатые магазины.

Грабежъ шелъ во всю...

Къ обѣду разнеслась вѣсть о пріѣздѣ генерала Шкуро и улицы снова наполнились толпой.

Увидѣвъ молодого генерала, идущаго впереди безконечной ленты конныхъ войскъ, толпа забыла печаль прошлой ночи...

Приливъ твердой вѣры и новыя надежды охватили изстрадавшихся людей.

Генерала забрасывали цвѣтами; молодыя и старыя женщины, крестясь и плача, цѣловали стремена принесшаго освобожденіе генерала.

И впервые послѣ трехнедѣльнаго молчанія зазвонили церковные колокола...

Шкуро, устало покачиваясь въ сѣдлѣ, смущенно улыбался; къ его простому, загорѣлому лицу какъ-то не шли ярко-красные генеральскіе лацканы и еще вчера никому неизвѣстная фамилія Шкуро сегодня стала ореоломъ освобожденія и надеждой на возстановленіе Родины...

А вечеромъ, когда счастливая и утомленная толпа разбрелась по домамъ, на улицахъ опять появились кучки казаковъ, принявшіеся за продолженіе погрома и грабежа еще сохранившихся магазиновъ.

* * *

Въ гостинницѣ «Франція» расположилась пріѣхавшая вслѣдъ за Шкуро добровольческая контръ-развѣдка.

И началось хватаніе людей на улицахъ, въ вагонахъ трамваевъ, въ учрежденіяхъ... Арестовывали по самымъ безсмысленнымъ доносамъ; загоняли въ одну общую большую комнату и держали по нѣсколько дней безъ допроса и даже безъ какой либо записи.

Въ контръ-развѣдкѣ объявился въ качествѣ отвѣтственнаго агента заподозрѣнный въ провокаціи приставъ Борисъ Красовскій.

Когда арестовали нѣсколько видныхъ въ городѣ присяжныхъ повѣренныхъ и одного товарища прокурора окружнаго суда только на томъ основаніи, что какая то баба узнала ихъ на улицѣ и сказала казаку, что они при большевикахъ въ какомъ-то учрежденіи въ чемъ-то ей отказали, тогда общественные круги зашевелились.

Продолжавшіеся безпрерывно грабежи, совершенно произвольные аресты заставили видныхъ въ городѣ лицъ обратиться лично къ генералу Шкуро съ просьбой принять мѣры къ устраненію этихъ явленій, такъ омрачающихъ велико-радостные дни ...

Генералъ, улыбаясь, сперва остановился на томъ, что грабятъ не его казаки, а казаки группы генерала Ирманова, но увидѣвъ недоумѣвающія и удивленныя лица стоявшихъ предъ нимъ общественныхъ дѣятелей, находчиво и убѣдительно, какъ бы не безъ основаній, сказалъ:

— «Господа! о такихъ вещахъ сейчасъ еще не время говорить... Екатеринославъ еще фронтъ и если намъ придется на нѣкоторое время измѣнить линію нашего фронта, то вы можете снова очутиться въ раіонѣ большевистскаго фронта... Этого, господа, забывать не слѣдуетъ!..»

Линія фронта не измѣнялась, а грабежи росли и перенеслись на частныя квартиры. По ночамъ раздавались отчаянные крики подвергавшихся ограбленіямъ.

Отправилась делегація къ генералу Ирманову, и старый вояка, сидя засыпавшій въ креслѣ во время докладовъ своего адъютанта, сослался на свою въ этомъ дѣлѣ безпомощность, отмѣчая, что борьба съ уголовными преступниками не входитъ въ его чисто военныя обязанности, а лежитъ на обязанности полицейскихъ властей.

Когда-же генералу было указано на то, что грабителями и уголовными преступниками являются казаки подчиненныхъ ему-же частей, — онъ удивленно, старчески-дряхлымъ голосомъ, произнесъ:

«Да неужели?... Вотъ канальи!...» и по его лицу скользнула счастливая отеческая улыбка...

Тѣмъ временемъ въ городъ пріѣхалъ губернаторъ Щетининъ, тотъ самый, о которомъ тихо шептались еще въ дни пребыванія въ Екатеринославѣ большевиковъ.

Къ частымъ дневнымъ и ночнымъ грабежамъ прибавилось еще колоссальное пьянство; казаки случайно открыли мѣстонахожденіе двухъ огромнѣйшихъ складовъ вина Мизко и Шлапаковыхъ.

И круглыя сутки весь гарнизонъ тащилъ изъ погребовъ вино въ бутылкахъ, ведрахъ, напиваясь до полной потери сознанія.

Большевики, не такъ далеко отогнанные отъ города и имѣвшіе много своихъ людей въ городѣ, получивъ свѣдѣнія о повальномъ пьянствѣ, съ двухъ сторонъ повели наступленіе на городъ. Со стороны Пятихатки Федько двинулъ свои пѣхотныя части и бронированный пароходъ, давшій изъ дальнобойныхъ орудій нѣсколько выстрѣловъ по городу, а со стороны городскихъ дачъ подошли къ самому городу собравшіеся красноармейцы, спрятавшіеся отъ казаковъ въ лѣсахъ.

Поднялась невообразимая паника... Пьяные казаки дико летали по городу, нанося удары саблями рѣдкимъ прохожимъ, случайно встрѣчавшимся имъ на пути...

Губернаторъ Щетининъ первый на автомобилѣ изъ города бѣжалъ и только случайно имѣвшій трезвыхъ людей молодой полковникъ Растягаевъ бросился на большевистскую пѣхоту, уже добравшуюся до рабочихъ кварталовъ города...

На желѣзнодорожный мостъ было поставлено одно орудіе, почти въ упоръ бившее по подошедшему къ городу бронированному пароходу.

Въ самомъ городѣ и на окраинахъ были пойманы большевистскіе комиссары: здравоохраненія Гурсинъ, секретарь губернскаго партійнаго комитета Эпштейнъ, — со свѣже оторванной снарядомъ ногой, и командиръ 59-го желѣзнодорожнаго совѣтскаго полка, капитанъ царской арміи, Труновъ.

Этихъ трехъ пойманныхъ доставили въ Комендатуру и комендантъ города, молодой есаулъ, отдалъ приказъ: «всѣхъ трехъ тутъ-же и сейчасъ-же повѣсить!»

На бульварѣ, противъ гостинницы «Асторія», среди движущейся оживленной толпы, казаки поставили приговоренныхъ и за отсутствіемъ веревокъ сорвали съ бульварной ограды нѣсколько кусковъ толстой проволоки и закинули на суки деревьевъ три петли.

Блѣдный Гурсинъ первый надѣлъ на себя петлю; одинъ изъ казаковъ ударилъ его по ногамъ и онъ соскользнулъ съ невысокаго столбика, тяжело опустившись книзу... Что-то глухо хрустнуло...

Эпштейнъ, прыгая на одной ногѣ, оставляя послѣ себя слѣды капавшей съ оторванной ноги крови, добравшись до дерева, зашатался, взмахнулъ руками и, что-то прохрипѣвъ, замертво упалъ. Онъ правильно расчиталъ время, принявъ дозу яда; но казаки, матерно ругаясь, спокойно подняли трупъ съ земли и просунувъ мертвую голову въ петлю, сильно за ноги потянули къ землѣ охладѣвшее тѣло...

Труновъ безъ тужурки въ одной нижней не свѣжей рубашкѣ большими шагами ходилъ въ тѣсномъ кругу обступившихъ его казаковъ.

Когда тѣло Эпштейна безмятежно повисло въ проволочной петлѣ, Труновъ поднялъ руку и, взведя глаза къ небу, хотѣлъ перекреститься... Но крѣпкій ударъ стоявшаго вблизи казака отвелъ руку Трунова.

«Собакѣ — собачья смерть!» злобно проговорилъ казакъ и Труновъ, не посмотрѣвъ на казака, спокойно влѣзъ головой въ проволочную петлю...

Улица опустѣла...

Только къ вечеру изъ подворотенъ стали выглядывать любопытные.

Трупы висѣли цѣлую ночь и только къ полудню другого дня казаки стали ловить на улицѣ бородатыхъ евреевъ, заставляя ихъ снять съ петли висѣвшіе трупы.

А спустя день на Троицкомъ базарѣ какая-то баба указала казакамъ на какихъ-то трехъ простыхъ людей, будто что-то у нея во время большевиковъ реквизировавшихъ и казаки сейчасъ-же вынесли всѣмъ тремъ смертный приговоръ.

Тутъ-же на перекладинахъ навѣса были заброшены три петли и совершенно растерявшимся и ничего въ тѣ минуты не понимавшимъ людямъ было предложено: либо въ петлю, либо быть зарубленными шашкой...

Ни нечеловѣческій ревъ, поднятый бабами и всѣмъ базаромъ, ни клятвы попавшихъ въ несчастіе людей о ихъ невиновности ни къ чему не привели и когда однимъ размахомъ саблей голова одного изъ несчастныхъ покатилась по мостовой, забрызгавъ вблизи стоявшихъ горячей кровью, оставшіеся два, перекрестившись, покорно полѣзли въ петлю...

Трупы висѣли два дня, а изрубленный саблей былъ во многихъ мѣстахъ обкусанъ крысами...

Только на третій день подъѣхала телѣга и куда-то трупы увезла.

Повѣшенные оказались жителями загородной слободки, никогда «ни въ чемъ дурномъ не замѣченные» и занимавшіеся штукатурными работами...

* * *

Городъ, являвшійся центромъ одной изъ богатѣйшихъ русскихъ губерній, былъ въ полномъ распоряженіи пьянствовавшихъ казаковъ; грабежи не прекращались.

Донцы и кубанцы гнали разрозненныя и растаявшія части красныхъ уже за Харьковъ, а въ Екатеринославѣ творилось нѣчто кошмарное.

Губернаторъ Щетининъ взялся за организацію власти въ губерніи и въ уѣздѣ. Назначивъ начальникомъ уѣзда молодого полковника-строевика, георгіевскаго

кавалера, Степанова, Щетининъ сталъ совѣщаться съ правыми силами города о составѣ думы и назначилъ въ Городскую Управу членами — кадетовъ. Городскимъ Головой былъ назначенъ присяжный повѣренный Коростовцевъ; членами были назначены юристы – Слободской, Овсянниковъ и Воронинъ.

Но дѣятельность Управы тормозилась отсутствіемъ какихъ бы то ни было средствъ.

По продовольствію Щетининъ назначилъ какого-то Главно-уполномоченнаго по продовольствію молодого, очень легко смущавшагося, инженера. Онъ, по указаніямъ Щетинина, на все наложилъ запретъ, принявъ цѣликомъ на себя снабженіе города всѣмъ необходимымъ.

Кончилось дѣло это крахомъ. Цѣны на продукты стали стремительно повышаться.

Сдѣланныя на первыхъ дняхъ своего пріѣзда обѣщанія представителямъ рабочихъ организацій въ смыслѣ льготнаго и полнаго снабженія ихъ продовольствіемъ, — Щетининъ не выполнилъ и рабочіе заволновались.

А грабежи, пьянство и разгулъ въ городѣ не унимались... Были случаи насилія.

Только ко дню пріѣзда въ Екатеринославъ Главнокомандующаго генерала Деникина грабежи и насилія нѣсколько утихли.

На обѣдъ, устроенный Городской Управой въ складчину, было приглашено около двухсотъ лицъ, представителей различныхъ общественныхъ организацій и казенныхъ учрежденій.

Шли рѣчи, тосты; балагурилъ и прерывалъ ораторовъ генералъ Шкуро. Послѣ рѣчи представителя украинскихъ организацій, что-то на украинскомъ языкѣ лепетавшаго о «самостійной» и «ще не вмершей», Генералъ Деникинъ всталъ и взволнованно, стукнувъ по столу, рѣзко произнесъ:

«Ваша ставка на самостійную Украину бита... Да здравствуетъ Единая и Недѣлимая Россія!... Ура!»

Дружно крикнули ура.

Когда очередь дошла до представителя промышленниковъ, вскочилъ генералъ Шкуро и съ возгласами «разговорчиковъ довольно», «довольно разговорчиковъ»... не далъ оратору начать рѣчь....

«Приглашаю Васъ, господа, прослушать концертное отдѣленіе!» крикливо произнесъ генералъ Шкуро, и всѣ повернулись къ эстрадѣ, гдѣ какой-то актеръ разсказывалъ нудные и пошлые восточные анекдоты...

Обѣдъ прошелъ вяло, нудно и скучно...

* * *

Не было почвы подъ ногами...

Контръ-развѣдка развивала свою дѣятельность до безграничнаго, дикаго произвола; тюрьмы были переполнены арестованными, а осѣвшіе въ городѣ казаки открыто продолжали грабежъ.

Организованная Щетининымъ государственная стража не рѣшалась вступить въ бой съ казаками, а безъ боя ничего нельзя была предпринять, ибо казаки шли на грабежъ въ полномъ вооруженіи.

Потихоньку вечерами грабили и какіе-то офицеры.

Вопли газетъ сдѣлали лишь то, что губернаторъ Щетининъ вызвалъ къ себѣ трехъ редакторовъ мѣстныхъ газетъ и предложилъ имъ всѣ замѣтки о грабежахъ, появлявшіяся обильно въ хроникѣ, помѣщать безъ указанія, что грабежъ произведенъ казаками.

Послѣ возраженій и споровъ пришли къ соглашенію въ томъ смыслѣ, что въ каждомъ случаѣ ограбленія, производимаго казаками, въ замѣткахъ будетъ указываться, что грабежъ былъ произведенъ людьми, одѣтыми въ военную форму.

За все время пребыванія Щетинина на посту губернатора это было единственнымъ его мѣропріятіемъ по борьбѣ съ грабежами, хотя и очевидно было, что въ этой борьбѣ онъ былъ совершенно безсиленъ и одинокъ.

Государственная-же стража часто выѣзжала въ ближайшія села, вылавливала дезертировъ и не являвшихся на объявленную добровольцами мобилизацію.

Какъ-то вернулся изъ уѣзда начальнихъ уѣзда полковникъ Степановъ и, разсказывая журналистамъ о своей работѣ въ уѣздѣ, отрывисто бросилъ:

«Шестерыхъ повѣсилъ...»

Результаты быстро и катастрофически дали себя почувствовать. Негодованіе среди крестьянъ росло съ неописуемой быстротой.

Освагъ, получавшій сводки изъ уѣздовъ, располагалъ страшнымъ матеріаломъ, открыто показывавшимъ полную гибель всѣхъ начинаній Добровольческой арміи.

Но въ самомъ Освагѣ сидѣли чиновники, спокойно подшивавшіе бумажки къ дѣлу... Ни стоявшій во главѣ Освага полковникъ Островскій, ни завѣдывавшій какимъ-то общественнымъ отдѣломъ полковникъ Авчинниковъ — совершенно не понимали значенія попадавшихъ къ нимъ въ руки донесеній, рапортовъ и докладовъ, написанныхъ въ уѣздахъ сухимъ полицейскимъ языкомъ...

Главное ихъ вниманіе обращалось на изданіе какихъ-то разжигающихъ національную ненависть брошюръ и безграмотныхъ, бездарныхъ писемъ красноармейцу.

Объявленная Добровольческой арміей мобилизація провалилась. Крестьяне, подлежавшіе мобилизаціи, скрываясь отъ карательныхъ отрядовъ Государственной стражи, съ оружіемъ въ рукахъ уходили въ лѣса.

Стали организовываться внушительныя по численности и по вооруженію шайки «зеленыхъ». Участились случаи крушенія поѣздовъ, подготовлявшіеся съ грабительскими и мстительными цѣлями; все чаще и ожесточеннѣе въ деревняхъ уничтожалось начальство, олицетворявшее собой власть Добровольческой Арміи...

На поверхность жизни стали выплывать въ деревнѣ петлюровскія теченія, быстро склонившіяся къ анархистскимъ лозунгамъ Махно, принимавшаго въ свой станъ всѣхъ, готовыхъ на открытую борьбу противъ Добровольческой Арміи, какъ власти, вѣшающей крестьянъ, и противъ всякой власти, вмѣшивающейся въ жизнь крестьянства вообще.

Быстрые кони унесли казаковъ подъ самый Орелъ, а на Украинѣ наростало грозное негодованіе, угрожавшее каждую минуту разразиться страшнымъ всеуничтожающимъ движеніемъ.

Въ городѣ контръ-развѣдка ввела кошмарную систему «выведенія въ расходъ» тѣхъ лицъ, которыя почему либо ей не нравились, но противъ которыхъ совершенно не было никакого обвинительнаго матеріала.

Эти лица исчезали и, когда трупы ихъ попадали къ родственникамъ или инымъ близкимъ людямъ, контръ-развѣдка, за которой числился убитый, давала стереотипный отвѣтъ:

«Убитъ при попыткѣ къ бѣгству...»

И потомъ каждый день редакціи получали изъ контръ-развѣдки замѣтки о томъ, что-де вчера вечеромъ при попыткѣ бѣжать убитъ конвоемъ такой-то.

Это явленіе вошло въ добровольческій бытъ.

Когда въ редакцію была прислана замѣтка о разстрѣлѣ при попыткѣ къ бѣгству нѣкоего Арьева, узнавшій объ этомъ общественный дѣятель, старый профессоръ хирургъ Должанскій, возмущенный, отправился въ контръ-развѣдку, ибо Арьевъ старый больной человѣкъ только въ томъ могъ быть виновнымъ, что всю голодную и бѣдную жизнь только мечталъ о Палестинѣ и ужъ меньше всего былъ способенъ на бѣгство изъ подъ конвоя.

Профессоръ только произнесъ фамилію Арьева, какъ ему сейчасъ-же бросили: «Да вѣдь онъ-же жидъ!» И этимъ отвѣтомъ объясненія были исчерпаны.

Жаловаться было некому. Губернаторъ Щетининъ вмѣстѣ съ Начальникомъ уѣзда Степановымъ, забравъ изъ города всю Государственную стражу, поѣхалъ на охоту за живыми людьми въ лѣса Павлоградскаго уѣзда... Захваченный Щетининымъ журналистъ изъ казеннаго «Екатеринославскаго Вѣстника» писалъ большія

статьи о тайнахъ лѣсовъ, а губернаторъ со стражей сгонялъ на опушку лѣса сотни крестьянъ, бѣжавшихъ отъ мобилизацій, и косилъ ихъ пулеметнымъ огнемъ.

Развилъ дѣятельность Махно; собравъ свыше трехъ тысячъ крестьянъ, онъ останавливалъ и грабилъ поѣзда; разстрѣливалъ всѣхъ носившихъ офицерскіе погоны; у нижнихъ чиновъ забиралъ оружіе и обмундированіе; пассажировъ сортировалъ и грабилъ по внѣшнему виду, и вся дорога отъ Александровска до Екатеринослава была фактически въ рукахъ Махно...

При всемѣрной поддержкѣ крестьянъ Махно всегда и вездѣ могъ твердо расчитывать на укрывательство, на провіантъ, на лошадей и даже на помощь боеспособными людьми.

И губернаторъ Щетининъ объявилъ войну и открылъ въ своей губерніи фронтъ военныхъ дѣйствій противъ Махно, имѣя что-то двѣ-три пушки и около сотни конныхъ стражниковъ, совершенно упустивъ изъ виду, что война идетъ не съ Махно, а со всѣмъ крестьянствомъ всей губерніи.

Махно осмѣлѣлъ и съ каждымъ днемъ становился наглѣе.

Обладая исключительной способностью легкаго и быстраго передвиженія, имѣя провіантъ въ любомъ селѣ, а пулеметы, войска и патроны на тачанкахъ, Махно въ теченіе одного дня совершалъ нападенія въ различныхъ концахъ уѣзда, нерѣдко отстоящихъ другъ отъ друга на разстояніи шестидесяти-семидесяти верстъ.

И въ то время, когда Добровольческая Армія откатывалась подъ натискомъ Буденнаго и была еще далеко отъ Харьковской губерніи, Екатеринославская губернія какъ территорія для Добровольческой арміи уже не существовала и во всѣхъ направленіяхъ была въ полной власти Махно.

Екатеринославъ былъ въ кольцѣ.

Особыя партизанскія хитрости, заставившія какъ-то генерала Шкуро признать Махно человѣкомъ не лишеннымъ способности создавать ловкія стратегическія комбинаціи, приводили въ ярость злополучнаго губернатора, и его крѣпко сжатые кулаки, расчитывавшіе ударить по самой головѣ Махно, — всегда опускались на пустое мѣсто, такъ какъ въ эту минуту Махно уже грабилъ военно-продовольственный поѣздъ ровно въ тридцати верстахъ отъ поля битвы губернатора.

Отрѣзанный отъ всего, губернскій городъ сталъ испытывать продовольственныя и финансовыя затрудненія... Рабочіе, видя охоту Щетинина за живыми людьми, стали открыто и угрожающе возмущаться...

Поступавшія крайне неаккуратно офиціальныя сводки плохо скрывали катастрофическое отступленіе Добровольческое арміи и, когда совершенно неожиданно раздался истерическій вопль генерала Май-Маевскаго къ населенію Харькова о защитѣ города отъ надвигающейся красной грозы, Махно ворвался на нѣсколько часовъ въ Екатеринославъ, убилъ нѣсколько чиновниковъ и офицеровъ, вывезъ брошенныя Щетининымъ пушки, забралъ пулеметы, патроны и обмундированіе и оставилъ городъ, уйдя въ неизвѣстномъ направленіи...

Около двухъ дней городъ былъ безъ всякой власти, а потомъ показался полковникъ Степановъ, высунули носы служащіе Освага, вернулся въ городъ Щетининъ со «штабомъ», но спокойствіе было окончательно поколеблено.

А четырнадцатаго октября Махно, подойдя съ трехъ сторонъ вплотную къ городу, открылъ изъ шести орудій пальбу, оставивъ для остатковъ Добровольческой и Щетининской армій одинъ выходъ черезъ желѣзнодорожный мостъ на Синельниково.

Здоровые молодые люди въ офицерскихъ мундирахъ, съ погонами и съ винтовками въ рукахъ, бѣжали впереди, а позади тысячной толпой шли женщины, дѣти и старики, спѣша къ мосту, спасаясь отъ могущаго каждую секунду ворваться въ городъ Махно.

Пошатываясь, кутаясь въ одѣяла, плелись больные тифозные офицеры и казаки...

А къ вечеру съ трехъ сторонъ по широкимъ улицамъ города стала вливаться повстанческая Махновская армія.

* * *

Ночью Махно взорвалъ, совершенно сбросивъ въ воду, двѣ фермы желѣзнодорожнаго моста. Окруживъ городъ съ трехъ сторонъ кольцомъ пулеметовъ, а съ четвертой стороны имѣя естественную защиту — широкій Днѣпръ, Махно спокойно расположился въ «губерніи», изрѣдка посылая остановившимся на противоположномъ берегу добровольческимъ остаткамъ звучный привѣтъ изъ батареи шестидюймовыхъ орудій.

Въ ту-же ночь махновцы открыли ворота тюрьмы и арестантскихъ ротъ. А утромъ Махновцы, обливъ тюремныя зданія керосиномъ, поднесли горящіе факелы и весь день до поздней ночи огненные языки тянулись къ небу, вырисовывая какія-то причудливыя формы и навѣвая жуткіе сказки средневѣковья...

Совершенно изолированнымъ городъ прожилъ ровно шесть недѣль. Возможность получить какія бы то ни было свѣдѣнія извнѣ являлась фантастической мыслью, и глухими осенними вечерами въ полуосвѣщенныхъ и холодныхъ домахъ сидѣли десятки тысячъ людей и напряженно прислушивались къ безпрерывной стрѣльбѣ дежурныхъ пулеметовъ, охранявшихъ Днѣпръ отъ переправы бѣлыхъ.

Иногда ночью разгулявшійся Махно открывалъ по правому берегу Днѣпра артиллерійскій огонь и тогда въ ужасѣ и неописуемомъ страхѣ, раздѣтые люди, матери, хватавшія изъ кроватокъ спящихъ дѣтей, падая и разбиваясь на темныхъ лѣстницахъ, устремлялись въ погреба, такъ какъ добровольцы тотчасъ-же отвѣчали, посылая въ темноту въ густо застроенный городъ десятки шестидюймовыхъ снарядовъ, многимъ принесшихъ неожиданную и страшную смерть.

Эта пальба по городу вызывала только проклятья на жалкіе остатки деникинцевъ, которые не могли не понимать, что стрѣляя темной ночью по городу, они никакого вреда своему противнику Махно не принесутъ, и въ то-же время должны были знать, что эти снаряды падаютъ на дома, влетаютъ въ квартиры, разрывая цѣлыя семьи на мелкіе куски.

Открывавшаяся ночью съ пьяной шутки Махно орудійная перестрѣлка продолжалась безъ перерыва да утра, а тогда уже огонь съ обѣихъ сторонъ развивался до максимальной силы.

Такъ въ неустанномъ артиллерійскомъ поединкѣ прошла первая недѣля пребыванія Махно въ городѣ.

Выпущенный Махно манифестъ къ населенію призывалъ всѣхъ къ сохраненію спокойствія, сдачѣ оружія и выдачѣ скрывшихся въ городѣ деникинскихъ офицеровъ.

Жизнь была веселая: круглыя сутки пулеметы, расположенные по берегу рѣки, неумолчно трещали; частенько противники обмѣнивались шестидюймовыми снарядами и какъ бы подъ аккомпаниментъ этой смертоносной музыки махновцы обходили квартиры чиновниковъ и военныхъ, убивая случайно попадавшихся тамъ хозяевъ и вынося изъ квартиръ все, что вынести можно было.

Члена окружнаго суда Волгина къ приходу махновцевъ бывшаго въ форменной тужуркѣ съ металлическими пуговицами — вышвырнули изъ окна четвертаго этажа на тротуаръ.

Случайно застигнутая у моста женщина съ дѣвочкой, оказавшаяся женой какого-то не мѣстнаго профессора, успѣвшаго уйти съ добровольцами, была отправлена въ махновскую контръ-развѣдку, и когда Левка Задовъ, начальникъ контръ-развѣдки, услышалъ, что мужъ ее тамъ, на той сторонѣ, онъ сразу въ упоръ пальнулъ изъ тяжелаго ногана. Не зная, какъ поступить съ рыдавшей надъ трупомъ матери ребенкомъ, Задовъ произвелъ еще одинъ выстрѣлъ и у трупа матери калачикомъ на вѣки свернулся, секунду тому назадъ плакавшій, ребенокъ.

А добровольцы съ лѣваго береги посылали смертоносные снаряды, разрушая дома и убивая ни въ чемъ предъ ними неповинныхъ мирныхъ людей.

Шесть недѣль прошли въ неослабномъ напряженіи... Выходившіе поочереди къ подворотнямъ какъ-то замѣтили какое-то странное движеніе по городу махновскихъ тачанокъ, а какъ-то къ вечеру длинной цѣпью потянулись тачанки изъ города въ сторону Никопольскаго шоссе.

Ночью монотонную трескотню дежурныхъ пулеметовъ прервалъ орудiйный залпъ, раздавшiйся не съ лѣваго берега Днѣпра, а съ запада. Пулеметы на минуту умолкли... Потомъ раздался второй ударъ и тогда Махно изъ всѣхъ бывшихъ у него двѣнадцати орудiй открылъ непрерывный огонь, стрѣляя по всѣмъ направленiямъ, оставляя свободной отъ обстрѣла нужную ему дорогу на Никополь.

Можно было въ этомъ страшномъ грохотѣ различить, что на залпы Махно никто не отвѣчалъ... И только спустя полчаса заговорили пушки добровольцевъ...

Къ утру Махно сталъ спѣшно гнать изъ города тачанки съ забранными въ двухъ ломбардахъ мѣхами, коврами... Торопливо вывозились патроны, продовольствiе, и часовъ въ десять утра въ Озерной части города раздалась оружейная и пулеметная стрѣльба.

Пушки были сняты и галопомъ увезены; рѣдкая цѣпь самыхъ преданныхъ Махно людей сдерживала натискъ неизвѣстнаго противника и когда силы ослабѣли, Махновцы вскочили на поджидавшихъ ихъ коней и бѣшенно помчались изъ города.

Послѣднимъ ушелъ Махно и минутъ десять спустя по той самой Садовой улицѣ, по которой, оставляя городъ, съ трудомъ сдерживая горячаго коня, спокойно проѣхалъ Махно, показались верховые съ офицерскими погонами на плечахъ...

Потомъ показались тачанки съ пулеметами, надъ которыми развѣвались трехцвѣтные флаги...

* * *

Стремясь соединиться съ отступавшими на Крымъ добровольческими частями, генералъ Слащевъ въ Екатеринославѣ наткнулся на Махно и, послѣ короткаго боя, очистилъ и занялъ городъ.

Въ тотъ-же день съ пѣснями вернулись въ городъ герои, просидѣвшiе шесть недѣль на лѣвомъ берегу Днѣпра.

Торжества не было...

Изстрадавшееся населенiе ничего хорошаго не ждало отъ пришедшихъ избавителей и смутныя предчувствiя оправдались.

Небольшiя, гдѣ-то и кѣмъ-то потрепанныя части генерала Слащева, состоявшiя изъ ингушей и чеченцевъ, принялись за продолженiе славнаго дѣла своихъ предшественниковъ и пошли съ грабежомъ по квартирамъ.

Кровью заливалось лицо отъ боли и стыда, когда въ квартиры входили люди съ офицерскими погонами на плечахъ и также нагло, открыто и беззастѣнчиво грабили, какъ грабили дикiе ингуши и чеченцы.

О судьбѣ Добровольческой армiи какъ цѣлаго никто ничего не зналъ.

Слащевъ даже не въѣхалъ въ городъ, а остался со своимъ Штабомъ въ вагонахъ на вокзалѣ.

Попутно съ грабежами слащевцы стали извлекать изъ больницъ оставленныхъ махновцами тифозныхъ больныхъ и развѣшивали ихъ на оголенныхъ осенью деревьяхъ.

Когда случайно застрявшiй въ городѣ членъ управы Овсянниковъ направился въ Штабъ къ Слащеву съ намѣренiемъ просить его приказа о прекращенiи этого варварства, ибо о грабежахъ уже не было и рѣчи, т. к. они получили права гражданства и вошли въ бытъ, генералъ Слащевъ Овсянникова не принялъ только потому, что, какъ откровенно сознался одинъ изъ штабныхъ офицеровъ, генералъ пятый день не переставая пьетъ и совершенно одурѣлъ.

Спустя недѣлю появились приказы Слащева, буква въ букву повторявшiе приказы Махно: та-же сдача оружiя и то-же предложенiе выдавать махновцевъ, а за невыдачу — разстрѣлъ.

Была даже объявлена Слащевымъ мобилизацiя, вызывавшая только горькiя усмѣшки, глубоко почувствовавшихъ себя несчастными, русскихъ людей.

Опредѣленно говорили о полной гибели Добровольческой армiи, а призывъ Слащева къ населенiю уйти вмѣстѣ съ нимъ отъ приближавшагося краснаго ужаса, открылъ глаза на все, происходившее кругомъ.

Добровольческая армія погибла. Кое-какъ отбиваясь, остатки бѣжали на Ростовъ и на Крымъ.

Но очень немногіе ушли съ Слащевымъ, ибо тѣ, которые могли и хотѣли уйти, бѣжали еще при первомъ оставленіи города Щетининымъ.

А самъ Слащевъ ушелъ изъ города семнадцатаго декабря, за два дня до вступленія красныхъ войскъ.

Оставивъ на деревьяхъ нѣсколько повѣшенныхъ тифозныхъ махновцевъ и глубокую скорбь въ сердцахъ русскихъ людей, волею судьбы онъ перелисталъ предъ нами послѣднюю страницу кошмарной и жуткой повѣсти такъ мученически-свято вставшей и такъ позорно павшей Русской Добровольческой Арміи...

* * *

Какъ-то неожиданно и поразительно быстро подошло Рождество Христово въ девятнадцатомъ году. Казалось, только недавно мы узнали объ отреченіи Государя, о Временномъ Правительствѣ, и сейчасъ позади насъ и Временное Правительство, и Правительство Скоропадскаго, Петлюры, владычество Махно, и, какъ старуха рыбака, мы снова очутились предъ разбитымъ корытомъ — предъ непобѣдимой и несокрушимой Совѣтской властью.

И тогда мы были подъ такимъ впечатлѣніемъ, что приходъ большевиковъ къ намъ въ третій разъ является вполнѣ послѣдовательнымъ и какъ бы даже необходимымъ. Тогда-же вспомнились слова большевика Петровскаго во время вторичнаго занятія большевиками Украины. Когда вырисовалась неизбѣжность оставленія Украины, Петровскій, выступая передъ рабочими, мрачно и угрожающе сказалъ: — «Мы должны Украину очистить... Мы должны уйти... Скажу больше: мы уходимъ, но пусть помнятъ всѣ наши враги, что мы еще вернемся... Мы вернемся!»

И большевики вернулись... Когда на разсвѣтѣ девятнадцатаго декабря, послѣ двухъ дней совершеннаго безвластія, въ городъ стройными рядами стали входить части пѣхотной дивизіи, населеніе пугливо попряталось по домамъ, находясь подъ страхомъ угрозъ, брошенныхъ большевиками въ день бѣгства изъ города подъ стремительнымъ натискомъ Добровольческой конницы.

Въ первый-же день прихода въ городъ красныхъ войскъ, сорганизовался временный Военно-революціонный Комитетъ, цѣликомъ состоявшій изъ коммунистовъ, все время пребыванія добровольцевъ въ городѣ, находившихся въ подпольи.

Кромѣ этихъ коммунистовъ, въ городѣ находился весь Исполкомъ города Луганска, бѣжавшій оттуда разрозненно, но съ общимъ заданіемъ изъ центра собраться всѣмъ для партійной подпольной работы въ Екатеринославѣ. Только съ приходомъ большевиковъ къ намъ въ третій разъ, мы увидѣли, какъ настойчиво и организованно проводятъ они свои политическія задачи и какъ жестоко потомъ расплачивались всѣ тѣ, которые безоговорочно вѣрили въ малиновый звонъ московскихъ колоколовъ, о которомъ такъ грустно вслухъ мечталъ генералъ Деникинъ.

Вспоминаю теперь такой моментъ: какъ редакторъ газеты «Вечернія Новости», выходившей во время пребыванія добровольцевъ въ Екатеринославѣ, я сидѣлъ поздно ночью въ Штабѣ генераловъ Ирманова и Шкуро, ожидая для газеты новыхъ сообщеній по Юзу о побѣдахъ Добровольческой арміи; тогда-же, вмѣстѣ съ дежурнымъ телеграфистомъ, у аппарата сидѣлъ адъютантъ штаба, молодой поручикъ, георгіевскій кавалеръ, Николай Терзи. И какъ разъ тогда, вмѣсто ожидавшагося сообщенія о занятіи добровольцами Кіева, аппаратъ спокойно выстукалъ телеграмму генерала Май-Маевскаго, подтверждающую разстрѣлъ изнасиловавшаго дѣвушку офицера.

Поручикъ Терзи, бывшій не разъ въ опасныхъ бояхъ съ приговореннымъ, принялъ эту депешу, поблѣднѣлъ, и сейчасъ же пошелъ въ одну изъ сосѣднихъ комнатъ Штаба разбудить генерала Ирманова и доложить ему о телеграммѣ. Минутъ пять спустя Терзи вернулся подавленный и, позвавъ дежурнаго ординарца, отправилъ телеграмму начальнику военной тюрьмы «для исполненія».

Подъ впечатлѣніемъ такой позорной потери товарища, Терзи сталъ говорить съ горечью о безобразіяхъ, творимыхъ внутри арміи, о карьеризмѣ генераловъ, о многихъ сотняхъ людей, примазавшихся къ арміи въ тылу и своей работой тянущихъ святое дѣло арміи къ страшной гибели.

Когда я попытался его успокоить и возразилъ ему, что вотъ скоро возьмемъ Москву, создастся правительство, настоящая власть, онъ нервно перебилъ меня и уныло проговорилъ:

«Нѣтъ, не возьмемъ!.. Откатимся... Разсыпимся... Москвы мы не увидимъ!..»

Я тогда подумалъ: усталъ человѣкъ, разнервничался, но въ душу вкралось тревожное сомнѣніе.

* * *

Первые дни прихода большевиковъ прошли совершенно спокойно; на улицахъ стали появляться люди; спеціальные агенты большевиковъ распускали успокаивающіе слухи о томъ, что теперь Чека уже уничтожена, противъ частной собственности нѣтъ прежнихъ гоненій, и даже будетъ особымъ декретомъ разрѣшена свободная торговля.

Вылѣзшій изъ подполья коммунистъ Шаляхинъ и имѣвшій достаточно такта, чтобы, будучи коммунистомъ, сохранить къ себѣ расположеніе и буржуазныхъ лицъ, на летучихъ митингахъ убѣждалъ слушателей, что сейчасъ совѣтская власть дастъ именно то, что Деникинъ, прикрывая свои монархическія идеи, только обѣщалъ дать... Никакихъ разстрѣловъ, никакихъ самочинныхъ арестовъ, никакихъ реквизицій, а все будетъ основано «на трезвомъ пролетарскомъ сознаніи и на революціонной совѣсти».

Эти новые юридическіе термины намъ были не совсѣмъ понятны; но вскорѣ былъ объявленъ учетъ всѣхъ лицъ съ юридическимъ образованіемъ для созданія кадра служителей краснаго правосудія.

Масса зашевелилась: что-то, значитъ, новое; берутъ юристовъ, видимо, будетъ какой нибудь законъ. И, дѣйствительно: созданный вскорѣ Революціонный Трибуналъ имѣлъ около пятнадцати бывшихъ присяжныхъ повѣренныхъ, поставленныхъ большевиками на посты общественныхъ обвинителей, по прежнему — прокуроровъ, общественныхъ защитниковъ и народныхъ судей. Послѣдніе несли обязанности городскихъ судей, а само ядро Революціоннаго Трибунала — судъ, ведущій процессъ и выносящій приговоръ, каждый разъ особо назначался изъ партіи по указаніямъ губернскаго партійнаго комитета изъ коммунистовъ, соотвѣтственно важности предполагавшагося къ слушанію дѣла.

Хотя Чеки на первыхъ порахъ и не было, Исполкомъ доставалъ матеріалъ для Революціоннаго трибунала, и юристы окунулись въ допросы, дознанія; выѣзжали на мѣста преступленія; составляли протоколы и по отдѣльнымъ дѣламъ подошли къ моменту необходимости составленія обвинительныхъ актовъ.

Въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ разрабатывался чисто уголовный матеріалъ, юристы кое-какъ обходились безъ ссылокъ на тѣ или иныя статьи уголовнаго уложенія, но когда все чаще и чаще стали выплывать обвиненія политическаго характера, съ точки зрѣнія юриста не имѣвшія подъ собой никакихъ обвинительныхъ опоръ, работа юристовъ стала усложняться, и впервые предъ ними во всю свою необъятную ширину выросло «пролетарское правосознаніе» и въ полномъ очарованіи выявилась «революціонная совѣсть». — Такія дѣла сводились къ тому, что юристы, работая надъ производствомъ предварительнаго слѣдствія, приближались къ послѣднему, до составленія обвинительнаго акта, допросу обвиняемаго, и къ этому времени обвиняемый исчезалъ. На офиціальныя требованія юристовъ о приводѣ обвиняемаго для допроса начальники тюремъ отвѣчали, что такой подслѣдственный у нихъ не числится, а когда послѣ длительныхъ скитаній бумажка съ номеромъ направлялась въ отдѣлъ Управленія Исполкома съ указаніями на необходимость подтянуть товарищей-начальниковъ карательныхъ подотдѣловъ — изъ Исполкома Революціонному Трибуналу

предлагалось по телефонограммѣ дѣло производствомъ прекратить за смертью подслѣдственнаго.

Нѣсколько такихъ случаевъ заставили юристовъ насторожиться, и вскорѣ затѣмъ выяснилось, что раздававшiеся по ночамъ выстрѣлы не что иное, какъ разстрѣлы противниковъ совѣтской власти.

Тогда юристы обратились къ постоянному предсѣдателю Трибунала, коммунисту Обуховскому, заявивъ, что случаи исчезновенiя подслѣдственныхъ съ каждымъ днемъ учащаются и что о тайныхъ разстрѣлахъ открыто всѣ говорятъ. На это Обуховскiй спокойно возразилъ, что поскольку юристъ получаетъ бумажку съ предложенiемъ дѣло прекратить за смертью подслѣдственнаго, — юристу остается только бумажку прiобщить къ дѣлу и, составивъ соотвѣтственное письменное заключенiе, дѣло прекратить. Если же случаи такихъ со стороны юристовъ заявленiй къ нему, Обуховскому, повторятся, то онъ, стоя на стражѣ пролетарскаго правосудiя, будетъ вынужденъ провѣрить дореволюцiонную дѣятельность работающихъ съ нимъ юристовъ. Юристамъ пришлось отступить, и поступавшiя бумажки о смерти обвиняемаго молча подшивались къ дѣлу.

Со мной произошелъ такой случай: подпольники — большевики, все время пребыванiя добровольцевъ находившiеся въ городѣ, ежедневно читали мою газету, гдѣ очень часто появлялись фактическiе матерiалы о кошмарныхъ разстрѣлахъ Валявки и о многихъ другихъ уродливыхъ и преступныхъ формахъ большевистскаго властвованiя.

По обстоятельствамъ семейнаго характера я былъ лишенъ возможности уйти съ добровольцами и, рѣшивъ слѣпо отдаться судьбѣ, остался въ городѣ.

Понятно, что на четвертый день прихода большевиковъ я былъ арестованъ.

Первымъ допросилъ меня народный слѣдователь, бывшiй присяжный повѣренный П., дававшiй часто юридическаго содержанiя замѣтки въ мою газету. Хотя при допросѣ присутствовали коммунисты, но по тону и смыслу задаваемыхъ вопросовъ мнѣ было не трудно давать нужные отвѣты, и все время я настаивалъ на предъявленiи мнѣ тѣхъ номеровъ газеты, въ которыхъ были помѣщены мои контръ-революцiонныя статьи. Я былъ уѣренъ въ томъ, что газеты этой нигдѣ не найти, такъ какъ за шестинедѣльное пребыванiе въ городѣ махновцевъ, ими были уничтожены всѣ архивы, библiотеки и вообще всѣ бумаги во всѣхъ учрежденiямъ.

Хотя меньшевикъ Арсонъ, впослѣдствiи формально перешедшiй къ коммунистамъ, при допросѣ приводилъ цитаты изъ моихъ статей, выбирая самыя сильныя контръ-большевистскiя фразы, все-же юристу П. удалось коллегiю Трибунала убѣдить въ томъ, что я могу быть преданъ суду только въ томъ случаѣ, когда на процессѣ будутъ фигурировать вещественныя доказательства, т. е. тѣ номера газетъ, въ которыхъ напечатаны статьи противъ большевиковъ. Какъ новообращенный коммунистъ, Арсонъ больше и свирѣпѣе всѣхъ коммунистовъ ссылался на необходимость съ корнемъ уничтожить всякую контръ-революцiонную работу и говорилъ, что въ моментъ исключительно острой гражданской войны не слѣдуетъ останавливаться на тонкостяхъ старой царской юриспруденцiи и, поскольку многiе коммунисты подтверждаютъ фактъ существованiя газеты и появленiя въ ней позорящихъ Совѣтскую власть статей, то и съ авторомъ этихъ статей нечего расписывать юридическiя тонкости, а надо поступить съ нимъ такъ, какъ этого требуютъ интересы охраны власти трудящихся, т. е. попросту предложить юристу-спецу прекратить дѣло за смертью подслѣдственнаго.

Но въ этомъ случаѣ юристъ П. одержалъ побѣду надъ Арсономъ.

Пораженiе Арсона тяжелыми страданiями отразилось на арестованномъ тогда-же редакторѣ газеты «Приднѣпровскiй Край» М. М. Дмитрiевѣ, подписывавшимъ свои фельетоны псевдонимомъ М. Любимовъ. Если при обсужденiи моего дѣла въ коллегiи обвинителей фигурировали лишь слова и воспоминанiя коммунистовъ, — при обсужденiи дѣла Дмитрiева обвинители съ упоенiемъ перелистывали большiе листы полнаго комплекта газеты, случайно найденнаго въ секретарiатѣ Городской Управы,

гдѣ потомъ расположился Исполкомъ. Тутъ уже юристамъ пришлось подчиниться всѣмъ яростнымъ требованіямъ Арсона, и въ тотъ же вечеръ было вынесено постановленіе о моемъ условномъ освобожденіи, съ обязательствомъ по два раза въ недѣлю являться для отмѣтки въ Отдѣлъ Управленія, и о преданіи М. М. Дмитріева суду Революціоннаго Трибунала, съ содержаніемъ подъ стражей до суда.

Много мѣсяцевъ спустя, одинъ изъ участниковъ этого совѣщанія, коммунистъ, рабочій Кравченко, впослѣдствіи вышедшій изъ партіи, разсказалъ мнѣ, что на этомъ совѣщаніи присутствовалъ политическій комиссаръ отъ ВЦИКА, тов. Мининъ, и когда къ нему обратились съ предложеніемъ высказаться по нашимъ двумъ дѣламъ, съ принципіальной точки зрѣнія Центра на подобныя дѣла, онъ сказалъ, что въ центрѣ господствуетъ теченіе къ болѣе мягкому отношенію къ противо-совѣтскимъ журналистамъ, которые, по мнѣнію центра, являлись тружениками, всегда бывшими въ прямой зависимости отъ кулака-издателя. Кромѣ этого, добавилъ еще Мининъ, Центръ считаетъ журналистовъ людьми, наиболѣе быстро мѣняющими свою политическую приверженность, и такъ какъ журналисты, какъ орудіе пропаганды, очень нужны совѣтской власти, онъ, Мининъ, какъ выразитель настроеній Центра, предлагаетъ товарищамъ на мѣстахъ мягче относиться къ журналистамъ, выступавшимъ печатно противъ совѣтской власти, а стараться всемѣрно перетянуть ихъ на сторону служенія власти на томъ же газетномъ поприщѣ.

Но это заключеніе авторитетнаго товарища нисколько не помѣшало заключенію Дмитріева въ концентраціонный лагерь, затѣмъ осужденію его на шесть лѣтъ содержанія въ лагерѣ, изъ которыхъ онъ пробылъ подъ стражей около полугода, а потомъ былъ привлеченъ къ газетной работѣ въ Губернскій Совѣтъ Профессіональныхъ Союзовъ, въ качествѣ завѣдывающаго редакціоннымъ отдѣломъ, совершенно тогда уже разставшись съ заключеніемъ, какъ человѣкъ, желающій стать полезнымъ гражданиномъ соціалистическаго государства. Извлеченію Дмитріева изъ лагеря много помогли юристы изъ Трибунала, а на работу въ Совѣтѣ Союзовъ навелъ Дмитріева красный журналистъ, коммунистъ Лаврентьевъ, родной сынъ литературнаго критика В. Кранихфельда.

* * *

Судьба добровольческой арміи была намъ мало извѣстна, и только пріѣхавшіе въ городъ люди передавали о дикихъ, кровавыхъ дѣйствіяхъ красныхъ въ Ростовѣ, по всей Кубани и на Дону.

Армія Буденнаго, черезъ Харьковъ, минуя Екатеринославъ, преслѣдовала убѣгавшія домой донскія и кубанскія части, хотя, въ большомъ числѣ, казаки переходили къ Буденному, возвращаясь въ свои станицы подъ краснымъ флагомъ Первой Революціонной Конной Арміи тов. Буденнаго. На отступавшія въ Крымъ части большевистское командованіе тогда какъ-то обратило мало вниманія, что дало возможность Врангелю спѣшно привести въ порядокъ безпорядочно влившіеся въ полуостровъ остатки добровольческихъ частей.

Ни смѣна Штаба, ни разстрѣлъ царскихъ генераловъ, ни назначеніе Фрунзе дѣлу не помогли, и тогда Троцкій, остановивъ свой поѣздъ на пять минутъ въ Харьковѣ, приказалъ Украинскому Вцику на всей территоріи Украины ввести красный терроръ, т. к. въ Крыму упряталась страшная змѣя — послѣдняя надежда россійской и міровой контръ-революціи, баронъ Врангель.

Приказъ Троцкаго, выступавшаго тогда, какъ предсѣдатель Военно-революціоннаго Совѣта по оборонѣ Республики и какъ военный Народный Комиссаръ, былъ тотчасъ-же, куда можно было, переданъ по телеграфу, а въ тѣ мѣста, съ которыми не было телеграфной связи, были на паровозахъ высланы спеціальные курьеры.

Часовъ съ десяти утра до часовъ пяти пополудни вся большая Ново-дворянская улица была очищена отъ жильцовъ, которымъ было разрѣшено брать съ собой изъ квартиры только одну смѣну бѣлья и ничего больше. Квартиры были оставлены

жильцами въ полномъ порядкѣ, съ мебелью, библіотеками, роялями, бѣльемъ, посудой; а самимъ выгнаннымъ было предложено не толкаться по улицѣ и не хныкать, а скорѣе убраться куда-либо къ знакомымъ, такъ какъ уже съ вечера въ ихъ квартирахъ должна начать нормальную работу Чрезвычайная Комиссія по борьбѣ со спекуляціей и контръ-революціей, кратко называемая Чека. —

И, дѣйствительно, въ ту же первую ночь изъ всѣхъ тюремъ были отобраны добровольческіе офицеры, переведены въ большой домъ Брагинскаго на Ново-дворянской улицѣ и тогда-же, на утро другого дня, мы впервые узнали отъ случайно застрявшихъ въ квартирахъ горничныхъ и кухарокъ о странномъ шумѣ какъ-бы летающаго аэроплана, съ частыми переборами, напоминавшими пулеметную стрѣльбу.

Подъ шумъ двухъ сильныхъ автомобильныхъ моторовъ всѣ доставленные офицеры были скошены пулеметнымъ огнемъ, и ихъ окровавленные трупы положили начало смертоносной работѣ Чека, принявшейся за свое кровавое дѣло защиты Совѣтской власти отъ враговъ изнутри.

И люди, повѣрившіе было совѣтскй власти, лицомъ къ лицу столкнулись съ прежней, варварской, большевистской организаціей, какой явилась снова Чека. Юристы, ушедшіе цѣликомъ въ работу по дѣламъ Революціоннаго Трибунала и понемногу начинавшіе вѣрить дѣйствительной государственности большевиковъ, сразу стали предъ фактомъ существованія самаго дикаго, самаго безконтрольнаго и самаго безпощаднаго аппарата по истребленію людей, по степени ихъ виновности заслужившихъ строгій выговоръ, но которыхъ Чека, по ей одной извѣстнымъ соображеніямъ подвергала разстрѣлу.

Тогда Арсонъ, уже прочно засѣвшій въ коммунистической партіи, снова поднялъ травлю противъ меня, и какъ то ночью, послѣ кошмарнаго обыска съ срываніемъ обоевъ и взламываніемъ досокъ съ пола, подъ конвоемъ чекистовъ, на разсвѣтѣ, я былъ отправленъ въ Чека.

Больше недѣли я провелъ въ большомъ концертномъ залѣ Коммерческаго собранія, куда было согнано около трехсотъ человѣкъ. Бѣготня, мольбы и хлопоты моихъ близкихъ заставили юристовъ изъ Трибунала начать переписку съ Чека о передачѣ меня и моего дѣла въ распоряженіе Трибунала, какъ однажды Трибуналомъ уже разсматривавшагося; но Чека ни на какіе запросы и требованія юристовъ изъ Трибунала не отвѣчала, и я прочно засѣлъ въ Чека.

И, какъ всегда въ такихъ случаяхъ, за несчастьемъ — несчастье. Во время обыска у долголѣтняго сотрудника «Русскаго слова» Новополина было найдено нѣсколько номеровъ моей газеты, съ наиболѣе враждебными противъ большевиковъ статьями. И съ матеріаломъ въ рукахъ слѣдователи Чека набросились на мое дѣло. Запахло кровью. Но исключительно счастливый случай спасъ меня отъ разстрѣла, и жизнью своей я обязанъ предсѣдателю коллегіи слѣдователей Чека, тов. Ральфу, сыну театральнаго бутафора Р.

О томъ, что гроза всѣхъ содержавшихся въ Чека, – тов. Ральфъ, въ дѣйствительности мелкій театральный парикмахеръ — сынъ старика бутафора, я не имѣлъ никакого понятія, и поэтому, когда изъ камеры меня позвали на допросъ къ самому тов. Ральфу, вся камера притихла... Отъ Ральфа въ камеру возвращались очень немногіе...

До революціи я часто на сценѣ наблюдалъ тяжелый трудъ старика Р. и помогъ ему устроиться на годовую службу въ театръ Коммерческаго собранія, и туда-же, по просьбѣ старика, мнѣ удалось опредѣлить на постоянную службу его сына, парикмахера Р. Во время гастролей оперетты у одной изъ премьершъ были украдены кое-какія золотыя вещи, и такъ какъ, кромѣ постоянной горничной пѣвицы и парикмахера Ральфа, никто въ уборную не входилъ, кромѣ развѣ только полицеймейстера — поклонника ногъ пѣвицы, то въ кражѣ вещей былъ открыто заподозрѣнъ парикмахеръ Ральфъ, и когда вмѣшавшійся въ дѣло полицеймейстеръ приказалъ надзирателямъ обыскать Ральфа, — изъ кармана его брюкъ были извлечены пропавшія вещи. —

Двѣ звонкія и тяжелыя пощечины получилъ Ральфъ отъ полицеймейстера, парой зуботычинъ въ угоду начальству наградили его надзиратели, и, благодаря моимъ особенно настойчивымъ просьбамъ, вора выгнали изъ театра, давъ ему возможность спастись отъ тюрьмы. Воздѣйствіемъ на старшинъ клуба мнѣ удалось оставить старика-отца на службѣ, и дѣло было забыто.

Мягкость въ обращеніи, вѣжливость Ральфа дѣйствовала на меня въ совершенно обратномъ смыслѣ, ибо я уже многое слышалъ о такого рода типахъ, наслаждающихся муками попавшей къ нимъ жертвы... Когда же Ральфъ приказалъ конвойнымъ выйти изъ его кабинета, я, вспомнивъ почему то себя въ новой гимназической шинели идущимъ домой съ полученной въ награду книжкой Марка Твэна «Принцъ и Нищій», рѣшилъ, что сейчасъ конецъ, и одна мысль билась въ мозгу: только бы не билъ, а сразу бы...

Ральфъ, по выходѣ конвойныхъ, предложилъ мнѣ сѣсть. Спросилъ, — узнаю ли я его. Конечно, не узнаю... Не помню... Вижу, какъ будто, впервые... Припомнилъ Ральфъ Коммерческое собраніе, и напряженные нервы особымъ токомъ прорѣзали мозгъ и, какъ на яву, вспомнилась исторія съ кражей...

Запуганный, пришибленный и всегда полуголодный, Ральфъ превратился въ изящно одѣтаго комиссара, съ золотой браслеткой на рукѣ, съ маникюромъ; на столѣ лежалъ раскрытый и наполненный папиросами золотой портъ-сигаръ и тутъ же рядомъ маленькій, почти дамскій браунингъ, которымъ тов. Ральфъ разстрѣливалъ въ своемъ же кабинетѣ.

Предложилъ папиросу и, услужливо подавая спичку, простымъ человѣческимъ тономъ сказалъ:

«Понимаете?.. Васъ нужно разстрѣлять... Васъ хотятъ разстрѣлять!.. Но я Васъ не разстрѣляю... Я сейчасъ мщу всѣмъ за все, а Вы когда то меня защитили и моего отца пригрѣли. Такъ вотъ: возвращайтесь въ камеру! — Завтра я Васъ переведу въ подвалъ, — это для Вашей же жизни, и ждите... Ждите недѣлю... мѣсяцъ... или больше... Только обо мнѣ никому ничего не говорите!..

И, мгновенно сдѣлавъ страшное лицо, схватилъ револьверъ и дикимъ голосомъ закричалъ:

«Конвой! Конвой! Убрать этого гада, — пока я его не разстрѣлялъ!!»

И меня отвели къ камеру, а поздно ночью, въ густую темноту камеры была крикнута моя фамилія, и въ разныхъ концахъ камеры послышались рыданья...

Я очутился въ подвалѣ, и только спустя три недѣли Ральфъ двинулъ мое дѣло въ удобной для него тройкѣ и мнѣ вынесли приговоръ, по которому я обязывался работать въ какомъ-либо совѣтскомъ учрежденіи, на основѣ принудительной мобилизаціи.

* * *

При содѣйствіи коммунистовъ, бывшихъ заводскихъ рабочихъ, Шаляхина и Кравченко, мнѣ удалось прикрѣпиться къ отдѣлу соціальной помощи, занимавшему въ громоздкомъ аппаратѣ большевистскаго управленія одно изъ послѣднихъ мѣстъ. Основной лозунгъ этого учрежденія былъ таковъ, что въ соціалистическомъ государствѣ нѣтъ мѣста частной благотворительности, и что всякій гражданинъ, потерявъ на фронтѣ или на гражданской службѣ здоровье, имѣетъ всѣ права на полученіе отъ отдѣла Соціальной помощи, какъ органа Совѣтской власти, должнаго обезпеченія. Въ дѣйствительности же обезпеченіе сводилось къ тому, что когда черный хлѣбъ былъ въ цѣнѣ около двухъ тысячъ рублей за фунтъ, лицамъ, имѣвшимъ потерю трудоспособности въ сто процентовъ, а въ нѣкоторыхъ случаяхъ и въ сто двадцать процентовъ — т. е. тѣмъ, которые къ тому еще нуждались въ постороннемъ уходѣ, выдавалась ежемѣсячная пенсія въ три тысячи рублей, впослѣдствіи доведенная до семи тысячъ рублей, но уже къ тому времени, когда хлѣбъ дошелъ до цѣны пяти тысячъ рублей за фунтъ.

Опредѣленныхъ и точныхъ декретовъ на выдачу пенсій не было; въ основу дѣятельности пенсіоннаго подотдѣла легла еле читаемая, слабо отпечатанная копія декрета, съ отбитой на машинкѣ подписью Наркома Соціальнаго обезпеченія, тов. Эльцина. По смыслу этого декрета за помощью къ совѣтской власти могли обращаться: всѣхъ чиновъ и ранговъ военные старой царской и новой красной арміи, причемъ въ первомъ случаѣ офицеры и генералы уравнивались въ размѣрѣ пенсій съ рядовыми; имѣвшимъ старыя николаевскія пенсіонныя книжки пенсія выплачивалась по этимъ же книжкамъ, а наиболѣе осторожные, свои пенсіонныя царскія книжечки припрятавшіе до лучшихъ временъ, подвергались мало требовательной медицинской экспертизѣ, которая почти всѣхъ, имѣвшихъ за пятьдесятъ лѣтъ, относила въ разрядъ инвалидовъ второй категоріи. На пенсію имѣли также право вдовы съ дѣтьми, поскольку мужъ ихъ при жизни не былъ «буржуемъ» или не служилъ по тюремному или жандармскому вѣдомству. Подлежали обезпеченію лица — одинокія, достигшія шестидесяти пяти лѣтняго возраста, и по точному смыслу декрета получилось то, что пойти на содержаніе къ Совѣтской власти имѣетъ право каждый — кому только не лѣнь.

И въ теченіе самаго короткаго времени больше пятнадцати процентовъ населенія приписалось къ постоянной кліентурѣ Отдѣла Соціальной помощи. Преобладающимъ элементомъ являлась группа такъ называемыхъ «гражданскихъ вдовъ», мужья которыхъ умерли нормальной смертью еще въ то время, когда о большевикахъ, да и вообще о такой революціи, мы мало думали; за этой группой, въ многотысячныхъ цифрахъ, шли инвалиды и отставные военные старой царской арміи. Первымъ за полученіемъ пенсіи явился бывшій Екатеринославскій уѣздный воинскій начальникъ, ушедшій въ отставку съ чиномъ генералъ-маіора, Кругловъ, а за нимъ густо пошли всѣ отставные старички и вдовы-старушки, — гражданскіе чиновники въ отставкѣ, и остались за бортомъ только духовныя лица, у которыхъ была отнята ихъ эмеритурная касса, и которымъ Совѣтская власть отказывала въ какой бы то ни было помощи.

Малымъ процентомъ въ массѣ получавшихъ пенсію стояли рядовые царской арміи, такъ какъ этотъ элементъ большей частью разсосался по селамъ и деревнямъ, а городскіе инвалиды считали невыгоднымъ ходить мѣсяцами въ Отдѣлъ, чтобы потомъ получить пару тысячъ на полъ фунта хлѣба; но самыми аккуратными, липкими и нудными являлись отставные николаевскіе старички и старушки, съ поразительными для ихъ стараго возраста умѣньемъ и настойчивостью, стоявшіе недѣлями въ очередяхъ за полученіемъ суммы, достаточной только на покупку трехъ коробокъ спичекъ.

Какъ потомъ уже житейски выяснилось — этотъ элементъ, имѣвшій склонность къ паразитскому существованію еще въ царскія времена и служившій нерѣдко десятки лѣтъ только для того, чтобы выйти въ отставку съ пенсіей, съ укрѣпленіемъ совѣтской власти рѣшилъ и эту власть использовать такъ же тихо слащаво и елейно, какъ удавалось это при царской власти. Большевики-же, зная, что эти старики и старушки въ чепчикахъ являются всегда и во всѣхъ случаяхъ самыми опасными въ толпѣ, снуя всюду и шипя, распускавшими разные слухи и разлагавшими и безъ того тяжелую для большевиковъ обывательскую массу, не безъ политической хитрости всю эту лебезящую армію сплетниковъ и сплетницъ взяла на свою сторону, и генералъ-маіоръ Кругловъ, получивъ отъ большевиковъ пару ничего не стоящихъ тысячъ, уходилъ удовлетворенный, признавая власть государственной: «какъ же!... даже пенсію мнѣ выплачиваютъ!..»

Совершенно отсутствовали въ колоссальной массѣ пенсіонеровъ — инвалиды красной арміи, но когда съ теченіемъ времени стали появляться и послѣдніе, — Совѣтская власть для нихъ, помимо общихъ для всѣхъ денежныхъ пенсіонныхъ ставокъ, ввела особыя натуральныя выдачи въ видѣ новой пары бѣлья, штановъ, гимнастерки, а для вдовъ красноармейцевъ были спеціально сшиты изъ дешевой матеріи женскія широкія платья.

Потомъ стали появляться вдовы коммунистовъ, погибшихъ на партійныхъ работахъ въ арміи или въ тылу, и для этой категоріи особымъ секретнымъ распоряженіемъ Центра была установлена ежемѣсячная пенсія, дававшая безусловную возможность не голоднаго существованія. Помимо того, что пенсіи доходили до пятидесяти-шестидесяти тысячъ рублей въ мѣсяцъ, съ частыми натуральными выдачами и единовременными пособіями, главнымъ плюсомъ для коммунистическихъ вдовъ являлось распоряженіе выплачивать имъ пенсію со дня гибели мужа-коммуниста, и такъ какъ многіе погибли еще во время октябрьскаго переворота девятьсотъ семнадцатаго года, то отдѣльныя вдовы получали единовременныя выдачи за полтора — два года въ суммѣ, нерѣдко превышавшей полъ милліона, — въ то время, понятно, когда хлѣбъ былъ въ цѣнѣ до трехъ тысячъ рублей.

Когда къ жизни Отдѣла Соціальной помощи вплотную въ качествѣ завѣдовавшаго подошелъ Шаляхинъ, онъ однимъ распоряженіемъ пріостановилъ выплату пенсіи всѣмъ категоріямъ, оставивъ только открытой выплату пенсіи инвалидамъ красной арміи, вдовамъ красно-армейцевъ и женамъ партійныхъ работниковъ, погибшихъ на партійныхъ работахъ въ тылу.

Увидѣвъ тысячную массу, осаждавшую ежедневно отдѣлъ соціальнаго обезпеченія, который по совѣтской терминологіи назывался Собезъ, Шаляхинъ заявилъ, что Собезъ питаетъ за счетъ государства паразитовъ, мелкомѣщанскую контръреволюціонную массу въ то время, когда за счетъ этихъ выдачъ можно было бы увеличить ставки для красныхъ инвалидовъ, ихъ вдовъ и вдовъ партійныхъ работниковъ.

На засѣданіи Исполкома, по этому поднятому имъ вопросу, Шаляхинъ внесъ фактическое предложеніе, сводившееся къ тому, чтобы изыскать какой-нибудь способъ тихаго и безшумнаго уничтоженія всей массы пенсіонеровъ, захватившей въ плѣнъ Собезъ. Отъ себя Шаляхинъ шутя предлагалъ выстроить большой крематорій, загнать туда всѣхъ старушекъ и старичковъ и сразу избавить соціалистическое государство отъ сотенъ тысячъ паразитовъ. Больше трехъ мѣсяцевъ воевалъ Шаляхинъ съ пенсіонерами, пока не пріѣхала Ворошилова, жена Ворошилова, бывшаго тогда членомъ Реввоенсовѣта І-й конной арміи Буденнаго, и вступивъ въ завѣдываніе отдѣломъ, стоя на точкѣ зрѣнія безоговорочнаго выполненія всѣхъ декретовъ совѣтской власти, даже въ тѣхъ случаяхъ, когда эти декреты требуютъ чьей либо жизни, коротко ознакомилась съ декретомъ о пенсіяхъ и распорядилась открыть выплату пенсіи всѣмъ пенсіонерамъ, съ выдачей пенсіи за время съ момента пріостановки выплаты.

Какъ саранча облѣпили пенсіонеры Собезъ, и въ два дня наличность кассы и весь наличный запасъ Собеза въ Госбанкѣ, разсчитанный на три мѣсяца, былъ выплаченъ пенсіонерамъ, добрая половина которыхъ еще толпилась у Собеза, стремясь получить единовременно пенсію за нѣсколько мѣсяцевъ.

Тогда Шаляхинъ пошелъ открытой войной на Ворошилову, агитируя противъ нея и въ Исполкомѣ, и въ партіи, и вообще при каждомъ удобномъ случаѣ. Агитація Шаляхина имѣла успѣхъ безъ особаго труда, такъ какъ Ворошилова мало была похожа не пролетарку. Всегда изящно и нарядно одѣтая — зимой въ дорогомъ и модномъ каракулевомъ пальто, а лѣтомъ въ элегантной шелковой накидкѣ, Ворошилова, которую и называли всѣ не словомъ «товарищъ», а по имени и отчеству, Екатериной Давидовной, напоминала собой даму выше-средняго буржуазнаго класса. Хотя она одно время и была въ ссылкѣ, но внѣшне она оставалась милой Екатериной Давидовной, которая уже будучи женой одного изъ вождей пролетаріата, кокетливо принимала ухаживанія молодыхъ красивыхъ командировъ конной арміи, въ большинствѣ состоявшихъ ранѣе въ лучшихъ кавалерійскихъ полкахъ... Нерѣдко на улицѣ можно было встрѣтить Екатерину Давидовну, окруженную свитой кавалеристовъ, и эта группа внѣшне и по бесѣдѣ была очень далека отъ рабоче-крестьянской красной арміи, давая скорѣе картинку полковой жизни былой царской арміи.

На рукѣ Ворошиловой задорно блестѣла широкая золотая браслетка съ часиками, и сама она частенько говорила, что партійный комитетъ ея не любитъ за ея

буржуазный видъ и непролетарскія наклонности. А поклонники были не только пролетарскіе, а совершенно буржуазные. Въ квартирѣ Ворошиловой, въ прекрасномъ старинномъ особнякѣ, съ утра до поздней ночи работали швеи и мастерицы для Ворошиловой и жены Буденнаго.

Ворошиловы и Буденный жили въ одномъ особнякѣ; вмѣстѣ обѣдали, вмѣстѣ проводили цѣлые дни въ штабѣ и часто вмѣстѣ совершали на автомобилѣ прогулки за городъ или по Днѣпру на моторной лодкѣ. Къ обѣду подавалось вино, свѣжіе фрукты и живые цвѣты. За обѣдомъ, по случаю назначенія Ворошиловой завѣдующей Собезомъ, присутствовалъ и я. Ворошилова во время обѣда страдала отъ частыхъ и громкихъ отрыжекъ тов. Буденнаго, а къ концу обѣда, когда Буденный всей пятерней вступалъ въ борьбу съ кусочками ѣды, застрявшими въ его крѣпкихъ и большихъ мужицкихъ зубахъ, Екатерина Давидовна бросила салфетку и встала изъ за стола.

Жена Буденнаго на тридцать пятомъ году своей жизни начала изучать грамоту. Простая баба-казачка ни душой, ни умомъ не понимала высоты положенія, занимаемаго ея мужемъ, и часто ругалась съ Буденнымъ, не разрѣшавшимъ ей приглашать къ себѣ на квартиру ея земляковъ — казаковъ-одностаничниковъ. Въ квартиру Ворошилова и Буденнаго были вхожи только высшіе штабные работники — бывшіе офицеры царскихъ полковъ.

Ворошиловъ, работавшій въ партіи еще съ революціи девятьсотъ пятаго года, будучи рабочимъ-клепальщикомъ Луганскаго Паровозостроительнаго Завода, къ времени большевистской революціи уже имѣлъ солидный стажъ политическаго-пролетарскаго дѣятеля и самообразованіемъ и любовью къ чтенію пріобрѣлъ нѣкоторыя историческія познанія, преимущественно изъ области революціонныхъ эпохъ. Частыя выступленія на митингахъ выработали въ немъ недурного оратора, и Ворошиловъ, занявъ постъ Члена Реввоенсовѣта I-ой конной арміи, все время остается членомъ Всероссійскаго Центральнаго Исполнительнаго Комитета, и, говоря на митингахъ о Милюковѣ, онъ строитъ свою рѣчь такъ, какъ бы онъ только что разстался съ П. Н. послѣ горячаго политическаго спора. Интеллигентность жены помогла Ворошилову въ дальнѣйшемъ развитіи, и сейчасъ этотъ человѣкъ способенъ наизусть цитировать цѣлыя страницы изъ Маркса и Энгельса.

Въ противоположность Ворошилову можно поставить Буденнаго, человѣка мало грамотнаго, грубаго и совершенно далекаго отъ какой бы то ни было культуры. Вахмистръ, любовно ухаживающій и до этихъ дней за своимъ ежикомъ на головѣ и за жесткими усами à la Wilhelm, рубака, лихой наѣздникъ, онъ умомъ, душой и тѣломъ близокъ и понятенъ той арміи, во главѣ которой онъ поставленъ, а врожденный мужицкій умъ даетъ ему достаточно такта при непрерывныхъ сношеніяхъ со своими штабными — людьми голубой крови. Въ вопросахъ стратегическаго характера Буденный принимаетъ въ дѣйствительности только совѣщательное участіе, понимая, что годы, проведенные офицерами въ академіяхъ и штабахъ, даютъ имъ больше правъ на рѣшеніе боевыхъ задачъ, нежели ему — вахмистру, только удачно выполнявшему небольшія фронтовыя порученія.

Но когда выработанный планъ требовалось осуществить, — тогда выступалъ вахмистръ Буденный — командующій первой конной арміей, и казаки, видя впереди себя своего же брата-казака, своего земляка Семена, знали, что Буденный не подведетъ и не выдастъ, и, очертя голову, бросались въ самыя отчаянныя аттаки.

* * *

Когда различные подотдѣлы Чека основательно расположились въ просторныхъ особнякахъ Ново-дворянской улицы и, пользуясь провозглашеннымъ Троцкимъ краснымъ терроромъ, развили максимальную дѣятельность, наши юристы, ушедшіе въ работу Революціонныхъ Трибуналовъ, стали лицомъ къ лицу съ такимъ положеніемъ: либо очутиться самимъ въ «подвалѣ», либо попрежнему работать въ Трибу-

налахъ и дѣлать видъ, что все въ порядкѣ, и разстрѣливаютъ только самыхъ опасныхъ враговъ Совѣтской власти, и то послѣ накопленія достаточнаго матеріала, устанавливающаго полную виновность осуждаемаго на разстрѣлъ. Вмѣсто ранѣе приходившихъ бумажекъ о смерти подслѣдственнаго, юристы ничего не получали, а случайно узнавали, что по дѣлу, по которому у нихъ производится предварительное слѣдствіе и матеріалъ почти законченъ для слушанія дѣла, — Чека производитъ свое особое слѣдствіе, и когда Трибуналъ посылалъ вызовъ въ тюрьму для того или иного подсудимаго къ слушанію его дѣла, — тюрьма этого подсудимаго не выпускала, сообщая Трибуналу, что этотъ подсудимый числится за Чекой, а съ теченіемъ времени обреченный переводился въ собственную тюрьму Чеки, откуда никакая сила міра не могла бы его вытащить.

И надъ населеніемъ снова тяжелымъ кошмаромъ нависъ весь ужасъ красной власти.

Всѣ совѣтскія учрежденія были возстановлены и густо набиты голодными служащими-сотрудниками, взятыми въ желѣзныя клещи совѣтской дисциплины и тайной слѣжки агентовъ Чеки.

Ни эпидеміи, ни голодъ такъ подавляюще не дѣйствовали на людей, какъ сознаніе полнаго отсутствія какого либо права, и чувство абсолютнаго безправія дѣлало насъ болѣзненно напуганными и исключительно покорными предъ малѣйшей эмблемой красной власти.

Три процесса, прошедшіе въ Трибуналѣ, совершенно убѣдили всѣхъ въ томъ, что съ большевиками жить нельзя, и никакая человѣческая приспособляемость не сумѣетъ поддѣлаться подъ условія жизни, создаваемыя большевиками.

Первымъ процессомъ было дѣло по обвиненію нѣсколькихъ кожевенныхъ промышленниковъ въ спекуляціи кожей, которую они себѣ оставляли благодаря неправильнымъ свѣдѣніямъ въ Совнархозѣ о производствѣ кожи. Какъ всѣ дѣла большевистскаго суда, такъ и это дѣло возникло по доносу, имѣя подъ собой, однако, основательные пункты обвиненія. Дѣло было передано Революціонному Трибуналу, и въ процессѣ нормальнаго веденія предварительнаго слѣдствія выяснилось участіе въ дѣлѣ продажи кожи ряда видныхъ коммунистовъ, стоявшихъ во главѣ Совнархоза, Губкожа и отдѣла снабженія арміи.

По ходу слѣдствія можно было предположить, что, при полномъ сознаніи своей вины промышленниками и при чистосердечномъ показаніи о всѣхъ обстоятельствахъ дѣла, «пролетарское правосознаніе и революціонная совѣсть» судей Трибунала приговорятъ подсудимыхъ къ болѣе или менѣе продолжительному сроку работъ въ концентраціонномъ лагерѣ. Но видные коммунисты, узнавъ о выяснившемся ихъ участіи въ дѣлѣ и опасаясь возможности широкой гласности при слушаніи дѣла въ Трибуналѣ, безъ большого труда сдѣлали то, что когда Трибуналъ потребовалъ обвиняемыхъ на засѣданіе, тюрьма сообщила, что ночью всѣ промышленники увезены Чека, и никакіе протесты Трибунала не помогли. Прошла недѣля, и въ городѣ стало извѣстно о разстрѣлѣ всѣхъ кожевенниковъ въ Чека.

Трибуналъ въ дѣйствительности былъ созданъ большевиками больше для показной видимости, чѣмъ для отправленія совѣтскаго правосудія; поэтому, въ дальнѣйшемъ, юристы, работавшіе въ Трибуналѣ, убѣдились въ томъ, что фактически ихъ работа сводится, такъ сказать, къ ловкому втиранію очковъ населенію, и что многія дѣла, бывшія въ производствѣ Трибунала по указаніямъ Исполкома или Партійнаго Комитета, захватывались чекистами, и подсудимые втихомолку, безъ внѣшней процессуальной помпы, разстрѣливались въ подвалахъ Чека. Въ тѣхъ же случаяхъ, когда по тѣмъ или инымъ положеніямъ дѣло все же оставалось въ Трибуналѣ, партійный комитетъ назначалъ въ судьи чекистовъ, которые выносили безапелляціонный смертный приговоръ даже тогда, когда по существу не было никакого обвиненія.

По доносу какого то чекиста Сааквы былъ арестованъ нѣкій Ягельскій, которому было предъявлено обвиненіе въ организаціи Петлюровскихъ возстаній и содѣйствіи Петлюровскимъ офицерамъ въ ихъ агитаціонной противо-большевистской работѣ на Украинѣ. Постановка всего дѣла и собранный матеріалъ дали положительно смѣшные

результаты, ибо кромѣ того, что сестра жены Ягельскаго была замужемъ за Петлюровскимъ офицеромъ, дознаніе ничего не установило. Но это нисколько не остановило коммунистическую ячейку Трибунала дѣло передать въ Чека, и, понятно, что спустя нѣсколько дней для Ягельскаго, для случайно арестованнаго въ квартирѣ брата Ягельскаго и для сестры жены Ягельскаго были какъ то поздно ночью пущены сильные моторы двухъ большихъ грузовиковъ.

Послѣ долгихъ и мучительныхъ хлопотъ Чека согласилась выдать вдовѣ только трупъ ея мужа, трупы же брата мужа и сестры такъ и остались въ свалочныхъ мѣстахъ, далеко за городомъ.

По обвиненію въ саботажѣ былъ арестованъ молодой инженеръ-путеецъ Черчіани, занимавшій при большевикахъ постъ начальника службы движенія. Чувствуя себя знатокомъ своего дѣла, Черчіани не поладилъ съ приставленнымъ къ нему комиссаромъ, коммунистомъ Харитоненко, бывшимъ въ то же время, подъ большимъ секретомъ, предсѣдателемъ желѣзнодорожной Чрезвычайки.

По характеру горячій, Черчіани открыто не разъ говорилъ Харитоненко, что хотя онъ и коммунистъ, но все же онъ только слесарь и въ вопросахъ движенія ничего не понимаетъ, и что инженеръ всегда знаетъ больше слесаря. Харитоненко возражалъ ему, что онъ, Черчіани, учился на ограбленныя у народа деньги, и ежедневно между спецомъ и политкомомъ происходили крупные разговоры.

Къ несчастію Черчіани, на ст. Александровскъ на ремонтируемый большевиками мостъ, взорванный при отступленіи бѣлыми, пьяный стрѣлочникъ пустилъ пассажирскій поѣздъ не на здоровую половину желѣзнодорожнаго моста, а на поврежденную, и паровозъ съ нѣсколькими вагонами, вмѣстѣ съ сорвавшейся фермой, упалъ въ рѣку. Было много жертвъ. Этимъ несчастьемъ воспользовался Харитоненко и сейчасъ же сообщилъ Исполкому о необходимости жестокаго наказанія начальника движенія Черчіани. Исполкомъ постановилъ: инженера Черчіани отъ должности устранить и дѣло передать для разслѣдованія въ Чека, въ виду наличія въ этомъ случаѣ саботажа со стороны Черчіани.

Дѣло это вызвало много шума, и единственный «идейный» коммунистъ, молодой помощникъ присяжнаго повѣреннаго, Синайскій, сынъ стараго присяжнаго повѣреннаго, бывшій тогда обвинителемъ въ Ревтрибуналѣ, заинтересовался этимъ дѣломъ и, пользуясь своей принадлежностью къ всемогущей партіи коммунистовъ, добился того, что дѣло изъ Чека было передано въ Трибуналъ.

Слѣдствіе и судъ выяснили, что несмотря на требованіе Черчіани объ усиленномъ освѣщеніи поврежденнаго моста и участковъ прилегающихъ къ нему пути, несмотря на отпущенныя Черчіани начальнику ст. Александровскъ — какому то коммунисту средства на устройство мѣръ предосторожности, не только поврежденный мостъ не былъ освѣщенъ, но и вся станція со всѣми многочисленными путевыми стрѣлками утопали въ непроницаемой темнотѣ южной ночи.

Было установлено, что начальникъ станціи, — коммунистъ, чувствуя себя совершенно безотвѣтственнымъ, цѣлыми днями пьянствовалъ вмѣстѣ съ низшимъ персоналомъ и темными ночами обкрадывалъ вагоны съ аммуниціей и продовольствіемъ, шедшіе къ Мелитополю для дѣйствовавшихъ тогда противъ Врангеля красныхъ частей.

И, вмѣсто обвинительнаго матеріала для инженера Черчіани, выплыли неожиданныя обстоятельства, создавшія новое дѣло, имѣвшее прямую связь съ сорвавшимся поѣздомъ и цѣликомъ снимающее вину съ инженера Черчіани. Больше того, во время предварительнаго слѣдствія, Черчіани, давая показанія, вспомнилъ, что онъ нѣсколько разъ просилъ комиссара дороги смѣнить начальника ст. Александровскъ въ виду царившаго тамъ хаоса, но комиссаръ дороги начальника станціи не смѣнялъ, мотивируя это необходимостью имѣть на ст. Александровскѣ, близко расположенной къ фронту, начальникомъ только коммуниста и нерѣдко говорилъ, обращаясь къ Черчіани, что-де все равно тамъ долженъ быть коммунистъ, а будетъ ли новый начальникъ-коммунистъ лучше стараго — это мало вѣроятно и поэтому пусть будетъ такъ, какъ есть...

И къ дѣлу были пріобщены подлинныя отношенія Черчіани къ комиссару дороги о необходимости персональной чистки штата на ст. Александровскъ. Все говорило въ пользу Черчіани.

Въ день слушанія дѣла Черчіани, всѣ оправдывающія Черчіани обстоятельства были повторены и подтерждены.

Слово было предоставлено общественному обвинителю коммунисту-юристу Синайскому, который, склонившись надъ столомъ, отчетливо и спокойно сказалъ:

«Ознакомившись ранѣе съ дѣломъ гражданина Черчіани и прослушавъ здѣсь рядъ свидѣтелей и документовъ, я, стоя цѣликомъ на стражѣ интересовъ великой русской пролетарской революціи, и руководствуясь исключительно революціоннымъ правосознаніемъ, никакихъ пунктовъ обвиненія противъ гражданина Черчіани не усматриваю и отъ поддержанія обвиненія Черчіани въ приписанномъ ему саботажѣ по службѣ — отказываюсь!...»

Защитникъ Каминскій совершенно обалдѣлъ отъ неожиданности такого оборота дѣла и вмѣсто защитительной рѣчи произнесъ хвалебную и пылкую рѣчь о красотѣ революціоннаго суда, о ясности и честности пролетарской совѣсти, о безмѣрной глубинѣ революціоннаго провосознанія, а закончилъ тѣмъ, что Трибуналу, состоящему изъ трехъ истинныхъ коммунистовъ-пролетаріевъ, остается только глубоко вдуматься въ слова обвинителя, ихъ же товарища-коммуниста и показать всѣмъ... всѣмъ... всѣмъ..., что революціонный судъ не ищетъ мести, а идетъ только къ свѣтлой и сіяющей правдѣ, — и эта правда вернетъ Черчіани къ его семьѣ и къ дальнѣйшей работѣ по возстановленію разрушеннаго совѣтскаго транспорта.

Тысячная толпа, наполнившая залъ суда, на нѣсколько минутъ положительно оцѣпенѣла, но я, зная предсѣдателя суда тов. Ральфа, члена суда тов. Бережанскаго, и ихъ близкія сношенія съ Харитоненко, нисколько не былъ удивленъ, когда послѣ трехчасового совѣщанія, предсѣдатель по этому процессу тов. Ральфъ огласилъ длинный приговоръ, который закончился словами:

«Примѣнить къ гражданину Черчіани высшую мѣру наказанія — разстрѣлъ...»

Не знаю, какой писатель могъ бы изобразить то, что переживалъ въ ту минуту коммунистъ Синайскій, отвернувшійся отъ всего и ушедшій служить истинной пролетарской революціи и ея честному суду.

Добившись разрѣшенія Исполкома, Синайскій на паровозѣ уѣхалъ въ Харьковъ къ Наркому юстиціи для спѣшнаго доклада о позорномъ для партіи коммунистовъ процессѣ. Изъ Харькова Наркомъ юстиціи телеграфно распорядился о пріостановкѣ приведенія въ исполненіе приговора и немедленной высылкѣ всего дѣла Черчіани. Телеграмма прибыла по желѣзнодорожному телеграфу около семи часовъ вечера и, какъ всякая входящая депеша, была сообщена Харитоненко, какъ предсѣдателю желѣзнодорожной Чеки. Въ ту же минуту Харитоненко на автомобилѣ помчался въ тюрьму, захвативъ съ собой двухъ агентовъ изъ Чеки, и, взявъ въ автомобиль Черчіани, выѣхалъ за городъ и привелъ въ исполненіе приговоръ Трибунала.

Когда трупъ Черчіани совершенно остылъ и былъ брошенъ въ одну изъ глубокихъ свалочныхъ ямъ, Харитоненко вернулся въ городъ и, отмѣтивъ, что депеша поступила въ девять часовъ вечера, съ посыльнымъ отправилъ депешу въ Трибуналъ. Голодная барышня, дежурившая въ Трибуналѣ, приняла пакетъ, расписалась и положила пакетъ на столъ постояннаго предсѣдателя Трибунала тов. Обуховскаго. На другой день тотъ пришелъ часовъ въ одиннадцать утра въ Трибуналъ и, прочитавъ телеграмму, сейчасъ же позвонилъ въ тюрьму о распоряженіи пріостановить исполненіе приговора. Изъ тюрьмы отвѣтили, что вчера часовъ около семи Черчіани былъ увезенъ изъ тюрьмы агентами Чека, а Чека по телефону отвѣтила:

«Поздно, батенька, хватились!... Черчіани уже въ расходѣ!»

И только позднѣе созданная особая комиссія выяснила всю исторію съ телеграммой, и въ наказаніе Харитоненко былъ смѣщенъ съ должностей комиссара службы движенія и предсѣдателя желѣзнодорожной Чеки, и, проболтавшись въ

партійномъ комитетѣ около трехъ недѣль безъ дѣла, былъ назначенъ помощникомъ Ворошиловой по завѣдыванію отдѣломъ соціальнаго обезпеченія.

А Синайскому пріятели Харитоненко изъ партійнаго комитета прямо сказали:

«Ты, Синаша, нашъ!.. коммунистъ!.. Но больно ты ужъ ученый и мягкій... Поѣзжай ты лучше въ Центръ, а то здѣсь, братъ, плохо кончишь...»

И товарищъ Синайскій переѣхалъ въ Харьковъ.

* * *

Послѣ небольшихъ отрядовъ русской пѣхоты въ городъ вошла сорокъ шестая пѣхотная Латышская дивизія. Увидѣвъ этихъ непривѣтливыхъ, угрюмыхъ и бѣлобрысыхъ людей, прекрасно одѣтыхъ и вооруженныхъ, съ поразительной военной выправкой, стали понятны истерическіе вопли въ сводкахъ Добровольческой арміи о пущенныхъ въ бой Троцкимъ латышскихъ частяхъ.

Приходъ дивизіи въ городъ напомнилъ намъ первое занятіе города нѣмцами. Латыши съ такою же, какъ нѣмцы, строгой дѣловитостью развернули свой штабъ въ большомъ помѣщеніи Международнаго Банка; въ первый же день прихода они соединили полевыми телефонами квартиры старшихъ чиновъ съ Штабомъ и выпустили приказъ, призывающій населеніе къ спокойствію и содержанію квартиръ, дворовъ и улицъ въ чистотѣ. Послѣднее распоряженіе вызвало искреннее недоумѣніе, такъ какъ на нѣкоторыхъ улицахъ города еще висѣли на деревьяхъ повѣшенные Слащевымъ махновцы, а центральная часть города носила пугающіе слѣды недавней артиллерійской перестрѣлки между Добровольцами и Махно. Подписанъ былъ приказъ командиромъ дивизіи съ какой то особенно трудно выговариваемой фамиліей и адъютантомъ Штаба дивизіи, латышомъ Кампе. На другой же день всѣ эти приказы оказались заклеенными наверху новыми приказами, выпущенными сразу же собравшимися членами Совѣта Рабочихъ и Крестьянскихъ и красноармейскихъ депутатовъ.

Дивизіи дали отдохнуть въ городѣ нѣсколько недѣль и потомъ отправили изъ города пѣшимъ порядкомъ въ Александровскъ. Очевидно было, что дивизія направлена противъ «змѣи-Врангеля», о которой съ пѣной у рта говорилъ въ Александровскѣ Троцкій.

И какъ въ первые приходы большевиковъ, такъ и на этотъ разъ мы видѣли, что еще не все пропало, что кто-то... гдѣ то задержался, а все чаще и чаще появлявшіяся статьи о засѣвшемъ въ Крыму Врангелѣ вскрывали предъ нами всѣ опасенія большевиковъ въ томъ смыслѣ, что какъ бы изъ этой Врангелевской горсточки, имѣющей морской путь сношенія съ міровой буржуазіей, не выросла новая національная армія.

Близость фронта одно время удерживала большевиковъ отъ возстановленія взорваннаго Махно желѣзнодорожнаго черезъ Днѣпръ моста, но появившаяся и впереди еще предстоявшая переброска войскъ, продовольствія и аммуниціи заставила большевиковъ приступить къ его возстановленію.

Въ этомъ случаѣ большевики, учитывая важность этого моста въ случаѣ расширенія Врангелевскаго фронта, отказались отъ всякихъ коммунистическихъ затѣй и, понимая, что приказами, митингами и воззваніями мостъ не будетъ возстановленъ, объявили самые обыкновенные торги для подрядчиковъ, согласившихся взять на себя работы по ремонту моста.

Вначалѣ большевики рѣшили поставить двѣ новыя желѣзныя фермы и обратились къ Брянскому заводу съ запросомъ, въ какой срокъ заводъ могъ бы взять на себя изготовленіе и укладку этихъ двухъ фермъ. Администрація завода, состоявшая изъ прежнихъ инженеровъ — безъ директора —, вмѣсто котораго былъ назначенъ отъ партіи комиссаръ завода, рабочій-коммунистъ, дѣловито сообщила Центру, что къ изготовленію фермъ заводъ могъ бы приступить при условіи предоставленія достаточнаго для трехмѣсячной работы количества угля, смазочныхъ матеріаловъ и, главное, продовольствія для рабочихъ.

Центръ усмотрѣлъ въ этомъ отвѣтѣ саботажъ, и въ Екатеринославъ пріѣхала особая комиссія съ профессоромъ Ломоносовымъ, инженеромъ-коммунистомъ Вайцманомъ и нѣсколькими сотрудниками изъ Всеукраинской Чека.

Комиссія осмотрѣла мостъ, бѣгло осмотрѣла мертвые цехи Брянскаго завода и уѣхала въ Харьковъ.

Репортеръ совѣтскихъ «Извѣстій», давъ замѣтку о пріѣздѣ комиссіи, такъ былъ очарованъ любезностью Ломоносова, что закончилъ замѣтку словами: — «Послѣ завтрака въ салонъ-вагонѣ профессоръ Ломоносовъ отбылъ въ Харьковъ».

За слово «отбылъ» репортеръ попалъ въ Чеку и, заболѣвъ тифомъ, былъ выданъ родственникамъ для домашняго лѣченія.

Убѣдившись, что на капитальный ремонтъ моста разсчитывать не приходится, большевики, забрасывая Брянскій и Каменскій заводы запросами, стали пробовать сдать ремонтъ моста частнымъ подрядчикомъ, требуя устройства временныхъ деревянныхъ настиловъ, годныхъ для движенія поѣздовъ. Взялись за дѣло частные подрядчики, подвезли немного угля Брянскому заводу, дали немного нефти заводу Гантке и работа на мосту пошла. Матеріалы лѣсные реквизировались, и двѣ колоссальныя лѣсныя пристани, имѣвшія огромные склады строительнаго лѣса, были по льду перетащены къ мосту. Кое-какъ пошла работа въ Брянскомъ заводѣ, изъ случайнаго подбора разныхъ старыхъ кусковъ фермъ скомбинировали одну цѣлую и надежную ферму; частные подрядчики дѣлали деревянный настилъ и деревянные устои, заводъ Гантке изготовилъ около двухъ тысячъ пудовъ болтовъ, и работа по возстановленію моста успѣшно двигалась. Рабочимъ платили не по ставкамъ, а сдавали работы сдѣльно и артелямъ; матеріалы, которые не удавалось реквизировать, покупали и платили высокія спекулятивныя цѣны; подрядчикамъ выдавали крупные авансы; рабочимъ, кромѣ платы по соглашенію, отпускали полный красноармейскій боевой паекъ, состоявшій изъ полутора фунтовъ хлѣба, полуфунта мяса, сала, сахару, табаку, спичекъ...

Принципы коммунистическаго производства были большевиками отброшены; инженерамъ, техникамъ и надсмотрщикамъ выдавались частыя и крупныя денежныя и продовольственныя награды. Работа пошла такимъ быстрымъ и успѣшнымъ темпомъ, что когда въ концѣ апрѣля большевики объявили пробу моста, какъ то не вѣрилось, что большевики что-то сумѣли создать.

Первый поѣздъ прошелъ по мосту съ пустыми вагонами; потомъ былъ пущенъ второй поѣздъ съ грузомъ и нѣсколько увеличенной скоростью, а спустя нѣсколько дней черезъ мостъ часто проползали длинные товарные составы, изъ вагоновъ которыхъ выглядывали красноармейцы и виднѣлись лошади.

Началась переброска войскъ на западъ, гдѣ, какъ мы только потомъ узнали, шла жестокая война съ поляками. Тогда всѣмъ стала понятна щедрость и честность большевиковъ при возстановленіи моста. Въ оффиціальныхъ совѣтскихъ «Извѣстіяхъ» стали появляться сводки съ западнаго фронта и часто упоминались имена Савинкова, Балаховича...

* * *

Когда выяснилась наличность у большевиковъ двухъ серьезныхъ фронтовъ, наиболѣе непримиримые къ совѣтской власти рѣшили не идти къ большевикамъ работать и, разыскавъ старыя карты русско-германской войны, вечерами создавали разныя стратегическія комбинаціи и вычисленія, по которымъ выходило такъ, что въ концѣ августа, въ одинъ и тотъ же день, Екатеринославъ будетъ занятъ съ запада поляками, а съ юга – Врангелемъ, а большевики окажутся «въ кольцѣ». А пока что жены выносили на толкучій рынокъ старенькіе штаны, «все равно ненужный черный сюртукъ», «и такъ безъ дѣла стоящій» спиртовый кофейникъ и, смѣясь, продавали «какимъ то дуракомъ выдуманныя» большія хрустальныя вазы... Надо вѣдь только до августа продержаться, а тамъ ужъ, будьте покойны!.. Врангель, навѣрное, съ

нѣмцами, и поляки съ французами, и теперь-то ужъ большевикамъ крышка!.. А пока фракъ-то все равно не нуженъ, можно его и продать, да кстати и посуды много!..

Дамы проводили цѣлые дни на рынкѣ, продавая вещи, шутя и улыбаясь, а вечеромъ голодныя возвращались домой и думали о томъ, что фракъ мужа продавать-то и не слѣдовало, а лучше было бы «загнать» эти утомляющія глаза тяжелыя драпировки. Утромъ выносились на базаръ драпировки и эта «теперь совершенно ненужная» настольная электрическая лампа. А непримиримые сидѣли дома и часами, не отрываясь, комбинировали по картѣ.

И вдругъ какъ громомъ ударило всѣхъ воззваніе къ русскимъ людямъ, русскому народу и русскому офицерству о вступленіи въ ряды красной арміи на борьбу съ поляками, подписанное Брусиловымъ, Клембовскимъ, Гуторомъ и Заіончковскимъ...

Слова «матушка-Россія» рядомъ со словами «геройски сражающаяся красная армія» и подписи видныхъ русскихъ генераловъ истинныхъ недавнихъ народныхъ героевъ.

Мнѣ вспомнился генералъ Гуторъ, когда онъ, какъ предсѣдатель Одесскаго Военно-окружного Полевого Суда, часто наѣзжалъ къ намъ съ сессіей Суда и ликвидировалъ остатки революціонныхъ броженій девятьсотъ седьмого года. Что ни дѣло, то смертная казнь чрезъ повѣшеніе, и вдругъ этотъ старый царскій вѣшатель, заодно съ большевиками, призываетъ русскій народъ къ защитѣ совѣтской власти... Или Брусиловъ!.. Нѣтъ, неправда!.. Очередной большевистскій обманъ!..

Но скоро пришлось убѣдиться въ томъ, что Гуторъ, это тотъ самый царскій вѣшатель, и что Брусиловъ — это тотъ самый нашъ родной... русскій... народный герой Львова и Перемышля...

И непримиримые стали падать духомъ...

Измѣнилъ Россіи, предалъ народъ Брусиловъ!.. — такъ сколько же за нимъ пойдетъ слабыхъ и колеблющихся? А гдѣ же настоящая Россія, если Брусиловъ зоветъ Россію подъ красныя знамена интернаціонала на борьбу съ поляками?..

Насколько это воззваніе произвело на непримиримыхъ страшное и подавляющее впечатлѣніе, — въ такой же противоположной мѣрѣ сильно это подѣйствовало на колеблющіяся массы, и самъ Г. Зиновьевъ на митингѣ въ Харьковѣ открыто сознался, что Кремль пораженъ тѣмъ патріотическимъ подъемомъ, который вызвало воззваніе русскихъ генераловъ.

«Мы, говорилъ онъ, никогда не думали, что Россія имѣетъ столько патріотовъ, ибо въ первый же день появленія воззванія на улицахъ Москвы въ Военный Комиссаріатъ являлись тысячи офицеровъ, ранѣе отъ службы въ красной арміи уклонившіеся, и десятки тысячъ интеллигентовъ, рабочихъ, и изъ деревни крестьянъ.»

Выброшенный тогда Троцкимъ лозунгъ «Воръ въ домѣ», связанный съ содержаніемъ Брусиловскаго воззванія, вызвалъ въ арміи большой подъемъ. И когда на улицахъ города появились воззванія Брусилова и зажигательный лозунгъ Троцкаго, — къ нашему губернскому военному комиссаріату въ лихорадочномъ возбужденіи спѣшили и офицеры, и рабочіе, и отдѣльные, ранѣе колебавшіеся, интеллигенты.

«Кому-кому, говорили они, но только не Польшѣ подавлять русскую революцію и не имъ вмѣшиваться въ русскую жизнь... Мы, говорили они, идемъ сейчасъ не защищать большевиковъ, къ чему насъ предательски призываетъ Брусиловъ, а идемъ только изгнать поляковъ изъ русской земли, помня, что, когда придетъ часъ съ большевиками мы справимся сами, и ужъ, во всякомъ случаѣ, безъ помощи Польши!..»

За двѣ-три недѣли до появленія воззванія Брусилова, въ сводкахъ глухо сообщалось объ угрожающей со стороны поляковъ опасности Кіеву, а когда къ нашимъ пристанямъ пристало нѣсколько пароходовъ, съ которыхъ сносили трупы большевиковъ, убитыхъ пулеметнымъ огнемъ съ польскаго аэроплана, стало яснымъ, что Кіевъ «приказалъ намъ долго жить» и что волна польскаго наступленія широко разлилась по всей Украинѣ.

Пріѣхавшая особымъ поѣздомъ Кіевская Чека, еще до появленія оффиціальной сводки, привезла вѣсть о занятіи Кіева поляками и о страшныхъ потеряхъ въ рядахъ красныхъ войскъ.

Пробывъ нѣсколько дней въ городѣ, Кіевскіе чекисты выѣхали со всѣмъ своимъ багажомъ къ Харьковъ, и это опредѣленно указывало на то, что поляки продвигаются отъ Кіева глубже на Украину, и что надежды на скорое возвращеніе въ красный Кіевъ чекисты не имѣютъ.

Съ сѣвера на западъ безпрерывно шли поѣзда съ войсками, пушками... Съ Крымскаго фронта были сняты лучшія коммунистическія части и переброшены на западъ, и Врангель, почувствовавъ слабость и немногочисленность красныхъ, впервые сталъ выходить изъ Крыма.

* * *

Почувствовавъ непрочность положенія Совѣтской власти на Украинѣ, узнавъ о сохранившемся ядрѣ новой русской арміи, идущей изъ Крыма на большевиковъ, имѣющей на своихъ знаменахъ лозунги: земля — крестьянамъ, — мужички стали исподтишка рѣзать коммунистовъ и открыто не выполнять совѣтскихъ распоряженій.

Отъ добровольной сдачи продовольственной разверстки крестьяне отказались, и, при существованіи на Украинѣ польскаго и Врангелевскаго фронтовъ, большевикамъ пришлось формировать особые продовольственно-карательные отряды по принудительному отобранію у крестьянъ зерна, скота, масла, птицъ и яицъ, въ нормахъ, опредѣленныхъ продовольственной разверсткой.

Не предпринимая никакихъ самостоятельныхъ выступленій, деревня ожидала прихода къ ней продовольственно-карательнаго отряда и только тогда выявляла всю свою звѣриную озлобленность и хитрость.

Не имѣя никакихъ свободныхъ воинскихъ частей, большевики объявили спеціальную мобилизацію на новый продовольственный фронтъ, который, какъ гласили мобилизаціонные приказы, нисколько не угрожая жизни идущихъ на этотъ фронтъ, — въ то же время является опаснѣйшимъ фронтомъ для жизни и существованія всей Совѣтской власти, если мобилизація на этотъ фронтъ не дастъ тѣхъ результатовъ, на которые разсчитываетъ власть трудящихся.

Мобилизація была проведена черезъ профессіональные союзы на томъ принципѣ, что всякое предпріятіе, учрежденіе, заводъ или фабрика, мастерская или кустарная организація обязана предоставить въ распоряженіе Особой Продовольственной тройки по четыре чѣловѣка на каждые сто числившихся въ предпріятіи людей. Такимъ образомъ, предпріятіе, имѣвшее хотя бы пять-шесть человѣкъ, должно было дать Тройкѣ одного «продовольственника»; учрежденіе, имѣвшее до двадцати пяти человѣкъ, обязывалось дать не менѣе двухъ «продовольственниковъ»; имѣвшее до пятидесяти человѣкъ — не менѣе трехъ, а имѣвшія свыше пятидесяти человѣкъ — по четыре «продовольственника». До этой мобилизаціи и въ теченіе самой мобилизаціи большевики развили усиленную агитатію за продовольственный фронтъ, посылая въ учрежденія, фабрики и заводы спеціальныхъ ораторовъ, увѣрявшихъ массы въ томъ, что надо только умѣло и тонко подойти къ крестьянину — и онъ отдастъ все, что по продовольственной разверсткѣ положено.

Отряды формировались изъ двѣнадцати лицъ, имѣвшихъ на себѣ чисто хозяйственныя по сбору разверстки функціи; изъ восемнадцати кавалеристовъ при одномъ пулеметѣ, имѣвшихъ на себѣ функціи карательнаго характера на случай отказа деревни отъ добровольной сдачи продразверстки, и во главѣ этихъ тридцати человѣкъ отъ партійнаго комитета ставился одинъ коммунистъ, которому весь отрядъ подлежалъ безусловно, по фронтовому, подчиненію, и который, къ тому еще, носилъ на себѣ обязанности чисто партійныя по произношенію предъ крестьянами рѣчей, развитію предъ ними всей красоты коммунистическихъ идей и долженъ былъ продѣлать намѣченную партіей работу по сближенію крестьянина съ городскимъ пролетаріатомъ.

Эта мобилизація, какъ для безпартійныхъ, такъ и для коммунистовъ была болѣе страшна, чѣмъ посылка на настоящій боевой фронтъ, такъ какъ къ этому времени въ раіонѣ всей Екатеринославской губерніи стали снова организовываться повстанческіе отряды, и неуловимымъ чортомъ по деревнямъ носился батько Махно. На этотъ разъ его постоянная боевая база, село Гуляй-Поле, находилось какъ разъ посрединѣ фронта между большевиками и Врангелемъ, и, забравшись съ незначительнымъ отрядомъ въ лѣса Павлоградскаго уѣзда, онъ продѣлывалъ свою обычную работу по ограбленію воинскихъ поѣздовъ, порчѣ путей, взрыву и поджогу мостовъ, и совершенно случайно Врангель пріобрѣлъ полезнаго союзника, наносившаго большевикамъ колоссальный ущербъ въ дѣлѣ снабженія ими частей, противопоставленныхъ Врангелю.

Большинство всадниковъ, бѣжавшихъ послѣ поразительнаго уничтоженія Жлобы и укрывшихся въ лѣсахъ, спасаясь отъ Врангеля, тамъ встрѣтились съ зелеными повстанческими отрядами Махно и коммунистическій интернаціоналъ промѣняли на безпечное, разгульное житье лѣсныхъ разбойниковъ. Большевики сейчасъ же всенародно объявили Махно внѣ закона, но это нисколько не помѣшало ему самымъ жестокимъ и безпощаднымъ путемъ истреблять не только коммунистовъ, но даже все то, что носило на себѣ хотя бы какіе нибудь слѣды коммуны.

Узнавъ, что въ Павлоградѣ находится главная полевая касса Крымской группы красныхъ войскъ, и зная, что въ этой кассѣ находится золотая русская и иностранная валюта, Махно всему своему отряду нацѣпилъ на папахи коммунистическія звѣзды, приказалъ сшить красные флаги и вечеромъ двинулся къ Павлограду. Застава у самаго города, увидѣвъ приближавшихся кавалеристовъ со стороны ст. Зайцево, ничего подозрительнаго не подумала, такъ какъ по этому пути часто пѣшимъ и коннымъ порядкомъ шли на фронтъ войска. Вплотную приблизившись къ заставѣ, отрядъ дружно запѣлъ:

«Мы на горе всѣмъ буржуямъ
міровой пожаръ раздуемъ!..»

и совершенно свободно въѣхалъ въ городъ, распѣвая:

«Это будетъ послѣдній
и рѣшительный бой!..»

Подъѣхали къ дому, гдѣ помѣщалась касса, расположились вокругъ дома незамѣтно такъ, что выйти изъ ихъ круга стало невозможнымъ, и впустивъ уже поздно ночью въ помѣщеніе своихъ болѣе испытанныхъ друзей, спокойно вступили въ бесѣду съ наружнымъ карауломъ. Внутри, тѣмъ временемъ, часовые были связаны, вся наличность кассы была размѣщена по карманамъ, и съ такими же веселыми пѣснями отрядъ вышелъ изъ города, исчезнувъ снова въ густо заросшихъ лѣсахъ.

Продовольственно-карательные отряды были сформированы, причемъ кавалеристовъ Исполкомъ взялъ на временное пользованіе изъ Особыхъ кавалерійскихъ отрядовъ Чека, изъ особыхъ отрядовъ войскъ внутренней охраны Республики, носившей сокращенное названіе «Вохра». Партійный комитетъ выставилъ и прикрѣпилъ къ отрядамъ самыхъ тупыхъ и бездарныхъ коммунистовъ, нерѣдко совершенно безграмотныхъ.

Меня удивилъ такой выборъ партіи на весьма отвѣтственную и чрезвычайно важную работу, и когда я мое удивленіе высказалъ коммунисту Шаляхину, считавшемуся въ партіи крайне правымъ, онъ, махнувъ рукой, досадливо сказалъ:

«Да такъ, знаете... Все равно они не вернутся, такъ для партіи хотя бы не будетъ замѣтной потери...»

И Шаляхинъ, знавшій больше меня, помилованнаго контръ-революціонера, былъ правъ; не прошло и трехъ дней, какъ въ городъ стали возвращаться отдѣльные продработники, еле спасшіеся отъ жестокой и коварно-хитрой мести крестьянъ.

Въ село Перещепино былъ высланъ удвоенный продовольственно-карательный отрядъ, такъ какъ это село лежало вблизи раіона дѣйствій Махно и отличалось вообще не очень нѣжной любовью къ коммунѣ.

Въѣхавшій отрядъ крестьяне встрѣтили угрюмо. На небольшой площади предъ школой, гдѣ помѣщался комитетъ деревенской бѣдноты, глава отряда, коммунистъ, выступилъ предъ крестьянами съ рѣчью, доказывая, что они должны сдать разверстку, иначе армія уйдетъ съ фронта и сюда придутъ польскіе паны и Врангелевскіе золотопогонники. Они должны сдать продналогъ, такъ какъ Совѣтская власть дала имъ всю землю помѣщиковъ, и сейчасъ всякій крестьянинъ можетъ обработать земли столько, сколько ему самому захочется.

Крестьяне молча слушали оратора, и когда тотъ кончилъ, заявили, что они всѣ согласны сдать продналогъ, только у нихъ нѣтъ ни одного мѣшка, и предложили оратору пойти съ ними до «млына» и тамъ выяснить дѣло съ мѣшками. Коммунистъ отъ счастія просіялъ; приказалъ всадникамъ разсѣдлать лошадей и, бесѣдуя съ окружившими его крестьянами, направился съ ними къ млыну... Только они завернули къ млыну, послышался частый пулеметный огонь, и въ ту же секунду коммунистъ свалился, получивъ въ упоръ выстрѣлъ въ черепъ. Изъ ловко скрытыхъ и умѣло разставленныхъ пулеметовъ крестьяне перебили до одного весь отрядъ. Коммунисту крестьяне вскрыли животъ, всыпали въ брюшную полось зерна, привязали къ груди записку съ надписью: «получайте продналогъ» и съ однимъ оставшимся въ живыхъ, но тяжело раненнымъ продработникомъ, на подводѣ отправили трупъ въ городъ...

И по всей губерніи, какъ и во всей тогда клокотавшей Украинѣ, въ томъ или другомъ видѣ, повторялись такія же картины.

* * *

Предпринимая шаги къ ограбленію крестьянства, подъ предлогомъ продовольственной разверстки, большевики рѣшили порыться и въ сундукахъ рядового городского обывателя, и тогда по иниціативѣ Г. Зиновьева, восторгавшагося въ Харьковѣ патріотическимъ подъемомъ русскаго народа, первымъ починомъ въ Харьковѣ, а потомъ уже и по всей Украинѣ и Россіи, была устроена «недѣля бѣдноты».

Модныя тогда безпартійныя конференціи устраивались по всякому поводу и безъ всякаго повода. Этими конференціями коммунисты пытались выяснить подлинное лицо и настоящія мысли безпартійной массы, что имъ, понятно, не удавалось... На одну изъ такихъ конференцій пріѣхалъ старый знакомый Васька Аверинъ, въ то время бывшій на посту Предсѣдателя Харьковскаго Губернскаго Исполнительнаго Комитета. И около часу ночи по улицамъ города разсыпались «пятерки», имѣвшія въ себѣ одного коммуниста на четырехъ безпартійныхъ. По улицамъ были разставлены частые патрули, и «пятерки», беря съ собой предсѣдателя домового комитета, входили въ квартиры и производили «изъятіе излишковъ». Послѣ этой ночи многіе остались совершенно нищими, ибо «пятерки», взвинченныя зажигательной рѣчью Аверина, и состоящія хотя и изъ безпартійныхъ, но изъ тѣхъ же пролетаріевъ, которые за время революціи въ корнѣ измѣнили обычные взгляды на чужую собственность и въ особенности на фабрично-заводское имущество, продѣлывали ночной грабежъ съ рѣдкимъ ожесточеніемъ и оставляли обывателямъ по одной парѣ бѣлья. Забирали все: бѣлье, наличныя деньги, превышавшія сумму въ двадцать тысячъ совѣтскихъ рублей, золотые часы, кольца, портсигары, ложки, а въ квартирахъ буржуазныхъ взламывали полы и частенько извлекали оттуда, казалось бы такъ надежно спрятанные, брилліанты.

Городъ былъ ограбленъ такъ, какъ не грабили его ни пьяные казаки генерала Ирманова, ни дикіе чеченцы пьянаго Слащова!

Грабежъ былъ продѣланъ именно такъ, какъ объ этомъ со скрежетомъ зубовнымъ говорилъ Аверинъ.

«Мы, говорилъ онъ, должны сейчасъ пройти по квартирамъ мелкой, средней и высшей буржуазіи и организованно ограбить у нея всѣ тѣ излишки, которые позволяютъ буржуазіи, не служа и не работая у Совѣтской власти, нормально питаться и ждать изъ Кіева поляковъ, а изъ Крыма Врангеля... Мы должны ограбить у буржуазіи тѣ народные милліарды, которые хитрая буржуазія превратила въ шелковое бѣлье, мѣха, ковры, золото, мебель, картины и посуду... Мы должны все это у буржуазіи отобрать и раздать пролетаріямъ и заставить буржуазію за паекъ пойти на работу къ Совѣтской власти!»

Вѣроятно, послѣдній намекъ Аверина на раздачу отобраннаго пролетаріямъ вызвалъ у нихъ такіе грабительскіе инстинкты, ибо мнѣ лично пришлось долго слезно упрашивать «товарища» оставить мнѣ бѣлую клеенку, которая нужна была тогда моей болѣвшей женѣ.

Забравъ все же клеенку, онъ съ какимъ то особымъ удовольствіемъ сказалъ:

«Ничего... Когда нибудь и моя жена заболѣетъ!..»

«Дай, Господь!» въ тонъ отвѣтилъ я ему.

Десятки пудовъ серебра, мѣшки золота и большое количество бриллiантовъ было въ ту ночь забрано у населенія, а къ утру, до сдачи на центральный сборный пунктъ, цѣнности таяли, и спустя нѣсколько дней многіе коммунисты подали заявленія объ усталости, прося разрѣшенія выйти изъ рядовъ партіи.

Цѣнности въ ничтожномъ количествѣ были сданы на храненіе въ Финотдѣлъ тов. Каменскому и Гальперсону, которые тоже продѣлали какія то ловкія комбинаціи по извлеченію бриллiантовъ и всаживанію дешевыхъ рубиновъ, а то и простого шлифованнаго мальцевскаго стекла.

Была назначена особая комиссія по распредѣленію изъятыхъ у буржуазіи излишковъ, и надо было видѣть лица пролетаріевъ, когда на заводы имъ привезли старые рваные штаны, рубахи въ заплатахъ, похожіе на тряпье съ торчавшими клочьями ваты пальто, и ни одной мѣховой шубы, ни одного пиджака, ни одной пары цѣлыхъ брюкъ, тогда, когда они сами кучами изъ почти каждой квартиры выносили новое бѣлье, свѣжее платье, хорошія пальто, мѣховыя вещи, ковры, люстры, дорогую посуду, художественные альбомы, фарфоровыя статуэтки, электрическіе кофейники и еще много, много разныхъ вещей нормальнаго средне-буржуазнаго обихода.

Но «съ собаки и шерсти клокъ».

Рабочіе, глухо ругаясь, брали и это тряпье, увидѣвъ, что даже въ такомъ чисто воровскомъ дѣлѣ, гдѣ этика всегда соблюдается строго, большевики тоже оказались вѣрными своему постоянному поведенію и девизу: «грабь награбленное».

* * *

Въ Кіевѣ какъ будто прочно засѣли поляки и уже нѣсколько замедленнымъ темпомъ продвигались внизъ по Днѣпру.

Изъ Мелитополя частенько, дѣйствительно, по змѣиному выползали Врангелевскія части и, впуская жало въ красные полки, снова убѣгали на длительную паузу.

Безконечно рѣзвился Махно, совершая частые налеты на Александровскъ, Лозовую, Павлоградъ и Синельниково, несмотря на то, что на этомъ участкѣ безпрерывно проходили красныя воинскія части.

Какъ то утромъ по желѣзнодорожному мосту, направляясь въ городъ, прошла кавалерія, поразительно похожая на еще сохранившуюся въ памяти кавалерію генерала Шкуро...

Тѣ же худыя лошаденки; всадники съ скуластыми и улыбающимися лицами, лукаво выглядывавшими изъ подъ высокихъ мохнатыхъ папахъ.

Неописуемо было удивленіе, когда этотъ отрядъ, въѣхавъ въ городъ, разсыпался на небольшія группы въ три-пять всадника и занялъ тѣ самыя конюшни, въ которыхъ эти же лошади съ этими же казаками стояли, будучи въ рядахъ конницы Шкуро.

Казаки улыбались и говорили, что они противъ коммуны, но и противъ поляковъ, и что если бы Деникинъ не повѣсилъ ихъ Кубанскихъ вождей изъ Рады, то они взяли бы Москву, и Россія была бы Россіей, но и казачество имѣло бы свою самостоятельность. А теперь ни ему, ни намъ, а чертямъ – коммунистамъ!.. Мы, говорили казаки, сейчасъ всѣ идемъ на поляковъ, и вотъ завтра увидите много старыхъ знакомыхъ!..

Съ трепетомъ ожидали мы прихода старыхъ знакомыхъ, ожидая новыхъ грабежей...

Но каково было видѣть, когда безпрерывной лентой въ теченіе трехъ дней шли казаки черезъ городъ, останавливаясь, застрявшей къ ночи частью, на ночлегъ въ городѣ, и не только ни одного ограбленія, но ни одного выкрика не было слышно.

Въ старыя квартиры на нѣсколько минутъ, «чтобы повидаться», заворачивали бывшіе добровольческіе хорунжіе, сотники и есаулы, безъ погонъ, но съ какими то нашивками на рукавѣ.

Днемъ въ городѣ играли три оркестра музыки, и Буденный съ Ворошиловымъ, оба верхомъ, съ восторженными криками «ура» и «даешь Варшаву!», пропускали мимо себя десятки тысячъ сыновъ Дона и Кубани.

За три дня сплошной лентой черезъ Екатеринославъ, направляясь на западъ, прошло свыше сорока пяти тысячъ всадниковъ, и тѣ же самые казаки, которые всего только годъ тому назалъ день и ночь грабили городъ, сейчасъ проѣхали по городу, какъ лучшая изъ лучшихъ дисциплинированныхъ армій.

Чтобы поднять настроеніе населенія большевики выпустили плакаты о поимкѣ частями Буденнаго бандита Махно, но части Буденнаго давно и далеко ушли за Екатеринославъ, и спустя два дня мы узнали, что Махно вырѣзалъ весь Лозовскій Исполкомъ.

Заѣхавшій къ намъ повидаться казакъ, кѣмъ то умышленно уязвленный тѣмъ, что нынѣ служитъ и идетъ на бой подъ командой «жида-Троцкаго», горячо и убѣжденно возразилъ:

«Ничего подобнаго! Троцкій не жидъ... Троцкій боевой!.. Нашъ!.. Русскій!.. А вотъ Ленинъ тотъ – коммунистъ... жидъ, а Троцкій – нашъ... боевой... русскій!.. Нашъ!»

И хлестнувъ нагайкой коня, помчался догнать ушедшихъ далеко впередъ товарищей...

* * *

Въ виду опасности, угрожавшей со стороны Врангеля, Исполкомомъ рѣшено было начать постепенную разгрузку города и эвакуацію найболѣе цѣннаго имущества. Въ первую очередь принялись за заводы. Съ большого завода Гантке было погружено въ вагоны свыше восьмидесяти тысячъ пудовъ гвоздей, болтовъ, гаекъ, разной обработанной проволоки; весь магазинъ завода, впослѣдствіи разграбленный, частью во время погрузки, а частью изъ вагоновъ, былъ погруженъ въ двѣнадцать вагоновъ; тамъ было: три вагона олова, цинка и свинца; два вагона електрическихъ лампъ и различныхъ электрическихъ принадлежностей; ремни кожаные и резиновые; какіе то особые химическіе препараты.

Такіе же матеріалы, но въ значительно болѣе крупныхъ количествахъ, были погружены съ Брянскаго завода, двухъ заводовъ Шодуара. Съ небольшихъ заводовъ, какъ «Старръ и Ко», «Гвоздильный заводъ бр. Фрумкиныхъ», большевики сняли съ установокъ и погрузили въ вагоны менѣе тяжелые и найболѣе дорогіе гвоздильные и шпилечные станки.

Изъ Екатеринослава было вывезено больше пятисотъ вагоновъ заводскихъ цѣнностей, безъ которыхъ заводы оказались мрачными и безжизненными инвалидами. Безъ охраны, безъ описи, вагоны были двинуты на Харьковъ, Москву и Саратовъ, но такъ какъ на Синельниково часто налетали и Врангель, и Махно, большевики рѣшили все эвакуируемое имущество направлять черезъ Пятихатку на Кременчугъ и кружнымъ путемъ двигать эвакуацію на сѣверъ.

За дѣло взялся и тов. Трепаловъ, имѣвшій переполненныя тюрьмы контръ-революціонеровъ, саботажниковъ и бандитовъ. Какъ предсѣдатель Чеки, онъ потребовалъ составить ему списокъ найболѣе видныхъ контръ-революціонеровъ, саботажниковъ и бандитовъ, и когда въ спискѣ набралось около пятидесяти человѣкъ, онъ противъ фамилій, найболѣе ему не понравившихся, писалъ сокращенное «рас», что означало — расходъ, т. е. разстрѣлъ. Помѣтки онъ дѣлалъ толстымъ краснымъ карандашомъ и такъ, что его помѣтки не всегда были противъ той фамиліи, которую онъ отмѣчалъ, а мѣстами нѣсколько выше или немного ниже.

Когда былъ полученъ приказъ эвакуировать Чека, первымъ оставилъ городъ Трепаловъ, а чекисты, получивъ списокъ, стали разбираться въ немъ, кого слѣдуетъ выпустить, а кого надо вывести въ расходъ; но такъ какъ помѣтки Трепалова были сдѣланы небрежно, то и въ отдѣльныхъ случаяхъ трудно было установить, къ какой собственно фамиліи относятся буквы «рас»...

И чтобы не выпустить случайно какого-нибудь замореннаго контръ-революціонера, одинъ изъ чекистовъ прямо рѣшилъ:

«Чего тамъ, товарищи, копаться... Вали всѣхъ!»

И всѣ пятьдесятъ были «выведены въ расходъ», во славу власти рабочихъ и крестьянъ. —

Эвакуація города въ десятыхъ числахъ сентября шла горячимъ темпомъ; семьи коммунистовъ изъ коммунистическихъ общежитій были переведены на стоявшіе подъ парами пароходы, каждую минуту готовые къ отплытію на Кременчугъ; на заборахъ, стѣнахъ и столбахъ красовались проклятія на голову контръ-революціонной змѣи, которой только изъ за предательства сидящихъ въ штабѣ бѣлыхъ офицеровъ не удалось размозжить голову такъ же, какъ размозжили черепъ гаду Деникину... Но это еще не конецъ!! Пролетаріатъ себя еще покажетъ!.. И остающіеся въ городѣ пролетаріи пройдутъ еще одно послѣднее испытаніе и вѣрятъ, что Совѣтская власть еще вернется и ужъ навсегда освободитъ ихъ отъ ига бѣлыхъ генераловъ!..

Все это оказалось ненужнымъ...

Двадцатаго сентября Врангелевскія части со стороны Синельниково и со стороны Никополя двинулись къ Екатеринославу, имѣя впереди въ паникѣ убѣгавшія, разрозненныя красныя части и, подойдя къ ст. Игрень со стороны Синельниково и къ Каменкѣ со стороны Никополя, остановились въ шести-восьми верстахъ отъ совершенно оставленнаго большевиками города.

А на утро двадцать перваго сентября опятъ отошли за Синельниково въ то время, когда большевики въ паническамъ бѣгствѣ были уже далеко за Пятихаткой. —

Получивъ свѣдѣнія о новомъ отходѣ Врангеля, большевики стали осторожно приближаться къ городу, и, по мѣрѣ ихъ подхода къ городу, Врангелевскія войска отходили все глубже на югъ, и къ тому моменту, когда войска Врангеля отошли къ Александровску — большевики снова вошли въ городъ, находясь все время въ полной боевой готовности и держа военныя учрежденія и госпитали въ полуразвернутомъ видѣ.

Въ самыхъ первыхъ числахъ ноября казаки и махновцы ворвались въ Крымъ, и вскорѣ вылавливали офицеровъ въ Керчи, Ѳеодосіи, Севастополѣ и Ялтѣ. —

А двадцать четвертаго ноября, особымъ приказомъ по Крымской арміи, Фрунзе потребовалъ у Махно, помогавшаго ему въ наступленіи на Крымъ, расформированія его частей, несмотря на то, что по заключенному соглашенію Махновскіе отряды должны были оставаться самостоятельными боевыми единицами, только въ оперативныхъ вопросахъ подчиненными штабу Крымскаго фронта.

На добровольное расформированіе отрядовъ, для разсылки ихъ по различнымъ краснымъ частямъ красной арміи, Фрунзе предоставилъ Махно срокъ въ два дня до двадцать шестого ноября, но уже двадцать пятаго ноября Махно, имѣвшій свои главныя силы по эту сторону перешейка, и сдѣлавшій видъ, что на такое расформированіе онъ соглашается, вывелъ изъ Крыма ворвавшіяся туда вмѣстѣ съ красными

свои найболѣе горячія передовыя части, и его вновь раздавшійся разбойничій свистъ разнесся по Екатеринославщинѣ, Полтавщинѣ, Черниговщинѣ и Херсонщинѣ.

За одержаніе побѣды надъ Врангелемъ и за очищеніе послѣдняго островка отъ остатковъ русской контръ-революціи, постановленіемъ ВЦИКА, Фрунзе получилъ званіе «Крымскій герой».

О томъ, что происходило въ Крыму, до насъ доходили самые смутные слухи; въ Крымъ пропускали только по особымъ пропускамъ Всеукраинскаго Центральнаго Исполнительнаго Комитета, а выпускали исключительно по особымъ ордерамъ, подписаннымъ Бела-Куномъ.

Шли предварительные переговоры съ поляками о перемиріи, и наступившая жестоко-холодная зима сковала всѣ мысли, чувства и вѣру въ то, что когда нибудь, кѣмъ нибудь будетъ смятенъ опутавшій Россію красный кошмаръ.

Жуткими зимними вечерами, въ нетопленной комнатѣ, при еле мерцавшемъ огонькѣ коптилки, мрачными и печально траурными тѣнями вырисовывались Колчакъ, Юденичъ, Деникинъ, Врангель, и, какъ что-то далекое, давно ушедшее, блѣдно и свято выплывали Алексѣевъ, Корниловъ, Духонинъ и тѣ тысячи безвѣстныхъ, которые за честь Родины, за святость Земли Русской, безъ траура, молча сложили свои головы на великомъ просторѣ родныхъ полей...

* * *

Въ совѣтскихъ учрежденіяхъ храбро боролись съ холодомъ совѣтскіе служащіе, сжигая въ желѣзныхъ печахъ письменные столы, стулья, бумаги.

Тифъ свирѣпствовалъ, унося ежедневно десятки людей; расположенные въ городѣ красные пѣхотинцы, изнывая отъ холода въ нетопленныхъ казармахъ, выходили ночью на охоту и снимали съ жилыхъ построекъ наружныя деревянныя лѣстницы.

Дѣти въ пріютахъ и больные въ больницахъ умирали отъ холода и голода.

Изыскивая средства полученія топлива, Исполкомъ предложилъ Комунхозу намѣтить брошенные буржуазіей дома, которые теперь, придя въ негодность, могли бы быть снесены съ тѣмъ, чтобы лѣсъ отъ построекъ былъ распредѣленъ на топливо для больницъ, пріютовъ и казармъ.

Коммунхозъ указалъ десятокъ домовъ, которые могли бы еще простоять добрую полсотню лѣтъ, и началась разборка домовъ. Каждый рабочій, уходя съ работы, уносилъ съ собой «шабашку», а потомъ, вмѣсто «шабашекъ», у рабочихъ появились малыя санки, на которыя все же укладывалось четыре-пять пудовъ дровъ.

Приставленные на ночную охрану лѣса милиціонеры всю ночь стрѣляли въ воздухъ, безпрерывно нагружая подводы и сани, отправляя дрова своимъ домой, знакомымъ и пріятелямъ.

А когда большіе каменные дома были разобраны, Гублѣскомъ явился за полученіемъ лѣса, и ему было показано на сваленныя въ кучу водосточныя трубы и на старое, проржавленное кровельное желѣзо.

И вся затѣя кончилась тѣмъ, что въ разныхъ частяхъ города торчали голыя каменныя стѣны, зіявшія дырами бывшихъ оконъ и дверей.

Страдавшіе отъ жестокихъ морозовъ и въ холодныхъ учрежденіяхъ совѣтскіе служащіе снимали ставни съ оконъ и кое какъ топили печи; служащіе желѣзнодорожнаго отдѣла попытались ввести отопленіе нефтью и послѣ перваго же опыта вызвали пожаръ, уничтожившій весь громадный корпусъ Управленія, идущій вдоль по Проспекту.

Чека нашла поводъ объявить, что контръ-революція снова начинаетъ протягивать свои костлявыя руки къ мирному существованію Республики и, не имѣя открытыхъ силъ, выступаетъ исподтишка, поджигая лучшіе дома — достояніе трудящихся.

И тутъ же было объявлено, что гдѣ бы и по какой бы причинѣ ни случился пожаръ, предъ карающимъ окомъ Чека виновенъ предсѣдатель домового комитета того дома, въ которомъ случился пожаръ. А наказаніе самое нормальное: разстрѣлъ.

Съ ранняго утра носились запуганные предсѣдатели домовыхъ комитетовъ по квартирамъ жильцовъ, провѣряя установку печей, трубъ, требуя поправокъ и перестановокъ. Пошла грызня, руготня, развились доносы, а найболѣе буржуазные дома, вообще не пользовавшіеся любовью мѣстныхъ совѣтскихъ властей, опасаясь какого либо несчастнаго случая, единогласно постановили: топить... а ни-ни!.. и никому!.. И такъ и протянули до весеннихъ дней.

А на толкучемъ рынкѣ, тамъ же, гдѣ наши дамы продавали или вымѣнивали «всѣ эти неизвѣстно кому нужные» и «неизвѣстно какимъ дуракомъ выдуманные» гардины, коврики, — стройно въ рядъ располагались бабы, имѣя у ногъ нѣсколько дощечекъ изъ паркетнаго пола, общимъ вѣсомъ не болѣе десяти фунтовъ и цѣна въ тысячахъ рубляхъ равнялась количеству фунтовъ.

Веселымъ развлеченіемъ являлись принудительныя очистки тротуаровъ и улицъ отъ снѣга, и когда послѣ пяти часовъ на темную улицу выгоняли все мужское «буржуазное» населеніе на чистку снѣга, становилось весело, и улица оглашалась бодрыми криками, и твердые снѣжки больно шлепались въ спину.

Много забавной возни было съ часто и въ разныхъ мѣстахъ лопавшимися водопроводными трубами. Не было воды ни кружки, и вдругъ — вся комната наполнялась водой на полъ-аршина отъ пола.

А ночью, цѣпенѣя въ тепломъ пальто подъ одѣяломъ, ковриками и разнымъ тряпьемъ, лежишь и думаешь: «а какъ хорошо должно быть сейчасъ въ Африкѣ!.. Жарко тамъ... всѣ ходятъ въ ...голомъ, а у насъ здѣсь...бр... бр...» И ледяной холодъ сковывалъ мозгъ.

* * *

Упорно торговались поляки съ большевиками; было какъ то странно читать, что поляки требуютъ отъ Россіи столько то паровозовъ, столько то русскихъ уѣздовъ, и какъ ни ненавистны были большевики, — порою какое то чувство удовлетворенія охватывало, когда видно было, какъ большевистскіе делегаты не соглашаются на отдачу русскихъ паровозовъ, русскихъ вагоновъ и русскихъ людей съ ихъ искони русской землей.

Переговоры велись медленно, тяжело, и совершенно непонятно было, почему платитъ Россія — Польшѣ, а не Польша — Россіи... Обѣ стороны были совершенно обезсилены войной, и все же въ этомъ безсиліи Россія, даже коммунистическая, даже вшивая и тифозная, была неисчислимо сильнѣе маленькой и послѣдней войной совершенно обезкровленной Польши.

Въ числѣ делегатовъ, ведшихъ въ Ригѣ мирные переговоры съ поляками, былъ и цеховый конторщикъ нашего Брянскаго завода, коммунистъ Квирингъ, упрямый и жестокій латышъ.

* * *

Голодъ усиливался съ каждымъ днемъ; самыя боевыя предпріятія, зачисленныя Совѣтомъ Труда и Обороны Республикъ на ударный паекъ, цѣлыя недѣли не получали хлѣба; голодъ неимовѣрно усиливалъ неописуемыя страданія, и часто среди рабочихъ стали раздаваться опредѣленныя угрозы по адресу большевиковъ.

Насколько съ голодомъ шла кое-какъ борьба путемъ примѣненія различныхъ суррогатовъ, въ отношеніи холода ничего придумать не удавалось, а нужно было только топливо, топливо и топливо.

И Исполкомъ объявилъ новый «дровяной» фронтъ.

Павлоградскій уѣздъ, Верхнеднѣпровскій уѣздъ богаты колоссальными лѣсами, и Губернскому Лѣсному Комитету, въ лицѣ его двухъ представителей, коммунистовъ Глушкова и Кацнельнсона, было поручено приступить къ разработкѣ этихъ лѣсовъ и, въ первую очередь, снабдить дровами желѣзнодорожное депо ст. Екатеринославъ, а затѣмъ уже рабочихъ.

На созванномъ совѣщаніи, въ теченіе двухъ часовъ, лѣса были срублены, милліоны саженъ дровъ подсчитаны, и, послѣ горячихъ споровъ, между представителями различныхъ организацій, кое какъ подѣлены. Желѣзной дорогѣ досталась львиная доля, рабочимъ завода Шодуаръ меньше, чѣмъ рабочимъ Брянскаго завода, и съ совѣщанія всѣ ушли удовлетворенные огромной и полезной, продѣланной на совѣщаніи работой.

Утромъ въ холодныя, пустыя и грязныя комнаты Гублѣскома пришли Глушковъ и Кацнельнсонъ и вспомнили о томъ, что вчера на совѣщаніи такъ горячо и дѣловито обсуждалось. Лѣса предстояло только еще вырубить, заготовленные дрова свезти къ станціямъ, а тутъ рабочихъ рукъ нѣтъ; инструментовъ, пилъ, напильниковъ, топоровъ, клиновъ — никакихъ; лѣса отъ города расположены на добрые десятки верстъ и какъ разъ въ самыхъ повстанческихъ раіонахъ, да и сами то лѣса всегда служили лучшимъ пріютомъ для повстанцевъ всякаго типа.

Глушковъ, котораго всегда вслухъ занимала мысль: «якъ чоловіку отрубить голову, чы вона ще довго живе», и Кацнельнсонъ, находившійся въ послѣдней стадіи туберкулеза, вдругъ просвѣтлѣли и рѣшили созвать новое совѣщаніе и сказать: хотите, товарищи, получить дрова? — пожалуйте въ лѣса съ топорами, пилами и валяйте кому надо!.. А Гублѣскомъ будетъ раздавать вамъ участки, выдавать всякія удостовѣренія и вообще административно поддерживать разработку лѣсовъ.

Созвали новое совѣщаніе, и опять въ одинъ вечеръ были созданы рабочіе батальоны, распиловщики, укладчики, десятники. Когда рабочимъ по заводамъ было объявлено, что на доставку дровъ властью разсчитывать не слѣдуетъ, а надобно самимъ взять топоры и пилы и пойти въ лѣса, рабочіе стали совершенно открыто разбирать деревяные заборы вокругъ заводовъ, деревянныя заводскія постройки и уносить домой.

Усиленная агитація и не ослабѣвавшіе морозы все же сдѣлали то, что въ началѣ февраля были сорганизованы небольшія рабочія артели, направившіяся въ Павлоградскій уѣздъ, а частью въ Верхнеднѣпровскій.

Для перевозки дровъ изъ лѣсу до станціи, Гублѣскомъ, въ виду того, что крестьяне уклонялись отъ содѣйствія въ вырубкѣ лѣса, и не давали лошадей, рѣшилъ отъ мѣста разработки лѣса до ближайшей станціи проложить по снѣгу доски, по которымъ два человѣка могли бы безъ большихъ усилій тащить колоду. Было еще рѣшено, что въ лѣсахъ будетъ производиться только заготовка колодъ, а распиловка и рубка будетъ происходить уже на территоріи завода; этимъ мѣропріятіемъ Гублѣскомъ имѣлъ въ виду бороться съ кражей дровъ. Первымъ за разработку лѣса взялся заводской комитетъ завода Гантке, получившій въ разработку дачу М. В. Родзянко въ Новомосковскомъ уѣздѣ.

Всѣ строительныя доски, какія только были въ лѣсныхъ складахъ и на заводѣ, были кое какъ, на чуть двигавшейся заводской кукушкѣ, доставлены къ станціи Новомосковскъ, и, что называется, спиною къ Богу, отъ ст. Новомосковскъ начали укладывать доски по направленію къ лѣсу. Доски укладывались по три въ рядъ, образовывая корыто. Съ утра до вечера работа шла дружно; доски безъ особыхъ усилій покорно ложились на снѣгъ и укрѣплялись планками на гвоздяхъ. Въ первый день былъ проложенъ путь болѣе, чѣмъ на двѣ версты, отъ станціи по направленію къ лѣсу. А артель, счастливая успѣхомъ работы, къ вечеру ушла въ городъ на ночлегъ.

Каково же было удивленіе рабочихъ, когда, придя рано утромъ къ станціи, они увидѣли на снѣгу только слѣды досокъ, за ночь унесенныхъ неизвѣстно кѣмъ.

Снова принялись за работу, и, проложивъ около полутора верстъ, опять ушли на ночлегъ, оставивъ человѣкъ пять дежурныхъ... Но морозъ къ ночи хватилъ во всю, а раздавшіеся недалеко отъ станціи выстрѣлы заставили дежурныхъ рабочихъ что мочи бѣжать къ городу, и къ утру артель увидѣла опять только слѣды досокъ на бѣломъ сверкавшемъ снѣгу.

Тогда рабочіе спохватились, сообразивъ, что они пока производятъ совершенно ненужную работу, къ тому еще съ такими печальными результатами, и рѣшили отправиться на разработку въ лѣсъ, а потомъ уже строить досчаную дорогу или какимъ нибудь инымъ путемъ постараться свезти лѣсъ къ станціи. Пошла артель къ лѣсу, но расположенные въ двухъ-трехъ верстахъ отъ лѣса хуторки отказались впустить къ себѣ рабочихъ не только въ свои избушки, но даже и въ лѣсъ, заявивъ, что земля сейчасъ принадлежитъ крестьянамъ, стало быть, и лѣса крестьянскіе.

Легко, по городскому одѣтые, рабочіе, протолкавшись пару часовъ на опушкахъ лѣса, посинѣвшіе отъ холода, а нѣкоторые и съ отмороженными пальцами, носами и ушами, плюнувъ — вернулись на заводъ, — такъ и не осуществивъ большихъ заданій совѣщанія по дровяному фронту.

Рабочіе небольшого завода «Старръ» получили участокъ въ Верхнеднѣпровскѣ и съ перваго же дня работы наткнулись на винтовочные выстрѣлы крестьянъ и, оставивъ одного убитаго рабочаго въ лѣсу, вернулись въ городъ.

Только одни воинскія части къ концу зимы кое-какъ наладили самоснабженіе дровами. Съ пулеметами направлялись небольшіе отряды на повозкахъ въ лѣсъ, и къ вечеру другого дня возвращались съ свѣже вырубленными колодами.

А жители города разбирали сараи, чердаки домовъ, деревянные заборы и пристройки.

Труппа Агитаціонно-просвѣтительнаго отдѣла, расположившаяся въ зимнемъ театрѣ Англійскаго клуба, съ осени до глубокой зимы отапливала театръ, разбирая большое деревянное помѣщеніе, въ которомъ лѣтомъ шла игра въ лотто, а къ концу зимы труппа стала втихомолку разбирать деревянный лѣтній театръ, и когда къ веснѣ стали вести разговоры о скоромъ переходѣ на лѣтнюю сцену, то оказалось что отъ всего театра остались только стѣны да крыша, а сцена, кулисы, декораціи и старая декоративная мебель давно исчезли.

Февраль уже былъ на исходѣ; переговоры съ поляками какъ будто приближались къ положительному результату, и власть стала дѣлать попытки къ возстановленію промышленности края. Для этой цѣли, по опредѣленію Центральнаго Правленія Тяжелой Индустріи, носившаго сокращенное названіе «Цепти», въ Екатеринославѣ открылось Правленіе пяти крупнѣйшихъ въ Россіи металлургическихъ заводовъ, считавшихся при большевикахъ Государственными. Два завода Шадуара, Брянскій заводъ, заводъ Гантке и колоссальный заводъ въ Каменскомъ попали въ полновластное распоряженіе двухъ коммунистовъ, которые изъ центра были надѣлены диктаторскими полномочіями по управленію этими заводами. По указаніямъ свыше, новое правленіе должно было вести мирную политику съ высшимъ и среднимъ техническимъ персоналомъ и имѣло заданіе пустить заводы, которые къ тому времени производили исключительно удручающее впечатлѣніе. Склады и магазины, совершенно опустошенные еще во время перваго сильнаго и послѣдняго нажима Врангеля на Екатеринославъ; деревянныя постройки, разобранныя рабочими на дрова; отсутствіе на заводахъ не только угля, но даже и угольной пыли, придавало заводамъ видъ совершенно разрушенныхъ предпріятій и, несмотря на всю эту очевидную непригодность заводовъ къ какой либо работѣ вообще, — изъ Центра было получено распоряженіе объ изготовленіи въ двухмѣсячный срокъ шестидесяти тысячъ пудовъ трубъ.

На архивной бумажкѣ, съ оборотной стороны исписанной, много лѣтъ тому назадъ, плохимъ сбитымъ шрифтомъ пищущей машинки такъ и было почти дословно написано: «Филіи въ Екатеринославѣ. Предлагается вамъ въ двухмѣсячный отъ сего числа срокъ изготовить шестьдесятъ тысячъ пудовъ трубъ»... и подписи.

Получивъ эту бумажку «филія» оживилась. По телефону сейчасъ же были разосланы телефонограммы всѣмъ техническимъ и политическимъ руководителямъ заводовъ съ приказомъ на другой день явиться въ «филію» для обсужденія вопроса исключительной важности. На совѣщаніи, послѣ нѣсколькихъ рѣчей о наступившей, наконецъ, возможности приступить къ нормальной работѣ и къ возстановленію

пролетаріатомъ всего того, что въ теченіе трехсотъ лѣтъ уничтожали Романовы, а потомъ Колчаки, Деникины и Врангели, — собравшимся было объявлено, что изъ Центра пришло распоряженіе объ изготовленіи въ теченіе двухъ мѣсяцевъ шестидесяти тысячъ пудовъ трубъ.

И саботажные, контръ-революціонные инженеры — техническіе руководители и ихъ постоянные по работѣ спутники — политическіе на заводахъ комиссары, положительно вытаращили отъ удивленія глаза. Послѣ всѣхъ этихъ рѣчей они ожидали какой нибудь новой реорганизаціи управленія заводами, какого либо новаго изъ Центра воззванія къ труду и борьбѣ съ хозяйственной разрухой, но распоряженія изъ ничего и безъ ничего сдѣлать шестьдесятъ тысячъ пудовъ трубъ, изготовленіе которыхъ при совершенно нормальныхъ условіяхъ, когда заводъ въ ходу, требуетъ сотни тысячъ пудовъ угля, огромнаго количества пудовъ сырой для трубъ болванки и сотни пудовъ разныхъ смазочныхъ маселъ и ко всему этому кадръ высоко-квалифицированныхъ рабочихъ, которые давно оставили заводы, — такого распоряженія никто изъ заводскихъ работниковъ не ожидалъ, и только общій кошмарный прессъ власти удержалъ инженеровъ отъ дружнаго хохота.

Но присутствіе на совѣщаніи большого числа коммунистовъ заставляло дѣлать серьезное лицо, и только простой, но исключительно въ этомъ случаѣ находчивый и наивно заданный однимъ изъ инженеровъ вопросъ, — вывелъ всѣхъ изъ неловкаго положенія. Инженеръ, обращаясь къ предсѣдателю правленія заводовъ, совершенно по дѣловому, серьезно спросилъ: «А какихъ размѣровъ нужны трубы?» И всѣ, почувствовавъ въ этомъ вопросѣ счастливый исходъ изъ тяжелаго положенія, облегченно вздохнули и, перебивая другъ друга, оживленно заговорили: «Да! Какъ же это они!.. Размѣровъ то и не прислали!..» Эти фразы милаго удивленія произносились такимъ тономъ, какъ будто только въ отсутствіи размѣровъ крылась невозможность изготовленія этого требованія Центра, а такъ молъ, были бы размѣры, такъ трубы такъ бы и прокатали «за милую душу въ два счета!»

Тутъ же о бокъ съ «филіей» расположился «Главуголь», имѣвшій очень скромную задачу возстановить разрушенный Донецкій Бассейнъ и поднять производительность еще какъ будто дышавшихъ отдѣльныхъ шахтъ. Центральное правленіе «Главугля» находилось въ Харьковѣ, а Екатеринославскій отдѣлъ также располагалъ неограниченными полномочіями по возстановленію Донецкаго Бассейна, какъ и «филія» — на возстановленіе металлургической промышленности.

Въ мирное, еще довоенное время, существовалъ особый типъ угольныхъ маклеровъ, которые, получая какой то тысячный процентъ съ проданнаго при ихъ посредствѣ угля, — наживали состоянія. И вотъ большинство изъ этихъ маклеровъ заняли отвѣтственные посты въ Центральномъ Главуглѣ, устраивая въ провинціи мелкихъ маклеровъ. Учрежденіе это было причислено къ разряду ударныхъ, и, понятно, что служащіе этого учрежденія не получали также пайковъ, какъ и не получали ихъ служащіе и не ударныхъ учрежденій. Но учрежденіе было создано, и Донбасъ былъ на пути къ возстановленію.

Для поднятія духа и продуктивности небольшой горсточки оставшихся въ шахтахъ рабочихъ, — Главуголь рѣшилъ снабдить ихъ производственными рабочими костюмами, бѣльемъ и сапогами. Вещи эти были получены и розданы рабочимъ, и на другой день на шахтахъ осталась только одна пятая того количества рабочихъ, которые получили костюмы, бѣлье и сапоги. Остальные рабочіе, получивъ вещи, разбрелись кто куда, оставивъ шахты и работы по возстановленію Донбаса на товарищей-коммунистовъ.

Когда глава Екатеринославскаго Главугля пожелалъ съѣздить въ Донбасъ, ему былъ поданъ на станціи особый поѣздъ. Паровозъ былъ на парахъ, но за полчаса до отъѣзда глава Главугля былъ вызванъ на какое то совѣщаніе, продолжавшееся до вечера, а такъ какъ ночью ѣхать было опасно въ виду налетовъ махновскихъ шаекъ, то паровозъ такъ и простоялъ подъ парами до утра; а утромъ глава былъ опять на какомъ то засѣданіи до вечера, и такъ больше трехъ дней паровозъ стоялъ

подъ парами до тѣхъ поръ, — пока не сжегъ всего наличнаго запаса топлива, имѣвшагося во всемъ депо ст. Екатеринославъ.

Глава Главугля такъ въ Донбассъ и не поѣхалъ. А какъ то днемъ въ «Главуголь» вбѣжала маленькая, вертлявая курсисточка и, размахивая замерзшими руками и топая по полу окоченѣвшими ногами, скороговоркой палила въ товарища, главу Главугля:

«Я, товарищъ, командирована изъ Центра обслѣдовать положеніе промышленности и Донбасса... Главнымъ образомъ меня интересуетъ металлургическое дѣло и дѣло возстановленія Донбасса... Я хотѣла бы отъ васъ, товарищъ, узнать, какими собственно, по вашему мнѣнію, мѣрами можно и удалось бы возстановить металлургическую промышленность и Донбассъ... Я, товарищъ, много слышала о васъ въ партіи и поэтому намѣрена ваши соображенія положить въ основу моего доклада Центру о мѣрахъ, необходимыхъ предпринять для возстановленія металлургпрома и Донбасса...»

И по прежнему топая медленно отогрѣвавшимися ногами, подняла прежде брошенный на полъ портфель и долго отыскивала какія то бумаги.

«Товарищъ», глава Главугля, старый человѣкъ, имѣвшій дипломъ инженера и сейчасъ же по полученіи диплома за какую то революціонную продѣлку сосланный на двѣнадцать лѣтъ въ каторжныя работы, отбывшій до послѣдней минуты всѣ двѣнадцать лѣтъ каторги и долгіе годы жизни пробывшій на поселеніи, уныло глядя на эту мило щебетавшую дѣвочку, мрачно и глухо произнесъ:

«Вашъ мандатъ, товарищъ!..»

«Да, пожалуйста... Я вотъ какъ разъ мандатъ то и ищу!» — и, вытащивъ какую то страшно длинную бумагу, не безъ гордости, дала ее «товарищу». —

Тамъ въ мандатѣ было все: и право смѣны любого работника, какой бы онъ постъ ни занималъ; и право ареста; и право пользованія особыми поѣздами и реквизиціей паровозовъ; и пользованіе внѣ всякихъ внѣочередныхъ очередей телеграфомъ и еще...и еще...

Чуть склонивъ посѣдѣвшую на каторгѣ голову, товарищъ тономъ приговореннаго къ смерти изложилъ ребенку всѣ тѣ соображенія и мѣропріятія, которыми по его мнѣнію можно было бы поднять совершенно омертвѣвшую металлургическую промышленность и приступить въ возстановленію Донбасса...

Нужно въ достаточномъ количествѣ обезпечить рабочихъ продовольствіемъ... Нужно дать возможность неголоднаго существованія высшему и среднему техническому персоналу; нужно собрать и прикрѣпить къ заводамъ всѣхъ разбѣжавшихся рабочихъ; нужно создать условія нормальныхъ взаимоотношеній между политическими комиссарами предпріятій и техническими руководителями..

«А главное, — продолжалъ старый коммунистъ, уныло глядя на собесѣдницу, — намъ, товарищъ, нужно дать рабочимъ кушать!.. жрать!!! Понимаете?.. Хлѣба!!!»

«Такъ вы, товарищъ, думаете, что если снабдить рабочихъ продовольствіемъ такъ мы все это возстановимъ!..» оживленно прощебетала уже немного согрѣвшаяся дѣвочка...

«Да, товарищъ! — глядя на полъ, произнесъ старикъ — если дать рабочимъ продовольствіе, такъ мы все это возстановимъ..»

«Такъ я такъ и запишу, и мысль эту еще разовью. А сейчасъ, товарищъ, пока до свиданія!.. Спѣшу на вокзалъ. Тамъ меня ждетъ комиссія... Мы еще должны сдѣлать обслѣдованіе Кіевскаго кожевеннаго раіона... Такъ... пока!..»

И съ милымъ щебетаніемъ порхнула въ дверь...

Долго старикъ стоялъ у окна, барабанилъ пальцами по стеклу, о чемъ то большомъ, тяжеломъ и больномъ думалъ и вслухъ только произносилъ пустое, ничего не значащее: — «Да!.. Да!..»

А потомъ круто повернулся, рѣшительно сѣлъ къ столу и написалъ одно заявленіе о выходѣ изъ партіи коммунистовъ, а другое заявленіе въ Центръ объ освобожденіи его отъ обязанностей предсѣдателя комиссіи по возстановленію Донбасса...

Заявленіе его въ партіи надѣлало большой шумъ: видные въ городѣ коммунисты пытались уговорить старика взять свое заявленіе обратно и ужъ, въ крайнемъ случаѣ, дать какую нибудь мотивировку своего выхода изъ партіи и отказа отъ занимаемаго отвѣтственнаго поста, но старикъ досадливымъ жестомъ закидывалъ сѣдые волосы, падавшіе ему на лобъ, и уклончиво говорилъ:

«Усталъ я, друзья мои... Усталъ!..»

И на шестой день послѣ отправки заявленія старикъ получилъ телеграфный приказъ Центра немедленно выѣхать въ Харьковъ...

Пошатнувшагося и подгнившаго въ коммунистической твердости коммуниста Центръ торопливо и предусмотрительно убиралъ, опасаясь зараженія имъ проявлявшихъ большую нестойкость и разочарованность коммунистическихъ рядовъ...

* * *

Польскій фронтъ замеръ. Морозы сковали жизнь на Украинѣ. Всѣ контръ-революціонные генералы были разбиты и жуткіе, давящіе будни совѣтской жизни вырисовывались во всей ихъ повседневной жестокости. Настали дни нуднаго, голоднаго и холоднаго, безнадежнаго и безпросвѣтнаго существованія. Тифъ ежедневно помогалъ многимъ десяткамъ совѣтскихъ гражданъ перенестись въ лучшій міръ, и не было ни одного двора во всемъ городѣ, гдѣ нельзя было бы найти одного, двухъ или больше тифозныхъ больныхъ.

И большевики объявили новый «противотифозный фронтъ». Въ сотый разъ заставили врачей, фельдшеровъ, сидѣлокъ и санитаровъ регистрироваться, и совершенно по непонятнымъ видамъ и соображеніямъ проведеніе этой регистраціи было поручено Чека. Изъ уѣздовъ поступали ужасающія вѣсти о вымирающихъ отъ тифа деревняхъ, но и въ самомъ городѣ тифъ обильно косилъ населеніе, и объ уѣздахъ никто и не думалъ.

Были вездѣ и всюду, на всѣхъ тумбахъ, сохранившихся чудомъ заборахъ, стѣнахъ домовъ расклеены плакаты, изображавшіе огромную вошь, величиною съ хорошую сытую свинью, и въ глаза надоѣдливо выпиралъ новый лозунгъ совѣтскаго дня:

«Смерть вшамъ!.. Всѣ на борьбу съ вошью!.. Вотъ — врагъ пролетаріата и лучшій сообщникъ контръ-революціонныхъ генераловъ!!.»

Но при всемъ этомъ внѣшнемъ шумѣ, — въ борьбѣ съ тифомъ не было ни одного шага сдѣлано для дѣйствительнаго противодѣйствія этой страшной эпидеміи. За время своего пребыванія у власти большевики разорили и окончательно закрыли всѣ частныя аптеки, оставивъ только нѣсколько совѣтскихъ аптекъ, въ которыхъ можно было получить порошокъ очищенной соды или чудовищныхъ размѣровъ пузырь для льда.

Всѣмъ врачамъ власть всячески препятствовала въ ихъ частной практикѣ, требуя обязательнаго посѣщенія больныхъ только и исключительно по ордерамъ Губздрава, который за каждое такое посѣщеніе расплачивался съ врачомъ по установленнымъ Медикосантрудомъ тарифнымъ ставкамъ. Для болѣе успѣшной борьбы съ частной практикой врачей, — Губздравъ приказалъ совѣтскимъ аптекамъ отпускать лѣкарства исключительно по рецептамъ съ печатью Губздрава. И получилось то, что семьи, имѣвшія дома нѣсколько тифозныхъ, прохлопотавъ нѣсколько дней для полученія по наряду доктора, добившись, наконецъ, посѣщенія больныхъ докторомъ, бѣгали еще нѣсколько дней въ Губздравъ для полученія печати на рецептъ, и только тогда бѣжали въ аптеку, гдѣ дежурный фармацевтъ, возвращая рецептъ, спокойно отвѣчалъ: «Этого, товарищъ, у насъ нѣтъ...»

Этимъ скорымъ и дешевымъ, почти безплатнымъ лѣченіемъ, могли пользоваться только члены, совѣтскихъ профессіональныхъ союзовъ, а вся остальная масса отдавалась въ жертву жадному и жестокому тифу. Понятно, что врачи находили способъ для посѣщенія больныхъ на дому, а для изготовленія ихъ рецептовъ выросло нѣ-

сколько тайныхъ домашнихъ аптекъ, къ которымъ въ сильный разгаръ тифозной жатвы стали обращаться и всесильные товарищи изъ Исполкома, Губкома и даже изъ Чека.

Какъ въ борьбѣ съ голодомъ, холодомъ и общей разрухой, такъ и въ борьбѣ съ эпидеміей проявлялась большевиками исключительная безпомощность.

Жизнь плелась тягуче медленно, придавленная и немилая. Совѣтскія «Извѣстія» писали о какихъ то колоссальныхъ торговыхъ успѣхахъ Красина у Ллойдъ-Джоржа, а изъ Екатеринослава въ Харьковъ съ большими усиліями удавалось отправить одинъ разъ въ двѣ недѣли поѣздъ, который по два-три дня безпомощно стоялъ на пути между Зайцевымъ и Павлоградомъ изъ за пущенной паровозомъ течи.

И вдругъ какъ то утромъ, въ одинъ изъ тусклыхъ дней совѣтскихъ будней, на первой страницѣ «Извѣстій» большими буквами было напечатано: «Быть на чеку!»

Еще наканунѣ этого дня вечеромъ, когда я по обычаю стоялъ въ подворотнѣ и велъ очередную бесѣду съ такими же, какъ и я, бывшими людьми о томъ, что пайковую селедку лучше всего дня два продержать въ водѣ, а потомъ уже ѣсть, и у всѣхъ участниковъ бесѣды густо текли слюнки, пробѣжавшій мимо подворотни наборщикъ, позвалъ меня и пугливо сунулъ мнѣ свѣже-отпечатанную гранку.

«Провокаторъ!» со страхомъ подумалъ я, когда наборщикъ, оставивъ у меня въ рукахъ гранку, быстро побѣжалъ впередъ.

То, что я бѣгло прочиталъ, поразило меня, и я въ ту же секунду далъ гранку моимъ собесѣдникамъ, которые, съ ужасомъ въ глазахъ, въ одинъ голосъ заговорили: «Порвите!.. Порвите!.. Сейчасъ же уничтожьте!.. Это къ вамъ подбираются!.. Это — провокація!..»

Всю ночь я не спалъ, ожидая прихода чекистовъ. Гранка была изорвана въ мельчайшіе клочки, розданные всѣмъ собесѣдникамъ и пущенные по вѣтру въ разныхъ концахъ улицы... Письма и кое какія книги были въ тысячный разъ «на всякій случай» еще разъ просмотрѣны, и до разсвѣта въ мозгу безпокойно и пугающе билась одна мысль: «Провокація!.. Добираются!..»

Никто ночью ко мнѣ не пришелъ, и когда утромъ, напуганный и измученный кошмарной ночью, я вышелъ на улицу и, приблизившись къ «Укростѣ», увидѣлъ свѣже наклеенную газету съ аршинными буквами: «быть на чеку!», я, еще разъ оглянувшись, вплотную подошелъ къ стѣнкѣ и съ жадностью впился въ блѣдныя, еле читаемыя, газетныя строчки.

Нѣтъ! Не провокація!.. нѣтъ!.. а что-то большое, свѣтлое, настоящее... Какъ разъ то, что должно было быть...

«Возстаніе въ Кронштадтѣ!»

Безслѣдно пронеслись предъ глазами фамиліи Козловскаго, Петриченко, а главное и самое важное было то, что противъ угнетателей, противъ гасителей жизни, духа и мысли, возсталъ именно Кронштадтъ, тотъ самый Кронштадтъ, который...

«Да что тамъ читать!.. Кронштадтъ возсталъ!! Понимаете?!.. Возсталъ!!»

И слова «Кронштадтъ возсталъ!» какъ бы торжественно переплетались съ храмовыми звуками «Христосъ Воскресе!»

«Самое цѣнное то, что Кронштадтъ, а не какой нибудь Орелъ или Рыбинскъ!!.»

И по всѣмъ жиламъ угасавшей жизни пробѣжалъ стремительный и горячій порывъ, и новая вѣра, новая надежда свѣтлымъ пламенемъ вошла въ сердца медленно изнывавшихъ подъ гнетомъ красныхъ людей.

Зашевелились большевики...

Вмигъ была отброшена и забыта вошь, на далекій задній планъ были отодвинуты заботы о тысячахъ тифозныхъ, и митинги, конференціи, аресты и разстрѣлы проносились съ кинематографической быстротой.

По телеграфному распоряженію изъ Харькова были въ одну ночь «изъяты изъ обращенія» всѣ меньшевики. Многихъ изъ меньшевиковъ чекисты снимали съ постели, когда тѣ находились въ тифозномъ бреду.

И снова на митингахъ и въ тотчасъ же выпущенныхъ плакатахъ запестрѣли проклятья на головы міровыхъ хищниковъ, путемъ союза съ меньшевиками пытающихся въ послѣдній разъ взорвать власть трудящихся, власть рабочихъ и крстьянъ!..

И меньшевики, эти худые, голодные наборщики, и профессіональные работники, стали самыми опасными врагами большевиковъ.

Всѣхъ, свыше сотни, арестованныхъ меньшевиковъ заперли въ одномъ изъ особняковъ Чеки; никого къ нимъ не допускали, и всѣ жесточайшія проклятья, которыя не такъ давно сыпались на Пилсудскаго, Савинкова, Деникина и Врангеля, съ той же азартностью бросались меньшевикамъ. Арестованнымъ оказался и тотъ наборщикъ, о которомъ я цѣлую ночь такъ плохо думалъ...

Но послѣ нѣсколькихъ дней нервнаго подъема и напряженнаго ожиданія оба лагеря, и большевики, и населеніе, каждый по своему, были удивлены, поражены и совершенно не понимали всего того, что такъ стремительно быстро промелькнуло...

«Возстаніе подавлено... Кронштадтъ палъ... Мятежники бѣжали въ Финляндію... Новый ударъ міровыхъ хищниковъ еще разъ геройски отраженъ непобѣдимой красной арміей и славными красными курсантами!..» читали мы на той же первой страницѣ «Извѣстій», гдѣ всего нѣсколько дней тому назадъ набатнымъ пасхальнымъ звономъ пѣли и звали огромныя, вѣру вселявшія слова: «Кронштадтъ возсталъ!»

Меньшевиковъ крѣпко держали въ Чека. Оставшіеся на свободѣ товарищи арестованныхъ меньшевиковъ смѣло проникали къ рабочимъ на заводы и разсказывали истинную подкладку Кронштадтскихъ событій... Выборные совѣты, подлинная совѣтская — народная власть, — безъ диктаторской коммунистической партіи, свободные выборы и еще много... много хорошихъ демократическихъ принциповъ.

Началось броженіе... Пріѣзжавшихъ на заводы большевистскихъ агитаторовъ встрѣчали гикомъ, свистомъ и криками «долой!»... Выносили на митингахъ резолюціи съ требованіемъ немедленнаго освобожденія всѣхъ арестованныхъ меньшевиковъ... Къ открыто выражавшимъ недовольство рабочимъ — тихо стали примыкать и желѣзнодорожные рабочіе, начавшіе осторожно итальянскую забастовку... Болѣе дерзкимъ и смѣлымъ тономъ жены рабочихъ, базарныя спекулянтки, стали разговаривать съ базарной милиціей...

И изъ Харькова пришло распоряженіе выловить всѣхъ, по какому либо случаю оставшихся на свободѣ меньшевиковъ и въ кратчайшій срокъ перевезти арестованныхъ въ Харьковъ...

Приказъ былъ выполненъ въ точности; кое кого изъ меньшевиковъ, случайно не арестованныхъ — задержали, кое кого изъ случайно арестованныхъ не меньшевиковъ освободили, и особымъ поѣздомъ, подъ конвоемъ, соціалъ-демократы были увезены въ столицу пролетарской республики — Харьковъ.

Броженіе не унималось...

Вмѣстѣ съ меньшевиками — рядовыми, былъ увезенъ старый меньшевикъ, рабочій Василій Худокормовъ, — только во время революціи вернувшійся изъ ссылки, куда попалъ, борясь съ заводчиками за рабочія больничныя кассы. Этого меньшевика одинаково любили и уважали и большевики, и вся та масса, которая вообще враждебно относилась ко всякимъ партійнымъ ярлыкамъ.

Спокойный, политически много начитанный, ярко и образно говорившій Худокормовъ во всѣхъ своихъ митинговыхъ выступленіяхъ открыто бросалъ совѣтской власти всѣ ея пагубные недостатки, всю ея варварскую политику порабощенія массъ, и большевики, зная вѣсъ и значеніе Худокормова въ рабочей массѣ раіона, улыбаясь выслушивали разоблаченія, оставляя его внѣ стѣнъ Чека.

И поскольку выступленія и рѣчи мѣстныхъ коммунистовъ не только не успокаивали массы, но еще болѣе разжигали страсти — большевики стали откуда то доставать хлѣбъ и въ первую очередь направлять рабочимъ найболѣе опасныхъ заводовъ. Желѣзнодорожникамъ выдали по нѣсколько аршинъ мануфактуры и по два фунта сахару. Тогда рабочіе Брянскаго завода потребовали и для нихъ мануфактуры и сахару.

Большевики стали создавать особую комиссію для удовлетворенія рабочихъ мануфактурой и сахаромъ, и незамѣтно вниманіе рабочихъ съ кронштадтскихъ событій и ихъ послѣдствій было перетянуто на внутренніе споры и раздоры о лишнемъ аршинѣ ситцу или недоданномъ при развѣскѣ полуфунтѣ черной крупной соли.

А потомъ, чтобы окончательно сгладить въ памяти рабочихъ всякія воспоминанія о Кронштадтѣ, пріѣхалъ самъ «красный батька всея Руси» — тов. Калининъ.

По виду очень похожій на средней руки подрядчика, Калининъ выступилъ предъ рабочими съ докладомъ о событіяхъ въ Кронштадтѣ... И основной мыслью его доклада было то, что возставшіе были почти правы, но вся бѣда въ томъ, что руководили возставшими — міровые капиталисты, которые хотѣли обѣщаніями демократическихъ свободъ заставить трудящихся вырвать власть изъ рукъ коммунистической партіи, той партіи, которая только и сможетъ дать и когда нибудь дастъ счастье всему пролетаріату всего міра.

Калининъ тягуче-медленно, съ трудомъ нащупывая мысль, простымъ фабричнымъ говоромъ касался міровыхъ вопросовъ и плелъ до одури всякую чушь...

«Насъ влекетъ сила къ міровой революціи... До насъ доходитъ вопль нашихъ западныхъ братьевъ, рабочихъ и крестьянъ... Мы не могимъ имъ не помочь... И поэтому да здравствуетъ непобѣдимая Красная Армія!».

Но по сценѣ ходилъ рабочій, говорилъ по рабочему, ругалъ большевиковъ, какъ администраторовъ на мѣстахъ, но восхвалялъ партію, какъ авангардъ міровой революціи... И масса слушала внимательно и напряженно.

А старикъ пускалъ чувствительную слезу:

«Да какъ же вы, товарищи, хотите отъ насъ всего того, что было до революціи. Намъ, товарищи, не даютъ спокойно работать!.. Насъ заставляютъ увсе время воивать!.. На насъ міровая буржуазія натравляетъ разныхъ генераловъ, и мы должны все время съ винтовкой въ рукѣ защищать красную Рассію отъ нашествія бѣлыхъ генераловъ, а съ ними и міровыхъ хищниковъ — поработителей пролетаріата!.. Мы, товарищи, все время воюемъ и нѣтъ у насъ свободныхъ силъ для борьбы и на фронтѣ съ врагами и въ странѣ съ разрухой...»

И сошедшаго со сцены старика рабочіе проводили долгими криками восторга до самой поджидавшей его у театра кареты.

* * *

Пришли весенніе теплые дни...

Кругомъ шла суета по борьбѣ съ хозяйственной разрухой...

Исчезнувшій холодъ оставилъ прежній, но еще болѣе усилившійся голодъ... Изъ квартиръ на толкучій рынокъ выносились послѣднія рубахи, а кругомъ носились автомобили, возившіе спасителей Красной Россіи, возстановителей разрушенной хозяйственности.

Увлекательной сказкой ничегонедѣланія вскружила головы рабочимъ нашумѣвшая электрофикація...

Въ городѣ создалось огромное учрежденіе, которое должно было электрофицировать Днѣпровскіе пороги; установить на порогахъ колоссальной силы динамо-машины и посмѣяться надъ жалкимъ старикомъ Донбассомъ, снабжая всѣ заводы, фабрики и электрическія станціи бѣлымъ углемъ, который вотъ... вотъ будетъ извлеченъ изъ стихійной силы Днѣпровскихъ пороговъ.

А въ городѣ не было не только большой силы динамо-машинъ, но и простого штепселя для настольной лампы, и учрежденіе электрофикаціи разослало по всей Россіи агентовъ для розыска и покупки или реквизиціи динамо-машинъ, моторовъ, шнура, кабеля, лампочекъ и штепселей.

Учрежденію по электрофикаціи было предоставлено право закупки матеріаловъ у частныхъ лицъ по рыночнымъ цѣнамъ и по соглашенію, и изъ заводовъ рабочіе стали выносить электрическіе моторы, установки, рубильники, вынося по частямъ

цѣлыя установки большихъ заводскихъ электрическихъ станцій, которыя тутъ же черезъ ловкихъ посредниковъ продавались учрежденію за баснословные милліоны. Хищническіе пріемы и дерзкія кражи заводского имущества обратили на себя вниманіе Исполкома, и нѣсколько рабочихъ были поставлены къ стѣнкѣ...

Кражи прекратились, но среди рабочихъ пошло броженіе, и все чаще стали повторяться нападки на спеціально большевиками на заводы поставленную промышленную милицію.

Прекратились хищенія, и снова пришелъ голодъ... Продовольственные органы обмѣнивали синія карточки на бѣлыя, красныя на голубыя, а хлѣба такъ и не давали, и холера теплыми лѣтними днями увѣренно заняла мѣсто уставшаго тифа.

Истощенные недоѣданіемъ организмы, жадно поглощавшіе всякую зелень, покорно отдавались холернымъ вибріонамъ, и большевики выбросили новый фронтъ — борьбы съ холерой...

Повторилась исторія тифознаго фронта...

Утромъ на улицѣ о чемъ то пошутилъ съ встрѣчнымъ знакомымъ, а вечеромъ съ ревомъ врывается жена умершаго знакомаго... А къ утру другого дня Домкомъ умоляетъ Губздравъ дать нарядъ на тачку, чтобы вывезти изъ квартиры умершихъ отъ холеры супруговъ...

Устроенные для холерныхъ больныхъ бараки не имѣли ни горячей воды, ни лѣкарствъ, ни коекъ, а больные свозились туда только для того, чтобы меньше выдѣлить изъ себя холерной заразы въ городѣ и околѣть на голомъ соломенномъ матрацѣ, а то и просто на землѣ...

Узнавъ прелести этихъ бараковъ, близкіе заболѣвшихъ холерой скрывали своихъ больныхъ отъ сосѣдей... отъ врачей...отъ милиціи, опасаясь насильственнаго увоза обреченнаго. И только, когда за первымъ въ семьѣ сваливался въ судорогахъ и другой — начиналась бѣготня въ Губздравъ... въ милицію... въ санитарные участки, амбулаторіи съ мольбами забрать трупъ окоченѣвшаго и корчащагося въ судорогахъ другого... Никто не приходилъ, и здоровые люди въ смертельномъ ужасѣ бросали и трупъ, и умирающаго, и убѣгали къ знакомымъ, оставляя квартиру на произволъ судьбы...

На окраинахъ и въ рабочихъ раіонахъ холера справляла сытую тризну, и затаенный шопотъ о карѣ Божьей, о проклятьи Господнемъ сталъ глубоко проникать въ разслабленные умы голодныхъ, измученныхъ и истощенныхъ людей...

Въ хижинѣ одного холернаго проявилась икона. Холерный въ мученическихъ судорогахъ умеръ, но въ маленькую хижину желѣзнодорожнаго стрѣлочника устремились сотни бабъ, имѣвшихъ дома корчившихся отъ холеры мужей, сыновей и дочерей.

Обновилась икона и въ домѣ заводскаго слесаря, и жена его, уже почти холодная и скрюченная холерными судорогами, взглянувъ на обновленную икону, черезъ нѣсколько часовъ выздоровѣла и разсказывала тысячной толпѣ о чудѣ, сотворенномъ иконой Богородицы...

Легенды пошли и объ обновившихся иконахъ въ селахъ и деревняхъ, и партійный комитетъ, увидѣвъ наростающее стихійнымъ темпомъ религіозно фанатическое движеніе, рѣшилъ вмѣшаться въ эти божескія чудеса и для большей вѣрности въ работѣ привлекъ лучшихъ агентовъ Чека.

Всѣ квартиры, въ которыхъ иконы обновились, были опечатаны и къ дверямъ и иконамъ были поставлены вооруженные коммунисты.

Когда уже во время работы комиссіи изъ партійнаго комитета и агентовъ Чека — обновилась еще одна икона гдѣ то на окраинѣ, масса стала ежевечерно наполнять церкви, требуя отъ священниковъ служенія молебновъ о поддержаніи силы Божескихъ чудесъ на землѣ.

Большевики нисколько не препятствовали народу въ церквахъ выявлять свои религіозныя чувства, но въ свою комиссію по обслѣдованію обновленій пригласили двухъ популярныхъ въ городѣ инженеровъ, одного священника и двухъ рабочихъ.

Объявивъ въ газетѣ о сформированіи такой комиссіи, большевики съ удивительнымъ въ этомъ случаѣ тактомъ приступили къ работѣ, публикуя ежедневно въ газетѣ результаты обслѣдованій, въ видѣ подробныхъ протоколовъ, за подписью всѣхъ членовъ комиссіи.

Комиссія установила во всѣхъ случаяхъ обновленія грубую подрисовку иконъ съ подкладываніемъ по бокамъ рамокъ фольги, отъ чего ликъ какъ бы дѣйствительно прояснялся.

И тогда была открыто пущена въ ходъ Чека съ приказомъ во что бы то ни стало раскрыть исторію этихъ обновленій, такъ какъ комиссія установила, что всѣ обновленія въ городѣ и въ ближайшихъ къ городу деревняхъ были сфабрикованы изъ одного и того же матеріала и какъ бы чуть ли не одной и той же рукой.

И черезъ нѣсколько дней изъ какого то глухого села чекисты приволокли въ городъ связанныхъ веревками сельскаго батюшку, какого то бывшаго иконописца и одного неизвѣстнаго, который упорно отказывался назвать себя.

Всѣ трое упорно не сознавались въ приписанномъ имъ преступленіи, и хотя Чека объявила о найденныхъ у задержанныхъ лицъ остаткахъ фольги и золотистыхъ красокъ, но и священникъ, и иконописецъ, и оставшійся неизвѣстнымъ, падая подъ гулкими выстрѣлами чекистскаго нагана, унесли съ собой жуткую тайну, еще болѣе страшную въ дни слабаго, судорожнаго трепетанія придавленной и запуганной человѣческой мысли...

* * *

Тѣ тайные склады, изъ которыхъ Исполкомъ, черезъ продовольственные органы, въ самыя критическія и опасныя для власти минуты извлекалъ кое какіе продукты, скупо подбрасываемые найболѣе опаснымъ рабочимъ, оппозиціоннымъ группировкамъ, въ концѣ концовъ изсякли.

На сотни тысячъ, вырученныя желѣзнодорожниками за проданную мануфактуру, они полуголодно кормились нѣсколько дней, и когда голодъ опять ударилъ въ головы и подкашивая ноги спазматически и судорожно сжималъ желудокъ — новое, глухое рокотаніе выползало изъ мрачныхъ желѣзнодорожныхъ цеховъ, проникая въ заводы, на улицу, въ учрежденія и въ пѣхотныя части войскъ.

«Хлѣба! .. Дѣтямъ хоть каплю молока!..» жалобнымъ стономъ неслись глухія мольбы истощенныхъ и на половину голыхъ, кое какъ въ тряпье укрывшихся, женщинъ — женъ рабочихъ и матерей, и припухавшихъ отъ голода дѣтей.

«Хлѣба!.. Только... одного только хлѣба...» тономъ безнадежной покорности просили рабочіе у пріѣзжавшихъ въ мастерскія успокаивать ихъ коммунистовъ.

Хлѣба не давали, а по городу носились автомобили, въ которыхъ важно разваливались сытые и довольные верхи совѣтской власти.

И часовъ около трехъ, перваго іюня, тревожно загудѣлъ гудокъ желѣзнодорожныхъ мастерскихъ.

Словно вспуганные звѣри дикимъ ревомъ заговорили всѣ стоявшіе подъ паромъ паровозы; отозвались пугающими гудками мрачныя громады заводовъ и нервнымъ переливчатымъ стономъ влились крики еле державшихся на Днѣпрѣ судовъ краснаго Днѣпровскаго флота.

Огромныя толпы измученныхъ желѣзнодорожниковъ направились къ Управленію дороги.

Сквозь гулъ грозной тысячной толпы и кошмарный ревъ гудковъ ярко выдѣлялось слово «хлѣба!» Голодные, придавленные и обезсиленные рабочіе оставили мастерскія и умоляюще кричали «хлѣба!», стоя подъ окнами Управленія.

Работа на дорогѣ остановилась.

По прямому проводу предсѣдатель Исполкома, тов. Клименко, снесся съ Харьковомъ и оттуда получилъ отвѣтъ:

«Это похоже на Кронштадтъ... Возстаніе подавить безъ пощады... Использовать конницу Буденнаго...»

Бывшій въ то время въ штабѣ Буденнаго тов. Ворошиловъ пытался успокоить рабочихъ, но въ отвѣтъ посыпались камни... Начальникъ желѣзнодорожной милиціи, вынувшій почему то изъ кобуры револьверъ, былъ настигнутъ погнавшимися за нимъ рабочими и выброшенъ изъ окна четвертаго этажа. Появившихся въ толпѣ желѣзнодорожныхъ чекистовъ рабочіе повалили на землю и по головѣ били ихъ стаместками и долотами, растаптывая тѣла до безформенной массы крови, тряпокъ и костей.

Къ желѣзнодорожникамъ стали подходить кучки городскихъ рабочихъ.

Раздавались крики: «долой мучителей!.. долой тирановъ!.. Смерть захватчикамъ!..»

Положеніе для большевиковъ создавалось опасное.

Пытавшійся выступить предъ рабочими съ рѣчью тов. Клименко получилъ сильный ударъ камнемъ въ грудь...

Казаки Буденнаго не сразу согласились двинуться на обезумѣвшихъ отъ голода рабочихъ.

Толпа росла.

Тогда предсѣдатель Губернской Чеки, тов. Трепаловъ, ввелъ въ дѣло свой конный отрядъ особаго назначенія и весь наличный штатъ чекистовъ.

Когда къ вечеру усталые рабочіе разбрелись по домамъ, чтобы съ утра снова открыто стать противъ красныхъ тирановъ, — ночью по всему рабочему району, на окраинахъ и поселкахъ разсыпались конные и пѣшіе чекисты, и къ утру, вмѣсто новаго организованнаго выступленія, въ подвалахъ Чека толпилось около двухсотъ рабочихъ.

Къ вечеру второго дня состоялся судъ надъ «мятежниками», и пятьдесятъ одинъ рабочій были приговорены къ немедленному разстрѣлу.

Остальныхъ рабочихъ потребовала для расправы Всеукраинская Чека въ Харьковѣ.

Ночью второго іюня осужденные на двухъ грузовикахъ были доставлены къ крутому берегу Днѣпра и за ихъ спинами былъ поставленъ пулеметъ.

Какъ подкошенные, падали разстрѣленные рабочіе въ воду... Трупы относило теченіемъ... Нѣкоторые трупы оставались тутъ же на берегу...

А утромъ третьяго іюня къ берегу Днѣпра никого не допускали, и о судьбѣ арестованныхъ никто ничего не зналъ.

Но спустя день, два, вода стала выбрасывать трупы на берегъ.

Расправа пролетарской власти надъ рабочими открылась.

И по Днѣпру тихо и медленно стали плавать лодки съ женщинами и мальчиками-подростками... Длинными шестами прощупывали они дно Днѣпра и отъ времени до времени вытаскивали трупъ, который сейчасъ же снова отталкивали въ воду...

Оказался не свой... чужой... Еще вытащенный трупъ и пронзительный, дикій крикъ... Свой!.. Мужъ!.. Отецъ!.. Братъ!.. Свой!..

Припухшій, со слѣдами крови на грузномъ рабочемъ платьѣ — трупъ отца, мужа, брата, сына...

Нѣсколько «своихъ» труповъ удалось найти.

Большевики растерянно и испуганно запретили эти розыски.

И долго потомъ, нѣсколько недѣль подрядъ, мутныя волны Днѣпра выбрасывали на берегъ трупы рабочихъ, но уже распухшіе, безформенные, неузнаваемые...

Эти трупы на берегу грызли собаки...

«Возстаніе», или, какъ говорили мѣстные большевики, «маленькій Кронштадтъ» былъ подавленъ, и первое іюня кровавой страницей вошло въ исторію пролетарской революціи Екатеринославскихъ рабочихъ.

Надо было какъ нибудь сгладить затихшее, но ушедшее въ глубину движеніе, и большевики пустили рядъ конференцій, митинговъ и докладовъ.

И первымъ боевымъ докладомъ было выступленіе Ворошилова... Съ какимъ

то сладкимъ упоеніемъ разсказывалъ Ворошиловъ о томъ, какъ ворвавшіеся въ Кронштадтъ красные курсанты рѣзали мужское населеніе города, стремясь съ корнемъ вырвать идею сверженія совѣтской власти...

Много досталось на докладѣ П. Н. Милюкову, статьи котораго Ворошиловъ цитировалъ по старымъ номерамъ «Послѣднихъ Новостей».

«Эта старая, буржуазная, контръ-революціонная крыса, эта старая дипломатическая обезьяна, послѣ перваго же выстрѣла возставшаго Кронштадта, — стала упаковывать чемоданы, собираясь на пару дней въ Кронштадтъ, а тамъ и въ Петербургъ!..» — заключалъ Ворошиловъ, читая выдержки изъ статей П. Н. Милюкова...

«Какъ разъ къ моменту полученія свѣдѣній о возстаніи, въ Кремлѣ, шло ночное совѣщаніе бюро коммунистическаго интернаціонала. И какъ только было оглашено сообщеніе о мятежѣ, — докладывалъ на митингѣ Ворошиловъ, всѣ товарищи до одного встали, вооружились винтовками и экстреннымъ поѣздомъ выѣхали въ Петербургъ, сразу же влившись въ ряды наступавшихъ войскъ.»

«Когда наши красноармейцы, разсказывалъ Ворошиловъ, увидали плечомъ къ плечу, рядомъ съ собой, своихъ вождей, такъ же храбро и самоотверженно двигавшихся подъ страшнымъ огнемъ фортовыхъ орудій возставшихъ, какъ и цѣпи красныхъ курсантовъ, ихъ воинственный подъемъ возросъ въ сотни разъ, и неприступныя твердыни Кронштадта пали... Шедшій рядомъ со мной мой адъютантъ, продолжалъ Ворошиловъ, получивъ на вылетъ пулю въ шею, шелъ въ цѣпи до тѣхъ поръ, пока не свалился на ледъ отъ сильной потери крови...»

И изъ всего доклада Ворошилова за пустыми и яркими фразами о стоголовой гидрѣ контръ-революціи, міровыхъ хищникахъ и о всесвѣтно возстающемъ пролетаріатѣ, совершенно открыто и очевидно выдѣлялось то, что въ Кронштадтѣ были разстрѣляны тысячи рабочихъ и крестьянъ, въ отчаяньи рванувшихъ на себѣ цѣпи тяжелаго рабства...

«Когда было что жрать, говорилъ послѣ Ворошилова выступившій «со словомъ» Буденный, я самъ говорилъ моимъ казакамъ: ты, Федосій, съѣдаешь въ день два фунта сала, на!.. Получай три!.. ты, Егоръ, лопаешь сразу по три фунта пшеничнаго хлѣба, на!.. лопай пять!.. Но за то теперь, когда хлѣба и сала нема, такъ и ты, Федосій, и ты, Егоръ, — ни гу-гу!.. и ни звука... Значитъ нѣту!.. И разговоровъ никакихъ, и всякія тамъ антимоніи къ чорту!..»

И сѣлъ, но вдругъ, какъ бы вспомнивъ что-то, вскочилъ и сказалъ:

«Да!.. И вотъ что!.. Тутъ вы, товарищи, давеча антимонію завели... Такъ вы больше того!.. теперь поосторожнѣй!.. А то мои полки готовы!.. И расправа будетъ коротка...»

На этомъ митингѣ были допущены пренія, и самъ Ворошиловъ, клянясь коммуной, заявилъ, что на этомъ митингѣ всякій можетъ совершенно открыто высказать все, что у него на умѣ, и какія бы то ни были высказаны контръ-революціонныя мысли, онъ, Ворошиловъ, гарантируетъ оппоненту полную безнаказанность...

На сцену вышелъ меньшевикъ Гурвичъ, находящійся въ послѣднемъ градусѣ чахотки.

«Позвольте мнѣ, началъ маленькій, сухой и сгорбленный чахоточный, напомнить товарищу Ворошилову, что ровно пятнадцать лѣтъ тому назадъ, мы вмѣстѣ съ нимъ сидѣли за одной рѣшеткой въ Луганской тюрьмѣ за организацію рабочей сходки и массовки на паровозостроительномъ заводѣ Гартмана... Это напоминаніе я дѣлаю потому, что сейчасъ товарищъ Ворошиловъ стоитъ рядомъ со мной въ чинѣ краснаго генерала, а я по прежнему остался революціонеромъ, который и теперь, имѣя у власти своего же Ворошилова, произноситъ сейчасъ эти слова, опасаясь на ночь попасть въ «подвалъ»... Но, продолжалъ возбужденный Гурвичъ, сейчасъ я отъ Чеки защищенъ клятвой самого Ворошилова, который въ душѣ самъ то не увѣренъ, что по выходѣ изъ этого помѣщенія меня все таки не схватятъ мальчики Дзержинскаго... Я, главнымъ образомъ, еще и для того напомнилъ здѣсь о товарищеской тюремной съ Ворошиловымъ рѣшеткѣ, чтобы послѣ моей рѣчи и во время рѣчи

никто не сталъ бы упрекать меня въ буржуазности, контръ-революціонности и пособничествѣ міровымъ хищникамъ въ порабощеніи пролетарскихъ массъ... Я, какъ вы видите, съ трудомъ говорю, обливаюсь крупными каплями пота и, можетъ быть, сегодня-завтра лопнетъ послѣдній клапанъ моихъ легкихъ... И потому, зажигался Гурвичъ, я въ этомъ случаѣ высказалъ все, что накопилось у меня на душѣ и высказалъ это все и предъ двумя генералами отъ революціи Ворошиловымъ и Буденнымъ и предъ Вами, дорогіе товарищи, я вижу чудо, дающее мнѣ, можетъ быть, предъ завтрашней смертью сказать нашимъ генераламъ слово истиннаго пролетарія и истиннаго революціонера...»

«Итакъ, товарищи, я приступаю къ моей рѣчи.»

И набравъ въ дырявыя легкія воздуху, Гурвичъ громкимъ голосомъ, съ медленной разстановкой, прокричалъ: «Совѣтская власть, дѣйствующая именемъ русскихъ рабочихъ и крстьянъ, является самымъ безпощаднымъ и жестокимъ истребителемъ рабочихъ и крестьянъ, какимъ не былъ Императоръ Николай Второй!! Совѣтская власть, въ крови, мукахъ и стонахъ...» хотѣлъ дальше говорить Гурвичъ, но въ аудиторіи, разсыпанные въ ложахъ и на верхнихъ ярусахъ мальчики Дзержинскаго подняли невообразимый шумъ, свистъ и крики «долой!», и слова Гурвича потонули въ поднявшемся хаосѣ...

Рабочіе вскочили съ мѣстъ, и ихъ крики «просимъ! просимъ!.. долой палачей!..» слились въ одинъ общій страшный шумъ...

Ворошиловъ стоялъ спокойно на сценѣ и улыбался.

На этотъ митингъ были командированы сотрудники всѣхъ Чека, и городской, и желѣзнодорожной, и районно-транспортной. Молодчики эти, оставивъ дома галифе и кубанки и спрятавъ револьверы въ карманы, разсѣлись въ театрѣ и имѣли заданіе помнить лица всѣхъ тѣхъ, которые пойдутъ на умышленно заброшенную Ворошиловымъ удочку. И торжественное обѣщаніе Ворошилова было только однимъ изъ пріемовъ Чеки съ цѣлю выявить копошащіяся въ рабочей и полу-интеллигентской массѣ сознательныя, противо-большевистскія единицы.

Но сами же чекисты, пытаясь просимулировать возмущеніе рабочихъ рѣчью Гурвича, хватили черезъ край и оказались въ положеніи мальчишки-вора, убѣгающаго отъ городового и кричащаго «ловите вора!»

Схватку успокоить не удалось, и сами же чекисты сорвали такъ удачно начатую Ворошиловымъ охоту на тайныхъ враговъ рабоче-крестьянской власти.

Искры такъ ярко вспыхнувшаго кронштадскаго пожара разнеслись по всей Россіи, и идеи, брошенныя кронштадтцами, чаще и чаще обсуждались рабочими.

Большевики двинули тяжелую артиллерію, и на Украину поѣхали Раковскій, Бухаринъ и Фрунзе съ опредѣленной программой окончательно загасить кронштадскія искры и увѣрить ожесточающихся въ безвыходности рабочихъ въ томъ, что вотъ!.. вотъ!.. еще немного терпѣнія и будетъ хорошо... сытно и надъ Совѣтской Республикой счастливо засіяетъ коммунистическая звѣзда.

* * *

Когда въ «Извѣстіяхъ», къ тому времени переименованныхъ «Къ труду», появилось сообщеніе о предстоящихъ докладахъ Раковскаго, Бухарина, Фрунзе, все въ городѣ зашевелилось. Коммунисты ждали какихъ то особыхъ ново-открытій изъ устъ своихъ вождей; начавшіе опредѣленно организовываться меньшевики, спасшіеся отъ ареста, готовили своихъ ораторовъ къ открытымъ выступленіямъ предъ культурнымъ Раковскимъ и «умницей» Бухаринымъ, а широкая, густая, безпартійная масса втихомолку высказывала предположенія, сводившіяся къ тому, что больно часто что то стали наѣзжать главари — нѣтъ ли какой либо новой внѣшней опасности для власти красныхъ...

Въ большомъ зимнемъ театрѣ на семь часовъ вечера по совѣтскому времени, а по солнечному только въ четыре часа дня, было назначено объединенное засѣданіе

всѣхъ профессіональныхъ организацій, Губернскаго Исполкома и Губернскаго Партійнаго комитета для заслушанія докладовъ тов. Раковскаго о внутреннемъ положеніи совѣтскихъ республикъ, тов. Бухарина о международномъ положеніи республикъ, и тов. Фрунзе о военномъ положеніи республикъ и о состояніи Красной Арміи.

Въ пять часовъ вечера залъ, сцена, всѣ ложи и фойэ были переполнены коммунистами, чекистами, рабочими, совѣтскими служащими, членами совѣта рабочихъ, крестьянскихъ и красно-армейскихъ депутатовъ, меньшевиками, робко прятавшимися въ темныхъ углахъ коридоровъ.

На сценѣ въ полномъ составѣ расположилась высшая губернская власть въ лицѣ президіума Губернскаго Исполкома и Бюро Губернскаго Партійнаго Комитета; часамъ къ шести на сценѣ появились тов. Ворошиловъ съ двумя элегантными молодыми адъютантами изъ бывшихъ лучшихъ кавалерійскихъ полковъ и тов. Буденный, командующій I-ой Красной конной арміей...

По залу пронеслись слухи, что съ поѣздомъ Раковскаго случилось какое то несчастье... Слухи эти были не безъ основанія, такъ какъ въ это время отдѣльныя части Буденновской конницы бродили по раіону линій Екатеринославъ-Павлоградъ-Александровскъ-Лозовая и шомполами и разстрѣлами выжимали у крестьянъ продовольственный налогъ, что вызвало новыя выступленія разрозненныхъ махновскихъ шаекъ, часто совершавшихъ исключительные по смѣлости налеты на проходившіе въ этомъ раіонѣ поѣзда.

Только по какой то особой случайности поѣздъ Калинина проскочилъ этотъ раіонъ и все же въ вагонахъ поѣзда оказалось много выбитыхъ пулями стеколъ.

Общая взвинченность, подозрительность и напуганность усилились въ сотни разъ и дошли до какого то психоза, когда и въ восемь часовъ, и въ девять часовъ, и въ десять часовъ вечера вождей еще не было среди напряженно ожидавшей ихъ массы...

Снестись съ ближайшими станціями не было тогда возможности... Махновцы каждую ночь рвали провода, и только въ рѣдкихъ случаяхъ удавалось сноситься съ Синельниково по прямому проводу.

Были высланы на вокзалъ, кромѣ ожидавшихъ тамъ делегатовъ для встрѣчи, особые курьеры, имѣвшіе заданіе, какъ только вожди пріѣдутъ, сейчасъ же дать знать въ театръ...

Напряженность и вѣроятность какого либо нападенія или крушенія создали полную увѣренность въ томъ, что съ поѣздомъ Раковскаго что-то случилось. Шнырявшіе съ залу чекисты злобно сверкали глазами.

Но въ началѣ одиннадцатаго ночи, возбужденные и запыхавшіеся курьеры вбѣжали въ театръ и, пробираясь сквозь густую толпу къ сценѣ, радостно кричали:

«Пріѣхали!.. Пріѣхали!..»

Минутъ черезъ двадцать, — болѣе получаса театръ положительно дрожалъ отъ рукоплесканій, энтуазіастическихъ выкриковъ тысячной толпы, привѣтствовавшей появившихся на сценѣ Раковскаго, Бухарина и Фрунзе.

«Да здравствуетъ герой Крыма, товарищъ Фрунзе!!» раздается по залу театра, и новый взрывъ рукоплесканій и восторженныхъ криковъ...

«Да здравствуетъ герой «Потемкина», вождь красной Украины, товарищъ Раковскій!!»

И снова громы апплодисментовъ и гулъ, и ревъ тысячной толпы...

Восторженность улеглась, и предсѣдатель Губернскаго Исполкома, тов. Клименко, объявилъ, что слово для доклада по внутреннему положенію республикъ предоставляется предсѣдателю совѣта народныхъ комиссаровъ Украины, тов. Раковскому.

И раздался повторный ревъ наэлектризованнаго зала...

Въ черныхъ галифэ и въ такомъ же френчѣ, гладко выбритый, очень похожій на кинематографическаго актера, Раковскій быстрыми шагами приблизился къ рампѣ и уже на ходу началъ:

«Отъ имени Совѣта Народныхъ Комиссаровъ Украины привѣтствую васъ!..»

Фраза была произнесена фальцетомъ, сразу показавъ, что говоритъ иностранецъ, блестяще владѣющій русскимъ языкомъ...

Опозданіе поѣзда Раковскій объяснилъ тѣмъ, что, когда они подъѣхали къ Павлограду, казаки Буденнаго пригнали на станцію триста пойманныхъ повстанцевъ и что ему вмѣстѣ съ Бухаринымъ пришлось тутъ же произвести судъ и расправу надъ возставшими сынками крестьянскихъ кулаковъ...

Говорилъ Раковскій быстро, спѣша за мыслью, и рѣдко запинался, подыскивая иногда какое нибудь нужное, болѣе ярко оттѣняющее мысль, слово.

Всѣ кошмары совѣтской жизни Раковскій взваливалъ на гражданъ совѣтскихъ республикъ. Не выдѣляя ни саботажниковъ, ни спецовъ, ни бѣлыхъ, ни красныхъ, Раковскій доказывалъ, что все несчастіе въ томъ, что граждане республикъ почему то прониклись мыслью, что Совѣтская власть должна ихъ содержать и снабжать ихъ всѣмъ тѣмъ, что нужно человѣку для нормальной жизни и работы. Чуть коснувшись безпартійной массы, Раковскій всѣми стрѣлами своей пылкой рѣчи обрушился на тѣхъ коммунистовъ, которые, занявъ какой либо отвѣтственный постъ, сразу усваиваютъ себѣ всѣ отрицательныя стороны и замашки былыхъ царскихъ чиновниковъ, въ то же время не обладая ни опытомъ, ни знаніемъ, ни работоспособностью послѣднихъ...

«У насъ нѣтъ людей!.. У насъ нѣтъ товарищей, которые помогли бы намъ, стоящимъ на вершинѣ власти, вести жизнь республикъ такъ, какъ этого требуютъ условія момента, условія жизни... Воры, карьеристы, жулики, своевременно обезпечившіеся партійнымъ билетомъ, засоряютъ нашъ слабый, разстроенный государственный аппаратъ, и только самая безпощадная и жестокая борьба съ нашими такими же товарищами-коммунистами поможетъ намъ поставить внутреннюю жизнь республикъ такъ, какъ этого требуютъ ученія нашихъ великихъ людей!»

Рѣчь, касавшаяся отчасти и петлюровско-махновскаго настроенія украинскаго крестьянства, была въ дѣйствительности горячей агитаціей къ открывшейся тогда кампаніи по чисткѣ коммунистической партіи.

Пѣвуче, чистымъ говоромъ москвича, началъ свой докладъ Бухаринъ... Небольшого роста, на короткихъ и кривыхъ ногахъ, съ большой лысѣющей головой на тонкой шеѣ, въ несвѣжемъ стареинькомъ пиджакѣ, Бухаринъ напоминалъ собою типъ ябедника-чиновника, сидящаго въ какихъ то далекихъ углахъ желѣзнодорожныхъ управленій...

Говорилъ онъ ровно, спокойно, безъ горячности Раковскаго, а мягко, съ лукавой усмѣшкой язвилъ буржуазныя государства и капиталистическихъ правителей. По докладу Бухарина и, какъ онъ въ концѣ доклада и самъ сказалъ, весь міръ со всѣми его геніальными Ллойдъ-Джоржами и Вильсонами представляетъ собой одинъ огромный страшный сумасшедшій домъ, и среди всего этого міра сумасшедшихъ здоровымъ ядромъ является одна только Россійская коммунистическая Партія — Р. К. П. —

Въ эту минуту, когда Бухаринъ сталъ развивать высказанную имъ мысль, мнѣ вспомнился обычный типъ сумасшедшаго, убѣжденнаго въ томъ, что всѣ вокругъ него съ ума сошли, а только онъ одинъ обладаетъ здравымъ смысломъ и потому его то сумасшедшіе и заперли въ душную палату.

«Сижу я частенько въ кабинетѣ Чичерина... Пугнемъ, говорю, Францію... Пусти-ка по прямому ноту въ Варшаву!.. И Чичеринъ пугаетъ... Мы-то съ Чичеринымъ хохочемъ, а изъ Варшавы, устами французскихъ имперіалистовъ летитъ къ намъ по радіо встревоженный и серьезный отвѣтъ... Мы, значитъ, въ шутку, а они въ серьезъ!.. Мы для забавы, а они за головы хватаются, и пупы у нихъ дрожатъ!.. А что нашъ Красинъ въ Лондонѣ выдѣлываетъ! — заливался Бухаринъ — Чудеса да и только!.. Англичане и во снѣ видятъ наши лѣса, нашу нефть, нашу руду и нашъ Уралъ... Международные политики, товарищи, — перешелъ на серьезный тонъ Бухаринъ, — въ годы большого историческаго сдвига, продѣланнаго Россійской

Коммунистической Партіей, оказались неподготовленными къ тѣмъ формамъ дипломатіи, которыя выдвинулъ нашъ Ильичъ и которыя такъ исчерпывающе полно и тонко схватилъ и понялъ нашъ Чичеринъ, хотя тоже старый царскій дипломатъ... Вся ошибка и самое страшное для міровыхъ дипломатовъ это то, что мы говоримъ опредѣленнымъ языкомъ, и слово «да» на языкѣ нашей коммунистической дипломатіи означаетъ исключительно положительную сторону дѣла, т. е. чистое, утверждающее событіе «да»; они же, выжившіе изъ ума міровые дипломаты, въ нашемъ открытомъ «да» ищутъ какихъ то несуществующихъ въ немъ оттѣнковъ уклончивости, отрицанія, и до глупаго, до смѣшного бродятъ межъ трехъ сосенъ... Вся, товарищи, суть дипломатіи заключается въ томъ, что кто кого околпачитъ!.. Сейчасъ, товарищи, мы колпачимъ!.. Можетъ быть, настанетъ часъ, когда и насъ будутъ колпачить, но сейчасъ, товарищи, повторяю, мы колпачимъ всю Европу!.. весь міръ!.. и на сѣдой головѣ Ллойдъ-Джоржа красуется невидимый для міра, но видимый намъ, большой остроконечный колпакъ, возложенный нашими славными товарищами, Красинымъ, Литвиновымъ и Чичеринымъ...»

Въ докладѣ Бухаринъ смѣялся надъ заключеннымъ съ Англіей торговымъ договоромъ и, коснувшись коммунистическихъ теченій милліоновъ мірового пролетаріата, набросалъ такую яркую, живую картину, что казалось, что завтра, послѣ завтра, не успѣетъ доѣхать Бухаринъ до Харькова, какъ въ Лондонѣ, Нью-Іоркѣ, Парижѣ и Берлинѣ прочно укрѣпится совѣтская власть съ серпомъ и молотомъ подъ красной пятиконечной звѣздой...

Много досталось отъ язвительнаго остроумія Бухарина образовавшимся на окраинахъ Россіи буржуазнымъ государствамъ...

«Это, товарищи, не государства, а мелкая размѣнная монета, выпущенная міровыми хищниками для удобства разсчета въ могущихъ создаться осложненіяхъ въ буржуазномъ лагерѣ крупныхъ государствъ».

«Вамъ, товарищи, не нужно сейчасъ думать о томъ, почему центромъ Красной Украины является не Кіевъ, а Харьковъ, и пусть многіе изъ васъ не скорбятъ о томъ, что нѣтъ одной Красной Москвы, безъ красныхъ центровъ Харькова, Азербейджана, Минска и Ташкента, а думайте, товарищи, о томъ, что скоро и очень скоро выростетъ міровымъ колоссомъ одна интернаціональная коммунистическая власть трудящихся всего міра — Лондона, Парижа, Нью-Іорка, и Берлина — съ однимъ интернаціональнымъ краснымъ Центромъ — нашей русской коммунистической Москвой!!»

Скучнымъ, вялымъ тономъ армейскаго капитана, восхвалялъ силу и духъ Красной Арміи Фрунзе, и только къ разсвѣту торжественное засѣданіе было закончено общимъ пѣніемъ Интернаціонала...

Уѣхали вожди, направляясь вглубь Украины на Полтаву, Кіевъ, Кременчугъ, и тяжелые, давящіе будни тифа, голода и холеры быстро стушевали всѣ слова, фразы и обѣщанія сытыхъ и довольныхъ вождей...

Съ какимъ то сладостнымъ упоеньемъ присяжный повѣренный Я., зарабатывавшій въ дореволюціонное время до ста тысячъ въ годъ, разсказывалъ о томъ, какъ вчера прошло совѣщаніе юристовъ на квартирѣ предсѣдателя Ревтрибунала, коммуниста Обуховскаго...

«На столѣ полная коробка хорошихъ папиросъ... А во время засѣданія всѣмъ поднесли по стакану чая съ сахаромъ и лимономъ... А когда совѣщаніе окончилось, насъ пригласили въ столовую, гдѣ былъ накрытъ столъ... Ветчина, колбаса, сало, швейцарскій сыръ, и сколько угодно масла съ бѣлымъ хлѣбомъ... И чай съ сахаромъ...»

И у слушателей загорались глаза, и открытая зависть была къ этому человѣку, который вчера только пилъ настоящій чай съ сахаромъ и кушалъ масло, да еще на бѣломъ хлѣбѣ... А ветчина!.. Господи!.. да мы уже забыли, какого она вида!

А крупный промышленникъ, сидя на чемоданѣ въ маленькой, оставленной ему послѣ реквизиціи комнаткѣ, вслухъ мечталъ:

«Богъ съ нимъ... съ голодомъ!.. Но по чемъ у меня страшная тоска — это по письму съ почтовой маркой, печатью почты какого нибудь города... когда медленно разрѣзаешь конвертъ и читаешь письмо... Все равно отъ кого, но письмо... изъ другого города... отъ другихъ людей... И потомъ газета... Утромъ, за чаемъ, разворачиваешь листы свѣже отпечатанной и сильно пахнущей краской газеты... И пачкаетъ руки...»

* * *

Жили мы, какъ полудикіе люди на необитаемомъ островѣ... Продолжительное недоѣданіе и въ послѣдніе мѣсяцы опредѣленный, ничѣмъ не прикрытый голодъ вызывалъ въ мозгу бредовыя мысли о бѣгствѣ куда нибудь въ Европу... Америку... куда нибудь... лишь бы спасти себя и свою малую семью отъ приближавшагося призрака мучительной голодной смерти... Къ тифу, холерѣ и цынгѣ прибавилась какая то странная, врачами не раскрытая, болѣзнь, возникшая на почвѣ остраго недоѣданія... Сильныя головныя боли валили голоднаго съ ногъ, и послѣ нѣсколькихъ дней мучительной головной боли больного записывали въ очередь въ одну изъ братскихъ могилъ кладбища...

Такой исходъ болѣзни только радовалъ близкихъ, такъ какъ во многихъ случаяхъ головныя боли кончались полнымъ сумасшествіемъ больного, и на улицахъ города часто попадались люди, блаженно улыбавшіеся и мечтательно жевавшіе вѣтку акаціи или какую нибудь старую грязную тряпку.

Власть ушла отъ всякихъ заботъ о кормленіи населенія и, жестоко и отчаянно разстрѣливая крестьянъ, обстрѣливая деревни орудійнымъ огнемъ, а нерѣдко и сжигая деревни до основанія, выколачивала продовольственный налогъ для прокормленія чекистовъ, членовъ коммунистической партіи и арміи.

Преступленія и кражи во всѣхъ совѣтскихъ учрежденіяхъ развились до ужасовъ; поддѣлывали подписи комиссаровъ и, путемъ соглашенія съ кассирами банка или учрежденіями, получали изъ кассъ милліонныя суммы; поддѣлывали ордера и выдавали имущество въ видѣ мѣшковъ, мануфактуры, желѣза, гвоздей; крали изъ продовольственныхъ складовъ сахаръ, муку, соль...

Крали и сами комиссары-коммунисты, дѣлая видъ, что не замѣчаютъ творящейся въ ввѣренныхъ имъ учрежденіяхъ вакханаліи, и частенько стали прибѣгать къ помощи того или другого спеца для болѣе тонкаго и осторожнаго проведенія дѣла.

Всесильные главки устраивались проще. Завѣдывавшій Губернскимъ Земельнымъ отдѣломъ Шаляхинъ выписывалъ изъ своихъ складовъ Харитоненко, завѣдывавшему тогда отдѣломъ Соціальнаго обезпеченія, нѣсколько пудовъ картофеля, лукъ, сушеные фрукты и керосинъ, а тов. Харитоненко выписывалъ тов. Шаляхину ордеръ на полученіе изъ склада Соціальнаго Обезпеченія тридцати аршинъ лучшей мануфактуры, шести паръ бѣлья, дюжины катушекъ нитокъ... Завѣдывавшій Губернскимъ Отдѣломъ Здравоохраненія, врачъ, коммунистъ Козловскій, выписывалъ комиссару дороги усиленное питаніе, выдавая ему со складовъ по нѣсколько фунтовъ мяса, масла, десятка яицъ, какао, шеколадъ и бѣлую муку, а комиссаръ дороги присылалъ Козловскому домой десятки пудовъ дровъ и угля.

Продовольственныя учрежденія, получая что либо для населенія, первымъ дѣломъ снабжали своихъ сотрудниковъ пайкомъ и, проявляя въ этомъ случаѣ исключительную и небывалую въ совѣтскихъ учрежденіяхъ честность, выплачивали своимъ сотрудникамъ задолженные, ранѣе не выданные пайки...

«Мнѣ, товарищъ, еще за февраль!», кокетничая съ коммунистомъ, щебетала машинистка, дочь недавняго крупнаго буржуя.

И «товарищъ» выдавалъ паекъ и за февраль, хотя дѣло происходило въ маѣ или въ іюнѣ...

И въ такіе дни, въ часы послѣ занятій, можно было встрѣтить людей со счастливыми лицами тащившими на плечахъ или въ спеціально приспособленныхъ повозочкахъ мѣшки муки, кульки сахару, банки керосину, десятокъ селедокъ, нѣсколько

фунтовъ соли, свѣчей, десятокъ коробокъ спичекъ, а отвѣтственные «спецы» и товарищи-коммунисты для доставки своихъ пайковъ домой прибѣгали къ помощи лошадей...

Населеніе оставалось при карточкахъ, а чтобы было какое нибудь развлеченіе, продовольственныя организаціи объявляли бѣлыя карточки недѣйствительными, выдавая взамѣнъ бѣлыхъ — голубыя. Недѣлями стояли голодныя дѣти, женщины и старики въ очередяхъ по обмѣнѣ карточекъ только для того, чтобы черезъ мѣсяцъ подчиниться новому приказу и стать въ новую очередь по обмѣну голубыхъ карточекъ на бѣлыя...

Миръ съ Польшей былъ давно подписанъ, никакихъ внѣшнихъ фронтовъ не было, и только крестьянство на Украинѣ кровью комиссаровъ и коммунистовъ заливало свое стихійное негодованіе и возмущенье властью красныхъ.

Ленинъ бросилъ толпѣ своихъ полусумасшедшихъ и истеричныхъ коммунистовъ новый лозунгъ «товарообмѣнъ», и голодавшіе мелкіе коммунисты съ энтузіазмомъ бросились на постиженіе новаго ученія великаго Ильича.

Потомъ голодной массѣ коммунистовъ ловко подсунули принципіальныя разногласія по профессіональному вопросу между Ленинымъ и Троцкимъ, и новая волна горячихъ митинговъ, докладовъ и рефератовъ отвлекла больные умы коммунистовъ отъ самаго страшнаго и ничѣмъ не поправимаго голода.

Когда появились на заборахъ воззванія организовавшагося въ Москвѣ общественнаго комитета помощи голодающимъ — никто не сомнѣвался въ томъ, что эта новая ловушка еще сохранившихся въ Россіи общественныхъ силъ окончится печально для всѣхъ участниковъ комитета, взявшаго на себя непосильную работу по борьбѣ съ голодомъ...

Подписи подъ воззваніями графини Толстой, Кишкина, Прокоповича, Щепкина, и само воззваніе, составленное не въ такихъ грубыхъ тонахъ, какими дышалъ призывъ Брусиловской компаніи генераловъ, ни въ комъ не вызвало сомнѣній въ искренности благихъ, человѣческихъ стремленій общественниковъ, но творившаяся кругомъ совѣтская вакханалія, царившій произволъ и безпредѣльная разнузданность носителей власти на мѣстахъ, въ умахъ интеллигенціи съ первыхъ же дней вызывали досадливое недоумѣніе въ томъ смыслѣ, что этимъ людямъ долга, чести и ума не слѣдовало бы связаться съ большевиками, которые изъ фамилій носителей русской общественности создадутъ для всего какую нибудь новую обманную игру.

Въ успѣхъ дѣла, которому вызвался служить комитетъ, никто не вѣрилъ, такъ какъ была твердая убѣжденность въ томъ, что большевики созданіемъ этого преслѣдуютъ не цѣли борьбы съ голодомъ, а какія то особыя свои коммунистическія задачи.

И когда вскорѣ появились сообщенія о треніяхъ комитета съ большевиками, а потомъ объ разгонѣ и объ арестѣ нѣкоторыхъ членовъ комитета, многіе раздраженно говорили:

«Такъ имъ и надо! Пусть не играютъ въ общественность съ каторжанами, ворами и убійцами!..»

И память объ общественномъ комитетѣ канула въ вѣчность...

* * *

Въ мою личную жизнь, протекавшую такъ же голодно, холодно и напуганно, какъ и жизнь многихъ другихъ людей, оставшихся въ сторонѣ отъ «созидательной работы большевиковъ» и не пошедшихъ къ нимъ цѣликомъ душой и сердцемъ на работу, вошелъ такой случай.

Возможно, что если бы не этотъ случай, я бы голодалъ до тѣхъ поръ, пока не былъ бы отвезенъ въ какой нибудь холерный баракъ или прямо на кладбище... Но проснувшаяся воля толкнула меня на жизнь или на смерть... — «Все равно, думалъ

я, чѣмъ такъ существовать, лучше попытаться бѣжать, и во всякомъ случаѣ — хуже не будетъ... А если поймаютъ и разстрѣляютъ, то въ концѣ концовъ и лучше, чѣмъ такъ кошмарно тянуть дни, незамѣтно слагавшіеся въ годы!..»

Была объявлена мобилизація журналистовъ для посылки на газетную работу въ Ташкентъ и Самаркандъ...

Не знаю, имѣла ли эта мобилизація прямой цѣлью развитіе коммунистическаго печатнаго слова въ томъ краѣ или ея цѣлью было избавиться отъ бывшихъ журналистовъ, не пошедшихъ въ большевистскія газеты, но, во всякомъ случаѣ, мнѣ угрожала принудительная высылка въ далекій край, и отъ этой высылки надо было спастись во что бы то ни стало...

Помогъ одинъ ихъ друзей, оставшійся безпартійнымъ, но благодаря своей исключительной ловкости и приспособляемости сумѣвшій занять у большевиковъ постъ главноуполномоченнаго по распредѣленію металла на Дону, Кубани и Украинѣ...

Проданные остатки мебели, альбомы Художественнаго театра, цинковая ванна, желѣзная печка, бездѣлушки, статуэтки, — дали мнѣ сумму, достаточную для двухнедѣльнаго существованія.

Получивъ отъ главноуполномоченнаго колоссальный мандатъ разъѣздного представителя, мнѣ удалось на виду у всѣхъ шипѣвшихъ вокругъ меня красныхъ журналистовъ легально вырваться изъ города.

Простоявъ съ вечера до трехъ дня другого дня въ очереди за полученіемъ пропуска, я на слѣдующій день, на разсвѣтѣ, отправился на вокзалъ. На Харьковъ отправлялся одинъ поѣздъ въ недѣлю и не попасть въ этотъ поѣздъ — значило остаться въ городѣ еще на недѣлю, просрочить пропускъ и оказаться въ положеніи преступника, пойманнаго послѣ неудачной попытки къ побѣгу.

Вокзалъ съ утра былъ переполненъ людьми, стремившимися уѣхать... Всѣ имѣли какія то командировки, всѣ были снабжены особыми командировочными удостовѣреніями, и только часамъ къ двѣнадцати, когда составъ былъ поданъ, Чека приступила къ провѣркѣ документовъ вообще и, главнымъ образомъ, командировочныхъ.

Молча чекисты просматривали бумаги, и часто, не произнося ни одного звука, уничтожали тѣ удостовѣренія, обладателей которыхъ чекисты по какимъ-то, имъ только извѣстнымъ, соображеніямъ не желали выпустить изъ города. Возраженія, просьбы въ такихъ случаяхъ не приводили ни къ чему хорошему, такъ какъ чекисты спустя минуту также молча рвали въ мелкіе кусочки аршинный мандатъ какого нибудь «спеца».

«Товарищъ!.. Вы не поѣдете!»

Если же «товарищъ» не успокаивался и не отставалъ отъ чекиста, умоляя дать ему возможность проѣхать до Харькова — чекистъ, игриво улыбаясь, спрашивалъ:

«А по какому дѣлу, товарищъ, вы ѣдете?»

«Видите ли... я командированъ отъ Химотдѣла за полученіемъ матеріаловъ, и если я не поѣду, то...»

«То и не поѣдете!» рѣзко прерывалъ чекистъ, направляясь къ другимъ, съ трепетомъ и страхомъ поджидавшимъ его жертвамъ.

Каждый, послѣ провѣрки документовъ, могъ свободно влѣзть въ товарный вагонъ, предварительно показавъ красноармейцу, что бумаги на проѣздъ имѣются на рукахъ.

Часамъ къ шести вечера вагоны были густо набиты... Составъ поѣзда состоялъ изъ нѣсколькихъ классныхъ вагоновъ, въ которыхъ по два-три человѣка спокойно располагались важные и неважные комиссары, изъ нѣсколькихъ отремонтированныхъ съ койками товарныхъ вагоновъ, въ которыхъ весело щебетали совѣтскія барышни походныхъ канцелярій комиссаровъ, и ряда старыхъ, грязныхъ теплушекъ, въ которыя, какъ въ зимнюю стужу къ горящему камину, устремились счастливцы-уѣзжающіе.

Со станціи поѣздъ тронулся только въ первомъ часу ночи и медленно, нудно потянулся, часто останавливаясь; паровозъ пыхтѣлъ, шипѣлъ, свистѣлъ и на какомъ-то глухомъ полустанкѣ категорически отказался тащить дальше и комиссаровъ, и барышень, и всю ту безформенную массу, которая молчаливо, руками, ногами и головами сплелась въ одно многоголовое, хрипящее, стонущее и кашляющее чудовище.

Къ утру паръ въ паровозѣ поднялся, и поѣздъ потянулся, тяжело взбираясь на небольшой уклонъ... Только составъ большей своей частью перетянулся на спускъ, вагоновъ десять шаловливо съ трескомъ отдѣлились отъ состава и, развивая на бѣгу скорость, понеслись внизъ по уклону.

Часа черезъ два удалось составъ сцѣпить и ... поѣздъ все же дальше не пошелъ... Трубы въ паровозѣ дали такую течь, которая привела машиниста въ страшное негодованіе, и онъ наотрѣзъ отказался вести поѣздъ. Ближайшія депо, запрошенныя по телефону, отказались дать паровозъ, объясняя свой отказъ тѣмъ, что годныхъ къ поѣздкѣ паровозовъ нѣтъ. Все же къ вечеру былъ присланъ паровозъ, который вмѣстѣ съ прежнимъ паровозомъ, надрываясь, потащилъ составъ.

Въ Харьковъ насъ притащило на четвертый день ночью, и когда всѣ бросились къ выходу — раздались дикіе крики — «назадъ!.. всѣ назадъ!.. въ вагоны! Стрѣлять будемъ!»

Желѣзнодорожная Чека пожелала провѣрить документы пріѣхавшихъ и ничего другого не могла придумать, какъ загнать всю обалдѣвшую отъ четырехдневнаго пути массу обратно въ вагоны...

Плачъ, истерическіе возгласы, руготня, проклятья, дикіе, властные окрики «начальства» слились въ одинъ жуткій шумъ, утихшій только тогда, когда часа черезъ два, истерзанные, окровавленные люди, потерявъ свои послѣдніе котомки и мѣшки, снова забились въ вагоны...

«Выходи по одному!» — раздалась команда на перронѣ, и изъ каждаго вагона держа, бумаги въ рукѣ, стали выползать напуганныя существа...

Красноармеецъ, не просматривая бумагъ, пропускалъ мимо себя въ темнотѣ всѣхъ пріѣхавшихъ, и я тогда и теперь не понималъ и не понимаю, для чего же нужна была вся эта исторія, вся эта кошмарная процедура по обратному загону въ вагоны.

Тутъ же на вокзальной площади, поздней ночью, шелъ какой то уличный митингъ съ кинематографомъ, и на полотнѣ двигались какія то тѣни генераловъ, офицеровъ и страшно толстыхъ, сытыхъ людей...

Какой то человѣкъ, стоя на возвышенности, напрягая хриплый голосъ, что то выкрикивалъ и смѣшно жестикулировалъ...

У помѣщенія вокзала вся пріѣхавшая масса расположилась на мостовой и дружно-громкимъ храпомъ влилась въ общій шумъ митинговавшей толпы.

Къ утру двинулись въ городъ.

При всемъ моемъ колоссальномъ мандатѣ, мнѣ въ Харьковѣ совершенно нечего было дѣлать, и одна упорная, настойчивая мысль разжигала мозгъ;

«Впередъ... дальше... въ Москву!.. дальше... дальше!...»

Поплелся къ «бывшимъ» людямъ... Встрѣтилъ знакомыхъ актеровъ... Предлагали остаться въ какихъ то репертуарныхъ комиссіяхъ съ «пайкомъ»... Не подходитъ... Нужно двигаться къ Москвѣ... Оказалось, что изъ Харькова выбраться не такъ-то легко... При отходѣ поѣзда на Москву производится исключительно строгая провѣрка документовъ, и въ случаяхъ малѣйшаго сомнѣнія въ правдивости документовъ можно легко очутиться въ Особомъ Отдѣлѣ.

Къ несчастью, тогда же былъ изданъ законъ о лишеніи права на безплатный проѣздъ всѣхъ ѣдущихъ по командировочнымъ удостовѣреніямъ и о необходимости уплаты полной стоимости проѣзда учрежденіемъ, которое командируетъ своего сотрудника...

За сохранившійся у меня хорошій кожаный портфель какой то репортеръ «Коммуниста» взялся помочь мнѣ выѣхать изъ Харькова.

По улицамъ на столбахъ были расклеены большіе плакаты съ полнымъ описаніемъ процесса какой-то раскрытой Савинковской организаціи, и въ концѣ значились двѣнадцать фамилій приговоренныхъ къ разстрѣлу и, какъ гласилъ плакатъ, уже разстрѣлянныхъ.

На толкучемъ рынкѣ, недалеко отъ зданія Управленія Южныхъ дорогъ, происходила та же вакханалія съ продажей старыхъ и новыхъ тряпокъ, мебели, посуды.

Возбужденные, голодные и злые люди вырывали другъ у друга какія-то кружевныя занавѣски, а собственница занавѣсокъ съ трудомъ поспѣвала за ними, съ страшной быстротой переходившими изъ рукъ въ руки... Какіе то подростки оттолкнули женщину, и спустя минуту она громко ревѣла, потерявъ свои занавѣски въ общемъ хаосѣ хватающихъ рукъ и говорящихъ людей...

Парень въ хорошей деревенской чумаркѣ купилъ у красноармейца новую пару сапогъ, гимнастерку и черные штаны... Уплативъ нѣсколько милліоновъ за все это добро, онъ торопливо выбрался изъ клокотавшей толпы и въ тихомъ переулкѣ былъ настигнутъ двумя красноармейцами...

«Что несешь?! Развѣ не знаешь, что за покупку военной аммуниціи — разстрѣлъ? Становись къ стѣнкѣ!»

Сапоги, штаны и гимнастерка были тотчасъ же отданы красномейцамъ, къ которымъ въ тотъ же мигъ присоединился продавшій парню «аммуницію»... Послѣ быстрой дѣлежки заработка, «аммуниція» снова вернулась на толчокъ для новаго и прибыльнаго оборота...

Центръ былъ поглощенъ работой по введенію въ жизнь декрета о товарообмѣнѣ...

На одномъ изъ митинговъ въ театрѣ Муссури выступилъ съ рѣчью тов. Раковскій, развивавшій мысль, что де теперь власть отказывается отъ системы разверстокъ и налоговъ, а пойдетъ къ крестьянству за хлѣбомъ, предлагая въ обмѣнъ необходимые крестьянамъ предметы деревенскаго обихода... Предполагалось по смыслу декрета установить какія то особыя таблицы пуда — желѣза и пуда — зерна, пуда — гвоздей и пуда — жировъ, и еще какія то страшно сложныя и запутанныя схемы пуда — овощей и аршина — мануфактуры...

Это мѣропріятіе, которое по мнѣнію всѣхъ совѣтскихъ экономистовъ должно было совершенно переродить всю совѣтскую прежнюю политику, въ дѣлѣ извлеченія хлѣба у крестьянъ, проводилось съ страшнымъ шумомъ, и воспаленному мозгу голодныхъ мелкихъ коммунистовъ казалось, что теперь то Ленинъ наконецъ нашелъ путь къ амбарамъ кулаковъ и «хлѣбъ — до сыта» не за горами.

Верхи коммунистическіе разжигали массу, и казалось, что дѣйствительно вопросъ выкачиванія у крестьянъ хлѣба разрѣшенъ чрезвычайно легко...

Послѣ доклада Раковскаго были открыты пренія, и понадобились выборы предсѣдателя... Митингъ шелъ подъ флагомъ «широкой безпартійной конференціи», и когда избраннымъ оказался какой то старый рабочій паровозостроительнаго завода, рабочій этотъ поднялся на сцену и отказался отъ чести быть предсѣдателемъ митинга, такъ какъ онъ, рабочій, — воръ и сегодня только вынесъ съ завода ручной сверлильный станокъ...

«И никакіе товарообмѣны намъ не помогутъ, а подыхать намъ всѣмъ, какъ псамъ смердячимъ, — потому мы всѣ воры и только валяемъ дурака!.. И самъ нашъ товарищъ Раковскій воръ!.. Потому какъ онъ ѣхалъ какъ-то, то взялъ въ вагонъ десять фунтовъ какао, да полъ пуда шеколаду, и ликеровъ... и вина...»

Поднялся шумъ... крики, свистъ...

Раковскій выступилъ съ оправдательнымъ объясненіемъ и сказалъ, что, дѣйствительно, когда онъ съ комиссіей выѣзжалъ на Украину, онъ выписалъ себѣ изъ Продорганов какао и шеколадъ, но не для себя одного, а для всѣхъ членовъ комиссіи...

И смѣшнымъ, и нелѣпымъ казался этотъ изящный человѣкъ, по мальчишески глупо оправдывавшійся въ томъ, что съѣлъ лишнюю плитку шеколаду.

Дѣло выдачи мнѣ пропуска и казенной оплаченной командировки въ Москву осложнилось, и мнѣ пришлось пустить въ ходъ сохранившуюся у меня старинную

трубку изъ морской пѣнки. Трубка была вручена какому-то члену коллегіи, и я получилъ проѣздные документы до Москвы, увѣряя, что въ Москвѣ только я смогу дѣйствительно быть полезнымъ власти, такъ какъ тамъ творится настоящее дѣло по поднятію хозяйственныхъ силъ страны.

Изъ Харькова отправлялось на Москву три поѣзда въ недѣлю, не считая особыхъ скорыхъ ВЦИКовскихъ поѣздовъ, которые почти ежедневно курсировали въ этихъ направленіяхъ.

Въ вагоны посадка производилась также послѣ провѣрки документовъ, и когда всѣ вагоны до отказа набились людьми, мѣшками и чемоданами, на перронѣ осталась огромная толпа, спокойно смотрѣвшая на процедуру съ провѣркой документовъ и заботливой посадкой въ вагоны уѣзжающихъ.

Когда посадка была закончена, мирно стоявшая на перронѣ толпа съ оглушительнымъ крикомъ бросилась къ вагонамъ и усаживалась на головахъ тѣхъ, которые ранѣе легально влѣзли въ вагоны...

Красноармейцы, подъ напоромъ толпы, ринулись подъ вагоны, и одинъ красноармеецъ, вброшенный толпой въ вагонъ, вытирая потное лицо, говорилъ:

«И каженный разъ такъ само выходить!.. Провыряють... провыряють, а посля спекуляція и береть!.. И увсе здря!»

Уже въ пути, когда трясущійся вагонъ утрамбовывалъ смѣшавшіяся тѣла въ одну неразрывную массу, кто то мнѣ басилъ въ ухо:

«Понимаете!.. Это все на насъ мѣшечники насѣли... Они гуртомъ даютъ на станціи чекистамъ нѣсколько лимончиковъ, а чекисты и позволяютъ имъ врываться въ вагоны безъ документовъ, безъ командировокъ и безъ билетовъ...»

Выйти изъ вагона не было никакой возможности и только благодаря тому, что на какихъ то переднихъ вагонахъ загорѣлись буксы и огонь обхватилъ дерево вагоновъ — всѣ бросились изъ вагоновъ и потомъ долго расправляли онѣмѣвшія руки и ноги.

Поврежденные вагоны пришлось выбросить изъ состава и къ намъ въ вагоны прибавилось еще сотни двѣ пассажировъ.

Мимо нашего поѣзда часто проносились комиссарскіе скорые поѣзда съ паровозами, имѣвшими топки, — передѣланныя на нефть.

Въ Курскѣ поѣздъ стоялъ восемь часовъ... и никто не рѣшался выйти изъ вагона, опасаясь встрѣчи съ какимъ нибудь начальствомъ, которое придерется къ документамъ и «сниметъ» съ поѣзда.

До Москвы мы плелись шесть дней, и на Рогожской заставѣ поѣздъ выбросилъ всѣхъ тѣхъ, которые съ такой поразительной выносливостью провели почти недѣлю въ грязномъ, душномъ и вонючемъ вагонѣ, безъ горячей воды, безъ мыла, безъ сна, а нерѣдко и безъ пищи...

Купленные мною въ Харьковѣ два фунта чернаго хлѣба, въ послѣднемъ ихъ крошечномъ сухарикѣ, были мною жадно проглочены по пути съ Рогожской заставы на Большую Дмитровку...

Та же Москва-рѣка, спокойно отражающая мягкіе лучи ранняго утренняго солнца... Тотъ же лѣсъ крестовъ, тянущихся къ небу; та же бойкая и оживленная Театральная площадь, а сама то Москва не та... и люди ходятъ по ней не тѣ, а какіе то новые, стремительные, кричащіе, чуждые спокойствія дремлющей Москвы-рѣки, величію мрачныхъ стѣнъ Кремля и всей недавней московской медлительности...

По Тверской, съ пѣніемъ какой то революціонной пѣсни на какомъ то гортанномъ и хрипящемъ языкѣ, потрясая красными знаменами, почти бѣгомъ проносится толпа подростковъ изъ Коммунистическаго Союза Молодежи...

Со всѣхъ угловъ назойливо лѣзутъ въ глаза, какъ недавніе Шустовскіе коньяки, конскія головы съ краткими надписями:

«Здѣсь продается конина» —

Величавымъ, печальнымъ и мрачнымъ гигантомъ одиноко стоитъ Храмъ Христа Спасителя, навѣвая величавыя воспоминанія о силѣ, могуществѣ и красотѣ большой и великой Россіи...

На заборахъ, стѣнахъ домовъ, всюду коммунистическія надписи...

Давно нѣтъ Деникина, безслѣдно погибъ Юденичъ, а вотъ тебѣ съ забора, надрываясь, кричитъ футуристически нарисованный человѣкъ:

«Всѣ на палача Деникина!..»

«Да здравствуетъ Красная Москва!..»

«Да здравствуетъ Красный Кремль!..»

И тутъ же изъ за угла аляповато исписанный заборъ:

«Смерть польской шляхтѣ!!»

«Ура! — Красной Варшавѣ!!»

И старымъ, давно забытымъ звучитъ призывъ на стѣнѣ какого-то гиганта-дома:

«Донбассъ — кочегарка міровой революцій!.. Всѣ на защиту Донбасса!!»

А рядомъ выдержки изъ коммунистическихъ изреченій:

«На развалинахъ стараго — построимъ новое!!»

«Мечемъ не мечъ, а миръ несемъ мы міру!..»

«Кто не работаетъ, тотъ не ѣстъ!..» нахально выкрикиваетъ какой то оборвышъ, прикрѣпленный къ забору кистью совѣтскаго футуриста, предательски напоминая о голодѣ, такъ изнуряющемъ мозгъ.

* * *

Удивило меня очень то, что изъ Москвы въ Минскъ и обратно ежедневно курсируютъ по три поѣзда, приходящіе и отходящіе минута въ минуту по расписанію.

Чистый и просторный Александровскій вокзалъ былъ разукрашенъ портретами Ленина, Троцкаго, Маркса, Бухарина, Зиновьева, Луначарскаго.

Швейцаръ въ ливреѣ, съ блестящими пуговицами, носильщики съ мѣдными бляхами-номерами на бѣлыхъ фартукахъ, вода, свободно льющаяся изъ всѣхъ водопроводныхъ крановъ, электрическія лампы, дававшія свѣтъ, парикмахерская при уборной вокзала — все какъ будто такъ, какъ было...

Но тутъ же, недалеко на площади, группа людей, говорившихъ на разныхъ языкахъ, но только не на русскомъ, съ ружьями на перевѣсъ продѣлывая какіе то ружейные пріемы и, закончивъ ученье, на непонятномъ языкѣ огласила площадь звуками «Интернаціонала».

Швейцаръ, узнавъ о моемъ намѣреніи пробраться въ Минскъ, довѣрчиво и намекающе улыбнулся и, взглянувъ на оравшую Интернаціоналъ группу, обратился ко мнѣ:

«Сколько ихъ тутъ по Москвѣ бродитъ!! Господи! И откуда нехристей столько въ Москвѣ то, никакъ ужъ не додумаюсь!.. День-деньской, и въ дождь, и въ морозъ горланятъ да поютъ... А всѣ то здоровые... сытые... Сапоги то какіе... Прошу посмотрѣть!..»

Мальчики были дѣйствительно хоть куда! Рослые, крѣпкіе, всѣ въ новомъ, по военному одѣтые, они твердо шагали по мостовой и по звучности голосовъ видно было, что для нихъ пайка не существуетъ, а кормежка идетъ во всю... на славу Зиновьевскаго Интернаціонала.

Сравнительно за небольшую сумму я былъ взятъ въ служебный вагонъ отходящаго въ послѣобѣденное время на Минскъ поѣзда съ гарантіей быть доставленнымъ въ городъ безъ всякихъ документовъ, пропусковъ и мандатовъ.

На вторыя сутки ровно въ восемь часовъ утра, поѣздъ остановился у разрушеннаго во время войны поляками Минскаго вокзала, а около девяти часовъ я жадно пилъ какую то мутную горячую жидкость — кофе съ сахариномъ, и возлѣ меня назойливо вертѣлся какой то, неопредѣленныхъ лѣтъ, человѣкъ, пытавшійся подъ разными предлогами со мной заговорить.

Чтобы помочь ему, я первый обратился къ нему и съ увѣреннымъ тономъ спросилъ:

«Скажите, товарищъ, гдѣ здѣсь помѣщается Паркомъ?»

Но вмѣсто отвѣта онъ, щуря глаза, улыбнулся и, приблизившись ко мнѣ, произнесъ:

«Вы развѣ коммунистъ?» – и выдержавъ короткую паузу, сказалъ:

«Я уже вижу, какой вы коммунистъ!»

И знакомство завязалось...

Долго водилъ онъ меня по узенькимъ кривымъ улицамъ уютнаго Минска, разсказывая о томъ, сколько онъ уже имѣлъ такихъ коммунистовъ, какъ я, какъ всѣ эти коммунисты очень любятъ совѣтскую власть, но всѣ они стремятся жить не въ самомъ Минскѣ, а такъ верстъ на сорокъ подальше...

И тономъ опытнаго ловца, угадывающаго матеріалъ для обработки, онъ на ходу какъ бы невзначай бросилъ:

«Если и вы хотите поселиться за Минскомъ, такъ я васъ познакомлю съ однимъ моимъ знакомымъ... который...»

Я его не дослушалъ...

На стѣнѣ деревянной лавки, прибитый мелкими гвоздями, висѣлъ списокъ фамилій, надъ которыми крупно выдѣлялись слова: «кого караетъ Чека».

На ходу глазомъ схватилъ я цифру «46»... Мой спутникъ потянулъ меня за собой и, оглянувшись назадъ, скороговоркой проговорилъ:

«У насъ здѣсь это не новость... Списокъ мѣняется каждый день... Но если увидятъ, что вы списокъ читаете, то васъ могутъ взять въ Чека и долго будутъ допрашивать о томъ, кого вы въ спискахъ ищете? Они всѣ говорятъ, что если среди вашихъ знакомыхъ нѣтъ враговъ совѣтской власти, то вамъ незачѣмъ интересоваться этими списками, а если вы интересуетесь и читаете списки, то кто нибудь изъ вашихъ близкихъ, родныхъ или знакомыхъ, или вы сами думаете попасть въ эти списки... Такъ мы всѣ, минчане, такъ списки эти и не читаемъ... Разстрѣливаютъ, — со вздохомъ добавилъ онъ, — каждый день по нѣсколько десятковъ человѣкъ!..»

Послѣ трехдневныхъ разговоровъ съ новымъ знакомымъ на разныя темы, онъ самъ какъ то открыто и просто затронулъ то, что для меня казалось невозможнымъ, страшнымъ и жуткимъ.

«Хорошо!..» съ первыхъ же моихъ словъ согласился онъ... Я вижу, что вы человѣкъ не богатый, даже не то, что не богатый, а, простите, бѣдный... Вы только возьмите у меня это письмо и какъ только переѣдете туда, отправьте по адресу въ Америку... Мнѣ ночью снилось, что вы это исполните, и дайте мнѣ всѣ ваши бумаги и вы будете тамъ...» «Петры» не помѣшаютъ и, если у васъ есть штукъ десять — дайте... хуже не будетъ!..»

* * *

Еще въ Харьковѣ старый опытный желѣзнодорожникъ, помогая мнѣ въ выборѣ маршрута на Минскъ, волнуясь и водя пальцемъ по картѣ, говорилъ:

«На Москву ѣхать надо... Никакихъ Бахмачей!.. Поѣдете на Москву, а оттуда имѣете по три поѣзда на день безъ пересадки до самаго Минска!..»

Все дѣло было въ томъ, что я не вѣрилъ старику тогда, когда онъ говорилъ о трехъ поѣздахъ на день, но оказалось, что сообщеніе Москвы съ Минскомъ шло въ лучшемъ видѣ...

И какъ Москва – столица Красной Россіи – въ такой же степени Минскъ – столица Красной Бѣлоруссіи, и въ послѣднемъ случаѣ носители верховной власти Красной Бѣлоруссіи, страдаютъ отъ полнаго непризнанія ихъ упрямыми минчанами.

Въ Минскѣ существуютъ свои особые и будто вполнѣ самостоятельные Народные Комиссаріаты Юстиціи, Финансовъ, Продовольствія, Путей Сообщенія, Почтъ и Телеграфовъ, Внутреннихъ дѣлъ, Соціальнаго Обезпеченія, Народнаго Труда, Иностранныхъ дѣлъ, и еще рядъ тѣхъ же Народныхъ Комиссаріатовъ, которые густо разсыпаны въ Москвѣ и въ Харьковѣ, какъ въ столицѣ Украины.

Когда съ одного изъ моихъ документовъ понадобилось снять и завѣрить оффиціальную копію, меня направили къ Наркому Юстиціи!

«Позвольте!.. При чемъ же здѣсь Народный Комиссаръ Юстиціи всей вашей Бѣлорусской Республики, когда мнѣ нужно только удостовѣрить копію?!»

«Вотъ для этого то мы васъ и направляемъ къ Наркому Юстиціи!.. Идите и не теряйте времени!..» поторопили меня мои собесѣдники...

На большомъ домѣ висѣла маленькая вывѣска, на которой краснымъ по бѣлому было написано: «Б. С. Ф. С. Р. Народный Комиссаріатъ Юстиціи»... И совсѣмъ мелкимъ, еле читаемымъ шрифтомъ, подъ серпомъ и молотомъ, было нацарапано: «Пролетаріи всѣхъ странъ соединяйтесь».

Въ этомъ же домѣ помѣщался Верховный Революціонный Трибуналъ Бѣлорусской Республики, Народный Слѣдователь, Народный Судья...

И въ тѣ дни, когда шло засѣданіе въ Трибуналѣ, совершенно бездѣйствовалъ Народный Судья, а когда Народный Судья разсматривалъ какое нибудь дѣло объ оскорбленіи Бѣлорусской Республики, безъ работы сидѣлъ весь Трибуналъ. И въ Верховномъ Трибуналѣ, и въ засѣданіяхъ Народнаго Судьи участвовали одни и тѣ же лица, и дѣятельность ихъ протекала въ условіяхъ полной другъ отъ друга зависимости.

Въ мѣстной газетѣ Предсѣдатель Народныхъ Комиссаровъ Бѣлоруссіи велъ какую то ожесточенную полемику съ самимъ Ленинымъ, подчеркивая, что Народные Комиссары Р. С. Ф. С. Р. мало удѣляютъ вниманія благополучію окраинныхъ совѣтскихъ республикъ, и угрожалъ полнымъ отдѣленіемъ Бѣлорусской Республики отъ Р. С. Ф. С. Р.

Народный Комиссаръ по сношенію съ иностранными государствами писалъ колоссальныя статьи о невыгодности Рижскаго договора для рабочихъ и крестьянъ Совѣтской Бѣлоруссіи, и требовалъ пересмотра всѣхъ пунктовъ мирнаго договора.

«Довольно быть намъ въ зависимости отъ хорошаго настроенія товарища Наркома Финансовъ Р. С. Ф. С. Р! Пора намъ обзавестись собственной платежной единицей!» съ пѣной у рта выкрикивалъ Народный Комиссаръ Финансовъ Бѣлорусской республики, выступая на митингахъ.

А населеніе и граждане, въ виду близости границы, кое какъ добывавшіе себѣ на пропитаніе, открыто смѣялись надъ всѣми своими Народными Комиссарами, и Народный Судья, онъ же замѣститель Народнаго Комиссара Юстиціи, стоналъ подъ тяжестью валившихся на него дѣлъ по обвиненію гражданъ въ оскорбленіи Бѣлорусской Республики.

Когда стали циркулировать слухи о миролюбивомъ отходѣ Минска къ полякамъ, -- Наркомъ по сношеніямъ съ иностранными государствами громомъ и молніей обрушился на эластичную политику и уступчивость Москвы, и въ скверненькой, небрежно набранной статьѣ призывалъ весь пролетаріатъ Бѣлоруссіи поднять голосъ въ защиту коммунистической Совѣтской Бѣлоруссіи...

Весь пролетаріатъ Бѣлоруссіи—человѣкъ сорокъ подростковъ, до большевиковъ работавшихъ на уксусномъ и чернильномъ заводахъ, – а такъ какъ сейчасъ, въ виду отсутствія сырья, заводы эти бездѣйствуютъ, то и пролетаріатъ шатается по городу, — отъ вечера до ночи, болѣе или менѣе удачно въ ту или другую сторону перебрасывая контрабанду...

Бѣлоруссія со всѣми ея страшно умными и исторически великими Народными Комиссарами — это Минскъ и какіе то два уѣзда, прилегающіе къ Минску, отходятъ не то къ Польшѣ, не то къ Р. С. Ф. С. Р.

Но это нисколько не удерживаетъ Наркомфина отъ разрабатыванія проектовъ введенія собственныхъ кредитныхъ билетовъ, а Комиссара по сношеніямъ съ иностранными государствами — отъ яростныхъ нападокъ на французскій парламентъ за открытую поддержку Польши...

Чекисты и «особисты», мальчики изъ Особаго Отдѣла, имѣютъ въ Минскѣ постоянный и вѣрный заработокъ.

Сегодня чекисты приходятъ къ соглашенію съ какой нибудь буржуазной семьей о содѣйствіи ей при переходѣ границы, подсказываютъ семьѣ, куда надежнѣе

прятать цѣнности, а на другой день предъ самымъ выходомъ изъ квартиры Особисты арестовываютъ всю семью, и спрятанныя цѣнности безшумно тонутъ въ глубокихъ и просторныхъ карманахъ галифэ юныхъ Особистовъ...

А потомъ Особисты соглашаются переправить черезъ границу какого нибудь дорвавшагося до Минска буржуя, а съ обыскомъ приходятъ уже Чекисты...

Жизнь течетъ... стремящихся по ту сторону кордона много, и Чекисты, и Особисты безпечно трудятся, имѣя постоянный и вѣрный заработокъ...

* * *

Когда темной ночью нашъ бѣженскій поѣздъ тихо двигался отъ Минска къ польской границѣ, какъ то не вѣрилось, что скоро списки разстрѣлянныхъ и всѣ совѣтскіе кошмары останутся позади... Мозгъ не принималъ того, что не будетъ Чеки, не будетъ разстрѣловъ, не будетъ разнузданнаго, кроваваго хамства и кровью залитыхъ подваловъ...

И когда на самой польской границѣ поѣздъ былъ остановленъ и было приказано всѣмъ выйти изъ вагоновъ, захвативъ съ собой вещи, я рѣшилъ, что вотъ тутъ то и конецъ: «Вотъ тутъ то и отведутъ въ стоявшій неподалеку молодой сосновый лѣсъ, поставятъ къ прямой соснѣ и скажутъ: «Въ Польшу захотѣлъ? Бѣжать вздумалъ?! Къ Савинкову! къ Пилсудскому?!... Къ врагамъ коммунистической республики?! Такъ вотъ тебѣ!»... и ноганъ быстро сдѣлаетъ свое кровавое дѣло.

Но нервы и мозгъ слишкомъ разыгрались... Насъ выстроили въ рядъ и потребовали документы... У всего поѣзда были одинаковые документы, выданные Бѣлорусскимъ Главэвакомъ... Провѣрка документовъ прошла довольно гладко... Приступили къ обыску и провѣркѣ вещей.

«Валюта есть?» спросилъ меня одинъ изъ чекистовъ.

Я, стараясь быть спокойнымъ, вынулъ и показалъ ему все, что у меня было – восемь тысячъ совѣтскихъ рублей.

Онъ какъ-то кисло улыбнулся и сказалъ:

«Чѣмъ же вы будете жить въ Польшѣ? Вѣдь на восемь тысячъ вы и здѣсь умрете съ голоду, а въ Польшѣ это даже не восемь марокъ...»

И секунду помолчавъ, онъ прищурилъ глаза и, хитро улыбаясь, приниженнымъ голосомъ сказалъ:

«Караты везете?» и не давъ мнѣ произнести ни одного звука, бросилъ:

«Слѣдуйте за мной!»

Въ головѣ зашумѣлъ какой то страшный вихрь... Ноги подкашивались и хотя у меня не только каратовъ, но и лишней рубахи не было, я въ смертельномъ страхѣ поплелся за чекистомъ...

Въ небольшой комнаткѣ я увидѣлъ нѣсколько голыхъ мужчинъ, и сразу стало какъ то легче...

«Значитъ, успокаивала нервно трепетавшая мысль, не тебя, какъ убѣгающаго!. не тебя, какъ саботажника, не тебя, по телеграфному распоряженію, а еще какихъ то людей... еще какихъ то обреченныхъ!.. А неужели же разстрѣлъ.»

Но чекисты, заставивъ меня раздѣться до нага, потребовали у меня все мое бѣлье, платье, ботинки, и я остался совершенно «безъ ничего».

Только часъ спустя сердитый красноармеецъ швырнулъ мнѣ какую то-кучку тряпокъ, среди которыхъ я узналъ свой пиджакъ, распоротый по всѣмъ швамъ, свои брюки, перенесшіе тяжелую хирургическую операцію, и ботинки, на которыхъ безжизненно свисали совершенно оторванныя подметки и каблуки, кое какъ привязанные веревкой.

Чекисты искали караты...

Напяливъ на себя выданную мнѣ рвань, я быстро выбѣжалъ изъ маленькой, душной комнаты и услышалъ торопливые возгласы красноармейцевъ и чекистовъ:

«Эй вы, гады контръ-революціонные, скорѣе садитесь въ вагоны... сейчасъ къ Пилсудскому повеземъ!..»

Всѣ бросились къ вагонамъ, торопливо бросая въ вагоны мѣшки съ вещами...

Паровозъ глухо свистнулъ и поѣздъ медленно тронулся...

Двери и окна вагоновъ были наглухо закрыты.

Медленно, черепашьимъ шагомъ, тянулся паровозъ; жуткія сумерки пугающе проникли въ вагонъ; сдерживая дыханье, сидѣли люди и не вѣрили, что еще часъ... еще два, и все страшное, умомъ непостижимое, останется позади.

Въ тягучемъ ползаніи вагоновъ чувствовалось нежеланіе Краснаго Кошмара выпустить живыми изъ своихъ лапъ нѣсколько сотъ человѣкъ...

Вагоны все же ползли... разстояніе все уменьшалось и кошмарныя мысли прервалъ сильный толчекъ вагоновъ...

Поѣздъ остановилися...

«Выходи!..» раздались въ темнотѣ ночи громкіе крики...

У самой польской границы съ поѣзда сошли всѣ красноармейцы и чекисты, и черезъ границу поѣздъ двинулся съ машинистомъ и комендантомъ поѣзда...

Мелькнулъ передъ глазами въ свѣтѣ слабо освѣщеннаго окна красноармеецъ съ винтовкой, и какіе то размѣренные, настойчивые и густые стуки приближались къ слуху.

Все громче и слышнѣе становились стуки...

Вдали показались яркіе огоньки... и мимо вагона проскользнула электрическая станція, въ которой задорно и бойко работалъ моторъ...

«Жизнь!»... запѣло въ мозгу...

«Спасены!»... восторженнымъ эхомъ пронеслось по вагонамъ...

И обильно полились слезы, какъ бы смывая недавніе ужасы, кошмары и страданія.

Берлинъ, 20 Іюля 1922 г.

Эпизодъ изъ эвакуаціи Новороссійска

Н. Каринскаго

Въ началѣ 1920 года, хотя Добровольческая Армія Юга Россіи и казаки, откатившись отъ Курска и Харькова и очистивъ Ростовъ, остановились за Дономъ и успѣшно отражали атаки красныхъ, все же чувствовалась и общая растерянность команднаго состава, и слабость только что образованнаго Южно-Русскаго Правительства.

Въ это время я былъ назначенъ Начальникомъ Черноморской губерніи, а вскорѣ затѣмъ на меня было возложено и управленіе Министерствомъ Внутреннихъ Дѣлъ Южно-Русскаго Правительства.

Послѣднее назначеніе при наличіи Министра Внутреннихъ Дѣлъ В. Ф. Зеелера объяснялось тѣмъ, что Южно-Русское Правительство должно было находиться въ Екатеринодарѣ, гдѣ была ставка Главнокомандующаго Вооруженными Силами на Югѣ Россіи, а Министерства со всѣмъ служебнымъ аппаратомъ, архивами и т. д. были эвакуированы изъ Ростова въ Новороссійскъ, губернскій городъ Черноморской губерніи.

Принимая оба назначенія, я понималъ, что дѣло Добровольческой Арміи почти безнадежно; но видя бѣгство многихъ, стоящихъ во главѣ гражданскаго управленія, я считалъ, что при такихъ условіяхъ все и всѣ будутъ брошены на произволъ судьбы.

Такъ что на свое назначеніе я смотрѣлъ, главнымъ образомъ, какъ на способъ спасти хотя бы нѣсколько тысячъ людей и вывезти ихъ изъ Новороссійска.

Когда я переѣхалъ изъ Екатеринодара въ Новороссійскъ, то увидалъ, что дѣло обстоитъ значительно хуже, чѣмъ я предполагалъ.

Деморализація среди чиновъ Министерства Внутреннихъ Дѣлъ (да и другихъ тоже) была полная. Тяга за границу была сильнѣйшая, и я первое время былъ занятъ въ значительной степени тѣмъ, что увольнялъ согласно прошеніямъ чиновниковъ, оставлявшихъ одинъ за другимъ подъ разными предлогами свои посты. Я рѣшилъ, что съ этимъ матеріаломъ, охваченнымъ безумной паникой, все равно никакого дѣла не сдѣлаешь. Лицъ же, занимавшихъ такія должности, которыя смѣнить въ такое время было нельзя безъ ущерба для дѣла (какъ напримѣръ Завѣдующаго Эвакуаціей и. д. Губернатора С. Д. Тверского) я всячески уговаривалъ остаться.

Любопытный разговоръ былъ у меня съ упомянутымъ С. Д. Тверскимъ, бывшимъ въ то время Помощниковъ Главноначальствующаго по гражданской части и и. д. Губернатора.

Дѣло въ томъ, что Начальникъ Черноморской губерніи получилъ по закону права Главноначальствующаго и при немъ было создано двѣ должности Помощниковъ Начальника Губерніи (одна для Управленія губерніей, другая для завѣдыванія эвакуаціей) и 4 должности чиновниковъ особыхъ порученій.

Сдѣлано это было по моему настоянію, такъ какъ мнѣ приходилось и управлять Министерствомъ и губерніей, и завѣдывать эвакуаціей. Положиться же на старый составъ въ виду его паническаго настроенія я не могъ, и хотѣлъ имѣть около себя людей безстрашныхъ, на которыхъ я могъ бы положиться.

Такими людьми были М. П. Шаповаленко, бывшій Товарищъ Прокурора Крымской Судебной Палаты, работавшій со мною въ Крыму, гдѣ я былъ Прокуроромъ Палаты, и С. И. Тельпуговъ, Товарищъ Прокурора Московской Судебной Палаты.

Первый принялъ на себя управленіе губерніей, а второй ближайшее завѣдываніе текущей работой Министерства Внутреннихъ Дѣлъ въ качествѣ Члена Совѣта М. В. Д.

С. Д. Тверской по своей должности завѣдывалъ эвакуаціей.

Я предложилъ ему остаться на своемъ посту, такъ какъ находилъ, что въ такой серьезный моментъ нельзя мѣнять людей, ведущихъ столь отвѣтственную работу и уже знакомыхъ съ нею. Должность же Помощника Начальника губерніи съ правами Главноначальствующаго и Помощника Главноначальствующаго, которую занималъ С. Д. Тверской, были въ служебномъ отношеніи равноцѣнны.

Тверской категорически отказался. Я, заявилъ онъ мнѣ, не могу служить при лѣвомъ Министерствѣ, по существу ничего не имѣя противъ того, чтобы служить съ Вами.

Послѣ моихъ настояній, послѣ указаній на невозможность «перепрягать лошадей по серединѣ брода» С. Д. Тверской согласился продолжать завѣдывать эвакуаціей до конца, но съ тѣмъ, чтобы формально во главѣ ея была постановлено другое лицо, которое подписывало бы нужныя бумаги и завѣдывало частью эвакуаціи (кажется, эвакуаціей въ Сербію).

Такимъ лицомъ былъ мной назначенъ на правахъ моего помощника С. Л. Флокъ, энергичный и самоотверженный человѣкъ.

Впрочемъ, С. Д. Тверской не сдержалъ своего слова остаться до конца эвакуаціи и завѣдывать ею, хотя ему ничто не угрожало, такъ какъ въ то время въ моемъ распоряженіи уже былъ особый для всѣхъ чиновъ Министерствъ пароходъ «Віолетта», о чемъ будетъ разсказано ниже.

Отъѣздъ С. Д. Тверского былъ въ сущности бѣгствомъ, и точно также поступили еще два полковника Центральнаго Управленія Государственной Стражи, фамиліи которыхъ я запамятовалъ.

Бѣгство С. Д. Тверского произошло такъ. Однажды, придя на службу, я увидалъ передъ кабинетомъ Тверского большую толпу желавшихъ эвакуироваться, находившуюся въ сильномъ возбужденіи.

На мой вопросъ, въ чемъ дѣло, мнѣ отвѣтили, что кабинетъ Тверского запертъ, нѣтъ ни одного чиновника изъ его служебнаго персонала и что по ихъ свѣдѣніямъ Тверской бѣжалъ.

Я не могъ повѣрить этому и послалъ разыскивать Тверского, назначивъ ожидавшимъ его придти на другой день.

Разыскать Тверского оказалось невозможно, но въ обѣденный перерывъ, зайдя обѣдать въ ресторанъ, я увидалъ его въ ресторанѣ.

– Сергѣй Димитріевичъ, спросилъ я его, что это значитъ? Вашъ кабинетъ запертъ, ни Васъ, ни чиновниковъ не было, просители волнуются, говорятъ даже, что Вы бѣжали.

– Какъ видите, ничего подобнаго. Я, какъ обѣщалъ, останусь до конца эвакуаціи. Я поѣхалъ переговорить съ англичанами въ портъ, а чиновники, очевидно, воспользовались моимъ отсутствіемъ и разошлись. Что дѣлать, дисциплина пала.

На этомъ разговоръ окончился.

Каково же было мое изумленіе, когда въ тотъ же день, часовъ въ 10–11 вечера, ко мнѣ на квартиру пришелъ растерянный Тверской со словами:

– Николай Сергѣевичъ, моя судьба въ Вашихъ рукахъ.

– Что такое, что случилось?

– Видите ли, сегодня ночью или завтра рано утромъ (не помню хорошо) отходитъ пароходъ «Св. Николай», на которомъ я уѣзжаю. Я былъ у Командующаго Войсками (б. Главноначальствующаго) генералъ-лейтенанта Макѣева, но онъ отказался меня отпустить безъ Вашего согласія.

Я былъ пораженъ.

– Да, вѣдь, Вы, Сергѣй Димитріевичъ, сегодня, только что, во время обѣда говорили мнѣ, что Вы, какъ дали слово, останетесь до конца эвакуаціи. Успокойтесь, Вамъ ничего не угрожаетъ, въ моемъ распоряженіи «Віолетта», и Вы всегда успѣете выѣхать. Какъ же можно бросить дѣло?

Но Тверской продолжалъ просить, чтобы я выдалъ ему удостовѣреніе, что не имѣю препятствій къ его отъѣзду.

– Очень имѣю. Не говоря уже о брошенной на произволъ судьбы работѣ по эвакуаціи, Вы не сдали даже денежнаго отчета по губерніи, какъ и. д. Черноморскаго Губернатора.

– Отчетъ со мной, заявилъ Сергѣй Димитріевичъ, я сейчасъ его сдамъ.

– Я не могу его принять въ одну минуту. Вообще его нужно сдать С. Л. Флоку или М. П. Шаповаленко, а не мнѣ лично.

Тогда Тверской сталъ просить присутствующаго у меня С. Л. Флока принять отчетъ.

Флокъ категорически отказался принятъ отчетъ ночью безъ провѣрки.

Тверской всталъ, озлобленный.

– Такъ, Николай Сергѣевичъ, не дадите удостовѣренія?

– Не могу, С. Д.

Мы разстались крайне холодно.

Черезъ часъ звонокъ по телефону Командующаго Арміей генералъ-лейтенанта Макѣева.

– Николай Сергѣевичъ, что Вы сдѣлали съ Тверскимъ?

– Я не далъ ему удостовѣренія, онъ не только бросилъ работу, не передавъ ее другому лицу и не сдѣлавъ никакихъ указаній, но даже не сдалъ денежныхъ суммъ по должности Губернатора.

– Смотрите, Николай Сергѣевичъ, вѣдь Тверской сбѣжитъ, сказалъ мнѣ Макѣевъ, не арестовать ли его?

– Ну, что Вы! Я не допускаю мысли, чтобы бывшій Прокуроръ Суда сбѣжалъ такимъ образомъ.

– Ну, смотрите.

На слѣдующее утро намъ сдѣлалось извѣстнымъ, что Тверской, дѣйствительно, «сбѣжалъ» на пароходѣ въ ту же ночь.

По произведенному дознанію выяснилось, что С. Д. взошелъ на пароходъ легко

пропущенный контръ-развѣдкою, которая продолжала считать его Губернаторомъ. Были также показанія, что по просьбѣ его пароходъ отошелъ на 2 часа раньше назначеннаго срока.

На утро сюрпризъ:

Является ко мнѣ развязный юноша и приноситъ кучу квитанцій, счетовъ и т. д. и нѣсколько сотъ рублей.

– Это квитанціи и счета Тверского, онъ, уѣзжая, приказалъ мнѣ передать ихъ Вамъ.

– А Вы кто?

– А я секретарь Тверского, но на службѣ не состою. Вотъ бумага, что я уволенъ С. Д. Тверскимъ согласно прошенія.

Пришлось о происшедшемъ составить протоколъ.

А далѣе сюрпризъ за сюрпризомъ. Явились подрядчики, требуя деньги за заказы, сдѣланныя Тверскимъ по должности. Одинъ требовалъ 300,000 рублей, а въ кассѣ всего нѣсколько сотъ.

Бумаги по эвакуаціи, списки эвакуируемыхъ оказались въ полнѣйшемъ безпорядкѣ, и С. Л. Флоку пришлось сидѣть дни и ночи, чтобы какъ нибудь поправить дѣло и не задержать эвакуаціи населенія.

Черезъ день послѣ отъѣзда Тверского я заѣхалъ къ Министру Финансовъ М. В. Бернацкому, прося выдать мнѣ деньги на расходы по эвакуаціи.

Бернацкій удивился: Вѣдь Тверскому я выдалъ нѣсколько милліоновъ на эвакуацію. Гдѣ они, гдѣ отчетъ?

Вотъ такъ штука.

Когда я подалъ рапортъ Главнокомандующему А. И. Деникину относительно Тверского и двухъ полковниковъ, сбѣжавшихъ также безъ разрѣшенія (такой же рапортъ былъ поданъ, кажется, и Командующимъ Черноморской Арміей), А. И. Деникинъ возмутился и далъ приказъ по радіотелеграфу въ Константинополь задержать Тверского и доставить его обратно въ Новороссійскъ.

Такой же приказъ былъ и относительно обоихъ полковниковъ.

Результата этотъ приказъ не имѣлъ и не помѣшалъ С. Д. Тверскому впослѣдствіи при генерлѣ Врангелѣ получить въ Крыму мѣсто Управляющаго Вѣдомствомъ Внутреннихъ Дѣлъ.

Возвращаюсь къ разсказу.

Я видѣлъ, что паническое настроеніе чиновниковъ нельзя остановить и чувствовалъ также, что работа Министерства, губернскихъ властей и государственной стражи идетъ не какъ слѣдуетъ изъ-за той же паники и боязни остаться не эвакуированными.

Долженъ сказать, что паникѣ не менѣе гражданскихъ чиновъ были подвержены и военные.

Такъ, Командующій Черноморской Арміей генералъ-лейтенантъ Макѣевъ, которому я разсказалъ о настроеніяхъ среди гражданскихъ чиновъ, отвѣтилъ: да и у меня то же самое. Всѣ бѣгутъ и скоро я останусь одинъ.

Надо сознаться, что гражданскіе чины имѣли основаніе бояться, что ихъ не эвакуируютъ, памятуя, какъ проходила эвакуація Харькова, Курска, Ростова, когда гражданскіе чины извѣщались въ самую послѣднюю минуту и должны были заботиться сами о себѣ, чтобы не быть брошенными и оставленными не любившимъ шутить большевикамъ.

Чтобы не остаться безъ чиновниковъ и безъ государственной стражи, я обратился къ Правительству съ просьбой предоставить спеціально для служащихъ во всѣхъ Министерствахъ какой либо большой пароходъ на случай эвакуаціи. Тогда,

писалъ я, всѣ будутъ знать, что они не будутъ брошены въ случаѣ краха и будутъ вмѣстѣ съ семьями вывезены изъ Новороссійска. Какъ на подходящій пароходъ, я указалъ на большой транспортъ «Віолетту», могущій вмѣстить всѣхъ чиновъ всѣхъ Министерствъ и другихъ лицъ неслужащихъ, но которымъ по ихъ дѣятельности грозила опасность въ случаѣ прихода большевиковъ.

«Віолетта» имѣла пробоину, чинить которую было негдѣ, и была предоставлена Министерству Путей Сообщенія, такъ какъ желѣзнодорожники взялись ее починить, разсчитывая, что въ случаѣ, если имъ это удастся, они смогутъ вывезти себя и свои семьи. Эта надежда давала имъ возможность самоотверженно работать на своихъ мѣстахъ, не боясь приближенія непріятеля.

Въ отвѣтъ на свое ходатайство я получилъ отъ Министра Путей Сообщенія Звѣрева телеграмму, направленную также Начальнику Морского Транспорта генералъ-майору Ермакову, въ которой Министръ извѣщалъ, что согласно постановленія Южно-Русскаго Правительства транспортъ «Віолетта» предназначается для перевозки всѣхъ Министерствъ и поступаетъ въ распоряженіе Начальника Черноморской губерніи.

Получивъ эту телеграмму, я отправилъ на «Віолетту» своихъ чиновниковъ особыхъ порученій инженера Черникова и Г. И. Царика, чтобы они осмотрѣли пароходъ, выяснили степень его готовности, количество мѣстъ и груза, который возможно погрузить и т. д.

Г. И. Царикъ, артиллерійскій офицеръ, долженъ былъ кромѣ того остаться на пароходѣ въ качествѣ коменданта или распорядителя отъ Министерства Внутреннихъ Дѣлъ, завѣдующаго охраной парохода, въ его распоряженіе поступала также организованная для охраны парохода команда.

Оба чиновника, однако, не были допущены на пароходъ, такъ какъ по заявленію коменданта или капитана парохода «Віолетта» онъ обязанъ подчиняться лишь приказанію генералъ-майора Ермакова, отъ котораго никакихъ распоряженій не поступало.

Моя бумага Ермакову не оказала никакого дѣйствія. Объясненія съ Ермаковымъ моихъ помощниковъ также не привели ни къ какому результату.

Только недѣли черезъ полторы-двѣ, когда Южно-Русское Правительство переѣхало въ Новороссійскъ, удалось настоять, чтобы генералъ Ермаковъ отдалъ необходимый приказъ.

На пароходѣ помѣстился Г. И. Царикъ во главѣ охраны, а инженеръ Черниковъ, потерявъ даромъ эти полторы-двѣ недѣли, спѣшно занялся устройствомъ необходимыхъ приспособленій, чтобы дать хоть какія нибудь самыя примитивныя удобства будущимъ пассажирамъ «Віолетты».

Что генералъ-майоръ Ермаковъ всячески тормозилъ передачу «Віолетты» въ распоряженіе Начальника Черноморской губерніи мнѣ было понятно, тамъ преслѣдовались свои цѣли.

Но было совершенно непонятно, почему этой передачей были недовольны высшіе чины путейскаго вѣдомства, съ которыми мнѣ пришлось имѣть крупное объясненіе.

Они хотѣли и настаивали, чтобы я передалъ распоряженіе «Віолеттой» исключительно имъ и очень были недовольны, когда я отказалъ имъ въ этомъ, указавъ, что разъ я несу отвѣтственность за дѣло, то и не могу передать ее хотя бы въ порядкѣ подчиненности людямъ, мнѣ незнакомымъ.

Справедливость требуетъ сказать, что когда эвакуація закончилась, и мы были уже въ Феодосіи, тѣ же путейцы явились ко мнѣ и благодарили меня за все сдѣланное по эвакуаціи.

Въ послѣдніе дни эвакуаціи и въ особенности теперь, оглядываясь назадъ, говорили они, мы видимъ, что только благодаря Вамъ мы были вывезены, иначе мы не были бы взяты на пароходъ.

Привожу эти слова не для своего восхваленія, но чтобы показать, какова была обстановка въ то время въ Новороссійскѣ.

Одновременно съ командировкой Черникова и Царика мною было образовано совѣщаніе изъ представителей всѣхъ Министерствъ подъ предсѣдательствомъ Члена Совѣта Министерства Внутреннихъ Дѣлъ С. П. Тельпугова для обсужденія вопросовъ, связанныхъ съ порядкомъ эвакуаціи на «Віолеттѣ» и для оповѣщенія Министерствъ о времени погрузки и посадки.

Когда по моимъ свѣдѣніямъ положеніе Новороссійска сдѣлалось угрожаемымъ, я обратился къ Министру Внутреннихъ Дѣлъ Зееллеру и Предсѣдателю Совѣта Министровъ Мельникову съ просьбой разрѣшить начать погрузку имущества Министерствъ и посадку семей на пароходъ «Віолетту».

На представленіе ихъ по этому поводу послѣдовалъ отказъ, такъ какъ Главнокомандующій нашелъ, что это вызоветъ большую панику.

Правда, этотъ отказъ вызывалъ большое недоумѣніе. Паника и такъ была и вызывалась положеніемъ на фронтѣ и нахлынувшими въ городъ воинскими частями, которые самоуправничали на улицахъ города, производили самочинные наборы, обыски и поборы, буйствовали, а, главное, подыскивали себѣ пароходы для отъѣзда.

Но какъ ни ясно было, что огромное имущество вѣдомствъ, своевременно не погруженное, останется краснымъ, какъ это было въ другихъ городахъ при безчисленныхъ эвакуаціяхъ, приходилось повиноваться прямому приказу А. И. Деникина.

8 марта вечеромъ, подъ предсѣдательствомъ С. П. Тельпугова было назначено обычное эвакуаціонное совѣщаніе представителей всѣхъ Министерствъ, которые очень нервничали, видя, что каждый часъ промедленія можетъ погубить дѣло эвакуаціи имущества вѣдомствъ. Особенно опасались за машины Экспедиціи заготовленія государственныхъ бумагъ (которые такъ и не были вывезены). Большое имущество было у Министерства Торговли, какъ и у другихъ Министерствъ.

Пріѣхавъ отъ Предсѣдателя Совѣта Министровъ на это совѣщаніе, я объявилъ, что Главнокомандующій отказалъ въ разрѣшеніи начать погрузку, но отъ себя добавилъ, что по моимъ свѣдѣніямъ, положеніе очень серьезное и Министерства должны быть готовы эвакуироваться каждую минуту.

Въ ту же ночь я былъ вызванъ въ Совѣтъ Министровъ, гдѣ мнѣ было объявлено Предсѣдателемъ Южно-Русскаго Правительства, что положеніе катастрофическое, и Главнокомандующій потребовалъ, чтобы Министры немедленно уѣзжали въ Севастополь на пароходѣ (кажется, «Бургомистръ Шредеръ»), отходящемъ утромъ.

Я же долженъ остаться и озаботиться немедленной погрузкой Министерствъ на «Віолетту».

Правда, добавили Министры, пароходъ, какъ говорятъ, захваченъ силою какой то гвардейской частью, но она «будетъ выбита».

Вообще же, по словамъ Министровъ, въ моемъ распоряженіи имѣлось всего два-три дня.

Вернувшись домой подъ утро и недоумѣвая, какъ я буду грузить на пароходъ, захваченный гвардейцами, и съ помощью какихъ силъ при общей разнузданности войскъ, не признающихъ никакого начальства, удастся «выбить» гвардейцевъ, я отправился на пароходъ узнать въ чемъ дѣло.

Оказалось, что дѣйствительно около 200 гвардейцевъ ворвались на пароходъ, но благодаря такту Г. И. Царика, командующаго охраной парохода, удалось придать этому видъ недоразумѣнія. Мало того, Царикъ включилъ эту часть въ свою охрану и разставилъ пикетами по пристани; и гвардейцы очень ревностно исполняли свои новыя обязанности, не допуская самовольной посадки на пароходъ своихъ товарищей-дезертировъ.

Въ тотъ же день утромъ я отправился съ докладомъ къ А. И. Деникину.

«Віолетта» можетъ идти, сказалъ мнѣ Главнокомандующій, но Вы, какъ Начальникъ губерніи, должны остаться до послѣдняго момента.

На это я указалъ, что въ виду введенія осаднаго положенія у меня нѣтъ никакой власти и никакого аппарата, ибо всѣ дѣла и государственная стража съ момента введенія осаднаго положенія подчинены Командующему войсками.

– Остаться я могу до послѣдняго момента, – сказалъ я при этомъ, но на чемъ я выѣду, если уйдетъ «Віолетта». Можетъ быть Вы дадите мнѣ мѣсто на своемъ миноносцѣ?

– У меня нѣтъ свободныхъ мѣстъ, рѣзко отвѣтилъ А. И. Можете уѣзжать на «Віолеттѣ».

Я откланялся; по дорогѣ заѣхалъ къ Командующему войсками генералъ-лейтенанту Макѣеву и разсказалъ ему и о распоряженіи Правительства относительно «Віолетты», и о моемъ разговорѣ съ А. И. Деникинымъ.

– Конечно, уѣзжайте съ «Віолеттой», – сказалъ мнѣ Макѣевъ, – иначе Васъ оставятъ здѣсь. А что касается работы, то во первыхъ, у Васъ ея и нѣтъ, а во вторахъ, и у меня не осталось помощниковъ, всѣ бѣжали, распоряжаюсь я только самъ собой. Больше дѣлаю видъ. Совѣтую скорѣе уѣзжать и вывозить кого нужно.

Разстались мы очень сердечно и я поѣхалъ распорядиться на счетъ эвакуаціи,

Погрузка началась 9 марта утромъ, но за отсутствіемъ средствъ передвиженія и огромной толпы бѣженцевъ, запрудившихъ всѣ улицы, удалось доставить къ пароходу только небольшую часть имущества Министерствъ.

10 марта я распорядился начать одновременно съ погрузкой и посадку людей, несмотря на протесты капитана «Віолетты», который доказывалъ невозможность одновременно грузить имущество и людей.

Отходъ парохода я назначилъ на 11 марта, предполагая, что посадка трехъ-четырехъ тысячъ человѣкъ будетъ закончена благодаря выработанному плану въ одинъ день, т. е. 10 марта, а на слѣдующій день удастся закончить и погрузку.

При этомъ, такъ какъ «Віолетта» была отдана въ мое распоряженіе, я считалъ, что время отхода зависитъ исключительно отъ меня. Торопилъ же я съ посадкой, такъ какъ, по словамъ Предсѣдателя Правительства, у меня было въ распоряженіи всего 2–3 дня, да кромѣ того я боялся подхода недисциплинированныхъ войскъ, которыя, не довѣряя своему начальству, боясь, что ихъ бросятъ въ Новороссійскѣ, самовольно оставляли фронтъ и шли на Новороссійскъ, захватывая поѣзда, а иногда и вступая въ бой съ находившимися въ вагонахъ отступающими частями чтобы выбить ихъ изъ поѣзда и занять ихъ мѣсто.

Завѣдующему погрузкой и посадкой чиновнику Министерства Внутреннихъ Дѣлъ Черникову я отдалъ распоряженіе отвести на ночь «Віолетту» отъ пристани, боясь покушеній на взрывъ парохода или захвата его; а рано на разсвѣтѣ «Віолетта» должна была снова подойти къ пристани и догрузиться.

Совершенно неожиданно для меня, въ восьмомъ часу вечера, комендантъ парохода, старшій лейтенантъ Слезкинъ, объявилъ мнѣ, что имъ получено распоряженіе отъ генералъ-майора Ермакова, чтобы «Віолетта» отошла въ тотъ же день, 10 марта

въ 8 часовъ вечера, причемъ идти должна не въ Севастополь, какъ распорядилось Правительство, а въ Феодосію.

При этомъ онъ добавилъ, что такъ какъ этотъ приказъ Завѣдующаго Морскимъ Транспортомъ генерала Ермакова, его главнаго Начальника, то онъ, Слезкинъ, моихъ распоряженій исполнять не можетъ, а долженъ исполнить приказъ Ермакова.

Полагая, что это недоразумѣніе и что нѣтъ никакихъ основаній, если даже считать главнымъ распорядителемъ «Віолетты» Ермакова, отходить въ 8 часовъ вечера, я отправилъ къ Ермаковку одного изъ своихъ чиновниковъ, чтобы указать на необходимость отложить отходъ «Віолетты» до слѣдующаго дня, такъ какъ часть пассажировъ (около 500) и большое количество цѣннаго имущества не можетъ быть погружено къ 8 часамъ, что пароходу не грозитъ ни малѣйшей опасности, такъ какъ при наступленіи темноты «Віолетта» отойдетъ на рейдъ. Указывалось также Ермакову, что ночью отходить безсмысленно, такъ какъ тогда «Віолетта» придетъ въ Феодосію къ ночи и по дѣйствующимъ правиламъ въ портъ ночью не будетъ впущена, и такимъ образомъ время будетъ все равно потеряно, а люди и имущество останутся непогруженными.

Въ отвѣтъ на это Ермаковъ, игнорируя меня, прислалъ коменданту Слезкину новый «боевой» приказъ, требуя немедленнаго отхода «Віолетты» въ Феодосію.

Этотъ второй «боевой» приказъ былъ приведенъ въ исполненіе немедленно, но благодаря какой то неисправности (кажется, вызванной мягкосердечіемъ команды) пароходъ задержался часа на полтора–два, чѣмъ и воспользовался Черниковъ и экстренно въ темнотѣ произвелъ дополнительную погрузку и посадку.

Около 10 часовъ вечера «Віолетта» отошла отъ пристани, оставивъ машины экспедиціи заготовленія государственныхъ бумагъ, всѣ бумаги Министерства Торговли (въ томъ числѣ дѣлопроизводство о заграничной валютѣ на сумму до милліона фунтовъ стерлинговъ), оставивъ часть багажа чиновниковъ и около 200 человѣкъ, причемъ многіе оказались разлученными со своими близкими и даже съ дѣтьми.

Однако, въ воротахъ порта «Віолетта» была задержана на нѣсколько часовъ, такъ какъ Ермаковъ, приказавъ отправить пароходъ немедленно, забылъ сообщить объ этомъ на Восточный маякъ, безъ чего ни одно судно не могло быть выпущено изъ порта.

Новая попытка воспользоваться этой небрежностью и убѣдить Ермакова задержать отправку парохода до утра, сдѣланная по телефону Начальникомъ Части Министерства Торговли и Промышленности Андерсономъ (по телефону съ маяка) успѣха не имѣла, и «Віолетта», потерявъ на безполезную стоянку около 4 часовъ, передъ разсвѣтомъ ушла изъ Новороссійска.

На борту парохода мной было созвано совѣщаніе изъ Начальниковъ всѣхъ вѣдомствъ и результаты совѣщанія вылились въ рапортѣ на имя Главнокомандующаго (см. приложеніе).

Кромѣ того мной были послана уже изъ Феодосіи, – куда «Віолетта», какъ мы и ожидали, пришла ночью и не была впущена въ портъ, потерявъ опять время въ теченіе нѣсколькихъ часовъ на новую безполезную стоянку, – телеграмма Завѣдующему эвакуаціей воинскихъ чиновъ генералъ-лейтенанту Вязьмитинову съ просьбою позаботиться о брошенномъ имуществѣ и людяхъ.

Объ обстоятельствахъ эвакуаціи «Віолетты» было доложено мной также Южно-Русскому Правительству, доживавшему въ Крыму послѣдніе дни.

Впрочемъ, все это не имѣло никакого значенія, а генералъ Ермаковъ продолжалъ оставаться въ своей должности и при генералѣ Врангелѣ, когда ни о Южно-Русскомъ Правительствѣ, ни объ юстиціи уже не было и помину.

Совѣтская цензура

(По личнымъ воспоминаніямъ)

Д. Лутохина

Въ 1919 г., сначала при Обществѣ Взаимопомощи Литераторовъ и Ученыхъ, а затѣмъ самостоятельно, началъ А. Е. Кауфманъ выпускать ежемѣсячно небольшими тетрадями «Вѣстникъ литературы». Первоначально журналъ, главнымъ образомъ, посвященъ былъ «былому» русской литературы – и кромѣ того, давалъ рецензіи вновь выходящихъ книгъ и литературную хронику. Одно время это былъ единственный несовѣтскій журналъ въ Россіи. И потому имъ очень интересовались, особенно въ провинціи. «Вы не можете себѣ представить», говорилъ мнѣ одинъ провинціальный педагогъ, «какую роль игралъ для насъ этотъ журналъ. Какъ внимательно мы его читали, какимъ событіемъ было полученіе новаго номера»... Весной 1921 г. петербургскіе литераторы торжественно отпраздновали 2-хъ лѣтній юбилей журнала, устроивъ задушевное чествованіе престарѣлаго редактора – создателя журнала. Два года – въ Совѣтской Россіи, да еще для неказеннаго журнала – очень большой срокъ – и поэтому «юбилей» не вызвалъ недоумѣній.

Провозглашеніе нэпа породило въ обществѣ надежды на смѣну политическаго курса. «Бытіемъ опредѣляется сознаніе» – одно изъ основныхъ положеній Маркса, и большевики, развязывая стихію народнаго хозяйства, какъ будто бы сами подготовляли раскрѣпощеніе жизни вообще. А. Е. Кауфманъ очень дорожилъ своимъ изданіемъ, очень берегъ его отъ цензурныхъ каръ, но все же нашелъ возможнымъ со второй половины 1921 г. нѣсколько измѣнить содержаніе журнала. Въ послѣднемъ стали появляться статьи публицистическаго характера, кое-гдѣ начинала проскальзывать робкая оппозиція. Въ одномъ же изъ послѣднихъ номеровъ «Вѣстника» за 21 годъ появилась небольшая статья Ю. И. Айхенвальда, съ превеликой наивностью, крайне ехидною, указывающая на неумѣстность въ Совѣтской Россіи чествовать память автора «Бѣсовъ». Нѣкоторые принимали эти мысли за чистую монету и начинали защищать... Достоевскаго. Большевицкіе же генералы статью поняли. Особенно негодовалъ московскій генералъ-губернаторъ Каменевъ. Какой-то личный секретарь Ленина, пріѣхавъ въ Петербургъ, просилъ дать ему для патрона два полныхъ комплекта журнала. Грѣха таить нечего: старый редакторъ былъ и взволнованъ, и польщенъ такимъ вниманіемъ «высокихъ особъ». Никакихъ предостереженій, никакого усиленія цензурнаго гнета, несмотря на обнаружившійся вдругъ къ журналу интересъ въ Кремлѣ, – не послѣдовало.

А. Е. Кауфманъ давно уже страдалъ сердечной болѣзнью и послѣднее время не разставался съ пузырькомъ нитроглицерина. Тѣмъ не менѣе ему приходилось

очень много ходить и постоянно быть въ работѣ. Гос. Издат. мѣнялъ типографіи, въ которыхъ разрѣшено было печатать «Вѣстникъ» – иногда распоряженіе о немедленной передачѣ заказа въ другую типографію дѣлалось, когда весь номеръ былъ уже набранъ. И старику нужно было бѣжать къ начальству: хлопотать объ отсрочкѣ распоряженія, улаживать дѣло въ типографіяхъ и т. п. Онъ былъ ревнивъ къ своему литературному дѣтищу и никого не подпускалъ къ изданію. Самъ вѣдалъ всѣми редакціонными и техническими деталями выпуска журнала. Очень удручала его и матеріальная сторона дѣла. Конторы у журнала не было, журналъ сдавался на комиссію – а слѣдуемыя суммы уплачивались комиссіонеромъ иногда съ такой задержкой, что составляли къ моменту разсчета при хроническомъ обезцѣненіи рубля дѣйствительно quantité négligeable. Единственно, на чемъ можно было наводить экономію – это на гонорарахъ сотрудниковъ. И они были мизерны. Старикъ очень волновался за будущее журнала. А тутъ начались еще расхожденія съ коллегами по корпораціи по вопросу о задачахъ литературныхъ учрежденій... А. Е. почувствовалъ себя въ одиночествѣ. И сталъ быстро чахнуть. Въ декабрѣ 1921 г. его не стало. Смерть свою онъ предвидѣлъ и говорилъ мнѣ, что хотѣлъ бы видѣть во главѣ изданія Н. О. Лернера. Послѣдній, однако, желанія взять дѣло въ свои руки не обнаруживалъ. Между тѣмъ, всѣ матеріалы редакціи Б. О. Харитонъ, по порученію вдовы покойнаго, передалъ мнѣ. Слѣдующій номеръ уже набирался. И я, будучи ближайшимъ сотрудникомъ А. Е. по журналу и однимъ изъ душеприказчиковъ покойнаго, съ согласія остальныхъ, взялъ на себя редактированіе журнала. Издательницей журнала была теперь вдова А. Е. – М. С. Кауфманъ. Кромѣ замѣтокъ, посвященныхъ памяти почившаго редактора, всѣ остальныя статьи были уже выправлены покойнымъ А. Е. И номеръ вскорѣ вышелъ, не встрѣтивъ какихъ-либо затрудненій въ цензурѣ. Второй двойной номеръ (38–39 отъ основанія журнала) я рѣшилъ выпустить, уже обновивъ его программу (введена была беллетристика, введены научныя статьи, усилена публицистика) и измѣнивъ самый «тонъ» журнала. Выпускъ слѣдующаго номера, въ которомъ были помѣщены неизданные тексты Пушкина, найденные П. Е. Щеголевымъ, хотѣлось пріурочить къ Пушкинскимъ поминкамъ – дню его смерти. Номеръ нужно было представлять для полученія разрѣшенія на выпускъ револ. цензурѣ (предварительной цензуры для журнала не было). Вѣдала этимъ типографія. Изъ нея мнѣ вдругъ сообщили, что цензура номеръ задерживаетъ. А до Пушкинскихъ поминокъ оставался одинъ день. Пришлось ѣхать въ цензуру самому. Какой-то молодой человѣкъ, въ военной формѣ, сообщилъ мнѣ, что разрѣшеніе выпуска встрѣтило затрудненія. «Весь номеръ составленъ у Васъ черезчуръ ... скользко», заявилъ онъ, – «двѣ-три статьи особенно насъ смутили. И мы послали номеръ въ Чека». – «Что же это предрѣшаетъ запрещеніе номера?» — спросилъ я. «Трудно сказать, вѣроятнѣе всего, что да. Подождите». Ждать пришлось цѣлый день. Я торопилъ, просилъ снестись по телефону, но лишь часу въ 6-омъ вечера, когда почти всѣ служащіе цензуры разошлись, номеръ былъ возвращенъ изъ Чека съ резолюціей: «номеръ безусловно пропустить за исключеніемъ разсказа «Бандитъ», тоже не очень вреднаго». «Значитъ, и «Бандитъ» пропустить можно съ купюрами?» — спросилъ я. «Нѣтъ, – лучше отложите его до слѣдующаго номера, мы вчитаемся въ разсказъ и устранимъ въ немъ вредное», серьезно заявилъ мнѣ цензоръ. Пришлось на это пойти – но номеръ нужно было переверстывать – и къ Пушкинскому торжеству онъ, конечно, опоздалъ: номеръ былъ сравнительно большой, въ 5 листовъ. Вскорѣ послѣ выхода этого номера цензура была преобразована, учрежденъ былъ отдѣлъ печати при Гл. Полит. Управленіи, помѣстившійся въ Петербургѣ въ квартирѣ редакціи бывшаго «Правительственнаго Вѣстника», на Фонтанкѣ 57. Введена была для всѣхъ частныхъ изданій, какъ общій порядокъ, предварительная цензура. Я

началъ представлять въ Г. П. У. матеріалы для слѣдующаго номера, какъ вдругъ получилъ лаконическое извѣщеніе отъ этого учрежденія о томъ, что дальнѣйшее изданіе «Вѣстника Литературы» прекращено. Пошелъ узнать – почему? – «За общее направленіе». – «По чьему распоряженію» – «Москвы». – «По чьей иниціативѣ?» – «Не знаемъ». Я написалъ памятную записку, въ которой указалъ, что даже Пб. чека признала безусловно возможнымъ выпустить послѣдній номеръ, что никакихъ указаній о неумѣстности той или иной темы, той или иной статьи, того или иного сотрудника, редакція никогда не получала. Поэтому дѣлать ее отвѣтственной за номеръ, разрѣшенный и военной цензурой, и Чека, представляется неправильнымъ. Записку эту я послалъ въ Совѣтъ Народныхъ Комиссаровъ. Черезъ нѣкоторое время – по протекціи — мнѣ частнымъ образомъ сообщили, что записка моя разсматривалась, запрещеніе журнала признано было неправильнымъ, но отмѣнять распоряженія Г. П. У. сочло неудобнымъ. Предложили просить о разрѣшеніи подъ новымъ названіемъ журнала, обѣщали немедленно разрѣшеніе дать.

Между тѣмъ, пока шли переговоры съ Москвой, завѣдующій отдѣломъ печати въ Петербургѣ Быстрянскій заявилъ мнѣ, что, хотя право разрѣшать новыя періодическія изданія у нихъ отнято и передано Москвѣ, онъ можетъ разрѣшить мнѣ изданіе неперіод. сборника. Обращаться въ Москву, гдѣ, какъ мнѣ было извѣстно, этимъ вопросомъ вѣдали злостные и не вполнѣ вмѣняемые Мещеряковъ и (врачъ по профессіи) Лебедевъ-Полянскій, я не хотѣлъ и пошелъ на комбинацію съ выпускомъ сборниковъ, тѣмъ болѣе, что подписки на журналъ въ Р. С. Ф. С. Р. не существуетъ. Мнѣ было дано разрѣшеніе представлять матеріалъ на цензуру въ гранкахъ, причемъ болѣе «сомнительныя статьи» я давалъ на цензуру въ рукописи, чтобы не тратиться зря на наборъ. Я указалъ въ отдѣлѣ печати, что запрещеніе «Вѣстника Литературы» заставляетъ меня быть предусмотрительнымъ и что по отношенію къ статьямъ скользкимъ я буду самъ просить ихъ быть внимательнѣе. Разсказъ «Бандитъ», представленный въ цензуру подъ новымъ названіемъ «Лѣсъ рубятъ – щепки летятъ» и сильно передѣланный – былъ цензурой пропущенъ, причемъ очень смягчена лишь сцена разстрѣла «бандита». Рецензія А. С. Изгоева на изданіе Екатеринб. Губисполкома «Изъ исторіи рабочаго движенія на Уралѣ» была запрещена цѣликомъ. Въ рецензируемой книжкѣ впервые появилось описаніе убійства Царской семьи и рецензія сжато, но передавая стиль повѣствователя, излагала исторію убійства. Запрещеніе было мотивировано такъ: «Писать о трегедіи (sic!) дома Романовыхъ можно лишь на основаніи строго провѣренныхъ научныхъ матеріаловъ, которыми разбираемая книга не является, почему замѣтка невольно сводится къ запоздалой сенсаціи. Безусловно запретить». Въ нѣкоторыхъ статьяхъ кое-какія купюры были сдѣланы, но въ общемъ книга особенно не пострадала отъ цензуры и вышла безъ задержекъ. Военная цензура, въ которую книжку все же надо было представлять для окончательнаго разрѣшенія уже въ сверстанномъ видѣ, давала его безъ затрудненій. Книга вышла – и вызвала нѣкоторое раздраженіе въ совѣтской печати. Особенно не понравилось воспроизведеніе въ «Утренникахъ» рѣчи П. А. Сорокина на Университетскомъ актѣ, рѣчи, которая послѣ ея произнесенія 21 февраля 1922 г. вызвала неистовые доносы профессора Гредескула въ совѣтскихъ газетахъ, и еще больше не понравилась статья А. С. Изгоева « Судъ надъ терроромъ». Большую злобу – особенно въ провинц. коммунистической печати — вызвала и моя маленькая рецензія на книгу проф. Оппеля «Успѣхи хирургіи», гдѣ я рекомендовалъ эту книгу сторонникамъ политическихъ операцій, не использовывающимъ ни наркоза, ни другихъ гуманныхъ пріемовъ хирургіи... и указывалъ самую безплодность операцій надъ сложными соціальными организмами. Но въ общемъ особаго вниманія все же сперва книга не

вызывала. «Утренники – названіе такое дѣтское. Мы долгое время въ нихъ и не заглядывали» какъ бы оправдывался Зиновьевъ въ одной изъ своихъ рѣчей.

Однако, матеріалъ, представленный для II книги, подвергнутъ былъ уже болѣе тщательной цензурѣ. Статья П. Сорокина «Вѣрую, Господи, помоги моему невѣрію» была цѣликомъ зачеркнута отдѣломъ печати. Статья проникнута необычайнымъ пессимизмомъ по отношенію къ будущему Россіи и написана очень сильно. Я предложилъ Быстрянскому помѣстить контръ-статью въ оптимистическомъ тонѣ. Ходилъ къ Быстрянскому объясняться и авторъ статьи. Вопросъ пересмотрѣли, но остались при прежнемъ рѣшеніи. Забраковала цензура и два сатирическихъ очерка М. Я. Козырева. Особенно интересно было описаніе имъ чудеснаго происшествія въ какомъ-то уѣздномъ городкѣ «Большевіи», мѣстами напоминающее по силѣ и яркости «Исторію города Глупова». Послѣ моихъ настойчивыхъ требованій разрѣшить помѣщеніе этихъ очерковъ, подкрѣпленныхъ ссылкой на положительный отзывъ о литературномъ дарованіи автора на страницахъ «Московской Правды», мнѣ удалось все же отвоевать второй очеркъ «Прыгунки». Въ стихотвореніи М. М. Шкапской была зачеркнута красными чернилами послѣднія семь словъ стиха, гласившаго: «и взглядъ потерянный, невидящій и бѣлый тѣхъ, кто ведетъ по утру на разстрѣлы». Эти слова замѣнили многоточіемъ. Въ письмахъ Короленко, собранныхъ С. Д. Протопоповымъ, были выброшены строки, осуждающія уничтоженіе большевиками свободы печати. Моя краткая рецензія о выпущенномъ «Задругою» сборникѣ памяти Короленко, сводившаяся къ цитатѣ изъ предисловія сборнику, кажется, В. А. Мякотина – была вычеркнута цѣликомъ. Въ автобіографіи А. С. Яковлева было выброшено мѣсто, гдѣ онъ говоритъ о своемъ эсеровскомъ прошломъ, когда они мечтали «дать революціей курицу въ супѣ каждому крестьянину, а заставили его кушать собственныхъ дѣтей». Въ письмѣ въ редакцію А. С. Изгоева, гдѣ онъ отмѣчаетъ, что въ № 2 «Красной Нови» за 1922 годъ Воронскій «докладываетъ» начальству совершенно превратно мысли Изгоева въ его статьѣ «Личность и общество», помѣщенной въ «Вѣстникѣ Литератры», слово «докладываетъ» было замѣнена цензоромъ словомъ «сообщаетъ», а «Красная», совершенно не понятно почему, опущена. Въ статьѣ «Эстетическое дышло» проф. Ф. Ф. Зѣлинскаго, присланной мнѣ передъ его отъѣздомъ въ Польшу, подданство которой онъ оптировалъ, было, дѣйствительно, опасное мѣсто. Цитируя одного древняго римскаго поэта, онъ приводитъ двустишіе, гласящее приблизительно такъ: «Слѣдую тѣмъ, кто такъ поспѣшно покидаетъ Вашу республику: ею управляютъ нынѣ глупые юноши»... Цензоръ оказался классикомъ и двустишіе вымаралъ.

Любопытный эпизодъ произошелъ съ другой статьей проф. Зѣлинскаго «Красная наука». Статья была помѣщена на двухъ гранкахъ. Первая гранка прислана изъ цензуры съ разрѣшительной надписью безъ помарокъ, вторая оказалась – цѣликомъ зачеркнутой. Я помѣстилъ тогда въ «Утренникахъ» начало статьи, подписавъ подъ ней «Продолженіе слѣдуетъ» и заявилъ цензурѣ, что снесусь съ авторомъ, прося его иначе изложить свои мысли, считаясь съ современными условіями русской печати, чего, конечно, я не сдѣлалъ. Мысли запрещенныя, даже при ихъ неизвѣстности, сильнѣе воздѣйствуютъ на общественное мнѣніе мыслей разрѣшенныхъ!..

Однако, когда вторая книга «Утренниковъ» вышла, въ типографію явились представители инспекціи надъ типографіями для разслѣдованія, почему начало статьи Зѣлинскаго «Красная наука» помѣщено было безъ тѣхъ купюръ, которыя цензура признала необходимыми. Оказалось, что цензоръ, получая по 2 экземпляра гранокъ, проглядываетъ первый экземпляръ, остающійся затѣмъ при дѣлахъ цензуры, а на другой экземпляръ помѣтки цензора переноситъ обычно канцелярія отдѣла печати, которая на этотъ разъ забыла перенести ихъ во 2-ой экземпляръ, посылаемый въ

типографію, почему мы и получили начало статьи безъ измѣненій. Невинность редакціи и типографіи были въ данномъ случаѣ совершенно очевидны, – однако, былъ составленъ протоколъ, а у отвѣтственнаго представителя типографіи отобрана была подписка о невыѣздѣ изъ Петербурга. Какія купюры хотѣла сдѣлать цензура въ началѣ статьи «Красная наука», я не знаю, но вторая ея половина была перечеркнута цензоромъ цѣликомъ*.

---

* Первая половина заканчивалась вопросомъ: должна ли въ красномъ государствѣ проходиться исключительно красная наука? Защитникамъ положительнаго отвѣта авторъ предлагалъ дополнительные вопросы:

«Какъ вы думаете осуществить эту исключительность прохожденія красной науки?» – «и что для вас дороже: чтобы молодежь слушала исключительно красную науку, или чтобы она проникалась исключительно красными убежденіями?»

Вторая половина статьи проф. Зѣлинскаго гласила:

VIII.

«Как осуществить? Нет ничего проще. Неисправимых мы устраним от дела преподавания; подозрительных будем держать под бдительным, хотя и негласным, надзором с помощью образованных нами ячеек; а взамен устраненных введем новых преподавателей, которые будут читать в желательном для нас духе.

Старые меры, много раз практиковавшиеся и в нашем Петербургском Университете от Рунича до Кассо! Можете ли вы серьезно утверждать, что они что либо принесли, кроме незавидной славы своим исполнителям?

Правда, первую меру можно осуществить без особого труда; к чему она поведет, это мы увидим в дальнейшем, но ее практической осуществимости отрицать не приходится.

Труднее обстоит дело со второй. Я и здесь не ставлю вопроса, насколько одобрительна сама по себе эта вносимая в университетские стены система цензуры, шпионства и доносов – о нравственности я вообще во всей этой статье не говорю, о целесообразности скажу потом, здесь же идет речь только об осуществимости. Я не представляю себе, как вообще можно контролировать профессорские лекции. Конечно, профессор, зная, что за ним следят, будет воздерживаться от слишком яркихъ суждений; но разве они нужны. Во-первых, у нас имеется выработанный столетней практикой, совершенно неуловимый и неуязвимый эзоповский язык; во-вторых, я даже без всякого суждения одним подбором и группировкой фактов могу произвести желательное для меня впечатление; в третьих, даже если бы вы могли контролировать то, что я говорю – того, о чем я молчу, вы контролировать не можете. А это подчас бывает важнее.

Что же касается третьей меры, то о ней даже трудно говорить без улыбки. Введем подходящих людей! Легко сказать; откуда вы их возьмете? Ведь в том то и горе, что в серьезной науке таковых нет. Вот вы и вводите, кого считаете возможным; но уже та первенствующая роль, которую среди них играет много раз названный изобретатель, доказывает, что блеснуть вам некем. Да вы и сами знаете им цену; а учащаяся молодежь, думаете вы, их не раскусила?

IX.

Нет, приговор истории неумолим: контроль и насильственное направление научного преподавания неосуществимы. Что толку в том, что вы перед лицом всей Европы «откровенно и честно» отменили свободу науки? Конфуз вышел изрядный, а толку нет и не будет. Свобода – неот'емлемое достояние науки; это доказала история уже не последнего столетия только, а всего тысячелетия слишком новой истории. Античность на свободу науки не посягала – она была для этого слишком умна. А смехотворные, хотя порой и жестокие попытки новых времен, уподобили ее колобку нашей народной сказки. Подобно ему, и она может сказать: «я от схоластики ушла, я от инквизиции ушла, я от пуританизма ушла, я от абсолютизма ушла, я от Рунича ушла, я от Кассо ушла – и от вас, товарищ имярек, и подавно уйду»...

Виноват, сравнение как будто хромает: дело в том, что колобок под конец был все-таки с'еден лисицей. – Но нет, все в порядке: «ибо лисица, товарищи – имяреки, – не вы. Для этого вы слишом и откровенны, и честны.

X.

Довольно, однако, об этом; переходим ко второму вопросу. Что важнее для вас: чтобы молодежь слушала одно красное (прошу прощения за путаницу чувственных восприятий) или чтобы она становилась красной?

Вы скажете, конечно, что тут никакой разделительности нет, что первое – естественное условие второго: именно тогда она и станет красной, когда будет слушать одно только красное. И в том, что вы этому серьезно поверили, и заключается ваша колоссальная наивность, ваше полнейшее непонимание психологии.

Ведь, если даже допустить, что с кафедры раздается слово не такого дворянина на безлюдии, как много раз нами означенный Фома, а убежденное красное слово неопороченного человѣка; если допустить

На этомъ я прерву изложеніе исторіи цензурныхъ преслѣдованій «Утренниковъ» и перейду къ исторіи журнала «Экономистъ», такъ какъ впослѣдствіи пути ихъ совпали. Но для этого нужно начать нѣсколько издалека.

Въ январѣ 1921 г. я былъ выбранъ товарищемъ предсѣдателя Промышленно-Экономическаго отдѣла Русскаго Техническаго Общества, предсѣдателемъ же Е. Л. Зубашевъ, бывшій директоръ Томскаго Технологическаго Института, высланный въ свое время изъ Томска министромъ вн. дѣлъ В. К. Плеве, а впослѣдствіи избранный въ члены Государств. Совѣта отъ торгово-промышленной группы. Е. Л. Зубашевъ лишенъ былъ возможности удѣлять много времени предсѣдательствуемому имъ отдѣлу Об-ва и все веденіе дѣла довѣрилъ мнѣ. Я прежде всего организовалъ рядъ засѣданій, посвященныхъ вопросамъ послѣ-военной экономики. Засѣданія шли очень оживленно. Доклады дѣлались обстоятельные, возбуждали къ себѣ большой

далее, что поглощенное умственно содержание так же механически окрашивает душу юноши, как выпитая комаром кровь его тело — долго ли такая окраска останется нелинючей? В Университете вы всячески берегли его от науки нежелательных оттенков, а в жизни он встретится с ними на каждом шагу, т. е. в такое время, когда ему нельзя будет говорить своему учителю свои сомнения. Нет, зачем же, скажете вы: эти учителя должны тоже излагать на своих лекциях мнения противниковъ — конечно, для того, чтобы их опровергать. — Позвольте полюбопытствовать: излагать хорошо или плохо? Если хорошо, то зачем же вам было устранять этихъ противниковъ? Ведь они, надо полагать, гораздо лучше в состоянии изложить свои собственные мнения. Если же — плохо, то что вы выиграете? Ваш юноша будет беспомощен в споре с каждым, кто изложит их лучше, будь то человек или книга.

Древние философы — профессора афинских школ нарочно посылили своих учеников слушать лекции философов иных направлений — именно для того, чтобы их для себя сохранить. Это были умные люди.

Но это не все и даже не главное.

XI.

Главное то, что сама теория, о которой здесь идет речь, основана на психологической ошибке. Человек проникается теми убеждениями, которые ему внушают — в самом деле? Иногда да, но иногда и нет; вы же создаете все условия для того, чтобы результат получился отрицательный.

Позволю себе тут процитировать самого себя. Лет 17 тому назад, когда упраздненный ныне строй был еще очень сильным и те же меры, как и ныне, применялись в интересах не красной, а черной науки, я в следующих словах протестовал против них (Из жизни идей т. II, стр. 240, 2-го издания — цитирую его, так как я этого экскурса уже не переиздавал):

«Ученики, особенно старших классов (а студенты, прибавлю теперь, тем более) очень ревниво относятся ко всяким воздействиям на их чувства; всегда они, сознательно или инстинктивно, ставят преподавателю вопрос: «да сам-то ты по убеждению говоришь?» Почему всякие оппозиционные учения, даже самые несостоятельные, так сочувственно воспринимаются учениками? Потому, что они знают: говоря нам это, учитель рискует своей карьерой — значит, он убежден. Внутренние критерии правды доступны лишь немногим; большинство заменяет их внешними: «правда — это то, за что человек готов пострадать».

Это было напечатано, повторяю, в 1905 году; полагаю, что случившееся двенадцатью годами спустя вполне подтвердило правильность моего предостережения. Теперь победоносная партия применяет те же меры для укрепления своей собственной позиции в головах и сердцах молодежи; и разве мы не видим, как она, чем далее, тем более теряет почву и в тех, и в других? Бывшее большинство стало меньшинством, а кто присмотрелся к составу этого меньшинства и к его умственному и нравственному уровню, тот и подавно будет склонен поставить на нем крест.

XII.

Переубедит ли это разсуждение моих противников? Мы вообще народ мало переубедимый и не сдаемся даже перед очевидностью; вывернуться каким нибудь риторическим фокусом всегда можно. А тут, пожалуй, даже этого не нужно.

Я не хотел преждевременно смущать себя и своих читателей, но теперь признаюсь: во время всего этого спора я видел на лице моих противников улыбку — не то насмешливую, не то презрительную.

— Мы вовсе не так наивны, как вы воображаете. Мы прекрасно знаем, что то студенчество, о котором вы говорите — студенчество интеллигентное, сознательное, одним словом — настоящее — не за нас. Мы, поэтому, сами на нем поставили крест... или вернее, поставили бы, если бы таковой имелся в нашем распоряжении. Но зато в нашем распоряжении иная молодежь, с иной психологией, не столько образованная, сколько натасканная необходимыми специальными знаниями и, прежде всего, пропитанная ненавистью. Для нее то, в сущности, товарищ-имярек и изобрел красную науку. Вы совершенно напрасно изволили волноваться: из всех ваших стрел ни одна не попала в цель.

Да, если так, то это — опять новая постановка вопроса. Ну, что-ж, хорошо, что хоть до этого договорились.»

интересъ – тѣмъ болѣе, что обстановка засѣданій допускала полную свободу сужденій. Лицъ, сколько-нибудь подозрительныхъ, на засѣданіяхъ замѣтно не было. Какъ-то, въ серединѣ лѣта 1921 г., на засѣданіе заглянулъ очень энергичный молодой издатель А. С. Каганъ, до того у насъ не бывавшій. Послѣ засѣданія мы вышли вмѣстѣ и А. С. предложилъ мнѣ организовать изданіе вѣстника отдѣла. Я считалъ мало вѣроятнымъ разрѣшеніе спеціальнаго экономическаго журнала, но заявилъ полное согласіе отъ имени отдѣла на возбужденіе надлежащаго ходатайства. Совѣтъ Об-ва по докладу отдѣла утвердилъ ред. коллегію журнала, въ составѣ 12 лицъ, изъ среды экономистовъ-практиковъ и теоретиковъ, и одобрилъ предложенное мною наименованіе: «Экономистъ».

Пока получено было разрѣшеніе на журналъ, пока собирался матеріалъ, пока онъ печатался – прошло нѣсколько мѣсяцевъ – и первая книга «Экономиста» вышла въ декабрѣ 1921 г. Потомъ дѣло пошло живѣе. Вторая книга вышла уже въ февралѣ 22 года. Ни первая, ни вторая книга цензурнымъ преслѣдованіямъ не подвергались. Даже въ части Совѣтской печати – нѣкоторыхъ спеціальныхъ журналахъ – къ «Экономисту» отнеслись почти привѣтливо. Зато и петерб. и моск. газеты открыли противъ него ожесточенную кампанію.

Долженъ сознаться, что гоненія противъ журнала, а пожалуй и самую высылку и его сотрудниковъ, а съ ними заодно и многихъ другихъ интеллигентовъ, спровоцировалъ, – конечно bona fide – авторъ настоящей статьи, въ чемъ и считаю нужнымъ чистосердечно покаяться!..

Разсылая «Экономиста» для отзыва разнымъ лицамъ, я счелъ нужнымъ послать одинъ экземпляръ перваго и второго номера В. И. Ленину. Для вѣрности эта посылка осуществлена была черезъ управляющаго дѣлами Совѣта Нар. Ком., Н. П. Горбунова, одинъ изъ родственниковъ котораго былъ моимъ сослуживцемъ. Хотя на книгахъ было помѣчено «отъ редакціи», самъ Ленинъ эпизодъ съ полученіемъ ихъ изложилъ неполно. Въ № 3 журнала «Подъ знаменемъ марксизма» за 22 годъ Ленинъ разразился статьей противъ «Экономиста», въ которой отмѣтилъ, что одинъ молодой коммунистъ съ восторженнымъ отзывомъ принесъ ему «Экономистъ»: коммунистъ этотъ де или плохо читалъ его, или не понялъ. О томъ, что журналъ присланъ былъ ему отъ редакціи, Ленинъ не упомянулъ. Журналъ, по мнѣнію Ленина, преслѣдуетъ сознательно или безсознательно крѣпостническія тенденціи, и Ленинъ совѣтуетъ господамъ, подобнымъ сотрудникамъ «Экономиста», предложить проѣхаться въ Зап. Европу, чтобы на своей шкурѣ они оцѣнили прелести той «демократіи», о которой мечтаютъ для Россіи. (Ленинъ уже тогда не могъ различить «крѣпостничества» отъ «демократизма»...) Статья написана была Ленинымъ на одрѣ болѣзни – вѣроятно, въ одинъ изъ свѣтлыхъ промежутковъ – и являлась какъ бы его политическимъ завѣщаніемъ – блюсти за «крѣпостниками изъ интеллигенціи». Г. П. У. статью приняло къ свѣдѣнію и началась подготовка списковъ тѣхъ, кого надлежало ознакомить съ «прелестями демократіи на Западѣ», благо прецеденты съ высылкой за-границу уже были: высланы были туда меньшевики, выслана была и Е. Д. Кускова съ мужемъ С. Н. Прокоповичемъ. Въ то же время до насъ начали доходить слухи, что «Экономистъ» будетъ запрещенъ. Однако, третью книгу удалось выпустить въ началѣ мая. Рядъ статей оказался крайне пострадавшимъ отъ цензурной правки. Но послѣ статьи Ленина и всевозможныхъ зловѣщихъ слуховъ приходилось радоваться и тому, что журналъ еще можно было выпускать, и на всякій случай я пустилъ слѣдующую книгу двойной по объему, помѣтивъ на обложкѣ: № 4–5. Увы! Объемъ книги вышелъ гораздо меньше предположеннаго. На этотъ разъ цензура рвала и метала. Три статьи были совершенно запрещены. Запрещена была статья Б. Д. Бруцкуса «Объ историческихъ

корняхъ русской революціи», заготовленная имъ за нѣсколько мѣсяцевъ до того для другого журнала, не осуществившагося по волѣ начальства; статья А. С. Изгоева, являвшаяся первымъ опытомъ ввести въ «Экономистъ» внутреннее обозрѣніе, а также переводъ замѣтки одного нѣмецкаго экономиста, кажется, Лентца, о русскомъ золотомъ фондѣ. Почему запрещена была статья Б. Д. Бруцкуса, мнѣ и до сихъ поръ не понятно, хотя Зиновьевъ съ большимъ озлобленіемъ огласилъ на съѣздѣ Р. К. П. большую цитату изъ этой статьи, очевидно, бывшей у него въ гранкахъ. Потомъ, вѣроятно, спохватившись, что цитировать статьи, не увидѣвшія свѣта, не очень удобно, онъ выбросилъ это мѣсто рѣчи изъ отдѣльнаго изданія послѣдней. Статья А. С. Изгоева, возможно, была запрещена потому, что авторъ ея, между прочимъ, подробно останавливался на дѣятельности редактора Петерб. «Правды» Сафарова въ Туркестанѣ, гдѣ онъ неудачно вѣдалъ экон. политикой края, борясь съ крупными формами хозяйства и возстанавливая хозяйство натуральное, почему и былъ затѣмъ отозванъ. Сафаровъ въ Петербургѣ сдѣлался очень причастенъ къ дѣятельности Чека, даже въ своихъ статьяхъ онъ нерѣдко подготовлялъ публику къ особо важнымъ и волнующимъ актамъ сего учрежденія, а вскорѣ затѣмъ и заступилъ Быстрянскаго, въ качествѣ завѣдующаго отдѣломъ печати Г. П. У...

Другихъ объясненій запрещенія статьи А. С. Изгоева не придумать. Развѣ могло имѣть еще значеніе то обстоятельство, что она цѣликомъ была основана на свѣдѣніяхъ совѣтской печати, а большевики особенно раздражаются, когда ихъ бьютъ ихъ же оружіемъ!

Замѣтка Лентца запрещена была мотивированно: авторъ, по мнѣнію цензора, стремился доказать, что золотой фондъ Совѣтской Республики будетъ скоро исчерпанъ. Слѣдуетъ оговорить, что въ дѣйствительности Лентцъ утверждалъ – на основаніи ряда цифръ, – что у Правительства Кремля больше золота, чѣмъ оно оффиціально показываетъ... Да, не пропущена была еще цензурой моя рецензія на книгу Г. Г. Швиттау. Почти всѣ остальныя статьи болѣе или менѣе отъ цензуры также пострадали. Изъ статьи «Россія и международный рынокъ» была выброшена даже большая цитата изъ стихотворенія Демьяна Бѣднаго, помѣщенная въ Извѣстіяхъ В. Ц. И. К.-а. Въ Статьѣ «Наши финансы въ 1918–20 гг.» вычеркнули, между прочимъ, ссылку на циркуляръ Наркомфина, запрещавшій примѣнять тѣлесное наказаніе при взысканіи налоговъ, что по словамъ циркуляра имѣло мѣсто въ нѣкоторыхъ губерніяхъ Р. С. Ф. С. Р. Въ статьѣ «Голодъ и идеологія общества» П. А. Сорокина всѣ соображенія послѣдняго о причинахъ и мотивахъ участія интеллигенціи не голодающей въ коммунистическихъ движеніяхъ, которыя онъ характеризуетъ, какъ продуктъ голода, выправили весьма внимательно. Въ статьѣ «Значеніе Мурманской ж. д. въ хозяйственной жизни Россіи» цензура взяла даже подъ защиту Царское правительство, по мнѣнію автора, въ своей экономической политикѣ игнорировавшее потребности населенія. Соотвѣтствующій абзацъ цензура выбросила. Очевидно, только потому, что «на ворѣ шапка горитъ»...

Но такъ или иначе, въ концѣ іюня вышла и эта 4–5 книга «Экономиста».

Вскорѣ послѣ того въ СПБ. «Правдѣ» появилось письмо въ редакцію Льва Марковича Василевскаго, въ которомъ онъ сообщалъ, что выходитъ по политическимъ мотивамъ изъ состава сотрудниковъ «Экономиста». Въ дѣйствительности, г. Василевскій не былъ приглашенъ въ сотрудники «Экономиста», а, явившись ко мнѣ въ качествѣ зятя покойнаго А. Е. Кауфмана, просилъ помѣстить его статью о голодѣ въ «Утренникахъ». Ввиду того, что статья для послѣднихъ не подходила, а была не безынтересна, я помѣстилъ ее, съ согласія автора, въ «Экономистѣ», устранивъ въ ней безтактныя выходки противъ дѣятельности въ провинціи представителей АРА. Вотъ въ чемъ

выразилось сотрудничество г. Василевскаго въ «Экономистѣ» – и письмо его въ редакцію на меня произвело тогда впечатлѣніе доноса.

Между тѣмъ, по Петербургу ходили какіе-то молодые, совсѣмъ неграмотные чекисты, собиравшіе свѣдѣнія о томъ, гдѣ какой литераторъ живетъ. Узнавъ, заходили въ соотвѣтствующій Управдомъ и разспрашивали, кто изъ жильцовъ дома еще литературой занимается...

13 іюля я получилъ отъ петербургскаго отдѣла печати Г. П. У. извѣщеніе о томъ, что по распоряженію Москвы дальнѣйшій выходъ журнала «Экономистъ» запрещенъ, а черезъ недѣлю я былъ уволенъ отъ службы въ бумажной промышленности, гдѣ работалъ съ 1918 года.

Я зашелъ въ Г. П. У., чтобы разузнать причины запрещенія, но ихъ мнѣ не сообщили. Только заявили, что такое же распоряженіе одновременно получено и по отношенію къ «Утренникамъ», но такъ какъ послѣдніе выходили не какъ період. изданіе, то они не сочли нужнымъ меня объ этомъ предварительно извѣстить.

16 августа утромъ я подалъ Быстрянскому два прошенія: одно о разрѣшеніи мнѣ издавать сборникъ «Экономистическій магазинъ», причемъ я указывалъ, что названіе мною заимствовано у масона Новикова, издававшаго подъ этимъ названіемъ особыя приложенія къ «Московскимъ Вѣдомостямъ» въ 1779–84 гг. (привожу годы на память). Другое – о разрѣшеніи издавать альманахъ «Млечный путь». Этимъ названіемъ я хотѣлъ намекнуть на то, что альманахъ будетъ отражать настроеніе не «штаба контръ-революціонной буржуазіи», которымъ Зиновьевъ объявилъ на съѣздѣ РКП. редакцію «Экономиста», а безчисленнаго множества людей, волею исторіи оказывавшихся подданными правительства РКП. и Коминтерна.

Я захватилъ съ собой къ Быстрянскому на всякій случай и рукописи для обоихъ сборниковъ, но онъ ихъ не взялъ: «Подождите нѣсколько дней – мы разсмотримъ сначала вопросъ принципіально».

Я полюбопытствовалъ, какой долженъ быть подборъ рукописей, чтобы застраховать сборники отъ участи «Экономиста» и «Утренниковъ». «Вотъ не хорошо, что у васъ не пишутъ коммунисты. А потомъ не нужно касаться политики» – заявилъ онъ. – «Очень трудно установить, что съ вашей точки зрѣнія является политикой, и кастрировать себя, вытравлять въ себѣ какую-то «политику» писателю не всегда легко. Ужъ пусть этимъ занимается цензура... Цензуруйте, какъ хотите, на то – вы диктаторы, но дайте возможность продолжать литератору заниматься своимъ дѣломъ. Ему, вѣдь, теперь труднѣе писать, чѣмъ при Николаѣ I» – откровенно высказалъ я завѣдующему отдѣломъ печати.

Въ ту же ночь и я, и еще 161 человѣкъ были въ разныхъ мѣстахъ Россіи арестованы по одному списку, утвержденному ВЦИК.* Всѣмъ намъ было предъявлено обвиненіе по ст. 57 совѣтскаго угол. кодекса, а затѣмъ предложено подать прошенія о разрѣшеніи на выѣздъ за-границу. До оформленія отъѣзда петербуржцевъ около 3 мѣсяцевъ держали въ тюрьмѣ. Допрашивали меня только разъ – и допросъ свелся лишь къ «интервью», какъ я отношусь къ структурѣ Сов. государства и къ системѣ пролетарской власти, къ с-рамъ, савинковцамъ и смѣновѣховцамъ и т. д. Интервью сдѣлано было слѣдователемъ по «шпаргалкѣ», состоявшей изъ 6 стереотипныхъ вопросовъ. Ничего конкретнаго слѣдствіе узнать не желало.

---

* Покойный Д. С. Зерновъ, участвовавшій въ коллегіи «Экономиста», разсказывалъ мнѣ, что онъ былъ включенъ въ этотъ списокъ, но изъ него по требованію Главпрофобра (отдѣлъ комиссаріата нар. пр., завѣдующій профессіональнымъ образованіемъ) исключенъ.

Уже послѣ освобожденія, ко мнѣ на домъ являлся молодой чекистъ, допытывавшійся, кто такой Гадаевъ, будто бывшій моимъ сотрудникомъ. Увы! Я не могъ удовлетворить его любопытства, ибо такая фамилія мнѣ совершенно не извѣстна. Вотъ и все – «слѣдствіе».

Пока я находился въ тюрьмѣ, какъ-то ко мнѣ на квартиру зашелъ какой-то служащій отдѣла печати и сообщилъ моимъ родственникамъ, что одно изъ моихъ прошеній о разрѣшеніи мнѣ издавать сборникъ (не знаю, какой) удовлетворено и что нужно представить на цензуру рукописи.

Я этого не сдѣлалъ. Я былъ радъ, что знакомство съ совѣтской цензурой кончилось еще благополучно.

Сидя въ Г. П. У. на Гороховой я схватилъ жестокій ревматизмъ, сдѣлавшій мою высылку невыполнимой до начала февраля 23 г. Я еще и тогда не оправился отъ болѣзни, но спѣшилъ уѣхать. А вдругъ-де передумаютъ – и примѣнятъ иную мѣру наказанія.

О томъ, за что конкретно меня высылаютъ, мнѣ, правда, не объяснили, но было очевидно, что высылаютъ за литературную «анти-совѣтскую» дѣятельность. Оцѣнивали ли ее иначе тѣ цензора, которые разрѣшали инкриминируемыя мнѣ изданія, я не знаю... Можетъ быть, имъ предложено было до поры – до времени дать людямъ выговориться... Можетъ быть, этого и не было. Когда-нибудь историкъ освѣтитъ этотъ интересный эпизодъ въ исторіи русской печати при диктатурѣ пролетаріата. Вѣроятно, объяснитъ онъ также, почему Г. П. У., разрѣшающее добровольный выѣздъ за-границу только «благонадежнымъ» лицамъ, часть «неблагонадежныхъ» туда высылаетъ, ссылая другихъ въ Обдорскъ и прочія внутреннія мѣста отдаленныя.

Но послѣдній вопросъ уже выходитъ за рамки темы настоящей статьи.

Бѣгство

(Іюль—Октябрь 1921 г.)*

А. А. Гольденвейзера

I. НА ПУТЯХЪ КЪ ГРАНИЦѢ.

Тяга на волю. — Способы проѣзда къ границѣ. — Подготовка къ путешествію. — Таинственныя исчезновенія. — Мой уговоръ съ желѣзнодорожникомъ. — Путевыя впечатлѣнія. — Бытъ «протекціоннаго вагона». — Въ пограничномъ мѣстечкѣ: типы, нравы, занятія и настроенія. — Контрабанда. — Ночная поѣздка по лѣсу. — У роковой черты.

Нелегальные отъѣзды за-границу стали въ Кіевѣ сравнительно частымъ явленіемъ, начиная съ осени 1920 года. Къ этому времени упроченіе большевиковъ сдѣлалось для всѣхъ очевиднымъ, а надежды на интервенцію пали. И вотъ всѣ, кому совѣтскій режимъ былъ не въ моготу, стали спасаться, кто какъ могъ, за собственный страхъ и рискъ.

Кто уѣзжалъ за-границу? Уѣзжали всѣ тѣ, кто теперь составляетъ разношерстные кадры русской эмиграціи. Бѣгство отнюдь не носило классоваго характера. Жизнь стала невыносимой — и въ моральномъ, и въ матерьяльномъ отношеніи — для громаднаго большинства городского населенія. И всякій, кто имѣлъ малѣйшую возможность, уѣзжалъ, а кто этой возможности не имѣлъ, — мечталъ объ отъѣздѣ заграницу.

На этой мечтѣ сходились люди самыхъ различныхъ круговъ, соціальныхъ положеній и политическихъ убѣжденій. Одинъ бѣжалъ отъ политическихъ преслѣдованій, другой — отъ матерьяльной нужды, третій — отъ невозможности приложить свои силы. Одинъ и тотъ же гнетъ душилъ всѣхъ — отъ меньшевика до монархиста, отъ интеллигентнаго пролетарія до разореннаго милліонера.

Людямъ умственнаго труда жилось во многихъ отношеніяхъ несравненно тяжелѣе, чѣмъ представителямъ торгово-промышленной буржуазіи, хотя гнѣвъ коммунистовъ былъ направленъ, главнымъ образомъ, противъ послѣднихъ. Интеллигенція была болѣе уязвима, ея горе глубже, ея разочарованіе трагичнѣе. И труднѣе

---

* Настоящій очеркъ можетъ служить эпилогомъ къ моей работѣ «Изъ Кіевскихъ воспоминаній (1917–1921 г. г.)» (Архивъ русск. революціи, т. VI, стр. 161–303).

Пользуюсь случаемъ исправить одну допущенную мною въ указанной работѣ ошибку. На стр. 172, цитируя слова о назначеніи адвокатуры, я приписалъ ихъ В. Д. Спасовичу. Въ дѣйствительности приведенныя мною слова принадлежатъ О. О. Грузенбергу.

давалось ей приспособленіе къ новому строю, для чего приходилось профанировать свое самое святое и направлять свою умственную работу въ новыя, насильственно навязанныя формы.

Съ другой стороны, «бывшіе буржуи» въ большей степени, чѣмъ интеллигенція, подвергались личной опасности. На нихъ съ особой силой сыпались обыски, аресты, принудительныя работы и прочіе напасти и скорпіоны.

И, въ результатѣ, тѣхъ и другихъ объединяла мысль объ отъѣздѣ, какъ объ единственномъ оставшемся пути избавленія.

Случаи выѣзда становились все чаще и чаще. Всю зиму 1920—1921 гг. въ Кіевѣ только и говорили объ отъѣздахъ и попыткахъ отъѣзда — прошлыхъ, настоящихъ и будущихъ. И во всѣхъ случаяхъ, когда принято обмѣниваться добрыми пожеланіями, желали другъ другу только одно: уѣхать, не быть больше здѣсь, оказаться скоро тамъ...

Городъ пустѣлъ.

* * *

До заключенія, осенью 1920 г., перемирія съ поляками, бѣгство могло происходить только путемъ перехода черезъ фронтъ. Однако, такого рода экспедиціи представляли значительную опасность и были поэтому многимъ не по вкусу. Впослѣдствіи, когда боевыя дѣйствія затихли, опредѣлились два направленія, по которымъ открывалась возможность отъѣзда. Первое изъ этихъ направленій шло черезъ Бессарабію, ставшую составной частью Румынскаго королевства. Второй маршрутъ лежалъ черезъ Польшу; установленная по окончаніи войны граница Польскаго государства проходила черезъ бывшую Волынскую губернію, и нѣкоторые ея городки и мѣстечки стали излюбленными мѣстами для переправы.

Переходъ черезъ самую границу, какъ говорили, особыхъ трудностей не представлялъ; и всѣ помыслы невольныхъ эмигрантовъ были направлены прежде всего на то, какъ добраться изъ Кіева до намѣченнаго пограничнаго пункта. Вѣдь на каждое передвиженіе по желѣзной дорогѣ требовался пропускъ, выдаваемый «Особымъ отдѣломъ Че-ка». Полученіе же пропуска въ пограничную полосу было связано со спеціальными трудностями.

Для полученія пропуска на любую станцію было необходимо имѣть служебную командировку отъ какого-либо совѣтскаго учрежденія. Когда, лѣтомъ 1921 г., мнѣ понадобилось съѣздить по своему личному дѣлу въ Москву, я долженъ былъ заручиться командировкой отъ одного, — существовавшаго главнымъ образомъ на бумагѣ, — учрежденія, носившаго названіе «Бюро промышленныхъ развѣдокъ». Въ полученной мною бумагѣ была очень подробно расписана важность промышленныхъ развѣдокъ для совѣтскаго государства и важность моей поѣздки въ Москву для промышленныхъ развѣдокъ. Простоявъ нѣсколько дней въ очереди, я получилъ тогда изъ Особаго отдѣла пропускъ въ Москву.

Но съ выѣздомъ къ границѣ дѣло обстояло далеко не такъ просто. «Особый отдѣлъ» весьма настораживался, какъ только вопросъ касался пропуска въ городъ, подозрительно близкій къ западной границѣ. Начинались упорные разспросы о цѣли поѣздки и чаще всего въ выдачѣ пропуска отказывали. При этомъ, нерѣдко какъ лицо, хлопотавшее о пропускѣ, такъ и учрежденіе, выдавшее командировку, брались подъ подозрѣніе, и дѣло кончалось худо.

Но къ счастью взятка издавна служитъ у насъ вѣрнѣйшей гарантіей гражданскихъ вольностей, и благодаря взяткѣ не существуетъ препятствій, которыхъ невозможно было бы преодолѣть. Въ концѣ концовъ, послѣ нѣсколькихъ мѣсяцевъ практики, выработался цѣлый рядъ способовъ переѣзда въ пограничные пункты.

Операціи съ фиктивными командировками не всегда сходили благополучно, и поэтому многіе не останавливались предъ тѣмъ, чтобы добыть себѣ командировки настоящія. Для этого нужно было поступить на службу въ какое-нибудь учрежденіе, имѣющее связь съ пограничной полосой, а затѣмъ добиваться перевода на новую должность куда-нибудь поближе къ границѣ. Конечно, приходилось запастись изряднымъ терпѣніемъ, такъ какъ тотчасъ по поступленіи на службу такіе переводы не давались; кромѣ того, было необходимо до извѣстной степени заслужить довѣріе у своего начальства. Все это было и продолжительно, и непріятно. Зато въ результатѣ получалась возможность выѣзда съ семьей на вполнѣ легальныхъ началахъ и при довольно сносныхъ условіяхъ. Пріѣхавъ на «новое мѣсто службы», такого рода сотрудники обыкновенно немедленно переправлялись черезъ границу.

Возможность выдавать командировки въ пограничный районъ создавала для начальственныхъ особъ нѣкоторыхъ совѣтскихъ учрежденій совершенно для нихъ непреоборимый соблазнъ. Вѣдь такая возможность была равносильна патенту на торговлю командировками. Этой торговлей и занялись многіе совѣтскіе магнаты.

Всякое коммерческое дѣло, — даже въ коммунистическомъ государствѣ, — идетъ лучше всего при помощи посредниковъ. Поэтому у насъ вскорѣ создался особый типъ людей, которыхъ можно назвать предпринимателями или подрядчиками по вывозу за-границу. Они устраивали сближеніе между жаждущимъ уѣхать гражданиномъ и жаждущимъ получить взятку совѣтскимъ чиновникомъ. Они же обставляли самый отъѣздъ и сопровождали уѣзжающихъ вплоть до границы.

Самымъ дорогимъ и комфортабельнымъ способомъ отъѣзда былъ тотъ, когда въ роли предпринимателя фигурировалъ гонецъ, спеціально присланный за какой либо семьей ея родными изъ за-границы. Такіе гонцы пріѣзжали въ Кіевъ во всеоружіи опыта и знакомствъ съ пограничной стражей. И, что самое главное, они привозили съ собой изъ за-границы валюту, отъ вида которой, какъ отъ солнечныхъ лучей, таяли ледяныя сердца совѣтскихъ чиновниковъ...

* * *

Полученіемъ командировки и пропуска не ограничивались хлопоты и приготовленія къ отъѣзду. Не менѣе важнымъ было обставить свой выѣздъ съ внѣшней стороны такъ, чтобы онъ ни въ комъ не возбудилъ подозрѣній и не закончился проваломъ. Къ этому велъ только одинъ путь — опрощеніе. Необходимо было превратиться въ рядового путешественника, отнюдь не могущаго обратить на себя вниманіе злыхъ геніевъ Че-ка или Особ-отдѣла. Надлежало принять внѣшнее обличье, ничѣмъ не отличающееся отъ нормальнаго вида публики, какая въ то время наполняла поѣзда и вокзалы. Косоворотка, сапоги, фуражка или картузъ: болѣе изысканный костюмъ отнюдь не допускался...

Внѣшній видъ и содержимое багажа также служили предметомъ тяжкихъ заботъ и думъ. Первое и главное условіе, касающееся багажа, сводилось къ тому, чтобы его было какъ можно меньше. Всякій лишній свертокъ, — говорили подрядчики по перевозкѣ за границу — привлекаетъ излишнее вниманіе, каждый лишній фунтъ затрудняетъ передвиженіе. Отъѣзжающихъ стращали разсказами о томъ, какъ многіе изъ ихъ предшественниковъ попадались изъ-за своего багажа, и увѣщевали ихъ отрѣшиться отъ пагубной привязанности къ вещамъ.

То малое, что разрѣшалось брать съ собой, предписывали сложить въ простой мѣшокъ. Всѣ виды чемодановъ считались признакомъ принадлежности къ буржуазіи. Кромѣ того, мѣшки имѣли преимущество большей портативности.

Чтобы собрать средства на дорогу, а также чтобы уменьшить предательскій объемъ своего багажа, отъѣзжающіе посвящали послѣднія недѣли своего пребыванія дома усиленной распродажѣ вещей. Продавали весь остатокъ своего имущества, – все, чего не продали раньше: квартиру, мебель, шубы, бѣлье и т. д., и т. д. Единственное, что старались по возможности сохранить и во что стремились превратить все свое имущество, это были драгоцѣнности и иностранная валюта.

Съ цѣнностями была, однако, новая бѣда. Возникалъ роковой вопросъ: куда ихъ спрятать? Громадное большинство уѣзжавшихъ были людьми разоренными и обнищавшими. Въ какомъ нибудь одномъ, купленномъ цѣною величайшаго напряженія, камешкѣ заключался экстрактъ изъ всего остатка ихъ достоянія. На этомъ же камнѣ или на бумажкѣ въ нѣсколько долларовъ покоилась вся надежда на возможность кой-какъ перебиться первое время за границей. А вмѣстѣ съ тѣмъ, достаточно было обнаружиться какой-либо цѣнности на обыскѣ, – отъ каковаго ни одинъ путешественникъ гарантированъ не былъ, – чтобы не только деньги пропали, но и самъ владѣлецъ ихъ оказался пойманнымъ «съ поличнымъ»...

Гдѣ только ни прятали люди свои миніатюрныя богатства! Кажется, не существовало такого укромнаго уголка человѣческой одежды, который бы въ этихъ случаяхъ не служилъ кому-нибудь сэфомъ. Камни вдѣлывались въ каблуки, золотыя монеты обшивались матеріей и служили пуговицами. Секретными хранилищами для камней служили карандаши со спеціально выдолбленнымъ дупломъ, стеариновыя свѣчки съ выскобленнымъ и затѣмъ вновь залитымъ отверстіемъ. Кредитные билеты полагалось зашивать въ платье.

Пригодность различныхъ сортовъ валюты для этой цѣли учитывалась въ ихъ курсѣ на кіевской подпольной биржѣ.

– Доллары котируются выше фунтовъ, говорили наши биржевики, – потому что они не шуршатъ...

Нужно, однако, сказать, что всѣ эти ухищренія не приносили особой пользы. Если дѣло доходило до обыска, то обычно, такъ или иначе, все скрытое обнаруживалось. Чаще всего самъ обыскиваемый приходилъ въ такое состояніе духа, что ему становилось уже безразличнымъ, до какихъ предѣловъ онъ будетъ ограбленъ; тогда онъ добровольно показывалъ тѣ секретныя хранилища, на измышленіе которыхъ было пущено въ ходъ столько изобрѣтательности. Кромѣ того, обыскиватели постепенно изловчались и познавали всѣ пріемы сокрытія цѣнностей. Въ концѣ концовъ, пограничные чекисты додумались до слѣдующаго радикальнаго и безошибочнаго способа ограбленія: арестованному предлагали совершенно раздѣться и затѣмъ давали ему полный комплектъ другого бѣлья и платья. Снятое съ него одѣяніе забирали себѣ и могли затѣмъ на досугѣ подвергать самому тщательному анализу. Противъ такого «обыска» не могли помочь никакія укрывательскія ухищренія...

Самый отъѣздъ обставлялся глубочайшей таинственностью. Никто въ городѣ не долженъ былъ знать, когда именно выѣздъ состоится; рѣдко кто рѣшался проститься съ друзьями и родственниками. Уѣзжали обычно изъ чужой квартиры; вещи выносились и отправлялись кѣмъ нибудь посторοннимъ заблаговременно.

О проводахъ на вокзалъ не могло быть и рѣчи. Мнѣ разсказывали о провалѣ одной уѣзжавшей дѣвицы, который былъ вызванъ единственно тѣмъ, что ея мать имѣла неосторожность не только пріѣхать на вокзалъ проводить ее, но еще и за-

плакать во моментъ отхода поѣзда. На путешественницу обратили особое вниманіе, обыскали ее и, обнаруживъ подозрительныя вещи, арестовали.

Вынужденная осторожность уѣзжавшихъ невольно вызывала у остававшихся какое-то тяжелое чувство. Бывало, видишься съ человѣкомъ постоянно и ведетъ онъ себя какъ ни въ чемъ не бывало. И вдругъ въ одинъ прекрасный день передаютъ: уѣхалъ. И черезъ нѣкоторое время снова передаютъ: получилось извѣстіе, что такой-то уже за-границей!

Такъ, украдкой и таинственно, разставались съ нами знакомые и друзья, пускавшіеся въ долгій путь бѣженства.

* * *

Насъ взялся вывезти одинъ инженеръ-желѣзнодорожникъ, занимавшій довольно важный постъ въ Управленіи Юго-Западныхъ дорогъ. По своей должности онъ имѣлъ въ своемъ распоряженіи отдѣльный вагонъ и могъ совершать въ любомъ направленіи «служебныя» поѣздки по линіи.

Мой уговоръ съ этимъ желѣзнодорожникомъ состоялъ въ слѣдующемъ: онъ дастъ мнѣ удостовѣреніе на мое имя, какъ «временному конторщику» при управленіи жел. дор., и въ то же время командируетъ меня на лѣсовозныя вѣтки близъ польской границы «для пріемки заготовленныхъ шпалъ». Вмѣстѣ съ тѣмъ, онъ беретъ насъ въ свой вагонъ и довозитъ до пограничнаго мѣстечка, гдѣ передастъ «съ рукъ на руки» людямъ, занимающимся отправкой черезъ границу. Моя жена будетъ фигурировать въ качествѣ супруги другого конторщика, также ѣдущаго съ нами въ вагонѣ.

27 іюля 1921 года этотъ номинальный мужъ моей жены явился къ намъ и отвезъ на вокзалъ нашъ багажъ. Черезъ часъ послѣ этого мы вышли изъ дому и направились пѣшкомъ на Крещатикъ. Съ нами шли двое наиболѣе близкихъ людей, оставляемыхъ нами въ Кіевѣ. Завернувъ за уголъ, мы пожали руку провожающимъ, сѣли на извозчика и поѣхали на вокзалъ.

Поѣздъ долженъ былъ отойти только на слѣдующій день утромъ, но намъ было изъ предосторожности предложено пріѣхать на вокзалъ не къ самому отходу поѣзда, а наканунѣ. Мы ночевали въ вагонѣ. Утромъ присоединился къ намъ нашъ желѣзнодорожникъ, приставленный къ нему комиссаръ и еще какая-то дѣвица, функціи которой для насъ были сначала не совсѣмъ понятны. Намъ было строго наказано не выходить изъ вагона и не поднимать шторъ, чтобы никто съ перона насъ не увидѣлъ.

Рано утромъ 28-го поѣздъ тронулся.

Характеръ желѣзнодорожныхъ путешествій по Совѣтской Россіи былъ мнѣ уже знакомъ по поѣздкѣ въ Москву, совершенной двумя мѣсяцами раньше.

Болѣе всего поразилъ меня тогда громадный контрастъ между тѣмъ, что я слышалъ про желѣзнодорожные нравы въ начальную, демобилизаціонную эпоху большевизма, и тѣмъ, что я увидѣлъ своими глазами теперь. Ничего похожаго на солдатскія толпы, выбрасывающія пассажировъ, бьющія окна и захватывающія мѣста, теперь не было. Напротивъ, все протекало чрезвычайно чинно. Каждый зналъ свое мѣсто въ новомъ общественномъ строѣ и соотвѣтствующее ему мѣсто въ совѣтскомъ поѣздѣ. И никому не приходило на мысль добиваться другого мѣста или, тѣмъ менѣе, смѣстить для этого какого-либо «законнаго» обладателя таковымъ.

При этомъ, распредѣленіе мѣстъ въ поѣздахъ, — отражавшее, какъ зеркало, распредѣленіе жизненныхъ благъ вообще, — установилось вопіюще неравномѣрное

и несправедливое. Я ѣхалъ въ Москву (какъ и теперь къ границѣ) въ особомъ типѣ вагона, весьма расплодившемся за послѣдніе годы на Руси, а именно въ отдѣльномъ или «собственномъ» вагонѣ. Вагонъ принадлежалъ тому самому «Бюро промышленныхъ развѣдокъ», которое снабдило меня командировкой. Такого рода вагоны получили у насъ весьма характерное названіе «протекціонныхъ»; дѣйствительно, и право на вагонъ, и право на мѣсто въ такомъ вагонѣ получались не иначе, какъ по протекціи. И вотъ, въ то время, когда ни паровозовъ, ни вагоновъ не было, когда поѣзда по важнѣйшимъ линіямъ шли по одному разу въ недѣлю, когда люди мѣсяцами ждали возможности передвинуться съ мѣста на мѣсто, — въ то же время всякое, даже самое мелкое управленіе и всякій, даже самый неважный комиссаръ имѣли по собственному вагону, который прицѣплялся къ любому поѣзду.

Въ обратный путь, изъ Москвы въ Кіевъ, я ѣхалъ также въ «протекціонномъ вагонѣ», а именно въ вагонѣ извѣстнаго дрессировщика и клоуна Владиміра Дурова, который получилъ командировку — съѣздить за пополненіемъ для своихъ зоологическихъ коллекцій. Понятно, эти послѣднія, какъ и все вообще въ Россіи, къ тому времени уже подверглись обобществленію, такъ что его четвероногіе питомцы едва ли не числились на государственной службѣ.

Въ пути, — какъ тогда въ Москву, такъ и теперь, — меня крайне поразило то полное смиреніе, съ которымъ публика относилась къ этому новому кричащему неравенству, олицетворяемому «протекціонными вагонами». Толпы народа безропотно валялись цѣлыми сутками по станціямъ на перронахъ, въ то время какъ мимо нихъ проходили поѣзда съ полупустыми вагонами новыхъ баловней фортуны. Кондуктора обращались съ «простымъ народомъ» грубѣе, чѣмъ когда либо прежде, а для привилегированной публики они вновь обрѣли самыя почтительныя, заискивающія интонаціи.

Страсть къ подчиненію, — думалъ я, глядя на эти заполнявшія перроны толпы, — повидимому, очень глубоко сидитъ въ человѣкѣ и только изрѣдка и ненадолго уступаетъ она мѣсто бунтарскимъ порывамъ къ свободѣ...

* * *

На этотъ разъ наше желѣзнодорожное путешествіе оказалось долгимъ и томительнымъ. Мы простояли цѣлый день на первой узловой станціи, день — на второй и день — на послѣднемъ полустанкѣ предъ конечнымъ пунктомъ. Въ общемъ, пролетъ, составляющій менѣе 150 верстъ, занялъ у насъ четыре дня.

За это время я могъ хорошо приглядѣться къ внутренней жизни «протекціоннаго вагона». Нашъ вагонъ былъ сравнительно новый и чистый: это была вновь оборудованная, преобразованная теплушка, разбитая на салонъ и три купэ. Ѣхали въ ней, кромѣ насъ, — какъ я уже говорилъ, — желѣзнодорожникъ, комиссаръ, конторщикъ, барышня, а также какихъ-то трое рабочихъ. Барышня, какъ потомъ выяснилось, направлялась въ рекогносцировку относительно возможностей перехода черезъ границу въ различныхъ пунктахъ на нашемъ пути. Она имѣла въ виду какую-то партію выѣзжающихъ, которыхъ «взяла съ подряда», и готовила имъ маршрутъ. Для этого, пользуясь знакомствомъ, пристроилась въ служебномъ вагонѣ; а чтобы не терять времени, использовала поѣздку также для нѣкоторыхъ коммерческихъ операцій. Эти послѣднія, видимо, составляли основную цѣль поѣздки и нашего инженера, и его конторщика, а, быть можетъ, и комиссара. Во всѣхъ пунктахъ, которые мы проѣзжали, продукты были дешевле, чѣмъ въ Кіевѣ. Нѣкоторыя станціи на нашемъ пути славились дешевымъ масломъ, а въ пограничной

полосѣ можно было добыть контрабандные товары изъ Польши: чай, сахаринъ и т. д. Все это закупалось нашими спутниками и сносилось въ вагонъ. Чтобы всемѣрно использовать свой вагонъ, наши желѣзнодорожники взяли съ собой изъ Кіева не только деньги, — происхожденіе которыхъ намъ было слишкомъ хорошо извѣстно, — но и нужные деревнѣ товары, напр. серпы и т. д.

Меня поразило, что мѣновой торгъ производился ими почти совершенно открыто, безъ всякаго стѣсненія, хотя желѣзнодорожники не могли не учитывать, что рискуютъ подвергнуться большимъ непріятностямъ и скандалу въ видѣ обыска со стороны страшной «Орт.-Чека»*, а затѣмъ и конфискаціи товара.

Но соблазнъ использовать разницу въ цѣнахъ на продукты былъ, повидимому, ужъ слишкомъ великъ. Разница же въ цѣнахъ происходила исключительно изъ-за нелѣпой политики совѣтской власти, всячески затруднявшей перевозку людей и товаровъ, устанавливавшей «заградительные отряды» и т. д. Благодаря этимъ мѣрамъ, такой продуктъ, какъ соль, цѣнился въ Кіевѣ дороже сахара и считался деликатессомъ, въ то время какъ въ Одессѣ, у моря, его было сколько угодно. Перевозить же соль изъ Одессы въ Кіевъ было, конечно, воспрещено. И, въ результатѣ, скорый поѣздъ, курсировавшій два-три раза въ недѣлю между Одессой и Кіевомъ, получилъ названіе «соляного поѣзда»: почти всѣ пассажиры этого поѣзда везли въ своемъ багажѣ контрабандную соль.

Вопросъ снабженія городовъ продовольствіемъ былъ въ то время на Украинѣ исключительно вопросомъ транспорта, такъ какъ деревня имѣла продукты, а городъ могъ ихъ оплачивать. Но изъ-за безсмысленнаго вмѣшательства власти въ естественный процессъ товарообмѣна получилось то, что разница въ цѣнахъ на продукты въ различныхъ пунктахъ оказывалась колоссальная. Соотвѣтственно великъ становился соблазнъ использовать всякую возможность свободныхъ разъѣздовъ. Почти всѣ прикосновенные къ желѣзнодорожному мірку люди имѣли эту возможность. И почти всѣ спекулировали на продуктахъ.

Протекціонные же вагоны были какъ бы нарочито созданы для такихъ «дѣловыхъ» поѣздокъ.

* *
*

Изъ нашихъ стоянокъ наиболѣе томительной была послѣдняя — на маленькомъ полустанкѣ, въ 20-ти верстахъ отъ нашей цѣли. Мы провели тамъ цѣлый день; жара стояла такая, что приходилось скрываться отъ палящихъ солнечныхъ лучей, сидя на путяхъ подъ вагономъ.

Инженеръ съ комиссаромъ уѣхали на дрезинѣ впередъ; они должны были прислать за нами паровозъ, который бы отвезъ имъ вслѣдъ нашъ вагонъ. Но часы проходили за часами и ни ожидаемаго паровоза, ни какого-нибудь проходящаго поѣзда не появлялось. Наконецъ, поздно вечеромъ наши спутники возвратились на той же дрезинѣ, на которой утромъ уѣхали.

Мы улеглись въ довольно тревожномъ настроеніи и не успѣли заснуть, какъ въ купэ появилась ѣхавшая въ нашемъ вагонѣ барышня. Она подняла насъ со словами:

— Паровоза не будетъ. Васъ сейчасъ отвезутъ на дрезинѣ въ X. и сдадутъ дорожному мастеру. Вагонъ отойдетъ утромъ обратно въ Кіевъ.

Вскакиваемъ, приводимъ себя въ порядокъ и выходимъ изъ вагона. Страшнѣйшая темень. Стоимъ на путяхъ и ждемъ, пока неузнаваемые силуэты какихъ то людей выносятъ изъ вагона вещи. Откуда-то появляются и оказываются рядомъ съ

---

* Такъ назывался отдѣлъ Чрезвычайки, свирѣпствовавшій на желѣзнодорожныхъ станціяхъ.

нами трое рабочихъ, ѣхавшихъ въ нашемъ вагонѣ изъ Кіева. Раздается жужжаніе приближающейся дрезины. Она останавливается подлѣ насъ. Съ трудомъ нащупываемъ въ темнотѣ скамейку, садимся. Дрезина трогается.

Мы ѣдемъ часа три по лѣсу на одинокой рельсовой колеѣ дороги. Погода сначала кажется привѣтливой, появляется луна; но затѣмъ небо заволакивается тучами, становится прохладно и насъ пронизываетъ предразсвѣтная сырость.

Наконецъ, доѣхали. Останавливаемся у домика подлѣ шлагбаума. Идутъ будить дорожнаго мастера, который довольно неохотно соглашается принять насъ до утра. Рабочіе размѣщаются въ пустомъ товарномъ вагонѣ.

Черезъ нѣсколько часовъ, ознакомившись путемъ разспросовъ съ несложной топографіей мѣстечка, я отправляюсь разыскивать двухъ представителей мѣстной знати, къ которымъ имѣю рекомендательныя письма. Перваго не застаю дома: этотъ мѣстный Ротшильдъ пошелъ выводить корову на выгонъ. Второй принимаетъ меня довольно сухо, кряхтитъ, говоритъ, что переходъ границы теперь вещь опасная и почти невозможная. Въ концѣ концовъ, онъ указываетъ мнѣ адресъ, по которому можно найти пристанище.

Возвращаюсь съ этими свѣдѣніями обратно въ домикъ дорожнаго мастера. Нашъ хозяинъ Михаилъ Семеновичъ представляетъ собой типъ Чеховскаго телеграфиста, перешедшаго на службу въ другое вѣдомство. Очень аккуратный и чистый, говоритъ по благородному, при этомъ чрезвычайно невѣжественъ и глупъ. Проводимъ въ его обществѣ весь день и ночуемъ, вмѣстѣ съ рабочими, въ его кишащей насѣкомыми теплушкѣ. Рабочіе эти оказываются какими-то бывшими военно-плѣнными, съ весьма сомнительнымъ прошлымъ и не менѣе темнымъ будущимъ. Выясняется, что нашъ инженеръ взялъ съ подряда ихъ переправу, и они весьма недовольны имъ за то, что онъ ихъ бросилъ на произволъ судьбы, едва довезя до пограничнаго пункта. Мы также имѣемъ основаніе быть въ претензіи на нашего желѣзнодорожника, — но что толку въ претензіяхъ?

На слѣдующій день мы переѣхали «на квартиру». Началось наше пограничное житье.

Мы уѣзжали изъ Россіи на самой зарѣ Нэп'а. (Названіе это еще, впрочемъ, не было выдумано.) Мысль о національизаціи торговли была въ принципѣ оставлена, но разрѣшенія на частные магазины давались еще туго и купцы пользовались ими съ опаской и съ оглядкой. Всякій боялся держать у себя въ лавкѣ что-либо хоть до нѣкоторой степени цѣнное; и дѣйствительно, видъ сколько нибудь внушительнаго запаса товаровъ приводилъ непривыкшій къ новымъ временамъ глазъ чекистовъ въ весьма дурное настроеніе. Это дурное настроеніе обычно изливалось въ видѣ всевозможныхъ, путанныхъ и другъ другу противорѣчащихъ, приказовъ, въ результатѣ которыхъ товаръ въ той или иной формѣ отъ владѣльца отбирался.

Подъ знакомъ этого переходнаго времени жилъ, когда мы уѣзжали, Кіевъ; то же въ миніатюрѣ застали мы здѣсь.

Лавки на базарной площади не были ни закрыты, ни открыты: онѣ были пріоткрыты. Внѣшне это выражалось тѣмъ, что выставочное окно было скрыто подъ ставнями и дверь въ магазинъ открывалась только на два-три часа въ день, а то и вовсе не открывалась. Въ послѣднемъ случаѣ ее успѣшно замѣнялъ черный ходъ. Внутри магазина полки были пусты, а товаръ держался въ болѣе укромныхъ мѣстахъ. Торговали преимущественно съѣстными припасами.

Главнымъ нервомъ дѣловой жизни мѣстечка была контрабанда. Все русское было строго запрещено къ вывозу, все польское — не менѣе строго запрещено къ ввозу. Благодаря этому, все русское было крайне дешево для Польши, а все польское

— заманчиво для Россіи. И въ результатѣ въ пограничныхъ мѣстахъ шла непрерывная тайная ярмарка.

Въ Польшу вывозили лошадей, скотъ, шерсть, кожу. Изъ Польши ввозили сахаринъ, чай, галантерейныя мелочи. Взаимный разсчетъ производился на польскія марки либо на «царскія деньги». Особенно были въ ходу послѣднія, въ частности пятисотки, которыя почему-то назывались здѣсь «тàкерами». На совѣтскія бумажки существовалъ измѣнчивый курсъ; во внутреннемъ оборотѣ онѣ свободно принимались, но въ «международныхъ разсчетахъ» эта валюта примѣненія не имѣла. Совѣтскія деньги сокращенно назывались «совѣтами». За одинъ «тàкеръ» давали при насъ 40—50 т. «совѣтовъ».

Общественныя настроенія въ пограничномъ районѣ были сколкомъ съ кіевскихъ настроеній. При этомъ, къ сожалѣнію, не мѣстечко поднялось до Кіева, а, напротивъ, Кіевъ опустился до мѣстечка.

Такъ же, какъ въ Кіевѣ, и здѣсь населеніе жило пустыми надеждами и наивными слухами. Благодаря непосредственной близости мѣстечка къ границѣ, эти надежды и слухи имѣли особый источникъ питанія въ видѣ функціонировавшей въ то время «Комиссіи по проведенію границы», задачей которой было точное установленіе линіи границы между Россіей и Польшей, намѣченной по Рижскому мирному договору. Комиссія засѣдала, осматривала мѣстность и рѣшала судьбу каждой отдѣльной деревни, причисляя одну къ Польшѣ, другую къ Россіи. И вотъ жители всѣхъ пограничныхъ мѣстъ съ русской стороны втайнѣ уповали на то, что комиссія подъ тѣмъ или другимъ передлогомъ передастъ ихъ Польшѣ. Отсюда рождались слухи объ уже состоявшемся, будто бы, благопріятномъ постановленіи Комиссіи относительно нашего мѣстечка, и многіе здѣсь со дня на день ждали эвакуаціи большевиковъ. Намъ даже предлагали не спѣшить съ отъѣздомъ, а лучше выждать, пока мы, черезъ недѣлю-другую, автоматически окажемся въ предѣлахъ Польши.

Всѣ эти пограничныя надежды были, однако, по существу весьма легкомысленны и тщетны: полномочія «комиссіи» были весьма ограничены, и она, конечно, не могла ни въ чемъ измѣнить постановленій мирнаго договора. Между тѣмъ, судьба всѣхъ мало-мальски значительныхъ поселеній и желѣзно-дорожныхъ станцій была въ Рижскомъ договорѣ предрѣшена.

Мнѣ пришлось впослѣдствіи вновь встрѣтиться съ подобными же настроеніями — по другую сторону границы, въ кругу эмигрировавшихъ жителей пограничной полосы, которымъ очень хотѣлось «переманить» на польскую территорію свои родныя мѣста. Говорятъ, что для этой цѣли пускались въ ходъ даже разнаго рода пріемы воздѣйствія на большевистскихъ членовъ пограничныхъ комиссій...

Я всегда вспоминаю объ этихъ настроеніяхъ и мечтахъ по обѣ стороны границы, когда приходится слышать или читать о «взрывѣ русскихъ патріотическихъ чувствъ, вызванномъ интервенціей».

* * *

Хозяинъ (или вѣрнѣе: пристанодержатель), у котораго мы жили, представлялъ собой довольно любопытную фигуру. За нѣсколько лѣтъ до войны, еще будучи холостякомъ, онъ эмигрировалъ въ Америку и провелъ въ одномъ городкѣ Канады три года. На мой вопросъ, чѣмъ онъ тамъ занимался, нашъ хозяинъ отвѣтилъ:

— Я служилъ въ «factory» и былъ тамъ «инспекторомъ надъ желѣзными кроватями».

Это необыкновенное наименованіе онъ, повидимому, перевелъ съ какого-то англійскаго фабричнаго термина; повторялъ онъ его весьма часто и съ нѣкоторой гор-

достью. Онъ успѣлъ пріобрѣсти въ Канадѣ права гражданства и хранилъ теперь, какъ величайшую драгоцѣнность, документы велико-британскаго подданнаго, носящаго его же энглизированное имя. Несмотря на всѣ эти успѣхи, его въ концѣ концовъ потянуло обратно на родную Волынь. Онъ возвратился домой, женился, родилъ трехъ мальчиковъ и сталъ снова заниматься мѣстечковой коммерціей.

По своей невольной близости съ этой семьей, — мы жили въ проходной столовой, а семейство хозяина занимало сосѣднюю комнату, — мы имѣли случай присмотрѣться къ его теперешнимъ занятіямъ. Хозяинъ водилъ знакомство съ крестьянами изъ отошедшихъ къ Польшѣ деревень, которые нѣсколько разъ въ недѣлю наѣзжали сюда за покупками. Покупали они главнымъ образомъ лошадей, а иногда и рогатый скотъ, уводя затѣмъ ближайшей ночью все вновь пріобрѣтенное черезъ границу. И ни одна покупка не обходилась безъ «Іоселя», какъ называли нашего хозяина крестьяне.

Наблюденіе за этой контрабандной торговлей само по себѣ не представляло особеннаго интереса. Но наше вниманіе было невольно приковано къ каждому пріѣзжавшему съ той стороны границы мужику, потому что — какъ оказалось — съ каждымъ изъ нихъ могла быть связана наша собственная судьба.

Какъ мы узнали въ первый же день, наѣзжавшіе въ мѣстечко мужики-контрабандисты, въ качествѣ подсобнаго промысла, перевозили въ Польшу также «пассажировъ». Какъ выяснилось, это и былъ единственный способъ перебраться черезъ границу, такъ какъ всѣ жившіе по русскую сторону возчики были въ такой мѣрѣ напуганы совѣтскими скорпіонами, что ни за какія деньги не рѣшались заниматься переправкой выѣзжающихъ. Ихъ сосѣди, оказавшіеся на польской сторонѣ, были, естественно, гораздо смѣлѣе. Притомъ наиболѣе рискованнымъ элементомъ этихъ операцій была перевозка не людей, а товаровъ; въ случаѣ провала, товаръ, разумѣется, конфисковывали и предприниматель терпѣлъ большой убытокъ. Наличность двухъ-трехъ пассажировъ почти ничего не прибавляла къ этому риску. Поэтому контрабандисты довольно охотно брали съ собой, въ придачу къ лошадямъ и коровамъ, также и человѣческую контрабанду.

Такова была установившаяся въ наше время система переправы черезъ границу. Непріятная сторона этого способа бѣгства состояла въ томъ, что наша судьба оказывалась въ полной зависимости отъ результата коммерческихъ операцій мужиковъ. Сторгуется пріѣзжій мужичекъ съ Іоселемъ, купитъ лошадь — хорошо; не сторгуется — жди другого случая.

Наша немедленная отправка не лежала, повидимому, въ интересахъ нашего хозяина. Намъ пришлось прождать двѣ недѣли, пока наконецъ представился подходящій «случай». Нѣсколько разъ сдѣлки по покупкѣ лошадей не состоялись и мужики уѣзжали въ дурномъ настроеніи. Одинъ разъ произошла непріятность съ продавцомъ контрабандныхъ лошадей: у него сдѣлали обыскъ и препроводили его въ «особый отдѣлъ», требуя выдачи «тàкеровъ», полученныхъ за проданный товаръ. Былъ, наконецъ, случай, когда все, казалось, было въ полномъ порядкѣ: лошади куплены, Іосель удовлетворенъ, мужики въ хорошемъ расположеніи. Но, на несчастье, во всемъ мѣстечкѣ нельзя было достать воза съ драбинками*, чтобы посадить насъ и увезти черезъ границу. И вотъ пришлось опять оставаться на мѣстѣ и выжидать.

Признаться, я до этого дня вообще не зналъ, что значитъ слово «драбинки» и, во всякомъ случаѣ, мнѣ никогда не приходило въ голову, что этотъ предметъ будетъ играть какую либо роль въ моей жизни...

* *
*

* Стоячіе отлогіе брусья по бокамъ воза, между которыми помѣщается поклажа.

Наконецъ пришелъ долгожданный день.

Намъ сообщили, что мужикъ изъ находящейся по ту сторону деревни пріѣхалъ со своимъ возомъ на русскую территорію, на которой онъ намѣренъ произвести большую коммерческую операцію. Онъ закупаетъ лошадей, коровъ, кожи — и готовъ присоединить къ сему также и насъ. Товаръ уже закупленъ и находится гдѣ-то въ лѣсу, верстахъ въ восьми отъ мѣстечка. Туда же должны предъ вечеромъ отправиться и мы, чтобы затѣмъ ночью перейти черезъ границу.

Мужика — звали его Захарко — намъ аттестовали, какъ «перваго ризиканта на деревнѣ». Ѣздитъ, молъ, каждую недѣлю за закупкой, ничего не боится и еще ни разу не попадался. Обладаетъ двойнымъ подданствомъ, такъ какъ числился недавно у большевиковъ при какихъ-то земляныхъ работахъ и имѣетъ соотвѣтственное удостовѣреніе отъ Совѣтской власти; въ то же время, вмѣстѣ со своей родной деревней, отошелъ теперь къ Польшѣ. Можетъ, такимъ образомъ, предъявлять въ предѣлахъ Россіи одинъ паспортъ, въ предѣлахъ Польши — другой.

По всѣмъ этимъ даннымъ, Захарко былъ контрабандистъ Божьей милостью.

Въ нашемъ дѣлѣ онъ сейчасъ же и показалъ себя отчаяннымъ «ризикантомъ». Самый трудный и опасный моментъ во всемъ нашемъ предпріятіи былъ выѣздъ изъ мѣстечка. Встрѣтить или не встрѣтить стражу въ лѣсу — дѣло случая. Но передвигаться съ вещами по кишащему чекистскими элементами мѣстечку, да еще по направленію къ пограничному лѣсу — было чрезвычайно рискованно. Сначала у насъ былъ выработанъ планъ итти пѣшкомъ къ условленной стоянкѣ товара Захарки. Но планъ этотъ, послѣ одной неудачной попытки, пришлось оставить. Тогда Захарко предложилъ взять быка за рога: онъ взялся проѣхать съ возомъ черезъ все мѣстечко къ домику дорожнаго мастера, гдѣ хранились наши вещи, нагрузить ихъ тамъ, а затѣмъ — въ лѣсъ! Такъ мы и рѣшили.

Распрощавшись съ нашими хозяевами, я пошелъ впередъ къ домику дорожнаго мастера, сѣлъ во дворѣ на лавкѣ и сталъ ждать событій. Ждать пришлось довольно долго и наблюденія, которыя я при этомъ дѣлалъ, были крайне неутѣшительны. Оказалось, что цѣлый рядъ сосѣднихъ домовъ занятъ красно-армейцами, которые непрерывно шныряютъ по переулку въ своихъ «буденовскихъ» фуражкахъ съ хвостами на затылкѣ. Дорога въ лѣсъ, хотя не длинная, но лежитъ совершенно открыто. Едва ли, — думалъ я, — можетъ нашъ отъѣздъ пройти здѣсь незамѣченнымъ.

Я ждалъ, сидя на скамейкѣ, часа три и это, быть можетъ, оказалось къ лучшему. Постепенно красноармейцы утихомирились, повидимому, занявшись чаепитіемъ въ своихъ реквизированныхъ квартирахъ. Однако, сумерки все не хотѣли начаться: дѣло было лѣтомъ, да и часы наши были, по декрету, переставлены такъ далеко впередъ, что никакъ нельзя было дождаться вечера.

Наконецъ, я увидѣлъ переходящую черезъ рельсы фигуру жены, а вслѣдъ за ней на нѣкоторомъ разстояніи показался возокъ Захарки. Онъ ѣхалъ быстро, не оглядываясь, весь красный отъ страха и возбужденія.

Проѣхавъ шлагбаумъ, онъ остановился у воротъ желѣзнодорожнаго дома. Я быстро раскрылъ ихъ и впустилъ его во дворъ. Мѣшки съ нашими пожитками въ минуту оказались на возу, и Захарко погналъ лошадей по направленію къ лѣсу. Мы шли за нимъ пѣшкомъ и усѣлись только на самой опушкѣ.

Тогда началась бѣшенная гонка по лѣсу. Мы дѣлали глубокій объѣздъ мѣстечка, выбирая наиболѣе глухія мѣста. Мы неслись безъ всякой дороги, ломая вѣтки, переѣзжая черезъ молодыя деревья. Нѣсколько разъ пришлось пересѣкать шоссе, и эти моменты были наиболѣе опасны, такъ какъ по шоссе разъѣзжали дозоры... Мы никого не встрѣтили.

Послѣ двухъ часовъ такой скачки, Захарко привезъ насъ въ условленное мѣсто, гдѣ насъ дожидались его двуногіе и четвероногіе спутники. Нашего возчика сопровождалъ изъ Польши его младшій братъ, а изъ мѣстечка онъ захватилъ еще одного юношу въ качествѣ погонщика.

Въ томъ облюбованномъ уголкѣ, въ который привезъ насъ Захарко, онъ чувствовалъ себя совершенно спокойнымъ. Онъ распрягъ лошадей и выпустилъ ихъ на пастбище. Мы провели тамъ нѣсколько часовъ, пока, наконецъ, не спустилась ночь.

Съ наступленіемъ полной темноты, мы двинулись дальше. Мы образовали цѣлую кавалькаду: спереди нашъ возъ, затѣмъ двое верховыхъ, коровы, телята. Эта процессія двигалась медленнымъ шагомъ по лѣсу. На душѣ стало какъ-то безпричинно спокойно: видно, такъ дѣйствовала окружающая обстановка — тишина лѣтней ночи, лѣсная темень и медленное, мѣрное продвиженіе впередъ.

Только однажды мы немного испугались. Мы увидѣли впереди себя костеръ и сидящаго подлѣ огня человѣка. Нашъ караванъ остановился. Послали кого-то на развѣдку, давшую успокоительныя свѣдѣнія: у костра сидѣлъ крестьянинъ, также переводившій черезъ границу какую-то скотину.

Наше шествіе возобновилось.

Часа въ два ночи мы подошли къ роковой чертѣ границы. Въ томъ мѣстѣ, въ которомъ намъ пришлось переходить ее, русско-польская граница представляла собой остроугольный трехугольникъ, составленный изъ двухъ сходящихся дорогъ. Чтобы попасть на польскую территорію, приходилось либо ѣхать по дорогѣ и огибать уголъ, либо пройти напрямикъ лѣсомъ. Для всей нашей громоздкой компаніи выбора не было: приходилось избрать первый путь, т. е. ѣхать дорогой, по которой отъ времени до времени разъѣзжали патрули красноармейцевъ. Но сами мы могли сойти съ воза и пройти черезъ лѣсъ пѣшкомъ.

Однако, нашъ «ризикантъ» Захарко уговорилъ насъ остаться на возу и ѣхать съ нимъ. Мы довѣрились судьбѣ.

Когда мы выѣхали на пограничную дорогу, насъ сразу обдалъ лунный свѣтъ, показавшійся намъ особенно яркимъ послѣ черноты лѣса. Мы взглянули въ обѣ стороны; насколько достигалъ глазъ, предъ нами стелилась широкая, гладкая, освѣщенная луной дорога; патруля не было. Захарко рѣзко повернулъ лошадей и погналъ ихъ во весь духъ. Доѣхали до угла, снова завернули и помчались въ обратномъ направленіи. Достигнувъ какого-то пункта, нырнули опять въ лѣсную чащу.

Захарко сбавилъ ходу и облегченно вздохнулъ. Мы были въ Польшѣ и сюда не могъ уже прійти ни одинъ красноармеецъ или чекистъ.

Захарко обернулся къ намъ и протянулъ руку. Мы поздравили другъ друга. Впрочемъ, нашъ возница окончательно успокоился только, когда пересчиталъ головы привезеннаго съ собой «товара». Его спутники, изъ менѣе храбраго десятка, были блѣдны какъ полотно. И только тяжеловѣсныя коровы отнеслись ко всему происшедшему съ большой флегмой.

Двинувшись дальше, мы вскорѣ выѣхали въ открытое поле. Луна зашла, и насъ окуталъ предразсвѣтный туманъ. Захарко какъ будто внезапно потерялъ свой даръ оріентировки и началъ часами плутать по кочкамъ и рвамъ.

Въ одномъ мѣстѣ мы даже чуть не попали въ бѣду. Наши лошади, продвигаясь впередъ, стали каждымъ своимъ шагомъ выбивать изъ земли искры. Присмотрѣвшись, мы увидѣли, что вся земля кругомъ покрыта тлѣющими искорками и что подымающійся съ нея паръ не похожъ на обыкновенный туманъ.

Оказалось, что мы наскочили на горящее торфяное болото...

Уже приближаясь къ деревнѣ и различая во мглѣ неясные контуры избъ, мы услышали позади насъ какіе-то странные, никогда еще не слышанные звуки. Гдѣ-то, далеко-далеко, раздавался какъ будто женскій плачъ, жалкій и протяжный. Лошади наши заржали и бросились впередъ.

— Волки воютъ, сказалъ Захарко.

Этотъ жалобный вой стаи голодныхъ волковъ былъ послѣднимъ звукомъ, донесшимся къ намъ изъ Россіи.

II. НА ПОЛЬСКОЙ СТОРОНѢ.

Въ Польшѣ. — Безпаспортность. — Сарны. — «Полицейская демократія.» — На выѣздной сессіи. — Ровенское великолѣпіе. — Въ газетномъ кіоскѣ. — Та-же ли Европа? — Отъѣздъ въ Варшаву. — На германской границѣ.

Село N. — нашъ первый этапъ на польской территоріи — было небольшимъ, захолустнымъ украинскимъ селомъ. Какъ все кругомъ, оно жило подъ знакомъ нашего времени — жило воспоминаніями, сравненіями и сожалѣніями. Прежде была школа — теперь закрыта, прежде былъ врачъ и больница — теперь нѣтъ и фельдшера, прежде пили чай съ сахаромъ — теперъ ничего горячаго не пьютъ. Неизмѣнной осталась въ селѣ съ прежнихъ временъ только его единственная, но зато широчайшая улица, по которой, вздымая облака пыли, проходили на пастбище стада.

Нашъ перевозчикъ Захарко пріютилъ насъ въ своей хатѣ. Мы провели въ ней два дня, ночуя на узенькихъ лавкахъ, вдѣланныхъ въ стѣнку. Хозяева наши спали тутъ же на болѣе помѣстительныхъ полатяхъ.

Общій видъ interieur'а Захаркиной хаты и всѣ отдѣльныя попадавшіяся намъ на глаза вещи были необыкновенно стильны. Огромная русская печь, самодѣльные горшки, деревянная посуда кустарнаго производства — по всему было видно, что начала мѣнового хозяйства и не прикоснулись къ этому обзаведенію. Захарко былъ молодоженъ, и всѣ вещи его были новыя; но всѣ онѣ, по своему облику, имѣли такой стильный, подлинно-столѣтній видъ, какого не удается достигнуть въ своихъ городскихъ квартирахъ самымъ изысканнымъ любителямъ антикваріатовъ.

Отъ каждой вещицы вѣяло настоящей стариной. Чувствовалось, что смастерившій ее человѣкъ не задавался нарочитой цѣлью подражать образцамъ, изученнымъ по книжкамъ, но что весь онъ и все его мастерство еще полны тѣхъ же линій и формъ, какія выливались изъ подъ рукъ его предковъ въ XVII вѣкѣ.

— Мы здѣсь какъ будто въ Грановитой Палатѣ, — подумали мы, вглядываясь въ эту непривычную, своеобразно-привлекательную обстановку.

* *
*

Какъ большинство выѣзжавшихъ въ ту эпоху изъ Россіи бѣженцевъ, мы были глубоко убѣждены, что всѣ опасности, непріятности и испытанія кончаются для насъ въ моментъ перехода границы. Переѣхавъ въ Польшу, — казалось намъ, — мы будемъ свободными гражданами; въ случаѣ какихъ либо сомнѣній въ нашей личности, — снесемся по телеграфу съ друзьями и родными за границей и все мигомъ уладится.

Какъ и всѣхъ, насъ ожидало разочарованіе. Паспортные страхи и полицейскія затрудненія начались у насъ съ перваго же дня перехода черезъ границу. Насъ

встрѣтили не какъ плѣнниковъ, вырвавшихся изъ тюрьмы, а какъ незванныхъ, докучливыхъ гостей, пріѣхавшихъ дѣлить съ хозяиномъ его скудную трапезу. Мы оказались пока еще не въ Европѣ, пересѣченной по всѣмъ направленіямъ усовершенствованными путями сообщенія, а въ русской деревенской глуши, откуда «хоть десять лѣтъ скачи — ни до какого государства не доскачешь».

Самымъ прискорбнымъ было, однако, то, что приходилось еще радоваться, что мы оказались въ глуши, куда почти не проникали признаки организованной государственности. Ибо не будь этой спасительной некультурности, — первый же жандармъ или полиціантъ отправилъ бы насъ обратно «за кордонъ»...

Призракъ насильственнаго водворенія обратно въ Совѣтскую Россію преслѣдовалъ насъ — какъ и всѣхъ, бывшихъ въ нашемъ положеніи, — все время пербыванія въ Польшѣ. Этотъ призракъ казался слишкомъ чудовищнымъ и дикимъ, чтобы можно было ему хоть на минуту повѣрить. Но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ былъ слишкомъ страшенъ, чтобы о немъ можно было хоть на минуту забыть...

Мы рѣшили какъ можно скорѣе ѣхать вглубь страны, продвинуться впередъ на Западъ и не искушать судьбы явкой къ пограничнымъ церберамъ.

Мы договорились съ тѣмъ же Захаркой, который взялся отвезти насъ на своемъ возу въ Сарны, т. е. еще на нѣсколько десятковъ верстъ дальше на Западъ. Поѣздка эта заняла два дня. Мы выѣхали изъ N. съ утра и, протрясшись часовъ восемь и основательно вымокнувъ подъ ливнемъ, ночевали въ мѣстечкѣ Т. На второй день поѣздки, Захарко закапризничалъ, и пришлось премѣнить нашъ фаэтонъ на другой, на сей разъ запряженный волами. Послѣдніе 20 верстъ пути мы ѣхали по глубокой колеѣ песчаной дороги, по которой степенно шагали волы, понукаемые непрестаннымъ прикрикиваніемъ нашего новаго возницы.

Былъ двадцатый день со дня нашего отъѣзда изъ дома, когда мы, приближаясь къ Сарнамъ, снова увидѣли желѣзнодорожные рельсы. Путь имѣлъ, какъ всегда, аккуратный и чистый видъ; по сторонамъ стояли телеграфные и верстовые столбы. Взглянувъ на одинъ изъ послѣднихъ, я прочелъ цифру: 178. Это значило, что за все это время мы успѣли отъѣхать отъ Кіева всего на 178 верстъ...

Желѣзно-дорожнаго сообщенія здѣсь еще не было, такъ какъ польскія войска во время своего отступленія лѣтомъ 1920 года взорвали всѣ мосты. Кромѣ того, по всей линіи, начиная отъ Кіева, были тогда же сожжены и станціонные вокзалы. Теперь на этой части линіи, перешедшей къ Польшѣ, полякамъ приходилось возстанавливать все ими-же разрушенное. Капитальныя работы производились на большомъ желѣзнодорожномъ мосту предъ Сарнами; нашъ возчикъ не безъ ехидства указывалъ намъ на этотъ образецъ производительнаго труда. Сами мы должны были преѣзжать рѣку еще въ бродъ.

Наконецъ, мы прибыли въ Сарны. На улицахъ царило оживленіе, въ кіоскахъ продавались газеты, лавки были открыты, своими вывѣсками и витринами онѣ стремились бросаться въ глаза прохожимъ и обращать на себя ихъ вниманіе... Все это показалось намъ страннымъ и необычайнымъ.

Неопредѣленность нашего юридическаго положенія не давала намъ, однако, возможности заниматься этими спокойными и пріятными наблюденіями.

Сарны — ближайшій къ восточной границѣ Польши административный центръ, обладающій своимъ старбствомъ и прочими органами мучительства эмигрантовъ. Здѣсь мы уже не были среди спасительнаго захолустья, становилось необходимымъ такъ или иначе урегулировать свой «личный статутъ». На улицахъ Сарнъ непрерывно проходили солдаты, всѣ гостиницы, — какъ говорили намъ, — были подъ строгимъ наблюденіемъ начальства. Намъ передавали различныя страшныя исторіи о

томъ, какъ безжалостно расправляются здѣсь съ безправными бѣженцами, которыхъ будто бы неминуемо ждетъ обратное водвореніе въ Россію...

Ни одна гостиница, ни одинъ постоялый дворъ не хотѣли принять насъ, какъ безпаспортныхъ, на ночлегъ. Мы чувствовали себя травленными звѣрями и были близки къ отчаянію... Въ концѣ концовъ, однако, одна добрая душа сжалилась надъ нами и пріютила у себя на ближайшую ночь. Это была совершенно незнакомая женщина, сама недавно пріѣхавшая изъ Россіи. Спасибо ей!

Та же благодѣтельница направила меня въ учрежденіе, сокращенно называемое «Украинскій Комитетъ». Полный титулъ этой организаціи гласилъ: «Комитетъ помощи евреямъ — выходцамъ изъ Украины и Россіи». Центръ его былъ въ Варшавѣ, а сѣть отдѣленій раскинулась по всей восточной окраинѣ Польши. Функціи комитета состояли въ оказаніи матерьяльной и юридической помощи бѣженцамъ и репатріантамъ. Секретарь сарненскаго отдѣленія Комитета — симпатичный и многорѣчивый д-ръ Бурко — принялъ меня чрезвычайно привѣтливо. Вполнѣ одобривъ мою тактику продвиженія вглубь страны, онъ посовѣтовалъ со слѣдующимъ же поѣздомъ выѣхать въ Ровно. Для огражденія насъ отъ какихъ либо неожиданностей въ пути, д-ръ Бурко вызвался дать намъ особаго провожатаго.

На слѣдующее утро мы выѣхали изъ Сарнъ.

Переѣздъ былъ недолгій — кажется, около четырехъ часовъ; намъ было строго наказано вести себя въ поѣздѣ «ниже травы, тише воды», быть по возможности незамѣтными и ни въ какомъ случаѣ не говорить между собой по русски. Багажъ нашъ, который предъ переѣздомъ черезъ границу, въ цѣляхъ опрощенія, былъ переложенъ изъ корзинъ въ мѣшки, здѣсь, въ цѣляхъ облагороженія, былъ переложенъ обратно — въ купленную для сего въ Сарнахъ корзину. Этотъ обратный маскарадъ наглядно доказалъ намъ, что и здѣсь мы находились еще въ царствѣ фикцій...

* * *

Мы пріѣхали въ Ровно 19 августа и провели въ немъ пять недѣль въ хлопотахъ и ожиданіяхъ по своимъ паспортнымъ дѣламъ.

Положеніе русскихъ бѣженцевъ во всѣхъ отношеніяхъ и, въ частности, въ правовомъ — непрерывно ухудшалось. Каждаго вновь пріѣхавшаго неизмѣнно встрѣчали словами: «какъ жаль, что вы не пріѣхали мѣсяцемъ раньше, тогда было совсѣмъ другое дѣло, а теперь едва ли что либо можно устроить». Эмигрантъ приходилъ въ отчаяніе отъ этихъ словъ. Онъ, конечно, не могъ знать, что мѣсяцъ тому назадъ ему бы сказали въ точности то же самое.

Прямо съ вокзала мы отправились въ ровенское отдѣленіе «Украинскаго Комитета», въ которое имѣли съ собой рекомендательное письмо изъ Сарнъ. Тамъ мы застали главнаго дѣятеля этой организаціи — энергичнаго д-ра Скорецкаго. Онъ включилъ наши имена въ заканчиваемый имъ списокъ русскихъ бѣженцевъ, которыхъ министерство обѣщало «въ послѣдній разъ» зарегистрировать и легализовать. До полученія распоряженій изъ Варшавы по поводу этого списка намъ оставалось только жить въ Ровно на нелегальномъ положеніи.

Въ сопровожденіи одной дамы, принявшей теплое участіе въ нашей судьбѣ, мы стали блуждать по незнакомымъ улицамъ города, въ поискахъ пристанища. Въ концѣ концовъ, нашли старыхъ кіевскихъ друзей, которые радушно приняли насъ къ себѣ. Какъ хорошо, — подумали мы, — что на свѣтѣ не исчезъ еще патріархальный обычай гостепріимства и что не повсюду, по примѣру большихъ городовъ, человѣческія жилища уподоблены наглухо заколоченнымъ каменнымъ ящикамъ...

Подъ гостепріимнымъ кровомъ друзей мы — безпаспортные и незаявленные — провели всѣ пять недѣлъ нашего ровенскаго этапа. Легализація нашего самовольнаго перехода черезъ границу оказалась дѣломъ нелегкимъ. Въ Ровно, какъ центрѣ восточной пограничной окраины Польши, сосредоточивались всѣ многоразличныя учрежденія, имѣющія цѣлью отсѣиваніе репатріантовъ и улавливаніе нелегальныхъ бѣженцевъ. Тутъ былъ и «Юръ», и «Deffensiva», и сыскная, и обыкновенная полиція. Наконецъ, обще-административный органъ правительства — Старо̀ство — также былъ по преимуществу занятъ охраной границы.

Какъ работали всѣ эти учрежденія? Мнѣ почти не пришлось войти съ ними въ непосредственное соприкосновеніе. Я слышалъ только отзывы о нихъ — быть можетъ, пристрастные отзывы...

Всѣ отзывы сходились въ томъ, что въ мѣстныхъ административныхъ органахъ царилъ хаосъ, канцелярщина, произволъ. По сценкамъ, которыя передавали очевидцы, было ясно, что большинство подвизавшихся здѣсь чиновниковъ было преисполнено того полицейско-бюрократическаго духа, который Щедринъ такъ мѣтко назвалъ «административнымъ восторгомъ». Какъ непохожи были эти чиновники на представителей демократической, народной власти! Нѣкоторый наружный лоскъ и отесанность манеръ только оттѣняли ихъ внутреннюю грубость. Каждый референтъ или комендантъ старался перещеголять другого въ надменно-презрительномъ обращеніи съ тѣмъ свободнымъ гражданиномъ республики, который имѣлъ къ нему дѣло. Низшіе же чины полиціи и жандармеріи — это мы видѣли своими глазами — были весьма не прочь при случаѣ пустить въ ходъ свои кулаки.

Одинъ мой пріятель назвалъ государственный строй современной Польши «полицейской демократіей». Не знаю, какъ въ центрѣ, но здѣсь — на восточной окраинѣ — это опредѣленіе казалось очень удачнымъ.

Мѣстная власть, по внушенію свыше и по собственной склонности, проводила усиленную полонизацію края.

Когда-то при проѣздѣ по улицамъ Варшавы нашъ глазъ коробили принудительныя двуязычныя надписи и вывѣски, на которыхъ, рядомъ съ каждымъ польскимъ словомъ, обязательно фигурировалъ его русскій переводъ. Теперь поляки, завладѣвъ частью Волыни, сочли нужнымъ въ этомъ отношеніи еще перещеголять прежнихъ руссификаторовъ: всѣ вывѣски, всѣ названія улицъ, всѣ оффиціальныя надписи и бумаги пишутся здѣсь на одномъ польскомъ языкѣ. Всѣ казенныя учебныя заведенія — польскія, по-польски происходить и судоговореніе. Чиновники — въ большинствѣ уроженцы этихъ же мѣстъ — неизмѣнно дѣлаютъ видъ, что не понимаютъ ни слова по русски.

Легко вообразить, какія затрудненія все это создаетъ и какія чувства вызываетъ у жителей, изъ которыхъ добрыхъ три четверти польскаго языка не знаетъ.

* *
*

Во время моего пребыванія въ Ровно пріѣзжалъ туда на выѣздную сессію Луцкій окружный судъ, и я воспользовался этимъ случаемъ, чтобы познакомиться съ ходомъ уголовнаго процесса въ польскихъ судахъ. «Подпрокураторомъ» окружнаго суда, пріѣхавшимъ на сессію въ Ровно, оказался мой товарищъ по кіевской адвокатурѣ; онъ служилъ здѣсь моимъ чичероне и растолковалъ мнѣ все то, чего нельзя было увидѣть своими глазами.

Судебное вѣдомство, по примѣру прочихъ учрежденій на восточной окраинѣ Польши, подверглось самой радикальной ломкѣ въ цѣляхъ его совершенной по-

лонизаціи. Весь прежній составъ суда, прокуратуры и даже адвокатуры былъ отстраненъ. На ново назначали въ судьи только поляковъ. Адвокатовъ, желающихъ вновь записаться въ сословіе, весьма усердно фильтровали, причемъ особыя препятствія дѣлались, какъ водится, адвокатамъ-евреямъ.

Какъ я уже упомянулъ, судъ производился исключительно на польскомъ языкѣ. Подсудимые — мѣстные крестьяне — не понимали по польски; большинство судей, прослужившихъ всю жизнь въ русскомъ судѣ, изъяснялись по польски съ видимымъ трудомъ и охотно переходили, въ разговорѣ съ подсудимымъ, на болѣе для нихъ привычный русскій языкъ. Переводчика не было. Тѣмъ не менѣе, оффиціальнымъ языкомъ судоговоренія былъ польскій и только польскій языкъ.

Присутствуя въ судѣ, я снова невольно припоминалъ прошлое. Я вспоминалъ, что, напримѣръ, въ Галиціи, во времена императорской Австріи, въ судахъ были вполнѣ равноправны всѣ три языка, на которыхъ говорило мѣстное населеніе: польскій, украинскій и нѣмецкій. И вотъ теперь, послѣ торжества идеи самоопредѣленія народовъ, даже въ этомъ элементарномъ вопросѣ начала толерантности уступили мѣсто національному гнету. Неужели — думалъ я — лозунги національнаго равноправія дѣйствительны только для ирриденты и на время революціи, предаваясь забвенію, какъ только цѣль освободительнаго движенія достигнута?..

На восточныхъ окраинахъ («крэсахъ», какъ ихъ называли по-польски) примѣнялись, въ польскомъ переводѣ, всѣ кодексы русскаго матерьяльнаго и процессуальнаго права: законы гражданскіе и уголовные, уставы гражданскаго и уголовнаго судопроизводства. Однако, въ уголовномъ уставѣ была сдѣлана весьма существенная купюра: былъ уничтоженъ судъ присяжныхъ. Какъ извѣстно, во времена стараго режима судъ присяжныхъ не дѣйствовалъ въ Царствѣ Польскомъ. Теперь, ставъ хозяевами на своей землѣ, поляки еще не успѣли его ввести и, что особенно прискорбно, уничтожили его на своихъ «крэсахъ», гдѣ населеніе уже шестьдесятъ лѣтъ пользовалось этой наилучшей формой уголовнаго суда. Мой чичероне, успѣвшій въ качествѣ подпрокуратора въ значительной мѣрѣ утерять свой прежній адвокатскій образъ мыслей, объяснялъ такой строй польской юстиціи тѣмъ, что «этика въ народѣ еще не установилась».

Присутствуя теперь въ качествѣ слушателя въ засѣданіи выѣздной сессіи, мнѣ пришлось увидѣть своими глазами, какъ безприсяжный судъ воспитываетъ въ народѣ этику.

Судъ засѣдалъ въ парадномъ залѣ какого-то клуба. Изъ-за плохой акустики и вслѣдствіе недостаточнаго знанія языка, я не вполнѣ уловилъ смыслъ обвиненія и плохо понялъ рѣчь прокурора. Видѣлъ я только, что судебное слѣдствіе заняло минутъ двадцать, что прокуроръ сказалъ всего нѣсколько словъ и что защитника не было вовсе. Процессъ произвелъ на меня впечатлѣніе мелкаго дѣло въ съѣздѣ мировыхъ судей — дѣла о кражѣ селедокъ съ базарнаго лотка или чего-либо въ этомъ родѣ. Когда судъ удалился на совѣщаніе, прокуроръ спустился съ судейскихъ подмостковъ и подошелъ ко мнѣ. Онъ показался мнѣ какъ будто смущеннымъ.

— Сегодня одинъ изъ тѣхъ рѣдкихъ случаевъ, — сказалъ онъ, не выжидая моего вопроса, — когда я нашелъ необходимымъ требовать для подсудимаго смертной казни. Обвиняемый — гнуснѣйшій типъ большевистскаго наводчика.

Я былъ ошеломленъ. Какъ?! Этотъ съѣздъ мировыхъ судей можетъ приговаривать къ смерти? И въ такомъ порядкѣ — послѣ получасоваго разбирательства, безъ участія защиты? А онъ, мой товарищъ, любимый всѣми за свою чистую душу, — въ качествѣ прокурора требуетъ казни сидящаго передъ нимъ мужика, который ничего не понялъ изъ его рѣчи и не имѣетъ никакихъ средствъ къ защитѣ?

Къ счастью, судъ не пошелъ такъ далеко въ дѣлѣ установленія въ народѣ этики, какъ того требовалъ прокуроръ. Подсудимый былъ приговоренъ къ 15-ти годамъ каторжныхъ работъ.

* * *

Ровно — заурядный уѣздный городъ Волынской губерніи — теперь, благодаря своему положенію вблизи новоиспеченной русско-польской границы, было полно лихорадочнаго оживленія. Непрерывный потокъ людей — репатріированныхъ поляковъ и русскихъ бѣженцевъ — изливался сюда съ Востока. Ровно стало первымъ болѣе или менѣе крупнымъ пунктомъ, въ которомъ сосредоточивались всѣ вновь прибывшіе эмигранты и откуда они разселялись въ различныя стороны. Здѣсь уже была довольно регулярная почтовая и телеграфная связь со всѣмъ міромъ; отсюда была поэтому возможность снестись съ родными и получить отъ нихъ визы и деньги на дальнѣйшій путь. Въ Ровно функціонировали отдѣленіе американскихъ филантропическихъ организацій — Joint'a и Hias'a, — которыя съ утра до вечера осаждались просителями.

Не менѣе интенсивна была коммерческая жизнь города. Никогда въ прежніе времена, — говорили старожилы, — Ровно не видывало подобнаго оживленія. Для насъ же, пріѣхавшихъ изъ опустѣвшаго и омертвѣвшаго Кіева, уличная картина ровенской жизни казалась какой-то феeріей.

Ровно когда-то жило Кіевомъ — кіевскими газетами, кіевскими учебными заведеніями, поѣздками мѣстныхъ помѣщиковъ въ Кіевъ на «Контракты», разсказами о кіевскихъ театрахъ и магазинахъ. Теперь положеніе перемѣнилось: Кіевъ сталъ глухой провинціей по сравненію съ блистательнымъ Ровно.

Нашъ глазъ, привыкшій къ убогости, къ подавленности, къ лохмотьямъ и заплатамъ, былъ пораженъ видомъ самодовольной, расфранченной толпы, видомъ ломящихся подъ тяжестью товара магазинныхъ полокъ, видомъ переполненныхъ ресторановъ и кафэ, видомъ всяческихъ признаковъ довольства, изобилія и мотовства. Мы были какъ дѣти въ магазинѣ игрушекъ... Каждая площадка, нагруженная ящиками съ какимъ нибудь товаромъ, казалась намъ чѣмъ-то необычайнымъ; мы не могли отдѣлаться отъ мысли, что вотъ сейчасъ ее остановитъ милиціонеръ и заставитъ повернуть обратно — въ сторону района или Че-ки...

Жители Ровно, видимо, и сами восхищались и гордились всѣмъ этимъ великолѣпіемъ.

Злоключенія этихъ жителей начались еще за полтора года до революціи, осенью 1915 года. Во время Макkензеновскаго наступленія на Югъ Россіи, городъ Ровно былъ совершенно эвакуированъ, и тысячи ровенчанъ выѣхали тогда на Востокъ — главнымъ образомъ въ Кіевъ. Несмотря на то, что городъ въ концѣ концовъ не былъ занятъ нѣмцами, уѣхавшая публика не спѣшила возвратиться домой и, въ результатѣ, переживъ въ Кіевѣ революцію и Гетманщину, застряла въ совѣтскихъ тискахъ. Во время гражданской войны Ровно много разъ переходило изъ рукъ въ руки и испытало на себѣ всѣ ужасы междувластья, эвакуацій, завоеваній и погромовъ. Наконецъ, по Рижскому договору городъ окончательно отошелъ къ Польшѣ. И вотъ тогда-то, послѣ пятилѣтняго изгнанія, бывшіе ровенчане стали непрерывнымъ потокомъ возвращаться во-свояси.

Оставленное дома добро они застали, конечно, въ изрядно потрепанномъ видѣ; но благодаря не стѣсненной торгово-промышленной жизни, они довольно быстро освоились съ новымъ положеніемъ и возстановили старыя, либо завели новыя, далеко не бездоходныя дѣла. Въ то время, когда мы были въ Ровно, для большинства

изъ нихъ еще «были новы всѣ впечатлѣнія бытія». Они явственно поддавались на всѣ приманки, спѣшили использовать всѣ возможности. Это было замѣтно по ихъ образу жизни, по наружности повально-блондированныхъ дамъ и по всему господствовавшему въ городѣ духу и тону...

Ровно — владѣльческій городъ, принадлежащій, какъ родовое помѣстье, князьямъ Любомирскимъ. По обоимъ концамъ города находятся руины двухъ княжескихъ резиденцій: столѣтнія развалины «стараго палаца» и голыя стѣны ограбленнаго большевиками «новаго палаца». Одинъ ровенскій патріотъ водилъ насъ по окружающему «новый палацъ» парку и съ піэтетомъ показывалъ намъ старинный домъ князя, выдержанный въ стилѣ деревенскихъ резиденцій англійскихъ лордовъ, съ несчетнымъ количествомъ службъ, конюшенъ, оранжерей и т. д.

Предъ нами была любопытная реликвія старо-польскаго магнатства, которое теперь видимо исчезаетъ, уступая свое мѣсто юпитерскому высокомѣрію «старостъ», референтовъ и прочихъ чиновниковъ...

* * *

Въ городѣ Ровно, на углу Шоссовой и Аптекарской улицъ, стоитъ газетный кіоскъ, въ которомъ продаются польскія, русскія и иностранныя газеты. Я ежедневно отправлялся на паломничество къ этому кіоску; это былъ для меня какъ бы микрокосмъ, отражавшій всѣ краски и переливы вновь открывшагося моему глазу міра.

Русскія газеты — варшавская «Свобода», берлинскій «Руль» и парижскія «Послѣднія Новости» — получались въ кіоскѣ регулярно; по нимъ можно было получить довольно полное представленіе объ общественныхъ теченіяхъ и жизни эмиграціи. Изъ газетъ на иностранныхъ языкахъ почти всякій день получался въ Ровно другой образецъ. Владѣлецъ кіоска какъ будто сговорился съ почтой, чтобы давать своимъ покупателямъ возможно болѣе разнообразную духовную пищу.

Несмотря на самое страстное желаніе, въ послѣдніе годы въ Россіи было совершенно невозможно оставаться въ курсѣ міровыхъ событій. Информація, которая была намъ доступна, давала крайне неполную, зіяющую пробѣлами картину исторіи послѣднихъ лѣтъ. Теперь наступила долгожданная минута, когда можно было, наконецъ, восполнить эти раздражающіе, обидные пробѣлы. Газетный кіоскъ на Шоссовой улицѣ сталъ моимъ университетомъ.

Нужно сказать, что при всемъ изобиліи въ продуктахъ кулинаріи и парфюмеріи, Ровно было значительно бѣднѣе пищей для ума. Книжныхъ магазиновъ почти не было, а изъ случайно попадавшихся въ писче-бумажныхъ магазинахъ книгъ по общественнымъ вопросамъ мнѣ удалось извлечь только брошюру съ текстомъ новой польской конституціи.

Приходилось довольствоваться свѣдѣніями, извлекаемыми изъ газетъ. И вотъ по отрывочнымъ намекамъ злободневной хроники случайныхъ номеровъ газетъ — мы должны были возсоздавать себѣ картину великихъ историческихъ событій, пережитыхъ Европой въ годы нашего духовнаго карантина.

Специфическій характеръ, стиль и даже внѣшній видъ отдѣльныхъ газетъ будили множество притаившихся воспоминаній. Гладенькая «Neue Freie Presse» съ ея мѣщанской Gemütlichkeit; понедѣльничный «Berliner Tageblatt» съ умно-претенціозной передовицей Теодора Вольфа; парижскій «Matin» со своимъ насмѣшливымъ, изысканно-литературнымъ пересказомъ сенсаціонныхъ небылицъ; и, наконецъ, «Le Temps» — этотъ тяжеловѣсный органъ дѣлового и солиднаго французскаго шови-

низма: все это воспринималось теперь, какъ утраченные и вновь возвращенные кусочки нашего умственнаго обихода...

Во всѣхъ попадавшихъ въ руки газетахъ я искалъ отвѣта на одинъ и тотъ-же волнующій вопросъ:

— Та-же ли это Европа, которую мы оставали въ 1914 году?

И отвѣтъ былъ: да, какъ будто та-же. Нужды нѣтъ, что съ тѣхъ поръ повалились престолы, что перекроены имперіи, что новыя тревоги занимаютъ умы и сердца. Нужды нѣтъ, что земля оскудѣла, что люди измучены и устали. То «что-то», что мы цѣнили и чему учились у Европы, то — осталось. Какъ встарь, мы чувствуемъ себя здѣсь въ верхнемъ этажѣ культуры.

Европа осталась Европой въ то время, какъ Россія перестала быть Россіей.

* *
*

Мы сидѣли въ Ровно, тщетно дожидаясь обѣщанной д-ромъ Скорецкимъ дополнительной регистраціи бѣженцевъ и не менѣе тщетно хлопоча о предоставленіи намъ такъ-называемаго «права азиля». Насъ опекали два еврейскихъ бѣженскихъ комитета — фолькистскій на Шоссовой и сіонистическій на Школьной, — относившіеся безъ особой симпатіи другъ къ другу, но съ большой любезностью къ намъ. А въ то же время у «старосты» въ другомъ пограничномъ городкѣ (въ Острогѣ), какъ потомъ выяснилось, уже нѣсколько мѣсяцевъ лежалъ приказъ изъ м-ва внутр. дѣлъ о нашемъ безпрепятственномъ пропускѣ въ Варшаву. Узнавъ объ этомъ совершенно случайно, мы на слѣдующій же день получили завѣтную бумажку и уѣхали.

До Бреста передвиженіе носило еще полу-россійскій характеръ: въ неосвѣщенномъ вагонѣ, въ толкотнѣ и безпорядкѣ. Зато изъ Бреста въ Варшаву шелъ уже заправскій D-Zug нѣмецкаго типа. Было съ непривычки пріятно просидѣть цѣлую ночь безъ сна въ купэ такого поѣзда.

* *
*

Варшава — третья столица на нашемъ пути, на этотъ разъ уже настоящая столица.

Впечатлѣніе громоздится на впечатлѣніе, образъ на образъ. Сколько стараго, отъ чего отвыкъ; сколько новаго, къ чему нужно пріучаться...

Не касаюсь всего этого здѣсь: оно относится къ другому этапу нашего бѣженства, къ другой главѣ нашихъ «Wanderjahre».

Черезъ двѣ недѣли получаемъ бѣженскіе заграничные паспорта. Продолжаемъ нашъ путь.

Ночь въ поѣздѣ и мы на новой польско-нѣмецкой границѣ. Однако, ее порядочно отдалили отъ Варшавы и приблизили къ Берлину со времени нашего послѣдняго путешествія въ 1914 году...

На пограничной станціи Збоншинъ, выполнивъ всѣ обряды и формальности, садимся въ другой вагонъ. Случайно обернувшись къ дверямъ, я вижу предъ собой четко и аккуратно выведенную надпись — шесть сакраментальныхъ словъ изъ нѣмецкаго желѣзнодорожнаго катехизиса: — Nicht öffnen, bevor der Zug hält.

Мы — въ Германіи.

Въ дорогу! —

Декабрь 1922 года.

ДОКУМЕНТЫ И ДНЕВНИКИ

Конституція Уфимской директоріи

Актъ объ образованіи всероссійской верховной власти

26/8–10/23 сентября 1918 г.

Государственное Совѣщаніе въ составѣ Съѣзда Членовъ Всероссійскаго Учредительнаго Собранія и уполномоченныхъ на то представителей Комитета Членовъ Всероссійскаго Учредительнаго Собранія, Сибирскаго Временнаго Правительства, Областного Правительства Урала, Казачьихъ Войскъ, Оренбургскаго, Уральскаго, Сибирскаго, Иркутскаго, Семирѣченскаго, Енисейскаго, Астраханскаго, представителей правительствъ: Башкиріи, Алашъ, Туркестана и національнаго управленія Тюрко-Татаръ внутренней Россіи и Сибири и Временнаго Эстонскаго Правительства, представителей съѣзда городовъ и земствъ Сибири, Урала и Поволжья, представителей политическихъ партій и организацій: партіи соціалистовъ-революціонеровъ, россійской соціалъ-демократической рабочей партіи, трудовой народно-соціалистической партіи, партіи Народной Свободы, Всероссійской соціалъ-демократической организаціи «Единство» и Союза Возрожденія Россіи — въ единодушномъ стремленіи къ спасенію страны, возсозданію ея единства и обезпеченію ея независимости постановило:

Вручить всю полноту Верховной Власти на всемъ пространствѣ Государства Россійскаго Временному Всероссійскому Правительству въ составѣ пяти лицъ: Николая Дмитріевича Авксентьева, Николая Ивановича Астрова, Генералъ-лейтенанта Василія Георгіевича Болдырева, Петра Васильевича Вологодскаго и Николая Васильевича Чайковскаго.

Временное Всероссійское Правительство въ своей дѣятельности руководствуется слѣдующими установленными настоящимъ актомъ положеніями.

ОБЩІЯ ПОЛОЖЕНІЯ.

1. Временное Всероссійское Правительство, впредь до созыва Всероссійскаго Учредительнаго Собранія, является единственнымъ носителемъ Верховной Власти на всемъ пространствѣ Государства Россійскаго.

2. Всѣ функціи Верховной Власти, временно отправляемыя въ виду создавшихся условій Областными Правительствами, должны быть переданы Временному Всероссійскому Правительству, какъ только оно того потребуетъ.

3. Установленіе предѣловъ компетенціи Областныхъ Правительствъ, на началахъ широкой автономіи областей и на основахъ приведенныхъ въ изложенной ниже программѣ дѣятельности Правительства, предоставляется мудрости Временнаго Всероссійскаго Правительства.

ОБЯЗАННОСТИ ПРАВИТЕЛЬСТВА ВЪ ОТНОШЕНІИ ВСЕРОССІЙСКАГО УЧРЕДИТЕЛЬНАГО СОБРАНІЯ.

Въ непремѣнную обязанность Временнаго Всероссійскаго Правительства вмѣняется:

1. Всемѣрное содѣйствіе функціонирующему, какъ государственно-правовой органъ, Съѣзду Членовъ Учредительнаго Собранія въ его самостоятельной работѣ по обезпеченію пріѣзда членовъ Учредительнаго Собранія и по ускоренію и подготовкѣ возобновленія занятій Учредительнаго Собранія настоящаго состава.

2. Неуклонное руководство въ своей дѣятельности непререкаемыми верховными правами Учредительнаго Собранія и неустанное наблюденіе, чтобы въ дѣятельности всѣхъ подчиненныхъ Временному Правительству органовъ не было допущено ничего могущаго клониться къ умаленію правъ Учредительнаго Собранія или къ замедленію въ возобновленіи его работъ.

3. Представленіе отчета въ своей дѣятельности Учредительному Собранію, немедленно по объявленію Учредительнымъ Собраніемъ своихъ работъ возобновленными, и безусловное подчиненіе Учредительному Собранію какъ единственной въ странѣ верховной власти.

Примѣчаніе: къ сему прилагается постановленіе Съѣзда членовъ Всероссійскаго Учредительнаго Собранія отъ 16 сентября 1918 года.

ПРОГРАММА РАБОТЪ ВРЕМЕННАГО ПРАВИТЕЛЬСТВА.

Въ своей дѣятельности по возстановленію государственнаго единства и независимости Россіи, Временное Всероссійское Правительство должно ставить въ первую очередь слѣдующія неотложныя задачи:

1. Борьба за освобожденіе Россіи отъ совѣтской власти.

2. Возсоединеніе отторгнутыхъ, отпавшихъ и разрозненныхъ областей Россіи.

3. Непризнаніе Брестскаго и всѣхъ прочихъ договоровъ международнаго характера, заключенныхъ какъ отъ имени Россіи, такъ и отдѣльныхъ ея частей послѣ февральской революціи, какой бы то ни было властью, кромѣ Россійскаго Временнаго Правительства, и возстановленіе фактической силы договоренныхъ отношеній съ державами согласія.

4. Продолженіе войны противъ германской коалиціи.

Въ сферѣ внутренней политики Временное Правительство должно преслѣдовать нижеслѣдующія цѣли:

I. Въ области военной.

1. Возсозданіе сильной, боеспособной, единой Россійской арміи, поставленной внѣ вліянія политическихъ партій и подчиненной, въ лицѣ ея высшаго командованія, Всероссійскому Временному Правительству.

2. Полное невмѣшательство военныхъ властей въ сферу гражданскаго управленія, за исключеніемъ мѣстностей, входящихъ въ театръ военныхъ дѣйствій или объявленныхъ указами Правительства на военномъ положеніи, когда это вызывается крайней государственной необходимостью.

3. Установленіе крѣпкой военной дисциплины, на началахъ законности и уваженія къ личности.

4. Недопустимость политическихъ организацій военнослужащихъ и устраненіе арміи отъ политики.

II. Въ области гражданской.

1. Устроеніе освобождающейся Россіи на началахъ признанія за ея отдѣльными областями правъ широкой автономіи, обусловленной какъ географическимъ и экономическимъ, такъ и этническимъ признаками, предполагая окончательное установленіе государственной организаціи на федеративныхъ началахъ полновластнымъ Учредительнымъ Собраніемъ.

2. Признаніе за національными меньшинствами, не занимающими отдѣльной территоріи, правъ на культурно-національное самоопредѣленіе.

3. Возстановленіе въ освобождаемыхъ отъ совѣтской власти частяхъ Россіи демократическаго городского и земскаго самоуправленія, съ назначеніемъ перевыборовъ въ ближайшій срокъ.

4. Установленіе всѣхъ гражданскихъ свободъ.

5. Принятіе мѣръ къ дѣйствительной охранѣ общественной безопасности и государственнаго порядка.

III. Въ области народно-хозяйственной.

1. Борьба съ хозяйственной разрухой.

2. Содѣйствіе развитію производительныхъ силъ страны. Привлеченіе къ производству частнаго капитала русскаго и иностраннаго и поощреніе частной иниціативы и предпріимчивости.

3. Государственное регулированіе промышленности и торговли.

4. Принятіе мѣръ къ повышенію производительности труда, и сокращеніе непроизводительнаго потребленія національнаго дохода.

5. Развитіе рабочаго законодательства на началахъ дѣйствительной охраны труда и регулированіе условій найма и увольненія рабочихъ.

6. Признаніе полной свободы коалицій.

7. Въ сферѣ продовольственной политики отказъ отъ хлѣбной монополіи и твердыхъ цѣнъ, съ сохраненіемъ нормировки распредѣленія продуктовъ, имѣюшихся въ недостаточномъ количествѣ. Государственныя заготовки, при участіи частноторговаго и кооперативнаго аппарата.

8. Въ сферѣ финансовой — борьба съ обезцѣненіемъ бумажныхъ денегъ, возстановленіе налогового аппарата и усиленіе прямого подоходнаго и косвеннаго обложенія.

9. Въ области земельной политики Временное Всероссійское Правительство, не допуская такихъ измѣненій въ существующихъ земельныхъ отношеніяхъ, которыя мѣшали бы разрѣшенію Учредительнымъ Собраніемъ земельнаго вопроса въ полномъ объемѣ, оставляетъ землю въ рукахъ ея фактическихъ пользователей и принимаетъ мѣры къ немедленному возобновленію работъ по урегулированію землепользованія на началахъ максимальнаго увеличенія культивируемыхъ земель и расширенія трудового землепользованія, примѣняясь къ бытовымъ и экономическимъ особенностямъ отдѣльныхъ областей и районовъ.

ПОРЯДОКЪ ИЗМѢНЕНІЯ СОСТАВА ПРАВИТЕЛЬСТВА.

1. Осуществляя на указанныхъ основаніяхъ верховную власть, Временное Всероссійское Правительство дѣйствуетъ, какъ органъ коллегіальный. Члены его до Учредительнаго Собранія не отвѣтственны и не смѣняемы.

2. На случай выбытія изъ состава Временнаго Правительства того или другого члена его въ качествѣ замѣстителей избираются: Андрей Александровичъ Аргуновъ, Владимиръ Александровичъ Виноградовъ, генералъ отъ инфантеріи Михаилъ Васильевичъ Алексѣевъ, Василій Васильевичъ Сапожниковъ и Владимиръ Михайловичъ Зензиновъ.

3. Въ случаѣ выбытія кого либо изъ членовъ Временнаго Всероссійскаго Правительства, измѣненіе состава его совершается въ порядкѣ вступленія на мѣсто выбывшаго его замѣстителя. Замѣстителемъ Н. Д. Авксентьева считается А. А. Аргуновъ, Н. И. Астрова — В. А. Виноградовъ, В. Г. Болдырева — М. В. Алексѣевъ, П. В. Вологодскаго — В. В. Сапожниковъ и Н. В. Чайковскаго — В. М. Зензиновъ.

4. Въ виду необходимости для Временнаго Всероссійскаго Правительства немедленно приступить къ осуществленію власти и управленію Государствомъ въ полномъ своемъ составѣ, въ составъ его, впредь до прибытія отсутствующихъ нынѣ членовъ, немедленно должны вступить ихъ персональные замѣстители.

5. Члены Временнаго Всероссійскаго Правительства при вступленіи въ него даютъ торжественное обѣщаніе по прилагаемому при семъ тексту.

За Предсѣдателя Государственнаго Совѣщанія
Товарищъ Предсѣдателя Евгеній Францевичъ Роговскій,
Членъ Учредительнаго Всероссійскаго Собранія.
Товарищъ Предсѣдателя Государственнаго Совѣщанія, Министръ
Снабженія Сибирскаго Временнаго Правительства И. И. Серебрянниковъ.
Секретарь Государственнаго Совѣщанія, Членъ Учредительнаго Собранія Борисъ Моисеенко.
Секретарь Государственнаго Совѣщанія, членъ Областного Правительства Урала Петръ Мурашевъ.

Члены всероссійскаго учредительнаго собранія:

К. Буревой, Михаилъ Гендельманъ, Апол. Ник. Кругликовъ, В. Подвицкій, О. С. Миноръ, Н. Ивановъ, Д. Розенблюмъ, Г. Терегуловъ. В. Павловъ, В. Панкратовъ, Н. Здобновъ, Г. Титовъ, С. Шендриковъ, Баранцевъ, Н. Огановскій, К. Шумаковъ, С. Володинъ, Моисей Кроль, А. Власовъ, В. Х. Таначевъ, С. Лотошниковъ, Н. Фоминъ, М. Возмитель, Б. Архангельскій, А. Шапошниковъ, Д. Шныревъ, А. Мининъ, Н. Левченко, М. Слонинъ, В. Мамоновъ, В. Л. Утговъ, Б. Соколовъ, Ф. Тухватуллинъ, Н. Любимовъ, Ив. Васильевъ, В. Ломшаковъ, М. Ахмеровъ, Д. Петровъ, Виссаріонъ Гуревичъ, В. Владыкинъ, Козьма Гуровъ, А. Девизоровъ, Б. Черненковъ, П. Сухановъ, Ах. Байтурсуновъ, А. Беремжановъ, Г. А. Алимбековъ, С. Дощановъ, Ипмагометъ, А. Зисманъ, Л. Ефремовъ, М. Линдбергъ, В. Алексѣевскій, Л. Кроль, В. Матушкинъ, М. Ф. Тухтаровъ, Брешковская, Э. Лазаревъ, В. Вольскій, М. Святицкій.

Представители комитета членовъ всероссійскаго учредительнаго собранія:

М. Веденяпинъ.

Представители временнаго сибирскаго правительства:

Генералъ-майоръ Ивановъ-Риновъ, Упр. Мин. Внут. Дѣлъ С. Старынкевичъ, отъ Сибир. Прав. и Сибир. Каз. генералъ-лейтенантъ Г. Катанаевъ, полковникъ Бобрикъ, комиссаръ Пріуралья проф. Петръ Масловъ.

Представители временнаго областного правительства Урала:

А. Кощеевъ, Ип. Войтовъ.

Представители войсковыхъ правительствъ казачьихъ войскъ:

Уральскаго Казачьяго Войска генералъ М. Хорошхинъ.
Представитель Сибир. Каз. Войска и. д. Войскового Атамана,
Войсковой старшина Э. Березловскій.
Представитель Семирѣченскаго Казачьяго Войска Илья Шендриковъ.
Представитель Енисейскаго Войска Прокопій Шуваевъ.
Астраханскаго Казачьяго Войска Г. Астаховъ.
Иркутскаго Казачьяго Войска И. Пеженскій.

Представитель правительства Башкиріи:

Членъ Правительства Башкиріи Искандеръ Бекъ-Мухаметіаровичъ Султановъ.

Представители киргизскаго правительства «Алашъ-орды»:

Представитель автономіи Алашъ — предсѣдатель Алашъ-Орды Алиханъ Букейханъ, Имамъ Алимбекъ.

Представители временнаго правительства автономнаго Туркестана:

Предсѣдатель Вр. Правительства М. Чокаевъ, Членъ Временнаго Правительства автономнаго Туркестана А. Уразаевъ, членъ Временнаго Народнаго Совѣта Туркестана С. А. Муфтизаде.

Представители національнаго управленія тюрко-татаръ внутренней Россіи и Сибири:

Представители Національнаго Управленія Мусульманъ Тюрко-Татаръ Внутренней Россіи и Сибири Джантюринъ, М. Г. Исхаковъ, Султанъ-Бекъ Шаги-Бековичъ Мамлеевъ.

Представители временнаго эстонскаго правительства:

Б. Линде, А. Л. Каэласъ, Алексѣй Нэу.

Представители съѣзда городовъ и земствъ Сибири, Урала и Поволжья:

И. Ахтямовъ, А. Гачичеладзе, С. Третьяковъ, Н. Миткевичъ.

Представители центральныхъ комитетовъ политическихъ партій и организацій:

Центральн. Ком. партіи соц.-рев. Михаилъ Гендельманъ, Флор. Федоровичъ,
Делегаціи соц.-демократич. рабочей партіи — Б. Кибрикъ, С. М. Лепскій,
Центральн. Ком. Труд. Н.-Соц. партіи Ф. Чембуловъ, С. Знаменскій, И. Сухановъ.
Членъ Центральнаго Комит. Всероссійской соц.-демократич. организаціи «Единство» В. Фоминъ.
Центральн. Ком. партіи Народ. Свободы А. И. Коробовъ, А. П. Мельгуновъ.
Представитель Союза Возрожденія Россіи С. Знаменскій.

Подлинный подписали:
Временное Всероссійское Правительство:

Н. Авксентьевъ
В. Болдыревъ
В. Зензиновъ
В. Сапожниковъ.
Управляющій дѣлами
Временнаго Всероссійскаго Правительства А. Кругликовъ.
Съ подлиннымъ вѣрно:
Исп. об. Начальника Канцеляріи Пермяковъ.

ДОКУМЕНТЫ

къ статьѣ Н. Каринскаго

В. Срочно.

ПОѢЗДЪ ГЛАВКОМЪ ГЛАВНОКОМАНДУЮЩЕМУ.

Предсѣдатель Правительства проситъ направить «Віолетту» на Севастополь точка Это грозитъ потерею на 5 сутокъ транспорта на три тысячи человѣкъ точка Прошу разрѣшенія высаживать въ Ѳеодосіи точка Отвѣтъ жду срочно до 7 часовъ вечера, такъ какъ отходъ парохода назначенъ на восемь часовъ вечера сегодня точка Телефонъ Портоваго Управленія № 821 точка 10–III Вязьмитиновъ

Резолюція: В. спѣшно. На Ѳеодосію Деникинъ.

Карандашная надпись: Предсѣд Совѣта Министровъ точка

Прошу не отказать въ срочномъ возвратѣ судна.

Г. Л. Вязьмитиновъ.

В. Срочно.

Коменданту тр.: «Віолетта».

Во исполненіе приказанія Главнокомандующаго «Віолеттѣ» немедленно итти въ Ѳеодосію, гдѣ немедленно безъ задержки выгрузить пассажировъ и возвратиться срочно обратно.

Г. М. Ермаковъ 10–III–20.

Боевой приказъ № 74 Г. М. Ермаковъ

Быть готовымъ сегодня обязательно

Коменданту-Віолетты.

10 марта 1920 года итти въ Ѳеодосію срочно выгрузить пассажировъ грузовъ не выгружать кромѣ пассажирскаго багажа и немедленно возвращаться въ Новороссійскъ.

Г. М. Ген. Маіоръ Ермаковъ.

военная внѣ очереди

Министру Внутреннихъ дѣлъ

копія

Предсѣдателю Совѣта Министровъ Севастополь

Приказомъ Главкома Віолетта прибыла Ѳеодосію. Приказомъ Ермакова была отправлена срочно десятаго вечеромъ, не дожидаясь конца погрузки и посадки. Осталось много цѣннаго имущества, документовъ, людей.

Вѣдомства посылаютъ разыскивать оставленное. Многіе потеряли все имущество, разлучены семьи.

Представители вѣдомствъ посылаютъ Главкому подробный докладъ.

Каринскій.

военная внѣ очереди

Новороссійскъ Ген. Вязьмитинову.

Вслѣдствіе приказа Ермакова немедленномъ отходѣ Віолетты остались непогруженными люди, цѣнное имущество вѣдомствъ, документы.

Прошу озаботиться отправкой всѣхъ и всего. Вѣдомства посылаютъ обратно на Віолеттѣ представителей для розыска оставленнаго.

Прошу оказать содѣйствіе и помочь вернуться Ѳеодосію. Подробности слѣдуютъ.

Каринскій.

ЕГО ВЫСОКОПРЕВОСХОДИТЕЛЬСТВУ ГОСПОДИНУ ГЛАВНОКОМАНДУЮЩЕМУ ВООРУЖЕННЫМИ СИЛАМИ НА ЮГѢ РОССІИ.

РАПОРТЪ.

Считаю своимъ долгомъ доложить Вашему Высокопревосходительству о тѣхъ обстоятельствахъ, которыя сопровождали Эвакуацію чиновъ гражданскаго вѣдомства и ихъ семействъ изъ Новороссійска.

Согласно разработанному плану эвакуаціи гражданскихъ чиновъ Правительства изъ г. Новороссійска въ Севастополь, отходъ парохода «Віолетта» изъ Новороссійска былъ назначенъ по распоряженію Правительства на 11–12 марта 1920 г.

Погрузка имущества Правительственныхъ учрежденій началась 9-го марта и продолжалась 10 марта съ разсчетомъ закончить ее 11 марта. 10 марта съ утра началась и посадка пассажировъ.

Совершенно неожиданно вечеромъ 10 марта комендантомъ парохода было объявлено, что по приказанію Генерала Ермакова пароходъ долженъ отойти непремѣнно 10 марта и немедленно, и притомъ не въ Севастополь, а въ Ѳеодосію. Во исполненіе сего приказа погрузка вещей и посадка людей были прекращены, и пароходъ съ 10 часовъ вечера 10 марта 1920 года отошелъ отъ пристани. Въ результатѣ спѣшнаго отхода «Віолетты» въ Новороссійскѣ остался цѣлый рядъ чиновъ гражданскаго вѣдомства; многіе, сѣвшіе на пароходъ, но не успѣвшіе погрузить свои имущества, рискуютъ вовсе потерять его; многіе оказались разлученными со своими близкими и даже съ дѣтьми. Весьма цѣнный грузъ вѣдомствъ остался невывезеннымъ, частью лежащимъ уже на пристани. Такъ не вывезены машины экспедиціи заготовленія государственныхъ бумагъ; не вывезены всѣ дѣла Минист. Торгов. и Пром. и въ томъ числѣ дѣлопроизводство о заграничной валютѣ на сумму до милліона фунтовъ стерлинговъ, дѣла Мин. Юст. и Мин. Внутрен. Дѣлъ и много цѣннаго имущества. Времен. Исп. Обязан. Помощника Министра Торговли и Промышленности Начальникъ Части Торговли Андресонъ съ Восточнаго Маяка, не давшаго пропуска пароходу за неполученіемъ соотвѣтствующаго разрѣшенія ген. Ермакова, послалъ ген. Ермакову телефонограмму, въ которой просилъ разрѣшенія закончить погрузку хотя бы важнѣйшихъ дѣлъ, но просьба г. Андресона была Генераломъ Ермаковымъ отклонена.

Однако, изъ документовъ, предъявленныхъ Комендантомъ парохода (доклада ген. Вязьмитинова Вашему Высокопревосходительству съ резолюціей Вашей «В. Спѣшно. На Ѳеодосію», боевого приказа № 74 ген. Ермаковъ и Вес. срочнаго приказанія ген. Ермакова коменданту «Віолетты»), усматривается, что Вашимъ Высоко-

превосходительствомъ было измѣнено лишь первоначальное направленіе «Віолетты»: вмѣсто Севастополя – Ѳеодосія.

Ни времени отхода, ни того, чтобы пароходъ ушелъ не закончивъ погрузки; ни того, чтобы имущество, которое удалось погрузить, надлежало, не выгружая его въ Ѳеодосіи, везти обратно въ Новороссійскъ, – резолюція Вашего Высокопревосходительства ни словомъ не касается, и всѣ измѣненія въ этомъ отношеніи сдѣланы непосредственно ген. Ермаковымъ.

Измѣненія эти совершенно разрушили планъ эвакуаціи и сверхъ того приказомъ не разгружать пароходъ въ Ѳеодосіи грозятъ внести серьезное разстройство въ дѣло продовольствія, ибо Министерство Продовольствія везетъ на «Віолеттѣ» весьма большое количество мѣшковъ для хлѣба и муки.

Мѣшки эти спѣшно нужны въ Крыму, какъ для мѣстныхъ нуждъ продовольствія, такъ и для срочной доставки муки въ Новороссійскъ.

Надлежитъ отмѣтить, что ген. Ермаковъ, приказавъ уйти «Віолеттѣ» вечеромъ, упустилъ изъ вида, что «Віолетта» должна притти въ Ѳеодосію вечеромъ или ночью на слѣдующій день, и потому безцѣльно простоять на рейдѣ Ѳеодосіи до утра 12 марта, ибо впускъ въ портъ въ темнотѣ воспрещенъ.

Между тѣмъ, если бы «Віолетта» вышла изъ Новороссійска часовъ въ 10-ть утра 11-го марта, то пришла бы въ Ѳеодосію утромъ 12 марта, и безъ всякой потери времени. Все имущество вѣдомствъ было бы погружено, и всѣ люди посажены на пароходъ.

Обсудивъ изложенное, мы признали необходимымъ охрану груза, долженствующаго, соглано распоряженія ген. Ермакова слѣдовать обратно въ Новороссійскъ, погрузку и доставленіе въ Ѳеодосію оставшагося въ Новороссійскѣ имущества Правительственныхъ учрежденій и оставшихся безъ посадки чиновъ сихъ учрежденій и ихъ семействъ и багажа, возложить на представителей вѣдомствъ, каковыми вѣдомствами выданы для исполненія данныхъ порученій соотвѣтствующія удостовѣренія, подтвержденныя Управляющимъ Министерствомъ Внутреннихъ дѣлъ Н. С. Каринскимъ.

Доводя объ изложенномъ до свѣдѣнія Вашего Высокопревосходительства просимъ Вашего приказа о предоставленіи означеннымъ уполномоченнымъ лицамъ права и возможности исполнить данное имъ порученіе и догрузить на «Віолетту» оставшій въ Новороссійскѣ грузъ и посадить на «Віолетту» оставшихся въ Новороссійскѣ чиновъ гражданскихъ вѣдомствъ и ихъ семьи, а также охранять имущество вѣдомствъ, при доставкѣ таковаго изъ Новороссійска въ Ѳеодосію.

Приложенія:

1) Копія доклада ген. Вязьмитинова Главноначальствующему отъ 10 марта 1920 г.
2) Копія боевого приказа ген. Ермакова за № 74.
3) Копія приказа ген. Ермакова коменданту «Віолетты».
4) Сообщенія вѣдомствъ.

Начальникъ Черноморской Губерніи, Управляющій Министерствомъ Внутреннихъ Дѣлъ Н. Каринскій.
Помощникъ Начальника Управленія Торгов. Промышленности В. Семеновъ.
За Министра Юстиціи Н. Андреевъ.
Товарищъ Министра Иностранныхъ Дѣлъ Нератовъ.
Начальникъ Водно-шоссейной Части Инженеръ Калининъ.
Начальникъ Части Министерств. Торгов. и Промышлен. О. Андресонъ.
И об. Начальника Части Народнаго Просвѣщенія Тарановъ.

«Violetta»
12 марта 1920 года.

Дневникъ

Барона Алексѣя Будберга *

1917 годъ

7 Октября. Ѣздилъ въ штабъ арміи на освидѣтельствованіе для того, чтобы получить право на причисленіе къ Александровскому Комитету о раненыхъ; послѣдствія двухъ тяжелыхъ контузій даютъ себя знать все сильнѣе и сильнѣе; надо подумывать о будущемъ, такъ какъ дальше служить уже немыслимо, и вопросъ объ обезпеченіи оставшейся жизни дѣлается сейчасъ страшно серьезнымъ. По дорогѣ, какъ всегда, масса расхлястанныхъ солдатъ. При освидѣтельствованіи нашли волосную трещину черепа — воспоминаніе о той нѣмецкой шестидюймовой бомбѣ, съ которой пришлось познакомиться на позиціи первой батареи около фольварка Леоново; признали право причисленія къ третьему классу о раненыхъ, а временно даже ко второму. Сейчасъ всѣ мои мечты сводятся къ тому, чтобы попасть въ члены военнаго Совѣта; думаю, что имѣю на это право и принесу туда очень солидный военный опытъ и строевой, и административный, и военнаго, и мирнаго времени.

Здѣсь на фронтѣ я, какъ и множество насъ начальниковъ, совершенно безполезенъ, и это-то больше всего меня терзаетъ и разстраиваетъ; работа всегда меня удовлетворяла только тогда, когда приходилось видѣть, чувствовать или сознавать, что она приносила полезные результаты, а не была простымъ толченьемъ воды въ ступѣ; сейчасъ же всѣ мы, несчастные уговаривающіе разныхъ ранговъ, продолжающіе судорожную работу и пытающіеся что-то спасти и что-то предотвратить, напоминаемъ какихъ-то фанатиковъ, которые своими тѣлами хотятъ остановить сорвавшуюся огромную колесницу, летящую съ крутого откоса въ глубокую пропасть; мы судорожно цѣпляемся за что-то, молимъ о какомъ-то чудѣ, но большинство понимаетъ, что спасенія уже нѣтъ; армія, у которой выбили ея душу — дисциплину, давно уже перестала существовать; осталась одна видимость, полная уже внутри такого гноя и разложенія, что только одно великое чудо могло бы насъ спасти; ну, а чудеса встрѣчаются только въ преданіяхъ, да въ книжкахъ, а въ реальной дѣйствительности царятъ непреложные законы природы; разъ нѣтъ средства для остановки начавшагося разложенія, будь то физическое или нравственное, значитъ крышка! и весь вопросъ только въ температурѣ и сырости, которыя могутъ задержать или ускорить разложеніе; сейчасъ температура лѣзетъ вверхъ не по днямъ, а по минутамъ, и трупныя пятна расползаются все гуще и гуще.

Въ Двинскѣ узналъ отъ одного изъ офицеровъ оперативнаго отдѣла штаба арміи о томъ, что штабъ Главнокомандующаго фронтомъ разрабатываетъ какой то проектъ о новомъ наступленіи. Это при теперешнемъ то настроеніи нашихъ товарищей, думающихъ только о безопасности своей шкуры и о томъ, какъ бы побольше сорвать съ казны! и при теперешней непролазной грязи, сдѣлавшей почти невозможнымъ дальнѣйшій подвозъ дневного продовольствія, и при современномъ состояніи лошадей, которыя дохнутъ какъ мухи! Вѣдь со всѣмъ этимъ не справиться никакими завываніями совѣтовъ и комитетовъ, никакими митингами и резолюціями.

---

* Баронъ Алексѣй Будбергъ командовалъ осенью 1917 г. корпусомъ, стоявшимъ около Двинска. Въ серединѣ ноября 1917 г., оставивъ командованіе корпуса, переѣхалъ въ Петербургъ. Въ концѣ января 1918 г. выѣхалъ на Дальній Востокъ, гдѣ оставался, преимущественно въ Харбинѣ, до весны 1919 г. 26 марта 1919 г. былъ назначенъ Главнымъ Начальникомъ Снабженій при Ставкѣ адм. Колчака и въ концѣ апрѣля того-же года выѣхалъ въ Омскъ, гдѣ оставался въ указанной должности, а потомъ и въ должности Управляющаго Военнымъ Министерствомъ до октября 1919 г. Дневникъ барона Будберга, первая часть котораго печатается въ настоящемъ томѣ «АРХИВА», обнимаетъ собою время отъ 7 октября 1917 г. до 31 октября 1919 г.

Уже іюньское наступленіе достаточно ярко показало, что по боевой части мы безнадежно больны и что никакія наступленія для насъ уже немыслимы; нѣмцы съ искусствомъ Мефистофеля использовали свое знаніе современной русской души и при помощи Ленинской компаніи вспрыснули намъ ядъ, растворившій послѣднія жалкія корочки, въ которыхъ еще наружно держалась русская армія; уничтоженіе дисциплины, проклятый принципъ «постолько-посколько» и пораженческая пропаганда обратила насъ въ опасныя для всякаго порядка вооруженныя толпы, которыя пойдутъ за тѣмъ, кто посулитъ имъ побольше вкуснаго и давно уже вожделѣемаго, побольше правъ и наслажденій при минимумѣ обязанностей, работы и непріятностей. Тотъ же, кто только заикнется о боѣ, съ коимъ связаны такіе жупелы, какъ усиленныя работы и возможность страданій, ранъ и смерти, будетъ самымъ ненавистнымъ врагомъ. Ну а съ врагами, несмотря на ихъ положеніе, уже перестали считаться. Сейчасъ брошенный на фронтъ лозунгъ «долой войну» привлекъ къ себѣ сердца и симпатіи всѣхъ шкурятниковъ (а ихъ, съ приходомъ послѣднихъ укомплектованій, у насъ стало больше 80%) и сорвалъ послѣднія удерживающія крѣпи съ тѣхъ, у которыхъ шкурятническія побужденія сдерживались когда то дисциплиной, боязнью суда и разстрѣла, а отчасти старой рутиной повиновенія и обрывками втолканнаго когда-то сознанія обязанности защищать родину. Нѣмцы, видимо, хорошо знали, какими подпорками внутри держится грандіозное снаружи зданіе русской военной мощи; они знали, насколько уже подгнили эти подпорки, и какой смертельный ударъ былъ нанесенъ имъ всѣми этими господами Гучковыми и Керенскими, съ великой развязностью и самомнѣніемъ продѣлавшими надъ русской арміей свои диллетантскіе эксперименты; нѣмцы нашли зловѣщее средство повалить все это окончательно и сдѣлать это русскими же руками подъ руководствомъ подготовленныхъ quasi русскихъ инструкторовъ; для этого противъ насъ и было пущено то средство, которое оказалось гибельнѣе всякихъ ціанистыхъ ядовитыхъ газовъ — пораженческая пропаганда и большевизмъ.

Я плохо знаю теперешнее состояніе Германіи, но мнѣ кажется, что нѣмцы должны были быть очень увѣрены въ патріотизмѣ и разумѣ своего народа и въ его имунитетѣ отъ выбрасываемой на нашу гибель заразы, когда рѣшались на такое исключительное средство, видимо послѣднее, что у нихъ оставалось, чтобы вывести изъ строя своего наиболѣе опаснаго по естественнымъ рессурсамъ врага. Еще въ 1905 году юмористическій журналъ князя Волконскаго «Плювіумъ» доказывалъ, что наиболѣе распространенной въ Россіи партіей являлись С. С. (сукины сыны) съ девизомъ «поменьше работы, побольше денегъ». Теперь этотъ девизъ пущенъ въ самое широкое обращеніе и перевернулъ все вверхъ тормашками, ибо, неперевариваемый и въ мирное время, онъ во время войны, да еще такой, какъ настоящая, хуже самой смерти. Онъ насъ быстро и безповоротно слопалъ, ибо не было у насъ противъ него противоядій: здороваго, сердцемъ и головой рожденнаго патріотизма, разума и просвѣщенія народныхъ массъ и дѣльныхъ и прозорливыхъ политическихъ вождей; не было и необходимыхъ при такой заразѣ дезинфекціонныхъ и асептическихъ средствъ: силы и желѣза власти.

Іюньско-іюльскіе опыты главковерха изъ адвокатовъ помогли нѣмцамъ не меньше, чѣмъ Ленинъ со «товарищи»; шкурниковъ силой погнали на бойню и реально показали всю колючую сторону войны и всѣ ея ужасы; шкурники воочію увидали, что можетъ случиться съ ихъ шкурой, если слушаться самаго даже наидемократичнѣйшаго и сладкоглаголиваго начальства; они поняли, что при такихъ наступательныхъ непріятностяхъ можно и шкуру продырявить и не получить своей доли въ сладкихъ пріобрѣтеніяхъ россійской революціи, каковыхъ они съ большимъ нетерпѣніемъ и не меньшей жадностью ожидали.

Товарищъ Керенскій вообразилъ, что арміи можно поднять на подвигъ истерическими визгами и навинчиваніемъ толпы пустопорожними резолюціями; онъ такъ привыкъ къ словеснымъ побѣдамъ надъ слабыми головами русскихъ судей, надъ настроеніемъ публики большихъ политическихъ процессовъ путемъ многоглаголанія и сбиванія въ смятку мозговъ у слушающихъ, что считалъ, что эти методы примѣнимы и при воздѣйствіи на тѣ вооруженныя толпы-массы, которыя именовались арміей. Штатскій

Главковерхъ, вѣроятно, искренно и убѣжденно думалъ, что обладаетъ такой силой глагола, которая способна произвести тотъ же, какъ и на митингахъ и словопреніяхъ, эффектъ въ примѣненіи къ тому Великому Ужасу, который именуется войной, да еще и въ современномъ ея воплощеніи съ ея невѣроятно грандіозными и цѣпенящими даже и не робкія души средствами истребленія и великаго душевнаго потрясенія. Я до сихъ поръ помню тѣхъ сошедшихъ съ ума солдатъ-нѣмцевъ, которыхъ мы взяли въ плѣнъ послѣ 48 часового обстрѣла нѣмецкихъ окоповъ; а, вѣдь, у насъ былъ только 6-дюймовый калибръ. Я помню присланныя намъ выписки изъ дневника убитаго при обратномъ взятіи Вердена нѣмецкаго капитана, отмѣтившаго, что расположеніе его сосѣда уже седьмой день обстрѣливается непрекращающимся ни на минуту огнемъ 28-сантиметровыхъ орудій, и что почти всѣ защитники этого участка сошли съ ума.

Быть можетъ, въ окопахъ мы еще какъ нибудь отсидимся, но мечтать сейчасъ о наступленіи могутъ только совершенно безумные люди. Четыре мѣсяца тому назадъ моя 70 дивизія была еще способна на порывъ и на наступленіе, а теперь нельзя объ этомъ и заикнуться; о такихъ же отбросахъ, какъ 120 и 121 дивизіи, и говорить нечего. Малѣйшій разговоръ даже о подготовкѣ къ какимъ нибудь наступательнымъ дѣйствіямъ сразу швырнетъ войска въ руки тѣхъ, которые имъ говорятъ, что продолженіе войны нужно начальству, чтобы получать побольше денегъ и побольше наградъ, и сдѣлаетъ насъ для нашихъ солдатъ врагомъ безконечно болѣе опаснымъ и ненавистнымъ, чѣмъ сидящіе въ окопахъ нѣмцы; послѣдніе очень умѣло бубнятъ въ ежедневно намъ бросаемыхъ «Товарищахъ» и «Русскихъ Вѣстникахъ», что они друзья русскаго народа и совершенно не хотятъ съ нимъ воевать; если же нѣтъ мира, то вся задержка только въ русскомъ начальствѣ и въ русскихъ офицерахъ.

Неужели же Псковъ не знаетъ и не понимаетъ всего этого, особенно послѣ уже бывшаго печальнаго опыта іюньскаго наступленія, которое самымъ кричащимъ образомъ доказало, что даже тогда, при несравненно болѣе разумномъ настроеніи частей фронта, онѣ оказались неспособными даже на небольшой порывъ, необходимый для того, чтобы наступленіемъ пѣхоты закрѣпить результаты, добытые двухдневной и очень продуктивной работой огромной артиллеріи, въ небывалыхъ еще здѣсь на фронтѣ размѣрахъ. И это было четыре мѣсяца тому назадъ, состояніе частей было безконечно лучше, стояла чудная лѣтняя погода, дороги были въ отличномъ состояніи, въ порядкѣ были и лошади. Теперь три недѣли сплошныхъ дождей обратили дороги Двинскаго района въ непролазныя топи (сегодня по дорогѣ въ Двинскъ, на главной магистрали я видѣлъ нѣсколько парныхъ экипажей, затонувшихъ въ грязи и такъ и брошенныхъ; выпряженныя лошади отдыхали на ближайшихъ пригоркахъ). Весь конскій составъ отъ тяжелой работы и плохого подвоза фуража, а также отъ «революціонной» халатности товарищей доведенъ до отчаяннаго состоянія; обозные и парковые смотрятъ только за тѣми лошадьми, которыхъ они рѣшили взять съ собой при ожидаемомъ ими концѣ войны домой (это они считаютъ своимъ законнымъ не подлежащимъ никакому оспариванію правомъ).

Всѣ эти условія относятъ всѣ мечты о наступленіи въ разрядъ совершенно несбыточныхъ и въ то же время очень опасныхъ утопій, въ которыхъ намъ очень легко «утонуть». Но наши Ставки и Главкоштабы живутъ на лунѣ, въ полномъ забвеніи дѣйствительности, съ мѣстомъ и временемъ не считаются, войскъ, ихъ состоянія и условій ихъ жизни и службы совершенно не знаютъ; очевидно, что при такой обстановкѣ возможны идіотизмы и нелѣпости всякаго сорта или калибра.

Какія либо возраженія или убѣжденія тутъ безсильны; въ этомъ отношеніи революція ничего не измѣнила и Главкоштабы по прежнему гордо возсѣдаютъ на старыхъ тронахъ, окруженные атмосферой безпрекословнаго послушанія и воспрещенія «смѣть свое сужденіе имѣть». Мы обязаны по рабски все принимать; намъ только приказываютъ и приказываютъ къ исполненію то, что сами приказывающіе осуществить не въ состояніи, причемъ они не могутъ не знать, что войска этихъ распоряженій все равно не выполнятъ и что ни комитеты, ни начальники не располагаютъ уже теперь средствами для того, чтобы заставить неповинующіяся части выполнить отдаваемыя имъ приказанія. И вѣдь

чѣмъ дальше, тѣмъ хуже, ибо по той дорожкѣ, по которой мы катимся внизъ, уже нѣтъ возврата.

Получается идіотская, невыразимо мрачная и безконечно опасная нелѣпица; мы продолжаемъ думать или притворяться, что представляемъ изъ себя еще что-то въ то время, когда мы уже ничто и безповоротно ничто, или во всякомъ случаѣ очень близки къ этому предѣлу. Уже поздно; поздно и позорно становиться теперь въ грозныя позы и гремѣть громами, болѣе смѣшными и бутафорскими, чѣмъ громы Калхаса; никто уже не вѣритъ въ поверженныхъ и развѣнчанныхъ боговъ и въ ихъ силу, никто уже не боится ихъ громовъ; а если и продолжаютъ иногда еще слушаться, то это «послѣднія тучки разсѣянной бури». Все же хочется думать, а временами даже и вѣрится, что несмотря на всю мрачность нашего положенія, не все еще окончательно потеряно, и что, принявъ немедленно самыя исключительныя и не останавливающіяся ни передъ какими экстравагантностями мѣры, можно было бы продолжать вести оборонительную войну; эти мѣры — отказъ отъ наступленія, переходъ на добровольную службу за большое вознагражденіе, а главное прекращеніе той подозрительности, съ которой относятся къ намъ строевымъ начальникамъ правительство и разные комитеты, особенно послѣ Корниловской исторіи. Всѣ мы, сидящіе на самомъ фронтѣ, у самаго солдата, безконечно далеки отъ тѣхъ заоблачныхъ фантазій, отъ которыхъ пухла голова ставочныхъ возстановителей, и въ этомъ отношеніи насъ бояться нечего, а намъ надо повѣрить и намъ помочь; какъ бы ни далеки были мы отъ согласія съ тѣмъ, что установилось сейчасъ на Руси, но мы думаемъ только о фронтѣ, о возможности продолжать войну и побѣдить врага; потомъ мы уйдемъ или будемъ, можетъ быть, бороться противъ того, чего не сможемъ признать, но сейчасъ для даннаго порядка вещей нѣтъ никого болѣе ему лойяльнаго, чѣмъ огромное количество строевого команднаго состава.

Бояться насъ глупо; подозрѣвать въ желаніи взорвать существующій порядокъ нелѣпо; вѣдь это такъ ярко доказано нами и въ мартѣ, и въ августѣ, когда чувство отвѣтственности за фронтъ властно заглушило въ насъ все остальное.

Но для спасенія вверху нужны иныя лица, иныя рѣшенія, иные методы, а имъ, видимо, уже не бывать. Въ тылу опустошительнымъ пожаромъ разливается пораженческая волна; нѣмецкій ядъ проникаетъ все глубже. Все чаще и чаще случаи рѣшительнаго отказа частей идти на смѣну стоящихъ въ окопахъ; отказаться въ открытую еще зазрятъ послѣдніе, еще не разсосавшіеся остатки старой совѣсти, и поэтому выдумываютъ самыя пестрыя, подчасъ, невѣроятно нелѣпыя причины своего отказа; члены армейскаго комитета носятся какъ угорѣлые, уговаривая, усовѣщивая, убѣждая и иногда даже грозя, и съ великими усиліями вытаскиваютъ упирающихся на фронтъ. За полдня, что я провелъ сегодня въ Двинскѣ въ штабѣ арміи и въ армейскомъ комитетѣ было получено три донесенія объ отказѣ частей идти на смѣну, причемъ въ 19 корпусѣ одинъ изъ полковъ 38 дивизіи заявилъ, что онъ вообще больше въ окопы не пойдетъ.

Во всѣхъ резервахъ идетъ сейчасъ безконечное митингованіе съ выносомъ резолюцій, требующихъ «мира во что бы то ни стало»; старые разумные комитеты уже развалились; и вожаками частей и комитетовъ сдѣлались ораторы изъ послѣдне прибывшихъ маршевыхъ ротъ, отборные экземпляры шкурниковъ, умѣло замазывающіе разными выкриками и революціонной макулатурой истинныя основанія своей нехитрой идеологіи: во что бы то ни стало спасти отъ гибели и непріятностей свою шкуру и, пользуясь благопріятной обстановкой, получить максимумъ плюсовъ и минимумъ минусовъ.

Всѣ мы начальники — безсильные и жалкіе манекены, шестеренки разрушенной машины, продолжающіе еще вертѣться, но уже неспособные повернуть своими зубцами когда то послушные намъ валы и валики. Ужасъ отдачи приказа безъ увѣренности, а часто и безъ малѣйшей надежды на его исполненіе, кошмаромъ повисъ надъ русской арміей и ея страстотерпцами начальниками и зловѣщей тучей закрылъ послѣдніе просвѣты голубого неба надежды. Штатскіе господа, быть можетъ и очень искренніе, взявшіе въ свои руки судьбы Россіи и ея арміи, неумолимо гонятъ насъ къ роковому концу.

Что могу сдѣлать я, номинальный начальникъ, всѣми подозрѣваемый, связанный по рукамъ разными революціонными и яко бы демократическими лозунгами и нелѣпо-

стями, рожденными петроградскими шкурниками такъ называемыхъ медовыхъ дней революціи; никому нѣтъ дѣла до того, что всѣ эти явные или замаскированные пораженческіе и антимилитаристическіе лозунги недопустимы во время такой страшной войны; но ихъ бросили массамъ и они стали имъ дороги, и въ нихъ массы увидѣли свое счастье, избавленіе отъ многихъ великихъ и страшныхъ золъ, и удовлетвореніе многихъ вожделѣній, — жадныхъ, давно лелѣянныхъ, всегда далекихъ и недоступныхъ, и вдругъ сразу сдѣлавшихся и близкими, и доступными. Горе тому, кто покусится или даже будетъ только заподозрѣнъ въ покушеніи на цѣлость и сохранность всѣхъ животныхъ благъ, принесенныхъ этими лозунгами и сопровождавшимъ ихъ общимъ развaломъ. И всѣ эти лозунги и патентованныя непогрѣшимости направлены противъ войны, противъ дисциплины, противъ обязанностей и всякаго принужденія. Какъ же начальники могутъ существовать при такой обстановкѣ, тѣ самые начальники, отъ которыхъ смыслъ ихъ бытія требуетъ какъ разъ обратнаго, то-есть напряженнаго веденія войны, поддержанія строгой дисциплины, надзора за добросовѣстнымъ исполненіемъ всѣхъ обязанностей и примѣненія самыхъ суровыхъ и доходящихъ до смертной казни принужденій. Я уже не разъ говорилъ объ этомъ предсѣдателю нашего армискома, но онъ увѣряетъ, что все пройдетъ, и что вскорѣ долженъ появиться въ арміи новый здоровый революціонный духъ и новая революціонная дисциплина. Это у нашихъ то — товарищей!

Верхи требуютъ отъ насъ рѣшительныхъ мѣръ и поднятія дисциплины, а рядомъ терроризированные вооруженными толпами суды оправдываютъ вдохновителя и руководителя бунта, Лейбъ Гренадера Штабсъ Капитана Дзевалтовскаго и его товарищей героевъ Тарнопольскаго погрома и Тарнопольскаго позора.

Въ тылу начался грабежъ уходящими съ фронта дезертирами товарныхъ поѣздовъ съ продовольствіемъ, идущимъ въ арміи; получено распоряженіе армискома отправить въ тылъ вооруженные конвои для сопровожденія нашихъ поѣздовъ; дезертирство разливается повсюду; только у меня еще держатся 18 и 70 дивизіи, въ которыхъ, если и есть дезертиры, то только изъ недавно пришедшихъ пополненій самаго гнуснаго состава, и безъ того растерявшихъ въ пути отъ 50 до 90%.

Разстройство подвоза грозитъ самыми непріятными послѣдствіями, такъ какъ теперь не 1915 годъ и «товарищи» не примирятся съ тѣми недостатками въ довольствіи, которые такъ молчаливо и терпѣливо переносили «солдаты». Мрачно, тяжело и безнадежно; продолжаю наружно бодриться, бурно работаю и тащу за собой другихъ, глубоко запрятывая отъ подчиненныхъ то, что сидитъ въ головѣ и грызетъ сердце, такъ какъ не имѣю права никого заражать своимъ пессимизмомъ.

Кошмарно работать, не вѣря уже въ успѣхъ, и не имѣя надеждъ на будущее; сколько работы, энергіи и нервовъ я вложилъ въ подготовку и исполненіе іюньскаго наступленія, а чѣмъ все это кончилось! всѣ успѣхи 70 дивизіи были уничтожены трусостью и развaломъ сосѣдей.

Ничего не понимаю въ поведеніи союзниковъ; говорилъ по этому поводу въ штабѣ арміи, но и тамъ ничего не знаютъ. Неужели же союзниковъ не тревожитъ то, что съ нами происходитъ; не знать они не могутъ, ибо весь фронтъ набитъ тысячами ихъ представителей, долженствующихъ видѣть и понимать, что дѣлается сейчасъ съ русской арміей и чѣмъ все это можетъ для нихъ кончиться. Неужели они не видятъ, на какіе подводные камни несется русскій корабль подъ руководствомъ присланныхъ изъ Германіи лоцмановъ и ихъ вольныхъ и невольныхъ, явныхъ и тайныхъ помощниковъ, сотрудниковъ и приспѣшниковъ.

Вѣдь союзники должны понимать, что то, что у насъ происходитъ, постепенно выводитъ насъ изъ игры и снимаетъ насъ съ боевыхъ счетовъ; должны же они наконецъ понимать, что Россія гніетъ, а историческое и соціальное гніеніе также опасно и заразительно, какъ и всякій гнойный процессъ. Сейчасъ намъ нужны во что бы то ни стало иностранные ледники для пониженія температуры и остановки гнилостнаго процесса. Нѣсколько хорошихъ дивизій, во время намъ присланныхъ, явились бы тѣми крѣпями, которыя остановили бы происходящее крушеніе русской военной храмины, особенно, если это были бы американскія войска, по сущности своей безопасныя отъ какихъ либо

реакціонныхъ подозрѣній. Они дали бы устойчивость фронту и явились бы нравственной, а когда понадобилось бы, то и матерьяльной поддержкой того правительства и той военной власти, которыя, не будучи одурманенными туманами революціонной белиберды, понимали, что демократія, реформы и отказъ отъ старыя скверны это одно, а общій развалъ, гной и самыя грозныя перспективы для всего будущаго Россіи это нѣчто совсѣмъ иное, порядка уже анархично-разбойничьяго, а никакъ не революціоннаго.

Комитеты болтаютъ и резолируютъ; лучшіе изъ нихъ пытаются что то дѣлать. Россійское пустобрехство расцвѣло во всю; одинъ изъ полковыхъ комитетовъ вынесъ резолюцію не ходить на занятія, такъ какъ отъ этого портится обувь; въ другомъ тоже потребовали отмѣны занятій, но уже по другой причинѣ, ссылаясь на то, чтобы воины не уставали и сохраняли всегда свѣжія силы на случай внезапнаго нападенія непріятеля; дивизіонные комитеты не осмѣлились сами отмѣнить эти постановленія и передали ихъ въ корпусный комитетъ; послѣдній ихъ отмѣнилъ, но вѣдь никто съ его рѣшеніемъ не станетъ считаться, предпочитая занятіямъ игру въ 66.

Разложеніе распространилось и на державшуюся такъ долго въ полномъ порядкѣ 70 дивизію, которую подсѣкъ переводъ ея за Двинскъ; она впервые попросила пока отсрочить заступленіе ея въ окопы на смѣну 18 дивизіи, измысливъ въ качествѣ предлога необходимость переизбрать всѣ комитеты. Красная черта всѣхъ постановленій это отмѣна какихъ либо обязанностей, при соотвѣтственномъ оправдательномъ или объяснительномъ соусѣ только что указанныхъ рецептовъ.

Все болѣе и болѣе углубляюсь въ свое убѣжденіе, родившееся у меня впервые въ маѣ, что единственная лазейка изъ создавшейся разрухи это немедленный, какъ говорятъ — въ пожарномъ порядкѣ, переходъ къ добровольческой арміи и разрѣшеніе всѣмъ нежелающимъ воевать вернуться домой. Всѣ не уйдутъ, а если бы ушли, то это было бы яркимъ показателемъ того, что дальнѣйшее продолженіе войны невозможно. А то, что уйдутъ не всѣ, показалъ опросъ произведенный недавно дивизіонными комитетами 18 и 70 дивизіи, причемъ готовность остаться заявили въ первой около 1000 ч., а во второй около 1400; въ 120 и 121 дивизіяхъ не опрашивали, ибо тамъ навѣрно всѣ захотятъ домой, и я былъ бы счастливъ, если бы судьба меня избавила отъ этихъ навозныхъ кучъ, составленныхъ изъ собранныхъ отовсюду отбросовъ, обильно залитыхъ самымъ большевистскимъ жидкимъ удобреніемъ; 120 дивизія уже и такъ выдѣлила въ батальонъ смерти все, что въ ней было порядочнаго, и этотъ батальонъ несетъ всякую службу въ десятъ разъ эфективнѣе всей дивизіи.

Лучше имѣть 4000 отборныхъ людей, чѣмъ 40 тысячъ отборной шкурятины; нужно только установить, чтобы оставшіеся на фронтѣ получали двойное натуральное довольствіе плюсъ все причитающееся на полный штатный составъ части денежное; я говорилъ по этому поводу съ двумя командармами и двумя главкосѣвами, писалъ въ главное управленіе генеральнаго штаба, но всюду мое предложеніе сочли черезчуръ экстравагантнымъ, послѣднее время эта мысль получила широкое между строевыми начальниками распространеніе, но, какъ говорятъ, противъ нея стоятъ всѣ комитеты и всѣ петроградскіе Цики; считается, что останутся только самые реакціонные элементы, которые и повернутъ все направо кругомъ.

У Ревеля совсѣмъ плохо; повидимому, архипелагъ островов потерянъ; изъ сообщаемыхъ оттуда свѣдѣній не извѣстна судьба нашихъ судовъ.

8 Октября. Ночью получилъ чрезвычайно непріятное донесеніе начальника 70 дивизіи, что 277 Переяславскій полкъ отказался идти изъ резерва на смѣну частей 18 дивизіи; такимъ образомъ завершился весь циклъ разложенія корпуса и перестала существовать, какъ настоящая боевая единица, еще одна часть несчастной русской арміи; очевидно, порядокъ въ дивизіи доживалъ свои послѣдніе остатки, и стояніе въ резервѣ за Двинскомъ и вся гнилая атмосфера Двинскаго района ее доконали. Какъ ни умолялъ штармъ не трогать дивизію, Двинскъ настоялъ на своемъ, и вотъ каковы результаты; если бы мнѣ разрѣшили сдѣлать по моему, то-есть поставить всѣ три дивизіи въ линію и установить такой порядокъ смѣны, чтобы по одному полку отъ дивизіи стояло въ окопахъ, а остальные въ резервахъ разной очереди, то я увѣренъ, что дивизіи не только

бы не разложились, а получилась бы даже возможность попробовать начать ихъ втягивать понемногу въ службу и порядокъ, и тогда все зависѣло бы только отъ того, не развалятся ли сосѣди и не вспыхнетъ ли сразу весь тылъ. Съ такимъ порядкомъ смѣны согласились даже большевистскіе комитеты 120 дивизіи, но все пошло на смарку благодаря упрямству штаба арміи, или вѣрнѣе, начальника штаба генерала Свѣчина, измыслившаго какую-то невѣроятно сложную операцію-маневръ, на случай наступленія нѣмцевъ сѣвернѣе Двинска и вытащившаго туда части моего корпуса въ армейскій резервъ.

Въ вынесенной Переяславскимъ полкомъ резолюціи причиной отказа идти на смѣну частей, стоящихъ уже мѣсяцъ въ окопахъ, выставляются отсутствіе полныхъ комплектовъ теплой одежды и требованіе немедленно заключить миръ. Очень характерна смѣсь этихъ требованій: первое пущено для увлеченія инертныхъ массъ, и какъ упрекъ незаботливому начальству, а второе сейчасъ является разливающимся по всему фронту лозунгомъ.

И въ такое время главкоштабные младенцы мечтаютъ о какихъ то наступленіяхъ и стратегическихъ маневрахъ «съ внутренними осями захожденія» и «вливаніемъ кавалерійскихъ массъ въ произведенные прорывы фронта». Прочитали бы лучше помѣщаемый ежедневно въ «Русскомъ Словѣ» отдѣлъ телеграфныхъ сообщеній со всѣхъ концовъ Россіи, очень красочно передающихъ, что тамъ дѣлается. Картина потрясающая, но заставляетъ ли она «бдѣть нашихъ консуловъ?» Имѣется тамъ же донесеніе комиссара съ южнаго фронта о томъ, что какой то корпусъ прошелъ черезъ Сорокскій уѣздъ и оставилъ за собою пустыню: все разграблено, все жилое сожжено, женщины изнасилованы; по даннымъ армейскаго комитета эти свѣдѣнія составляютъ только часть донесенія комиссара объ отводѣ въ резервъ 2 гвардейскаго корпуса, продѣлавшаго такую операцію не въ одномъ, а въ одиннадцати уѣздахъ, гдѣ на несчастіе всюду были мѣстные запасы вина.

Неужели же намъ суждено дойти до средневѣковаго: Morte nihil melius, vita nihil pejus! Вотъ когда показались спѣлые плоды «безкровной» русской революціи.

Газеты принесли намъ манифесты Стокгольмскаго сборища и нашихъ совѣтовъ по части окончанія войны; какое надруганіе надъ Россіей! всѣ заботы сводятся главнымъ образомъ къ тому, чтобы не пострадали интересы Германіи. Монархическіе Метернихи, Нессельроды и Ко. черезъ сто лѣтъ обрѣли достойныхъ, хотя и революціонныхъ преемниковъ по части утопленія русскихъ интересовъ; это у насъ должно быть въ крови съ тѣхъ поръ, какъ послѣ Петра насъ нѣмецкая нянька по темячку ушибла. Давно Россія не читала такихъ откровенныхъ и циничныхъ документовъ; авторамъ стѣсняться нечего, такъ какъ по части этическихъ задержекъ они химически чисты, что при надлежащей оплатѣ золотымъ эквивалентомъ ихъ старательности снимаетъ съ нихъ всякую удержь. Кухари германскаго происхожденія или германской подготовки работаютъ умѣло, поднося все гибельное и смертельное для Россіи подъ искусно приготовленными соусами мира, покоя и освобожденія отъ непріятныхъ тяготъ и обязанностей.

Желѣзныя дороги фронта опять затрещали подъ напоромъ массъ отпускныхъ и вовсе уволенныхъ отъ службы, стихійно стремящихся домой; въ перегруженныхъ до отказа вагонахъ ломаются рессоры, проваливаются полы; происходитъ масса несчастій, но на такіе пустяки перестали обращать вниманіе. Никакая власть уже не въ силахъ остановить этотъ двигающійся на востокъ ураганъ. А еще недавно это было возможно, но надо было сразу же, ни передъ чѣмъ не останавливаясь, установить желѣзный порядокъ на станціяхъ главныхъ посадокъ, наказывая всѣхъ неповинующихся отставленіемъ отъ посадокъ и поощряя всячески спокойныхъ и слушающихся; затѣмъ надо хоть теперь осуществить тотъ проектъ, который я, начиная съ 16 года, нѣсколько разъ предлагалъ Главному Управленію Генеральнаго Штаба и который состоялъ въ томъ, чтобы двигать отпускныхъ солдатъ особыми маршрутными поѣздами, снабженными обязательно вагонами кухнями, кормящими солдатъ только своего эшелона; отъ такого поѣзда не отсталъ бы ни одинъ солдатъ; солдаты бы не разносили станціи и станціонные поселки въ поискахъ продовольствія; главное же — правильность движенія дала бы массамъ полную увѣренность въ томъ, что дѣло налажено, что до каждаго дойдетъ очередь и что ѣхать этимъ предлагаемымъ и организованнымъ начальствомъ способомъ удобнѣе и скорѣе. Поте-

рявъ право надѣяться на силу приказа, приходилось измышлять новые способы, чтобы хоть чѣмъ нибудь сдерживать массы. Главное Управленіе признало идею моего проекта правильной, но проектъ совершенно неосуществимымъ вслѣдствіе технической трудности. Проклятая, убивающая насъ лѣнь и нежеланіе шевелить мозгами и безпокоиться больше, чѣмъ то нужно для отбыванія расписанія и очередныхъ номерковъ!! Я самымъ неприличнымъ образомъ выругался, получивъ такой подлый отвѣтъ, рекомендовалъ обратиться за помощью къ союзамъ Городовъ и Земствъ, но безъ результата; равнодушіе не позволило понять всю огромность психологическаго значенія сохранить на желѣзныхъ дорогахъ порядокъ и заставить страну и солдатъ почувствовать, что и надъ ними есть власть, способная «заставить» ѣхать въ порядкѣ и не своевольничать. Тутъ то и была такая обстановка, при которой все это исполнялось бы довольно легко, ибо ѣдущіе не были сорганизованы, невооружены, а главное большинство состояло изъ готовыхъ слушаться всякаго, кто обезпечитъ имъ скорый отъѣздъ, безпрепятственный проѣздъ и кормежку въ пути.

Все очень трудно, когда не хочется вообще ничего дѣлать. Побезпокоиться во время не захотѣли; подобрать вожжей въ то время, когда надо, не сумѣли, а теперь ахаютъ, что желѣзныя дороги являются ареной неописуемыхъ безобразій, заставляющихъ служащихъ убѣгать со станцій при приближеніи воинскихъ поѣздовъ.

9 Октября. Сумбурный и тяжелый день; усталый, какъ выжатый лимонъ, я свалился поздно ночью на свою походную кровать, и цѣлые полчаса Петръ возился со мной, отхаживая меня отъ сильнаго сердечнаго припадка. Весь день провелъ въ уговорахъ полковъ 70 дивизіи, которые присоединились къ резолюціи Переяславцевъ и отказались идти на смѣну 18 дивизіи; эмиссары Переяславцевъ два дня ѣздили по полкамъ, митинговали и сманили на свою сторону всю дивизію; всѣмъ показалось, конечно, очень заманчивымъ отбрыкаться отъ возвращенія, — да еще въ такую отчаянно скверную погоду, — въ непріютные окопы и разстаться съ привольной, безъ работъ и занятій стоянкой по деревнямъ, съ вѣчной днемъ и ночью игрой въ карты, съ хороводами и гулянками и прочими наслажденіями.

Промотался на автомобилѣ цѣлый день; началъ съ 280 Сурскаго полка, который за послѣднее время былъ въ относительномъ порядкѣ и очень умѣло управлялся молодымъ командующимъ Полковникомъ Мисюревичемъ при очень благожелательномъ содѣйствіи разумнаго и дѣльнаго полкового комитета, помогавшаго командиру, гдѣ это было надо, и не мѣшавшагося, куда не слѣдуетъ. Засталъ собраніе всѣхъ комитетовъ полка, выругалъ ихъ основательно за присоединеніе къ общему выступленію и пристыдилъ, что такія выкидки равносильны измѣнѣ. Отвѣчая на заданные вопросы, обстоятельно объяснилъ, почему сейчасъ не можетъ быть мира, и что мы все должны дѣлать для того, чтобъ онъ былъ поскорѣе и такой прочности, чтобы нашимъ дѣтямъ и внукамъ уже не пришлось бы больше воевать. Пригрозилъ, что если будутъ упираться, то придется употребить силу — теперь жалѣю, что это сорвалось, такъ какъ такія безсильныя и немогущія быть приведенными въ исполненіе угрозы совершенно безцѣльны, да и всегда кромѣ того считалъ, что пуганіе угрозой наказанія недостойно власти. Засталъ уже комитеты новаго выбора и новаго состава; впечатлѣніе скверное: старые разумные солдаты забаллотированы и ихъ смѣнили мрачные сѣрые субъекты изъ послѣднихъ тыловыхъ пополненій, демагоги изъ большевистскихъ вожаковъ въ запасныхъ полкахъ съ злобными сверлящими глазами и волчьими мордами. Отъ такихъ «товарищевъ» можно ждать чего угодно; двинскіе большевистскіе заправилы умѣло добились смѣны старыхъ комитетовъ, которые въ этой дивизіи являлись для нихъ камнемъ преткновенія въ ихъ разрушительной дѣятельности. Я увѣренъ, что при старыхъ комитетахъ дивизія никогда бы не закинулась даже при условіяхъ стоянки въ резервѣ за Двинскомъ.

Сейчасъ же все внутреннее, интимное и реальное руководство массами въ рукахъ тѣхъ, которые, какъ чортъ ладана, боятся окоповъ, стрѣльбы и прочихъ жупеловъ, тыломъ рожденныхъ: минъ и ядовитыхъ газовъ. Два комитетчика злобно, на самыхъ визжащихъ тонахъ выкрикивали, что они уже три года погибаютъ и мучаются въ окопахъ, а когда я спросилъ сначала ихъ, а послѣ ихъ заминки, ихъ сосѣдей, какъ давно эти

ратели въ полку, то оказалось, всего третья недѣля. Но во всякомъ случаѣ мнѣ удалось добиться пересмотра рѣшенія и передъ отъѣздомъ изъ штаба полка меня завѣрили, что полкъ послѣ обѣда выступитъ. Затѣмъ проѣхалъ въ 277 полкъ; тамъ тоже собраніе всѣхъ комитетовъ, составъ ихъ новый, такой же злобный и ожесточенный, владѣющій массами, которыя, хвативши вольнаго и лѣниваго стоянія въ резервѣ, совершенно не желаютъ мѣсить снова придвинскія грязи, лѣзть въ запущенные окопы, работать, нести охраненіе, ходить въ секреты и рисковать своей жизнью, когда впереди столько сладкихъ перспективъ.

Какой же я начальникъ при такихъ условіяхъ? приказать и заставить я уже не могу; я долженъ убѣждать и уговаривать, чтобы на время замазать то, что лѣзетъ изо всѣхъ щелей; и для чего все это? вѣдь успѣхъ уговора такъ же непроченъ, какъ и все остальное. Я базируюсь на долгѣ, требую напряженія и подвига, тащу туда, гдѣ раны и смерть, а мои противники сулятъ блага и наслажденія, спасаютъ отъ смерти и разрѣшаютъ отъ всѣхъ непріятныхъ обязанностей.

Говорилъ до сердцебіенія, убѣждалъ, разсказывалъ и разъяснялъ; чувствовалъ, что повидимому побѣдилъ данное сборище, но сознавалъ, что впечатлѣніе отъ моихъ словъ разсѣется сейчасъ же, какъ люди вернутся въ свои роты и начнутъ разсуждать, слушаться ли командира корпуса и идти въ окопы или упереться на своемъ и продолжать сидѣть въ деревняхъ и веселиться.

Жалобы раздавались самыя слезливыя: и устали мы, и рядовъ въ ротахъ мало, и босые всѣ, и отъ голода пухнемъ; однимъ словомъ, обычныя завыванія русскаго попрошайки, когда онъ хочетъ выпросить побольше. Я по пунктамъ разбивалъ всѣ жалобы; заставилъ сознаваться, что ни босыхъ, ни голодныхъ нѣтъ, да и быть не можетъ; цифрами доказалъ, что на фронтѣ 10 корпусовъ нѣтъ такихъ такъ обильно во всемъ обезпеченныхъ частей, какъ полки 70 дивизіи; большинство возражавшихъ смолкало и исчезало въ толпѣ; старики стали зыкать на клянчившихъ, уличая ихъ недавнее пребываніе въ полку и полную неосновательность жалобъ на довольствіе, но нѣсколько мрачныхъ типовъ самаго зловѣщаго вида продолжали бубнить про сапоги, про прогорклое масло, какъ про самый законный поводъ къ тому, чтобы не идти на смѣну. Общій видъ вновь выбранныхъ комитетовъ очень напоминаетъ теперешній Петроградскій хлѣбъ — такая же сѣрая мразь; старые разумные солдаты, говорившіе о долгѣ, требовавшіе службы и сами показывавшіе, какъ надо служить, всюду забаллотированы, какъ «корниловцы и старорежимники», а на ихъ мѣсто въ комитеты пробрались крикливые, прыщавые съ зелеными мордами юнцы.

Пріѣхавшіе со мной предсѣдатель дивизіоннаго комитета 18 дивизіи Фашеръ (очень разумный и стоящій на здоровой почвѣ солдатъ) и представители другихъ полковъ пытались всячески уговорить эту сѣрую, трусливую гущу, но ихъ доводы ударялись какъ въ подушку.

Послѣ двухчасовыхъ разглагольствованій толпа начала сдаваться; послышались заявленія, что ихъ не такъ поняли и что идти въ окопы они не отказываются; впередъ полѣзли остатки старыхъ солдатъ, и дѣло начало принимать совсѣмъ неожиданно благопріятный поворотъ. Но все было сорвано однимъ изъ наиболѣе энергичныхъ вожаковъ, повидимому, только одѣтымъ въ форму полка, который, видя, что почва ускользаетъ изъ подъ ихъ ногъ, бросилъ въ самой вызывающей формѣ обвиненіе по адресу начальника дивизіи генерала Бѣляева, что онъ де грозилъ имъ, что, если они не пойдутъ въ окопы, то ихъ погонятъ штыками.

Настроеніе было мгновенно сорвано, толпа зарычала и съ этого времени положеніе стало безнадежнымъ. Въ это время въ толпѣ произошло какое-то движеніе, и одинъ изъ членовъ комитета унт.-офицеръ Морозовъ, сославшись на какое то засѣданіе, уговорилъ меня уѣхать. Только въ автомобилѣ я узналъ отъ шофферовъ, что въ разгаръ послѣдняго моего успѣха большевистскіе коноводы рѣшили меня пристрѣлить, но, такъ какъ на собраніи всѣ были безъ оружія, то это меня спасло; пока послали за винтовкой, старые солдаты узнали и, когда назначенный для моего истребленія комитетчикъ

взялъ винтовку, чтобы застрѣлить меня сзади, то старики у него ее вырвали; я же въ пылу дебатовъ ничего даже не замѣтилъ.

Вернулся домой совсѣмъ разбитымъ; промотался на автомобилѣ и въ экипажѣ около 200 верстъ, да четыре часа говорилъ и убѣждалъ среди самой напряженной атмосферы.

Дома былъ ошеломленъ и ошарашенъ полученіемъ директивы о предстоящемъ не позже 20 октября наступленіи. Удивляться давно уже пересталъ, но все же поставилъ себѣ вопросъ: «какимъ мѣстомъ — головой или сѣдалищемъ думаютъ въ Псковѣ и въ Двинскѣ». Возвеличенный южными успѣхами и революціонными лаврами Черемисовъ и окружающіе его идіоты, очевидно, только и способны на то, чтобы родить такую нелѣпость; вѣдь, они не могутъ не знать, что дѣлается въ арміяхъ, такъ какъ, если наши донесенія туда не доходятъ, то не могутъ не доходить прямыя донесенія корпусныхъ комиссаровъ, которые не скрываютъ правды, особенно въ нашей арміи, гдѣ на три четверти они офицеры и притомъ весьма здравомыслящіе. Я думалъ, что въ Штармѣ шутили, когда вчера говорили о какомъ то предстоящемъ наступленіи; вѣдь, не говоря уже объ отвратительномъ настроеніи и совершенно развальномъ состояніи фронта, мы не въ состояніи подвозить даже ежедневную трату снарядовъ и расходуемъ пока линейные запасы, оставшіеся отъ лѣтняго наступленія. Части отказываются идти въ окопы для простой смѣны, а кто то фантазируетъ приказать имъ вести напряженную и кровавую операцію наступленія; да о послѣднемъ и заикнуться сейчасъ нельзя, такъ какъ при современномъ настроеніи это можетъ кончиться избіеніемъ всѣхъ офицеровъ. Сейчасъ приходится уговаривать и поднимать всѣ комитеты только для того, чтобы уговорить роту или команду перейти изъ одной халупы въ другую, а тутъ Псковскіе Марсіане требуютъ наступленія.

Я не понимаю совершенно командующаго арміей, безстрастно, какъ автоматъ, передающаго намъ къ исполненію подобныя нелѣпыя и, какъ онъ самъ отлично знаетъ, абсолютно невыполнимыя приказанія. Несомнѣнно, что тутъ часть вины лежитъ на начальникѣ штаба генералѣ Свѣчинѣ, помѣшанномъ на разныхъ стратегическихъ выкрутахъ внѣ времени, пространства и всей наличной обстановки.

Несмотря на усталость, набросалъ короткій, но вразумительный докладъ о невозможности исполненія и съ офицеромъ отправилъ въ Двинскъ.

10 Октября. Утромъ срочно вызвали въ Штабъ арміи на совѣщаніе всѣхъ корпусныхъ командировъ. Какъ обыкновенно, много пустяковыхъ разговоровъ на нестоящія выѣденнаго яйца темы; длиннѣе и скучнѣе всѣхъ мямлилъ и бубнилъ командиръ 19 корпуса генералъ Антиповъ, имѣющій удовольствіе командовать архибольшевистскимъ корпусомъ; онъ же высказывался за наступленіе и увѣрялъ, что можетъ занять Иллукстъ, чему придавалъ, неизвѣстно по какой причинѣ, огромное значеніе. Остальные командиры, изъ недавно назначенныхъ, видимо боялись скомпрометировать себя на счетъ «паничности», и поэтому въ вопросѣ о наступленіи не говорили ни «да», ни «нѣтъ». Болдыревъ держалъ себя очень рѣшительно, разрубалъ всѣ Гордіевы узлы; на заявленіе командира 27 корпуса, что лошади падаютъ и не на чемъ подвозить снаряды, Болдыревъ выпалилъ: «ну и пусть падаютъ».

На подобныя нелѣпости способны только такіе верхогляды и быстролетные карьеристы, которые никогда на своей шкурѣ, на своихъ нервахъ и совѣсти не испытали всѣхъ ужасовъ и всѣхъ тяжестей такихъ положеній.

Когда очередь дошла до меня, то я рѣзко, опредѣленно и рѣшительно заявилъ, что сейчасъ даже и заикнуться нельзя о наступленіи; юлить и молчать не приходится, и мы, стоящіе у войскъ и знающіе ихъ настроеніе, обязаны твердо сказать верхамъ правду и заявить о необходимости раскрыть глаза и перестать играть въ какія-то прятки. Мы тяжко больны, неспособны къ боевой работѣ, и намъ нужно спокойствіе и отсутствіе потрясеній; въ этомъ весь оставшійся у насъ шансъ на то, чтобы справиться съ надвигающейся на насъ лавиной развала. Никакими самыми грозными приказами и рѣшительностью теперь уже не помочь; сломанной во многихъ мѣстахъ палкой нельзя наносить сокрушительныхъ ударовъ; наша же командирская палка сломана такъ, что разсыпется на куски при первомъ ею размахѣ.

Мое мнѣніе сейчасъ сводится къ тому, что надо распустить армію и оставить только добровольцевъ, обезпечивъ ихъ во всѣхъ отношеніяхъ самымъ лучшимъ образомъ; я считаю, что останется около милліона, а этого вполнѣ достаточно, чтобы продолжать оборонительную войну при тѣхъ техническихъ средствахъ снабженія, которыя теперь у насъ есть. Образовавшіеся кое-гдѣ ударные батальоны служатъ отлично, дерутся геройски и на нихъ надо базироваться; дѣйствія этихъ батальоновъ во время іюльскаго наступленія и при рижскомъ прорывѣ, гдѣ такой батальонъ 38 дивизіи буквально спасъ все положеніе, безупречная служба ударнаго батальона 120 дивизіи даютъ полное право надѣяться, что съ этими частями мы удержимъ фронтъ, особенно если насъ не будетъ трогать и губить тылъ. Вѣдь въ этомъ послѣдній шансъ и единственный исходъ, такъ какъ съ войсками, въ томъ состояніи, въ которомъ они сейчасъ находятся, мы не только не можемъ наступать, но не выдержимъ даже болѣе слабаго удара, чѣмъ то было подъ Ригой и Якобштадтомъ.

Мнѣ истерически возражалъ Антиповъ на тему «не разрушайте организаціи». Я ему отвѣтилъ, что какъ же можно говорить о спасеніи организаціи, когда она вся сгнила и сгнившее заражаетъ послѣдніе остатки здороваго; въ катастрофическія времена нельзя жить отвѣтами шаблончиками и прогнившей рутиной. Преступно закрывать глаза на происходящее: язва расползается, она захватила послѣднія еще державшіяся части: мой корпусъ и кавалерію, и я офиціально докладываю, что мой корпусъ къ бою неспособенъ, приказовъ не слушаетъ.

Остальные командиры корпусовъ одобрительно мнѣ поддакивали, но когда надо было рѣшительно высказаться, то замолчали, и въ результатѣ все совѣщаніе свелось къ толченью воды въ ступѣ.

Болдыревъ произвелъ на меня отрицательное впечатлѣніе; какой то усугубленный моментъ былыхъ временъ подъ густымъ академическимъ соусомъ, важенъ, категориченъ, больше, чѣмъ надо, хвастается своимъ опытомъ, а какой это опытъ, мы всѣ въ дѣйствительности знаемъ очень хорошо: все больше по части верхоглядиаго летанія по штабамъ; у него даже нѣтъ привычки къ огню, что онъ показалъ, когда былъ у меня на участкѣ и шарахался отъ каждаго выстрѣла. Своего мнѣнія у него нѣтъ, болтается, какъ флюгеръ на слабой оси.

Пришедшія съ тылу газеты совсѣмъ скверныя; шансы большевиковъ идутъ, повидимому, быстро въ гору; для этого тѣста присланы изъ Германіи хорошія дрожжи и опара на нихъ поднимается чудесная; развалъ послѣднихъ остатковъ государственности идетъ въ тылу на всѣхъ парахъ; дерзость и преступленіе подняли голову и пируютъ. Анархія и погромы разливаются по странѣ широкой волной; реальной власти нѣтъ, ибо разговоры и резолюціи это не власть; силъ и средствъ борьбы съ анархіей нѣтъ и имъ не откуда явиться. Клѣтки раскрыты, дикіе звѣри выпущены и ихъ поводыри обречены нестись впереди и давать звѣрью все новыя и новыя подачки; ни остановить, ни, тѣмъ паче, вернуть въ клѣтки уже нельзя. Происходитъ крахъ еще небывалаго въ исторіи размѣра, трещатъ и разрываются всѣ связи, рушатся стѣны и сыпятся камни; повторяется сонъ Навуходоносора.

Положеніе такъ плохо и катастрофа надвигается такъ стремительно, что теперь и варяги уже не успѣютъ насъ спасти, если бы даже и захотѣли сдѣлать. Понимаютъ ли они хоть сейчасъ, какими послѣдствіями грозитъ имъ ихъ слѣпота и нерѣшительность; ихъ представители носятся всюду какъ потревоженныя пчелы, нюхаютъ, соболѣзнуютъ, высказываютъ надежду, что все образуется . . .

Филькина грамота, данная товарищу Скобелеву, служитъ благодатнымъ матерьяломъ для издѣвательства газетъ; особенно ядовита статья Пиленко, остроумно доказывающая, что первоначально этотъ наказъ былъ написанъ по нѣмецки, а потомъ уже переведенъ на русскій языкъ.

11 Октября. Первая бригада 70-й дивизіи окончательно закинулась: оба полка наотрѣзъ отказались исполнить приказъ по дивизіи о переходѣ къ Двинску для послѣдующей смѣны стоящихъ на позиціи полковъ 18 дивизіи. Сегодня имъ повезли приказы и увѣщанія армейскаго комиссара, но какая можетъ быть надежда на успѣхъ, если

товарищи не хотятъ работать, не хотятъ подвергать свою жизнь опасности, и знаютъ, что никто уже не можетъ силой заставить ихъ подчиниться приказу. Полгода продержалась моя старая дивизія, но и ей пришелъ неизбѣжный конецъ — воинская часть умерла, а осталось только одно названіе.

Донесъ командующему арміей и сообщилъ армейскому комитету, добавивъ, что въ моемъ распоряженіи нѣтъ средствъ заставить эти полки повиноваться. Посылая это донесеніе, пережилъ тяжелыя минуты, такъ какъ тутъ не только фактъ крушенія огромной полугодовой работы, но и мане-текелъ-фаресъ для всего будущаго, исчезла послѣдняя ничтожная иллюзія на возможность задержать летящую внизъ колесницу, и теперь весь вопросъ только въ томъ, насколько далеко до дна и что окажется тамъ на днѣ. Конечно, все это было давно неизбѣжно, но со свойственной человѣку слабостью, я продолжалъ цѣпляться за возможность какой то передышки и чуда.

Погрузился въ текущія письменныя дѣла и весь день былъ терзаемъ интендантомъ, контролеромъ и прочими бумажными скорпіонами; приходится продолжать махать крыльями, хотя душа отъ насъ давно уже отлетѣла. Чувствую себя отчаянно плохо; видимо, невѣроятное нервное напряженіе даетъ себя знать: появились тѣ же симптомы полнаго surmenage нервной системы, что свалили меня съ ногъ и чуть не свели въ могилу въ февралѣ 1915 года.

Вечеромъ нѣсколько отдохнулъ и забылся на мысѣ Илга, куда ѣздилъ на окончаніе перваго выпуска корпусной офицерской школы; школы эти въ видѣ дивизіонныхъ были учреждены по моему проекту, который я послалъ въ штабъ I арміи еще весной 1916 года; я считалъ, что это было единственнымъ средствомъ разрѣшить вопросы объ офицерахъ и исправить тѣ огромные недостатки, которыми болѣли наши офицерскія тыловыя школы, выбрасывавшія намъ десятки тысячъ абсолютно неготовыхъ къ войнѣ офицеровъ; эти школы заботились о внѣшней выправкѣ, о зубрежкѣ теоретическихъ данныхъ и ничего не давали на практикѣ; выяснилось, что армія не можетъ существовать на офицерахъ четырехмѣсячнаго курса обученія или, какъ ихъ называли между собой солдаты, на четырехмѣсячныхъ выкидышахъ; офицеровъ этихъ надо было додѣлывать, и это можно было осуществить только на фронтѣ; ихъ надо было воспитать, и это могли сдѣлать только сами части, но не прямо въ боевой, а въ смѣси изъ боевой и прибоевой обстановки. Въ 70-й дивизіи я провелъ два выпуска дивизіонной школы и съ отличными результатами. Сейчасъ кончили курсы офицеры перваго выпуска корпусной школы, такъ какъ при общемъ ослабленіи нельзя было роскошествовать на нѣсколько школъ въ корпусѣ.

Этой школѣ я далъ отличный составъ руководителей и преподавателей, и полученные результаты дали мнѣ большое нравственное удовлетвореніе. Въ школу шли съ неохотой, съ предубѣжденіемъ, а кончили съ благодарностью и съ глубокимъ сознаніемъ вынесенной пользы и огромнаго значенія пріобрѣтенныхъ практическихъ знаній; въ школѣ подъ руководствомъ опытныхъ боевыхъ офицеровъ они прошли всѣ отдѣлы настоящей работы взводныхъ и ротныхъ командировъ, стрѣльбу изъ винтовокъ, пулеметовъ, орудій, бомбо- и минометовъ; основательно и практически ознакомились со всѣми видами и образцами ручныхъ гранатъ (а ихъ у насъ легіонъ, я даже изумляюсь, какъ можно такъ хорошо разбираться во всемъ этомъ калейдоскопѣ французскихъ, англійскихъ и доморощенныхъ системъ и образцовъ); продѣлали строевыя и тактическія ротныя ученья и практически прошли весь полевой уставъ, всѣ основы окопной войны и службы; ознакомились съ основаніями войскового хозяйства, войсковой санитаріи и разной мелочью — все это основательно пройдено, усвоено и знанія провѣрены. Если бы все это было начато весной 1916 года и начато однообразно по всему фронту, то мы встрѣтили бы революцію съ инымъ составомъ офицеровъ, чѣмъ тотъ суррогатъ, которымъ мы сейчасъ располагаемъ. Конечно, нѣтъ оправданія тѣмъ, кто вѣдалъ подготовкой офицеровъ въ тылу и занимался съ юнкерами тонкостями отданія чести и показной белибердой мирнаго времени.

Въ 70 дивизіи я съ самаго начала обратилъ вниманіе на нравственное совершенствованіе и на спеціальное обученіе прибывавшихъ молодыхъ прапорщиковъ и думаю,

что дивизія держалась такъ долго въ порядкѣ только благодаря лучшему составу офицеровъ.

Пріятно было провести два часа среди офицеровъ школы, нравственно приподнятыхъ сознаніемъ практической и профессіональной цѣнности пріобрѣтенныхъ ими боевыхъ знаній; прапорщикъ 280 полка Новиковъ высказалъ, что онъ не зналъ и одной двадцатой того, что онъ узналъ въ школѣ.

На Рижскомъ фронтѣ нѣмцы не только прекратили наступленіе, но даже отошли назадъ на подготовленныя позиціи, предоставивъ намъ залѣзть въ болота и въ совершенно опустошенный районъ, гдѣ развалъ пойдетъ несомнѣнно болѣе быстрымъ темпомъ; мы бы и полѣзли туда, если бы не современное состояніе фронта, дѣлающее невозможнымъ отдать какое либо распоряженіе, связанное съ движеніемъ впередъ въ сторону противника. Все пережитое ничему не научило наши командные верхи; а вѣдь невозможно даже подсчитать тѣ моральныя и матерьяльныя потери, которыя мы понесли за полтора года сидѣнія на идіотскихъ позиціяхъ только Придвинскаго участка, а такихъ участковъ по всему фронту были многіе десятки (Нарочъ, Стоходъ и т. п.).

Рожденная въ невоюющихъ штабахъ хлесткая фраза, «ни шагу назадъ съ земли, политой русской кровью», пролила цѣлыя моря этой крови и пролила совершенно даромъ. Если бы не лѣзли за нѣмцами, какъ слѣпые щенята за сукой, и вмѣсто того, чтобы барахтаться, гнить и гибнуть въ болотахъ западныхъ береговъ той линіи озеръ, которая тянется отъ Двинска къ Нарочу, — остались бы на высотахъ восточныхъ береговъ, то могли бы занимать фронтъ половиной силъ, сохранили бы войска физически и не вымотали бы ихъ такъ нравственно. Нѣмцы же засѣли на хорошихъ и сухихъ позиціяхъ, отлично ихъ укрѣпили, держали на нихъ одну дивизію противъ нашихъ 3—4; мы сидѣли внизу, не видали ни кусочка нѣмецкаго тыла; нашъ тылъ былъ у нѣмцевъ, какъ на ладони; доставка каждаго бревна, подача каждой походной кухни были возможны только ночью, люди лежали въ болотахъ, пили болотную воду. Положеніе наше было таково, что если бы нѣмцы захотѣли или получили возможность насъ долбануть, то никто изъ боевой части не ушелъ бы съ своихъ участковъ и мы были бы безсильны имъ помочь, такъ какъ всѣ сообщенія были по гатямъ, отлично виднымъ нѣмцамъ и сходившимся къ двумъ узкимъ озернымъ перешейкамъ, прицѣльно обстрѣливаемымъ нѣмецкой артиллеріей. Сколько бумаги я исписалъ на доклады о невозможности нашего положенія и о необходимости отойти за озера; помню тотъ переполохъ, который произошелъ въ штабѣ моего теперешняго корпуса, когда я по должности начальника 70 дивизіи, вскорѣ послѣ пріема боевого участка дивизіи, подалъ докладъ, весьма ярко характеризовавшій весь ужасъ нашего положенія; на меня стали смотрѣть, какъ на какого то опаснаго еретика, и очень боялись, чтобы въ штабѣ арміи не узнали, что въ корпусѣ есть субъектъ, позволяющій себѣ исповѣдовать такія преступныя идеи. Но меня это мало тревожило, и въ каждомъ докладѣ о положеніи дивизіи и боевого участка и при каждомъ посѣщеніи разныхъ высокопоставленныхъ контролеровъ и гастролеровъ я неизмѣнно и упрямо бубнилъ и доказывалъ необходимость бросить заозерныя позиціи. Но на всѣ мои доводы я получалъ одинъ отвѣтъ: «ни пяди земли назадъ», и цѣлый годъ мы затрачивали невѣроятныя усилія для того, чтобы справиться съ тѣми трудностями, которыя давили насъ на нашихъ позиціяхъ; затрачивали при этомъ совершенно безцѣльно, ибо держаться мы могли только въ томъ случаѣ, если нѣмцы насъ не трогали (имъ нужно было спокойствіе на этомъ участкѣ, и они умѣло водили насъ за носъ).

12 Октября. Дождь и слякоть; неремонтированныя дороги напомнили осень 1915 года и обратились въ непроѣзжія топи; какой разительный контрастъ съ 1916 годомъ, когда въ самый разгаръ осенней непогоды я ѣздилъ по своему участку на автомобилѣ, и когда непроѣзжими оставались только тѣ немногочисленные, къ счастью, у меня участки дорогъ, на которыхъ работали разныя тыловыя дорожныя организаціи, умѣло закапывавшія въ землю казенные милліоны и дѣлавшія непроѣзжими весьма сносныя дороги.

Сохранились только дороги, сплошь вымощенныя крупнымъ накатникомъ. Настроеніе отчаянно скверное; 70 дивизія кончена и подошла къ общему предѣлу пол-

наго развала, порвавъ послѣдніе, жалкіе остатки надежды, за которую я еще цѣплялся.

Продолжаются уговоры съ посылкой въ полки присяжныхъ уговаривателей изъ армейскаго комитета, но безъ результата.

Въ 120 дивизіи 477 полкъ, находящійся всецѣло въ рукахъ тайнаго большевистскаго комитета, отказался идти на смѣну стоящаго на позиціи батальона смерти и заявилъ, что будетъ стоять за фронтомъ только до двадцатаго октября, послѣ чего всѣ пойдутъ по домамъ, такъ какъ «довольно быть дураками». При этомъ полкъ заявилъ и намъ начальникамъ, и всѣмъ комитетамъ, чтобы никто и не пытался пріѣзжать ихъ уговаривать, такъ какъ всѣ такіе «будутъ немедленно пришиблены». Хорошенькая армія, въ которой возможны безнаказанно такія заявленія; платные нѣмецкіе разрушители могутъ только радоваться на быстрые и роскошные результаты своихъ трудовъ и просить прибавки за успѣшное выполненіе своей измѣннической работы. Но неужели верхи не понимаютъ, къ чему все это ведетъ; неужели союзники не видятъ, что недалеко то время, когда русскаго фронта не будетъ и имъ придется стать лицомъ къ лицу съ этой страшной катастрофой.

Всюду идутъ перевыборы комитетовъ и всюду проходятъ только большевики и пораженцы, сдѣлавшіеся идолами всей фронтовой шкурятины; такимъ образомъ исчезаетъ послѣдняя ниточка, на которой мы еще держались до сихъ поръ, авторитетъ выборныхъ комитетовъ. Мои предчувствія самыя мрачныя: написалъ женѣ, чтобы она ликвидировала немедленно все имущество и уѣзжала съ дѣтьми на Дальній Востокъ, пока путь еще не заваленъ и не смятъ тѣми толпами, которыя въ ближайшемъ будущемъ бросятся домой.

Разбираясь въ происходящемъ, вижу, какъ умѣло были выбраны нѣмцами лозунги, брошенные на нашъ фронтъ, и основанные на отличномъ знаніи нравственнаго состоянія русскаго народа; такія понятія, какъ «родина, патріотизмъ, долгъ и т. п.», существовали у насъ для казеннаго употребленія en masse и для частнаго въ очень ограниченномъ размѣрѣ.

Народъ, изъ котораго состояла распухнувшая до невѣроятныхъ размѣровъ армія, былъ взятъ въ плѣнъ тѣми, кто сумѣлъ заманить его обѣщаніями; русская власть пожинаетъ нынѣ плоды многолѣтняго выматыванія изъ народа всѣхъ моральныхъ и матерьяльныхъ соковъ; высокія чувства не произрастаютъ на такихъ засоренныхъ нивахъ; забитый, невѣжественный и споенный откупами и монополіей народъ не способенъ на подвигъ и на жертву, и въ этомъ не его вина, а великая вина и преступленіе тѣхъ, кто имъ правилъ и кто строилъ его жизнь (и это не Цари, ибо они Россіей никогда не правили).

Что могла дать русская дѣйствительность кромѣ жаднаго, завистливаго, никому не вѣрящаго шкурника или невѣроятнаго по своей развращенности и дерзновенію хулигана. Вся русская жизнь, вся дѣятельность многочисленныхъ представителей власти, прикрывавшихъ Царской порфирой и государственнымъ авторитетомъ свои преступленія, казнокрадство и всевозможныя мерзости; литература, театры, кинематографы, чудовищные порядки винной монополіи, — все это день и ночь работало на то, чтобы сгноить русскій народъ, убить въ немъ все чистое и высокое, охулиганить русскую молодежь, разсосать въ ней всѣ задерживающіе центры, отличающіе человѣка отъ звѣря, и приблизить царство господства самыхъ низменныхъ и животныхъ инстинктовъ и вожделѣній. Все это сдерживалось, пока существовалъ страхъ и были средства для сдержки и для удержа. Война положила начало уничтоженію многихъ средствъ удержа, а революція и слѣпота Временнаго Правительства доканчиваютъ это злое дѣло, и мы несомнѣнно приближаемся къ роковому и уже неизбѣжному концу, къ господству звѣря. Руководители россійскаго государственнаго курса забываютъ, съ какимъ матерьяломъ они имѣютъ дѣло; нельзя распоряжаться скопищемъ гіенъ, шакаловъ и барановъ игрой на скрипкѣ или чтеніемъ имъ евангельскихъ проповѣдей или соціалистическихъ утопій.

Керенскій и вытащенный имъ на постъ Военнаго Министра Верховскій (весь цензъ котораго состоитъ главнымъ образомъ въ томъ, что его выгнали когда то изъ пажей)

распластываются передъ входящими все въ большую и большую силу петроградскими совѣтами и увѣряютъ, что въ арміяхъ все обстоитъ вполнѣ благополучно, что тамъ произошла полная демократизація и что, если и остались кое-гдѣ темныя мѣста, то все это скоропроходящіе пустяки. Такъ читаемъ мы въ газетахъ и дивимся или слѣпотѣ, или безсовѣстной лжи тѣхъ, которые это говорятъ. Неужели же не достаточно примѣровъ того, къ чему приводитъ ложь, скрываніе истины и зажмуриваніе глазъ дабы не видѣть правды!

Въ Биржевкѣ помѣщено интервью съ комиссаромъ Сѣвернаго фронта Войтинскимъ, увѣрявшимъ, что въ арміяхъ наступилъ спасительный переломъ и что угроза Петрограду исцѣлила арміи и онѣ готовы исполнить свой долгъ.

Кого хотятъ надуть эти революціонные подражатели Царскихъ Министровъ; тѣ хоть на этомъ строили свое благополучіе и умножали свои награды, ну а ихъ наслѣдники ради чего стараются? Вѣдь жизни не надуешь, и обстановка не такова, чтобы ложь была во спасеніе.

Вѣдь товарищъ комиссаръ Войтинскій вретъ завѣдомо, такъ какъ я знаю, что на нашемъ фронтѣ не только начальники, но и корпусные комиссары посылаютъ все время очень правдивыя и ужасныя по своему содержанію донесенія о дѣйствительномъ состояніи и настроеніи фронта. Товарищъ комиссаръ Войтинскій во всѣхъ подробностяхъ знаетъ, что цѣлый рядъ дивизій и полковъ отказывается идти на позиціи и работать, и, не краснѣя, говоритъ газетному кореспонденту, что арміи готовы исполнить свой долгъ.

Чѣмъ такія интервью лучше той лжи, которую наши подлецы министры и царедворцы подносили несчастному и слѣпому Николаю II?

13 Октября. Утромъ случайно вспомнилъ, что сегодня день перваго производства въ портупей юнкера въ Михайловскомъ артиллерійскомъ училищѣ; 29 лѣтъ тому назадъ мы получили наши первыя нашивки и надѣли офицерскіе темляки; какъ далеки и невозвратны теперь всѣ эти времена. 120 дивизія совсѣмъ разваливается; полки обратились въ кучи митингующей сволочи, руководимой отборными большевиками, и перемежающей свое время митингами и игрой въ 66; сегодня они устроили первое на фронтѣ моего корпуса братанье съ нѣмцами; къ счастью, артиллерія еще держится, батареи открыли огонь и разогнали братающихся; но такіе поступки артиллеристовъ, повидимому, тоже послѣднія ласточки, такъ какъ съ одной стороны угрозы пѣхоты перебить артиллеристовъ, а съ другой заманчивость объявленныхъ большевиками лозунговъ сильно поколебали твердость артиллеристовъ, и тѣ уже начинаютъ говорить своимъ офицерамъ, что имъ невозможно идти противъ большинства и общаго настроенія; пока же всѣмъ наблюдателямъ приходится ходить на свои посты вооруженными до зубовъ на случай нападенія хулигановъ изъ состава своей же пѣхоты.

Пріѣзжалъ начдивъ 70, генералъ Бѣляевъ; у него тоже создается, повидимому, уже безысходное и ничѣмъ не поправимое положеніе; 277 полкъ, руководимый присланными со стороны агитаторами, уперся окончательно и отказался слушать уговоры присланныхъ къ нему корпусныхъ комиссаровъ и представителей армейскаго комитета; на завтра назначена послѣдняя попытка уговорить выступить на занятіе позиціи наиболѣе податливый на убѣжденія 280 полкъ, сманивъ его перевозкой на позицію въ вагонахъ, а не походнымъ порядкомъ; надѣются, что быть можетъ тогда и другіе полки тронутся съ мѣста. Хороша армія, въ которой воцарились такіе порядочки управленія! А Псковъ продолжаетъ возиться съ какими то химерами по части наступленія; возвеличенный революціей главкосѣвъ товарищъ генералъ Черемисовъ состязуется съ товарищемъ комиссаромъ Войтинскимъ по части безсовѣстной лжи и вдохновенно болтаетъ въ Петроградѣ на темы о томъ, что арміи «жаждутъ наступленія и что нѣмцы подъ давленіемъ нашихъ авангардовъ начали уже отходить». Какимъ негодяемъ надо быть, чтобы дойти до такой лжи!

Развалъ окутываетъ насъ густымъ смрадомъ; каждый часъ приноситъ новыя, ужасныя по своему цинизму свѣдѣнія объ отказахъ, неисполненіи приказовъ, о требованіяхъ, постановленіяхъ, удаленіяхъ и все это на соусѣ шкурятины, лѣни. Вся войсковая жизнь

стала: солдаты ѣдятъ, курятъ и до полнаго одурѣнія рѣжутся въ шестьдесятъ шесть и въ разныя азартныя игры, проигрывая и деньги, и одежду, и даже продовольствіе (преимущественно сахаръ и хлѣбъ); многіе даже не ходятъ обѣдать къ походнымъ кухнямъ. Говорятъ, что въ одномъ изъ предмѣстій Двинска есть школа для подготовки шулеровъ, гдѣ опытные преподаватели за 25 рублей обучаютъ основнымъ пріемамъ своего искусства, а по особой таксѣ открываютъ и болѣе прибыльныя тайны.

Окопы разваливаются, ходы сообщеній заплыли; всюду отбросы и экскременты; комитеты разрываются въ попыткахъ внести хоть какой нибудь санитарный порядокъ, но безъ всякаго результата, такъ какъ солдаты наотрѣзъ отказываются работать по приборкѣ окоповъ; блиндажи обратились въ какіе то свинушники; страшно подумать, къ чему все это приведетъ, когда наступитъ весна и все это начнетъ гнить и разлагаться. Нѣтъ возможности даже предохранить людей помощью прививокъ, такъ какъ отъ послѣднихъ всѣ отказываются.

Комиссары, видя свое безсиліе, начали подъ разными предлогами избѣгать поѣздокъ въ части; ихъ авторитетъ очень быстро отцвѣлъ; пока они говорили пріятное, имъ дѣлали тріумфы, но какъ только имъ поневолѣ пришлось заговорить объ обязанностяхъ и пытаться прибѣгать къ мѣрамъ понужденія, имъ сразу пришелъ конецъ, и они это чувствуютъ; сейчасъ ихъ положеніе не лучше нашего.

Теперь повелителями разнузданныхъ толпъ будутъ тѣ, которые будутъ давать имъ вкусныя подачки и всячески потрафлять ихъ прихотямъ и вожделѣніямъ, но только до тѣхъ поръ, пока будутъ давать. Кумиры такихъ развальныхъ временъ очень скоротечны и отъ тріумфовъ до «распни его» ихъ отдѣляютъ только мгновенія.

Большинство комиссаровъ офицеры изъ мартовскихъ революціонеровъ, выдвинувшихся на митингахъ горячностью своихъ ораторствъ и хлесткостью обличеній; многіе изъ нихъ искренно хотятъ остановить развалъ, но уже поздно, и не имъ справиться съ разнузданными инстинктами темныхъ толпъ фронтовыхъ товарищей. Всѣ они доживаютъ послѣдніе дни, ибо назначившій ихъ армейскій комитетъ эс-эровскаго состава кончилъ свое существованіе, и несомнѣнно, что на дняхъ мы получимъ новыхъ комиссаровъ иного состава.

14 Октября. Ну и денекъ! выѣхалъ изъ Шенгейда въ восемь часовъ утра, а вернулся въ два часа ночи; началъ свой мученическій объѣздъ съ 120 дивизіи, заявившей, что черезъ недѣлю она уходитъ съ фронта и что никакихъ поисковъ и военныхъ дѣйствій на своемъ участкѣ она не допуститъ вооруженной силой. Отправился съ пріятной перспективой ѣхать въ части, которыя вчера офиціально черезъ свои комитеты заявили, что «пришибутъ» каждаго, кто явится ихъ уговаривать; отправился именно въ отвѣтъ на это постановленіе, оставивъ начальнику штаба наказъ, что дѣлать въ случаѣ, если мнѣ не суждено будетъ вернуться, и просьбу предупредить немедленно петроградскихъ пріятелей о постигшей меня судьбѣ, чтобы они приняли мѣры, чтобы жена не узнала объ этомъ изъ газетъ. И ѣдешь на всѣ эти кошмарныя издѣвательства и потрясающія переживанія руководимый чувствомъ долга и обязанности бороться до конца, но съ опустошенной душой, безъ надежды на прочный и длительный успѣхъ и на какіе-нибудь положительные результаты.

Въ лучшемъ случаѣ минутная побѣда, временная задержка въ стремительномъ полетѣ внизъ, не способная уже спасти общаго положенія.

Въ 120 дивизіи началъ съ собранія полковыхъ комитетовъ; разсказалъ имъ, почему сейчасъ нельзя заключить миръ и почему мы сейчасъ не въ состояніи смѣнить полки дивизіи и дать имъ отдохнуть въ резервѣ; разсказалъ причины нѣкоторыхъ недостатковъ въ продовольствіи и одеждѣ и сообщилъ, какія мѣры уже приняты для устраненія и когда и какимъ образомъ онѣ будутъ осуществлены; просилъ внимательно все продумать, повременить, потерпѣть и не губить всего непомѣрными и фактически все равно неосуществимыми требованіями. Говорилъ много, старался убѣдить, но чувствовалъ себя въ положеніи миссіонера, трактующаго гіенамъ и шакаламъ о любви и самоотреченіи.

Возражать мнѣ по существу было трудно, ибо я научился уже говорить съ массами; но управляющіе дивизіей большевики подстроили цѣлую махинацію, чтобы сорвать

вліяніе моего пріѣзда (пришибить меня они, видимо, не рѣшились, боясь возмездія со стороны 70 дивизіи); со всѣхъ сторонъ начали выступать ораторы и вопрошатели съ самыми острыми и заранѣе написанными и розданными вопросами. Началась яростная борьба, и на меня набросились всѣ большевистскія силы, такъ какъ ясность и правдивость моихъ словъ несомнѣнно подѣйствовала на большинство собранія и это было ясно видно и по лицамъ, и по общему настроенію, какъ то потерявшему ту напряженную остроту и враждебностъ, которыя я засталъ, когда вошелъ въ большую комнату господскаго двора Анисимовичи, въ которой происходило соединенное засѣданіе всѣхъ комитетовъ.

Первымъ былъ выпущенъ какой то ярый оратель, отрекомендовавшійся убѣжденнымъ анархистомъ и перешедшій сразу въ стремительное нападеніе по моему личному адресу; началъ онъ съ того, что разъ командиръ корпуса говоритъ, что недостатокъ продовольствія является результатомъ безпорядковъ, происходящихъ въ тылу и на желѣзныхъ дорогахъ, то онъ этимъ пытается натравить фронтъ на тылъ, а сіе есть явная провокація, контръ-революція и корниловщина, которыя надо немедленно пресѣчь; затѣмъ товарищъ анархистъ усиленно сталъ вопить о томъ, что командиръ корпуса говорилъ о необходимости продолжать войну и дѣлать изрѣдка поиски, а сіе доказываетъ, что онъ жаждетъ солдатской крови, ибо всѣ генералы и помѣщики сговорились, чтобы перебить побольше русскихъ солдатъ и овладѣть ихъ землей. Затѣмъ посыпались самыя дикія и нелѣпыя обвиненія объ отдачѣ мной вредныхъ для солдатъ приказовъ по арміи, о вредной «иностранной политикѣ» и т. п.

Было очевидно, что ораторъ былъ выпущенъ спеціально для того, чтобы взвинтить толпу и вызвать ее на самосудъ и на расправу со мной. Все это происходило уже на дворѣ, куда вышли всѣ комитеты, и гдѣ собралась толпа солдатъ въ нѣсколько тысячъ человѣкъ; настроеніе создалось такое, что всѣ офицеры куда-то исчезли и я остался одинъ.

Пришлось спокойно все это слушать; я невозмутимо, какъ будто бы меня это не касалось, далъ оратору высказаться, а затѣмъ спокойно по пунктамъ, взвѣшивая каждое слово, разбилъ всѣ его обвиненія и доказалъ полную ихъ нелѣпость. Напряженіе нервовъ было огромное; надо было говорить такъ, чтобы ни единымъ дуновеніемъ не затронуть толпы и не дать того послѣдняго толчка, который нуженъ былъ руководителямъ, чтобы бросить всю толпу на меня. Нужно было побѣдить, ибо ставкой была жизнь. Я говорилъ такъ, какъ вѣроятно не говорилъ и не буду говорить никогда; напряженіе было таково, что въ самомъ себѣ я не сознавалъ и не слышалъ, что говорю, а слышалъ свою рѣчь, какъ будто ее говорилъ кто-то другой. Въ концѣ концовъ, я побѣдилъ и настроеніе толпы рѣзко перемѣнилось въ мою пользу; кое-гдѣ поднялись кулаки, но уже по адресу моего обвинителя, который сразу потерялъ весь свой апломбъ.

Тогда я самъ перешелъ въ наступленіе и добился того, что предсѣдатель собранія тутъ же принесъ мнѣ извиненіе за то, что ихъ товарищъ позволилъ себѣ такъ увлечься, чтобы оскорбить меня своими невѣрными обвиненіями. Минутно я побѣдилъ: собраніе рѣшило поговорить со всѣми ротами и командами и сообразно результатамъ переговоровъ вынести рѣшеніе. Уѣхалъ, исполнивъ то, что требовали мой долгъ и мое положеніе, но съ отчаяніемъ въ душѣ, ибо все, что услышалъ, увидѣлъ и испыталъ, убѣдило, что спасенія уже нѣтъ, что шкурные интересы насъ слопали и что тѣ толпы, которыя ошибочно называются войсковыми частями, уже не оживутъ. Миръ во что бы то ни стало; уходъ изъ окоповъ въ глубокіе резервы; ноль работъ и занятій; жирная кормежка и побольше денегъ; все начальство измѣнники, кровопійцы и корниловцы; всѣ неудачи на фронтѣ умышленно подстраиваются генералами, дабы уничтожить ненавистныхъ имъ пролетаріевъ; никому не вѣримъ и никого слушать не желаемъ; сами выберемъ себѣ начальство, войны не допустимъ и уничтожимъ всѣхъ, кто задумаетъ продолжать войну — вотъ сумма выводовъ сегодняшней бесѣды, занявшей четыре долгихъ, временами трагическихъ часа моей «революціонной жизни».

Всѣ разумные доводы убѣдить эту толпу дѣйственны только моментами, по случайнымъ капризамъ настроенія.

Очень красочно сказалъ на этомъ собраніи представитель батальона смерти 120 дивизіи (батальона этого вся дивизія боится, какъ чортъ ладана), заявившій, что всѣ ораторы безсовѣстно лгутъ, придумывая разныя оправданія своимъ требованіямъ, и что всѣ они трусы и шкурники, продающіе Россію. Говорившій былъ простой крестьянинъ-солдатъ; толпа зарычала подъ бичомъ его словъ, но за смертникомъ стояло, молча, но грозно десятка два его товарищей, и въ ихъ глазахъ было что-то такое, что сразу успокоило толпу и заставило ее ограничиться недовольнымъ рычаніемъ.

Я медленно, съ двумя остановками, разговаривая съ солдатами, прошелъ къ своему автомобилю, и только отъѣхавъ съ полверсты, понялъ, чего я только что избѣжалъ.

Изъ дивизіи проѣхалъ прямо въ Двинскъ, чтобы доложить командующему арміей, каково настроеніе частей и насколько возможно говорить теперь о наступленіи и о поискахъ; высказалъ Болдыреву полную для меня нелѣпость числиться командиромъ корпуса, разъ у меня нѣтъ никакихъ средствъ заставить себя слушаться и исполнять мои приказы; просилъ, чтобы была произведена, хотя бы и подъ руководствомъ комитетовъ и комиссаровъ послѣдняя попытка очистить части отъ завладѣвшихъ ими агитаторовъ большевизма, ибо иначе положеніе совершенно безнадежно и недалекъ тотъ день, когда армія перестанетъ существовать; просилъ отнестись къ моему докладу съ должнымъ вниманіемъ, ибо мой корпусъ до сихъ поръ по части сохраненія порядка считался счастливымъ исключеніемъ. Болдыревъ кое-что обѣщалъ, но къ несчастію онъ въ радужномъ и воинственномъ настроеніи, подогрѣтомъ увѣренностью въ надежность стоящихъ въ Двинскѣ ударныхъ частей и кавалеріи; я пытался его разубѣдить, такъ какъ знаю хорошо, какъ непрочно такое настроеніе частей, особенно когда онѣ чувствуютъ себя одинокими и когда обстановка складывается такъ, что имъ приходится выступать активно противъ своихъ. Но всѣ мои убѣжденія разбились о розовый оптимизмъ очень малоопытнаго и специфически штабного командарма. Онъ, напримѣръ, до сихъ поръ надѣется, что ему удастся оздоровить армію путемъ активнаго воздѣйствія частей перваго кавалерійскаго корпуса на неповинующіяся части пѣхоты; вѣроятно, это насвистано ему командиромъ этого корпуса генераломъ княземъ Долгоруковымъ, весьма легкомысленнымъ и поверхностнымъ, мечтающимъ только о томъ, когда ему удастся избавиться отъ всей надвинувшейся со всѣхъ сторонъ грязи и «отдохнуть подъ голубымъ небомъ и горячимъ солнцемъ Ривьеры».

Входящіе въ составъ моего корпуса 15 гусарскій и 3 уральскій казачій полки настроены безконечно лучше и прочнѣе полковъ коннаго корпуса, и несмотря на это начальникъ 15 дивизіи генералъ Мартыновъ конфиденціально мнѣ доложилъ, что полки убѣдительно просятъ избавить ихъ отъ исполненія ролей усмирителей и жандармовъ; а эти полки до сихъ поръ въ полномъ порядкѣ, безпрекословно исполняютъ всѣ приказы, великолѣпно вели себя на усмиреніи 138 дивизіи, нѣкоторыхъ частей 13 корпуса, но ихъ такъ травятъ названіемъ корниловскихъ жандармовъ, что это отразилось въ концѣ концовъ на ихъ настроеніи.

Я не понимаю совершенно Болдырева и его оптимистической компаніи; неужели они не видятъ, что армія больна ползучей гангреной, получившей уже такое распространеніе, что прижиганія больныхъ мѣстъ каленымъ желѣзомъ уже не помогутъ; напрягая послѣднія усилія, мы справляемся съ заразой въ незначительныхъ точкахъ, а болѣзнь захватываетъ въ это время цѣлыя площади и въѣдается внутрь, поражая самые жизненные органы, разрушая нервы и центры и уничтожая послѣдніе остатки сопротивляемости всего организма.

По поводу псковскаго проекта наступленія Болдыревъ донесъ то заключеніе, къ которому пришло послѣднее совѣщаніе корпусныхъ командировъ, и получилъ лаконическій отвѣтъ начальника штаба фронта, что «таково приказаніе Главнокомандующаго фронтомъ и оно должно быть исполнено».

Изъ разговора съ Болдыревымъ узналъ, что до меня у него были командиры 19 и 27 корпусовъ съ докладами о безнадежномъ состояніи ихъ корпусовъ; даже съ Антипова соскочилъ его оптимизмъ. Заѣхалъ къ армейскому комиссару поручику Долгополову

(бывшій офицеръ 70 арт. бригады) и просилъ его самымъ рѣшительнымъ образомъ освѣдомить командные и комитетскіе верхи о дѣйствительномъ состояніи арміи.

Вернулся въ штабъ грязный, утомленный, вымотанный нравственно и физически до полной пустоты.

15 Октября. Штабъ арміи продолжаетъ приставать съ разными распоряженіями по поводу разработки выдуманнаго Псковомъ наступленія; не выдержалъ и написалъ армейскому комиссару Долгополову частное письмо съ просьбой избавить насъ отъ этихъ приставаній, такъ какъ все равно никакого наступленія быть не можетъ, но за то постоянные о немъ толки бросаютъ части во власть тѣхъ, кто обѣщаетъ избавить ихъ отъ такой грозной непріятности, и даютъ богатую пищу для агитаторовъ, волнующихъ солдатъ разсказами о томъ, что начальству вновь захотѣлось попить солдатской кровушки.

Утромъ получилъ постановленіе полковыхъ комитетовъ 18 дивизіи, рѣшившихъ идти на усмиреніе 70 дивизіи и силою оружія принудить ее выступить на занятіе боевыхъ участковъ. Передалъ все это въ армейскій комитетъ и армейскому комиссару — пусть раскусываютъ своими демократическими зубками эти послѣреволюціонные орѣшки.

Пока что нашъ армейскій комитетъ отправилъ въ Петроградъ телеграмму о томъ, что штыки V-ой арміи готовы привести тылы государства въ порядокъ; все это только бахвальство и сотрясеніе воздуха; вѣдь всѣ, кто не ослѣпъ и не оглупѣлъ окончательно, понимаютъ, что подъ предлогомъ усмиренія тыла всѣ готовы сняться съ фронта, но когда они туда придутъ, то надо будетъ думать о томъ, какъ и кѣмъ ихъ усмирить; несомнѣнно, что привилегированное положеніе частей, захватившихъ въ свои руки власть надъ Петроградомъ и Москвой и объявившихъ себя несмѣняемыми стражами завоеваній революціи, вызываетъ острую зависть остальныхъ частей, каждая изъ которыхъ готова немедленно же занять столь безопасное, властное и жирное положеніе.

До сихъ поръ, несмотря на долгую тренировку въ самыхъ сложныхъ и опасныхъ положеніяхъ, не могу забыть тяжелыхъ переживаній и впечатлѣній вчерашняго дня и нахальныхъ, звѣрскихъ рожъ переднихъ рядовъ вчерашней толпы, уже предвкушавшихъ истребленіе стоящаго на ихъ пути командира корпуса. Въ среднихъ и заднихъ рядахъ толпились обыкновенные сѣрые и безразличные солдаты, безсознательно валящіе за тѣмъ, кто сумѣетъ бросить въ ихъ толщу подходящій къ данному настроенію лозунгъ, который сегодня можетъ быть архиреволюціонный, а завтра архиреакціонный, но оба могутъ быть приняты съ одинаковымъ наваломъ и стремительностью. Но то, что вылѣзло впередъ и больше всѣхъ галдѣло и визжало, это не скоро забудется, ибо въ эти рожи и глаза воплотилась ненависть и жадность долголѣтняго и темнаго рабства, гарнированнаго наслѣдственнымъ пьянствомъ, ядовитой желчью грызущихъ, но неудовлетворенныхъ вождѣленій и жгучей ненавистью ко всему, что выше поставлено и лучше обставлено. Вѣками лежавшіе и обросшіе мхомъ камни сброшены съ своихъ мѣстъ, и придавленные ими много лѣтъ гады и темные звѣри ожили; они не только ожили, но и поняли, что камни назадъ уже не вернутся и что настали новыя времена, когда сила уже на сторонѣ тѣхъ, кто былъ подъ этими камнями. Теперь они сами лѣзутъ на давно желанные верхи, давя и сокрушая все, что только мѣшаетъ по ихъ мнѣнію или можетъ помѣшать имъ дорваться до власти и денегъ, до бабъ и возможности въ волюшку насладиться глумленіемъ, издѣвательствомъ и муками надъ тѣмъ, чего они до сихъ поръ рабски боялись, передъ чѣмъ униженно пресмыкались, чему такъ жадно завидовали и что такъ остро ненавидѣли.

Скверное осеннее время усугубляетъ ту скверность, которая гнететъ душу и слизкимъ комкомъ ложится на сердце. Впереди никакого просвѣта, никакой надежды на спасеніе родины. Хотѣлось бы очень знать, что думаютъ теперь всѣ эти Львовы, Гучковы, Родзянки, Керенскіе и иже съ ними; неужели они не поняли до сихъ поръ, въ какую пропасть они направили расшатанную колесницу россійскаго государственнаго бытія и какими грозными и чреватыми послѣдствіями все это грозитъ? Вѣдь теперь ни у кого не должно уже оставаться сомнѣній въ томъ, какой характеръ приняла эта революція и какіе лозунги она выдвинула и крѣпитъ.

Остановить то, что идетъ сейчасъ у насъ, уже никто не въ силахъ; могутъ быть только мимолетныя задержки; случайные удары о тотъ или иной подвернувшійся по дорогѣ камень; лишній переворотъ кругомъ себя или новая поломка летящей внизъ громады, но судьбы міра надолго предопредѣлены тѣмъ, что началось на берегахъ Невы въ послѣдніе дни февраля мѣсяца 1917 года.

Лунные люди, политическіе марсіане, совершенно не знающіе русскаго народа, продолжаютъ мечтать, что повторяется 1906 годъ и что подъ давленіемъ остроты положенія надо было что то дать, а затѣмъ можно будетъ опять закрѣпить. Но дѣло въ томъ, что съ революціей началась смертельная для государства дезинтерія и закрѣпительныхъ противъ нея средствъ въ нашемъ распоряженіи уже нѣтъ; нашептываніями и убѣжденіями такіе поносы не останавливаются. Размахъ революціи сейчасъ совсѣмъ иной и она подперта совсѣмъ иными лозунгами, чѣмъ всѣ ея предшественники; наши же книжники и революціонные фарисеи продолжаютъ кувыркаться въ кабинетныхъ измышленіяхъ, кропотливо отыскивая детали идентичности нашей и французской революціи и пытаясь по опыту прошлаго предсказать будущее.

Въ газетахъ характерна покаянная передовица Извѣстій С. и Р. Депутатовъ, подвергнутыхъ уже херему грядущихъ къ власти большевиковъ. Очень хороша рѣчь казака Агеева и разумна рѣчь Гольдштейна; но что теперь въ этихъ рѣчахъ, кои уже не въ силахъ ни остановить, ни измѣнить ходъ событій, управляемыхъ властью освобожденной отъ всякихъ узъ и препонъ толпы. Кто то очень удачно сравнилъ вождей нашей революціи съ неосторожными людьми, выпустившими изъ за рѣшетокъ своры дикихъ звѣрей и вынужденныхъ теперь нестись во весь духъ впереди этой своры и все время бросать имъ какія нибудь подачки, ибо иначе ихъ нагонятъ и разорвутъ въ клочья.

Пока выпущенные на свободу звѣрьки наслаждались новизной новаго положенія и пока у нихъ не разыгрался аппетитъ, они довольствовались малымъ и пустяковымъ, но сейчасъ они вошли во вкусъ и имъ нужно существенное и съ жиркомъ, и съ вкусными корочками. А сіе имъ и въ весьма обольстительной формѣ сулятъ товарищи большевики, которые и будутъ несомнѣнно очередными новыми лидерами этой бѣшеной скачки — погони, до тѣхъ поръ, пока не выбросятъ все, что только смогутъ; тогда свора разорветъ и ихъ.

Въ статьѣ Homo Novus удачно передѣланы слова Гейне о томъ, что «міръ есть греза боговъ», въ русской дѣйствительности это «греза самоѣдскаго бога, нажравшагося на ночь жирной свинины и притомъ не свѣжей».

Дѣдушка русской революціи Чайковскій вопитъ: «вы аппелируете къ разуму, а отвѣтъ получаете шкурный . . .» Все это такъ; все это ужасно своей непреложной правдой; но за то также вѣрно и также ужасно, что всѣ вы революціонеры и quasi народники абсолютно не знали своего народа; сами создали своего гомункулуса, сами облекли его въ измышленія собственной фантазіи, опоэтизировали, разукрасили, преклонялись, восторгались . . . и нынѣ доѣхали до настоящаго положенія, которое въ скоромъ будущемъ сожретъ и васъ самихъ. Мозговики, утописты, фантазеры, вы въ вашей борьбѣ съ монархіей въ пику ей создали воображаемый русскій народъ, не понимая даже невозможности для него быть при его историческомъ прошломъ тѣмъ, чѣмъ вы хотѣли его изобразить и чѣмъ онъ никогда въ дѣйствительности не былъ да и быть не могъ. Дѣдушка обижается, что ему отвѣчаетъ шкура, а не разумъ; а гдѣ же взятся этому разуму, и какъ ему побѣдить веленія этой самой шкуры, ощущеніями и потребностями которой народъ только и жилъ; дѣдушка обижается, что народъ живетъ, думаетъ и чувствуетъ только шкурой. Проглядѣлъ дѣдушка русскую дѣйствительность; не понялъ во время и не учелъ того, что русская жизнь не могла дать иныхъ результатовъ и что негдѣ было родиться настоящему разуму въ кошмарѣ русской деревни. Господа экспериментаторы русскихъ революціонныхъ эпохъ воображали русскій народъ по quasi народнымъ романамъ и повѣстямъ, да по показаніямъ тѣхъ экземпляровъ русской интеллигенціи, которая, опростившись по наружности, самоотверженно шла «въ народъ» и, потершись тамъ, начинала воображать, что она тоже народъ и въ совершенствѣ знаетъ народную душу,

и судила о народѣ по собственному принесенному извнѣ внутреннему содержанію, распространяя его совершенно ошибочно на активъ всего народа.

Иксъ въ формулѣ былъ подложный, а потому и выводы получились невѣрные, фальшивые. Только Меньшиковъ пророчески указалъ на грозное предостереженіе, данное замѣчательной книгой Родіонова: «Наше преступленіе». Автора нарекли тогда черносотенцемъ, хулителемъ русской деревни и русскаго народа, ну, а теперь достаточно развившіеся экземпляры Родіоновскаго звѣринца вылѣзли на свободу и, ничѣмъ не сдерживаемые, показываютъ свой высокій классъ. Пока ихъ кое въ чемъ сдерживаютъ уцѣлѣвшіе остатки плотинъ разрушенной государственности; но за то какимъ потокомъ они разольются потомъ, когда исчезнутъ послѣдніе слѣды страха передъ тюрьмой, полиціей, плетьми и прочими судебными непріятностями.

Вечеромъ одинъ изъ членовъ корпуснаго комитета старшій унтеръ-офицеръ 477 полка К. принесъ начальнику штаба письмо, случайно къ нему попавшее по одинаковости его фамиліи съ фамиліей настоящаго адресата. Писано на машинкѣ, подпись Миша; даются какія-то таинственныя распоряженія явно большевистскаго характера, но очень ясна фраза: «вчерашнее собраніе показало, что власть и вліяніе командира корпуса еще слишкомъ велики и поэтому командира «надо убрать», для чего въ Боровку посылаются двое надежныхъ ребятъ, которымъ надо помочь въ исполненіи этого порученія».

Бѣдный К., старый и очень разумный солдатъ, пришелъ ко мнѣ совсѣмъ растерянный; меня же это письмо страшно обрадовало, ибо было оцѣнкой моей тяжелой работы и воочію доказывало, что я мучусь, терзаюсь и рискую не даромъ и своимъ тѣломъ все еще сдерживаю кое что; это больше всякихъ наградъ вознаграждаетъ меня за все пережитое и переживаемое; значитъ, я все еще фигура, достойная своего мѣста и положенія и мѣшающая измѣнникамъ и мерзавцамъ творить свое злое и гнусное дѣло; значитъ, всѣ мои поѣздки и весь расходъ нервной энергіи и послѣднихъ остатковъ здоровья не безполезны.

Письмо это страшно облегчило мое нравственное состояніе; оно сняло съ меня долю той тяжести, которая меня давила; я сознаю, что, все равно, спасти всего положенія я, конечно, не могу, но на своей стрѣлкѣ я еще не лишній и останусь на ней стоять, пока буду въ силахъ.

Ну, а выступленій и покушеній я не боюсь; лишь бы смерть пришла сразу и безъ мученій; такой смерти въ бою я всегда хотѣлъ. Больше двухъ мѣсяцевъ я ѣзжу по частямъ, не имѣя при выѣздѣ увѣренности, что вернусь живымъ, и по этой части на моей чувствительности наросли толстыя, претолстыя мозоли.

Во всякомъ случаѣ большое спасибо товарищу Мишѣ и ошибкѣ почты; третьяго дня я просилъ Болдырева подыскать мнѣ замѣстителя, ибо тревожные признаки по части здоровья заставляли опасаться возможности сразу свалиться и выйти изъ рабочаго строя, но теперь я буду держаться, пока стою на ногахъ и пока не почувствую, что дальнѣйшее мое пребываніе здѣсь безполезно или вредно. Пока могу, не дамъ товарищамъ Петровымъ и Федотовымъ радоваться, что съ ихъ пути ушелъ тотъ, кто имъ мѣшаетъ и кого они боятся открыто уничтожить.

16 Октября. Ясный день и настроеніе, особенно послѣ вчерашняго Мишинаго письма, самое радостное, даже мало подходящее ко всей обстановкѣ. Быть опаснымъ для этихъ господъ — большая заслуга.

Газеты полны описаній ужасовъ, творимыхъ на фронтѣ и въ странѣ войсками и запасными частями; на юго-западѣ товарищи солдаты, по донесеніямъ товарищей комиссаровъ, своими «мирными подвигами заставляютъ вспоминать нашествія гунновъ и иныхъ варварскихъ полчищъ и ордъ». Потрясающее письмо прислали офицеры Л. Гв. Петроградскаго полка на имя Керенскаго; письмо спокойное, корректное, но ужасное по своему могильному спокойствію и по заключенной въ немъ правдѣ.

Брусиловъ въ Москвѣ и громитъ демократію; удивительный хамелеонъ этотъ главковерхъ изъ бывшихъ берейторовъ при Царскихъ и высокопоставленныхъ особахъ. Никогда не забуду его перваго пріѣзда въ Двинскъ только что назначеннымъ Главковерхомъ,

когда на армейскомъ съѣздѣ онъ молился о мирѣ безъ анексій и контрибуцій (Алексѣевъ только что слетѣлъ за противоположное) и въ концѣ рѣчи схватилъ откуда-то взявшійся красный флагъ и сталъ махать имъ надъ головой. Недурное занятіе для недавняго генералъ-адъютанта, готоваго, очевидно, на все, лишь бы добиться у толпы популярности и тріумфа. Я совершенно понимаю, что для того, чтобы сохранить власть надъ толпой такимъ лицамъ, какъ старшіе начальники командныхъ верховъ, необходимы многочисленныя и серьезныя уступки изъ стараго обихода, но этому есть предѣлы. Я пока довольно проченъ по части своего авторитета (вчера получилъ на это аттестацію отъ своихъ враговъ), но никогда еще я не уступилъ толпѣ ни въ чемъ существенномъ, серьезномъ; я давалъ ей по ея требованію только пустяки; безъ ея требованія я осуществилъ очень многое, но далъ это добровольно, предупредивъ неизбѣжныя въ будущемъ требованія. Я не позволилъ, напримѣръ, въ корпусѣ никакихъ грязныхъ выпадовъ противъ Царской семьи, потребовалъ въ этомъ дѣлѣ поддержки комитетовъ, сумѣлъ ихъ убѣдить въ непорядочности и неблагородности такихъ выпадовъ, и меня до сихъ поръ слушаются.

Но то, что говорилъ и дѣлалъ Брусиловъ, не вызывалось никакой необходимостью и было весьма сугубымъ уклоненіемъ въ сторону дешевой демагогіи.

Кадеты, кадетоиды, октябристы и разномастные революціонеры старыхъ и мартовскихъ формацій чуютъ приближеніе своего конца и верещатъ во всю, напоминая мусульманъ, пытающихся трещетками предотвратить затменіе луны.

Рабы фразъ, успѣвающіе фигляры митинговъ, хлесткіе авторы трескучихъ резолюцій, но кастраты настоящаго, живого дѣла, они пустили въ ходъ всѣ запасы и всѣ виды своего обветшалаго и безсильнаго уже оружія, гремятъ и разливаются истерическими выкликами на красивыя, но никого уже не трогающія темы, и требуютъ того, что когда то еще могло помочь, а теперь является только подливаніемъ масла въ огонь.

Товарищи большевики должны быть имъ безконечно благодарны, ибо всѣ эти вопли и резолюціи даютъ большевикамъ самыя яркія доказательства, чтобы пугать ими насторожившіяся на фронтѣ и въ тылу массы призраками грядущей контръ-революціи и угрозами возможности опять потерять все то сладкое и жирное, къ чему протянулись и до чего дорвались многія жадныя руки.

Вѣдь, какъ ни пытаются маскировать всѣ эти резолюціи всякими сладкими демократическими и quasi революціонными соусами, но изъ нихъ, какъ изъ дыряваго мѣшка во всѣ стороны торчатъ давно знакомые и для массъ острія, жала и скорпіоны, неизмѣнные спутники тоски по потеряннымъ правамъ, преимуществамъ и привилегіямъ и по сдохшему или перешедшему въ другія руки казенному воробью.

Ѣздилъ въ 480 полкъ, второй по состоянію развала въ 120 дивизіи; ѣзжу на эти дискуссіи, какъ на томительную каторгу; изображаю того же Керенскаго; только онъ главноуговаривающій, а я корпусоуговариватель. Настроеніе солдатской толпы сегодня много лучше; большевики держатся въ заднихъ рядахъ; ихъ главари совершенно не выступали и только ядовито улыбались. По дорогѣ въ полкъ меня встрѣтилъ офицеръ, посланный командиромъ полка съ предупрежденіемъ, что на меня готовится покушеніе, но я привыкъ къ тому, что когда предупреждаютъ, то обыкновенно ничего не случается. Когда видишь солдатскія толпы въ спокойномъ состояніи и внѣ взвинчивающаго вліянія разныхъ подстрекателей, то временами въ душѣ появляются голубые кусочки надежды, что если бы сейчасъ очистить части отъ большевистскихъ главарей и гарантировать солдатамъ, что никакого наступленія не будетъ, то героической работой командного состава, офицеровъ и разумныхъ комитетовъ на нашемъ фронтѣ можно еще было бы удержаться отъ полнаго и окончательнаго развала; въ такія времена хочется вѣрить, что мы не отравлены еще такъ, что нѣтъ надежды на спасеніе.

Иное дѣло, судя, конечно, по газетамъ, въ тылу и на юго-западѣ, гдѣ распустившіяся солдатскія орды дорвались до сладости грабежей, насилій и убійствъ и гдѣ возможность спасенія только въ возможности массоваго примѣненія каленаго желѣза, котораго нѣтъ и негдѣ взять.

Вечеромъ получилъ телеграмму о сокращеніи хлѣбной дачи до полутора фунтовъ — новый и весьма больной поводъ къ обостренію агитаціи и къ вящему ухудшенію

солдатскаго настроенія; наши верхи до сихъ поръ не понимаютъ или же умышленно не желаютъ понять, что всѣ регуляторы солдатскаго настроенія и всѣ возбудители разныхъ неудовольствій помѣщены въ солдатскомъ брюхѣ.

Не считаясь совершенно съ состояніемъ продовольственныхъ запасовъ, мальчишки военные министры, богатые только революціоннымъ стажемъ, выбросили на фронтъ милліонныя пополненія и этимъ сорвали всю систему оборота и подвоза запасовъ, что стало особенно острымъ при воцарившихся на желѣзныхъ дорогахъ развалѣ и безпорядкахъ. Навезли на фронтъ трусливые, не желающіе воевать и работать рты, которые, помимо того, что усилили общій развалъ, усугубили давно уже надвигавшуюся на фронтъ продовольственную катастрофу.

Невеселыя на завтра перспективы; сколько запросовъ и сколько обвиненій вызовутъ эти несчастные полфунта хлѣба; убѣжденій и разъясненій никто слушать не будетъ, а все свалятъ на контръ-революцію и злостные подвохи начальства.

17 Октября. Весь день провелъ въ Двинскѣ на томительнѣйшемъ совѣщаніи по вопросу о расформированіи третьеочередныхъ и ненадежныхъ дивизій. Мы всегда запаздываемъ: два три мѣсяца тому назадъ все это было бы очень кстати, но тогда на наши просьбы о необходимости этой мѣры верхи не обращали никакого вниманія; теперь же это не пройдетъ, ибо это невыгодно для тѣхъ, для кого выгоденъ скорѣйшій и полнѣйшій развалъ русской арміи, и теперь все это будетъ свалено въ общую кучу карательныхъ и контръ-революціонныхъ мѣръ и никто изъ товарищей не позволитъ провести въ жизнь эту мѣру; вѣдь въ этихъ дивизіяхъ сейчасъ вся сила большевиковъ и они напрягутъ всѣ старанія, чтобы ихъ сохранить; конечно, всѣ подлежащіе упраздненію и обращенію въ небытіе комитеты этихъ частей явятся самыми дѣятельными сотрудниками большевистскихъ заправилъ. Это надо было дѣлать, пока на нашей сторонѣ была сила; когда, напримѣръ, всевозможными посулами и уговорами тащили на фронтъ уже и тогда совершенно безнадежныя по своему состоянію 120 и 121 дивизіи, тогда была полная возможность осуществить это расформированіе. Сейчасъ же все это ушло въ невозвратное прошлое; того, что упущено, уже вернуть нельзя. Весь фронтъ покрытъ любезными большевистскому и нѣмецкому сердцамъ, гнойными нарывами въ видѣ совершенно разложившихся, въ большинствѣ преимущественно третьеочередныхъ, дивизій. Помню, какъ я молилъ тогдашняго командарма Данилова не губить меня присылкой этихъ дивизій; и несмотря на всѣ мои просьбы ихъ мнѣ прислали и ими погубили до тѣхъ поръ очень стойко державшійся корпусъ.

138 дивизія 47 корпуса только три дня постояла въ районѣ нашей 18 дивизіи и сразу же внесла полное разложеніе въ ближайшій батальонъ Бѣлевскаго полка. Все это было непонятно совершенно оторваннымъ отъ войскъ команднымъ верхамъ; на мои доводы о причинахъ отказа отъ 120 и 121 дивизій, начальникъ штаба арміи Свѣчинъ недоумѣнно меня спрашивалъ, чѣмъ же я буду развивать свое наступленіе, и никакъ не могъ усвоить моихъ разъясненій, что наступленіе можно развивать настоящими дивизіями, а не разнузданными въ конецъ бандами, которыхъ никакъ не могутъ уговорить согласиться идти на фронтъ и которыя уже и такъ искусились въ томъ, что можно не исполнять непріятныхъ для себя приказаній начальства, ибо у послѣдняго нѣтъ никакихъ реальныхъ средствъ для того, чтобы заставить неповинующихся выполнить такое приказаніе.

На совѣщаніи корпусныхъ командировъ я опредѣленно высказалъ свое мнѣніе, что съ расформированіемъ мы уже опоздали и что теперь эта мѣра ничего кромѣ новыхъ скандаловъ и новыхъ ударовъ по остаткамъ власти не вызоветъ, и намъ придется только лишній разъ пережить униженіе быть безмолвными и безсильными свидѣтелями неисполненія нашихъ распоряженій.

Сейчасъ время крутыхъ распоряженій уже миновало; нынѣ единственный шансъ это полный покой и бережное устраненіе всего, могущаго вызвать острое воспаленіе и сопровождающіе его эксцессы; надо этимъ путемъ дотянуть до послѣдней оставшейся ставки — выборовъ въ Учредительное Собраніе (ставки очень ничтожной, такъ какъ надо, чтобы за ней стояла реальная сила, а не одни только воззванія, декларации и резолюціи).

Большевики развернулись сейчасъ во всю и, если они побѣдятъ, то послѣдніе остатки арміи и государственности будутъ неизбѣжно сметены.

Мое мнѣніе о несвоевременности расформированія ненадежныхъ дивизій и о невозможности осуществить теперь эту мѣру было поддержано армейскимъ комиссаромъ. Болдыревъ недовольно молчалъ, мнѣнія своего не высказалъ, но согласился включить мое и комиссара мнѣнія въ свой докладъ Главнокомандующему, но я уѣхалъ безъ увѣренности, что онъ это сдѣлаетъ; вообще, мнѣ его тактика не нравится: онъ очень прозрачно ругаетъ при насъ Черемисова, выставляетъ себя гонимымъ и всячески хочетъ свалить всю вину на Псковъ, но въ то же время срывается иногда на мелочахъ, изъ которыхъ явно выпираетъ его заискиваніе въ сношеніяхъ съ Черемисовымъ и желаніе путемъ двойной игры быть удобнымъ и подходящимъ и вверхъ и внизъ; для большого начальника это очень скверная политика и на такомъ двухцвѣтномъ россинантѣ далеко не уѣдешь.

Я просилъ также настоять на томъ, что, если расформированіе дивизій будетъ рѣшено, то пусть приказъ объ этомъ будетъ изъ Петрограда и исполненіе его будетъ возложено на какія-нибудь особыя комиссіи такого состава, который исключалъ бы всякую возможность заподозрить эти комиссіи въ контръ-революціонности. Я все время повторялъ, что положеніе фронта сейчасъ чрезвычайно острое, и ради спасенія фронта мы обязаны говорить вверхъ только правду, какъ бы остра и непріятна она тамъ ни была. Меня поддержалъ только командиръ 45 корпуса генералъ Сухановъ, а остальные дипломатически молчали.

На совѣщаніи присутствовали всѣ корпусные комиссары; настроеніе ихъ очень неважное, такъ какъ они ставленники уходящаго состава армейскаго комитета и знаютъ, что ихъ дни кончены; по ихъ мнѣнію, настроеніе солдатскихъ массъ очень озлобленное и имъ надоѣла кормежка ихъ обѣщаніями; солдаты убѣждены, что главнымъ препятствіемъ къ миру и немедленному уходу по домамъ являются начальники и офицеры, которымъ выгодно продолжать войну, и поэтому всюду идетъ самая оживленная агитація, подускивающая массы къ поголовному истребленію начальниковъ и офицеровъ. Руководство агитаціей построено очень умѣло; одна и та же мысль одновременно, какъ по телеграфу, въ одинаковыхъ даже выраженіяхъ бросается и впрессовывается въ солдатскія массы отъ Риги до Нарочa; тѣ же мысли муссируются одновременно большевистской «Правдой» и нѣмецкими газетами «Товарищъ» и «Русскій Вѣстникъ», печатаемыми въ Вильнѣ и очень аккуратно разбрасываемыми по всему фронту въ особыхъ почтовыхъ минометныхъ бомбахъ, отличающихся отъ обыкновенныхъ тѣмъ, что ихъ головныя части окрашены въ красный цвѣтъ. Одинъ изъ начальниковъ дивизій утверждаетъ, что на фронтѣ 19 корпуса братаньемъ и такъ называемыми поцѣлуйными встрѣчами завѣдывалъ нѣмецкій майоръ Менеке, спеціально натаскивавшій нашихъ товарищей на тему о томъ, что главнымъ препятствіемъ къ миру были русскіе начальники.

За обѣдомъ у командарма пришлось сидѣть опять рядомъ съ командиромъ 1-го кавалерійскаго корпуса княземъ Долгоруковымъ, который опять началъ распространяться на несомнѣнно излюбленную имъ тему о томъ, что всѣ его желанія сводятся къ тому, чтобы поскорѣй очутиться въ Ниццѣ подальше отъ здѣшней мерзости. Это было настолько цинично, что я очень невѣжливо спросилъ князя, что онъ навѣрно во время спасъ за границу всѣ свои капиталы; отвѣтъ былъ самодовольно утвердительный. И таково большинство нашей такъ называемой аристократіи, объѣдавшейся около Трона, обрызгивавшей его грязью своихъ темныхъ дѣлъ; укрывавшейся часто подъ сѣнью Царской Порфиры отъ отвѣтственности за разныя гадости, и въ минуту опасности такъ позорно покинувшей и предавшей своего Царя. Какъ подходятъ къ нимъ бичующія слова Лермонтова: «Вы, жадною толпой стоящіе у Трона . . .»

Изъ Пскова сыплятся десятки телеграммъ и приказовъ объ усиленныхъ занятіяхъ, маневрахъ и военныхъ прогулкахъ; вспомнили старыя мирныя привычки и требуютъ представленія въ штабъ фронта подробныхъ программъ занятій и заданій для маневровъ. Какъ это затхло, непроходимо глупо и даже цинично! Что они лунножители или прирожденные прохвосты, пытающіеся по старой привычкѣ спрятать свои пустыя головы

и выхолощенныя сердца подъ страусовое перо разныхъ циркулярчиковъ, и отдѣлаться отъ отвѣтственности знакомыми словами: «мы приказывали»

Вчера начался армейскій съѣздъ для перевыбора армейскаго комитета. Трудно было выбрать худшее время; нѣтъ и сотой доли процента шансовъ на то, чтобы удержался теперешній очень дѣльный и здравомыслящій составъ, такъ какъ онъ потерялъ всякій авторитетъ среди разваливающихся частей; онъ требовалъ исполненія долга, работы и занятій, онъ твердилъ объ обязанностяхъ, настаивалъ на продолженіи войны и примѣнялъ силу и репрессіи противъ неповиновенія. Онъ былъ ненавистенъ для большевиковъ, ибо его силами и его вмѣшательствомъ былъ сорванъ іюльскій большевистскій заговоръ, былъ занятъ Петроградъ и арестованы всѣ главари большевизма.

Случилось неизбѣжное: какъ только комитету пришлось стать на неизбѣжную для всякой власти дорогу, сейчасъ же кончилось время овацій и наступило мрачное, а потомъ и злобное молчаніе, перешедшее теперь въ крики: «Распни его». Правительство и Петроградъ были неспособны учесть огромнаго для нихъ значенія состоянія 5 и 12 армій и не приняли во время мѣръ, чтобы сохранить эти важнѣйшія для нихъ арміи въ возможномъ порядкѣ и не допустить, чтобы онѣ сдѣлались главнымъ оплотомъ большевизма. Сейчасъ всѣ части сѣвернаго фронта за самыми ничтожными исключеніями во власти большевиковъ и черезъ нѣсколько дней мы будемъ имѣть большевистскій комитетъ, большевистскихъ комиссаровъ и всѣ вытекающія изъ этого послѣдствія.

Въ 12 арміи то же самое.

На сегодняшнемъ совѣщаніи помощникъ армейскаго комиссара сообщилъ, что имѣются свѣдѣнія о томъ, что глава армейскихъ большевиковъ докторъ Склянскій получилъ уже изъ Петрограда инструкцію немедленно по вступленіи во власть большевистскихъ комитетовъ и комиссаровъ объявить о прекращеніи на всемъ фронтѣ арміи какихъ бы то ни было военныхъ дѣйствій. По сообщенію того же помощника положеніе въ Петроградѣ самое напряженное; тамъ назрѣваютъ рѣшающія событія; правительство растеряно и безсильно, и его министры, ложась спать, не знаютъ, проснутся ли они на завтра въ постели или въ тюрьмѣ.

Сердечныя боли все сильнѣе; появились позывы на обморокъ; все ближе подхожу къ условіямъ 1915 года, когда въ началѣ февраля не могъ уже стоять; повторяется повидимому полный surmenage нервной системы, какъ опредѣлилъ тогда мою болѣзнь профессоръ Карпинскій. Невѣроятныя нервныя напряженія послѣднихъ мѣсяцевъ не могутъ пройти даромъ.

И какъ все это не во время: обстановка, какъ никогда, требуетъ силъ и бодрости, а я по физическому состоянію приближаюсь къ состоянію разбитой клячи.

По свѣдѣніямъ съ юга, полученнымъ въ корпусномъ комитетѣ, многіе солдаты старыхъ сроковъ службы, получившіе по приказу Керенскаго право вернуться домой, отказались отъ пользованія этимъ правомъ и предпочли остаться на фронтѣ, продолжать получать жалованье, продовольствіе и разные недоѣды и недодачи, и въ то же время ничего не дѣлать, ничѣмъ не рисковать и заниматься торговлей, сейчасъ очень выгодной. Петроградъ, Москва, Кіевъ, Одесса и главные города тыла переполнены старыми «дядьями» и молодыми подсосками, торгующими на улицахъ ѣдой, папиросами, одеждой, награбленнымъ имуществомъ и т. п. За послѣднее время появились нѣмецкіе модные товары, галантерея, ботинки, вымѣниваемые у нѣмцевъ во время братаній. Какой дуракъ промѣняетъ такую жизнь на тяжелую работу въ деревнѣ; вѣдь, и до революціи многіе солдаты отказывались отъ отпуска, зная, что когда они придутъ въ деревню, то выбившіяся изъ силы бабы заставятъ ихъ исполнять тяжелыя полевыя и домашнія работы.

18 Октября. Ѣздилъ опять въ штабъ и полки 120 дивизіи; не хочу лишать товарищей возможности проявить свое искусство по части уничтоженія неугоднаго имъ корпуснаго командира. Кромѣ того надо продолжать начатое мной подтягиваніе хозяйственной части и интендантства этой дивизіи, такъ какъ, какъ и всегда и вездѣ, сильное разложеніе полковъ находится въ сильной зависимости отъ плохого довольствія и отъ безпорядковъ по хозяйственной части.

Приходится переживать тяжелый продовольственный кризисъ; общій революціонный развалъ разрушилъ довольно сносную раньше систему сбора запасовъ и подачи ихъ на фронтъ; первое время намъ помогали накопленные раньше всюду войсковые запасы, но имъ теперь пришелъ конецъ и всюду начинается недохватъ и недовозъ. Я думаю, что если бы верхи фронта и тыла болѣе чутко понимали бы все значеніе для армій продовольственныхъ вопросовъ, то и при развалѣ все-же можно было не допустить дѣло дойти до критическаго положенія; но, къ сожалѣнію, наши ставочные и тыловые Юпитеры очень мало интересуются вопросами довольствія и начинаютъ безпокоиться только тогда, когда надвигается катастрофа и всюду начинается гвалтъ. По продовольственной части первые годы войны пріучили смотрѣть на все походя, все де обойдется; по этой части низамъ скулить не разрѣшалось, и всѣ урѣзки, недохваты и даже голоданіе считались мелочами, недостойными высокаго юпитерскаго вниманія, справляться съ которыми обязаны были полковые командиры и начальники дивизій. Всюду прежде царило: «мало-ли что нѣтъ; молчать!» Ну, а теперь молчать не хотятъ, и все, касающееся брюха, властно вылѣзло наверхъ; справляться же со всѣми недохватами предоставляютъ намъ; верхи остаются въ сторонѣ, и весь отвѣтъ, и вся злоба солдатскихъ массъ, объясняющихъ все только злымъ умысломъ начальства, падаетъ на насъ.

Даже офицеры не желаютъ понять стихійныхъ причинъ, вліяющихъ на продовольственное снабженіе армій, и такъ же, какъ и солдаты, валятъ все на ближайшее начальство и на его нераспорядительность; что же тогда требовать отъ солдатъ, которыхъ все время наускиваютъ спеціальные по развалу арміи агитаторы, и которые уже научились примѣнять не только жалобы, но и физическое воздѣйствіе противъ тѣхъ, кого они считаютъ или на кого имъ указываютъ, какъ на виновника всѣхъ недодачъ и урѣзокъ; агитаторы отлично знаютъ, какую остроту имѣютъ всѣ вопросы по довольствію и какое стихійное и чисто звѣриное озлобленіе они вызываютъ.

Сейчасъ нужны какія то совершенно исключительныя мѣры, чтобы обезпечить довольствіе фронта; всѣ приходящія изъ тылу свѣдѣнія показываютъ, что дѣло сбора запасовъ идетъ все хуже и хуже; первое, что надо, это сократить арміи въ нѣсколько разъ и оставить на фронтѣ только то, что надо для обороны. Иначе мы очень скоро придемъ къ голоднымъ бунтамъ на фронтѣ.

Сейчасъ дача хлѣба сокращена уже до полутора фунтовъ, подвозъ мяса почти прекратился, съ жирами совсѣмъ слабо, а съ фуражемъ еще хуже. 70 дивизія еще держится благодаря развитой при мнѣ системѣ заготовки кое какихъ запасовъ въ ближайшемъ тылу собственнымъ попеченіемъ войскъ, но въ молодой и безхозяйной 120 дивизіи всѣ недостатки по довольствію сказываются особенно остро. Приказалъ не жалѣть никакихъ денегъ, чтобы покупать муку и сало; нельзя доводить войска до голоднаго бунта; усмиреніе всѣхъ безпорядковъ, возникающихъ на почвѣ требованій брюха, были всегда очень трудны, ну, а при современной обстановкѣ это можетъ быть смертельной и окончательной катастрофой. Вѣдь, если бы въ февралѣ этого года въ Петроградѣ была бы мука, было бы мясо и былъ бы уголь, и ихъ во время дали бы населенію, то мы не сидѣли бы теперь у того полуразбитаго корыта, которымъ является Россія.

120 дивизія прислала постановленіе соединенныхъ комитетовъ съ требованіемъ немедленнаго заключенія мира и отвода дивизіи въ резервъ; но вмѣстѣ съ тѣмъ полковой комитетъ 477 полка увѣдомилъ меня, что онъ исключилъ изъ своего состава того товарища, который на послѣднемъ собраніи въ господскомъ дворѣ Анисимовичи наговорилъ дерзостей по моему адресу. Вечеромъ же въ почтѣ я нашелъ письмо на мое имя съ приложеніемъ утвержденнаго какой то пятеркой смертнаго мнѣ приговора (письмо съ помѣткой на конвертѣ почтоваго вагона, такъ что отправлено кѣмъ то съ пути). Засчитываю себѣ это еще въ одну очередную награду за хорошую службу.

Вечерній докладъ начальника штаба и предсѣдателя корпуснаго комитета принесли цѣлые вороха самыхъ безотрадныхъ извѣстій и донесеній; волна большевизма все захлестываетъ; развалъ перебросился на артиллерію и спеціальныя команды; всѣ средства связи уже всецѣло въ рукахъ большевистскихъ комитетовъ. Вообще гангрена

расползается съ поражающей быстротой; армія гніетъ, какъ кусокъ уже тронувшагося мяса въ очень жаркій день.

Трещатъ и лопаются одна за другой послѣднія связи, вездѣ разинутыя пасти, полныя слюны вожделѣнія; отовсюду только требованія правъ, льготъ, уступокъ, отмѣны обязанностей. Съ каждымъ часомъ толпа все болѣе и болѣе сознаетъ свою силу и становится все дерзче. Вечеромъ въ штабъ корпуса явилась депутація отъ ротъ 8 инженернаго полка и заявила, что роты не желаютъ ждать никакихъ разъясненій по поводу выдачи зарабочихъ денегъ за окопныя работы въ 1915 и 1916 годахъ и грозятъ разбить денежные ящики и удовлетворить свои претензіи собственнымъ попеченіемъ. Способовъ противодѣйствія у меня никакихъ; для спасенія послѣдняго авторитета власти пришлось прибѣгнуть къ передержкѣ, заявивъ, что разъясненіе въ пользу выдачи только что получено, и что, хотя я и считаю сдѣланныя мнѣ заявленія дерзкими и неумѣстными, но разрѣшаю претензіи удовлетворить, какъ уже утвержденныя контролемъ.

Какой я жалкій начальникъ, разъ приходится прибѣгать къ такимъ непристойнымъ уловкамъ; развѣ я корпусный командиръ? я только потрепанное огородное чучело, котораго никто уже не боится, но которое все еще для какой то видимости продолжаетъ торчать на своемъ мѣстѣ въ своихъ жалкихъ отрепьяхъ и погремушкахъ. Написалъ Болдыреву письмо, въ которомъ изложилъ всю нелѣпость нашего положенія и просилъ найти мнѣ замѣстителя, который считалъ бы возможнымъ современное положеніе начальника.

Отъ газетъ становится тошно на душѣ: всюду звѣри, звѣриныя дѣла, звѣриныя морды и жадность, кое-гдѣ и звѣриная жестокость. Жалкая, безсильная власть что-то лопочетъ и пытается громкобрехомъ и высокопарными сентенціями остановить сокрушающуюся громаду россійской государственности. Всѣ эсеры, попавшіе въ министры и пріявшіе на свои плечи отвѣтственность, цѣпляясь за послѣднія средства спасенія, разражаются такими мѣрами, передъ которыми задумывались даже самые крутые реакціонеры Царскихъ временъ.

Незыблемъ повидимому мой законъ политической баллистики, формулируемый такъ: «всякая революціонная морда, ударившаяся о государственность, сворачиваетъ вправо». Брехать и валить существующую власть это одно; охранять и отвѣчать за результаты нѣчто совсѣмъ иное, сидящее на противоположномъ концѣ діаметра.

Нѣмцы и австрійцы обрушились на Италію, итальянскій фронтъ трещитъ и макаронникамъ приходится плохо; французы бросаютъ свои резервы на спасеніе Италіи.

Впервые сказывается нашъ выходъ изъ боевого строя; у нѣмцевъ развязаны руки и они могутъ теперь дерзать на рѣшительныя и грозныя для нашихъ союзниковъ операціи. Надо только удивляться, чего они медлятъ. Какъ я завидую теперь нѣмецкимъ генераламъ, которымъ судьба даетъ счастье быть творцами, участниками и свидѣтелями побѣдъ и видѣть реальные результаты разработанныхъ плановъ и осуществленныхъ предположеній.

Намъ судьба этого не дала, и за все перенесенное и за всѣ великіе труды мы получили только ужасъ современнаго положенія и еще болѣе ужасное и мрачное будущее.

20 Октября. Получилъ отъ Болдырева письмо, полное комплиментовъ и увѣреній въ невозможности найти мнѣ достойнаго замѣстителя по командованію корпусомъ; отвѣтилъ, что остаюсь при старомъ рѣшеніи, такъ какъ помимо того, что считаю свое безсильное и безправное положеніе архинелѣпымъ, состояніе здоровья не позволяетъ служить съ тѣмъ напряженіемъ, котораго требуетъ наличная обстановка; послѣ каждаго нервнаго напряженія мнѣ приходится отлеживаться по нѣсколько часовъ; при такой изношенности я не имѣю права продолжать цѣпляться за свое мѣсто.

Въ Двинскѣ на съѣздѣ идетъ ожесточенная борьба между большевиками и эс-ерами, борьба не на животъ, а на смерть; положеніе эсеровъ, однако, безнадежное; они потеряли весь былой авторитетъ, и повелители солдатскихъ массъ теперь уже большевики и ихъ главные представители въ нашей арміи Склянскій, Сѣдякинъ и Собакинъ (три с. с.).

Исполняя приказъ, послалъ въ штабъ арміи проектъ наступленія для прорыва нѣмцевъ на Тыльженскомъ участкѣ; при этомъ поставилъ непремѣннымъ условіемъ

увести съ фронта 120 дивизію, такъ какъ ея товарищи способны открыть огонь въ спины своихъ наступающихъ частей; донесъ также, что наступленіе возможно только при помощи ударныхъ частей и добровольческихъ командъ, обезпечивъ заранѣе нейтральное поведеніе остальныхъ частей; тогда при полной для нѣмцевъ неожиданности (конечно, если ихъ не предупредятъ пріятели большевики) такое наступленіе можетъ имѣть успѣхъ.

21 Октября. Ночью вернулся съ армейскаго съѣзда предсѣдатель корпуснаго комитета прапорщикъ В.; по его словамъ впечатлѣніе отъ съѣзда отчаянно скверное; эсеры упорно защищаютъ свое положеніе, объединились съ остальными умѣренными партіями, но на сторонѣ большевиковъ уже несомнѣнное большинство, поддерживаемое облѣпившими съѣздъ массами солдатъ Двинскаго района, почти поголовно шкурятниками, для которыхъ все будущее въ побѣдѣ большевиковъ. Но все же при обсужденіи поведенія полковъ 70 дивизіи съѣздъ вынесъ имъ единогласно полное порицаніе и послалъ приказъ немедленно выступить на смѣну частей 18 дивизіи; сомнѣваюсь, чтобы и этотъ приказъ была исполненъ.

Весь день провалялся; слабость, перебои въ сердцѣ и изнуряющее отсутствіе сна; когда закроешь глаза — то въ нихъ стоитъ какая-то желтая муть.

Происходящая на съѣздѣ борьба является послѣдней битвой эсеровъ, которые съ самаго начала революціи безъ соперниковъ царили во всѣхъ комитетахъ V арміи и царили разумно, съ большимъ здравымъ смысломъ, но не особенно дальновидно и слишкомъ по штатски; они долго мечтали править массами при помощи убѣжденій и красивыхъ фразъ и резолюцій; въ началѣ, пока все это было вновѣ и пока массы еще сдерживались старыми привычками и врожденной боязнью власти, наши милые эсерики имѣли большой успѣхъ; теперь же ихъ пѣсенка спѣта; ихъ время ушло; ихъ средства потеряли всю силу, и выпущенные изъ за рѣшетокъ революціонные звѣри ихъ неукоснительно скушаютъ.

Все это неизбѣжно и крайне печально; руководители стараго комитета Ходоровъ и Виленкинъ очень умные, очень нешаблонные люди, и въ предѣлахъ имъ доступнаго много сдѣлали хорошаго и немало задержали разложеніе арміи; но у нихъ не хватило размаха зорко разобраться въ грядущемъ и во время настоять, не боясь никакихъ попрековъ, передъ старшимъ командованіемъ и самимъ Керенскимъ о принятіи самыхъ исключительныхъ мѣръ, способныхъ остановить начавшееся съ марта разложеніе арміи. Въ этомъ отношеніи они оказались людьми слишкомъ мелкаго калибра и слишкомъ недостаточнаго дерзанія; они плыли по теченію, пока оно было для нихъ благопріятно; ловко спаслись отъ многихъ подводныхъ камней, но прозѣвали, когда теченіе примчало ихъ къ водопаду, которому видимо суждено ихъ поглотить. У нихъ, скованныхъ партійными наглазниками не хватило мужества во время потребовать (и настоять на своемъ требованіи) возстановленія дисциплины, понимая, что это еще очень далеко отъ реакціи; они не сумѣли прозрѣть необходимость добиться уменьшенія состава арміи и очистки ее отъ шкурнаго и опаснаго для порядка и духа войскъ элемента; у нихъ не нашлось прозорливости понять всю гибельность и безнадежность іюльскаго наступленія и, не боясь никакихъ упрековъ, властно потребовать его отмѣны.

Близость V арміи къ Петрограду придавала дѣятельности нашего армейскаго комитета исключительно важное значеніе; въ іюлѣ комитетъ сыгралъ огромную роль въ дѣлѣ ликвидаціи перваго большевистскаго выступленія и создалъ такую обстановку, которая давала всѣ возможности подобрать упущенныя въ мартѣ государственныя вожжи. И все сорвала никчемность и актерская ходульность товарища Керенскаго, у комитета же не хватило размаха подняться до высоты положенія и, презрѣвъ всѣ упреки въ реакціонности, настоять тогда на осуществленіи тѣхъ мѣръ, которыя такъ властно требовались обстановкой.

Но во всякомъ случаѣ намъ строевымъ начальникамъ было возможно работать при этомъ комитетѣ, который очень тактично не вмѣшивался не въ свои дѣла и во многомъ намъ помогалъ; стоящіе во главѣ его эсеры очень скоро свернули въ разумную правую сторону и охотно шли на то, отъ чего шарахалось въ сторону даже Царское правительство.

22 Октября. По газетамъ и по свѣдѣніямъ, полученнымъ комитетами изъ Петрограда, тамъ совсѣмъ плохо; большевики, при поддержкѣ солдатъ дезертировъ, заполонившихъ въ послѣднее время обѣ столицы (въ Петроградѣ ихъ свыше 200 тысячъ), матросовъ и распропагандированныхъ частей мѣстнаго гарнизона, собрали всѣ свои силы и на дняхъ должно послѣдовать какое то рѣшительное съ ихъ стороны выступленіе. Правительство совершенно растерялось, мечется въ уговорахъ и компромиссахъ, видимо, не понимая, что сейчасъ идетъ послѣдняя ставка на существованіе какого-нибудь порядка и сейчасъ уже глупо и преступно деликатничать и разбираться въ средствахъ; пора забыть про разные якобы демократическіе и quasi революціонные пустобрехи, на которые большевики весьма плюютъ; демократія не есть анархія. Слѣпота, легкомысліе Керенскаго спасли большевиковъ отъ іюльскаго разгрома; теперь они оправились и открыто лѣзутъ на Правительство, чтобы его свалить, а сіе послѣднее разсыпаетъ цвѣты демократическаго краснорѣчія и что-то мелетъ, вмѣсто того, чтобы или пустить въ ходъ, пока еще не совсѣмъ поздно, каленое желѣзо и разъ навсегда выжечь грозную и отнюдь не демократическую язву, или же сознать свое безсиліе и самому убраться отъ власти. Вѣдь, всѣ повадки большевиковъ ясно показываютъ, что они церемониться не будутъ, и будутъ дѣйствовать такъ, какъ то слѣдуетъ при столь ожесточенной и непримиримой войнѣ. Неужели не ясно, что никакихъ соглашеній быть не можетъ, что уговоры безсильны и что каждая потерянная минута увеличиваетъ силы врага. Быть можетъ, уже поздно, но попытаться надо; несомнѣнно, что сейчасъ положеніе Правительства безконечно хуже и слабѣе, чѣмъ то было во времена іюльскаго выступленія большевиковъ; арміи ушли изъ рукъ правительства и находятся подъ властью большевистскихъ главарей и подъ чадомъ большевистскихъ обѣщаній: находящіяся въ Петроградѣ части исполитиканствовались, разложились и перестали быть той осью, на которой три мѣсяца тому назадъ можно было вывернуть наизнанку весь Петроградъ, дезинфекцировать его отъ всѣхъ антигосударственныхъ и наемныхъ нѣмецкихъ элементовъ и сдѣлаться настоящимъ, а не бумажнымъ и словоизвергательнымъ правительствомъ. Вмѣсто дѣла и энергіи была фраза и дряблость; хотѣли всѣмъ нравиться и всѣмъ потрафить и очутились у разбитаго корыта; растеряли и вліяніе, и авторитетъ, обмякли и мечутся, какъ крысы на тонущемъ кораблѣ.

Но рисковать надо, ибо иного исхода нѣтъ, и рисковать во всю, не останавливаясь ни передъ чѣмъ — побѣдитель въ такой обстановкѣ всегда бываетъ правъ. Но двуликій, длинноязычный и убожески нежизненный Керенскій, — судя по тому, что извѣстно въ армейскомъ комитетѣ, — мечется во всѣ стороны и дѣлаетъ только то, на что способенъ, то-есть болтаетъ, сыпетъ красивыя слова, актерствуетъ, хочетъ и демократически революціонную невинность соблюсти, и правительственную власть — капиталъ сохранить; онъ работаетъ языкомъ и уже совершенно выдохшимися уговорами тамъ, гдѣ только дерзость, рѣшительность, жестокость могутъ спасти положеніе; онъ пытается входить въ компромиссы съ тѣми, которые ни на какіе компромиссы не способны.

Русское кривое зеркало, выставило на историческую сцену временъ революціи такъ называемаго диктатора, у котораго, вмѣсто диктаторскихъ качествъ, ухватки и истерія душки адвоката изъ знаменитостей сенсаціонныхъ процессовъ политическаго или амурнаго свойства, а вмѣсто диктаторскихъ громовъ — пустопорожнія словоизверженія.

Время словъ въ ожесточенной борьбѣ за власть уже кончилось; медовый мѣсяцъ революціи прошелъ; облетѣли цвѣты, догорѣли огни . . . начинается грозная борьба массъ, поднятыхъ на дрожжахъ самыхъ звѣриныхъ инстинктовъ, и тутъ резолюціи, голосованія и увѣщанія уходятъ въ невозвратное прошлое. Мы это ярко видимъ на томъ, что творится сейчасъ у насъ на фронтѣ, въ подчиненныхъ намъ частяхъ, а вѣдь армія сейчасъ является зеркаломъ, въ которомъ отражается настроеніе всей страны.

Власть есть дѣйствіе, а не разговоры; чаще принужденіе, чѣмъ пріятность. Хорошъ диктаторъ, у котораго все время уходитъ на рѣчи и выступленія! Гдѣ же тутъ заниматься настоящей творческой работой. При истрепанныхъ постоянной политической борьбой нервахъ, при переутомленномъ словесными турнирами мозгѣ невозможны спокойная логика, уравновѣшенный здравый смыслъ, продуманность и систематичность рѣшеній

и поступковъ; все рождается въ атмосферѣ нездороваго возбужденія; многое дѣлается подъ гипнозомъ взвинченныхъ и разболтанныхъ нервовъ, утомленныхъ мозговъ, овацій толпы, остраго желанія сломить сопротивленіе и покорить себѣ массы, все равно какой цѣной. Ясно, что при такой обстановкѣ неизбѣжны рѣшенія и поступки больные, абсурдные, нелогичные, безсвязные, нелѣпые, болтающіеся, довлѣющіе минутному настроенію массъ . . . Развѣ настоящая государственная работа можетъ вестись такимъ образомъ и въ такія грозныя времена; развѣ такъ должно идти государственное, на новыхъ началахъ строительство. Даже въ Думѣ было безконечно лучше, ибо тамъ параллельно съ оратeльствомъ въ общихъ засѣданіяхъ работали, и часто работали весьма дѣльно и продуктивно многочисленныя комиссіи. Сейчасъ же вся работа уходитъ на митингованія; всѣ стараются кого то уговаривать, кого то перетаскивать на свой меридіанъ; работа идетъ безъ всякаго плана и безъ системы, по результатамъ случайныхъ голосованій, измѣнчивыхъ, какъ цвѣта хамелеона. Дѣятельность большевиковъ обѣщаетъ, что, когда они дорвутся до власти, то заведутъ иные порядки; ихъ наиболѣе откровенные главари, типа товарища Федотова, прямо заявляютъ, что ни съ нами, ни съ мартовскими и прочими мягкотѣлыми революціонерами они церемониться не будутъ.

Только сегодня появились первые признаки, что наши верхи поняли невозможность сохранить армію въ ея теперешнемъ положеніи и что необходимо перейти на добровольческія ударныя части. Къ несчастью, все это уже поздно и то, что 1—2 мѣсяца тому назадъ дало бы прекрасные результаты, сейчасъ уже фактически неосуществимо и даже не будетъ допущено къ исполненію. Разложеніе перебросилось уже на артиллерію, затронуло конницу и спеціальныя команды; авторитетъ начальства, который всѣ, начиная съ правительства, распинали и топтали въ грязь, убитъ до полной невозможности его возстановить; послѣднія крѣпи войскового порядка, — солдаты старыхъ сроковъ службы, — уволены домой и вернуть ихъ назадъ уже немыслимо; наконецъ, много охулиганившихся и наиболѣе опасныхъ на фронтѣ товарищей, хватившихъ всей сладости службы на современномъ фронтѣ, не захочетъ идти въ деревню для того, чтобы тамъ работать; большевистскіе же комитеты не допустятъ образованія добровольческихъ частей, такъ какъ въ этомъ ихъ смерть.

Наша судьба — во всемъ запаздывать. Запоздали мы и въ образованіи разумно построенныхъ и разумно руководимыхъ крестьянскихъ организацій въ странѣ и въ арміи. Увѣряютъ, что Керенскій и Совѣты были главными врагами настоящихъ крестьянскихъ организацій и создали ихъ поддѣлку, въ которой не было крестьянъ, а засѣдали и верховодили такіе же далекіе отъ жизни народа мозговики-интеллигенты, какъ и вездѣ. Мои личныя попытки сорганизовать у себя въ корпусѣ настоящихъ кондовыхъ крестьянъ разбились сначала о глухое, а потомъ уже о сердитое противодѣйствіе армейскаго комитета; когда я спросилъ Виленкина о причинахъ, то онъ, нѣсколько замявшись, отвѣтилъ, что, вообще, комитеты опасаются возможности реакціоннаго вліянія на крестьянъ нашихъ генераловъ.

23 Октября. Судя по пришедшимъ сегодня изъ Петрограда газетамъ, положеніе тамъ съ каждымъ часомъ становится все хуже и хуже; растерявшаяся, многоглаголивая, пустопорожняя по содержанію и импотентная власть безпомощно несется, куда тащатъ ее событія, и испуганно таращитъ свои демократическіе глазки на дѣйствительные и фальшивые подводные камни, которые ободрали съ нея весь ея авторитетъ.

Въ Правительствѣ произошелъ какой то крупный скандалъ съ революціоннымъ военнымъ министромъ Верховскимъ, который уволенъ въ отпускъ; если вѣрить помѣщенному въ газетахъ разоблаченію Бурцева, то Верховскій въ закрытомъ засѣданіи Совѣта Министровъ предложилъ заключить миръ съ Германіей. Правительство и самъ Верховскій это отрицаютъ, но неожиданный и скоропалительный отъѣздъ Верховскаго показываетъ, что произошло что-то экстраординарное. Съ точки зрѣнія вѣрности слову предложеніе, конечно, коварное, ну а съ точки зрѣнія эгоистическихъ интересовъ Россіи быть можетъ единственное, дающее надежду на спасительный исходъ; для массъ миръ это козырный тузъ, и его хотятъ взять себѣ большевики, и возьмутъ, какъ только станутъ у власти.

По сообщенію армейскаго комитета настроеніе большевиковъ боевое и рѣшительное; они чувствуютъ, что массы на ихъ сторонѣ и открыто подняли голову и поставили свои лозунги. Комитетъ отправилъ часть своихъ членовъ въ Петроградъ, видимо для подкрѣпленія потерявшагося Правительства, но все это запоздало, ибо самъ комитетъ уже конченъ и всѣ армейскія массы противъ него. Повидимому, даже иностранные послы наконецъ то расчухали, что грядетъ что то очень грозное и чреватое самыми непріятными послѣдствіями, и начали безпокоиться.

Не поздно ли спохватились, Ваши экселленціи? Сколько денегъ вы тратили на разныя миссіи и развѣдки, и все же не сумѣли разобраться въ теченіе цѣлыхъ шести мѣсяцевъ, что такое русская революція, что такое наше Правительство, что такое дѣлается на фронтѣ и странѣ и какими результатами все это вамъ грозитъ.

У васъ не хватило разума, предвидѣнія и совѣсти, чтобы во время побезпокоиться о насъ и намъ помочь. Вы слишкомъ уже привыкли полагаться на толстую шкуру сѣвернаго медвѣдя и на то, что она все выдержитъ и выполнитъ все то, что нужно для вашихъ интересовъ. Вы привыкли къ тому, что наша армія всегда самымъ рѣшительнымъ броскомъ отвѣчала на ваши просьбы о помощи. И, однако, вы прозѣвали, что всего этого уже не будетъ. Наступила пора, когда вамъ надо думать уже о собственной безопасности.

Съ нашего фронта нѣмцы убираютъ одну часть за другой и, судя по даннымъ развѣдки, отправляютъ ихъ на Итальянскій фронтъ; тамъ, гдѣ стояли прежде дивизіи, остались только полки; изъ тяжелыхъ батарей осталась только самая заваль, да и то въ очень ограниченномъ размѣрѣ. Эхъ, если бы теперь имѣть двѣ хорошихъ пѣхотныхъ дивизіи и хорошую конницу, то можно было бы учинить нѣмцамъ катастрофическій разгромъ.

Смѣшно читать груды воззваній, которыми всѣ политическія партіи засыпаютъ населеніе и арміи; бумажными пальцами уже не остановить той лавины, которая надъ нами виситъ. Большевистская агитація уже использываетъ уходъ Верховскаго, разжигая солдатъ указаніемъ на то, что вотъ де появился военный министръ, который понялъ, что воевать не надо, и собрался дать имъ миръ, а буржуи и генералы немедленно его ликвидировали, такъ какъ онъ былъ помѣхой удовлетворенію ихъ имперіалистическихъ вожделѣній и желаній пролить побольше солдатской крови. И эта версія принята въ частяхъ очень сочувственно, ибо толпа вѣритъ всему, что отвѣчаетъ ея настроенію и ея желаніямъ.

Сегодняшній день принесъ намъ новый составъ армейскаго комитета съ полнымъ преобладаніемъ въ немъ большевиковъ; въ президіумъ попала большевистская пара главныхъ вожаковъ 19 корпуса докторъ Склянскій (еврей) и Штабсъ-капитанъ Сѣдякинъ (изъ бывшихъ мордобоевъ, сдѣлавшійся въ мартѣ ярымъ революціонеромъ, а затѣмъ перекинувшійся въ большевика).

Воображаю, что теперь начнется и какія жирныя обѣщанія посыпятся въ темныя солдатскія массы; но зато будетъ интересно, когда сила обстоятельствъ заставитъ большевистскій комитетъ прибѣгнуть къ мѣрамъ физическаго воздѣйствія, чтобы заставить эти толпы дѣлать то, что тѣмъ не нравится. Пока всѣ данныя за то, что большевики не постѣсняются снять бѣлыя демократическія перчатки и пустить въ ходъ самые реакціонные пріемы, когда то имъ понадобится.

Такимъ образомъ сегодня кончился эсеровскій періодъ комитетскаго управленія 5 арміей и начался новый большевистскій, несущій въ себѣ массу неожиданностей. Правительство и вся партія эсеровъ жестоко поплатятся за то, что отдали во власть большевизма наиболѣе важную по своей близости къ Петрограду армію.

24 Октября. Въ Иваново-Вознесенскомъ районѣ рабочіе захватили фабрики и выгнали вонъ владѣльцевъ; почти то же самое произошло и въ Донецкомъ угольномъ районѣ. Нѣкоторыя желѣзныя дороги близки къ полной остановкѣ вслѣдствіе истощенія запасовъ угля и массоваго заболѣванія паровозовъ. Показываются первыя крупныя ягодки — наслѣдіе революціонной весны и демократическаго цвѣтенія. Неужели и теперь союзники не разберутъ, чѣмъ все это пахнетъ, и будутъ оставаться въ прежнемъ созерцательномъ атитюдѣ.

На фронтѣ мертвое затишье; перестрѣлка почти совсѣмъ прекратилась; замолкла и наша артиллерія, боясь репрессій и насилій со стороны пѣхотныхъ товарищевъ; даже ночное освѣщеніе ракетками нѣмецкаго фронта почти прекратилось — очевидно, нѣмцы получили достаточныя гарантіи того, что имъ нечего опасаться. Я увѣренъ, однако, что нѣмцы только ждутъ окончательныхъ результатовъ сдѣланной намъ большевистской прививки и, когда мы уже совсѣмъ развалимся, то они толкнутъ насъ и добьютъ безъ какихъ либо особыхъ расходовъ и затрудненій.

Въ Двинскѣ опредѣленно говорятъ, что на участкѣ 19 корпуса есть кабель, соединяющій штабъ стоящей противъ насъ нѣмецкой арміи съ какимъ то мѣстечкомъ въ тылу, гдѣ сидитъ штабъ большевистской организаціи и руководитъ по указкѣ нѣмцевъ всей пораженческой пропагандой и разложеніемъ. Братаніе идетъ по всему фронту; подъ прикрытіемъ братанія нѣмцы увозятъ отсюда всѣ лучшія батареи и снимаютъ отдохнувшія части, отправляя ихъ на французскій и итальянскій фронты.

Настроеніе отчаянное; ночи не сплю напролетъ, пытаясь изыскать какіе либо способы справиться съ развaломъ корпуса; внутри ѣдятъ какія то грызущія боли; временами совершенно слѣпну, особенно когда начинаются огненныя боли въ контуженной части головы. Въ Петроградѣ происходитъ что-то совсѣмъ неладное; новые большевистскіе комитеты все время секретно собираются и что-то готовятъ.

25 Октября. Главковерхъ подарилъ насъ новымъ закономъ, отъ своевременности котораго у всѣхъ глаза на лобъ полѣзли; я по прочтеніи сообщавшей его телеграммы уперся лбомъ въ стекло и довольно долго рычалъ и мычалъ по звѣриному — единственный исходъ для поднявшагося чувства изумленія передъ невѣроятной глупостью отдаваемаго распоряженія. Законъ этотъ возстанавливаетъ условную дисциплинарную власть начальниковъ (это тогда, когда отъ всякой нашей власти даже и фиговаго листа не осталось). Устанавливается, что, если дисциплинарный судъ въ теченіе 48 часовъ не накладываетъ на виновныхъ взысканія или войсковая часть совершенно не желаетъ выбирать у себя состава дисциплинарнаго суда, то вся дисциплинарная власть переходитъ цѣликомъ въ руки соотвѣтствующихъ начальниковъ.

Такіе приказы могутъ писать при настоящей обстановкѣ или сумасшедшіе, или квалифицированные, какъ говорили у насъ въ артиллерійскомъ училищѣ, концентрированные идіоты.

Вѣдь, не можетъ же товарищъ Керенскій не знать, что дѣлается на фронтѣ, въ какомъ состояніи войска и что такое нынѣ вообще власть начальника. Никакія силы, а не то, что жалкіе бумажные приказы, не могутъ уже возстановить умершую власть начальниковъ, а тѣмъ болѣе власть дисциплинарную, наиболѣе ненавистную для массъ, которую раньше и основательнѣе всего постарались съ корнемъ уничтожить тѣ, кому нужно было развалить русскую военную силу. Вѣдь, въ самой сущности приказа кроется самый идіотскій абсурдъ: часть не хочетъ выбирать состава дисциплинарнаго суда, то есть опредѣленно нарушаетъ законъ и проявляетъ нежеланіе слушаться приказовъ начальства. Положеніе власти при этомъ такое, что заставить подчиниться и исполнить приказъ у ней нѣтъ ни средствъ, ни способовъ. Тогда прячутъ голову подъ крыло, изображаютъ, что ничего не видятъ и что ничего не произошло, и пробуютъ пугнуть непокорныхъ, но ничего уже не пугающихся товарищей тѣмъ, что неугодное имъ средство принужденія будетъ передано опять въ руки ненавистнаго имъ начальства.

Спрашивается, какими же способами и при помощи какихъ средствъ это несчастное, ободранное какъ липка и неизвѣстно для чего еще существующее начальство сможетъ осуществить предоставляемое ему право, то есть сдѣлать то, чего не въ состояніи выполнить ни самъ Главковерхъ, ни самые архиреволюціонные армискомы, исполкомы, совдепы, цики и комиссары всѣхъ ранговъ и оттѣнковъ, и отдѣльно взятые, и всѣмъ своимъ скопомъ.

Не хочется думать, что все это чья то скверная провокація, имѣющая своей цѣлью родить еще одинъ поводъ для поднятія новой острой и злобной войны солдатской ненависти противъ несчастнаго строевого начальства, показавъ темнымъ и чрезвычайно подозрительнымъ массамъ, что это самое столь ненавистное имъ начальство измышляетъ

всякіе способы и пускается на разные подвохи, чтобы опять захватить въ свои руки дисциплинарную власть, вернуть свои кровопійныя привилегіи и разрушить «всѣ завоеванія революціи».

Подобныя мѣры напоминаютъ мнѣ ошалѣлое завертываніе въ мертвую всѣхъ тормазовъ въ то время, когда слетѣвшій уже съ рельсъ поѣздъ летитъ кувыркомъ съ высокой насыпи; польза отъ нихъ такая-же.

Далѣе этимъ приказомъ всѣ части, не исполняющія приказовъ начальства, объявляются штрафными, переводятся на старые оклады жалованья и на арестантское довольствіе и т. п.

Кто-же теперь въ состояніи все это осуществить? Вѣдь сейчасъ 90% всѣхъ частей уже давно заслужили такой переводъ. Неужели же товарищъ Главковерхъ и его борзописцы думаютъ, что весь фронтъ состоитъ изъ потомковъ Гоголевскихъ унтеръ-офицершъ, жаждущихъ заняться самосѣченіемъ, или что на свѣтѣ существуютъ такія лошади, которыя сами бы себя запрягали.

Читая такіе приказы, вспоминается чья-то думская фраза: «что это — глупость или измѣна?», вѣдь все это въ руку большевикамъ, ибо ярко и выпукло показываетъ товарищамъ, что верхи наконецъ то спохватились и пытаются вмѣсто революціонныхъ пустобреховъ примѣнить болѣе реальные методы возстановленія порядка и души всякой арміи — дисциплины. Въ отвѣтъ на эти запоздалыя мѣры товарищи пропоютъ: «нѣтъ, этотъ номеръ не пройдетъ и штуки всѣ мы ваши понимаемъ». Пользы не можетъ быть никакой, но за то злобы, подозрительности и принятія мѣръ для предотвращенія самой возможности такихъ непріятностей прольется цѣлое море.

Скверныя пришли газеты, а еще болѣе скверные слухи ползутъ къ намъ и по телефону, и по радіо изъ Двинска; сообщаютъ, что на улицахъ Петрограда идетъ рѣзня, и что часть Правительства захвачена возставшими большевиками. Новый армейскій комитетъ, состоящій преимущественно изъ большевиковъ насторожился, засѣлъ въ своемъ помѣщеніи, окруженный со всѣхъ сторонъ часовыми. Пока все слухи и сплетни, а, что дѣлается на самомъ дѣлѣ, никто не знаетъ, что еще болѣе увеличиваетъ напряженность положенія. Настроеніе въ частяхъ приподнято-настороженное; я очень опасаюсь большевистскаго взрыва въ 120 дивизіи.

Послалъ въ штабъ арміи и армейскому комиссару телеграммы съ просьбой оріентировать насъ въ происходящемъ, такъ какъ иначе части обвиняютъ насъ, что мы знаемъ, что дѣлается, и умышленно, въ своихъ интересахъ скрываемъ; нельзя насъ держать въ потемкахъ; лучшій способъ бороться съ ползучими сплетнями и слухами — говорить правду.

Несомнѣнно, что развязка приближается, и въ исходѣ ея не можетъ быть сомнѣнія; на нашемъ фронтѣ нѣтъ уже ни одной части (кромѣ двухъ-трехъ ударныхъ батальоновъ, да развѣ еще Уральскихъ казаковъ), которая не была бы во власти большевиковъ.

Заброшенная нѣмцами петля затягивается все сильнѣе и сильнѣе. Но что же грядетъ въ будущемъ? вѣдь по тому, что мы видимъ сейчасъ въ поведеніи большевистскихъ вожаковъ, Россіи суждено обратиться въ звѣриное царство и быть таковымъ, пока кулаки испуганныхъ союзниковъ не водворятъ въ ней порядка; вѣдь, эти все разжижающіе и уничтожающіе лозунги являются полнымъ отрицаніемъ какой-нибудь государственности. Ну, а что будетъ, если съѣдающая насъ гангрена перекинется и на союзниковъ?

Въ 9 часовъ вечера прямо во всѣ части передана телеграмма новаго предсѣдателя армейскаго комитета, что сегодня вся власть перешла въ руки совѣтовъ; призываютъ войска оставаться спокойными и держать твердо порученные имъ боевые участки. Начало, какъ будто даже и совсѣмъ приличное, но такъ бываетъ всегда при всѣхъ переворотахъ — ягодки вылѣзаютъ потомъ, по надежномъ закрѣпленіи.

Черезъ два часа пришла телеграмма стараго армейскаго комиссара поручика Долгополова, что свѣдѣнія армейскаго комитета преувеличены и что вопросъ о передачѣ власти еще рѣшается. Обычная картина нашего безвременья: двѣ враждебныя инстанціи бросаютъ въ настороженныя массы неясныя и возбуждающія свѣдѣнія, а всю белиберду, которая изъ этого получается, приходится расхлебывать намъ, которые ближе

къ войскамъ и на которыхъ все косится и рычитъ. По соглашенію съ сосѣдними корпусами приказалъ для выручки несчастнаго строевого начальства, чтобы на всѣхъ телеграфныхъ и телефонныхъ станціяхъ установили дежурство членовъ соотвѣтствующихъ комитетовъ, дабы большевистскіе агитаторы не могли натравить товарищей на свое начальство подъ предлогомъ, что послѣднее что-то скрываетъ и что-то затѣваетъ; приказалъ начальникамъ дивизій направить сугубое вниманіе на свои боевыя и войсковыя обязанности, а всю политику во всемъ передать установленнымъ на сіе лицамъ и учрежденіямъ — пусть въ ней барахтаются.

26 Октября. Рано утромъ вызванъ въ Двинскъ на совѣщаніе къ командующему арміей. Болдыревъ предполагалъ ѣхать въ Псковъ по поводу уменьшенія численности арміи, но обстановка создалась такая, что оказалось не до отъѣзда. Изъ свѣдѣній, полученныхъ штабомъ арміи и армейскимъ комиссаромъ, ясно, что вчера вся власть надъ Петроградомъ перешла въ руки большевиковъ и досталась имъ, повидимому, даже легче, чѣмъ то было въ мартовской революціи. Все произошло въ тепло-холодныхъ тонахъ, безъ всякаго энтузіазма; побѣдили тѣ, которые напали первыми и которые были болѣе рѣзки и рѣшительны. Керенскій и Правительство, какъ всегда, опоздали; это обычный недостатокъ людей слова, а не дѣла; пока они выбирали лучшіе способы рѣшенія, прикидывали, анализировали и спорили, волна событій ихъ нагнала, покрыла и опрокинула и ихъ, и всѣ ихъ рѣшенія. Вѣдь, если бы во время іюльскаго выступленія большевиковъ правительство приняло рѣшительныя и суровыя мѣры, властно требуемыя обстановкой, то мы не переживали бы ни августовскихъ потрясеній, ни сегодняшнихъ событій.

Опредѣленно извѣстно, что правительство разогнано и что Керенскій удралъ изъ Петрограда въ Псковскомъ направленіи (вчера онъ еще патетически взвизгивалъ, что «умретъ на своемъ посту»); власть перешла въ руки совѣтовъ, изъ которыхъ вышли всѣ эсеры и часть меньшевиковъ. Большихъ безпорядковъ въ Петроградѣ, по сообщеніямъ по прямому проводу, — нѣтъ, населеніе относится къ борьбѣ довольно безучастно и вся борьба идетъ между малочисленными военными частями правительства и обольшевиченнымъ совершенно гарнизономъ; такова общая характеристика положенія въ Петроградѣ, сообщенная находящимися тамъ членами нашего стараго армейскаго комитета. Телеграфъ и радіо работаютъ во всю; получается невѣроятная мѣшанина — въ перемежку получаются приказы Керенскаго и разогнаннаго правительства, перебиваемые распоряженіями новой власти, установленной большевиками, — военно-революціонныхъ комитетовъ армейскихъ, корпусныхъ, дивизіонныхъ и полковыхъ.

По телеграфу всюду назначены и вступили въ должности новые комиссары, а старыхъ приказано немедленно отстранить; строевыхъ начальниковъ пока не трогаютъ.

У Болдырева встрѣтилъ только что пріѣхавшаго въ Двинскъ новаго комиссара Временнаго Правительства «товарища» Пирогова; сей мужъ только что узналъ о разгонѣ аккредитовавшаго его правительства и имѣлъ видъ достаточно перепуганный и мало внушительный; временами можно было подумать, что у товарища комиссара начинается параличъ зада. Новый армискомъ ведетъ себя пока очень сдержанно; онъ даже согласился на настояніе меньшинства выкинуть изъ телеграммы Петроградскаго Совѣта слова «всѣхъ офицеровъ, не присоединившихся къ революціи, арестовать и смотрѣть на нихъ какъ на враговъ». Несомнѣнно, что только попади эти слова въ переданную во всѣ части телеграмму, то это разразилось бы массовымъ избіеніемъ неугодныхъ товарищамъ офицеровъ.

Болдыревъ въ нерѣшительности и, какъ мнѣ самъ сказалъ, «боится остаться между двумя стульями»; при его осторожности надо было быть очень взволнованнымъ, чтобы такъ разоткровенничаться. Я ему отвѣтилъ, что, если не пускаться въ политику, то намъ ерзить нечего, ибо стулъ у насъ одинъ — это наша отвѣтственность за удержаніе своихъ боевыхъ участковъ; съ этого поста мы уйти не можемъ, а борьба партій, въ которой намъ нѣтъ и не можетъ быть доли, не наше дѣло; сейчасъ мы только профессіоналы, охраняющіе остатки плотины, прорывъ которой нѣмцами можетъ погубить Россію.

Есть, конечно, другой исходъ: ударными частями арестовать армискомъ и вмѣшаться въ борьбу за власть; но при данной обстановкѣ это безсмысленно по соотношенію силъ и гибельно для интересовъ фронта, такъ какъ немедленно увлечетъ его въ эту борьбу.

Единственный исходъ въ томъ, что, быть можетъ, миражи мира и безпечальнаго житья, сулимые большевиками, скоро разсѣются; тогда наша задача состоитъ въ томъ, чтобы постараться сохранить, собрать и организовать всѣ благоразумные и всѣ инертно-пассивные элементы для того, чтобы, когда наступитъ подходящее время, начать борьбу съ извѣстнымъ шансомъ на успѣхъ. Сейчасъ же мы обязаны твердо и опредѣленно стать на боевую точку и потребовать отъ всѣхъ политическихъ организацій, каковы бы онѣ ни были, самой энергичной поддержки порядка и боевой способности нашихъ частей, то есть того, за что мы отвѣчаемъ; совѣты же, комитеты и комиссары пусть занимаются политикой и пасутъ, какъ умѣютъ, свое бурливое стадо. Самъ я мало вѣрю въ успѣхъ всего этого, но такая линія поведенія единственно для насъ возможная; наша командирская пѣсня все равно спѣта и скоро мы перестанемъ быть даже тѣмъ, чѣмъ есть теперь, то есть осколками формы безъ всякаго содержанія. Сейчасъ надо быть особенно осторожнымъ, когда выбивающіеся къ власти низы несутся бурнымъ потокомъ, котораго нашими безсильными щепочками уже не остановить. Я, не стѣсняясь, высказалъ Болдыреву, что, будь я на его мѣстѣ, я бы или пошелъ на проломъ, начавъ съ ареста армискома, или же вызвалъ къ себѣ большевистскій его президіумъ и, изложивъ свои обязанности, предъявилъ имъ, что они должны сдѣлать для сохраненія фронта.

Болдыреву мои слова страшно не понравились; ему несомнѣнно страшно хочется рѣшительнымъ броскомъ разрубить всѣ гордіевы узлы и вылетѣть сразу на очень большіе верхи въ качествѣ хозяина положенія. Въ своихъ разсужденіяхъ онъ временами былъ очень близокъ къ правому берегу и даже вспоминалъ Бонапарта и церковь св. Роха. Онъ какъ то до сихъ поръ не сознаетъ всей серьезности происходящаго; онъ до сихъ поръ еще носится съ своимъ проектомъ оздоровленія арміи репрессивными мѣрами при помощи сохранившихся частей противъ бунтующихъ и неповинующихся. Но сейчасъ это невѣроятный абсурдъ, ибо ко власти уже подобрались большевики, а затѣмъ бунтующихъ тысячи, а сохранившихся ничтожныя единицы, да и послѣднія несогласны на экзекуціи, не желая подвергаться упрекамъ за мучительство своихъ же въ угоду начальству.

Я высказалъ Болдыреву, что со временъ Бонапарта и съ того дня, какъ картечь изувѣчила порталы церкви св. Роха прошли года такого размаха и такихъ послѣдствій, что старые способы и нормы отошли въ прошлое и теперь не примѣнимы. Время примѣненія къ распущеннымъ массамъ силы давно уже утеряно; гангрена расползлась не только по арміи, но и по всей странѣ, захватила жизненныя глубины народнаго существованія и его больной души. Вѣдь, всѣ мы остро чувствуемъ, что столь заботящій насъ фронтъ держится еще только какимъ то чудомъ и что еще нѣсколько ядовитыхъ вспрыскиваній и всѣ эти массы неудержимо хлынутъ на востокъ, сметая все на своемъ пути.

Въ моемъ корпусѣ сейчасъ положительно уже невозможно примѣненіе какой либо силы или принужденія; мы, благодаря безумнымъ распоряженіямъ нашихъ верховъ, все растеряли, а массы за это время сорганизовались (дико, своеобразно, но все же сорганизовались), почувствовали, что сила на ихъ сторонѣ, что грозное когда то начальство — безсильное чучело, и напрактиковались не только въ томъ, чтобы плевать на всѣ его распоряженія, но и рвать его въ клочья, разбивать ему головы и избавляться отъ него всякими мясницкими способами.

Вернувшись въ штабъ корпуса, засталъ тамъ новаго корпуснаго комиссара, назначеннаго большевистскимъ комитетомъ; этимъ комиссаромъ оказался предсѣдатель дивизіоннаго комитета 180 дивизіи солдатъ Зайчукъ, именующій себя коммунистомъ-интернаціоналистомъ, а въ дѣйствительности представляющій изъ себя довольно безобиднаго пустобреха; я его не видѣлъ съ іюля, когда 180 дивизія вышла изъ моего корпуса, и за это время онъ перегорѣлъ, многому научился и сталъ понимать абсурдность многихъ лозунговъ, которымъ раньше вѣрилъ.

Я ему заявилъ, что не принимаю на себя никакихъ политическихъ обязанностей по жизни своего корпуса, но требую отъ него, какъ отъ комиссара, самой энергичной помощи по поддержанію въ корпусѣ боевого порядка, по несенію боевой службы и по устраненію изъ обихода частей всего того, что могло бы отразиться на исполненіи корпусомъ поставленной ему боевой задачи.

По телефону сообщили, что наши большевистскіе премьеры за свое усердіе получили назначенія: докторъ Склянскій въ революціонный петроградскій штабъ, а Позернъ главнымъ комиссаромъ въ Псковъ; всюду разосланъ приказъ объ арестѣ Керенскаго. Пришлось въ спѣшномъ порядкѣ спасать начальника 70 дивизіи; онъ своимъ сухимъ педантизмомъ настроилъ противъ себя всѣ части дивизіи, но пока она держалась, все обходилось; теперь, при галопирующемъ развалѣ, его положеніе сдѣлалось отчаяннымъ. Вчера въ совершенно обольшевиченномъ Переяславскомъ полку состоялся митингъ, на которомъ было рѣшено убить начальника дивизіи, заставивъ его предварительно выкопать себѣ могилу на высотѣ 72 (въ расположеніи полка); полкъ сегодня двинулся къ штабу дивизіи для исполненія этого постановленія, и только благодаря находчивости предсѣдателя дивизіоннаго комитета удалось черезъ садъ увести Бѣляева, отправить въ Двинскъ и вывезти его оттуда на первомъ поѣздѣ.

На фронтѣ происходятъ невѣроятныя безобразія: Переяславцы, которые, на радостяхъ побѣды большевиковъ, согласились, было, смѣнить стоявшій на позиціи Ряжскій полкъ, ушли совсѣмъ съ своего участка и на смѣну не пошли; тогда Ряжцы бросили свой боевой участокъ и сами ушли въ резервъ; всю ночь цѣлый полковой участокъ занимался одной ротой Сурскаго полка и оставшимися офицерами, но безъ всякихъ средствъ связи, снятыхъ ушедшими съ позицій телефонистами. Вообще, при общемъ развалѣ Сурскій полкъ ведетъ себя отлично; много значитъ отличный подборъ ротныхъ и батальонныхъ командировъ, которые вездѣ и всегда подаютъ примѣръ добросовѣстности исполненія своихъ обязанностей. За то Переяславцы побиваютъ всѣ рекорды разложенія; предсѣдатель дивизіоннаго комитета 70 дивизіи пытался вчера говорить съ этимъ полкомъ; пока онъ несъ имъ обычную митинговую вермишель, то его восторженно привѣтствовали («какъ будто бы имъ золото на грудки клали», по образному выраженію присутствовавшаго на митингѣ члена корпуснаго комитета). Но какъ только ораторъ началъ говорить о томъ, что надо идти на смѣну полковъ 18 дивизіи и стать на защиту своего боевого участка, то его рѣчь была покрыта криками «долой» и матерщиной, а потомъ страсти такъ разгорѣлись, что оратора еле спасли отъ смерти.

Сейчасъ всѣ части во власти пришедшихъ изъ запасныхъ полковъ пополненій. Какъ будто нарочно, держали въ тылу орды самой отборной хулиганщины, распустили ихъ морально и служебно до послѣднихъ предѣловъ, научили ихъ не исполнять никакія приказанія, грабить, насиловать и убивать неугодное имъ начальство, а потомъ этой гнусной гнилью залили наши слабые кадры. Когда эти орды сдѣлались невыносимыми для тѣхъ городовъ, въ которыхъ онѣ стояли, то были посланы особыя партіи уговаривателей-ораторовъ, съ такими гастролерами какъ Лебедевъ, Чхеидзе и др., дабы убѣдить запасные полки отправиться на фронтъ; нѣкоторые города заплатили огромныя деньги товарищамъ, за то, что тѣ согласились сѣсть въ вагоны и уѣхать.

Неужели Керенскій не понималъ, что онъ дѣлалъ, выбрасывая эти разнузданныя банды на фронтъ, гдѣ онѣ сдѣлались грозой для мирнаго населенія и гибелью для послѣднихъ остатковъ надежды возстановить на Руси законъ, порядокъ и государственность.

Все звѣриное, такъ роскошно взрощенное русской жизнью и ничѣмъ не сдерживаемое, вылѣзло наружу и рветъ на куски все чужое и все жирное и вкусное. Вѣдь уже и теперь кое-гдѣ превзойдены ужасы Журдана и Авиньонской бани; что же будетъ дальше, когда эти начинающіе гастролеры сдѣлаются настоящими мастерами въ дѣлѣ истребленія людей.

Невѣроятно тяжело и трагично сейчасъ положеніе начальниковъ и офицеровъ-мучениковъ, расплачивающихся за чужіе грѣхи и находящихся à la merci любой кучки хулигановъ; жизнь и честь этихъ страстотерпцевъ отданы на потокъ толпѣ.

Во всѣхъ частяхъ великое ликованіе по поводу сверженія Керенскаго (какъ недолговѣчна слава всѣхъ революціонныхъ кумировъ!) и перехода власти къ совѣтамъ. Но несмотря на всю большевистскую обработку, большинство солдатъ противъ того, чтобы власть была большевистская, а стоитъ только за то, чтобы власть была отдана Центральному исполнительному Комитету Совѣта С. и Р. Депутатовъ.

Появленіе во главѣ новаго правительства товарища Ленина ошарашило большинство инертныхъ солдатъ; эта фигура настолько одіозна своимъ германскимъ штемпелемъ, что даже большевистская агитація оказалась безсильной заставить съ ней помириться. Въ нашемъ корпусномъ комитетѣ лидеръ нашихъ большевиковъ ветеринарный фельдшеръ взволнованно заявилъ начальнику штаба: «да неужели-же Ленинъ? да развѣ это возможно? да что же тогда будетъ?» Истинное чувство пробилось въ этихъ словахъ черезъ корку разныхъ насвистанныхъ съ чужого голоса пустобреховъ.

Это назначеніе такъ повліяло на корпусный комитетъ, что онъ большинствомъ 12 противъ 9 уклонился отъ того, чтобы обсуждать резолюцію, сочувственную Петроградскимъ Совѣтамъ.

27 Октября. Идетъ полная каша и самый пестрый дивертисментъ изъ самыхъ разноцвѣтныхъ распоряженій; проволочный телеграфъ работаетъ безпартійно, передавая распоряженія обоихъ правительствъ и ихъ органовъ; зато радіо въ рукахъ большевиковъ. Ночью получили телеграммы изъ Ставки, отъ юго-западнаго фронта и изъ 2 арміи, что большевики преступные авантюристы и что ихъ нельзя допускать къ власти. Всѣ взываютъ, негодуютъ, но силы нѣтъ ни у кого, а большевики пока что дѣйствуютъ; они разъяснили солдатамъ, что вышеуказанныя телеграммы это личные взгляды комиссаровъ прежняго правительства и, конечно, мнѣній и взглядовъ солдатъ не выражаютъ.

Получили изъ Ставки воззваніе правой части Цика Совѣта С. и Р. Депутатовъ и отъ исполнительныхъ комитетовъ партіи эсеровъ, меньшевиковъ, народныхъ соціалистовъ и военной секціи. Всѣ эти голубчики прозѣвали власть, а теперь пытаются спасать положеніе резолюціями и воззваніями; да развѣ эти средства дѣйственны нынѣ для воздѣйствія на тѣ темныя и разнузданныя массы, которыя называются русской арміей.

День прошелъ въ общемъ спокойно; настроеніе въ частяхъ выжидательное, всѣ ждутъ, какъ разовьются въ дальнѣйшемъ событія. Въ эти дни ясно видно, что, если бы не дряблость и никчемность правительства душки Керенскаго со всѣми его зигзагами, то, несмотря на всѣ исключительныя условія обстановки, можно было бы не допустить большевиковъ сдѣлаться повелителями арміи. Какъ ни заманчивы и хлестки большевистскіе лозунги, все же нужно было много ошибокъ и непоправимыхъ глупостей для того, чтобы такъ ухудшить положеніе и заставить забыть все то негодованіе и искреннее презрѣніе, которое еще лѣтомъ окружало имена пассажировъ запломбированныхъ вагоновъ, присланныхъ разлагать и добивать Россію.

Какая разительная перемѣна произошла въ настроеніи арміи за послѣдніе три мѣсяца; съ какимъ энтузіазмомъ отозвалась 5 армія на призывъ противъ большевиковъ въ началѣ іюля, а сейчасъ она оплотъ большевизма. У Керенскаго и Ко. не хватило мозговъ сообразить, какое огромное значеніе имѣетъ 5 армія по отношенію къ Петрограду и всему тамъ происходящему; у нихъ были когда то и время, и способы незамѣтно очистить 5 и 12 арміи отъ ненадежныхъ частей и подобрать сюда такой составъ, который обезпечилъ бы имъ непоколебимую и непререкаемую власть надъ Петроградомъ и надъ страной. Владѣя настоящей властью можно было спокойно осуществить всѣ дальнѣйшія реформы. Но для всего этого надо было быть людьми дѣла и сильнаго характера, большой дѣйственности, а не рабами фразы и жрецами митинговыхъ успѣховъ; надо было думать широко о будущемъ и трезво подсчитывать всѣ pro и contra, а не изнемогать и задыхаться въ атмосферѣ политической борьбы, интригъ, компромиссовъ, торговли разными уступками и вѣчнаго болтыханья между необходимостью примѣненія власти и боязнью потерять свой демократическій авторитетъ и затронуть «пріобрѣтенія революціи». Съ такимъ здравомыслящимъ армейскимъ комитетомъ, какимъ былъ нашъ перваго состава, можно было сдѣлать очень и очень много.

Въ 70-й дивизіи очень неспокойно. Поручикъ Шлезингеръ и унтеръ-офицеръ Хованскій, много поработавшіе надъ развaломъ 277 полка, съ воцареніемъ большевиковъ потеряли сразу весь свой авторитетъ и престижъ и ночью были принуждены бѣжать изъ расположенія полка, спасая свою жизнь отъ неминуемой расправы; такова судьба всѣхъ подобныхъ демагоговъ, случайно выскакивающихъ во временные повелители толпы на подыгрываніи ея животнымъ интересамъ; недавній кумиръ полка Хованскій былъ спасенъ членами большевистскаго комитета въ то время, когда его, совершенно избитаго, тащили, чтобы утопить въ сосѣднемъ озерѣ.

Старый солдатъ Комяковъ, членъ нашего корпуснаго комитета, очень образно обрисовалъ наше положеніе слѣдующими словами: «совсѣмъ плохо Ваше Превосходительство; какіе не плохонькіе были на насъ обручики, но все же держались; а теперь всѣ посбили, такъ что и клепка разсыпалась и вода разбѣжалась; боюсь, что теперь и не собрать . . .»

На вчерашнемъ митингѣ 277 полка было сдѣлано предложеніе убить и меня; это желаніе новыхъ вожаковъ полка, которые очень боятся моего вліянія на оставшихся въ полку старыхъ солдатъ; но предложеніе не прошло, такъ какъ старики такъ окрысились, что авторы предложенія поспѣшили перейти на другія темы; главнымъ козыремъ моихъ защитниковъ была моя заботливость о солдатахъ и тѣ знаменитыя валенки и сухія шинели, которыя я подвезъ полку во время мартовскихъ боевъ 1916 года и избавилъ солдатъ отъ обмораживанія; этотъ фактъ уже нѣсколько разъ сокрушалъ всѣ попытки активнаго противъ меня выступленія.

Кто-то въ тылу призналъ нашу армію ненадежной (по отношенію къ кому, неизвѣстно), и благодаря этому остановлены всѣ идущіе къ намъ поѣзда съ довольствіемъ; это совсѣмъ скверно, ибо запасовъ у меня дней на десять, а у сосѣдей только на 4—5 дней; на этой почвѣ можетъ случиться много непріятнаго, такъ какъ при настоящемъ положеніи настроеніе массъ зависитъ очень много отъ того, даютъ ли $1^1/_2$ или 2 ф. хлѣба и въ какомъ размѣрѣ даютъ сахаръ (послѣдній очень высоко котируется въ азартной игрѣ, скупается спекулянтами и вывозится на продажу въ голодающій по части сахара тылъ).

Изъ пришедшихъ сегодня газетъ узнали, что нѣкоторыя арміи не послали своихъ представителей на съѣздъ всѣхъ совѣтовъ; всѣ войсковыя резолюціи послѣднихъ дней высказываются за передачу власти совѣтамъ, но считаютъ, что власть должна принадлежать всѣмъ совѣтамъ, а не однимъ только большевикамъ.

Штабъ арміи и штабъ фронта молчатъ какъ зарѣзанные. Только вечеромъ передали безъ комментарій и даже безъ передаточной подписи телеграмму изъ Гатчины отъ Керенскаго на имя всѣхъ частей Петроградскаго гарнизона о прибытіи его въ Гатчину съ вѣрными правительству войсками и о предложеніи немедленно отстраниться отъ кучки измѣнниковъ, захватившихъ въ свои руки власть. Этимъ языкомъ надо было говорить три мѣсяца тому назадъ, когда престижъ Керенскаго былъ такъ свѣжъ и силенъ; сейчасъ же имя его ненавистно для всѣхъ, и правыхъ, и лѣвыхъ, и партійныхъ, и безпартійныхъ. Мы безсильны чѣмъ либо ему помочь, ибо распоряженіемъ армискома частямъ войскъ запрещено исполнять приказы начальниковъ, если бы таковые попытались снимать съ фронта или изъ резервовъ какія либо части и отправлять ихъ по направленію къ Петрограду; зато въ наиболѣе обольшевиченныхъ частяхъ идутъ какія-то таинственныя приготовленія по сбору наиболѣе приверженныхъ большевизму командъ и вытягиванію ихъ въ тылъ; очевидно, готовится какая-то экспедиція въ тылъ войскамъ Керенскаго. Какъ бы все было иначе, еслибы наша армія не была отдана на съѣденіе большевикамъ и ихъ пропагандѣ. Вѣдь, если бы сейчасъ можно было бы расправиться съ Петроградскимъ осинымъ гнѣздомъ и разъ навсегда его отдезинфекцировать, то это могло бы быть поворотной точкой для всего положенія Россіи. Для того, чтобы расправиться съ бандами петроградскаго гарнизона большихъ силъ было не надо; это шкурное стадо очень трусливо и, если бы оно увидѣло настоящую власть, то быстро бы стало лизать у нея руки такъ же усердно, какъ до сихъ поръ распинало.

По эсеровскому бюллетеню, выпущенному въ Двинскѣ, войска въ Петроградѣ перепились, идетъ грабежъ и рѣзня; по Владивостокскимъ воспоминаніямъ 1905 года хорошо представляю себѣ картину того, что происходитъ сейчасъ въ быломъ Петербургѣ.

Несомнѣнно, что тамъ идетъ еще какая-то борьба; совершенно неизвѣстно, какими силами располагаетъ Керенскій; скверно то, что борьба затянулась; такіе нарывы надо кончать сразу, ибо всякая затяжка не въ пользу власти, особенно теперь.

Ходятъ слухи, что Донъ поднялся противъ большевиковъ и во главѣ Донцовъ сталъ Калединъ; дай Богъ, чтобы это не оказалось уткой.

Нашъ новый армискомъ, уже торжествовавшій большевистскую побѣду, потерявъ связь съ Петроградомъ, какъ то растерялся, лебезитъ передъ эсерами и предлагаетъ имъ коалицію. Правительственные комиссары повылѣзли изъ щелей, подбодрились, пытаются сорганизовать остальныя соціалистическія партіи, однимъ словомъ, начинаютъ кормить собакъ, когда давно пора ѣхать на охоту.

Рѣшеніе положенія теперь подъ Петроградомъ, — если Керенскому удастся разгромить тамошній большевистскій центръ, то и у насъ можетъ наступить просвѣтъ; но у меня нѣтъ надежды на успѣхъ Керенскаго: по его телеграммамъ видно, что онъ началъ вилять, взывать къ благоразумію и т. п.; такими жалкими средствами бунтовъ не заливаютъ.

28 Октября. Положеніе продолжаетъ оставаться неяснымъ, борьба за власть и за Петроградъ продолжается; извѣстно только, что Керенскій занялъ Гатчину, причемъ защищавшіе ее измайловцы и матросы сдались. Въ Лугѣ собрался какой то Комитетъ Спасенія, который объявилъ, что принимаетъ на себя всю власть надъ государствомъ впредь до созыва Учредительнаго Собранія.

Въ Петроградѣ же свое Правительство съ Лениномъ во главѣ и съ какими-то большевистскими эѳіопами на роляхъ министровъ. Изъ Петрограда пришли всѣ газеты за исключеніемъ буржуазныхъ; изъ нихъ видно, что Петроградъ въ рукахъ большевиковъ, причемъ положеніе очевидно такъ скверно, что даже «Новая Жизнь», этотъ подлѣйшій и вредоноснѣйшій подголосокъ большевиковъ, вдругъ поправѣла и кричитъ «караулъ» отъ того режима, который завернули ея друзья.

Послѣ полдня наши радіостанціи перехватили радіо военнореволюціоннаго комитета Петроградскаго гарнизона, который проситъ помощи и нападенія съ тыла на Керенскаго, занимающаго Гатчину; тонъ радіо очень неувѣренный, но полученіе ся имѣло здѣсь очень серьезныя послѣдствія; большевики подбодрились и армискомъ принялъ сразу твердый тонъ.

Вечеромъ получили первую за четыре дня телеграмму изъ Пскова отъ Главнокомандующаго Черемисова, что политика арміи не касается.

Новое правительство товарища Ленина разразилось декретомъ о немедленномъ мирѣ; въ другой обстановкѣ надъ этимъ можно было бы только смѣяться, но сейчасъ это геніальный ходъ для привлеченія солдатскихъ массъ на свою сторону; я видѣлъ это по настроенію въ нѣсколькихъ полкахъ, которые сегодня объѣхалъ; телеграмма Ленина о немедленномъ перемиріи на 3 мѣсяца, а затѣмъ мирѣ, произвела всюду колоссальное впечатлѣніе и вызвала бурную радость. Теперь у насъ выбиты послѣдніе шансы на спасеніе фронта. Если бы Керенскій лучше зналъ русскій народъ, то онъ обязанъ былъ пойти на что угодно, но только во время вырвать изъ рукъ большевиковъ этотъ рѣшительный козырь въ смертельной борьбѣ за Россію; тутъ было позволительно, сговорившись предварительно съ союзниками, начать тянуть какую нибудь туманную и вихлястую канитель мирнаго свойства, а за это время провести самыя рѣшительныя реформы и прежде всего съ довѣріемъ опереться на командный составъ арміи.

Теперь, когда большевики швырнули въ солдатскія массы эту давно желанную для нихъ подачку, то у насъ нѣтъ уже никакихъ средствъ для борьбы съ тѣми, кто далъ ее массамъ. Что мы можемъ противопоставить громовому эфекту этого объявленія? Напоминанія о долгѣ передъ родиной, о необходимости продолжать войну и выполнить свои обязательства передъ союзниками . . . Да развѣ эти понятія дѣйственны хоть сколько-нибудь для современнаго состава нашей арміи; нужно быть безнадежно глухимъ и слѣпымъ, чтобы въ это вѣрить. Сейчасъ это не только пустыя, но и ненавистныя для массъ слова.

Въ газетахъ сообщаютъ, что союзные послы уложились и заявили, что, если у власти останется это босяцкое правительство, то они покидаютъ Петроградъ. Поздновато го-

спода дипломаты разобрались въ томъ, что дѣлается въ Россіи, и весь отвѣтъ за то, что теперь будетъ, долженъ пасть на ихъ очень неумныя, слѣпыя и легкомысленныя головы; ихъ близорукости и безпечности обязаны будутъ страны, довѣрившія имъ блюсти свои интересы, за все то, что принесетъ Россіи и міру воцареніе у насъ большевизма made in Germany; эти господа, окруженные сотнями разныхъ представителей, обязаны были знать Россію, знать состояніе арміи и страны, и заранѣе принять мѣры, чтобы не приходилось такъ спѣшно укладывать свои чемоданы.

Керенскій, повидимому, выдохся. Вся надежда теперь на то, что образовавшійся центральный исполнительный комитетъ сумѣетъ взять всю власть въ свои руки и уничтожить и большевиковъ, и Керенскаго; только это и сможетъ предотвратить начало той всеобщей и кровавой свалки, въ которой неминуемо погибнетъ россійская государственность.

Что такое верхи большевизма, говоритъ ясно ихъ наемное нѣмецкое происхожденіе; ну, а что ихъ подслаиваетъ, мы хорошо знаемъ по такимъ типамъ, какъ Склянскій, Сѣдякинъ, какъ руководитель 120 дивизіи Федотовъ, главарь бѣлевскаго полка Петровъ и другіе.

Послѣ обѣда посыпались разныя телеграммы отъ всевозможныхъ союзовъ, которые довольно рѣшительно отмежевываются отъ большевиковъ; какъ бы было хорошо, если бы все это говорилось раньше, а, главное, подтверждалось бы соотвѣтствующими дѣйствіями, а не было бы сотрясеніемъ воздуха. Желѣзнодорожники и почтово-телеграфные чиновники заявили, что, если большевики не остановятъ начатое ими возстаніе, то будетъ прекращена всякая связь съ Петроградомъ. А большевики на все это плюютъ и отвѣчаютъ декретомъ о мирѣ, который дѣйственнѣе всѣхъ заявленій.

Большевики самымъ энергичнымъ образомъ используваютъ бѣгство Корнилова и выступленіе Каледина, расписывая товарищамъ, какія страшныя опасности таитъ для нихъ вся эта комбинація, грозящая все вернуть въ старое русло и вновь начать кровавую войну; по сообщеніямъ командировъ частей всѣ разговоры солдатъ вертятся около мира и около выступленія Каледина и Корнилова.

Армискомъ засѣдаетъ весь день и кряхтитъ надъ исполненіемъ приказа Петрограда выслать ему на помощь надежныя въ большевистскомъ смыслѣ части 5 арміи; неопредѣленность положенія сдерживаетъ даже большевистскій президіумъ армискома, и вопросъ трактуется только съ точки зрѣнія посылки къ Петрограду нейтральнаго отряда, который только прекратилъ бы происходящую тамъ борьбу.

Предложенія на эту командировку сыпятся со всего фронта; одна изъ самыхъ паршивыхъ и трусливыхъ дивизій, 183-я, заявила о своемъ желаніи въ полномъ составѣ идти въ Петроградъ.

Вечеромъ вернулись посланные мной въ Петроградъ развѣдчики и заявили, что особыхъ безпорядковъ тамъ нѣтъ, и что вся борьба между Керенскимъ и большевиками идетъ въ районѣ Гатчины.

29 Октября. Армискомъ довольно хитро выскочилъ изъ двусмысленнаго положенія, рѣшивъ войскъ на помощь петроградскимъ большевикамъ не посылать, ибо «послать много не позволяетъ безопасность фронта, а посылать мало не стоитъ». Все это показываетъ, что вожаки нашихъ большевиковъ очень трусливы и боятся выявить свое настоящее нутро. Телеграфъ и радіо продолжаютъ засыпать насъ самыми разнорѣчивыми свѣдѣніями, и сообразно ихъ характеру мѣняется настроеніе писарей и телефонистовъ; если ночью, подавая мнѣ срочную телеграмму, дежурный писарь тянется и называетъ меня Ваше Превосходительство, то я уже знаю, что въ телеграммѣ сообщается объ успѣхахъ Керенскаго; если же дежурный развязно кличетъ меня господинъ генералъ, то, значитъ, произошло что-то пріятное для большевиковъ.

Колебательное настроеніе частей сдѣлалось рѣзко большевистскимъ только вчера послѣ обѣда; до этого положеніе было пестрое и большевизмъ вспыхивалъ какъ бы пароксизмами.

Доходящія до насъ обрывочныя свѣдѣнія подтверждаютъ только, что Верховный главноуговаривающій по обыкновенію мямлитъ и фиглярничаетъ.

Напряженно хочется, чтобы на нашемъ горизонтѣ появилась какая-нибудь гигантская рука, которая забрала бы всѣхъ этихъ Керенскихъ, Родзянокъ, Скобелевыхъ, Лениныхъ, Троцкихъ, Черновыхъ, Гоц-либер-дановъ и всякихъ иныхъ вѣнчанныхъ и развѣнчанныхъ авторитетовъ и краснобайныхъ пустобреховъ и вышвырнула бы ихъ изъ обихода русской дѣйствительности; по ихъ дѣловой пустопорожности они абсолютно никому не нужны, а по всей своей кислотной дрянности они вызываютъ острыя воспаленія всюду, гдѣ только внѣдряются и поэтому чрезвычайно вредны для русскаго здоровья.

Послѣ обѣда получено радіо, что Петроградъ уже окружается войсками Керенскаго и что ими заняты окрестности Царскаго села; далѣе пришла телеграмма отъ образовавшагося въ Псковѣ Комитета Спасенія Родины и Революціи (довольно сложное и сумбурное названіе), составившагося изъ союза организацій сѣверозападной области, Совѣта С. и Р. Депутатовъ города Пскова и армейскаго комитета 12 арміи.

Повсюду комитеты, отовсюду телеграммы и воззванія и ни откуда извѣстій о рѣшительныхъ дѣйствіяхъ, о направленіи силъ и т. п.

30 Октября. Образовавшійся въ Двинскѣ большевистскій военнореволюціонный комитетъ рѣшилъ отправить на помощь своимъ петроградскимъ товарищамъ шестнадцать тысячъ войскъ.

Послѣ принятія этого рѣшенія изъ комитета вышли вошедшіе туда сначала эсеры и меньшевики — довольно безполезный жестъ умыванія рукъ при невозможности предотвратить происходящее.

Послѣ обѣда получили первую за пять дней телеграмму выскочившаго откуда-то на свѣтъ Божій правительственнаго комиссара 5 арміи (прежняго правительства), что Петроградъ взятъ войсками Керенскаго.

Въ корпусѣ настроеніе самое гнусное и развальное; то же и у сосѣдей въ 27 и 45 корпусахъ. На засѣданіи нашего корпуснаго комитета представители всѣхъ частей заявили прямо, что солдаты хотятъ только немедленнаго мира и ухода домой, хотя бы цѣной покоренія сразу тремъ Вильгельмамъ (заявленіе представителей 120 дивизіи); представители войсковыхъ комитетовъ заявили, что ихъ положеніе стало отчаяннымъ, на нихъ плюютъ, ихъ ругаютъ и грозятъ расправиться самосудомъ.

Разболѣлся до того, что нужны огромныя усилія, чтобы заставить себя встать; два раза свалился въ полубезсознательномъ состояніи; головной рубецъ болитъ нестерпимо, временами рычу отъ боли. Нѣсколько взвинчиваюсь при ежедневномъ объѣздѣ частей, но зато потомъ наступаетъ ужасная по своему настроенію реакція. При возвращеніи изъ 120 дивизіи подвергся обстрѣлу изъ лѣса изъ двухъ винтовокъ — очевидно, стараются присланные въ Боровку для моего истребленія товарищи.

31 Октября. Осмѣлѣвшій правительственный комиссаръ обрадовалъ насъ сообщеніемъ, что уже весь Петроградъ занятъ правительственными войсками, а бунтовщики укрылись въ Петропавловской крѣпости и въ Смольномъ; Ленину удалось, однако, бѣжать. Корпусный комиссаръ увѣряетъ, что все это неправда и что по ихъ свѣдѣніямъ наоборотъ — Керенскій потерпѣлъ неудачу.

Нашъ военно-революціонный комитетъ не смогъ исполнить своего намѣренія послать войска на помощь петроградскимъ товарищамъ, такъ какъ мѣстные желѣзнодорожники, находящіеся подъ вліяніемъ эсеровъ, заявили, что на Петроградъ они никого не повезутъ, ни для помощи большевикамъ, ни противъ нихъ.

Въ полдень нашимъ телефонистамъ передали изъ Двинска, что утреннія сообщенія о взятіи Керенскимъ Петрограда оказались ложными.

Старшіе штабы и комиссары какъ-будто бы куда-то провалились; бурно бившіе фонтаны приказовъ и нелѣпыхъ распоряженій какъ-то сразу иссякли; офицеры штаба и штабныя машинки отдыхаютъ, ибо вся работа ограничивается срочными донесеніями, очень краткими, такъ какъ на фронтѣ мертвое затишье; о политическихъ же скандалахъ доносятъ комиссары и комитеты.

Вообще, по части старшаго управленія и оріентировки сверху сейчасъ налицо такая же потеря связи и такая же неразбериха, какія бывали во времена катастрофическихъ отступленій въ 1914 и 1915 годахъ.

Я нѣсколько разъ телеграфировалъ командующему арміей и армейскому комиссару просьбу установить выпускъ срочныхъ бюллетеней съ правильной и правдивой оріентировкой, о чемъ умоляютъ командиры частей и просятъ войсковые комитеты, но не удостоился даже отвѣта; всѣ растерялись, не знаютъ, что будетъ и что дѣлать, и поэтому имъ не до низовъ.

Какъ на грѣхъ, всѣ радіо въ большевистскихъ рукахъ, работаютъ всѣ 24 часа и перехватываютъ всѣ радіограммы: правительственныя, большевистскія, нѣмецкія, сосѣднія армейскія и безъ всякой системы и повѣрки, не указывая иногда и источниковъ полученія, разбрасываютъ ихъ по всѣмъ частямъ, вызывая этимъ невѣроятный сумбуръ въ и безъ того распухнувшихъ и взбудораженныхъ солдатскихъ головахъ.

Послѣ обѣда пришло радіо какого-то полковника Муравьева, именующаго себя Главнокомандующимъ, съ объявленіемъ, что «войска Керенскаго и Корнилова на голову разбиты подъ Царскимъ Селомъ, а потому всѣ призываются на помощь новому Главнокомандующему для истребленія остатковъ авантюры Керенскаго».

Къ вечеру во всѣ части стали передавать какія-то распоряженія армискома съ приказаніемъ держать ихъ въ секретѣ отъ строевого начальства. Днемъ исчезла куда-то команда развѣдчиковъ 278 полка при двухъ пулеметахъ; изъ полка по секрету сообщили, что она уѣхала куда-то на присланныхъ изъ армискома автомобиляхъ.

Въ 120 дивизіи идетъ формированіе какого-то отряда для отправки на помощь Петрограду. Если Керенскій не разбитъ (въ телеграмму какого-то мифическаго Муравьева, разбивающаго Корнилова, котораго не можетъ быть подъ Петроградомъ, мы всѣ не особенно вѣримъ), то отрядъ 120 дивизіи ему не опасенъ, онъ гораздо страшнѣе для жителей тѣхъ районовъ, по которымъ будетъ проходить.

Части войскъ разваливаются съ возрастающей быстротой; надежда на скорый миръ съѣла послѣдній удержъ. 17-я дивизія 19 корпуса заявила, что стоитъ на позиціи только два дня, а затѣмъ уходитъ въ тылъ; кавалерія тоже трещитъ по всѣмъ швамъ. Большіе комиссары куда-то исчезли; многоглаголивый въ прежнее время командармъ безмолвствуетъ, да и что ему теперь говорить!

Комитетъ Ставки сообщаетъ, что извѣстіе о бѣгствѣ Корнилова не вѣрно, и что всѣ Быховскіе заключенные находятся на своихъ мѣстахъ; очевидно, что слухъ о бѣгствѣ Корнилова былъ пущенъ большевиками нарочно, чтобы поглубже дискредитировать революціонный престижъ Керенскаго и напугать товарищей появленіемъ грознаго для нихъ призрака Корнилова и всѣхъ связанныхъ съ его именемъ скорпіоновъ.

1 Ноября. Получили первую офиціальную сводку Петроградскихъ событій 28 и 29 октября. Съ ужасомъ и негодованіемъ прочелъ подтвержденіе ранѣе циркулировавшихъ слуховъ о разграбленіи Зимняго Дворца. Проклятый адвокатишка и его жалкіе министришки, когда стало жутко, залѣзли подъ прикрытіе того трона, который такъ усердно помогали валить. Вѣдь если бы Керенскій не зазнался до того, чтобы залѣзть въ апартаменты Зимняго Дворца, то Дворецъ, конечно, остался бы нетронутымъ. Но, что было вчера и позавчера, до сихъ поръ неизвѣстно. Наши большевики или, какъ я ихъ называю, нѣмцевики хвастаются, что дни 30-го и 31-го были для нихъ очень благопріятны, и они уже покончили съ Керенскимъ.

Весьма непріятно извѣстіе, полученное отъ 12 арміи, о томъ, что латышскія части ушли по направленію къ Петрограду; эти части совсѣмъ обольшевичены, и вмѣстѣ съ тѣмъ хорошо организованы и снабжены, внутри по своему дисциплинированы, не стѣсняются съ нашими товарищами и могутъ дать Петроградскимъ большевикамъ серьезную помощь; вѣдь Россія для нихъ врагъ и въ ея горѣ они видятъ свое спасеніе.

Въ 70-й дивизіи цѣлый рядъ происшествій, какъ будто бы она пытается догнать остальныя части по числу произведенныхъ безобразій; 279 полкъ, попавшій въ послѣднее время въ руки группы молодыхъ хулигановъ-большевиковъ, отказался занимать боевой участокъ; 277 полкъ совершенно взбунтовался и заявилъ, что будетъ стоять только въ Двинскѣ и, если понадобится, то силой займетъ необходимыя для него помѣщенія; батальонъ 278 полка получилъ какое-то секретное распоряженіе военно-революціоннаго штаба и самовольно ушелъ въ Рѣжицу.

Пришелъ къ заключенію, что пора кончать комедію изображенія изъ себя начальника и корпуснаго командира; позорно считаться начальникомъ, а въ дѣйствительности быть поваленнымъ огороднымъ чучеломъ, котораго никто не боится, а скоро всѣ начнутъ пинать. Если ближайшіе дни не дадутъ какихъ либо положительныхъ результатовъ по части улучшенія, то я сложу съ себя обязанности, выполнять которыя я не въ состояніи. Пока еще теплится кое-какая надежда, буду нести эту муку, но если надежда погаснетъ, сейчасъ же уйду.

Приходили депутаты отъ батальона смерти 120-й дивизіи; ихъ никто не хочетъ смѣнить на занимаемомъ ими уже больше мѣсяца боевомъ участкѣ, они выбились изъ силъ; больные не уходятъ въ госпитали, а остаются на участкѣ, чтобы помогать здоровымъ нести дневную службу и давать имъ отдыхъ для болѣе напряженной ночной службы. Участка они ни за что не бросятъ и готовы на немъ умереть, но просятъ помощи у меня, какъ у старшаго представителя командной власти. Рѣдко приходилось чувствовать себя такъ гнусно, какъ чувствовалъ себя я, слушая это заявленіе представителей послѣднихъ остатковъ умирающей русской арміи, пришедшихъ ко мнѣ за помощью. Я, тотъ, къ которому они пришли, долженъ былъ нанести послѣдній ударъ остаткамъ ихъ вѣры, и заявить, что я уже не начальникъ, а безсильное чучело, и все что я могу для нихъ сдѣлать, это еще разъ начать распластываться передъ товарищами и пытаться ихъ уговорить.

Братанье съ нѣмцами идетъ во всю; на фронтѣ 19 корпуса исчезли всякіе признаки войны и началась оживленная мѣновая торговля; дивизіонный комиссаръ 120 дивизіи разсказалъ, что сегодня утромъ по всему фронту дивизіи разбросаны нѣмцами письма-прокламаціи, въ которыхъ уговариваютъ нашихъ товарищей отказаться отъ всякой смѣны и потребовать, чтобы въ окопы была поставлена 15 кавалерійская дивизія. Нѣмцы очевидно очень хорошо освѣдомлены и въ нашихъ настроеніяхъ и въ нашей дислокаціи; требованіе касающееся 15 кав. дивизіи очень ярко подтверждаетъ тѣсную связь нѣмецкаго командованія и нашихъ большевиковъ, такъ какъ послѣднимъ надо посадкой въ окопы сдѣлать для себя безопасной послѣднюю еще сохранившую порядокъ воинскую часть.

Вообще смѣна частей на боевыхъ участкахъ стала какимъ-то кошмаромъ для насъ, строевыхъ начальниковъ, продолжающихъ отвѣчать передъ своей совѣстью за безопасность фронта. Смѣняться и идти въ резервъ хотятъ всѣ, а идти на боевые участки — никто не хочетъ и нахально объ этомъ заявляетъ.

Пускаются въ ходъ разные комиссары и особые уговариватели; получается что-то невѣроятно нелѣпое и, казалось, абсолютно невозможное въ обиходѣ того, что по какому-то недоразумѣнію продолжаетъ называться арміей.

За весь день не получили ни одной телеграммы и ни одного радіо; очевидно, что въ Петроградѣ и въ тылу идетъ такая завируха, что всѣмъ не до посылки телеграммъ.

Судя по послѣднимъ газетамъ, демократическія организаціи, какъ собравшіяся въ Псковѣ, такъ и оставшіяся въ Петроградѣ, вступили съ большевиками въ какіе-то компромиссные переговоры. Это очень плохо, такъ какъ показываетъ, что силой съ большевиками не справились; а разъ это такъ, то все поведеніе большевиковъ показываетъ, что, чувствуя свою силу, они ни на какіе компромиссы не пойдутъ.

Въ Москвѣ идетъ кровопролитная рѣзня; особенно пострадало Алексѣевское военное училище и кадетскіе корпуса; злодѣи не пощадили несчастныхъ офицерскихъ дѣтей, у одной половины которыхъ отцы уже легли за родину, а у другой — отцы и братья несутъ смертныя муки, изображая начальство и офицеровъ въ прогнившей и засмердѣвшей ордѣ, носившей въ былыя времена доблестное имя русской арміи.

Когда подбираешь всѣ послѣднія свѣдѣнія, то грезится, что на насъ надвигается настоящая черная Пугачевщина, усугубленная всѣмъ ядомъ хулиганщины 20 вѣка, а когда къ ней присоединится неизбѣжный при общемъ развалѣ голодъ, то на Руси получится ужасъ, котораго, вѣроятно, еще не вѣдала старушка-земля, ибо все ранѣе бывшее не было сдобрено такъ обильно усовершенствованными ядами и вытяжками современной цивилизаціи, придающими особую гнусность и свирѣпость всякому насилію, нынѣ чинимому.

Дикари, грубые язычники, гунны и средневѣковые ландскнехты, сподвижники Пугачева и Стеньки Разина, кровожадные садисты разныхъ временъ должны найти себѣ достойныхъ и далеко превосходящихъ ихъ послѣдователей въ лицѣ тѣхъ хулиганскихъ ордъ, что нависли надъ Россіей.

Въ Двинскѣ назрѣваетъ острый конфликтъ между большевистскимъ армискомомъ и командующимъ арміей. Армискомъ со вчерашняго дня рѣзко поднялъ свой тонъ и занялъ положеніе хозяина. Болдыревъ заявилъ рядъ протестовъ противъ распоряженій армискома, начавшаго отдавать приказы частямъ непосредственно и направившаго нѣкоторыя войсковыя части къ сторонѣ Петрограда.

Не понимаю, для чего эти протесты; это что-то въ родѣ особаго мнѣнія подсудимаго на вынесенный ему смертный приговоръ. Я считаю, что всѣ мы должны заявить требованіе, чтобы насъ убрали, а распоряженіе войсками въ ихъ современномъ состояніи отдали тѣмъ, кто считаетъ себя достаточно сильнымъ и компетентнымъ, чтобы быть начальниками этихъ распущенныхъ ордъ.

Вечеромъ начальникъ 70-й донесъ, что 277 полкъ окончательно рѣшилъ завтра двинуться на Двинскъ и силой оружія добыть себѣ тамъ квартиры; на всѣ уговоры и приказы армискома и большевистскаго армейскаго комиссара товарища Собакина рѣшено наплевать.

Сообщилъ это гнусное извѣстіе начальнику штаба арміи съ унизительной добавкой, что въ моемъ распоряженіи нѣтъ никакихъ средствъ и способовъ воспрепятствовать этому гнусному рѣшенію, въ концѣ добавилъ, что еще разъ считаю себя обязаннымъ заявить, что при такой обстановкѣ наше пребываніе на занимаемыхъ должностяхъ является позорной и унизительной комедіей.

2 Ноября. Ночью и утромъ никакихъ извѣстій; проскочило только радіо петроградскаго Главкома Муравьева, что онъ занялъ Гатчину и что казаки Керенскаго отступаютъ и мародерничаютъ.

Въ $10^1/_2$ часовъ утра получилъ донесеніе, что 277 полкъ въ боевомъ порядкѣ двинулся въ сторону Двинска и что ему на встрѣчу выѣхалъ для уговоровъ армейскій комиссаръ.

Въ 12 часовъ дня получена телеграмма, что Керенскій окончательно разбитъ и бѣжалъ, а его казаки перешли на сторону Совѣтовъ (подъ этимъ псевдонимомъ преподносится пока власть большевиковъ).

Въ Штармѣ думаютъ, что эта телеграмма провокаціонная и сфабрикована большевиками, но я иного мнѣнія; Керенскій долженъ былъ побѣдить немедленно же въ первые дни возстанія, ибо всякая задержка была не въ его пользу; очевидно, онъ сорвался, прибавивъ лишній номеръ къ числу быстролетныхъ падучихъ звѣздъ революціонныхъ временъ.

Прежнимъ губернаторамъ слѣдовало бы прочитывать ежедневно по одной главѣ изъ «исторіи одного города», а нашимъ революціоннымъ заправиламъ слѣдовало бы почаще вспоминать судьбу Дантона и Робеспьера.

Сейчасъ даже для большевиковъ предстоитъ рѣшить вопросъ, какъ они будутъ управляться съ тѣмъ чудовищемъ, которое представляетъ армія. Вѣдь очевидно, что продолжать войну мы все равно не можемъ; чѣмъ дольше мы будемъ держать эти милліоны въ атмосферѣ митинговъ, ничегонедѣланія, дерзости и пропитыванія сознаніемъ собственной силы и безсилія власти, тѣмъ безнадежнѣе и грознѣе будетъ будущее. И не дай Богъ, если подъ напоромъ внутренняго разложенія лопнутъ послѣдніе обручи и эти орды шарахнутся стихійно по домамъ. Горе тогда прифронтовой полосѣ и желѣзнымъ дорогамъ, ибо имъ на себѣ придется испытать, на что способны товарищи, набившіе руки въ Тарнополѣ, Калущѣ и другихъ районахъ стихійнаго бѣгства-погрома.

Хоть бы теперь начали отпускать домой наиболѣе шкурные и тянущіе домой контингенты. Довольствіе войскъ становится все труднѣе; желѣзнодорожное движеніе идетъ черезъ пень въ колоду; возможность реквизицій и принудительныхъ поставокъ отошла въ область Царскаго прошлаго; сейчасъ бываютъ дни, когда хлѣба и муки, да и то по уменьшеннымъ дачамъ, остается на 2—3 дня и приходится прибѣгать къ самымъ экстраординарнымъ мѣрамъ, до покупки зерна у населенія по самымъ невѣроятнымъ

цѣнамъ; нельзя допустить, чтобы шкурные и политическіе безпорядки обратились въ голодные бунты.

Интересно будетъ дожить до того, когда исторія разберется въ событіяхъ послѣднихъ дней и выяснитъ, кто виноватъ въ томъ, что насъ слопали безъ остатка товарищи большевики, еще такъ недавно quantité négligeable. Неужели же не было иного, менѣе чреватаго своими послѣдствіями исхода?

Вѣдь и большевики не могутъ стать дѣйственной и реальной властью; они могутъ держаться только посулами мира и разныхъ жирныхъ подачекъ; но вѣдь посуламъ придетъ конецъ.

Что будетъ со страной съ 180 милліонами населенія, безъ власти и въ томъ состояніи полнаго государственнаго и военнаго разложенія, остановить которое уже никто не въ силахъ. Надъ всѣмъ этимъ виситъ развалившаяся совершенно 12 милліонная армія безъ начальниковъ и безъ дисциплины, не слушающая ничьихъ приказаній, не желающая воевать и обуреваемая однимъ только стремленіемъ, поскорѣй уйти домой.

3 Ноября. Утромъ вызвали въ Двинскъ на совѣщаніе старшихъ начальниковъ; все, что намъ осталось, это совѣщаться, болтать и разъѣзжаться, убѣдившись еще разъ въ полной нашей импотентности. Болдыревъ настроенъ рѣшительно, требовалъ отъ насъ сопротивленія всякимъ уступкамъ и сохраненія нашихъ правъ. Не понимаю, къ чему всѣ эти сотрясенія воздуха; вѣдь, господинъ Болдыревъ знаетъ отлично, что самъ онъ ни одного распоряженія отдать не можетъ, и что его согласія на уступки давно уже никто не спрашиваетъ; онъ знаетъ точно также, что отъ его и нашихъ правъ остались только жалкія отрепья. Если онъ хочетъ продолжать рядиться въ эти отрепья, то ему это еще возможно, такъ какъ онъ во время вывелъ изъ Двинска всѣ ненадежныя части и сосредоточилъ туда ударниковъ и болѣе сохранившіяся конныя части.

Но и имъ онъ уже безсиленъ что либо приказать, ибо и эти части заявили, что выступать активно и усмирять онѣ не будутъ. Ну, а что будемъ дѣлать мы среди своихъ давно вышедшихъ изъ всякаго повиновенія частей? Заявлять протесты, но кому и для чего; развѣ протесты способны хоть на іоту помочь дѣлу. Вѣдь только очень скорбные главой или же зашибленные мамкой идеалисты могутъ вѣрить въ то, что существуютъ какіе-то «революціонные» порядки, «революціонная» дисциплина; все это существуетъ, да и то очень относительно, въ подпольный періодъ революціи, а когда она побѣдила, то всему этому наступаетъ конецъ — всякому хочется вознаградить себя за долгое воздержаніе и посуществовать и внѣ порядка, и внѣ дисциплины.

Лично я настроенъ чрезвычайно пессимистически и впереди кромѣ мрака, освѣщеннаго заревомъ великихъ пожаровъ и оглашаемаго воплями великихъ убійствъ, ничего не вижу и не слышу. Сознаю, что это не 1906 годъ (какъ думаютъ многіе) и что уже нѣтъ возврата послѣ того смертельнаго прыжка въ бездну революціи, которую больная Россія сдѣлала восемь мѣсяцевъ тому назадъ.

Тѣ судорожныя усилія, которыя дѣлаемъ и мы, носители старыхъ идеаловъ, и тѣ революціонные гастролеры-правители, которыхъ судьба заставила понять, что разрушать это одно, а охранять и создавать другое, — все это мгновенныя задержки, безсильныя остановить происшедшій обвалъ.

Съ точки зрѣнія сегодняшняго дня еще можно тѣшить себя какими-то иллюзіями, какъто дѣлаетъ нашъ командармъ; но если смотрѣть на все то, что происходитъ сейчасъ и въ арміяхъ, и во всей странѣ, то это суть первыя буквы великой и ужасной главы новой исторіи человѣческаго рода.

На розовыя и геройскія рѣчи Болдырева три командира корпуса (14, 27 и 45) еще разъ доложили ему обстановку въ ихъ частяхъ и современное положеніе начальниковъ. Вѣдь сейчасъ въ арміи нѣтъ никакой уже власти; вчера наибольшевистскій армейскій комиссаръ товарищъ Собакинъ отправился уговаривать товарищей Переяславцевъ . . . и только развѣдчики спасли его отъ утопленія въ Двинѣ. куда его потащили уговариваемые. И послѣ этого бунтующій полкъ пришелъ и расположился въ Двинскѣ, бросивъ боевой участокъ и наплевавъ на всѣ приказы самыхъ наиреволюціонныхъ лицъ и учрежденій.

Товарищи заявили, что воевать не хотятъ и не будутъ, они желаютъ мира, все равно на какихъ условіяхъ, и желаютъ идти домой дѣлить землю, фабрики и наслаждаться завоеваніями революціи. «На кой чортъ эта революція, если тутъ убьютъ и ничѣмъ отъ нея не поживишься», сказалъ вчера на корпусномъ совѣщаніи депутатъ отъ 479 полка, и въ этихъ словахъ, одобрительно принятыхъ двумя сотнями присутствовавшихъ, сказалась вся идеологія солдатскихъ массъ.

Сейчасъ массы относительно спокойны, такъ какъ имъ обѣщанъ миръ и война de facto уже прекратилась; добрая половина даже перестала теперь торопиться домой, такъ какъ тамъ и голодно, и холодно, и сахара нѣтъ, и жалованья не даютъ, да и работать придется. Сейчасъ всѣ заботы солдатъ о продовольствіи, и въ этомъ отношеніи нашъ строевой авторитетъ стоитъ сейчасъ выше комиссарскаго, ибо солдаты понимаютъ, что тутъ нужны спеціальныя знанія и сноровки, которыя есть только у насъ; но все же настроеніе островраждебное и какъ бы выжидательное; съ разныхъ частей фронта идутъ свѣдѣнія о происшедшихъ убійствахъ начальниковъ. Пропаганда усиленно копается въ прошлой дѣятельности начальствующихъ лицъ, стараясь подкопаться подъ авторитетъ тѣхъ, кто еще сохранилъ какое-нибудь вліяніе.

Сегодня ночью едва успѣли спасти отъ солдатской расправы командующаго 180 дивизіи генерала Бурневича (заботливый и влюбленный въ солдата начальникъ, безстрашно храбрый, но не способный на уступки); штабные шоферы отказались его везти, и ему пришлось спасаться верхомъ; едва избѣгъ такой же участи и командующій 183 дивизіей генералъ Литотъ Литоцкій; очевидно, что это только первые цвѣточки.

Въ общемъ, на совѣщаніи узнали еще разъ то же самое, что было извѣстно уже давно, а именно, что арміи уже нѣтъ, и что мы сами какое то недоразумѣніе. Разъѣхались такъ, какъ расходятся къ шлюпкамъ въ моментъ крушенія корабля.

Полученныя изъ Петрограда и Москвы газеты рисуютъ картину всеобщей рѣзни, начавшейся во многихъ мѣстахъ Россіи; индѣ рѣжутъ большевиковъ, индѣ большевики истребляютъ всѣхъ инакомыслящихъ. Общее вездѣ только то, что остановить рѣзню и водворить порядокъ некому. Въ Москвѣ по городу и Кремлю работаетъ большевистская тяжелая артиллерія и пущены въ ходъ даже восьмидюймовки. Въ Петроградѣ разгромлены всѣ военныя училища; говорятъ, что въ Владимірскомъ училищѣ уцѣлѣло только четыре юнкера.

У насъ въ арміи хлѣба и сухарей на четыре дня, а затѣмъ никакого подвоза не предвидится; армія и интендантство заявили, что они безсильны что-либо сдѣлать. Приказалъ корпусному интенданту вызвать къ себѣ представителей мѣстнаго еврейства и предсѣдателей волостныхъ управъ, разсказать имъ, что можетъ угрожать мѣстному населенію, если въ войскахъ вспыхнетъ голодный бунтъ, и предложить имъ продать намъ по любой цѣнѣ тѣ скрытые запасы зерна, муки и картофеля, которые несомнѣнно имѣются у населенія. Кое какъ наскребли муки на 2 дня, но дальше выяснилось полное безсиліе управъ что либо приказать, и тупое непониманіе населеніемъ своихъ же собственныхъ интересовъ.

Приказалъ на всякій случай скупать консервы, рыбу, галеты и даже конфекты (на замѣну сахара).

Въ сосѣдней 4 особой дивизіи товарищи организовали массовое братанье съ нѣмцами; мои батареи 70-й бригады открыли по братающимся огонь, за что товарищи сильно избили артиллерійскихъ наблюдателей (на батареи не сунулись, ибо тамъ по 2 пулемета на батарею).

4 Ноября. Временно тихо; ночь и утро прошли безъ особыхъ происшествій; удалось даже уговорить 479 полкъ смѣнить на боевомъ участкѣ 478 полкъ; новые большевистскіе комиссары разстилаются во всю, чтобы показать свое вліяніе на части и свою лояльность во всемъ, что касается пассивной охраны фронта.

Ко мнѣ въ корпусъ назначенъ новый комиссаръ, онъ же членъ военно-революціоннаго комитета солдатъ Антоновъ; первое впечатлѣніе отъ него совсѣмъ приличное, такъ какъ, повидимому, это одинъ изъ немногихъ идеалистовъ большевизма и притомъ очень разумный и умѣренный. Когда я ему высказалъ, какъ я смотрю на наши взаимоотноше-

нія и какой помощи отъ него ожидаю, то онъ сейчасъ же сообщилъ подчиненнымъ ему комиссарамъ и комитетамъ объ обязательности исполненія частями боевыхъ приказовъ и просилъ повторить приказъ по корпусу, устанавливавшій смѣну полковъ 70 дивизіи, обязавшись заставить, если понадобится, силой выполнить этотъ приказъ.

Конечно, все это очень горячо и естественно въ порядкѣ перваго дня своего медоваго мѣсяца власти, но очень мало шансовъ въ возможности реальнаго осуществленія всего обѣщаннаго.

Пріѣзжали французскіе офицеры, организующіе у насъ военно-голубиную почту; напомнили мнѣ парикмахеровъ спеціалистовъ по бритью покойниковъ; говорятъ, что всѣ желанія союзниковъ сводятся къ тому, чтобы нашъ фронтъ продержался до мая мѣсяца, а тогда они въ два мѣсяца справятся съ нѣмцами и кончатъ войну, такъ какъ къ этому времени у нихъ будетъ на фронтѣ 800 тысячъ американцевъ и двадцать пять тысячъ бомбоносныхъ аэроплановъ. Относительно возможности заключенія большевиками сепаратнаго мира съ Германіей, французы считаютъ, что нѣмцы на этотъ миръ не пойдутъ, такъ какъ боятся переброски большевизма къ нимъ самимъ, и поэтому и говорятъ не о мирѣ, а о перемиріи, что даетъ имъ возможность перебросить войска на французскій фронтъ, и въ то же время не пускать русскихъ товарищей переходить демаркаціонныя линіи и этимъ оберегать себя отъ заноса большевистской заразы.

Въ этомъ разговорѣ характерна откровенность г. г. союзниковъ: мы попрежнему имъ нужны для спасенія ихъ отъ грознаго нѣмецкаго крокодила; мы должны существовать столько, сколько имъ нужно для замѣны насъ американцами; мы за это время можемъ гнить и разваливаться, сколько угодно, но только продолжать выполнять свою роль горчичника на нѣмецкомъ затылкѣ. Когда же мавръ сдѣлаетъ свое дѣло, то ему предоставляется право окончательно развалиться, ибо сіе послѣ предвкушаемаго, — но ничѣмъ еще не гарантированнаго, — уничтоженія Германіи будетъ для союзниковъ и не безвыгодно, такъ какъ одновременно съ нѣмецкимъ крокодиломъ будетъ сброшенъ со счетовъ и русскій медвѣдь, очень нужный во время войны, но совсѣмъ лишній, когда придется кушать плоды побѣды.

Если бы только не Америка и внесенные ею въ активъ союзниковъ неисчерпаемые матерьяльные рессурсы, то я считалъ бы десять шансовъ противъ одного, что союзные шахермахеры очень ошибутся въ своихъ расчетахъ.

Искупительной жертвой Петроградской авантюры явились юнкера военныхъ училищъ. Керенскій вызвалъ ихъ для спасенія собственной власти и связанной съ нимъ собственной безопасности, но какъ только дѣло приняло скверный оборотъ, то позорно удралъ, бросивъ на пожраніе большевиковъ всѣхъ тѣхъ, кто за него сталъ.

Всѣ эти митинговые божки изъ надрывчатыхъ и истеричныхъ пустобреховъ, очень храбры только на словахъ. Керенскій клялся умереть за революцію, а на дѣлѣ занялся спасеніемъ собственной жизни, предоставивъ другимъ умирать и платить своей кровью за его слѣпоту, дряблость и абсолютную негодность.

Сегодня вступилъ въ свои обязанности новый корпусный комитетъ, причемъ въ немъ нѣтъ ни одного офицера; интересно, какъ онъ будетъ справляться съ сложными юридическими и хозяйственными вопросами, попадающими въ сферу его вѣдѣнія при разборѣ разныхъ жалобъ и заявленій.

5 Ноября. Относительно сносный день; товарищи какъ то успокоились, что ничто имъ не угрожаетъ, и до одури играютъ въ карты, братаются и ждутъ мира; кое-гдѣ принаравливаются, сколько придется на брата, когда станутъ дѣлить казенные денежные ящики. Новый корпусный комиссаръ Антоновъ вернулся съ своего перваго дебюта по уговариванію полковъ 120 дивизіи идти на занятіе назначенныхъ имъ боевыхъ участковъ; вернулся совсѣмъ растерянный и обезкураженный, такъ какъ въ Даниловскомъ полку ему не дали говорить и заявили, что на позицію не пойдутъ, а когда онъ попытался взлѣзть на комиссарскія ходули и пригрозить, то только быстрота шофера, успѣвшаго выскочить изъ толпы, спасла товарища комиссара отъ «народнаго помятія ему боковъ».

Судя по Московскимъ газетамъ огнемъ тяжелой артиллеріи повреждены Кремль и Храмъ Христа Спасителя; озвѣрѣвшіе мерзавцы громятъ единственные въ мірѣ памятники русскаго прошлаго и русскаго искусства.

Пришли Петроградскія газеты, напоминающія своимъ внѣшнимъ видомъ какіе-то сѣрые слизни. Характерно сейчасъ направленіе газеты «Новая жизнь», старательно и усердно поработавшей надъ распространеніемъ въ массахъ идей большевизма (не максимализма, а именно русскаго большевизма).

Сейчасъ ея издатель Максимушка Горькій и иже съ нимъ сами испугались тѣхъ результатовъ, къ которымъ пришла русская революція, и въ своей газетѣ, единственной не закрытой большевиками, громятъ и поносятъ во всю новыхъ повелителей Петрограда и Россіи.

Остальныя исключительно большевистскія газеты наполнены гимнами во хвалу «небывалаго еще героизма Пулковскихъ героевъ, одержавшихъ историческія побѣды». Несомнѣнно, что если и не побѣды, то стычки у Пулкова, окончившіяся для большевиковъ успѣшно, могутъ дѣйствительно имѣть историческое значеніе, такъ какъ могутъ знаменовать рѣшающія минуты для начала періода массовыхъ разрушеній и длительнаго, кроваваго, полнаго ужасовъ періода жизни не только несчастной нашей родины, но и всего человѣческаго рода.

Для оріентировки прочиталъ всю эту сѣрую газетную слякоть и дошелъ до состоянія нравственной тошноты; правда, что по тому, что мы видѣли отъ большевиковъ на фронтѣ, трудно было бы ожидать отъ ихъ петроградскихъ товарищей чего либо болѣе приличнаго и культурнаго.

Физически развалился; не сплю ночи, и даже вероналъ пересталъ дѣйствовать; нервы развинчены до того, что, мучаясь безсонницей, отчетливо слышу стукъ телеграфныхъ аппаратовъ въ довольно далеко отстоящемъ отъ штаба флигелѣ.

6 Ноября. Пріѣзжалъ новый армейскій комиссаръ товарищъ Собакинъ, коему приказано разрѣшить вопросъ о смѣнѣ полковъ 120 дивизіи. Поведенія весьма хамскаго, ввалился ко мнѣ въ кабинетъ, не снимая шапки и не представляясь. Я его очень спокойно, но внушительно заставилъ снять фуражку и представиться. Изъ дальнѣйшаго разговора убѣдился, что товарищи большевики рѣшили примѣнять, когда надо, самые старые пріемы; такъ, въ данномъ случаѣ Собакину приказано узнать и переписать всѣхъ агитаторовъ, подбивающихъ полки отказываться отъ выступленія на позицію, и затѣмъ секретнымъ образомъ изъять этихъ агитаторовъ изъ частей.

Не знаю, сумѣютъ ли большевики это осуществить, но рѣшительность и методъ мнѣ нравятся; нѣтъ, по крайней мѣрѣ тѣхъ демократическихъ фиглей-миглей, подъ которые кривлялся Керенскій и его приспѣшники. Эхъ, если бы такая же рѣшительность и откровенность были бы проявлены сразу Временнымъ Правительствомъ, какъ бы далеки мы были отъ того разбитаго корыта, надъ которымъ сидимъ.

Неужели же нѣмцы, создавшіе большевистскую обезьяну, передали ей также и свои знанія качества нашихъ массъ и научили ихъ, какими способами ими надо управлять. Бѣженцы изъ Риги, прожившіе тамъ нѣкоторое время подъ нѣмецкимъ владычествомъ, очень картинно разсказали, какъ нѣмцы въ трехдневный срокъ привели городъ и нашихъ товарищей въ образцовый порядокъ и единымъ махомъ вышибли изъ товарищей всѣ демократическія бредни и революціонныя вольности.

Получили цѣлый букетъ выпущенныхъ большевистскимъ правительствомъ очень заманчивыхъ для массъ декретовъ, назначенныхъ повидимому сдобрить тѣ пріемы, которыми начала править новая власть. Редакція и рѣшительность декретовъ, разрубающихъ самые сложные вопросы государственной и общественной жизни, очень напоминаютъ толпу папуасовъ, дорвавшихся до совершенно незнакомыхъ имъ вещей и распоряжающихся ими съ ухватками и пониманіемъ дикарей. Вѣдь большевикамъ важно бросить и бросить возможно скорѣе эти призывные, привѣтные, заманчивые, жирные и вкусные лозунги, а что изъ всего этого получится, авторовъ и вдохновителей этихъ рѣдкостныхъ документовъ интересуетъ очень мало

По сообщенію газетъ лѣвые эсеры и интернаціоналисты повздорили съ большевиками и вышли изъ состава Совѣтовъ; большевики не обращаютъ на это никакого вниманія и назадъ ушедшихъ не зовутъ. По всей Руси идутъ погромы и льется кровь — Вильгельму и нѣмцамъ есть надъ чѣмъ порадоваться; имъ только на руку, что Россія дошла до такой грани, — и еще не послѣдней, — что у ея сыновъ поднялись руки, чтобы громить сердце старой Россіи Кремль, наши соборы, гробницы русскихъ царей, святителей и чудотворцевъ.

На разсвѣтѣ батальонъ смерти чувствительно потрепалъ нѣмцевъ, которые, какъ говорятъ по свѣдѣніямъ, даннымъ ими братающимся, рѣшили, что выбившіеся изъ силъ ударники не въ состояніи удержать свой участокъ (вдававшійся въ нѣмецкое расположеніе) и предприняли поискъ для захвата его двумя ротами. Ударники, очень аккуратно и добросовѣстно несущіе всѣ отдѣлы службы, во время замѣтили нѣмецкое наступленіе, подпустили ихъ къ проволочнымъ загражденіямъ, а затѣмъ огнемъ 14 пулеметовъ буквально смели наступавшихъ; спаслись, повидимому, очень немногіе.

Разозленные нѣмцы прервали свое артиллерійское молчаніе и весь день громили наши окопы огнемъ своихъ батарей; батареи эти по наблюденіямъ нашихъ артиллеристовъ преимущественно двухорудійныя, а есть и одноорудійныя.

7 Ноября. Нѣмцы подъ прикрытіемъ заградительнаго огня всю ночь убирали своихъ раненыхъ и трупы убитыхъ. Вчерашній урокъ, данный ударниками нѣмцамъ, вполнѣ подтверждаетъ правильность моей мысли о возможности распустить армію, оставивъ только добровольческія части; (конечно, не теперь, когда у власти оказались большевики, которые осуществленія такой мѣры не допустятъ, ибо въ ней ихъ гибель).

Вѣдь, если бы у меня вмѣсто наличныхъ 70 тысячъ разнузданныхъ и не желающихъ воевать шкурниковъ были бы шесть-восемь батальоновъ такихъ отборныхъ людей, какъ ударники 120 дивизіи, я былъ бы совершенно спокоенъ за оборону своего участка; наступать съ такими силами я, конечно, не могъ бы, но съ утопическими проектами наступленія надо было давно уже покончить. Если бы Керенскій нашелъ въ себѣ достаточно ума и мужества, чтобы въ іюнѣ рѣшительно сказать союзникамъ, что мы наступать не въ состояніи, то онъ до сихъ поръ сидѣлъ бы въ Петроградѣ и большевики не были бы хозяевами Россіи.

Съ формированіемъ ударныхъ частей запоздали; а когда начали, то сразу ударились въ бахвальство и вмѣсто дѣла вышла каррикатура; эти части надо было формировать по принципу отбора и добровольчества, какъ образовался ударный батальонъ 120 дивизіи, куда ушли всѣ офицеры и солдаты, заявившіе, что въ такихъ разнузданныхъ бандахъ, какими стали ихъ полки, они служить не могутъ. Наименованіе же частями смерти огуломъ цѣлыхъ полковъ было пустымъ бахвальствомъ, моднымъ временно снобизмомъ, увлеченіемъ бѣлыми кантами, мертвыми головами, черно-красными аксессуарами и прочей бутафоріей; при томъ составѣ, въ которомъ части были съ мая 1917 года, онѣ не могли быть частями смерти въ настоящемъ значеніи этого слова.

Получено распоряженіе объ уменьшеніи дачи хлѣба до одного фунта; это сразу отразилось на настроеніи товарищей и на рядѣ мелкихъ вспышекъ, заявленіяхъ разными митингами остраго неудовольствія противъ всѣхъ видовъ начальства, какъ остатковъ Царскаго режима, который по объясненію большевиковъ виноватъ во всемъ, что не нравится солдатамъ или не даетъ имъ всего того, что имъ хочется. Меня еще выручаетъ то, что я во время успѣлъ образовать очень большіе запасы картофеля и могу замѣнить имъ недодачу хлѣба и набивать имъ товарищескіе животы.

Продовольственный кризисъ, намѣтившійся уже въ концѣ октября, нависъ надъ нами грозной тучей. Весь день занимался подготовкой открытія второго курса своей просвѣтительно-культурной школы въ Креславкѣ и второго курса офицерской школы въ Илгѣ. Дѣлаю это старательно, но безъ малѣйшей надежды на то, что всѣ эти начинанія доживутъ до конца, ибо всѣ декреты новыхъ хозяевъ показываютъ, что скоро у насъ заведутся иные порядки.

Мнѣ очень жалко, если погибнутъ мои креславскіе курсы, но думаю, что судьба ихъ предрѣшена, ибо они назначены укрѣплять въ солдатахъ сознаніе государственности

и здороваго патріотизма, и воспитывать въ нихъ чувство долга и обязанностей, то-есть все, что противоположно бреднямъ интернаціонала и его подголосковъ. Уже даже нашъ прежній армискомъ косился на мои курсы за ихъ политическую безпартійность и мнѣ стоило большихъ усилій спасти первый выпускъ отъ преждевременнаго роспуска.

Если же судьба позволитъ проскочить еще одному выпуску, то тогда на Руси будетъ на полторы тысячи больше людей, понимающихъ здоровыя основы общественнаго и государственнаго сожительства и устройства.

Собираю новый составъ офицерской школы; дѣлаю все по старому, какъ будто бы ничего не случилось. Результатовъ я уже не увижу, такъ какъ рѣшилъ безповоротно черезъ нѣсколько дней эвакуироваться въ тылъ по болѣзни, если за это время мнѣ не назначатъ замѣстителя, какъ я о томъ просилъ Болдырева. При современномъ положеніи начальниковъ, считаю свое пребываніе въ корпусѣ абсолютно безполезнымъ, а для себя лично убійственнымъ, ибо мириться съ происходящимъ я не въ состояніи, а измѣнить его не въ силахъ.

Ужасно положеніе ударнаго батальона 120 дивизіи; всѣ остальныя части корпуса отказались смѣнять его на занимаемомъ имъ боевомъ участкѣ, гдѣ онъ стоитъ уже второй мѣсяцъ въ самыхъ тяжелыхъ условіяхъ поздняго осенняго времени; число здоровыхъ людей въ ротахъ дошло до 20—25.

Послѣдняя встрепка, заданная нѣмцамъ, усугубила и безъ того остро-враждебное отношеніе къ батальону всѣхъ остальныхъ частей дивизіи, которыя прямо боятся идти на этотъ участокъ, который нѣмцы два дня подрядъ наказывали ожесточеннымъ огнемъ легкой и тяжелой артиллеріи.

Съ большимъ трудомъ выхлопоталъ у командарма приказаніе ударному батальону 38 дивизіи смѣнить на позиціи батальонъ 120 дивизіи; но ударники 38 дивизіи были таковыми только до тѣхъ поръ, пока съ этимъ было связано квартированіе въ Двинскѣ въ качествѣ охраны штаба арміи и проистекавшія изъ этого милости и льготы; какъ только они узнали, что имъ надо идти на боевой участокъ, батальонъ сразу растаялъ, quasi-ударники разошлись по своимъ частямъ, а большинство удрало въ отпускъ.

А на этомъ батальонѣ Болдыревъ строилъ разные усмирительные и возстановительные планы!

Сидимъ безъ газетъ; новая петроградская власть завернула цензуру à la Плеве. Положеніе съ продовольствіемъ отчаянное, безъ надежды на улучшеніе; мой корпусный интендантъ невѣроятными усиліями набралъ и накупилъ муки на 10 дней, но дальше и наши горизонты кончаются.

8 Ноября. Поздно ночью получили телеграмму армейскаго комитета съ приказаніемъ всѣмъ войсковымъ комитетамъ собраться и не расходиться, ожидая какого-то рѣшенія чрезвычайной важности.

Ждали всю ночь и все утро; разгадка получилась только послѣ полдня, когда наша радіостанція перехватила радіо Совѣта Народныхъ Комиссаровъ (такъ называется, повидимому, новая власть, замѣнившая Временное Правительство), коимъ Верховному Главнокомандующему приказывалось немедленно приступить къ мирнымъ переговорамъ съ властями враждебныхъ государствъ.

Этимъ началась расплата большевистскихъ главарей съ своими нѣмецкими хозяевами и съ нашими товарищами по выданнымъ векселямъ. Карты раскрыты; начинается возмездіе союзникамъ за слѣпоту и дряблость ихъ представителей въ Россіи. Отнынѣ большевики непоколебимые повелители всей фронтовой и тыловой шкурятины и всего русскаго хулиганства; они пошли съ козырнаго туза, бить котораго сейчасъ нечѣмъ. Россія, какъ военная союзница, потеряна для союзниковъ.

Изъ разговоровъ радіотелеграфистовъ узнали, что Ставка со вчерашняго дня все время пыталась передать что-то въ арміи, но сидящіе на всѣхъ станціяхъ и аппаратахъ большевистскіе комиссары этого не допустили.

Теперь мы имѣемъ право сказать: «Нынѣ отпущаеши раба Твоего . . .» Идутъ какіе то слухи о возстаніи на Дону и надо туда пробираться. А, можетъ быть, союзники опомнятся и примутъ на свою службу тотъ офицерскій составъ, которому немыслимо и не-

втерпежъ оставаться подъ эгидой большевистскихъ товарищей. До сихъ поръ всѣ наши попытки устроиться на иностранную военную службу, начатыя еще въ сентябрѣ, не увѣнчались успѣхомъ. Капитанъ Ринкъ по моему порученію былъ въ Петроградѣ, толкался во всѣхъ миссіяхъ и всюду получилъ отказъ или условія принятія иностраннаго подданства; всѣ отговариваются тѣмъ, что обязались передъ Керенскимъ не принимать нашихъ офицеровъ на союзную службу.

Но сейчасъ же должны союзники опомниться и спасти русское офицерство изъ того невыносимаго положенія, куда его загнала судьба; вѣдь, доходятъ послѣднія секунды стараго и начинается что-то новое, ужасное и позорное. Мы готовы идти солдатами въ иностранные легіоны; мы готовы на все, но намъ нужна помощь и пріемъ; пусть въ Хапарандѣ, на Кавказѣ, въ Японіи устроятъ такіе пункты, куда мы можемъ явиться, и мы рискнемъ на все, чтобы туда попасть и тамъ продолжать бороться и за Россію, и за союзное дѣло.

До ужаса трагично сейчасъ положеніе Духонина, на котораго перелагается выполненіе предложенія мирныхъ переговоровъ; петроградскіе жулики понимаютъ, что съ ними не станетъ разговаривать ни Вильгельмъ, ни Карлъ и ихъ правительства; поэтому они и прибѣгаютъ къ небывалому еще пріему начала мирныхъ переговоровъ черезъ Верховнаго Главнокомандующаго; тутъ адская мефистофелевская смѣсь гарантіи себя на будущее время, сваливанія грязнаго и позорнаго дѣла на своихъ естественныхъ противниковъ и шансъ при неповиновеніи сразу раздѣлаться съ опасной и остававшейся до сихъ поръ незыблемой инстанціей стараго порядка.

Одурь беретъ при видѣ той отвратительной трясины, въ которую гонятъ Россію, трясины безысходной и смертельной. Теперь, вѣдь, уже и союзники безсильны помочь.

Большевики сообщаютъ о захватѣ ими Пуришкевича съ какими-то важными документами; воображаю, какую контръ-революцію они разведутъ по этому поводу; вѣдь, имъ надо все время пугать массы призракомъ реакціи и возвращенія «стараго прижима».

Рѣшительность и прямолинейность большевиковъ поразительны; поистинѣ у нихъ цѣль оправдываетъ средства. Сегодня въ Извѣстіяхъ С. и Р. Депутатовъ помѣщенъ декретъ военнореволюціоннаго штаба, коимъ вся отвѣтственность за продолженіе внутренней борьбы возлагается на имущіе классы и объявляется, «что богатые классы и ихъ приспѣшники будутъ лишены права получать продукты, а всѣ запасы у нихъ будутъ реквизированы, а имущество конфисковано».

Первая статья, лишающая права на продукты для питанія, равняется огульнымъ присужденіямъ всѣхъ къ голодной смерти, ибо вся страна быстрымъ темпомъ несется къ общей голодовкѣ.

Къ надзору и сыску за богатыми и къ примѣненію къ нимъ вышеуказанныхъ мѣръ призываются всѣ рабочіе, солдаты и крестьяне. Этимъ въ массы бросаются такіе воспламеняющіе лозунги, при примѣненіи которыхъ жизнь должна стать сплошнымъ ужасомъ, ибо все, что внѣ большевизма, отдано на разграбленіе всей хулиганщинѣ.

Не пришлось бы въ скоромъ времени и нашимъ союзничкамъ испить такую же смертную чашу; провозглашенные большевиками лозунги такъ аппетитны, что противъ нихъ можетъ не устоять западноевропейскій пролетаріатъ; средства же противодѣйствія требованіямъ толпъ всюду достаточно поослабли.

9 Ноября. Духонинъ удаленъ отъ должности съ провокаторскимъ обвиненіемъ въ совершеніи великаго преступленія передъ трудящимися всего міра. Это очень искусный ходъ, чтобы безвозвратно оторвать солдатскія массы отъ послѣднихъ остатковъ стараго порядка и подчеркнуть, что ихъ спасеніе только въ поддержкѣ власти большевиковъ.

Верховнымъ Главнокомандующимъ назначенъ прапорщикъ Крыленко, извѣстный по 1905 году товарищъ Абрамъ; онъ сынъ мелкаго чиновника въ г. Люблинѣ, физическій и нравственный уродъ; былъ учителемъ въ городской школѣ и, будучи сыномъ крещенаго еврея, отличался жестокостью гоненія бѣдныхъ еврейскихъ дѣтей (эти данныя даны мнѣ чинами 18 дивизіи, стоявшей въ Люблинѣ и до сихъ поръ числящей въ своихъ спискахъ этого прапорщика).

Это назначеніе является вершиной позора, до котораго дошла русская армія; несомнѣнно, что въ лицѣ большевиковъ Россія получила такую власть, которая ни передъ чѣмъ не остановится.

Назначеніе Главковерхомъ Керенскаго было уже достаточно позорно, но то, что случилось сегодня, превосходитъ всѣ границы. Я послалъ командарму рапортъ, что при слагающейся обстановкѣ считаю для себя позорнымъ оставаться на занимаемой должности, но не желая нарушать установленныхъ законовъ, оставляю должность на правахъ эвакуаціи, и передаю командованіе корпусомъ инспектору артиллеріи генералу Власьеву.

Первымъ распоряженіемъ новаго Главковерха или, какъ его сразу наименовали, Верхопрапа было радіо, приказывавшее «каждому полку самостоятельно заключить на своемъ участкѣ перемиріе». Въ этомъ распоряженіи вылилось все военное, политическое и умственное убожество этого ублюдка россійской дѣйствительности.

У него не хватило мозговъ, чтобы понять, что по ту сторону фронта стоитъ настоящая армія и что на подобное предложеніе оттуда даже и не отвѣтятъ.

Изъ сообщенія Ставки выяснилось, что Духонинъ даже не отказался прямо начать мирные переговоры, а только запросилъ, какими путями можно осуществить присланное ему распоряженіе, такъ какъ ему извѣстно, что на подобное заявленіе, обращенное полторы недѣли тому назадъ къ союзникамъ и къ врагамъ со стороны «Правительства», никакого отвѣта не послѣдовало.

Опять пріѣзжали французы; изъ разговоровъ съ ними убѣдился, что союзники совершенно не понимаютъ того ужаснаго состоянія, въ которомъ находятся и арміи, и вся страна. Французскій майоръ изъ состава военной миссіи разливался на тему, что они не имѣютъ права вмѣшиваться въ наши внутреннія дѣла изъ чувства деликатности, и что они глубоко увѣрены въ томъ, что то, что сейчасъ у насъ происходитъ, это лишь временное явленіе, такъ какъ несомнѣнно, что Россія скоро опомнится, и наши солдаты поймутъ недопустимость сепаратнаго мира.

По обстановкѣ было совершенно безполезно говорить этому слѣпому, глухому и, очевидно, очень легкомысленному представителю французской арміи, какъ глубоко и безнадежно онъ ошибается, да я и не въ правѣ пускаться въ такія откровенности. Сказать все это давно и сказать громко, рѣзко, ничего не скрывая, должна была Ставка, и, если не хотѣлъ Керенскій, то обязаны были сдѣлать начальникъ его Штаба и Главнокомандующіе фронтами (такъ же точно, какъ они обязаны были въ концѣ 1916 года сказать всю правду Государю и не морочить его увѣреніями въ полномъ спокойствіи и вѣрноподданности). Но неспособные сказать правду своему Царю, они не сумѣли развязать своихъ языковъ и тогда, когда каждый день и часъ грозно кричалъ о томъ, куда катится ихъ страна и руководимыя ими арміи.

Все утро провелъ въ корпусномъ комитетѣ при многолюдномъ участіи представителей отъ всѣхъ частей, «защищая» разработанный мной проектъ послѣдовательной смѣны дивизій на боевыхъ участкахъ, на началахъ абсолютной справедливости; все было изложено такъ ясно, что всѣ комитеты приняли его единогласно и обѣщали привести его въ исполненіе.

Но ни у комитетовъ, ни у сидѣвшаго тутъ же корпуснаго комиссара нѣтъ никакихъ средствъ заставить полки выполнить эту схему въ томъ случаѣ, если какой либо изъ полковъ закинется и не захочетъ повиноваться.

Въ радіо Крыленки о немедленномъ заключеніи перемирія имѣется пунктъ, приказывающій арестовать всѣхъ генераловъ; однако, этотъ пунктъ до сихъ поръ не выполненъ.

Радіо и декреты сыпятся, какъ изъ мѣшка; даже большевистскіе комитеты ошалѣли и временами становятся въ тупикъ надъ получаемыми распоряженіями и ихъ удивительной редакціей.

10 Ноября. Заключеніе перемирія возложено Петроградомъ на военнореволюціонный комитетъ пятой арміи, какъ, вѣроятно, на наиболѣе надежный.

Въ своихъ заявленіяхъ Ленинъ и Троцкій договорились до того, что «законы» и «парламентская техника» это «выдумки буржуазіи». Конечно, это все условности извѣст-

наго порядка человѣческаго сожительства, но, вѣдь, надо же хоть чѣмъ нибудь отличаться отъ звѣрей.

Хлѣбъ на фронтѣ подходитъ къ концу; какой можетъ быть подвозъ въ странѣ, охваченной анархіей и междоусобицей? Большевики обѣщаютъ, что хлѣбъ будетъ, и на короткѣ, вѣроятно, что-нибудь и сдѣлаютъ, ибо рѣшительности имъ занимать ни у кого не приходится. Но никакая держимордовщина не поможетъ тамъ, гдѣ при массовыхъ потребностяхъ можетъ выручить только система сбора, налаженность подвоза и вообще отчетливая работа всего аппарата снабженій.

Сейчасъ мы перешли въ довольно привычный для исторіи, но необычный по размаху періодъ владычества штыковъ — штыкократіи; впереди грядетъ какая-то смѣсь спартаковщины, крестьянскихъ войнъ, пугачевщины, засилія преторіанцевъ новой красной формаціи и все это подъ густымъ, прянымъ и дразнящимъ всѣ звѣриные инстинкты соусомъ переоцѣнки всѣхъ цѣнностей и переворачиванія соціальной лѣстницы верхними ступеньками внизъ.

Много разъ эта опасность грозила и цивилизаціи, и положенію правящихъ и имущихъ классовъ, но до сихъ поръ въ ихъ рукахъ было и золото, и вооруженная сила, и они всегда выходили побѣдителями; сейчасъ золото попрежнему въ ихъ власти, но вооруженной силой сдѣлался весь народъ, что и является серьезнѣйшей угрозой для исхода начавшейся борьбы пролетаріата и соціальныхъ низовъ противъ аристократіи всѣхъ сортовъ.

11 Ноября. Наконецъ то проснулись дремавшія дѣвы союзныхъ миссій; проснулись тогда, когда помочь намъ уже поздно. И проснувшись, все же не поняли, съ кѣмъ имѣютъ дѣло, и вмѣсто самыхъ внушительныхъ дѣйствій разразились грознымъ по внѣшности протестомъ противъ нарушенія договоровъ и начала мирныхъ переговоровъ, съ предупрежденіемъ, что нарушеніе принятыхъ Россіей обязательствъ передъ союзниками вызоветъ для нея самыя тяжелыя послѣдствія. Неужели же всѣ союзные представители до того слабоумны, что не понимаютъ всей практической безцѣльности своего протеста.

Пустопорожнія теперь это, сэры, мистеры и мусье, слова; развѣ они могутъ произвести какое либо впечатлѣніе на Петроградскихъ товарищей, случайныхъ захватчиковъ всей власти, исполняющихъ съ одной стороны волю своихъ нѣмецкихъ нанимателей и хозяевъ, а съ другой стороны стремящихся заразить своей пропагандой весь міръ и разрушить всѣ существующія формы жизни.

Что этимъ жуликамъ старые договоры; что имъ Россія; что имъ всѣ эти угрозы! Вѣдь такіе дипломатическіе ходы могутъ быть дѣйственны для тѣхъ, у кого есть Родина, есть передъ ней святыя обязанности; есть передъ кѣмъ то отвѣтственность; для кого обязательно данное слово, договоры, условія; для кого существуютъ слова: честь, традиція, порядочность . . .

Въ Россіи же власть попала въ руки шайки самой грязной смѣси разныхъ элементовъ, въ которой, если вѣрить тому, что про нихъ говорятъ, есть 1—2% сумасшедшихъ маніаковъ, убѣжденныхъ маніаковъ, для которыхъ всѣ вышеуказанныя понятія — круглый ноль, гнилые пережитки ненавистнаго имъ буржуазнаго строя; остальные же 98—99% состоятъ изъ совершенно безпринципныхъ авантюристовъ самаго гнуснаго сорта, нанятыхъ нѣмецкихъ агитаторовъ и всевозможныхъ выкидышей подонковъ пролетаріата, преступной улицы и каторги, для которыхъ столь случайно и неожиданно доставшаяся имъ власть нужна, чтобы за ея счетъ попировать въ волюшку. Сейчасъ для сохраненія ихъ власти имъ очень кстати дерзкіе и тѣшащіе звѣриные инстинкты массъ лозунги большевизма; ими они только и держатся и только подъ ихъ сѣнью могутъ жить, наслаждаться, жрать и пить. Терять этой бандѣ нечего; патріотизмъ, родина, честь и совѣсть для нихъ пустыя слова. Договоры имъ ненавистны, ибо исполненіе ихъ лишитъ ихъ основы ихъ существованія — поддержки темныхъ и загипнотизированныхъ массъ, а потому къ чорту всѣ договоры и неудобныя обязательства.

Угрозы союзниковъ для нихъ не страшны, ибо взобравшись на верхи власти, они сидятъ все время подъ другими, безконечно болѣе близкими и реальными угрозами. Они играютъ и будутъ играть до конца свою каторжную игру со смѣлостью и упорствомъ каторжниковъ, которымъ все равно нечего терять, и которые всегда готовы къ возмож-

ности такъ же фейерверочно улетѣть въ ту грязь, изъ которой они вылѣзли. Ихъ идеологія намъ близко знакома по тѣмъ экземплярамъ комитетчиковъ, комиссаровъ и демагоговъ, подстрекателей солдатскихъ толпъ, съ которыми насъ познакомили послѣдніе полгода нашей кошмарной жизни.

Что имъ союзныя угрозы; это все равно, что пугать евангеліемъ какого-нибудь закоренѣлаго язычника или убѣдительными надписями защищаться отъ волковъ и гіенъ. Такіе бандиты признаютъ только грубую реальную силу, когда та возьметъ ихъ шиворотъ и такъ тряхнетъ, что глаза на лобъ выскочатъ; такую сволочь или гнутъ въ бараній рогъ или . . . покупаютъ. Лучше, если бы союзники прямо умыли бы руки вмѣсто того, чтобы дѣлать столь безполезныя глупости.

Совсѣмъ иное было бы, если бы вмѣсто протеста къ Москвѣ во время были бы двинуты отъ Архангельска и со стороны Сибири союзныя войска — единственное средство остановить развалъ арміи и страны; тогда и протесты произвели бы вездѣ совсѣмъ иное впечатлѣніе, ибо товарищи знали бы, что дальше стоитъ — и стоитъ близко и реально кулакъ, за коимъ послѣдуетъ немедленно соотвѣтственный и очень непріятный жестъ. Если бы союзники не были слѣпы, то всегда имѣли бы возможность подкрѣпить восточный фронтъ нѣсколькими американскими дивизіями въ его сѣверной части и японскими на югѣ. А при такихъ ледникахъ гніеніе фронта сразу бы остановилось.

Теперь все это уже поздно; событія летятъ съ быстротой урагана и теперь союзные контингенты не могутъ уже поспѣть на нашъ погибшій и конченный фронтъ.

Борьба идетъ неравная; старая власть разбѣжалась; ея авторитетъ безвозвратно потерянъ; она изжита и стала ненавистна тѣмъ, кого ея же дряблость, нежизненность и ошибки сдѣлали силой; ея сторонники разсѣяны, неорганизованы, запуганы и забиты и для спасенія своей шкуры, достоянія и привилегій (не всѣ конечно, но къ сожалѣнію большинство) готовы на всякіе уступки, компромиссы, жертвы и даже подлости. Организація сохранившихся здоровыхъ элементовъ сейчасъ уже очень трудна; все ненадежное съ точки зрѣнія новой большевистской власти уже взято подъ подозрѣніе и подъ неослабный надзоръ.

Новая власть народныхъ комиссаровъ находится сейчасъ въ совершенно иныхъ условіяхъ: она переживаетъ медовый мѣсяцъ своего существованія и, прилещивая къ себѣ толпы, расточаетъ имъ самыя заманчивыя обѣщанія и жирные посулы; она гарантируетъ имъ немедленное избавленіе отъ всѣхъ реальныхъ непріятностей войны и сулитъ самое широкое осуществленіе всѣхъ давно накопившихся вожделѣній. Она повелительница массъ и всей вооруженной силы страны; она ничѣмъ не связана, ничего не боится (потому что нечего терять) и дерзка до послѣднихъ предѣловъ.

Ея сторонники сорганизованы, захватили всѣ рули и средства управленія; они дерзки, жадны и готовы отчаянно защищать то, что пріобрѣли и что уже начали пожирать.

Ясно, условія борьбы и силы сторонъ слишкомъ неравны; несомнѣнно также, что и обаянію власти товарищей комиссаровъ тоже наступитъ конецъ, ибо неизбѣжные законы жизни заставятъ ихъ скоро начать принужденія и воздѣйствія (что они кое въ чемъ уже и начали), а когда это произойдетъ, то массы поднимутся противъ нихъ такъ же охотно, какъ онѣ поднялись и противъ Царя, и противъ Временнаго Правительства, и противъ Керенскаго. Трудно свалить первую власть, первые авторитеты, а потомъ это дѣлается и легко, и охотно; наша интеллигенція очень постаралась, чтобы сдѣлать возможнымъ первый опытъ и подрубить тѣ суки, на которыхъ сама сидѣла; ну, а теперь разные товарищи и руководимыя ими массы будутъ повторять этотъ опытъ съ каждымъ, кто захочетъ наложить на нихъ ярмо принужденія.

Играть въ дудку инстинктовъ толпы большевики большіе мастера: достаточно почитать большевистскія газеты, наполненныя заманчивыми декретами и еще болѣе сулящими обѣщаніями, и умѣло поданными и раздутыми восхваленіями всего уже якобы сдѣланнаго новой властью для солдатъ, народныхъ массъ и трудящихся.

Сосѣдній 27 корпусъ объявилъ, что будетъ всемѣрно поддерживать власть народныхъ комиссаровъ и начинаетъ переговоры о мирѣ; наши комитеты всѣ присоединились къ этому рѣшенію. Задерживаю свой отъѣздъ, желая дождаться пріѣзда замѣстителя;

оставаться и изображать какую-то гнусную пародію на Корпуснаго командира не могу и не хочу. Послѣ обѣда получены двѣ телеграммы, достаточно ярко показывающія въ какія руки попала Всероссійская власть и какой курсъ она принимаетъ; первая телеграмма за подписями новыхъ дуумвировъ Ленина и Троцкаго, призывающая къ безпощадной борьбѣ противъ буржуевъ, помѣщиковъ и чиновниковъ; ко всѣмъ инакомыслящимъ приказывается примѣнять ни передъ чѣмъ не останавливающійся терроръ, съ заключеніемъ въ Петропавловку и на Кронштадтскіе форты. Вся горечь современной дѣйствительности, всѣ грѣхи прошлаго и вся отвѣтственность и за прошлое, и за будущее очень искусно сваливается на буржуазію и на контръ-революціонныхъ генераловъ; повидимому, мы уже не только въ преддверіи, но уже въ сѣняхъ самой черной коммуны, но уже не въ парижской, а въ чисто русской редакціи.

Другая телеграмма изъ противоположнаго лагеря отъ еще уцѣлѣвшаго гдѣ-то Комитета Спасенія Родины и Революціи (тошнота беретъ отъ одного этого названія) съ призывомъ къ массамъ одуматься и понять, къ чему ведетъ Россію сепаратный миръ и соглашеніе съ нѣмцами. Неравная опять борьба: у красныхъ дерзкая, чисто каторжная рѣшительность, оглушительное дѣйствіе и самыя крайнія средства террора; а у ихъ противниковъ жалкіе уговоры, исканіе тѣхъ струнъ, которыхъ у слушателей нѣтъ, и попытки заставить понять головой и почувствовать сердцемъ тѣхъ, у которыхъ эти органы къ такимъ операціямъ не приспособлены. По прежнему интеллигентные классы пытаются разговаривать съ массами своего собственнаго измышленія и не замѣчаютъ всей безполезности такого занятія; неужели восьми мѣсяцевъ было мало для того, чтобы убѣдиться, что всѣ эти нѣжныя средства не по адресу направлены и совершенно негодны.

Тотъ рейсъ, которымъ несутся событія, заставляетъ бояться, что всѣхъ насъ ждутъ впереди еще болѣе ужасные дни, еще болѣе тяжкія испытанія. Временное правительство не сумѣло приручить звѣрей; большевики же спустили звѣря съ цѣпей, и начинается его царство; пока его не запрутъ опять (на что мало надежды) или онъ самъ не подохнетъ, до тѣхъ поръ будетъ мракъ и ужасъ, стоны, смерть и кровь.

Нужны великія муки и страшныя испытанія для того, чтобы массы постигли, что людямъ нельзя жить по звѣриному.

Вечеромъ получили телеграмму армискома, что въ его составъ возвратились ушедшіе ранѣе соціалисты и что армискомъ принялъ на себя порученіе начать съ нѣмцами мирные переговоры; корпусные представители умѣренныхъ соціалистовъ говорятъ, что имъ пришлось измѣнить свою тактику въ виду безвыходности создавшагося положенія и для того, чтобы, принявъ участіе въ переговорахъ, постараться побольше спасти и выторговать въ пользу Россіи, не давая большевикамъ сдѣлать все это единолично и въ крайнихъ, несомнѣнно крайне вредныхъ для насъ тонахъ.

Погода стоитъ, какъ нельзя быть хуже; дороги стали совершенно непроѣзжими; въ окопахъ, блиндажахъ и баракахъ-землянкахъ невѣроятно грязно и мерзко, ибо ни чистить, ни поправлять никто изъ товарищей не хочетъ; крутости окоповъ обвалились, половина окоповъ залита жидкой грязью; подъ нарами навозныя кучи; товарищи отправляютъ всѣ естественныя потребности тутъ же въ сосѣднихъ ходахъ сообщенія и рядомъ съ землянками; всѣ помѣщенія обратились въ какія то свалки соломенной трухи, подсолнуховой шелухи, костей, консервныхъ банокъ, корокъ хлѣба и т. п.

Конскій составъ валится сотнями. Съ продовольствіемъ отчаянно плохо; нѣкоторыя части отправили въ тылъ цѣлыя вооруженныя экспедиціи добывать муку и мясо.

Товарищъ Луначарскій разразился какимъ-то весьма нелѣпымъ обращеніемъ къ новоявленной опорѣ большевизма красной гвардіи и выражаетъ увѣренность, что въ будущемъ красногвардейцы «создадутъ невиданные еще шедевры ослѣпительной красоты». Видимо, въ припадкѣ краснаго кликушества можно договориться и до такихъ вещей! Одно можно только сказать, что міру не поздоровится отъ этихъ шедевровъ и свѣтъ померкнетъ отъ этой красоты.

12 Ноября. Мелкій, какъ сквозь сито, дождикъ съ примѣсью снѣга. Осень въ этой мѣстности всегда мерзкая, но въ этомъ году природа какъ будто бы рѣшила побить всѣ рекорды мерзости.

Телеграмма изъ Вашингтона сообщаетъ, что Правительство Сѣверо-Американскихъ Соединенныхъ Штатовъ рѣшило остановить отправку всего заготовленнаго тамъ для Россіи (а заготовлено не болѣе, не менѣе, какъ на $8^{1}/_{2}$ милліардовъ рублей); вмѣстѣ съ симъ дѣлается предупрежденіе, что если у власти останутся большевики и будетъ заключено съ нѣмцами перемиріе, то всякія отправки изъ Америки будутъ окончательно воспрещены.

Распоряженіе совершенно естественное, ибо было бы глупо отправлять въ Россію боевое снабженіе, которое въ ближайшемъ будущемъ попадетъ въ руки нѣмцамъ и будетъ обращено противъ тѣхъ же американцевъ.

Но только все это поздно, ибо ничѣмъ этимъ нашихъ командующихъ товарищей уже не испугать. Обидно узнавать про эти запоздалыя попытки остановить Россію въ ея безумномъ прыжкѣ въ темныя глубины самыхъ изувѣрскихъ экспериментовъ.

Боевая и командная дѣятельность начальниковъ совершенно атрофировалась; исчезла даже послѣдняя тѣнь возможности вліять на событія попытками объяснять войскамъ происходящія событія и этимъ удерживать отъ крайности совершенно безсознательное и бродящее за вожаками стадо; при современномъ составѣ частей разъ говоритъ генералъ, значитъ или вретъ, или отводитъ глаза съ какой-нибудь контръ-революціонной цѣлью: Сейчасъ, напр., пропаганда въ частяхъ убѣдила солдатъ, что французскіе и англійскіе солдаты на ихъ сторонѣ, требуютъ того же самаго, но пока еще сдерживаются своимъ имперіалистическимъ начальствомъ. Еще въ іюлѣ я нѣсколько разъ просилъ нашего командарма выхлопотать присылку намъ въ прикомандированіе къ каждой части по нѣсколько французскихъ и англійскихъ солдатъ (изъ крестьянъ и рабочихъ), которые отъ себя ознакомили бы нашихъ съ условіями военной службы въ иностранныхъ арміяхъ и жизни заграницей; къ сожалѣнію, верхи очевидно не поняли глубокаго практическаго значенія этой мѣры и она осталась неосуществленной.

Троцкій началъ печатать въ Извѣстіяхъ С. и Р. Депутатовъ документы изъ секретной переписки Министерства Иностранныхъ Дѣлъ; ничего особо секретнаго и сенсаціоннаго въ опубликованныхъ документахъ нѣтъ; только самый фактъ печатанія характеризуетъ всю гнусность власти, которая этимъ занимается, торопясь расплатиться съ нѣмецкимъ генеральнымъ штабомъ за полученные когда-то серебренники. Стараются развернуться сразу во всю ширь своей подлости. Имъ не важно, что для людей, способныхъ разобраться во всѣхъ этихъ документахъ, ихъ значеніе очень ничтожно; они бьютъ на скандалъ, на щекотаніе темныхъ массъ волнующей и очень выгодной по результатамъ сенсаціей; матерьялъ умѣло приготовляется опытными по этой части человѣчками, знающими, что надо пропустить, а что такъ оттѣнить, загримировать, а въ случаѣ надобности и поддѣлать, чтобы било въ носъ и подкладывало бы свинью и союзникамъ, и старому режиму, и Керенскому со товарищи.

Для меня нѣкоторые изъ опубликованныхъ документовъ очень интересны, такъ какъ ярко показываютъ до какой степени было слѣпо Временное Правительство и какъ оно не знало и не понимало ни положенія, ни настроенія страны и арміи. Терещенко разсылалъ нашимъ посламъ самыя розовыя и успокоительныя телеграммы въ то время, когда все уже трещало и разлѣзалось по всѣмъ швамъ.

Выходитъ, что и при революціонномъ Правительствѣ все оставалось по старому, какъ было при Царяхъ; по старому продолжалось безсовѣстное втираніе очковъ, замазываніе самыхъ кричащихъ прорѣхъ и безобразій; по старому всюду кипѣли, пресмыкались и творили свое злое дѣло такіе же прохвосты, жулики и лжецы, какъ та придворная клика, которая погубила Царское Село.

Теперь становится болѣе или менѣе понятно, почему союзники были такъ плохо освѣдомлены объ истинномъ положеніи Россіи; многочисленныя военныя миссіи, несмотря на свою распространенность по всему фронту, видимо, тоже питались информаціей изъ казенныхъ источниковъ, сидѣли при большихъ штабахъ и прозѣвали то, что творилось въ странѣ, въ правительствѣ и въ арміи.

Съ ночи вся власть надъ пятой арміей передана въ руки военнореволюціоннаго комитета и всѣ наши командныя распоряженія отданы подъ контроль комиссаровъ.

Послалъ телеграмму въ штабъ арміи, что съ сего числа не считаю себя больше командиромъ корпуса, и въ виду неприсылки замѣстителя, прибѣгаю къ способу эвакуаціи; передалъ командованіе инспектору артиллеріи генералу Власьеву, очень спокойному и равнодушно на все смотрящему человѣку.

Въ засѣданіи Цика одинъ изъ большевиковъ назвалъ приказъ Крыленки о перемиріи величайшей безтактностью и легкомысліемъ — оцѣнка очень правильная, но по выраженіямъ слишкомъ мягкая по отношенію къ этой квинтэссенціи военной безграмотности.

Вечеромъ получена телеграмма Троцкаго, сообщающая товарищамъ, что заявленія начальниковъ союзныхъ военныхъ миссій — ложь, и что всѣ воюющіе народы жаждутъ заключить миръ, но этому мѣшаютъ имперіалистическія правительства и контръ-революціонные генералы, а потому товарищи солдаты призываются къ самой безпощадной борьбѣ за миръ.

Тошнотворно противенъ весь этотъ наборъ спеціально митинговыхъ фразъ и терминовъ, обычной бутафоріи дешевенькихъ демагоговъ-ораторей, рожденныхъ изъ грязной пѣны современной хулиганщины и quasi-революціонныхъ круговъ.

Весь активъ этихъ любезныхъ толпѣ словоизвергателей состоитъ въ привычкѣ скоро, туманно и по книжному говорить, уснащивая свою рѣчь множествомъ заученныхъ (подчасъ смутно понимаемыхъ самимъ ораторомъ) иностранныхъ словъ, часть которыхъ уже пріобрѣла для толпы значеніе жупела и сдѣлалась лозунгами и любимыми поговорками.

Собираюсь въ отъѣздъ. Богъ вѣсть, удастся ли когда-нибудь вернуться; ѣду искать въ Россіи или за границей ряды тѣхъ, кто будетъ продолжать бороться за Россію съ навалившейся на нее бѣдой. Безконечно тяжело уѣзжать; три года тяжкихъ испытаній, радостно переносимыхъ ради родины во исполненіе того, чему была отдана вся жизнь, — окончились ужасомъ, горечью и позоромъ послѣднихъ восьми мѣсяцевъ. Прошлое погибло; будущее черно. Куда идти? что дѣлать и что ждетъ впереди? Полтора года напряженной работы надъ 70 дивизіей сдѣлали ее когда-то въ двухъ арміяхъ образцомъ порядка, благоустройства и воинской доблести; это была моя гордость, и все развалилось.

Я никогда не былъ оптимистомъ, но невѣроятно быстрый развалъ частей явился и для меня слишкомъ неожиданнымъ. Позоръ и горечь всего пережитаго за послѣднее время и тѣ черныя перспективы, которыя грезятся мнѣ впереди, заставили какъ то отупѣть и потерять способность остро чувствовать, изумляться и негодовать. Съ такимъ чувствомъ отупѣнія я подписалъ послѣдній приказъ (приказъ какого-то огороднаго чучела, котораго никто не слушается) по корпусу и сижу въ своей маленькой комнатѣ Шенгейдскаго помѣщичьяго дома, съ чувствомъ безразличнаго равнодушія, подобно человѣку, все уже потерявшему, все испытавшему.

Поздно вечеромъ полковникъ Гейдеманъ изъ штаба арміи передалъ, что въ Двинскъ прибылъ Главковерхъ (съ позволенія сказать) Крыленко и дважды требовалъ къ себѣ командующаго арміей генерала Болдырева, но тотъ категорически отказался это выполнить, заявивъ, что онъ такого Главнокомандующаго не знаетъ. Простилъ за это Болдыреву многія его ошибки и вихляніе; ему тоже надо было лавировать въ надеждѣ выиграть время, но когда пришелъ часъ, то онъ поступилъ такъ, какъ то обязывало его положеніе, и, когда надо было сказать прямо «да» или «нѣтъ», то онъ сказалъ: нѣтъ.

13 Ноября. Собираясь ѣхать въ Двинскъ на вокзалъ, узналъ объ арестѣ Болдырева; узналъ также, что утромъ Власьевъ выѣхалъ въ Двинскъ, куда Крыленкой вызваны всѣ командиры корпусовъ. Рѣшилъ отложить свой отъѣздъ, чтобы не могли сказать, что я спѣшно, въ виду происшедшихъ событій, удралъ изъ корпуса.

Власьевъ вернулся поздно вечеромъ; на вызовъ Крыленки пріѣхали всѣ корпусные командиры арміи, за исключеніемъ командира 27 корпуса генерала Рычкова.

По мнѣнію Власьева Крыленко не ожидалъ такого успѣха, и это его подбодрило до неспособности скрывать свою радость; онъ былъ необычайно любезенъ, разсыпался въ увѣреніяхъ самаго глубокаго уваженія къ командному составу, цѣну и значеніе котораго онъ, Крыленко, отлично понимаетъ; увѣрялъ, что побезпокоилъ командировъ только изъ желанія ознакомиться съ положеніемъ дѣлъ и проливалъ крокодиловы слезы

по поводу того, что генералъ Болдыревъ «не пожелалъ исполнить его покорнѣйшей просьбы заѣхать къ нему въ вагонъ».

Свой приказъ о заключенiи перемирiя полками Крыленко призналъ ошибкой, вполнѣ естественной въ той лихорадочной обстановкѣ, въ которой онъ отдавался; свои угрозы по адресу генераловъ просилъ понимать ограничительно и только по адресу тѣхъ, кто бунтуетъ противъ власти Совѣта Народныхъ Комиссаровъ.

Утверждалъ, что ни о какомъ сепаратномъ мирѣ они не думаютъ, а говорятъ объ общемъ мирѣ, такъ какъ знаютъ, что мира хотятъ всѣ воюющiе; пытался доказать, что ихъ не такъ понимаютъ и что союзниковъ они нисколько не боятся, а отъ японцевъ уже получили гарантiю полнаго нейтралитета въ восточныхъ дѣлахъ.

Относительно сопротивленiя Ставки и Духонина Крыленко заявилъ, что «имъ надоѣла кровь», а поэтому они не двигаютъ на Могилевъ свои Петроградскiя войска, — которыя де въ одинъ день могутъ смести всю Ставку, — такъ какъ увѣрены, что сопротивленiе ликвидируется само собой, какъ только Ставка увидитъ, что она одинока.

Такова, въ передачѣ Власьева, суть бесѣды; командиры корпусовъ, по словамъ В., говорили съ Крыленкой рѣзко и правдиво, особенно же командиръ 47 корпуса генералъ Сухановъ. При прощанiи Верхопрапъ былъ утонченно вѣжливъ, благодарилъ за откровенное изложенiе своихъ мыслей и высказалъ, что считаетъ, что прибывшiй къ нему командный составъ дѣйствительно любитъ свою родину, такъ какъ пошелъ на встрѣчу его протянутой рукѣ.

Тутъ онъ заявилъ, что смѣщаетъ съ должности генерала Болдырева и назначаетъ его начальникомъ дивизiи, а поэтому проситъ посовѣтовать, кого назначить командующимъ армiей, а также и Главнокомандующимъ фронтомъ на мѣсто удаленнаго отъ командованiя генерала Черемисова.

Бывшiе на совѣщанiи комиссары стали выдвигать мою кандидатуру, и Крыленко поручилъ корпусному комиссару Антонову спросить меня, согласенъ ли я на такое назначенiе. Я отвѣтилъ, что при современномъ положенiи не желаю командовать ни однимъ солдатомъ, а не то, что армiей или фронтомъ.

Повидимому, наша армiя единственная, куда новоявленный Главковерхъ могъ проѣхать безпрепятственно; намъ очень напортило сидѣнье на прямомъ сообщенiи Двинскъ—Петроградъ при исключительномъ удобствѣ распространенiя по тыламъ и резервамъ всякой нечисти и пропаганды; даже 12-я, худшая по составу и заболѣвшая большевизмомъ ранѣе, армiя въ концѣ концовъ обольшевизилась не такъ скоро, какъ мы.

14, 15, 16 Ноября. Довольно тяжелый переѣздъ въ Петроградъ; пришлось пройти всѣ эвакуацiонныя мытарства. Въ Петроградѣ спокойно; улицы переполнены толстомордыми и отлично одѣтыми углубителями революцiи. Немедленно по прiѣздѣ домой стали собираться ѣхать на югъ въ Новороссiйскъ; говорятъ, что на казачьихъ земляхъ большевизмъ не можетъ получить широкаго развитiя.

17 Ноября. Большевики все болѣе и болѣе раскрываютъ свои карты; эпоха правленiя наступаетъ, кажется, самая крутая, такъ что и Держиморда позавидуетъ, но по всему видно, что большевистская дубинка идетъ въ прокъ; россiйскому народу веселiе не только въ томъ, чтобы пити, а и въ томъ, чтобы быть биту. Мирные переговоры направлены очевидно къ сепаратному миру, но все это идетъ ступеньками; за то на союзниковъ большевики опредѣленно плюютъ.

18 Ноября. Былъ въ Главномъ Управленiи Генеральнаго Штаба; старшiе чины сидятъ въ постоянномъ ожиданiи ареста, однако, работа идетъ по прежнему руслу. Узналъ, что на заключенiе мира заставили ѣхать въ качествѣ военныхъ экспертовъ Полковниковъ Генеральнаго Штаба Шишкина и Станиславскаго. Вся задача Главнаго Управленiя сводится сейчасъ къ тому, чтобы всѣми мѣрами задержать разрушительную работу большевистскихъ военныхъ верховъ и направить реформаторскую дѣятельность Смольнаго въ хоть сколько-нибудь осмысленное и не вредное для Россiи русло; дѣлаются попытки получить право редакцiи декретовъ, касающихся армiи, для того, чтобы облекать ихъ въ грамотную форму. Всѣ надѣются на то, что большевизмъ долго не продержится, и стараются сохранить старыя учрежденiя и всю систему для будущаго; я не

раздѣляю здѣшняго оптимизма, ибо не вижу того, что отняло бы власть у комиссаровъ, заключающихъ миръ, развязывающихъ отъ всѣхъ обязанностей и сулящихъ массамъ всякія пріятности. Очень жаль всѣхъ старшихъ чиновъ управленія; положеніе ихъ дѣйствительно каторжное и хуже нашего фронтового; конечно, для текущихъ дней они дѣлаютъ серьезную работу, но вся трагедія въ томъ, что работа-то безполезна, никакіе мягкіе эволюціонные пріемы съ большевизмомъ не сладятъ; по всей же системѣ, принятой комиссарами, для меня ясно, что сейчасъ они выбираютъ тѣхъ, кто пойдетъ къ нимъ служить и налаживаютъ свои аппараты военнаго управленія; когда послѣдніе будутъ готовы, то они разобьютъ все старое и вышвырнутъ всѣхъ тѣхъ, кто не будетъ съ ними.

19 Ноября. Пріѣхалъ съ фронта мой денщикъ; по его разсказамъ состояніе войны съ нѣмцами фактически прекратилось; братанье идетъ по всему фронту; нѣмцы ходятъ по окопамъ, забираются въ наши тылы, но къ себѣ нашихъ товарищей не пускаютъ; дезертирство увеличилось до невѣроятныхъ размѣровъ и роты таютъ.

Большевики продолжаютъ показывать свои отточенные нѣмцами коготки: аресты, разгоны, реквизиціи, воспрещенія, угрозы сыплются изъ Смольнаго непрерывнымъ потокомъ; массы пока рукоплещутъ, ибо ихъ шкурки и животики все это пока еще не затрогиваетъ, а отдается на чужой спинѣ. Но одно можно сказать, что такого «тащить и не пущать» не было и при первоклассныхъ Угрюмъ Бурчеевыхъ.

20 Ноября. Большевики закрыли всѣ даже соціалистическія газеты; всѣ молчатъ и покоряются, а съ насильниками ничего не дѣлается. Силой разогнали городскую думу и посмѣялись надъ ея протестами.

Ставка арестована; туда отправился Верхопрапъ Крыленко съ новымъ начальникомъ штаба Верховнаго Главнокомандующаго товарищемъ Шнеуромъ (поручикъ, выгнанный судомъ офицеровъ изъ какого то гусарскаго полка); для пошло-опереточнаго Верхопрапа нашелся подходящій Наштапрапъ; умершую русскую армію ничто уже оскорбить не можетъ.

Представителями «Россіи» на заключеніе мира назначены «чисто кровавые» русскіе, товарищи Іоффе и Розенфельдъ-Каменевъ; есть ничтожное облегченіе въ томъ, что на исполненіе этого позорнаго, гнуснаго и предательскаго акта пошли не русскіе люди.

Ходятъ слухи, что Корниловъ подъ охраной 400 Текинцевъ спасся изъ Быхова и пробивается на югъ. Легко вздохнулось при этомъ извѣстіи, такъ какъ судьба Быховскихъ заключенныхъ все время висѣла мрачнымъ кошмаромъ; теперь, по крайней мѣрѣ, есть надежда, чта они пробьются на Донъ или, если погибнутъ, то честно, въ бою, а не подъ лапами и муками красныхъ палачей.

Похоже на то, что подъ впечатлѣніемъ захвата общероссійской власти, Россія расколется на свои составныя части: Украина уже объявила себя самостоятельной, Западная Сибирь тоже, какое то движеніе идетъ на Дону . . .

21 Ноября. Сидимъ въ полной неизвѣстности; газеты закрыты, и большевики сообщаютъ только то, что имъ выгодно. Городская милиція, укомплектованная старыми солдатами, распущена, и городъ управляется красногвардейцами и матросами — встрѣтили на Кронверкскомъ проспектѣ трехъ такихъ товарищей съ мордами хоть сейчасъ въ альбомъ Сахалинскихъ типовъ Дорошевича.

Объявлено, что Ставка занята войсками Крыленки и что Духонинъ убитъ; вотъ же и «намъ надоѣла кровь»!

22 Ноября. Ввиду невозможности выбраться на югъ безъ какого-нибудь официальнаго документа, отправился на эвакуаціонный пунктъ и получилъ разрѣшеніе на отправку на Кавказъ для лѣченія. Арестованы военный министръ Маниковскій и начальникъ генеральнаго Штаба Марушевскій и увезены въ Смольный; за что арестованы — неизвѣстно. Крыленко въ газетахъ изливаетъ свое негодованіе по поводу убійства Духонина и пытается умыть руки. Конечно, физическій убійца не товарищъ Абрамъ, а тѣ солдаты, которые разорвали на куски послѣдняго Верховнаго Главнокомандующаго Русской Арміи и которые были натравлены на погибшаго тѣми обвиненіями, которые возвели на него Крыленко и Ко.

На фронтѣ во исполненіе декрета народныхъ комиссаровъ о выборномъ начальствѣ идетъ выборъ начальниковъ; Петроградъ наполняется толпами низверженныхъ командировъ всѣхъ ранговъ; эти еще счастливые, ибо имъ разрѣшили уѣхать; куда хуже положеніе тѣхъ, которые силой оставлены на фронтѣ и разжалованы на должности кашеваровъ, конюховъ и т. п. и погружены въ невѣроятнѣйшую атмосферу брани и насилій.

23 Ноября. На мирныя предложенія большевиковъ нѣмцы отвѣтили съ гордымъ снисхожденіемъ и заявили, что согласны на сепаратный миръ при условіи полнѣйшей покорности съ нашей стороны, они великолѣпно учитываютъ наше положеніе, знаютъ, что мы воевать не можемъ и сдерутъ съ присланныхъ ими на управленіе Россіей товарищей, сколько имъ захочется.

Большевики сконфуженно молчатъ; они не такъ еще окрѣпли, чтобы воочію показать наложенныя на ихъ сердца, совѣсть и воровскія руки нѣмецкія клейма. Тѣ обрывки донесеній о мирныхъ переговорахъ, которые имъ пришлось опубликовать, даютъ достаточную картину униженій, которыя испытываютъ ихъ представители, ведущіе эти переговоры (вѣрнѣе сказать, должны испытывать).

24 Ноября. Свидѣтельствовался на распредѣлительномъ пунктѣ, пока еще старымъ порядкомъ безъ товарищей и комиссаровъ. Свидѣтельствовалось 70 человѣкъ и съ ними управились въ два часа; въ общемъ одна комедія и отличный путь для уклоненія отъ службы разныхъ симулянтовъ и шкурниковъ. Много приходилось ранѣе слышать о нашихъ эвакуаціонныхъ нравахъ и порядкахъ, но я никогда не думалъ, что все это можетъ дѣлаться столь откровенно и безцеремонно.

Выпущенъ декретъ, коимъ упраздняются Сенатъ, всѣ суды и мировые судьи, — еще новая подачка всѣмъ тѣмъ, у кого остались счеты съ этими непріятными для свободныхъ товарищей учрежденіями.

За эти дни испыталъ стояніе въ разныхъ продовольственныхъ хвостахъ; какое это должно быть мученіе для людей одинокихъ, старыхъ, слабыхъ, занятыхъ службой или работой. Перешли на дачу хлѣба по три восьмыхъ фунта въ день, причемъ половина состоитъ изъ соломы; солома эта съ непривычки ранитъ горло, и я принялъ эти раны за заболѣваніе ангиной. Когда удается купить картофель, то перепекаемъ наши дачи хлѣба въ нѣмецкій К. К. бродъ.

Цѣны растутъ не по днямъ, а по часамъ; у кого есть деньги, тотъ можетъ все покупать у товарищей солдатъ, добывающихъ себѣ все въ большомъ избыткѣ при помощи угрозы разными колющими и стрѣляющими инструментами.

25 Ноября. Съ ночи и весь день толпы черни, солдатъ, матросовъ и набравшейся въ Петроградъ хулиганщины громили винные погреба Зимняго Дворца; шла перестрѣлка, трещали пулеметы, временами доносилось пьяное ура.

Народные комиссары оказались не въ силахъ справиться съ бандами товарищей, рѣшившихся поживиться запасами царскихъ погребовъ.

26 Ноября. Осчастливлены декретомъ, отмѣняющимъ права собственности на дома, которые переходятъ во власть мѣстныхъ совѣтовъ.

Вернулась съ фронта мирная депутація; предложенія нѣмецкаго командованія держатся въ строгомъ секретѣ; на ушко въ Главномъ Управленіи сообщили, что они настолько позорны и унизительны, что даже большевики стѣсняются ихъ опубликовать, боясь, что остатки національнаго стыда еще не успѣли окончательно заглохнуть.

Въ большевистскихъ верхахъ очередной скандалъ: начальникъ штаба Верхоправа товарищъ Шнеуръ оказался бывшимъ агентомъ одного изъ охранныхъ отдѣленій; въ этомъ нѣтъ ничего удивительнаго ибо 90% такихъ агентовъ представляли изъ себя самыхъ отборныхъ мерзавцевъ, за деньги готовыхъ на что угодно и химически чистыхъ отъ всякихъ убѣжденій и принциповъ; люди они бывалые, смѣлые и тѣмъ, кто избѣжалъ регистраціи, предстоитъ большое плаваніе въ большевистскихъ моряхъ; они это хорошо сознаютъ, что и объясняетъ, почему и въ мартѣ и въ октябрѣ такъ старательно уничтожались архивы охранокъ и сыскныхъ отдѣленій: многимъ крупнымъ шишкамъ революціи надо было уничтожать слѣды своихъ близкихъ и платныхъ отношеній съ этими мало почтенными съ революціонной точки зрѣнія учрежденіями.

27 Ноября. Большевики продолжаютъ привлекать къ себѣ расположеніе и поддержку всѣхъ низовъ рѣшительностью своей расправы съ правами верховъ и стремительностью раздачи низамъ разныхъ благъ; они сумѣли даже расколоть крестьянство на его общемъ съѣздѣ. Среди офицеровъ ходятъ слухи, что на югѣ началось антибольшевистское возстаніе, и что казаки и хохлы поднимаются противъ петроградскихъ большевиковъ.

28 Ноября. Послѣ перваго періода ошалѣнія отъ захвата власти большевиками, начинается какая-то реакція противъ совершившагося, но, къ сожалѣнію, только на почвѣ болтологіи; на улицахъ устраиваютъ манифестаціи въ пользу Учредительнаго Собранія, въ которомъ видятъ единственное спасеніе отъ власти комиссаровъ. Много рѣчей, но развѣ въ рѣчахъ сила? вѣдь, если за Собраніемъ будутъ стоять только слова, резолюціи и вздохи, то, если оно не будетъ большевистскимъ, оно не проживетъ и часа — комиссарская рѣшительность тому порукой.

29 Ноября. Говорятъ, что вчера собралось что-то въ родѣ Учредительнаго Собранія: сошлись, открылись и закрылись. Завтра ожидается декретъ объ уничтоженіи чиновъ и орденовъ; низы и чернь рукоплещутъ этому событію, видя въ томъ великую побѣду. Не рано ли радуешься многоликая, безголовая, гульливая, бурливая и глупая толпа? Не придетъ ли время, когда начнешь стонать и жалѣть о прошломъ?

30 Ноября. Становится несомнѣннымъ, что югъ Россіи возсталъ противъ Петрограда; большевикамъ сейчасъ это кстати, такъ какъ даетъ имъ богатый матеріалъ, чтобы пугать товарищей грознымъ призракомъ надвигающейся контръ-революціи, которая только и идетъ за тѣмъ, чтобы отнять у нихъ то, чѣмъ большевики набили ихъ рты, животы, карманы.

Всякому ясно, что большинство населенія не на сторонѣ большевизма; но ясно также, что большевикамъ дали столько времени, чтобы овладѣть симпатіями массъ, что съ ними теперь уже не справиться въ столичныхъ, набитыхъ товарищами и фронтовыхъ районахъ, гдѣ все антибольшевистское приравнивается немедленно къ самой черной контръ-революціи.

Говорятъ, что противъ Дона двинутъ Черноморскій флотъ и направлены какія-то надежныя части 5 арміи. Замерла война на нѣмецкомъ фронтѣ; загорается на новомъ, и загорается надолго, ибо большевики власти не отдадутъ, а значительная часть съ ихъ главенствомъ не помирится.

Вся надежда теперь на казаковъ и украинцевъ; туда даже по частнымъ свѣдѣніямъ спасаются съ фронта офицеры, старые солдаты, часть служебной интеллигенціи. Все дѣло теперь въ разумныхъ и талантливыхъ вождяхъ, которые отбросятъ гадости и стараго, и новаго порядковъ и сумѣютъ овладѣть искреннимъ довѣріемъ всей страны; тогда нашъ полетъ въ глубины анархіи и пугачевщины 20 вѣка можетъ быть скоро остановленъ. Я не знаю совершенно Каледина, но говорятъ, что онъ можетъ быть такимъ вождемъ.

1 Декабря. По городу все время идетъ рѣдкая перестрѣлка; товарищи ходятъ толпами или разъѣзжаютъ на автомобиляхъ и громятъ оставшіеся частные винные склады и погреба; на улицахъ масса пьяныхъ и идетъ открытая продажа награбленныхъ рѣдкихъ винъ.

Въ Брестѣ застрѣлился Скалонъ, принужденный комиссарами отправиться туда въ качествѣ предсѣдателя комиссіи по заключенію перемирія. Трудно себѣ представить, что пришлось ему пережить на своемъ скорбномъ крестномъ пути.

Получилъ письма изъ корпуса; всюду вступили въ должности выбранные начальники; у насъ въ 70 и 18 дивизіяхъ эта процедура прошла еще достаточно разумно, но рядомъ творятся всякія безобразія; въ артиллеріи старыхъ дивизіонеровъ посадили коренными ѣздовыми (самая трудная служба), ротныхъ командировъ назначили кашеварами и уборщиками нечистотъ. Гдѣ-то южнѣе были случаи продажи нашими товарищами нѣмцамъ своихъ пулеметовъ и орудій. Чудовищно все это, но при нашихъ товарищахъ, къ ужасу, не невозможно.

2 Декабря. По свѣдѣніямъ союзныхъ миссій нѣмцы уже увезли съ нашего фронта около сорока дивизій. Союзникамъ скоро придется на собственной шеѣ испытать послѣдствія своей близорукости, позволившей разложиться и погибнуть нашей арміи.

Выбиваюсь изъ силъ въ попыткахъ достать билеты для проѣзда на югъ; надо заплатить большія комиссіонныя, а денегъ нѣтъ. Всѣ стремленія направлены къ тому, чтобы уѣхать куда угодно, но только подальше отъ Петрограда; фронтъ какъ-то поблекъ въ памяти; вспоминаю о немъ, какъ о далекомъ покойникѣ.

Братъ горничной семьи генерала К., солдатъ какой-то артиллерійской бригады съ очень длиннымъ номеромъ, только-что дезертировавшій съ фронта, хвастался сестрѣ, что ему перепало нѣсколько сотъ рублей отъ дѣлежки суммы, полученной его батареей съ нѣмцевъ за проданныя имъ орудія; когда сестра (лично мнѣ это разсказывавшая) стала его ругать за такую мерзость, то онъ нѣсколько смутился и возразилъ: «чего же было свое терять, когда сосѣди продали и раздѣлили; чѣмъ мы хуже?»

При такомъ скотскомъ міровоззрѣніи возможны самыя невѣроятныя мерзости.

По городу ползаютъ пущенные кѣмъ то слухи, что вся работа большевиковъ направлена въ пользу возстановленія у насъ монархіи, и что таково приказаніе Вильгельма; многіе охотно вѣрятъ этой нелѣпости.

3 Декабря. Троцкій заявилъ, что ввиду начатой противъ нихъ борьбы, они даютъ мѣсяцъ, чтобы одуматься, а затѣмъ переходятъ на систему настоящаго террора и введутъ гильотину для всѣхъ враговъ народа. Крѣпко, но по крайней мѣрѣ опредѣленно и не воняетъ дряблостью.

Въ Петроградскомъ гарнизонѣ началось антибольшевистское движеніе; поздненько спохватились товарищи присяжные охранители завоеваній революціи! Использовавъ гарнизонъ для сверженія Керенскаго, комиссары отлично учли ту опасность, которую представляли эти распустившіяся и привыкшія уже свергать правительства войсковыя части; они ввели въ Петроградъ латышскіе полки и послѣ этого начали понемногу гнуть товарищей. Особенно не нравится новое положеніе Семеновцамъ, Преображенцамъ и Волынцамъ, игравшимъ до сихъ поръ роли первыхъ революціонныхъ любовниковъ.

Большевики уже начали рѣшительную игру, указавъ войскамъ Сѣвернаго фронта, требующимъ смѣны, что таковая вполнѣ возможна при помощи частей Петроградскаго гарнизона, все время стоящихъ въ тылу и не нюхавшихъ еще пороха.

4 Декабря. Нѣмцы предлагаютъ комиссарамъ купить у насъ оставшуюся у насъ матерьяльную часть и боевые запасы. Пріѣхалъ съ южнаго фронта полковникъ М.; разговаривалъ съ нимъ по поводу іюньскаго наступленія; онъ согласенъ съ моимъ мнѣніемъ, что наступленіе было крайне несвоевременно, безнадежно, и сыграло весьма серьезную роль въ усиленіи въ войскахъ большевизма. Спросилъ у него, можно ли было у нихъ разсчитывать на поддержку частями войскъ Корниловскаго выступленія; оказалось, что такъ же, какъ и у насъ на фронтѣ, — нѣтъ, нельзя было.

Очевидно, что мы, строевые начальники сѣвернаго фронта, были правы, считая это выступленіе совершенно безнадежнымъ и несвоевременнымъ; его надо было дѣлать или ранѣе іюньскихъ авантюръ, или же попозднѣе, когда массы познаютъ, что такое большевизмъ.

Вечеромъ выпущены бюллетени о заключеніи перемирія, о пріѣздѣ въ Брестъ Кюльмана и Чернина и о выѣздѣ туда же Троцкаго.

Въ пять недѣль большевики обдѣлали одно изъ крупнѣйшихъ событій текущаго вѣка, сбросили съ боевыхъ счетовъ 10 милліоновъ русскихъ штыковъ и развязали нѣмцамъ руки на всемъ восточномъ фронтѣ.

Союзникамъ предстоитъ горячая баня и только помощь американской техники можетъ ихъ спасти; одинъ изъ моихъ сегодняшнихъ собесѣдниковъ высказалъ мысль, что Брестское перемиріе можетъ быть гибельно и для самихъ нѣмцевъ, такъ какъ извѣстіе о томъ, что русскіе прекратили воевать и будутъ пользоваться всѣми благами мира можетъ вредно отразиться и на воинственности настроенія германскихъ войскъ.

По городу все шире распространяются слухи о предстоящемъ возстановленіи монархіи; думаю, что здѣсь прежде всего сказывается затаенное желаніе большинства пришибленныхъ «завоеваніями революціи» обывателей, которые, подъ ужасомъ всего переживаемаго, забыли все, чѣмъ прежде попрекали Царскій режимъ, и готовы цѣловать вновь появившагося городового, если бы онъ воскресъ.

5 Декабря. Все время идетъ рѣдкая перестрѣлка, продолжается грабежъ винныхъ погребовъ; около Биржевого моста воздухъ напоенъ запахомъ шампанскаго отъ разгромленныхъ складовъ, бывшихъ подъ зданіемъ биржи; вечеромъ впечатлѣніе такое, какъ будто бы находишься на фронтѣ и идетъ перестрѣлка секретовъ. Большевики приняли суровыя мѣры противъ винныхъ погромовъ, но пока безсильны съ ними справиться; на этой почвѣ происходятъ острые конфликты между солдатами гарнизона и красноармейцами.

Петроградъ сейчасъ залитъ дезертирами и всевозможными отбросами фронта, торгующими, жирѣющими и благоденствующими.

Вечеромъ по городу распространилось сенсаціонное извѣстіе о занятіи японцами Владивостока и о предъявленіи союзниками какого-то ультиматума. Занятіе Владивостока можетъ имѣть огромное значеніе для спасенія всего Приамурья отъ распространенія тамъ большевизма; природнаго большевизма тамъ быть не можетъ, но опасенъ большевизмъ привозной, специфически городской, подслоенный каторжными и хулиганскими элементами.

Что же касается ультиматумовъ, то въ данномъ случаѣ союзнички не на тотъ крестъ молятся; хоть бы теперь пора мистерамъ и мусью разглядѣть, съ кѣмъ приходится вести дѣло.

6 Декабря. Получилъ письмо изъ корпуса; демократизація и развалъ летятъ тамъ бѣшенымъ темпомъ. Товарищи заняты преимущественно торговлей; нѣмцы платятъ за съѣстные припасы и за мыло огромныя цѣны (кто-то изъ телефонистовъ штаба 70 дивизіи получилъ золотые часы въ обмѣнъ за два куска мыла).

Комиссары объявили войну Украйнѣ; быть можетъ, на этомъ они расквасятъ свои морды; украинцы, какъ въ 70 дивизіи, такъ и въ частяхъ 21 корпуса (почти цѣликомъ украинизированнаго) рѣзко выдѣлялись среди остальныхъ товарищей своей разумностью и уравновѣшенностью и держались особнякомъ, не поддаваясь большевизму; одно время я даже думалъ основать на нихъ закрѣпленіе порядка въ 70 дивизіи, но по революціонной неопытности ждалъ разрѣшенія и опоздалъ; надо было, не ожидая никакихъ разрѣшеній, украинизировать полки, и тогда навѣрно они удержались бы (хотя бы потому, что тогда я не получилъ бы для дивизіи тѣ ужасныя хулиганскія пополненія, которыя гноемъ залили дивизію въ августѣ и сентябрѣ).

По тому, что я видѣлъ въ частяхъ, имѣвшихъ преимущественно составъ изъ украинскихъ губерній, думается, что никакого народнаго сепаратизма у хохловъ нѣтъ; это ученіе городское или зарубежное и для интересовъ Россіи безопасное.

Казаки шевелятся; получено извѣстіе, что Калединъ занялъ Ростовъ и разгромилъ тамошнихъ большевиковъ; съ этимъ именемъ связываютъ большія надежды; говорятъ, что это человѣкъ идеи, твердый, рѣшительный, способный на подвигъ; дай Богъ, чтобы это было такъ; хочется хоть гдѣ-нибудь искать просвѣта и надежды.

Объединенная Украина и казаки могутъ сыграть рѣшающую роль въ дѣлѣ спасенія Россіи; только бы не разсорились, по славянскому обычаю, изъ за какихъ-нибудь мелочей и не забыли, что сейчасъ главное свалить большевиковъ.

Мѣстная анархія въ Петроградѣ разрастается; синодикъ разгромовъ, грабежей и всевозможныхъ насилій ширится. Большевики объявили осадное положеніе — довольно смѣшной съ ихъ стороны жестъ (должно быть отрыжка старыхъ временъ, когда объявленіе этого положенія считалось ultima ratio для прекращенія всякихъ безпорядковъ); вѣдь осадное положеніе это отмѣна законныхъ гарантій и установленіе крутой военно-административной диктатуры, ну а что же установлено большевиками съ конца октября, какъ не самая дикая диктатура, во много разъ крѣпче и безпардоннѣе любого осаднаго положенія прежняго времени.

Интересно также, какими силами располагаютъ сейчасъ комиссары для обузданія революціей, Керенскимъ и ими сугубо распущенныхъ товарищей; пока что — только латышскими полками, которые со смакомъ и съ холодной жестокостью расправляются со своими недавними господами и хозяевами; помогаетъ комиссарамъ и посѣянная ими вражда между солдатами и красноармейцами. Отдувается же за все ошалѣвшій отъ страха и наведенныхъ новой властью порядковъ обыватель.

7 Декабря. Стрѣльба и погромы, несмотря на всѣ комиссарскія угрозы продолжаются; измываюсь въ попыткахъ достать билеты для проѣзда на Кавказъ; хочется удрать всей семьей; всѣ вещи отправили въ Новороссійскъ. Безконечное стояніе въ разныхъ очередяхъ и хвостахъ выматываетъ всѣ силы, но за то пріучаетъ къ терпѣнію.

8 Декабря. Отвѣтъ украинской рады большевикамъ великолѣпенъ: что ни словечко, то перлъ хохлацкаго остроумія и злой ударъ по заправиламъ Смольнаго; въ то же время видно, что авторы не лишены пониманія наличной обстановки и чувства разумной государственности. Хорошо бы Рѣпину написать картину на тему «отвѣтъ Украинской Рады Смольному». Характерно то, что въ отвѣтѣ подчеркнуто, что Украина стремится къ федераціи, а не къ самостійности.

Сейчасъ самое опасное это вмѣшательство украинцевъ австрійской оріентаціи, что несомнѣнно будетъ поощряться нѣмецкимъ командованіемъ, коему не съ руки все, что можетъ свалить его петроградскихъ ставленниковъ.

Наконецъ то, газеты подняли животрепещущіе вопросы о грядущемъ голодѣ, о неизбѣжномъ при принятомъ большевиками курсѣ экономическомъ крахѣ и о катастрофическомъ состояніи транспорта со всѣми вытекающими изъ сего послѣдствіями. Этимъ спеціально занялась «Новая Жизнь»; ея сводки даютъ ужасныя картины того, что творится на Руси: товарищи на желѣзныхъ дорогахъ творятъ великія безобразія, избиваютъ служащихъ, и дороги корчатся въ послѣднихъ судорогахъ. Заводы и фабрики постепенно закрываются, ибо никакая производительная работа невозможна при современныхъ расцѣнкахъ и при ничтожной работоспособности. Одна изъ петроградскихъ фабрикъ, занимавшаяся во время войны постройкой деревянныхъ частей для аэроплановъ, захотѣла перевести свои деревянныя мастерскія на выдѣлку ходовой мебели; послѣ выдѣлки первой партіи обыкновенныхъ письменныхъ столовъ, стоившихъ прежде 40—45 рублей, произвели подсчетъ себѣстоимости и оказалось, что матерьялъ и работа стола обошлись въ 1800 руб.

И такъ вездѣ и во всѣхъ отрасляхъ производства.

9 Декабря. Верхопрапъ Крыленко не на шутку собрался воевать съ Украйной. Троцкій объявилъ, что имъ дано разрѣшеніе формировать особые отряды изъ военноплѣнныхъ, сочувствующихъ углубленію русской революціи и диктатурѣ пролетаріата; несомнѣнно эта попытка направлена къ образованію особыхъ частей, чтобы справляться съ непокорными товарищами. Товарищъ Троцкій торопится и не боится дѣлать то, что боялся сдѣлать товарищъ Керенскій.

Вообще по всему тому, что говорятъ въ Главномъ Управленіи Генеральнаго Штаба про работу военнаго комиссаріата, очевидно, что комиссары понимаютъ, что товарищи были хороши для того, чтобы свалить старую власть, но что надо возможно скорѣе завести свои спеціальныя большевистскія части и на нихъ опереть свое вліяніе. Троцкій отлично сознаетъ, что приходитъ часъ, когда надо имѣть надежные скорпіоны, чтобы погонять и обуздывать эти слишкомъ разошедшіяся звѣриныя кучи; латышей едва хватаетъ для Петрограда.

10 Декабря. Судя по газетамъ, на югѣ образовался новый внутренній фронтъ и началась настоящая война; туда спѣшно отправляются части красной гвардіи; комиссары убиваютъ одновременно двухъ зайцевъ, такъ какъ этими отправками очищаютъ Петроградъ отъ наиболѣе активныхъ и опасныхъ элементовъ. Пытаюсь достать какіе-нибудь товарищескіе документы, чтобы пробраться на югъ, такъ какъ при данной обстановкѣ открытый проѣздъ съ документами на командира корпуса, генерала и барона совершенно не возможенъ; такъ говорятъ всѣ пробравшіеся съ юга къ своимъ петроградскимъ семьямъ. Красноармейцы отправляются на югъ съ воинственными манифестаціями; они еще не ошпарены впечатлѣніемъ войны.

Идетъ приготовленіе общественнаго мнѣнія и петроградскаго населенія къ подошедшему уже вплотную продовольственному краху со взваливаніемъ всей вины на буржуевъ и на старый режимъ. Большевики въ объясненіяхъ вообще не стѣсняются: вѣдь объявили же они, что пьяные погромы послѣднихъ дней организуются кадетской партіей съ цѣлью ухудшить общее положеніе и использовать для контръ-революціи пьяное

настроеніе толпы. Вѣдь говорилъ же Троцкій, что, если Учредительное Собраніе пойдетъ на непочетный для Россіи миръ, то большевики уйдутъ изъ собранія и пойдутъ противъ него. Развѣ слова теперь къ чему-нибудь обязываютъ.

Пока что несомнѣнно только то, что къ намъ пришелъ Царь Голодъ, а съ нимъ экономическій и промышленный крахъ.

11 Декабря. Первый день, прошедшій безъ новыхъ декретовъ; или матерьялъ для нихъ истощился, или южныя событія слишкомъ отвлекли вниманіе комиссаровъ.

По части продовольственнаго кризиса комиссары призываютъ рабочихъ справиться съ нимъ «своими средствами»; какъ сіе понимать въ обращеніи къ рабочимъ не повѣдано, но, при выяснившемся уже арсеналѣ большевистскихъ способовъ, средства должны быть весьма рѣшительныя и для насъ буржуевъ, контръ-революціонеровъ и старорежимниковъ достаточно колючія.

Въ газетахъ сообщается о занятіи Харбина китайскими войсками и помѣщена грозная телеграмма Троцкаго, посланная имъ въ Харбинъ, объ арестѣ тамъ всѣхъ, способствовавшихъ этому событію русскихъ властей. Товарищи комиссары, самымъ безцеремоннымъ образомъ тяпающіе по головамъ всѣхъ попавшихъ подъ ихъ лапу русскихъ, вообразили, что право этого тяпанія распространяется чуть ли не на весь міръ. Троцкій не соображаетъ, что если Харбинъ занятъ китайцами, то кто же изъ его комиссаровъ или сподручныхъ окажется въ состояніи произвести требуемый имъ арестъ.

12 Декабря. Сообщеніе съ югомъ прекратилось; рѣшилъ пробираться на Дальній Востокъ; весь вопросъ въ томъ, какъ добыть средства на дорогу; всѣ наши несчастныя сбереженія мы по чувству долга обращали въ военные займы, погибшіе подъ декретомъ большевиковъ.

Голодъ надвигается во всю, такъ какъ Украйна и Донъ остановили весь подвозъ съ юга; остаются только далекіе запасы хлѣба въ Сибири, но какъ ихъ подать при хромающихъ на всѣ колеса желѣзныхъ дорогахъ? Большевистскій режимъ, распуская всѣ низы, уничтожаетъ даже надежду на-то, что грядущее Учредительное Собраніе окажется въ состояніи возстановить какой-нибудь порядокъ.

13 Декабря. Получилъ въ Главномъ Штабѣ послѣднія воспоминанія объ Императорской Россіи — звѣзды и ордена за время этой войны; прежде была бы радость, а теперь только одна горечь всего пережитаго.

Офиціально объявлено, что подвозъ хлѣба изъ Сибири и съ юга прекратился, а потому надо ожидать настоящаго голода «со всѣми его послѣдствіями»; не надо быть пророкомъ, чтобы догадаться, что всѣ эти послѣдствія обрушатся на насъ, такъ какъ товарищи голодать не хотятъ. Сейчасъ голодъ даже съ руки большевикамъ, ибо оставаясь повелителями распредѣленія наличныхъ и притекающихъ запасовъ продовольствія, они владѣютъ средствомъ привлеченія къ себѣ единомышленниковъ и вольныхъ и невольныхъ прислужниковъ, несравненно болѣе сильнымъ, чѣмъ декреты, пропаганда, убѣжденія и т. п. «Хочешь быть съ нами, дадимъ ѣсть; а не хочешь — пеняй на себя», таковъ сейчасъ лозунгъ большевистской политики по отношенію ко всему населенію. А вѣдь ради прокормленія семьи и просящихъ ѣсть дѣтей къ большевистскимъ ногамъ склонятся очень многія непреклонныя при другихъ обстоятельствахъ шеи.

Остановка многихъ заводовъ и фабрикъ увеличиваетъ толпы безработныхъ и бродягъ. Невеселыя впереди перспективы.

14 Декабря. Газеты наполнены перечнями грабежей и убійствъ въ городахъ и безпорядковъ и разгромовъ, учиняемыхъ товарищами на желѣзныхъ дорогахъ. Объявлено, что хлѣба въ Петроградѣ осталось на пять дней и что на востокъ посланы особые отряды добывать хлѣбъ и продвигать его къ красной столицѣ.

Вспоминается проклятіе Петрограду раскольниковъ, гибшихъ при Петрѣ Великомъ на работахъ при осушкѣ здѣшнихъ болотъ, и ихъ предсказаніе, что «черезъ два ста лѣтъ быть этому проклятому мѣсту пусту».

15 Декабря. Сегодня узнали, что большевики заняли всѣ частные банки и объявили ихъ національной собственностью; въ городѣ по этому случаю полная паника, такъ

какъ многіе, боясь держать цѣнности дома, положили ихъ въ сейфы и теперь разомъ потеряли все.

Лично я всегда былъ настроенъ противъ банковъ и считалъ ихъ жадными пауками и родителями всевозможныхъ спекулянтовъ и узаконенныхъ грабителей, но принятая большевиками мѣра бьетъ по всѣмъ безъ разбора и погубитъ только Россію; не намъ, корчащимся въ анархіи и нищетѣ, предписывать міру столь сногсшибательныя новшества, да еще по финансовой части; эксперименты въ экономикѣ во много разъ опаснѣе таковыхъ же въ политикѣ, ибо экономическія волны распространяются глубже, дальше, проникаютъ больше во внутрь и разводятъ за собой массу мелкихъ зыбей и волненій. Особенно остро разразился надъ обывателями декретъ о реквизиціи всѣхъ металлическихъ цѣнностей, находящихся въ сейфахъ; спокойно чувствуютъ себя только тѣ ловкачи, которые во время перевели свои капиталы заграницу.

Сегодня же объявлено о прекращеніи выдачи пенсій и о разрѣшеніи всѣмъ офицерамъ старше 43 лѣтъ выйти въ отставку.

Французы просили вернуть имъ только что присланныя намъ двѣсти орудій, но получили отказъ.

16 Декабря. Положеніе офицеровъ, лишенныхъ содержанія, самое безвыходное, а для нѣкоторыхъ равносильное голодной смерти, такъ какъ всѣ боятся давать офицерамъ какую-нибудь, даже самую черную работу; доносчики множатся всюду, какъ мухи въ жаркій лѣтній день и всюду изыскиваютъ гидру контръ-революціи.

Придетъ время, и недолго его ждать, когда всѣ, радующіеся нашему офицерскому несчастью, сами восплачутъ и возрыдаютъ.

Сегодня объявлено, что если подвозъ хлѣба прекратится, то буржуи будутъ лишены и тѣхъ $^3/_8$ фунта, которые имъ выдаютъ; это распоряженіе равносильно огульному присужденію къ голодной смерти. Вотъ тебѣ и égalité, надъ которой захлебывалась наша интеллигенція.

17 Декабря. Манифестація по поводу заключенія перемирія, причемъ приказано показать во всемъ блескѣ мощь россійскаго революціоннаго пролетаріата. На улицахъ можно было обозрѣвать великолѣпнѣйшія коллекціи самыхъ хулиганскихъ рожъ и какихъ-то человѣческихъ обмылковъ, ползавшихъ по петроградскимъ стогнамъ во всеоружіи краснаго тряпья разныхъ размѣровъ. Несмотря на всѣ административныя и спиритуальныя вспрыскиванія, настроеніе толпы сѣро-слизкое и совсѣмъ нерадостное; думаю, что у большинства еще не совсѣмъ исчезъ стыдъ, или, вѣрнѣе сказать, его остатки, за совершенное и совершаемое.

Временами между манифестантами проявлялась пугливость стада, дѣлающаго что-то не совсѣмъ хорошее, и еще не отрѣшившагося отъ старой привычки трусливо ждать неизбѣжнаго за то нагоняя и вздрючки; при малѣйшемъ гамѣ, а тѣмъ болѣе при случайномъ выстрѣлѣ, толпа съ воплями разсыпалась и бросалась прятаться по подъѣздамъ и воротамъ, а вооруженные натопорщивались и начинали стрѣлять вверхъ.

На сіи процессіи взирали, — не знаю съ какимъ чувствомъ, — почетные гости на этомъ позорищѣ не только Россіи, но и всей цивилизаціи, мирные послы Вильгельма Кейзерлингъ, Мирбахъ и Ко., осчастливившіе Петроградъ своимъ посѣщеніемъ.

Нѣмцамъ, строящимъ свое благополучіе на славянскихъ костяхъ, или, по ихъ выраженію, на славянскомъ навозѣ, должно быть было радостно видѣть, до какого разложенія дошелъ ихъ восточный сосѣдъ.

18 Декабря. Въ Главномъ Управленіи Генеральнаго Штаба сообщили, что вчера вечеромъ въ засѣданіе демобилизаціонной комиссіи пріѣхали Крыленко, Ленинъ и Троцкій и заявили, что положеніе съ миромъ почти безнадежно, такъ какъ нѣмцы наотрѣзъ отказались признать принципъ самоопредѣленія народовъ; поэтому совѣтъ народныхъ комиссаровъ считаетъ необходимымъ во что бы то ни стало возстановить боеспособность арміи и получить возможность продолжать войну.

Представители Генеральнаго Штаба заявили, что возстановленіе боеспособности существующей арміи совершенно невозможно, и что единственный исходъ это переходъ

немедленно на добровольческую армію небольшого размѣра, содержимую на принципѣ строжайшей военной дисциплины.

Крыленко съ этимъ принципомъ согласился, но при условіи, что добровольцы должны принадлежать обязательно къ ихъ партіи.

Твердость нѣмецкаго положенія показываетъ, что они учли развалъ нашей арміи и понимаютъ отлично, что, что ни дѣлай теперь комиссары, все равно русскіе воевать уже не могутъ. Комиссары же хорохорятся только для виду, а, можетъ быть, и потому, что, какъ говорятъ, Смольный получилъ какія-то опредѣленныя требованія отъ своихъ заграничныхъ единомышленниковъ о необходимости продолжать войну для разрушенія нѣмецкаго имперіализма, до тѣхъ поръ пока нѣмецкіе товарищи не усилятся настолько, чтобы заставить свое правительство съ ними считаться.

Надъ офицерами совершили послѣднее надруганіе, лишивъ ихъ семьи всякаго содержанія и сдѣлавъ это безъ всякаго предваренія; въ довольствующихъ учрежденіяхъ сегодня происходили потрясающія сцены, такъ какъ нѣкоторыя жены и вдовы пріѣхали изъ пригородовъ на занятыя деньги и имъ не на что вернуться домой, гдѣ сидятъ некормленныя дѣти; положеніе многихъ такое, что въ управленіи воинскаго начальника писаря не выдержали и, забывъ про контръ-революцію, собрали между собой нѣкоторую сумму денегъ и роздали наиболѣе нуждающимся.

19 Декабря. Сегодняшній тонъ «Правды» подтверждаетъ, что между нѣмцами и большевиками пробѣжала черная кошка; газета наполнена горькими упреками по адресу имперіалистическихъ нѣмецкихъ генераловъ, тормозящихъ заключеніе мира; очевидно, Смольному предъявлены такія требованія, что даже тамошніе диктаторы не въ состояніи на нихъ согласиться.

Верхопрапъ Крыленко выступилъ на митингѣ товарищей въ Морскомъ манежѣ и показалъ тамъ всю свою настоящую подоплеку; его рѣчь — это рекордъ подлой злобы противъ офицеровъ, безшабашнаго хвастовства завистливаго неудачника, пробравшагося наконецъ въ люди, и великаго убожества мысли и собственнаго внутренняго содержанія; это какая-то сгущенная квинтъ-эссенція классовой ненависти интеллигентнаго разночинца, изжившаго свою молодость въ ѣдкой атмосферѣ неудовлетворенной жадности, злобной ненависти ко всему, что выше, лучше и счастливѣе и зависти; должно быть тяжелая учительская лямка большевистскаго Главковерха здорово его исковеркала и сдѣлала изъ него настоящее уксусное гнѣздо.

Депутація офицерскихъ женъ цѣлый день моталась по разнымъ комиссарамъ съ просьбою отмѣнить запрещеніе выдать содержаніе за Декабрь; одна изъ представительницъ, жена полковника Малютина спросила помощника военнаго комиссара товарища Брилліанта, что же дѣлать теперь офицерскимъ женамъ, на что товарищъ съ столь ослѣпительной русской фамиліей, сквозь зубы процѣдилъ: «можете выбирать между наймомъ въ поломойки и поступленіемъ въ партію анархистовъ».

20 Декабря. Прочиталъ въ газетахъ, что въ Томскѣ образуется автономное управленіе Сибири подъ главенствомъ Потанина; порадовался этому извѣстію, такъ какъ увѣренъ, что настоящіе кондовые сибиряки большевизму не поддадутся и сумѣютъ отстоять отъ него свою Сибирь. Встрѣтилъ есаула Перфильева, который сообщилъ, что среди сибиряковъ идетъ секретная организація и отправка въ Сибирь офицеровъ и сохранившихся солдатъ, чтобы потомъ сразу образовать Уральскій фронтъ и положить предѣлъ распространенію большевизма на востокъ. Совершенно неожиданно получилъ предложеніе отъ Главнаго Управленія Генеральнаго Штаба ѣхать на Дальній Востокъ для временнаго исполненія должности военнаго агента въ Токіо. Несмотря на всю завидность этого предложенія, дающаго мнѣ возможность на законномъ основаніи удрать изъ Петрограда и получить даровой проѣздъ, отказался, такъ какъ неудобно принимать какія-нибудь назначенія отъ Главнаго Управленія, сидящаго между двумя стульями. Вечеромъ у меня былъ М., называлъ Донъ Кихотомъ и уговаривалъ согласиться, какъ для себя лично, такъ и ради спасенія военной агентуры, которую большевики хотятъ уничтожить. Я по своему дальневосточному цензу единственный кандидатъ, котораго можно отправить, не вызывая комиссарскаго подозрѣнія. Но я все же отказался.

Газеты заговорили о неудачѣ мирныхъ переговоровъ. Большевистская «Правда» наполнена угрозами по адресу нѣмецкихъ имперіалистовъ.

21 Декабря. Большевики продолжаютъ бить по головамъ буржуевъ; даже неудачу мирныхъ переговоровъ взвалили на этихъ несчастныхъ козловъ отпущенія, обвинивъ ихъ въ соглашеніи съ нѣмецкими генералами и во внушеніи послѣднимъ непріемлемыхъ для Смольнаго требованій. Большевистскій официозъ внушительно сообщаетъ, что ввиду задержки въ ходѣ мирныхъ переговоровъ товарищъ Крыленко «отбылъ на фронтъ къ своимъ арміямъ».

Несомнѣнно, нѣмцы умрутъ отъ страха и откажутся отъ всего своего имперіализма, какъ только до нихъ дойдетъ грозная вѣсть, что самъ «Наполеону равный» товарищъ Абрамъ, специализировавшійся за время сидѣнія въ разныхъ обозахъ и тыловыхъ убѣжищахъ на стратегическомъ вожденіи армій, принимаетъ на свою геніальную голову руководство военными дѣйствіями и становится во главѣ непобѣдимыхъ разнузданныхъ бандъ, продающихъ врагу свои пушки и пулеметы, и способныхъ только на грабежъ населенія, да на убійства и измыванія надъ отданными на ихъ произволъ офицерами.

Конечно, вся эта комедія продѣлывается по взаимному соглашенію съ нѣмцами для того, чтобы постепенно подойти къ неизбѣжности принятія нѣмецкихъ условій; вѣдь и Троцкій, и Крыленко знаютъ, что армія воевать не можетъ, и направляютъ свои воинственные громы только для одураченія населенія.

22 Декабря. Меня усиленно убѣждаютъ согласиться на японскую командировку, затянуть, насколько возможно, разгромъ большевиками нашей военной агентуры. Щ. и другіе сослуживцы считаютъ, что было бы глупо отказаться отъ такой возможности, которая ни къ чему не обязываетъ, такъ какъ съ момента выхода изъ сферы власти комиссаровъ, откроется возможность и получить полную свободу дѣйствій; это даже будетъ очень эфектно удрать изъ подъ большевистской лапы за большевистскій же счетъ. Одинъ изъ народныхъ комиссаровъ Склянскій упорно настаиваетъ на томъ, чтобы или уничтожить военныхъ агентовъ совсѣмъ, или временно замѣнить ихъ партійными работниками (онъ тоже не расчухалъ, что никто его партійныхъ работниковъ и на границу къ себѣ не пуститъ).

Обѣщалъ подумать и завтра пойти въ Главное Управленіе для окончательной тамъ оріентировки и рѣшенія.

Въ видѣ очередной бутафоріи большевики грозятъ объявить нѣмцамъ священную войну и призвать къ оружію все мужское населеніе. Все это сказки для дѣтей младшаго возраста, ибо комиссары знаютъ, что при всей ихъ аракчеевской рѣшительности, они не чудотворцы и воскресить умершую русскую военную мощь они не въ силахъ; да и не для этого они присланы сюда нѣмецкимъ генеральнымъ штабомъ.

23 Декабря. Ввиду полной невозможности пробраться на югъ, даже по Волгѣ, пошелъ на уговоры своихъ друзей и далъ свое согласіе на командировку меня въ Японію; иного способа уѣхать изъ Петрограда и вывезти свою семью у меня нѣтъ. Сегодня же узналъ, что причиной увольненія большевиками нашихъ военныхъ агентовъ въ Лондонѣ, Римѣ и Токіо явилась присылка Ермоловымъ, Энкелемъ и Яхонтовымъ телеграммъ съ изложеніемъ чувствъ негодованія по поводу захвата власти большевиками; телеграммы эти попали въ руки комиссаровъ и очень усложнили и безъ того корявое положеніе Главнаго Управленія, продолжающаго вести еще всѣ официальныя сношенія съ союзными миссіями и въ то же время исполнять распоряженія военнаго комиссаріата. Представители союзныхъ миссій продолжаютъ бывать въ Управленіи и даже очень хлопочутъ о полученіи русскихъ орденовъ согласно ранѣе имѣвшихся на этотъ счетъ предположеній; Главный Штабъ занятъ разверсткой этихъ орденовъ и при мнѣ тамъ были разговоры о какой-то замѣнѣ орденовъ старшими для одного изъ японскихъ генераловъ и для нѣсколькихъ французскихъ и итальянскихъ офицеровъ. Всѣ эти награжденія проводятся заднимъ числомъ, какъ бы за время состоянія Военнымъ Министромъ Генерала Маниковскаго. Военный Комиссаріатъ, очевидно, объ этомъ знаетъ, такъ какъ всюду сидятъ его комиссары, но смотритъ на все это сквозь пальцы. Характерная Россійская каша:

большевики заключаютъ миръ съ нѣмцами и плюютъ на союзниковъ, а союзныя миссіи приходятъ въ Главный Штабъ за полученіемъ русскихъ орденовъ.

24 Декабря. Сильный морозъ и снѣжная мятель; ко мнѣ заходили солдаты, пріѣхавшіе съ фронта, поздравить съ наступающимъ праздникомъ (какъ будто бы можетъ быть какой-нибудь праздникъ при теперешней обстановкѣ; разсказали, что на фронтѣ совсѣмъ тихо, въ ротахъ остались только тѣ, кому идти некуда или не охота возвращаться домой — человѣкъ по 20—25 въ ротѣ; это сразу облегчило продовольственный вопросъ, и ѣдятъ сейчасъ на фронтѣ обильно и хорошо.

Въ городѣ распространился слухъ, что Крыленко рѣшилъ объявить священную войну всему міру. Положеніе народныхъ комиссаровъ сейчасъ очень неважное: совершили самыя отборныя подлости, отдали на поруганіе всѣ національныя святыни, сманили на свою сторону товарищей, суля имъ немедленный миръ, а вмѣсто этого и на внѣшнемъ фронтѣ что-то не клеится, да и въ самой странѣ получились новые внутренніе фронты, гдѣ придется воевать и воевать серьезно, ибо оттуда поднимается волна на уничтоженіе комиссародержавія и большевизма.

25 Декабря. Печальное, небывало грустное Рождество; сидимъ во мракѣ; электричество даютъ вечеромъ отъ 9 до 10 часовъ, а свѣчи не по карману. Праздничное довольствіе выразилось въ дачѣ еще одной восьмой фунта хлѣба.

Вспоминается прошлое Рождество среди частей 70 дивизіи, въ расцвѣтѣ боевыхъ надеждъ, когда такой близкой казалась возможность скорой побѣды надъ врагомъ, когда и въ мысляхъ не могло быть, что придется встрѣчать слѣдующее Рождество въ такой ужасной обстановкѣ.

26 Декабря. Былъ въ Главномъ Управленіи у генерала Рябикова, вѣдающаго всей агентурой; онъ сообщилъ, что принципіально моя командировка рѣшена, но надо какъ нибудь получить согласіе военныхъ комиссаровъ, въ какомъ направленіи дѣло сейчасъ и ведется. Управленіе Генералъ-квартирмейстера пока еще держится по старому, ведетъ всѣ заграничныя сношенія.

Всѣ концы приходится дѣлать пѣшкомъ, такъ какъ трамваи не ходятъ; утромъ натыкаешься иногда на трупы убитыхъ ночью или на лужи крови; по послѣднимъ всѣ проходятъ также равнодушно, какъ если бы это были лужи воды. По утрамъ на улицахъ бредутъ массы офицеровъ въ штатскомъ, самомъ разношерстномъ одѣяніи; сегодня попался одинъ въ наспѣхъ перешитой женской шинели и въ папахѣ съ выпоротымъ галуномъ; изъ подъ шинели торчали высокіе сапоги.

27 Декабря. Утромъ вышли разрѣшенныя большевиками газеты; содержаніе — обычный винегретъ изъ воплей эсеровъ объ Учредительномъ Собраніи и изъ пережевываній вопроса о заключеніи мира. Заходилъ пріѣхавшій съ фронта телефонистъ 70 дивизіи; говоритъ, что сейчасъ въ частяхъ стало совсѣмъ сносно, ибо самые отъявленные трусы и шкурники дезертировали, а главные и наиболѣе ѣдкіе агитаторы устремились или въ Петроградъ, или домой въ надеждѣ сдѣлать тамъ большевистскую карьеру и проскочить въ комиссары; на фронтѣ же остались наиболѣе инертные и по сути спокойные солдаты; войны нѣтъ, службы нѣтъ почти никакой, кормятъ сносно, деньги даютъ, чего же еще больше желать. Когда уходили по домамъ, то растаскивали полковые запасы (дѣлили «чихаусы»), а часть обозныхъ и артиллеристовъ уѣхали на долгихъ, запрягши въ казенныя повозки облюбованныхъ и сохраненныхъ лошадей.

28 Декабря. Былъ у Управляющаго Военнымъ Министерствомъ генерала Н. М. Потапова (мой сослуживецъ по Л. гв. 3 артиллерійской бригадѣ); во внѣшности все по старому, тотъ же кабинетъ начальника Генеральнаго Штаба, тотъ же секретарь, тотъ же порядокъ пріема.

Не завидую я всѣмъ, застигнутымъ большевизіей на петроградскихъ постахъ и вынужденнымъ продолжать работу и тянуть ставшую каторжной лямку въ надеждѣ, что случится какое-то чудо; это не служба, а какой-то мрачный и невыносимый винегретъ изъ уступокъ собственной совѣсти, компромиссовъ, ухищреній, выторговываній, поддѣлываній подъ тонъ комиссаровъ, въ надеждѣ спасти хоть какіе-нибудь осколки здороваго стараго.

29 Декабря. Насъ перевели на $1/4$ фунта хлѣба; спасаемся только картофелемъ, но и тотъ дошелъ до 30 руб. за пудъ, да чтобы его достать приходится съ 2—3 часовъ ночи становиться въ хвосты и отчаянно мерзнуть. По свѣдѣніямъ газетъ, во многихъ частяхъ Россіи начался свирѣпый голодъ, а въ Туркестанѣ убиваютъ стариковъ. Здѣсь начинаютъ чертобродить именующіе себя анархистами, а въ дѣйствительности отборные подонки тюрьмы и хулиганщины.

Пріѣхалъ мой бывшій начальникъ штаба корпуса полковникъ Бѣловскій; по его словамъ, никакой арміи нѣтъ; товарищи спятъ, ѣдятъ, играютъ въ карты, ничьихъ приказовъ и распоряженій не исполняютъ; средства связи брошены, телеграфныя и телефонныя линіи свалились, и даже полки не соединены со штабомъ дивизіи; орудія брошены на позиціяхъ, заплыли грязью, занесены снѣгомъ, тутъ же валяются снаряды со снятыми съ нихъ аллюминіевыми колпачками (перелиты въ ложки, подстаканники и т. п.). Нѣмцамъ все это отлично извѣстно, такъ какъ они подъ видомъ покупокъ забираются въ наши тылы верстъ на 35—40 отъ фронта; нашихъ товарищей нѣмцы къ себѣ не пускаютъ, держатъ ихъ въ струнѣ и позволяютъ торговать только у особо поставленныхъ рогатокъ. Видѣлъ бывшаго командира 27 корпуса ген. Кузьмина-Караваева, только что пріѣхавшаго изъ Тифлиса отъ Главнокомандующаго Кавказской арміей; ѣхать сейчасъ, по его словамъ, хуже всякой каторги; онъ самъ видѣлъ нѣсколькихъ пассажировъ, въ томъ числѣ двухъ дамъ, которые были втиснуты въ разрушенныя уборныя, завалены тамъ солдатскими вещами, и ѣхали такъ 10 дней, покупая дорогой цѣной приносимую имъ товарищами воду.

Бѣловскій, между прочимъ, разсказывалъ, что оставшійся въ послѣднее время корпуснымъ комиссаромъ старый солдатъ приходилъ къ нему по вечерамъ и тихонько шепталъ на тему, что теперь все спасеніе въ томъ, чтобы Царя назадъ вернуть.

30 Декабря. Всячески, но пока безплодно пытаюсь достать себѣ не внушающіе подозрѣнія документы, чтобы, при неуспѣхѣ комбинаціи съ японской командировкой, пытаться пробраться на югъ; ругаю себя за малую революціонную опытность: надо было еще при старомъ корпусномъ комитетѣ и комиссарѣ заручиться нѣсколькими бланками за печатями; можно было достать тоже и изъ армейскаго комитета.

31 Декабря. Послѣдній день рокового для Россіи года; за этотъ годъ прожиты многія сотни лѣтъ, а результаты его отразятся на жизни многихъ десятковъ грядущихъ поколѣній. Сидимъ въ самомъ мрачномъ настроеніи, такъ какъ всѣ попытки достать необходимые для отъѣзда документы провалились.

Черноморскій флотъ разразился звѣрскимъ истребленіемъ своихъ офицеровъ. Большевики хорошо понимаютъ, что на ихъ пути къ овладѣнію Россіей и къ погруженію ея въ бездну развала, ужаса и позора главнымъ и активнымъ врагомъ ихъ будетъ русское офицерство и стараются во всю, чтобы его истребить.

Черезъ $1/4$ часа перелѣзаемъ въ Новый годъ; несмотря ни на что, хочется на что-то надѣяться, но пусто отзывается это въ сердцѣ; слишкомъ мрачны и неприкрашены тѣ пучины русской дѣйствительности и тѣ звѣриные инстинкты водителей темныхъ массъ русскаго народа, которые «обло, стозѣвно, лаяй и искій кого бы поглотити» вылѣзли наружу и своимъ гноемъ залили все прошедшее и погубили всякія надежды на будущее.

1918 годъ.

1 Января. Трамваи не ходятъ; газетъ нѣтъ; электричество не горитъ; въ животѣ пусто, а въ головѣ и на душѣ какая-то сѣрая слякоть. По истинѣ правъ я былъ, отвѣтивъ на прошлую Пасху на поздравленіе Жилинскаго объ избавленіи меня отъ большой опасности (снарядъ хватилъ между ногами моей лошади, и я отдѣлался только контузіей), что, быть можетъ, я былъ бы счастливѣе, если бы снарядъ попалъ нѣсколько ближе и выше. Умирать все равно когда-нибудь надо.

Спасительный картофель все лѣзетъ вверхъ, сегодня фунтъ его стоитъ уже одинъ рубль, а самъ онъ мерзлый, тяжелый, да земли на немъ еще на гривенникъ.

2 Января. Сидѣть въ темнотѣ при теперешнемъ настроеніи — это кошмаръ, хуже голода; ни читать, ни заниматься; завидуешь тѣмъ квартирантамъ, которые по наряду домоваго комитета сторожатъ входные подъѣзды и ворота и въ распоряженіе которыхъ дается фонарь. Кругомъ вооруженные грабежи, кражи; вчера толпа расправилась самосудомъ съ двумя пойманными около насъ ворами; вообще самосудъ начинаетъ прививаться; очевидно, онъ сродни намъ, а сейчасъ, кромѣ того, даетъ хоть какой-нибудь отвѣтъ на общій вопль найти гдѣ-нибудь защиту. Интересно, что въ самосудѣ принимаютъ участіе многіе интеллигентные по виду зрители, и даже дамы; нервы у всѣхъ такъ взвинчены, что большинство безсильно противостоять заболѣванію эмоціями толпы въ ихъ острыхъ проявленіяхъ.

3 Января. Въ Главномъ Управленіи считаютъ, что наша командировка прошла, такъ какъ, повидимому, удалось измѣнить или преодолѣть желаніе военнаго комиссара Склянскаго похерить всѣхъ военныхъ агентовъ; говорятъ, что помогло неопредѣленное положеніе съ заключеніемъ перемирія, и родившаяся изъ того тенденція повременить открытымъ разрывомъ съ союзниками; говорятъ также, что, давая согласіе на командировку трехъ офицеровъ генеральнаго штаба, (меня, Водара и Гудимъ-Левковича) Склянскій сказалъ: «пусть ѣдутъ, но только обязуются насъ не ругать».

Положеніе Главнаго Управленія съ каждымъ днемъ тяжелѣе и невыносимѣе; надняхъ одинъ изъ чиновниковъ, желая подслужиться къ большевикамъ, донесъ Смольному, что не всѣ заграничныя телеграммы докладываются начальникомъ Генеральнаго Штаба; послѣдовалъ обыскъ, отобраніе всѣхъ шифровъ и полная невозможность дальнѣйшей секретной оріентаціи нашихъ агентовъ и пословъ.

Вечеромъ видѣлъ телеграмму генералъ-квартирмейстера Западнаго Фронта Подполковника Соллогуба, очень ярко рисующую картину разложенія всѣхъ армій фронта, разрушенія всей организаціи; доносится, что арміи даже нельзя тронуть съ мѣста и отвести назадъ, такъ какъ все, еще оставшееся, немедленно разсыпется, ринется домой и уничтожитъ всѣ прилегающіе къ тыламъ армій районы.

Повседневная административная работа замираетъ, ибо старые цензовые работники разогнаны, а выбранные на ихъ мѣста крикуны, весь цензъ которыхъ только въ глоткѣ и ни передъ чѣмъ не останавливающейся дерзости, ни уха, ни рыла не понимаютъ въ томъ дѣлѣ, вертѣть которое взялись.

4 Января. Вызывали въ Главное Управленіе Генеральнаго Штаба; нѣсколько человѣкъ нашихъ офицеровъ судорожно пытаются спасти положеніе, сохранить организацію и всячески тормозить работу большевиковъ на разрушеніе, въ надеждѣ, что царство звѣря продолжится недолго. Я высказалъ имъ свое мнѣніе, что ихъ самопожертвованіе безполезно, ибо комиссары очень хорошо понимаютъ, какъ къ нимъ относятся, и спѣшно работаютъ надъ созданіемъ собственнаго аппарата военнаго управленія, составленнаго изъ своихъ или изъ надежно купленныхъ людей; то, что дѣлается сейчасъ въ военномъ комиссаріатѣ и въ штабѣ красной арміи, куда перетягиваются цѣлые отдѣлы Главныхъ Управленій, показываетъ достаточно убѣдительно, къ чему стремятся большевики. Намеки на это я слышалъ еще въ Двинскѣ незадолго до своего отъѣзда, когда кто-то изъ большевистскихъ комитетчиковъ, только что вернувшійся изъ Петрограда отъ Склянскаго и Подвойскаго, разболтался по поводу грядущихъ реформъ, желая этимъ показать, очевидно, свою близость къ высокимъ сферамъ; онъ тогда прямо сказалъ, что старыя учрежденія будутъ щадиться до тѣхъ поръ, пока на ихъ мѣсто не построятся комиссарами свои собственныя.

Собираю въ генералъ-квартирмейстерствахъ всѣ данныя о дѣйствительномъ положеніи фронта и страны, чтобы имѣть возможность по пріѣздѣ на Дальній Востокъ оріентировать наши посольства въ Токіо и Пекинѣ; захватъ шифровъ лишилъ Главное Управленіе возможности дѣлать это телеграфомъ. Приходится все накапливать въ памяти, такъ какъ при современномъ положеніи брать съ собой какіе-либо документы невозможно. Общее настроеніе въ Главномъ Управленіи очень оптимистическое; надѣются на здравый смыслъ народа (они не были на фронтѣ) и увѣряютъ, что ко времени прибытія командируемыхъ заграницу на мѣста обстановка рѣзко измѣнится къ лучшему.

Сегодня вышло новое положеніе объ окладахъ содержанія; Главный Штабъ и Управленія выдержали страшную борьбу, но умудрились внести въ это положеніе много здраваго смысла; самое главное, что абсолютное равенство окладовъ признано абсурднымъ и вся реформа свелась къ тому, что младшимъ прибавили, а старшимъ убавили, и сдѣлали это разумно, такъ какъ высшіе оклады военнаго времени были у насъ непомѣрно велики; послѣ удачной войны можно раздавать особо отличившимся денежныя награды, дарить дома и земли, но безсмысленно въ тяжелое время войны разсыпать милліоны на выдачу такихъ окладовъ, которые по своимъ размѣрамъ ведутъ или къ невѣроятно роскошной жизни или къ накопленію состояній.

Городъ въ ажитаціи по поводу предстоящаго открытія Учредительнаго Собранія; слухи ползаютъ самые пестрые и разнообразные; большевики готовятся во всю, чтобы остаться хозяевами положенія, и несомнѣнно не остановятся ни передъ чѣмъ. Въ Неву привели линейный корабль, два крейсера и нѣсколько миноносцевъ, а составъ гарнизона усиленъ латышами и надежными матросскими отрядами. Что могутъ противопоставить сему товарищи эсеры и прочіе говорливые, но мало дѣйственные сторонники Учредительнаго Собранія.

5 Января. Въ нашемъ районѣ день прошелъ спокойно; въ сторонѣ Литейнаго и Таврическаго Дворца была стрѣльба; пришедшіе оттуда говорятъ, что есть убитые и раненые; обыватель пришипился и только собираетъ слухи. По улицамъ ѣздятъ вооруженные автомобили и ходятъ патрули, съ самыми хулиганскими мордами.

Состоялось ли открытіе «Учредиловки», какъ ее вульгарно теперь называютъ, неизвѣстно; большевики вѣдь все равно власти не отдадутъ: не для того они ее захватывали; кому охота лишаться всѣхъ матерьяльныхъ и честолюбивыхъ сладостей, связанныхъ съ нахожденіемъ у власти, и уходить въ небытіе подъ пяту новаго властелина или прятаться въ подполье и начинать вновь голодное нелегальное существованіе.

Сами комиссары не уйдутъ, а прогнать ихъ силой въ распоряженіи Учредительнаго Собранія нѣтъ средствъ; болтать за него языкомъ охотниковъ много, а поработать руками почти никого; всѣ будто очень довольны, если придетъ какой-то дядя и прогонитъ сквернаго буку, но никто не желаетъ прогнать его самъ, боясь опасности и непріятныхъ послѣдствій.

Робкій и трясущійся обыватель способенъ только на жалобы (да и то больше шопоткомъ), на тайныя мольбы о приходѣ избавителя, на громкія иногда резолюціи, но не болѣе. Достаточно подходящаго количества матросни и красноармейщины, чтобы обывательщина забралась въ свои мурьи и, обливаясь отъ страха холоднымъ потомъ, была готова лобызать любыя лапы, лишь бы сохранить прикупленные запасы и свои обывательскіе животишки.

Тряслись передъ опричниками, тряслись передъ голубыми ангелами и гороховыми пальто, теперь трясутся передъ товарищами комиссарами.

Въ безформенности, слякотности и трусости нашего обывателя главнымъ образомъ и кроется та нелѣпость, которая позволяетъ уголовно-хулиганской шайкѣ уже второй мѣсяцъ верховодить Россіей, являя міру гнуснѣйшіе образцы охлократіи.

Вчера наканунѣ созыва «Учредилки» большевики выстрѣлили въ массы весьма сумбурной декларацiей правъ.

Вообще векселей и обязательствъ подписано и выброшено во всеобщее употребленіе цѣлая куча; расплачиваться за нихъ вѣдь не комиссарамъ, а Россіи; время же расплаты комиссары постараются оттянуть насколько возможно, а, если кто подумаетъ торопить, то покажутъ латышскіе и матросскіе штыки.

6 Января. Оказывается, что открытіе Учредительнаго Собранія состоялось, но окончилось его разгономъ. Суть недолгаго засѣданія свелась къ руготнѣ двухъ враждующихъ сторонъ. Преобладаніе въ собраніи эсеровъ, на которыхъ большевики смотрятъ какъ на срочныхъ и наиболѣе опасныхъ враговъ, предрѣшило его судьбу. Большевики слишкомъ цѣнятъ власть, чтобы потерять ее только на основаніи голосованій и резолюцій; они дадутъ говорить пулемету, штыку, кулаку и дубинѣ — основнымъ инструментамъ ихъ оркестра.

7 Января. Вышелъ большевистскій декретъ о роспускѣ Учредительнаго Собранія; какъ явно контръ-революціоннаго — въ ярлыкахъ и терминахъ комиссары не стѣсняются и берутъ образцы позабористѣй и похлеще. Теперь очередь за учрежденіемъ россійскаго конвента.

Можно себѣ представить какіе вопли поднимутъ теперь эсеровскія газеты и какое море негодованія будетъ ими разведено по поводу этого неизбѣжнаго событія.

Эсеровскіе вожди должны были давно уже прозрѣть, кто такой ихъ противникъ, на чемъ онъ базируется и въ чемъ его сила; тогда они обязаны были подумать, чтобы ко времени рѣшительнаго столкновенія противопоставить силу — силѣ, а не ораторскіе надрывы Чернова и Ко. латышскому штыку и матросскому кулаку.

Эсеровскіе вожди обязаны были понять, что передъ ними стоитъ врагъ, несравненно болѣе рѣшительный, чѣмъ былой Царскій режимъ, а кромѣ того несравненно болѣе безпринципный, жестокій и способный на все. При Царяхъ, наравнѣ со многими, рожденными придворнымъ болотомъ недостатками, стояло благородство аристократической расы, состраданіе, подчасъ величіе души и всегда тѣ сдерживающіе стимулы, которые отличаютъ цивилизованнаго человѣка отъ гориллы и звѣроподобнаго дикаря. Нынѣ же все попало подъ власть больной, патологической и звѣриной похоти и прихоти изувѣровъ-маніаковъ, подкрѣпленныхъ бандами негодяевъ, преступниковъ и хулигановъ, случайно выбившихся на верхъ и на проломъ идущихъ къ намѣченной цѣли.

Большевики не постѣснились позавчера встрѣтить пулеметами толпы народа, попытавшіяся манифестировать въ пользу Учредительнаго Собранія, а когда Собраніе оказалось неподходящаго состава, то его въ два счета разогнали латышскими стрѣлками (послѣднихъ не трудно понимать, такъ какъ чѣмъ хуже Россіи, тѣмъ больше четолюбивыхъ надеждъ у разныхъ мелкихъ народностей).

Стрѣльба 5 Января все же очень «недемократична», и поэтому всю вину и отвѣтственность за нее комиссары валятъ опять на буржуевъ, этихъ новоявленныхъ мальчиковъ для сѣченія за всѣ вины большевистской власти. Направляя толпы на буржуевъ, большевики чужими руками расправляются съ опасными для нихъ элементами и въ то же время даютъ направленіе для разряда неудовольствія и ненависти, накапливающихся и противъ нихъ самихъ въ тѣхъ массахъ и подонкахъ населенія, которымъ они столько обѣщали, но удовлетворить во всю ширину ихъ вождѣленій не могли, и которымъ также хочется дорваться до власти и попировать вволюшку.

8 Января. Былъ въ Главномъ Управленіи Генеральнаго Штаба, гдѣ засталъ интересное засѣданіе: изъ Бреста пріѣхалъ членъ мирной депутаціи ген. штаба Капитанъ Липскій и привезъ на разрѣшеніе цѣлую кучу вопросовъ, на которые сегодня же надо дать отвѣтъ; узналъ, что нѣмцы рѣшили провести будущія границы Россіи по линіи современнаго фронта, и что однимъ изъ условій мира поставлена немедленная демобилизація русской арміи; Курляндія и Польша остаются занятыми нѣмецкими войсками, такъ какъ эти страны уже «самоопредѣлились и, по заявленію нѣмцевъ, желаютъ находиться подъ нѣмецкимъ протекторатомъ (послѣ большевистскихъ экспериментовъ запросишься подъ любой протекторатъ, лишь бы избавиться отъ комиссаровъ!)

Предлагаемая нѣмцами граница отбрасываетъ насъ на сотни лѣтъ назадъ и ставитъ Россію въ невѣроятно невыгодное стратегическое положеніе, такъ какъ всѣ главные желѣзнодорожные узлы остаются внѣ этой границы, и все что сдѣлано по постройкѣ стратегической сѣти нашихъ пограничныхъ районовъ въ корнѣ уничтожается.

Кромѣ того по проекту договора Эзель и Даго отходятъ отъ Россіи и входы въ Финскій заливъ находятся не въ нашихъ рукахъ. Всѣ эти требованія, по словамъ Липскаго поставлены нѣмцами въ самой ультимативной формѣ, а вопросъ о границахъ южнѣе Бреста будетъ рѣшаться съ украинцами самостоятельно.

Прямо одурь беретъ отъ того, какой цѣной расплачиваются большевики за предоставленіе имъ возможности захватить власть надъ Россіей; вѣдь даже проиграй мы прямо войну, условія не были бы хуже и позорнѣе.

Видѣлъ своего стараго врага по крѣпостнымъ вопросамъ, безталаннаго, но вліятельнаго евнуха нашей военно-инженерной техники генерала Величка; онъ изображаетъ

что-то въ родѣ Инспектора по инженерной части и пріѣхалъ изъ Ставки, управляемой Бончъ Бруевичемъ, мерзѣйшей памяти «Маскоттой» старичка Рузскаго. Величко увѣряетъ, что представители союзниковъ до сихъ поръ торгуются съ большевиками по части сохраненія на русскомъ фронтѣ призрака состоянія войны и отказа отъ идеи заключенія сепаратнаго мира; при этомъ большевики ничего опредѣленно не говорятъ, но ставятъ первымъ условіемъ офиціальное признаніе союзниками ихъ власти.

Ночью красноармейцы убили въ Маріинской больницѣ перевезенныхъ туда изъ Петропавловской крѣпости Кокошкина и Шингарева; послѣдній былъ крупной и очень симпатичной политической фигурой чисто практическаго характера.

9 Января. Весь день прошелъ въ бѣготнѣ по полученіи права на выѣздъ изъ Петрограда; порядокъ или, вѣрнѣе, безпорядокъ такой же, какъ и раньше, но безъ присущей прежнему режиму дѣловитости и опредѣленности (даже въ необходимыхъ смазкахъ); новые чины ничего не понимаютъ въ своемъ дѣлѣ, но строго соблюдаютъ всѣ внѣшнія формы, что еще болѣе затягиваетъ всю процедуру ихъ дѣлопроизводства. Всюду надписи, «просятъ не оскорблять швейцаровъ и курьеровъ предложеніемъ чаевыхъ», но берутъ такъ же, какъ и прежде. Надо получить какой-нибудь паспортъ для себя и для жены, взамѣнъ наличныхъ генеральскихъ, дабы избѣжать по пути всякихъ непріятностей.

Комиссаръ Главнаго Управленія Генеральнаго Штаба положилъ свою печать и подпись на удостовѣреніи личности, данномъ этимъ управленіемъ, но у жены паспортъ на имя жены генералъ-лейтенанта.

10 Января. Заходилъ въ кредитную канцелярію, чтобы узнать нельзя ли получить нѣкоторое количество валюты въ обмѣнъ на рубли; оказалось, что въ самомъ началѣ большевистскаго хозяйничанья вся наличная въ канцеляріи валюта куда-то исчезла, остались только греческія драхмы и румынскія леи. Порядки въ канцеляріи самые современные: никто не зналъ, что у нихъ имѣется по части валюты, а затѣмъ принесли ящикъ и стали считать сваленныя туда иностранныя деньги, раздѣляя ихъ тутъ же по категоріямъ.

Съ паспортами еще хуже, такъ какъ послѣ трехдневныхъ мытарствъ заявили, что безъ разрѣшенія Троцкаго не выдаютъ паспортовъ лицамъ, уѣзжающимъ заграницу, и что поэтому мнѣ надо отправляться въ Смольный Институтъ и хлопотать о разрѣшеніи.

На такую поѣздку я совершенно не способенъ, даже если бы она и дала мнѣ право на выѣздъ. Рѣшилъ попробовать еще разъ достать паспортъ въ бывшемъ Градоначальствѣ, а если не удастся, то пытаться пробраться на Дальній Востокъ и при одномъ удостовѣреніи Главнаго Управленія.

Скверно то, что по всѣмъ этимъ мытарствамъ приходится ходить пѣшкомъ съ Петроградской стороны, да еще въ полуголодномъ состояніи.

11 Января. Пускаюсь на всякія ухищренія для добычи паспорта, даннаго совѣтской властью; получилъ необходимые квитки отъ домоваго комитета и отъ комиссара Петроградской части. Но въ Градоначальствѣ опять налетѣлъ на требованіе доставить разрѣшеніе отъ кого-нибудь изъ военныхъ комиссаровъ, старые служащіе градоначальства относятся ко мнѣ очень сочувственно, но комиссаръ сама непреклонность. Мои сотоварищи по командировкѣ пытались добыть паспорта черезъ министерство иностранныхъ дѣлъ и сначала была надежда на успѣхъ; но затѣмъ товарищъ комиссара Легранъ, обѣщавшій «дать», поссорился съ товарищемъ комиссара Залкиндомъ, который приказалъ «не давать», заявивъ, что онъ постарается похерить всѣ заграничныя командировки и посылать туда надежныхъ товарищей, а не контръ-революціонныхъ генераловъ.

12 Января. Послѣ трехдневныхъ и трехночныхъ стояній въ хвостахъ досталъ билеты на сибирскій экспрессъ, отходящій 23 Января; рѣшилъ ѣхать безъ совѣтскихъ документовъ; говорятъ, что достаточно проскочить за Уралъ, а тамъ досмотры и повѣрки значительно рѣже. Очень боюсь, что за это время комиссары разберутся въ никчемности нашихъ командировокъ и насъ всѣхъ здѣсь прихлопнутъ.

Начали ходить трамваи, но на нихъ можно попасть при наличіи крѣпкой головы и увѣсистыхъ кулаковъ; давка въ вагонахъ такая, что у одной дамы вырѣзали спину каракулеваго пальто, что она замѣтила только послѣ того, какъ вылѣзла изъ вагона.

Встрѣтилъ только-что вернувшагося изъ Кіева полковника Станиславскаго; по его словамъ пѣсня Рады уже спѣта, такъ какъ на ея сторонѣ осталась только интеллигенція, а солдаты и крестьяне уже перешли на сторону большевиковъ, ослѣпленные полученными ими заманчивыми посулами.

Съ Дона тоже идутъ невеселыя вѣсти; повидимому, и тамъ начались какіе-то внутренніе раздоры на почвѣ борьбы за власть, вопроса о подчиненіи и т. п.

13 Января. Большевики скушали Учредительное Собраніе и животикъ у нихъ отъ этого не заболѣлъ. Встрѣтилъ нѣсколькихъ эсеровъ, членовъ стараго армейскаго комитета и разогнанной Учредиловки. Спросилъ ихъ почему они не примѣнятъ противъ комиссарской власти тѣхъ пріемовъ, коими они подрывали и терроризировали монархію; получилъ отвѣтъ, что такіе пріемы недопустимы въ демократической борьбѣ и что они желаютъ бороться въ открытую.

Въ городѣ пострѣливаютъ; по ночамъ ходить не безопасно, такъ какъ появились шайки грабителей, которые не только обираютъ все цѣнное, но и раздѣваютъ, снимая все платье и обувь.

14 Января. Скороспѣшная свадьба дочери; въ первый разъ надѣлъ всѣ ордена, включая и полученные за эту войну; положеніе было рискованное, такъ какъ въ церкви Ксеніинскаго пріюта, гдѣ происходило вѣнчаніе, пѣли пѣвчіе Семеновскаго полка и если бы кто-нибудь сообщилъ ближайшему комиссару, что въ церкви собрались генералы и офицеры въ погонахъ и орденахъ, то намъ была бы раздѣлка и всѣхъ насъ забрали бы въ узилище.

15 Января. Троцкій на съѣздѣ заявилъ, что требованія нѣмцевъ невыносимы, но воевать мы не можемъ; поэтому онъ не въ состояніи гарантировать заключенія «честнаго демократическаго мира». Весьма пустозвонный и малопонятный наборъ словъ; думается, что и самъ ораторъ не въ состояніи объяснить въ чемъ должна заключаться «честность» и «демократичность», тѣмъ болѣе что оба эти понятія въ большевистскомъ обиходѣ совершенно неизвѣстны.

Въ общемъ одна изъ послѣднихъ сценъ комедіи, разыгрываемой подъ нѣмецкаго режиссера, умѣлое сдабриваніе сквернаго блюда, подносимаго бараньему стаду покорныхъ слушателей.

16 Января. Съ паспортомъ потерпѣлъ полное фіаско; комиссаръ градоначальства изволилъ «демократически разсердиться» и приказалъ мнѣ сказать, чтобы безъ разрѣшенія военнаго комиссаріата я не смѣлъ являться.

Приходится пускаться въ обильный повѣрками путь съ довольно ненадежнымъ документомъ.

17 Января. Въ Главномъ Управленіи видѣлъ интересное секретное сообщеніе изъ Парижа, передающее интимныя подробности Бернской соціалистической конференціи; изъ словъ нѣмецкихъ соціалистовъ видно, что Германія не надѣется на окончательную побѣду и считаетъ колоніи и вліяніе въ Сиріи и Мессопотаміи потерянными; поэтому-то и надо получить свободный рынокъ въ Россіи и тутъ возмѣстить и наверстать всѣ свои колоніальныя потери.

Вообще, на возможный исходъ войны смотрится почти исключительно съ коммерческой точки зрѣнія; знаменательно то, что интересы Турціи и Болгаріи совершенно игнорируются и за ихъ счетъ проэктируются разныя расплаты и компенсаціи.

18 Января. Весь день провелъ въ разныхъ хвостахъ; $2^1/_2$ часа простоялъ у кассы переводовъ Государственнаго Банка, чтобы получить присланные изъ корпуса 400 рублей, — за все это время удовлетворили только одиннадцать человѣкъ.

19 Января. Начались обыски квартиръ въ поискахъ скрытыхъ и накопленныхъ запасовъ разныхъ продуктовъ. Совѣтскія газеты оповѣщаютъ о какихъ-то замѣчательныхъ успѣхахъ своихъ войскъ на внутреннемъ южномъ фронтѣ и о томъ, что въ Германіи вспыхнула революція; послѣднюю сказку мы слышимъ уже не въ первый разъ: вспоминаю, какъ бѣсновалась на Невскомъ толпа, кажется, 2 Марта, когда по улицамъ носились автомобили, выкрикивали и разбрасывали плакаты съ объявленіями объ убійствѣ Вильгельма и раненіи Кронпринца.

Заходилъ Перфильевъ; говоритъ, что Сибиряки усердно работаютъ и готовятъ для грядущаго Сибирскаго Учредительнаго Собранія проекты по всѣмъ отраслямъ государственнаго устройства, экономической и общественной жизни, дабы сразу же приступить къ созидательной работѣ.

20 Января. Усилились пьяные погромы; въ районѣ Вознесенскаго проспекта и Екатериненскаго канала происходятъ цѣлые бои между бандами погромщиковъ и латышскими стрѣлками; разсказываютъ, что послѣ одной экзекуціи нѣсколько большихъ грузовиковъ вывозили на взморье трупы убитыхъ въ теченіе цѣлыхъ сутокъ. Сидимъ на голодной дачѣ; радуемся уже и $^3/_8$ фунтамъ хлѣба, ибо чаще получаемъ только четвертушку.

Товарищи торгуютъ во всю; у нихъ можно доставать хлѣбъ, сало, ветчину, отличное масло, сахаръ и всевозможные спиртные напитки; посредниками служатъ обыкновенно швейцары.

21 Января. Большевики захватили Александро-Невскую лавру, причемъ убитъ священникъ Скипетровъ; это вызвало сильное возбужденіе среди всѣхъ слоевъ населенія. Завтра предполагается грандіозный крестный ходъ и провозглашеніе анаѳемы всѣмъ покушающимся на церковь. Конечно, по своимъ нравамъ Александро-Невская лавра учрежденіе малопочтенное и весьма коммерческое, но здѣсь затронуты религіозныя чувства, очень эмоціональныя и способныя вызвать взрывы дѣйственности даже и у слабыхъ волей.

22 Января. Крестные ходы состоялись и кончились благополучно; картина была очень внушительная и чувствовалось, что тутъ затронуты весьма чувствительныя струны. Комиссары поняли, что есть такіе отдѣлы жизни, гдѣ не надо доводить настроеніе толпы до опасной точки кипѣнія, и не только не препятствовали крестному ходу, но и приказали своей опричнинѣ не задѣвать участвующихъ и вести себя корректно.

23, 24, 25 Января. 23-го вечеромъ тронулись въ далекій путь въ родныя сибирскія мѣста. При посадкѣ украли чемоданъ со всѣми моими документами, старыми фамильными бумагами и всѣми фотографіями родныхъ и дѣтей. Судьба какъ бы хочетъ показать, что прошлому полный конецъ; душа такъ обмозолилась, что я довольно тупо, съ чувствомъ уже оглушеннаго животнаго перенесъ эту потерю, которая въ былыя времена нанесла бы мнѣ жесточайшій ударъ. Послѣ того, что потеряно за время съ 1 Марта 1917 года, чувствительныхъ потерь быть уже не можетъ.

Но все же дорогой цѣной пришлось заплатить за разставанье съ проклятымъ Петроградскимъ болотомъ.

Ѣдемъ прилично; коридоры вагоновъ заполнены товарищами, которые ведутъ себя прилично, въ купе не лѣзутъ и даже стараются услужить, исполняя разныя мелкія порученія; объясняется это отчасти пожилымъ составомъ ѣдущихъ (старые солдаты срока службы 1901—2 годовъ), а также и строгими мѣрами, принятыми комиссарами, противопоставившими солдатамъ красную армію и красную милицію.

Ѣдемъ медленно, такъ какъ впереди идетъ воинскій поѣздъ, перегнать который товарищи никому не позволятъ. Чѣмъ дальше отъ Петрограда, тѣмъ больше на станціи продуктовъ и тѣмъ ниже цѣны. На станціяхъ полное безлюдье, такъ какъ желѣзнодорожные служащіе прячутся отъ товарищей, требующихъ отправки поѣздовъ внѣ всякихъ правилъ и творящихъ при отказѣ самыя жестокія насилія (кладутъ на рельсы и давятъ паровозами; засовываютъ въ локомотивныя топки и т. п.

Торговки съѣстными припасами сидятъ за толстыми деревянными рѣшетками — послѣреволюціонное новшество, котораго прежде не было.

Среди ѣдущихъ съ нами товарищей никакихъ политическихъ разговоровъ не слышно; всѣ мысли направлены къ дому и семьѣ, а затѣмъ къ покупкѣ хлѣба и добычѣ кипятку на станціяхъ.

На второй день пути въ поѣздъ стали лѣзть отставшіе отъ впереди идущихъ воинскихъ эшелоновъ; этотъ сортъ товарищей много похуже — расхлябанные, нахальные, многіе въ полпьяна, съ постоянной матерщиной на языкѣ, типичные представители городской и деревенской хулиганщины. Часть изъ нихъ ѣдетъ съ винтовками и ручными

гранатами, довольно непріятное сосѣдство, такъ какъ гранаты недостаточно тщательнаго изготовленія склонны къ самовзрыванію.

Когда подходили къ станціи Шарья, то тамъ происходило побоище между прибывшимъ на станцію эшелономъ и мѣстными милиціонерами; побоище окончилось восьмью убитыми и нѣсколькими десятками раненыхъ.

26 Января. Только утромъ добрались до Вятки, гдѣ насъ угостили форменнымъ обыскомъ съ выворачиваніемъ всѣхъ вещей; у меня даже откупорили всѣ бывшія у меня шесть бутылокъ Боржома; искали оружіе, спиртные напитки и драгоцѣнные металлы; едва успѣлъ спрятать часы и уцѣлѣвшую у меня золотую медаль. При производствѣ обыска была видна опытная рука, но наружно были утонченно вѣжливы, сами ничего не трогали, а все заставляли дѣлать самихъ владѣльцевъ.

Вагонъ-ресторанъ у насъ анексировали для какого-то чрезвычайнаго комиссара Сѣверной Области, носящагося въ великолѣпномъ поѣздѣ изъ царскихъ вагоновъ и творящаго судъ и расправу; на станціи разсказывали, что сегодня утромъ онъ нагналъ эшелонъ, устроившій побоище на ст. Шарья, и разстрѣлялъ тутъ же на полотнѣ всѣхъ зачинщиковъ.

Увидавъ въ нашемъ поѣздѣ вагонъ-ресторанъ грозный комиссаръ рѣшилъ, что буржуи могутъ обойтись и безъ этого вагона, и перевелъ его на свой меридіанъ; намъ это все равно, ибо мы имъ не пользуемся, но за то въ отчаяніи опіопровозители, составляющіе половину пассажировъ: оказывается, что у нихъ въ стѣнкахъ вагона-ресторана задѣлано восемь пудовъ опіума, стоимостью свыше полумилліона. Одинъ изъ нихъ остался въ Вяткѣ, очевидно для того, чтобы выручать свой товаръ.

Купилъ «Вятскую Правду» (всѣ «Правды» большевистскія); хроника сообщаетъ, что 23-го Января у Александровскаго Собора разстрѣляно пять грабителей; отмѣчено, что высшая мѣра наказанія — разстрѣлъ примѣнена потому, что при грабежахъ они именовали себя «большевиками».

27 Января. Подвижной составъ нашего поѣзда совсѣмъ расхлябанъ, чинимся чуть ли по пять-шесть разъ въ день. Двигаемся очень медленно, зато отъѣдаемся во всю; хлѣбъ всюду отличный, а главное, покупай его сколько тебѣ захочется. Ѣдемъ подъ угрозой, что дальше Екатеринбурга не пустятъ, такъ какъ желѣзнодорожные комиссары рѣшили уничтожить буржуйные экспрессы.

Разговорился съ ѣдущими въ нашихъ коридорахъ солдатами, преимущественно съ западнаго фронта; на революцію они смотрятъ съ точки зрѣнія перехода къ нимъ земли, а поднявшагося безпорядка въ большинствѣ не одобряютъ; соціализмъ въ земельномъ отношеніи понимаютъ въ томъ смыслѣ, что земля должна быть отдана имъ и затѣмъ дѣлается ихъ неотъемлемой собственностью съ правами наслѣдства и т. п.; представленія о томъ, что получится, если раздать всѣ церковныя, государственныя и помѣщичьи земли, не имѣютъ никакого; когда я спросилъ, сколько же по ихъ мнѣнію придется на брата, то они замялись, а потомъ одинъ нерѣшительно вымолвилъ, а другіе подхватили, что по сотни двѣ десятинъ, навѣрно, придется. Когда я имъ объяснилъ дѣйствительное положеніе, то на меня посмотрѣли недовѣрчиво и хорошія отношенія, бывшія между нами уже нѣсколько дней, сразу потускнѣли.

То же самое было и у меня въ корпусѣ; главной задачей моей Креславской школы и было дать солдатамъ крестьянамъ реальныя знанія по основамъ государственной, общественной и деревенской жизни

28 Января. За сутки проѣхали только 300 верстъ, много остановокъ изъ-за поломки подвижного состава. Встрѣчные пассажирскіе поѣзда безъ стеколъ, съ выломанными дверями; въ мягкихъ вагонахъ вся внутренность выдрана. Подсаживающіеся къ намъ, отставшіе отъ эшелоновъ товарищи, уходя, тащатъ съ собой коврики, занавѣски, оконные ремни, даже мѣдные гвоздики, но страдаютъ только коридоры и уборные.

Опять попали въ голодный районъ; на станціяхъ пусто, нельзя достать ни хлѣба, ни молока.

Въ поѣздъ сѣло нѣсколько уральскихъ общественныхъ дѣятелей, пробирающихся въ Томскъ; по ихъ словамъ всюду на заводахъ идетъ полный развалъ, и если такъ будетъ

продолжаться, то весь Уралъ скоро станетъ; будутъ продолжаться работы чисто мѣстнаго, полукустарнаго характера. Всюду идетъ страшное воровство, а гдѣ можно и грабежъ складовъ; кое-гдѣ начали разворовывать заводское оборудованіе.

29 Января. Въѣхали въ страну съ обиліемъ плодовъ земныхъ; Екатеринбургъ проскочили благополучно и ѣдемъ по линіи Тюмень—Омскъ; станціонные лотки завалены гусями, поросятами, бараниной, сыромъ, сливочнымъ масломъ, калачами и бѣлымъ хлѣбомъ; цѣны очень низкія, и оголодавшіе пассажиры жуютъ цѣлый день.

Въ Тюмени къ намъ сѣлъ Барнаульскій городской голова; по его словамъ въ Сибири идетъ уже большевистское движеніе, но не такое рѣзкое и радикальное, какъ у насъ въ Россіи. Настроеніе деревни пестрое: тамъ, гдѣ много солдатъ вернулось съ фронта, тамъ большевистское, а гдѣ поменьше — тамъ спокойное. Города, за исключеніемъ Семипалатинска, Кургана и Ирбита, махрово-большевистскіе и въ рукахъ пріѣзжихъ (по сибирски «навозныхъ») большевиковъ самаго каторжнаго типа; съ развaломъ власти, много уголовныхъ и каторжныхъ перекрасились въ политическіе мученики и вылѣзли въ крупныя политическія дамки.

Сейчасъ въ Сибири кипитъ большая работа по предстоящему переустройству всей сибирской жизни, стиснутой раньше давленіемъ Петрограда и Москвы; перспективы пока самыя радужныя, особенно въ промышленномъ и торговомъ отношеніяхъ. Съ довольствіемъ вообще хорошо; хуже въ городахъ. Алтайскій край переполненъ хлѣбомъ, но населеніе не хочетъ его продавать изъ ненависти къ городамъ. Сибирь за время войны очень разбогатѣла, продавая свое сырье.

30 Января. Проѣхали Омскъ; здѣсь узналъ, что большевики арестовали весь составъ Сибирской Областной Думы, и что заключенъ миръ съ Германіей. Значитъ вся Сибирская работа пошла на смарку; и здѣсь государственно настроенные элементы опоздали организаціей, не сумѣли во время создать реальную силу и на нее опереться; инертное населеніе ихъ не поддержало, и они рухнули подъ напоромъ городского большевизма. Всюду то же самое; всюду однѣ и тѣ-же ошибки. Страшно обидно за Сибирь; я очень надѣялся, что она станетъ оплотомъ противъ большевизма, и что на ней можно организовать спасеніе всей Россіи; вѣдь природнаго большевизма здѣсь нѣтъ.

Мира, собственно говоря, не заключили, а «прекратили состояніе войны»; новое международное, очень хитроумное понятіе.

Вышли декреты объ анулированіи всѣхъ займовъ и о національзаціи пароходныхъ предпріятій.

Коридоры вагоновъ, опустѣвшіе около Екатеринбурга и Тюмени, опять наполнились солдатами мѣстнаго сообщенія; многіе изъ нихъ жалуются, что деревню заѣдаетъ самогонка, разводящая небывалое еще пьянство; оттого и хлѣба мало, потому что много зерна идетъ на приготовленіе самогонки; пудъ зерна даетъ этимъ путемъ до ста рублей чистой прибыли; аппаратовъ же для гонки сколько угодно, такъ какъ ими были полны склады разгромленныхъ акцизныхъ управленій, въ которыхъ хранились отобранные въ прежнія времена у населенія самогоночные аппараты.

31 Января. Едва выскочилъ, да и выскочилъ-ли еще изъ очень сквернаго положенія. Въ Ново-Николаевскѣ при провѣркѣ документовъ какой-то прыщавый товарищъ обратилъ вниманіе на паспортъ моей жены, написанный на имя генералъ-лейтенанта и уже почти передъ отправленіемъ снялъ меня съ поѣзда и отправилъ въ мѣстный совдепъ; тамъ засѣдало нѣсколько прапорщиковъ и старыхъ солдатъ подъ предсѣдательствомъ какого-то интеллигентнаго субъекта докторскаго или учительскаго типа. Выслушавъ докладъ взявшаго меня товарища, предсѣдатель коротко распорядился «снять съ поѣзда и отправить на гауптвахту». Я пытался указывать на свою оффиціальную командировку; заявилъ, что я ѣду съ чрезвычайно серьезнымъ порученіемъ въ Японію и что задерживающіе меня рискуютъ отвѣтить передъ совѣтомъ народныхъ комиссаровъ.

На послѣднее предсѣдатель очень рѣзко буркнулъ, что они очень мало безпокоятся, какъ отнесется къ нимъ Москва; выручила меня добавочная фраза предсѣдателя «много васъ тутъ ѣдетъ со всякими документами; чѣмъ вы докажете, что вы тотъ, за кого себя выдаете». На мое счастье въ помѣщеніи совдепа оказался ѣхавшій на Дальній Востокъ

назначенный туда комиссаромъ поручикъ Левицкій, бывшій гимназистъ Владивостокской гимназіи, знавшій меня по отношенію къ бойскоутскимъ организаціямъ, который и заявилъ, что знаетъ, что я дѣйствительно то лицо, которое означено въ имѣвшихся у меня документахъ.

Въ мою судьбу вмѣшались бывшіе въ совдепѣ солдаты и въ концѣ концовъ рѣшили арестовать меня въ поѣздѣ и отдать подъ надзоръ комиссара Левицкаго, а за это время запросить Петроградъ и рѣшить мою судьбу уже въ Иркутскѣ. Предсѣдатель долго упирался, настаивалъ на томъ, что если бы у меня дѣйствительно было важное порученіе въ Японію, то мои документы были бы за подписью Троцкаго и военныхъ комиссаровъ, и только подъ давленіемъ членовъ солдатъ, стоявшихъ за необходимость пропустить меня скорѣе въ Японію, сдался на предложенный компромиссъ. Причину ярости предсѣдателя я усматриваю изъ его интереса, не братъ ли я прокурора Красноярскаго окружнаго суда; вѣроятно, съ тѣмъ у него остались какіе-нибудь счеты по старой судимости.

Передъ возвращеніемъ въ поѣздъ долго допытывались, не знаю ли я по Дальнему Востоку какого-то казачьяго есаула Семенова.

1 Февраля. Вездѣ на станціяхъ уже 14 февраля, такъ какъ большевики декретировали переходъ на новый стиль. Ѣду подъ вагоннымъ, такъ сказать, арестомъ. Нашъ поѣздъ медленно ползетъ въ хвостѣ пачки изъ пяти эшелоновъ демобилизованныхъ солдатъ, которые никого впередъ не пускаютъ. Жена спросила одного начальника станціи, почему они не пропустятъ экспресса впередъ во время остановки товарищей на продовольственныхъ пунктахъ, на что тотъ ей отвѣтилъ: «сударыня, развѣ охота кому умирать раньше времени и насильственной смертью».

Наши опіоторговцы отъ Вятки въ угнетенномъ состояніи; ѣдущій съ нами владивостокскій купецъ Поповъ разсказываетъ, что опіоторговля за послѣднее время получила прочную организацію и имѣетъ цѣлую сѣть конторъ и агентовъ; наиболѣе дорогой опіумъ везется изъ Персіи и Туркестана въ Петроградъ, тамъ задѣлывается въ стѣнки экспрессныхъ поѣздовъ и переѣзжаетъ въ Харбинъ. Главная агентура состоитъ изъ очень нарядныхъ, но также очень развязныхъ дамъ, умѣющихъ въ нужныхъ случаяхъ быть дамами, пріятными во всѣхъ отношеніяхъ, для тѣхъ агентовъ власти, кои могутъ мѣшать торговлѣ; зарабатываютъ онѣ по нѣсколько десятковъ тысячъ рублей въ рейсъ и потому швыряютъ деньгами во всю.

2 Февраля. Встрѣтилъ въ коридорѣ сосѣдняго вагона нѣсколькихъ старыхъ солдатъ своего бывшаго корпуса, ѣдущихъ съ фронта; очень жалуются на то, что по дорогѣ имъ не было житья отъ красноармейцевъ, занимающихъ большія станціи; солдатъ всячески притѣсняютъ, бьютъ и даже разстрѣливаютъ. Быстро разсчитываются комиссары съ тѣми, при помощи кулаковъ и темноты которыхъ они вылѣзли на верхи Россійской власти. Цейхгаузы на фронтѣ всѣ подѣлили, а кто поближе, ушелъ домой съ конями и съ повозками.

3 Февраля. Попадающіяся по дорогѣ сибирскія газеты даютъ достаточно яркую картину захвата Сибири большевиками; центръ большевизма повидимому Иркутскъ, томскія же областническія организаціи совершенно разгромлены. Мѣстные большевики считаютъ себя автономными и связанными съ Петроградомъ только партійными интересами; мнѣ это очень не улыбается ввиду предстоящаго рѣшенія моей судьбы въ Иркутскѣ.

Былъ испытуемъ везущимъ меня комиссаромъ Левицкимъ по поводу тѣхъ порученій, съ которыми я ѣду въ Японію; отвѣтилъ, что до пріѣзда на мѣсто, это совершенно исключительный секретъ начальника Генеральнаго Штаба и не можетъ быть никому сообщенъ. Узналъ, что для комиссаровъ проѣздъ на Харбинъ закрытъ, такъ какъ въ районѣ Читы сидятъ казаки какого то есаула Семенова, которые разстрѣляли попавшагося имъ въ поѣздѣ товарища морского комиссара, а его спутникамъ матросамъ всыпали по 150 нагаекъ и вернули ихъ обратно въ Иркутскъ.

Отпускъ выпоротыхъ товарищей обратно не особенно уменъ, такъ какъ они начнутъ мстить, отчего будутъ страдать тѣ офицеры, которые съ большими опасностями и лишеніями пробираются на Дальній Востокъ, пытаясь тамъ найти убѣжище отъ комиссаро-

державія. На нихъ уже и сейчасъ идетъ ожесточенная охота; въ эшелонахъ осматриваютъ руки и всѣхъ съ бѣлыми нерабочими руками сажаютъ на гауптвахты.

4 Февраля. Проскочилъ Иркутскъ благополучно; тамъ происходилъ какой-то большевистскій съѣздъ и какія-то внутреннія осложненія и мой гардіенъ-комиссаръ, которому было очевидно не до меня, умчался въ городъ. Поѣздъ скоро двинулся дальше и я, считая себя арестованнымъ при моемъ вагонѣ, отправился дальше; хотя надо проскочить еще за Читу, но шансы попасть въ руки товарищей въ отместку за выпоротыхъ матросовъ стали много меньше. Только къ вечеру догадался, какъ былъ неостороженъ, продолжая эти дни везти при себѣ письма и двѣ тетради дневника.

5 Февраля. За Иркутскомъ пошли съ приличной скоростью; вездѣ тихо и порядокъ; на платформахъ благообразные милицейскіе, въ буфетахъ чисто, столы накрыты скатертями, однимъ словомъ все по хорошему, по старому. Пугали обысками въ Читѣ, гдѣ, какъ говорятъ, пришедшіе съ фронта казаки арестовали офицеровъ и собираются грабить городъ, чтобы получить обѣщанныя кѣмъ-то деньги. Проѣхали, однако, благополучно; въ Читѣ видны только разбитыя окна магазиновъ и слѣды уличныхъ погромовъ. За Читой царство большевизма кончилось и впервые за четыре дня я вздохнулъ свободно и почувствовалъ, какой мечъ висѣлъ надо мной это время; попади я на Ново-Николаевскую гауптвахту, тамъ бы мнѣ и крышка; спасибо, что судьба бросила на мою дорогу этого Левицкаго.

6 Февраля. Проѣхали станцію Маньчжурію, новоявленную штабъ-квартиру антибольшевистской организаціи есаула Семенова; на вокзалѣ большой порядокъ, ходятъ офицерскіе патрули; произвели повѣрку документовъ и багажа очень вѣжливо и предупредительно; почувствовалъ себя опять человѣкомъ, а не безправной пѣшкой, доступной произволу всякаго штыкократа.

Говорятъ, что большевики начали наступленіе на передовыя части Семенова; когда мы были на станція Даурія, то ея гарнизонъ садился въ вагоны, чтобы отходить къ границѣ.

Положеніе на станціи Маньчжурія обезпечивается китайскими войсками, которыя заявили, что никого черезъ границу не пустятъ; повидимому, китайцы ведутъ себя умнѣе другихъ союзниковъ, показывая большевикамъ кулаки и зубы, то-есть примѣняя одинаковое съ противниками оружіе; такъ было ими сдѣлано нѣсколько недѣль тому назадъ при разоруженіи Харбинскихъ большевиковъ.

Съ нашего поѣзда сняли двухъ матросовъ съ «Андрея Первозваннаго», причемъ тутъ же ихъ избили; хотя видъ у нихъ самый углубительный, но это не можетъ оправдать ихъ избіенія; намъ нельзя опускаться до тѣхъ пріемовъ, коими отличается большевистская сволочь; надо сохранить порядочность и законность; можно разстрѣливать по суду сотни, но нельзя тронуть пальцемъ ни одного виновнаго, какъ бы ни горьки и ужасны были прошлыя переживанія.

Наружная сторона на ст. Маньчжурія мнѣ не особенно понравилась; я вообще большой скептикъ на счетъ того, что можно создать что-либо прочное изъ такъ называемыхъ офицеровъ военнаго времени; обвинять ихъ самихъ въ этомъ нельзя, такъ какъ не они въ томъ виноваты, но считаться съ этимъ приходится. Ротмистръ, начальникъ пропускного пункта, разсказалъ, что среди мѣстной организаціи очень развитъ картежъ и выпивка, и очень мало внутренней дисциплины.

Надо всю эту молодежь собрать и засадить въ самыя тяжелыя условія службы и работы и настоящей духовной дисциплины; тогда черезъ годъ изъ нихъ можетъ получиться нѣчто надежное и устойчивое; сейчасъ же эта смѣсь прапорщиковъ, юнкеровъ и кадетъ своимъ распущеннымъ (внутренне; по внѣшности они утрированно, по юнкерски подтянуты) видомъ и бьющимъ въ глаза нравственнымъ разгильдяйствомъ очень меня огорчила.

Типы современнаго молодого офицерства мы видѣли достаточно на фронтѣ; встрѣтились съ ними даже и въ нашемъ поѣздѣ, въ которомъ, скрываясь отъ комиссаровъ, ѣхало нѣсколько молодыхъ офицеровъ, переодѣтыхъ солдатами; мы ихъ напоили, накормили, прятали ихъ въ купе при осмотрахъ, собрали имъ нѣсколько сотъ рублей денегъ. Какъ

стало нѣсколько безопаснѣе, они уже предложили себя въ качествѣ партнеровъ въ карты (игра шла по крупной) и были очень обижены, когда удивленные пассажиры отказались ихъ принять.

Проѣхавъ ст. Маньчжурію, эти типы совершенно распустились, обнаглѣли и едва узнавали тѣхъ людей, которые ихъ спасали и снабдили деньгами.

7 и 8 Февраля. Добрались до Харбина. Здѣсь нѣтъ большевиковъ, но порядки неважные, особенно для меня, стараго Амурца, свидѣтеля и участника того, какъ создавалась здѣсь русская мощь и какой высоты она достигала. Съ одной стороны меня сразу рѣзнуло несомнѣнное засилье китайцевъ, которые сразу вернули многое изъ того, что они постепенно уступали и теряли, начиная съ 1900 года; они, какъ никто другой, учли слабость русскаго медвѣдя, сваленнаго съ ногъ революціей и ея постепеннымъ углубленіемъ.

Обольшевиченіе русскихъ войскъ, стоявшихъ въ полосѣ отчужденія (ополченскія части и желѣзнодорожная бригада), слѣпо допущенное центральной и мѣстной властями, какъ нельзя лучше сыграли въ руку китайцевъ; декабрьскіе безпорядки среди харбинскихъ войскъ дали китайцамъ поводъ обезоружить, запереть въ вагоны и вышвырнуть изъ предѣловъ Маньчжуріи всѣ остатки русскихъ вооруженныхъ силъ, и послѣ этого стать на почву основного договора, допускавшаго здѣсь только охрану дороги особыми охранными, но не воинскими частями. То, чего мы добивались такъ долго, когда ввели наши регулярныя войска въ предѣлы дороги и создали Заамурскій Округъ Пограничной Стражи, было потеряно въ нѣсколько дней. Было огромной ошибкой то, что увели пограничный корпусъ на войну, не сформировавъ вмѣсто него Ersatz-части.

А теперь возвратъ къ старому, повидимому, уже невозможенъ.

Другой скверной стороной здѣшняго положенія является то, что сюда набились разные спасители отечества, которые думаютъ создать цѣлую армію изъ офицеровъ и добровольцевъ и двинуться противъ большевиковъ; основаніемъ для этой арміи хотятъ взять Семеновскій отрядъ. Городъ набитъ темными авантюристами и очень разболтанными офицерами. Всѣ жаждутъ хорошихъ штатовъ и назначеній, достойныхъ тѣхъ, кто первыми подняли знамя борьбы съ большевиками (пока что борьба идетъ китайскими руками, подъ крыломъ китайскаго дракона; безъ этого здѣсь прочно сидѣли бы большевики и правили комиссары); психологія у большинства та же комиссарская, только подъ другимъ соусомъ; всѣ считаютъ себя въ правѣ сдѣлаться высокимъ начальствомъ, рѣшительно распоряжаться и быть щедро оплачиваемымъ; заниматься же грязнымъ дѣломъ борьбы на фронтѣ предоставляется экзальтированной молодежи, кадетамъ и юнкерамъ, а также немногимъ сохранившимся офицерамъ старой закалки, готовымъ за идею все отдать и всѣмъ пожертвовать.

Ожидаютъ прибытія изъ Никольска сидящаго тамъ бывшаго командира 1 Сибирскаго корпуса генерала Плѣшкова, выдвинутаго для возглавленія всѣхъ образовавшихся здѣсь организацій, никого не слушающихъ и другъ на друга топорщащихся.

По моему трудно было сдѣлать болѣе неудачный выборъ, такъ какъ Плѣшковъ это типичная фигура стараго командованія, добродушный, обходительный баринъ, ничѣмъ остро не интересующійся, любящій спокойную и безъ волненій, ровнотекущую жизнь высокаго военнаго начальника довоеннаго времени, — однимъ словомъ, совершенно не то, что нужно сейчасъ, чтобы собрать и организовать всю эту разношерстную и несомнѣнно очень распустившуюся толпу, забрать ее въ ежевыя рукавицы и заставить работать и учиться, ибо только трудъ, внутренняя дисциплина и воспитаніе въ духѣ жертвеннаго подвига и безкорыстнаго служенія идеѣ можетъ дать то, что сейчасъ такъ остро и спѣшно нужно Россіи, то-есть корпусъ добровольцевъ, рыцарей Бѣлаго Креста, чистыхъ подвижниковъ, ничего себѣ не ищущихъ, и все готовыхъ отдать на служеніе великому и святому дѣлу.

То, что мы видѣли на фронтѣ; то, что я видѣлъ и слышалъ по дорогѣ и что узналъ въ Харбинѣ, убѣждаетъ, что для достиженія такой цѣли нужна желѣзная рука, великій организаторскій талантъ, большія военныя знанія и огромный житейскій и служебный опытъ; вѣдь все сейчасъ такъ разболталось и отвыкло отъ идеи повиновенія и принужде-

нія; огромное большинство неустоявшейся, больной переживаніями войны и революціи, молодежи недалеко ушло отъ большевизма, только другого цвѣта; желанія у него самыя большевистскія: побольше наслажденій и поменьше испытаній; побольше денегъ и вкусныхъ правъ и поменьше работы и непріятныхъ обязанностей; исполненіе приказовъ и распоряженій только постолько, поскольку они пріятны исполняющему, и вообще поскольку онъ намѣренъ и расположенъ ихъ исполнять.

Протестъ противъ принужденія, склонность къ произволу, лѣни у всѣхъ насъ въ крови и достаточно малѣйшаго послабленія, чтобы мы всѣ раздрессировались; кромѣ того, всѣ мы слишкомъ привыкли къ тому, что обязанности внизу, а права и вкусныя вещи наверху, а потому всѣмъ хочется наверхъ.

Противно то, что всѣ эти, собственно говоря, звѣриныя, перешедшія отъ первобытныхъ предковъ вожделѣнія прикрываются фиговымъ листомъ любви къ отечеству, борьбы за идею, борьбы съ большевизмомъ, а по секрету и подъ пьяную руку огнедышащею преданностью монархіи (на непріятныя воспоминанія память коротка, и всѣ забыли, какъ спокойно предали они эту монархію годъ тому назадъ).

Повидимому, правый большевизмъ расцвѣлъ здѣсь махровымъ цвѣтомъ, ободрился и хозяйничаетъ; все, что противъ него и съ нимъ несогласно, наименовывается краснымъ большевизмомъ, а далѣе возможны эксцессы и насилія до убійства включительно; такъ говорятъ, по крайней мѣрѣ, встрѣченные сегодня знакомые и сослуживцы самаго безпристрастнаго и праваго лагеря.

Сейчасъ всѣ усилія этихъ бѣлыхъ товарищей направлены къ тому, чтобы свалить начальника охранной стражи генерала Самойлова, здраво смотрящаго на существующее положеніе, успѣвшаго спасти отъ расхищенія серебряный запасъ бывшаго Заамурскаго Округа и упорно отстаивающаго отъ разграбленія довольно солидное имущество этого округа; зная Самойлова очень давно, я увѣренъ, что онъ хочетъ побѣды надъ большевиками и спасенія Россіи больше чѣмъ тысячи этихъ господъ, но онъ, какъ старый и опытный служака, понимаетъ, что такія нешуточныя цѣли достигаются организаціей, дисциплиной и тяжелымъ трудомъ, а не бахвальствомъ, распущенностью, лѣнью, развратомъ и насиліемъ.

Говорятъ, что спасители недовольны и Хорватомъ; послѣдній по обыкновенію играетъ роль двуликаго Януса; онъ поддерживаетъ образовавшіеся отряды деньгами, а на убѣжденія Самойлова въ опасности этихъ организацій, разлагающихъ и безъ того неустойчивое офицерство, отвѣтилъ: «да, разумомъ я съ Вами, а сердцемъ я съ ними».

Казалось бы, что приказчику случайно уцѣлѣвшаго стараго русскаго учрежденія, вознесенному сейчасъ въ положеніе высокой отвѣтственности, слѣдовало бы руководиться въ своихъ дѣйствіяхъ головой, а не сердцемъ; послѣдній органъ можетъ превалировать только у неограниченныхъ монарховъ или у частныхъ лицъ, играющихъ на свой личный счетъ. Въ большой политикѣ сердце и прекраснодушіе приводятъ всегда или къ катастрофѣ, или заводятъ въ безысходные, часто темные и грязные тупики. Лицу, на долю котораго, видимо, выпадаетъ доминирующая роль въ судьбахъ возстановленія здѣсь государственности, слѣдовало бы понимать, что нельзя базироваться на истерическіе и авантюристическіе пузыри типа народившихся здѣсь организацій; въ сути послѣднихъ есть много хорошаго, но родились они въ больное время и ихъ составъ почти весь боленъ нашими общими и хроническими старыми, и случайными новыми болѣзнями. Посему государственному человѣку необходимо приложить всю свою власть, средства и умѣнье для того, чтобы исцѣлить образовавшіяся антибольшевистскія организаціи отъ всѣхъ ихъ золъ и болѣзней и направить ихъ на истинный, здоровый путь.

Въ этомъ отношеніи я, только что пріѣхавшій, совершенно сошелся во взглядахъ съ сидящимъ здѣсь Самойловымъ и нѣсколькими старшими офицерами, сохранившими умственное равновѣсіе и понимающими, что образовавшіеся отряды принимаютъ вредное и ничего добраго не сулящее направленіе. Это безконечно печально; не зная совершенно, что творится въ полосѣ отчужденія, какъ по части сохраненія здѣсь всей силы русской власти, такъ и организаціи здѣсь антибольшевистскихъ силъ, надѣялся, что здѣсь можно будетъ образовать безопасное убѣжище для всѣхъ уходящихъ отъ большевизма

русскихъ людей, отсортировать ихъ по качествамъ и начать организацію тѣхъ кадровъ, которые черезъ нѣсколько времени понадобятся, чтобы начать организованную борьбу противъ сѣвшихъ на голову Россіи комиссаровъ и ихъ бандъ. Я надѣялся именно на полосу отчужденія, такъ какъ наше положеніе здѣсь давало полную гарантію противъ агрессивныхъ дѣйствій большевиковъ и предоставляло огромныя удобства для организаціи антибольшевистскихъ силъ; казармы и запасы Заамурскаго округа казались мнѣ отличнымъ основаніемъ для размѣщенія и перваго обзаведенія.

Вмѣсто этого, повидимому, наверхъ здѣсь выплыла кучка авантюристовъ, почуявшихъ, что настали такія времена, которыя позволяютъ дерзать, и жаждущихъ дорваться до власти; идеи у нихъ внутри никакой, кромѣ плача о потерянномъ, злобной, личной — а не міровой — ненависти къ насильникамъ и острой жажды реванша (тотъ же, но только паршивенькій и не красочный Кобленцъ съ полупочтенными дѣльцами, авантюристами и разночинцами вмѣсто маркизовъ и петиметровъ французской революціи).

За идею стоятъ, гибнутъ и готовы гибнуть только кучки старыхъ офицеровъ и ихъ дѣтей — кадетъ, гимназистовъ, юнкеровъ, — представителей старыхъ идей долга и служенія государству за совѣсть; но ихъ очень немного.

Всѣ эти организаціи помимо денежной помощи отъ Хорвата поддерживаются какимъ то комитетомъ изъ Харбинскихъ и Иркутскихъ купцовъ, трясущихся при мысли о господствѣ большевиковъ и готовыхъ пожертвовать крупицами изъ нажитыхъ милліоновъ, чтобы найти руки и сердца, готовыя на борьбу съ этимъ страшнымъ для нихъ чудовищемъ.

Изъ разсказовъ узналъ, что до 13 декабря здѣсь сидѣли большевики, поддержанные стоявшими въ Харбинѣ на линіи дружинами ополченія; 13-го же декабря китайцы разоружили дружины, посадили ихъ въ вагоны и вывезли въ предѣлы Забайкалья; туда же вывезли затѣмъ расформированные и разоруженные батальоны Заамурской желѣзнодорожной бригады. Въ одинъ день китайцы сдѣлались военными хозяевами полосы отчужденія.

Жизнь здѣсь дорога, но за то все имѣется въ изобиліи; дороговизна же происходитъ только вслѣдствіе паденія курса нашего рубля.

Вечеромъ экстренные выпуски телеграммъ повѣдали намъ, что нѣмцы съ 7 февраля объявили вновь состояніе войны и перешли въ наступленіе по всему фронту; нашимъ войскамъ комиссарами приказано оказывать всюду сопротивленіе (интересно, какое сопротивленіе можетъ оказывать теперь тотъ жалкій остатокъ того, что было когда-то русской арміей, который остался на фронтѣ). Идіотскій проектъ заключенія мира, рожденный свихнувшимися утопистами и несвихнувшимися Іудами, разразился совершенно неожиданнымъ финаломъ; обезсиленная и искромсанная подлыми руками Россія отдана на волю нѣмцевъ. Къ сожалѣнію, современные Іуды не послѣдуютъ примѣру своего Каріотскаго предшественника и не удавятся, такъ какъ вѣроятно и этотъ нѣмецкій ходъ входитъ въ условленные тридцать сребренниковъ (только послѣдующая исторія узнаетъ, какой курсъ былъ при переводѣ сребренниковъ на марки).

Прибывъ въ Харбинъ, послалъ Главному Управленію Генеральнаго Штаба заявленіе объ отставкѣ; послѣ многихъ колебаній рѣшилъ все же проѣхать въ Японію для того, чтобы оріентировать нашу миссію въ томъ, что творится въ Россіи, что затѣвается въ Харбинѣ, и просить нашего военнаго агента сдѣлать что нибудь, чтобы облегчить спасеніе нашего офицерства, закупореннаго въ Россіи и обреченнаго тамъ на сожраніе большевиками. Хотя теперь и очень поздно, но все же можно еще многое сдѣлать, помогая намъ въ районѣ Румыніи, Дона, Кавказа, Финляндіи и на Дальнемъ Востокѣ. Мы столько сдѣлали для союзниковъ, что имѣемъ право разсчитывать на то, чтобы и они помогли намъ въ столь тяжкія времена.

Ѣхать въ Японію мнѣ очень непріятно, такъ какъ по телеграммамъ изъ Петрограда сидящіе тамъ господа, не понимающіе нашего положенія, могутъ подумать, что я ѣду въ командировку отъ большевиковъ. Но ѣхать надо, ибо письменно не разсказать того, что дѣлается съ арміей и Россіей, и что надо сдѣлать, чтобы намъ помочь; вѣдь я, вѣроятно, первый, кому удалось такъ скоро продрать сюда изъ Петрограда.

Былъ на вокзалѣ, смотрѣлъ, какъ провожали Хорвата, уѣзжавшаго въ Пекинъ по дѣламъ дороги и охранной стражи. Было больно видѣть хозяйничанье на вокзалѣ китайцевъ, постановку всюду китайскихъ часовыхъ, колотившихъ прикладами непонимавшихъ ихъ окриковъ русскихъ пассажировъ.

Все, чему мы отдали всѣ лучшіе годы своей жизни, все пошло прахомъ!

Харбинъ живетъ и дышетъ спекуляціей и темными дѣлами; спекулянты очень огорчены прекращеніемъ правильнаго сообщенія Харбина съ Западомъ, такъ какъ приходится распрощаться съ отправкой въ Россію винъ, водки, кожи и разныхъ товаровъ, дававшихъ баснословные барыши и сдѣлавшихъ недавнихъ санкюлотовъ и мелкихъ комиссіонеровъ милліонерами.

Курсъ нашего рубля неизмѣнно ползетъ внизъ, на что вліяетъ, какъ общее положеніе, такъ и введеніе въ обращеніе разныхъ суррогатовъ денегъ въ видѣ керенокъ, почтовыхъ марокъ, кредитныхъ билетовъ старыхъ образцовъ и т. п. Надо знать китайскій рынокъ и быть очень осторожнымъ при введеніи новыхъ для него денежныхъ знаковъ, такъ какъ китайцы очень недовѣрчивы.

9 Февраля. Газеты сообщаютъ, что Украинская Рада, угрожаемая большевиками, обратилась за помощью къ Германіи и что нѣмцы двинулись на Рѣжицу, Полоцкъ и Витебскъ по путямъ на Петроградъ и Москву, и на Кіевъ. Думается мнѣ, что такъ далеко нѣмцы не пойдутъ; имъ въ первую голову важно захватить всю укрѣпленную полосу фронта и сосредоточенные на ней огромные запасы боевого снаряженія, и этимъ навсегда обезпечить себя отъ возможности какого-нибудь рецидива на нашемъ фронтѣ.

Впечатлѣнія отъ Харбина тяжелыя; не то ожидалъ я здѣсь увидѣть; на улицахъ шатаются и носятся на извозчикахъ совсѣмъ разболтавшіеся офицеры (очень много въ нетрезвомъ видѣ); по вечерамъ это явленіе усиливается; настроеніе у этихъ господъ очень воинственное, съ готовностью обнажать оружіе и стрѣлять по первому подвернувшемуся подъ руку поводу. Иногда харбинскія улицы начинаютъ напоминать намъ то, что мѣсяцъ тому назадъ мы видѣли въ Александровскомъ саду и на Кронверкскомъ проспектѣ: тѣ же малостѣсняющіяся парочки, та же развинченная походка, тѣ же кудлы волосъ . . .

10 Февраля. Пріѣхалъ новый предсѣдатель правленія Восточно-Китайской дороги генералъ Го (китайцы впервые осуществили свое право имѣть предсѣдателемъ дороги китайца), собралъ старшихъ агентовъ дороги и очень рѣшительно указалъ имъ, что внутренніе безпорядки Россіи не должны отражаться на продуктивности работы этой очень важной для всего Китая желѣзной дороги, и что они, китайцы, примутъ всѣ мѣры къ тому, чтобы дорога работала какъ слѣдуетъ.

Сейчасъ же, по мнѣнію Го, на дорогѣ очень много разговариваютъ и занимаются совершенно посторонними дѣлами; надо работать, а кому такой порядокъ не нравится, тотъ можетъ получить заштатныя деньги и уѣзжать въ Россію; на работѣ дороги это не отразится, такъ какъ если уйдутъ русскіе служащіе, то въ распоряженіи Го имѣется до тридцати тысячъ китайцевъ, которые готовы занять всѣ могущія освободиться мѣста.

Рѣчь очень дѣловая и опредѣленная. Сейчасъ въ рукахъ Хорвата задача огромной важности сохранить дорогу въ рукахъ Россіи и не дать китайцамъ стать полными хозяевами положенія; прежде всего, надо изгнать изъ обихода служащихъ политику; вѣдь сейчасъ при бѣгствѣ изъ Россіи массъ интеллигенціи и техническихъ силъ, можно подобрать для дороги рѣдкій составъ отборныхъ служащихъ; всѣхъ смутьяновъ и политикановъ отсортировать и отправить ихъ наслаждаться порядками комиссародержавія, а ихъ мѣста занять дѣльными, честными и далекими отъ политики людьми, которые будутъ осчастливлены полученіемъ обезпеченнаго заработка; я, напримѣръ, съ величайшей радостью пошелъ бы на мѣсто начальника какой-нибудь скромной станціи, чтобы получить пріютъ и кусокъ хлѣба, и былъ бы добросовѣстнымъ и полезнымъ для дѣла служащимъ; а такихъ, какъ я, цѣлыя сотни и ими было бы можно замѣнить и то жулье, и тѣхъ съежившихся и притаившихся товарищей, которые сидятъ и въ управленіи, и на линіи.

Вечеромъ былъ у Самойлова и слушалъ про безчинства, чинимыя Семеновымъ и его отрядомъ; пріѣхавшій недавно пограничникъ генералъ Чевакинскій былъ свидѣтелемъ,

какъ на ст. Даурія Семеновскіе офицеры убили взятаго ими съ поѣзда пассажира за его отчаянные протесты по поводу отобранія у него законно ему принадлежавшихъ 200.000 рублей; этого пассажира пристрѣлили тутъ же на платформѣ и тѣло его выбросили за перила, ограждавшія платформу.

И такихъ случаевъ десятки. Меня это не удивляетъ; я слишкомъ хорошо познакомился съ тѣмъ матерьяломъ, изъ котораго состоитъ наше офицерство военнаго и революціоннаго времени, и знаю, до чего они могутъ распуститься въ обстановкѣ полной свободы и безнаказанности. Революція распустила насъ всѣхъ, а молодежь par excellence. И я вполнѣ увѣренъ, что большая часть тѣхъ ужасовъ, про которые украдкой разсказываютъ въ Харбинѣ и которые творятся въ «Даурскихъ сопкахъ», куда уводятъ снимаемыхъ съ поѣздовъ пассажировъ, не преувеличена.

Несомнѣнно, что наравнѣ съ краснымъ большевизмомъ здѣсь мы имѣемъ дѣло съ настоящимъ бѣлымъ большевизмомъ.

Особенно шумитъ и безобразничаетъ здѣсь генеральнаго штаба генералъ Доманевскій; судя по разсказамъ объ его дѣяніяхъ, это совершенно спившійся алкоголикъ, распустившійся до полной потери офицерскаго достоинства, и которому мѣсто только въ больницѣ для алкоголиковъ и нервнобольныхъ. А онъ играетъ здѣсь какую-то роль государственнаго и военнаго дѣятеля. Всѣ потѣшаются надъ его пьяными и дикими выходками, но нѣтъ власти, которая положила бы предѣлъ такимъ безобразіямъ, онъ кутитъ по кабакамъ, не платитъ, награждаетъ орденами лакеевъ, рубитъ шашкой пальмы, дѣлаетъ изъ нихъ букеты и, перевязавъ снятой съ шеи Владимірской лентой, отправляетъ ихъ пѣвицамъ на сцену, посылаетъ ресторанные счеты обратно съ надписью «Китайскому генералу Ма, разсмотрѣть и доложить» . . . и т. п. Харбинъ скалитъ на все это зубы, не понимая, какой печальный ужасъ для будущаго заключается въ самой возможности наличія въ нашей жизни такихъ явленій.

Очень невесело здѣсь; на тѣхъ организаціяхъ, которыя здѣсь создались, можно установить или бѣлобольшевистскую диктатуру разболтаннаго офицерства, или же самую мрачную реакцію, и при томъ только здѣсь, такъ какъ съ такими силами безнадежно идти на спасеніе Россіи; вѣдь прошли тѣ времена, когда группѣ вооруженныхъ людей можно было держать въ страхѣ цѣлые народы.

Психологически явленіе такихъ организацій неизбѣжно, какъ бурная реакція противъ совершившагося въ Россіи, какъ протестъ противъ надруганія надъ завѣтами и святынями прошлаго, но въ своемъ настоящемъ проявленіи оно не можетъ послужить основаніемъ для возстановленія разрушаемой уже цѣлый годъ государственности; вѣдь по сути своей оно также противогосударственно, ибо зачато и растетъ въ атмосферѣ презрѣнія къ закону, разрушенія всѣхъ непріятныхъ ограниченій и допустимости произвола и насилія по отношенію ко всему, что не ихъ лагеря и обычая; необуздываемое ничѣмъ, это разлагаетъ, развращаетъ, охулиганиваетъ послѣдніе остатки русской молодежи, пріучаетъ ихъ къ лѣни, произволу, пренебреженію къ долгу и обязанностямъ, пріучаетъ къ жизни не по средствамъ и къ добыванію средствъ для всякихъ наслажденій, не стѣсняясь ничѣмъ въ способахъ добыванія, однимъ словомъ, дѣлаетъ съ нашей бѣлой молодежью то же, что дѣлаетъ съ красной комиссарщина и красная армія.

11 Февраля. Офиціально сообщается о занятіи нѣмцами Вендена, Двинска и Луцка. Украинская рада заключила самостоятельный миръ съ центральными державами. Комиссары объявили какую-то сумбурную мобилизацію, сдобривъ ее терроромъ противъ буржуевъ. Кого хотятъ обмануть комиссары своими мобилизаціонными громами? Развѣ возможна какая-нибудь мобилизація въ то время, когда толпы ушедшихъ съ фронта и покончившихъ со всякой войной и мобилизаціями товарищей стихійно расползаются по домамъ!

Верхопрапъ Крыленко испустилъ истерическій приказъ — прокламацію, въ которой требуетъ побѣды или смерти; прокламація написана, какъ то и подобаетъ хулиганскому Главковерху, самымъ хулиганскимъ стилемъ.

Здѣсь появился какой-то самочинный штабъ Дальневосточнаго Корпуса Защиты Родины и Учредительнаго Собранія (удивительное названіе! кого только они хотятъ

имъ надуть?). Штабъ сей объявляетъ, что всѣ офицеры обязаны записаться въ подчиненныя ему войска; редакція приказа по стилю очень недалеко ушла отъ Крыленковской, такъ какъ вышла изъ лавочки того же сорта, но только съ правой стороны улицы; тѣмъ не менѣе среди офицеровъ нѣкоторое смущеніе, такъ какъ болѣе порядочные боятся объявленія уклоняющимися отъ исполненія долга, а болѣе трусливые боятся реальныхъ воздѣйствій.

Вечеромъ встрѣтилъ знакомаго по Владивостоку полковника Ходановича, бывающаго на засѣданіяхъ этого комитета (составъ его до сихъ поръ не объявленъ), и спросилъ, изъ кого же состоитъ этотъ комитетъ. Получилъ отвѣтъ: «изъ жуликовъ, хулигановъ, авантюристовъ и купцовъ, жаждущихъ спасти свои застрявшіе въ большевизіи капиталы» . . .

Таково общее мнѣніе объ этомъ комитетѣ; если это вѣрно, то не поздоровится ни Родинѣ, ни Учредительному Собранію отъ такихъ защитниковъ.

Вечеромъ узналъ, что китайцы присылали къ Хорвату узнать, что это за корпусъ, указывая, что по договору въ полосѣ отчужденія можетъ стоять только вольнонаемная охрана; Доманевскій ѣздилъ послѣ этого объясняться къ генералу Ма и дѣло кончилось какимъ то скандаломъ.

12 Февраля. Въ городѣ много разговоровъ по поводу активнаго проявленія дѣятельности Дальневосточнаго Комитета и рожденнаго имъ корпуса (пока только изъ одного начальства, но безъ войскъ); думаютъ, что это — попытка создать въ Харбинѣ повтореніе Семеновскаго отряда со всѣми вкусными для антрепренеровъ послѣдствіями. Приверженцы комитета распространяютъ слухи, что работаютъ по указанію союзниковъ, которые де отпустили уже комитету 40 милліоновъ, и съ отеческаго благословенія Хорвата.

Опубликованы условія мира, продиктованныя нѣмцами и принятыя вчера комиссарами; въ главныхъ чертахъ Россія теряетъ все, что западнѣе Двины и Бреста; возстанавливается старый торговый договоръ, преимущества котораго, какъ говорили, были такъ велики, что окупали нѣмцамъ все содержаніе ихъ арміи; затѣмъ Россія обязуется демобилизоваться и разоружиться.

Въ Петроградѣ царство террора; изданъ декретъ, разрѣшающій разстрѣливать контръ-революціонеровъ на мѣстѣ; выходитъ — стрѣляй, кого хочешь.

Условія мира приняты Цикомъ большинствомъ 116 противъ 85; нашлись еще и въ царствѣ комиссаровъ люди, не убоявшіеся голосовать противъ.

13 Февраля. Всѣ три харбинскія газеты обрушились на Дальневосточный Комитетъ, требуя опубликованія его состава и объясненія правъ, на основаніи которыхъ онъ распоряжается; при этомъ комитетъ обвиняется въ желаніи установить режимъ палки.

Получено извѣстіе, что изъ Иркутска идутъ эшелоны красныхъ войскъ, двинутые комиссарами для ликвидаціи Семенова; послѣдній разобралъ путь между станціями Борзя и Оловянная и такимъ образомъ желѣзнодорожное сообщеніе съ западомъ прекратилось. Харбинскіе спасители настроены очень воинственно, но я не вижу основаній, чтобы оптимистически смотрѣть на исходъ возможныхъ столкновеній Семенова съ красными; если бы даже у Семенова и было достаточно силъ, то, не имѣя ни артиллеріи, ни обозовъ, ни обезпеченнаго интендантскаго и артиллерійскаго подвоза, базируясь на точку — ст. Маньчжурія и будучи привязанъ къ желѣзнодорожной линіи, проходящей очень невыгодно (въ облическомъ къ границѣ направленіи), онъ не въ состояніи ни держаться въ Даурскомъ районѣ, ни двигаться впередъ. Общіе законы войны непреложны, а малая война, да еще въ условіяхъ гражданской войны, вещь очень деликатная.

14 Февраля. Былъ у Самойлова; слушалъ разсказы участниковъ про вчерашнее собраніе офицеровъ Харбинскаго гарнизона для выясненія отношеній къ родившемуся изъ пѣны харбинской Дальневосточному Корпусу; судя по разсказамъ, вышелъ самый безтолковый кавардакъ самаго митинговаго характера съ руганью, попреками и прочими аксессуарами такихъ собраній; подполковника генеральнаго штаба Акинтіевскаго, сказавшаго собравшимся горькую правду, чуть не избили. Впрочемъ, трудно было ожидать уравновѣшенности, спокойствія и дѣловитости отъ случайнаго собранія самыхъ разношерстныхъ элементовъ, большею частью издерганныхъ, распустившихся, многое

потерявшихъ, много испытавшихъ, жаждущихъ мести, отвыкшихъ отъ истоваго исполненія тяжелыхъ обязанностей и, въ большинствѣ, очень и очень далекихъ отъ подвига; устроиться хочется почти всѣмъ, но работать и рисковать не особенно много охотниковъ.

Недѣля Харбинской жизни, личныя наблюденія и разсказы безпристрастныхъ людей дали самую безотрадную картину того, чѣмъ живетъ большинство собравшейся здѣсь молодежи, захваченной революціей и ея послѣдствіями въ самый опасный для нея періодъ полной неустойчивости и нахожденія на остріѣ ножа, съ возможностью свалиться и на одну и на другую сторону. Судя по разсказамъ обывателей, по вечерамъ во всѣхъ мѣстныхъ кабакахъ-шантанахъ всѣ столы заняты спасителями родины разныхъ ранговъ, вино льется рѣкой, кутежъ и развратъ идутъ во всю; кто успѣлъ награбить и нацапать, тотъ жаритъ на наличныя, а кто не успѣлъ, должаетъ, лупитъ въ кредитъ и жадными глазами и всей силой звѣринаго желанія ищетъ гдѣ бы схватить, гдѣ бы поживиться и получить такія же, какъ у нѣкоторыхъ счастливцевъ, средства для пьяной, беззаботной жизни и удовлетворенія животныхъ наслажденій. Сейчасъ Харбинъ это помойница, въ которой гноятся и безвозвратно погибаютъ послѣдніе остатки русской молодежи, той самой, изъ которой, попади она въ другую обстановку и въ другія руки, могли бы выйти цѣлыя рати героевъ подвижниковъ, истинныхъ спасителей гибнущей Родины. Конечно, и сейчасъ здѣсь есть и идейные борцы за Россію, и добросовѣстные, скромные работники, но ихъ капля сравнительно со всѣмъ остальнымъ.

Во главѣ всей мѣстной чепуховидной оперетки на государственно-военныя темы взгромоздился ничтожненькій господинчикъ изъ бывшихъ консульскихъ чиновниковъ, нынѣ исполняющій обязанности русскаго здѣсь консула — Поповъ, изображающій сейчасъ что-то въ родѣ мѣстнаго Главковерха, жалкая пародія на жалкаго Керенскаго.

Все видѣнное заставило меня считать себя обязаннымъ проѣхать въ Японію, разсказать про видѣнное и пытаться убѣдить во первыхъ въ необходимости назначить какое-нибудь компетентное и съ авторитетнымъ именемъ лицо для сбора, организаціи и муштровки русскаго офицерства, какъ необходимѣйшихъ кадровъ грядущей антибольшевистской борьбы, а во вторыхъ изложить мои взгляды на срочную необходимость союзнаго вмѣшательства и союзной окупаціи Дальняго Востока для спасенія его отъ разложенія, неизбѣжнаго спутника большевизма, и для предотвращенія учиненія надъ населеніемъ обидъ и беззаконій, откуда бы они ни шли. Окупацію я представляю себѣ въ видѣ занятія главныхъ центровъ и желѣзныхъ дорогъ союзными войсками, назначеніе которыхъ возстановить дѣйствіе старыхъ законовъ, судебныя, земскія и финансовыя учрежденія, потребовать отъ всѣхъ соблюденія строжайшаго порядка и усѣкать каждаго, кто сего не исполнитъ; борьбу съ большевизмомъ предоставить русскимъ, давъ имъ только военнотехническія средства и обезпечивъ снабженіе; при порядкѣ въ тылу и на желѣзныхъ дорогахъ большихъ силъ, чтобы справиться съ красной сволочью, не требуется, но надо, чтобы свои силы были бы настоящими русскими войсками, а не бандами бѣлыхъ большевиковъ.

15 Февраля. Съ тяжелымъ чувствомъ тронулся въ дальнѣйшій путь.

На западѣ нѣмцы крѣпятъ свои условія мира неизмѣннымъ продвиженіемъ въ наши предѣлы. Комиссары вопятъ, что всѣ войска двинуты для защиты Петрограда. Продали всю Россію, а теперь только и думаютъ о спасеніи своего большевичьяго гнѣзда.

На станціи Чань-Чунь пересѣли въ японскій экспрессъ, представляющій разительный контрастъ съ тѣми свинушниками, въ которыхъ ѣхали по нашей южной вѣткѣ отъ Харбина; душа ноетъ и плакать хочется, когда видишь, что у чужихъ такъ хорошо, а у насъ все разваливается.

Ѣду подъ тяжелымъ гнетомъ Харбинскихъ впечатлѣній; на наше великое горе здѣсь нѣтъ никого, кто бы могъ взять на себя великое дѣло возстановленія арміи, администраціи и государственнаго устройства; какое счастье было бы, окажись здѣсь, на Дальнемъ Востокѣ, сейчасъ Лечицкій или Нищенковъ.

Многоликій Хорватъ, способный только на ловкіе компромиссы и на искусную лавировку среди самыхъ разнообразныхъ теченій, несомнѣнно умный, умѣющій обхо-

диться съ людьми и къ себѣ ихъ привлекать, но абсолютно неспособный къ рѣшительнымъ активнымъ дѣйствiямъ, не знающiй армiи, совершенно не подходящiй къ тому, чтобы идейнымъ, величественнымъ утесомъ подняться среди общаго развала и безлюдья и громовымъ, безотказнымъ кличемъ собрать все уцѣлѣвшее и властно, желѣзной рукой, повести его на великiй жертвенный подвигъ спасенiя гибнущей родины . . . Опереточный консулъ Поповъ, случайный прыщъ въ родѣ Семенова, алкоголикъ, скандалистъ Доманевскiй, полусумасшедшiй авантюристъ Потаповъ — вотъ дѣйствующiе персонажи маньчжурскаго Кобленца.

16 Февраля. Несемся дальше на югъ; чистенькiй и аккуратненькiй японскiй экспрессикъ проносится черезъ мосты и туннели; дорога очень походитъ на нашу Амурскую и на восточную вѣтвь Китайской.

Проѣхали Антунгъ, бывшую корейскую деревушку, а теперь солидный городъ съ каменными домами, фабриками и заводами. Грустно думается о томъ, что и этому начало положено нами; мы первые разбудили пустынную Маньчжурiю, внесли въ нее культуру, уложили многiе миллiоны русскихъ денегъ, потеряли сотни тысячъ русскихъ людей и въ концѣ концовъ сдѣлали ее источниковъ великихъ благъ и доходовъ, но только не для себя; нажилась Японiя, прiобрѣлъ многое и готовится прiобрѣсти еще больше Китай, мы же по исторической привычкѣ добыли себѣ только горе, убытки и позицiю у разбитаго корыта.

Переѣхали р. Ялу; вспомнился 1904 годъ и тяжелые апрѣльскiе дни здѣшнихъ боевъ и ужасъ перваго пораженiя; на сѣверныхъ берегахъ еще видны остатки нашихъ траншей, въ которыхъ, по отсутствiю у старшихъ начальниковъ способности говорить правду, погибли безцѣльно лучшiе люди третьяго сибирскаго корпуса; только генералъ Трусовъ доложилъ правду, за что и былъ съ ошельмованiемъ удаленъ отъ командованiя шестой сибирской дивизiей.

Отъ ѣдущаго въ экспрессѣ директора Владивостокскаго отдѣленiя Сибирскаго банка узналъ, что въ Владивостокѣ все трещитъ и внѣшнiй порядокъ охраняется только нажимомъ со стороны иностранныхъ консуловъ, грозящихъ, въ случаѣ безпорядковъ, запретить ввозъ продуктовъ изъ-за границы.

17 Февраля—2 Марта. Рѣшилъ перейти на новый стиль — за границей двойственность сугубо путаетъ. Рано утромъ мы въ Фузанѣ; поѣздъ подходитъ прямо къ пароходу. Вездѣ очень усердно допрашиваютъ японцы, прилично говорящiе по русски. Въ Симоносеки пересѣли въ чисто японскiе вагоны.

Изъ Кобе'скихъ газетъ узналъ, что союзники упрашиваютъ Японiю выступить на Дальнемъ Востокѣ, но Японiя отказывается на томъ основанiи, что ея интересы не затронуты; между строчекъ читается, что японцамъ не охота ради другихъ таскать горячiе каштаны изъ большевистской печки. Тяжкодумы японцы не понимаютъ, что пожаръ у сосѣда надо тушить, пока не поздно.

Тѣ же газеты сообщаютъ очень горестное извѣстiе о занятiи нѣмцами Ревеля и Пскова.

3 Марта. Весь день любовался японскими пейзажами, всюду образцовый порядокъ и чисто до подлости; вотъ куда надо пригнать нашихъ россiйскихъ лежебоковъ и показать, какимъ каторжнымъ трудомъ зарабатывается здѣсь каждая пригоршня риса. На станцiяхъ полный порядокъ; нигдѣ нѣтъ праздной толпы, а ожидающiе поѣзда спокойно ждутъ за тонкими перилами, пока имъ разрѣшатъ садиться въ вагоны.

Поражаетъ также малое количество видимыхъ на станцiяхъ служащихъ и удивительная точность движенiя.

Мѣстныя газеты обсуждаютъ вопросъ о выступленiи Японiи для водворенiя порядка на Дальнемъ Востокѣ; общее настроенiе отрицательное, ибо Японiи, де, непосредственно ничего не угрожаетъ и торопиться ей не зачѣмъ. Не хочется думать, что за этимъ уклончивымъ отвѣтомъ, кроется скрытое желанiе дать Россiи побольше развалиться и этимъ скинуть съ будущихъ счетовъ на Азiатскомъ материкѣ наиболѣе опаснаго конкурента.

Все это очень огорчительно, ибо изъ этого ясно, что здѣсь, какъ и у союзниковъ, никто не понимаетъ того, что совершается сейчасъ въ Россiи и какими результатами это грозитъ всему мiру.

Нѣкоторыя газеты заявляютъ, что Японія ожидаетъ, какъ выскажется по этому вопросу Америка, зорко и ревниво слѣдящая за каждымъ шагомъ Японіи, особенно на азіатскомъ материкѣ.

4 Марта. Пріѣхали въ Токіо; въ отель ѣхалъ на рикшѣ и думалъ о томъ рѣзкомъ контрастѣ, который пришлось пережить: за шесть недѣль тому назадъ на насъ ѣздили, а сегодня самому приходится ѣхать на упряжномъ человѣкѣ.

Въ полдень пріѣхалъ Яхонтовъ; конечно, у него ни на одну минуту не могло быть мысли, что я принялъ назначеніе отъ большевиковъ; онъ сразу понялъ, что это было для меня единственнымъ способомъ удрать изъ Петрограда; но посланникъ, по его словамъ, дуется и сомнѣвается, не пріѣхалъ ли я отъ большевиковъ. Просилъ Яхонтова доложить послу, что уже 8 февраля я послалъ заявленіе о своей отставкѣ изъ россійской военной службы настоящаго порядка, и что я пріѣхалъ исключительно для того, чтобы: первое — разсказать, что сдѣлали съ нашей арміей; что дѣлается вообще въ Россіи и рекомендовать бить большую тревогу, ибо дѣлается нѣчто очень ядовитое, ползучее и грозное по своимъ послѣдствіямъ; второе — кричать о необходимости скорѣйшаго вмѣшательства (если уже не поздно) союзниковъ для того, чтобы спасти ошалѣвшій русскій народъ отъ власти одурманившихъ его насильниковъ и обезпечить работу, безопасность и спокойствіе тѣхъ, кто будетъ создавать разрушенный государственный строй; и третье — умолять подумать о гибнущемъ въ красныхъ тискахъ русскомъ офицерствѣ, столько положившемъ на союзное дѣло, устроить для нихъ пути и убѣжища для спасенія и помочь имъ сорганизоваться въ кадры для будущей русской арміи. Главное же, по моему мнѣнію, это то, чтобы союзники поняли, что борьба съ большевизмомъ это не узко русское дѣло, а дѣло міровое, одинаково для всѣхъ необходимое.

По словамъ Яхонтова вмѣшательство Японіи въ наши Сибирскія дѣла, повидимому, неизбѣжно, но едва ли она пойдетъ дальше Забайкалья; наибольшее затрудненіе пока представляетъ рѣзкій протестъ Америки, несогласной на такое японское выступленіе. Китай же самъ напрашивается, чтобы союзники поручили ему эту миссію (дожили до того, что люди собираются водворять у насъ порядокъ, котораго у нихъ у самихъ нѣтъ). Одно время намѣчалась идея общесоюзнаго вмѣшательства, но была погашена заявленіемъ Японіи, что она обязалась поддерживать сохраненіе порядка на Дальнемъ Востокѣ и одна желаетъ выполнить такое свое обязательство.

Союзники дебатируютъ, а мы все разваливаемся, да разваливаемся; вѣдь и то, что творится сейчасъ въ Харбинѣ тоже развалъ, и очень грозный по своимъ послѣдствіямъ.

Здѣсь ходятъ слухи о попыткѣ образовать въ Пекинѣ новое Сибирское правительство (вмѣсто разогнаннаго большевиками въ Томскѣ); въ справедливости слуховъ заставляетъ сомнѣваться сумбурность сообщаемаго состава этого правительства: предсѣдатель Князь Львовъ, военный министръ Брусиловъ, министръ финансовъ Путиловъ и т. п.

5 Марта. Отдыхаю безъ работы и обязанностей; непривычно чувствовать себя никуда не торопящимся и ничѣмъ не связаннымъ. Временами стыдно, что живешь такъ покойно и ѣшь такъ обильно въ то время, когда другіе, тамъ ущемленные, страдаютъ, голодаютъ и ведутъ существованіе аналогичное каторжнымъ гребцамъ, прикованнымъ на галерахъ къ весламъ.

Сегодняшнія газеты наполнены слухами о выступленіи Японіи и Америки, о поѣздкахъ разныхъ пословъ къ премьеру и о длительныхъ совѣщаніяхъ.

Сообщаютъ, что Китай уже назначилъ 40.000 войскъ для Сибирской экспедиціи.

Утромъ ѣздилъ къ послу, — это одинъ изъ многочисленныхъ Крупенскихъ; разсказалъ ему, что дѣлается въ Россіи, въ какомъ ужасномъ положеніи находится русская интеллигенція и русскіе офицеры, и всячески старался охарактеризовать серьезность положенія, усиленно подчеркивая, что сейчасъ не повтореніе 1906 года и что болѣзнь безконечно опаснѣе и такъ уже прогрессировала, что можетъ являться опасеніе, не опоздаютъ ли доктора.

Такіе господа, какъ мѣстный посолъ и многіе наши представители за границей, знаютъ что такое революція только по газетамъ, да по розовымъ телеграммамъ Терещенко и Ко.; они ничего не испытали, обезпечены на долгое время прекрасными окладами въ

золотыхъ рубляхъ и очень горды тѣмъ, что могутъ, сидя въ полной безопасности, рядиться въ ризы ярыхъ и непримиримыхъ ненавистниковъ большевизма и грозно размахивать руками. Всѣ тѣ, кто ущемлены, мучаются и погибаютъ въ Россіи, ненавидятъ большевизмъ сильнѣе и острѣе, но что они могутъ сдѣлать, разрозненные, безпомощные ... Вѣдь для многихъ — только тотъ исходъ, который нашелъ въ Брестѣ генералъ Скалонъ. Посмотрѣлъ бы я на всѣхъ этихъ заграничныхъ синьоровъ, если бы они попали въ комиссарскія лапы.

Высказалъ также послу свой взглядъ на интервенцію и на острую потребность возможно скорѣе положить предѣлъ прогрессирующему разложенію послѣднихъ остатковъ осмысленнаго человѣческаго существованія.

Вечеръ провелъ въ отчаянномъ настроеніи, всѣ тѣ мечты, съ которыми я стремился сюда, оказались очень далекими отъ возможности осуществленія; вдобавокъ, начитался газетъ, перенесся мыслями въ Россію и мучился неспособностью хоть чѣмъ нибудь помочь тѣмъ, кто тамъ остался.

6 Марта. Газеты продолжаютъ обсуждать вопросъ о вмѣшательствѣ Японіи въ русскія дѣла; появились кое-какіе намеки на возможность общаго союзнаго выступленія съ участіемъ Америки.

Прочиталъ сообщеніе, что за время послѣдняго продвиженія вглубь Россіи нѣмцы захватили 3000 орудій, нѣсколько десятковъ тысячъ пулеметовъ и необозримое количество всевозможныхъ боевыхъ и техническихъ запасовъ, и плакалъ отъ боли и стыда; минутами вторгалась въ голову мысль: «а, быть можетъ, даже лучше, что все это брошено, чѣмъ если бы было продано, все равно кѣмъ, товарищами или комиссарами; результаты одни, но позора меньше».

Вспомнилось, какъ страдали мы, не имѣя ни орудій, ни пулеметовъ и снарядовъ; какой радостью было для насъ полученіе этихъ средствъ борьбы и постепенное ихъ накапливаніе и улучшеніе; какія надежды мы связывали съ тѣмъ временемъ, когда, наконецъ, у насъ будутъ средства бороться съ врагомъ равнымъ оружіемъ . . . И когда все это пришло, когда состояніе матеріи поднялось, развалился духъ, и черезъ 8—9 мѣсяцевъ на мѣстѣ русской арміи остались какія-то кучи нравственнаго навоза — дезорганизованныя банды товарищей, продающихъ нѣмцамъ пушки и пулеметы и позорно бѣгущихъ передъ наступающими церемоніальнымъ маршемъ нѣмцами. Какъ счастливы тѣ, кому судьба была благосклонна и не дала имъ увидѣть всего этого позора!

7 Марта. Яхонтовъ хотѣлъ мнѣ помочь прикомандированіемъ меня, какъ знатока Дальняго Востока, къ военной миссіи, но наткнулся на сопротивленіе Крупенскаго, заявившаго, что такъ какъ я принялъ командировку отъ измѣнническаго Управленія Генеральнаго Штаба, то онъ не только не разрѣшаетъ моего прикомандированія, но требуетъ, чтобы я уѣхалъ изъ Японіи.

Всѣ доводы Яхонтова были безрезультатны.

Интересно знать, кто больше измѣнники: тѣ, кто, попавъ въ красный плѣнъ, своимъ тѣломъ, кровью и переживаемымъ ужасомъ тормозитъ, сколько можетъ, поступательное движеніе большевизма и, находясь подъ постояннымъ страхомъ мученій, издѣвательствъ и смерти, напрягаетъ невѣроятныя усилія, чтобы выиграть время, пока придетъ помощь (ибо тамъ въ Россіи все еще надѣются, что союзники не бросятъ насъ на комиссарское съѣденіе), — или тѣ, кто, сидя по безопаснымъ заграничнымъ и далекимъ отъ Россіи и революціи мѣстамъ и кущая многотысячные оклады, брезгливо отворачивается отъ всего русскаго и пальцемъ не шевельнетъ, чтобы спасти гибнущихъ на Руси.

Трудно было ожидать чего либо болѣе порядочнаго и человѣческаго отъ такого типичнаго представителя нашей дипломатіи, какимъ является Базиль Крупенскій. Недаромъ говорили про наше «иностранное» вѣдомство, что русскій дипломатъ и сны видитъ, и бредитъ во снѣ только на французскомъ языкѣ.

Имѣлъ съ Яхонтовымъ длинную бесѣду о состояніи нашей арміи и положенія офицерства; разсказалъ ему подробно, что дѣлается въ Харбинѣ и подчеркнулъ, что въ этой помойной ямѣ молодежь воспитывается только на мести, на идеѣ реванша и сведенія личныхъ счетовъ, то-есть на такихъ лозунгахъ, на которыхъ Россіи не возстановить.

Просилъ Яхонтова взять на себя хлопоты по организаціи съ помощью союзниковъ русскихъ добровольческихъ легіоновъ, которые и будутъ продолжать борьбу и за общее союзное, и за русское дѣло на началахъ великаго воинскаго и гражданскаго подвига, о себѣ лично не думая, ничего не требуя, и никому не мстя.

По мнѣнію Яхонтова мои надежды на возможность искренней и безкорыстной помощи со стороны Японіи весьма утопичны: японцы очень хитры и еще болѣе жадны; сейчасъ они полны вожделѣніями какъ бы выгоднѣе использовать наши несчастія и извлечь изъ этого наибольшую для своей страны пользу; польза же эта рисуется въ легкомъ захватѣ всего русскаго Дальняго Востока и наложеніи своей лапы на крайне нужныя для нихъ естественныя богатства этого края (горныя и рыбныя). Пока что Японія сдерживается и косится въ сторону Америки своей непримиримой соперницы во всемъ, что касается эксплоататорскихъ экспериментовъ на азіатскомъ континентѣ.

8 Марта. Газеты сообщаютъ, что три дня тому назадъ Америка дала свое согласіе на выступленіе Японіи на русскомъ Дальнемъ Востокѣ; говорятъ, что изъ Цуруги вышли уже транспорты съ войсками, но военные японцы это отрицаютъ.

9—14 Марта. Отдыхаю. Вопросъ о сибирскомъ вмѣшательствѣ Японіи продолжаетъ оставаться въ положеніи дебатируемаго вопроса, интересъ къ которому съ каждымъ днемъ становится все слабѣе.

15 Марта. Яхонтовъ уѣзжаетъ въ отпускъ; сговорился съ нимъ по поводу организаціи помощи русскимъ офицерамъ; проектирую, чтобы онъ попробовалъ обратиться къ Рузевельту — это человѣкъ кипучій, военный и съ огромнымъ общественнымъ и нравственнымъ вѣсомъ. Надо только торопиться, пока помойныя ямы Харбинскаго типа не сгноили совершенно нашу молодежь.

По словамъ Яхонтова японцы охотно готовы вмѣшаться въ наши дѣла, но только на средства союзниковъ и съ тѣмъ, чтобы не идти дальше Владивостока, Харбина и Камчатки. Условія черезчуръ прозрачныя, и союзники совсѣмъ не охочи на то, чтобы давать деньги на осуществленіе за ихъ счетъ чисто японскихъ задачъ, и требуютъ гарантій, что при исполненіи не будутъ преслѣдуемы узко эгоистическія цѣли.

Харбинскіе писаки продолжаютъ муссировать Семеновщину, представляя Семенова, какъ единственную величину, способную спасти Россію отъ власти большевиковъ. За деньги и въ чаяніи разныхъ благъ отъ реванша наши продажныя перья способны на все.

Развѣ на ненависти и мести можно возстановить разрушаемую Россію, особенно если ненависть направлена огуломъ по адресу всего народа? Слѣдовало бы вспомнить и прочесть о томъ, что было во времена Вандеи и Кобленца; фонъ вѣдь тотъ же самый, только краски и углубленія куда рѣзче, чѣмъ сто двадцать лѣтъ тому назадъ.

16—17 Марта. Лунножитель Вильсонъ, разразился посланіемъ къ русскому народу; совсѣмъ никчемушная исторія, такъ какъ $^3/_4$ русскаго народа никакихъ посланій не читаетъ и очень мало, если не совсѣмъ, освѣдомлены о томъ, что такое Соединенные Штаты и гдѣ они находятся; милый профессоръ исторіи продолжаетъ пребывать въ невѣдѣніи того, что съ выпущенными на чисто звѣриную свободу дикими и темными массами нельзя бесѣдовать ни воззваніями, ни идущими даже отъ искренняго сердца убѣжденіями.

Въ нашей острозаразной болѣзни нужны или операція, или прижиганіе; вѣрнѣе сказать — были нужны, такъ какъ теперь время, повидимому, уже упущено.

18 Марта. Съѣздъ совѣтовъ въ Москвѣ утвердилъ мирный договоръ съ Центральными державами; ничего иного и не могло сдѣлать спеціально собранное для этого случая голосовальное стадо. Подтверждена только сдѣланная именемъ Россіи подлость, ибо вѣдь все равно самая Россія усердными стараніямм комиссаровъ уже нѣсколько мѣсяцевъ фактически выведена изъ строя воюющихъ державъ, потеряла всю свою армію, лишилась всѣхъ боевыхъ запасовъ и приведена къ экономическому коллапсу.

Союзная пресса продолжаетъ жевать вопросъ объ оказаніи помощи Россіи и о Сибирской экспедиціи; каждая строка каждой статьи доказываетъ глубочайшее непониманіе того, что совершилось и продолжается сейчасъ на нашей несчастной, ополоумѣвшей Родинѣ.

19—22 Марта. Сообщается о переносѣ резиденціи народныхъ комиссаровъ въ Москву; совдепщики рискнули на то, чего боялись Керенскій и Временное Правительство и что имъ надо было сдѣлать въ Мартѣ прошлаго года. Столица «бывшей Россіи» перенесена въ «бывщую столицу» Россіи.

Газеты помѣстили интервью съ посломъ Учида, который высказалъ увѣренность, что время нахожденія большевиковъ у власти будетъ очень скоротечно, но что власть совѣтовъ останется. Учида впадаетъ въ общее всѣмъ заблужденіе относительно скораго конца большевиковъ, такъ какъ для этого конца надо, чтобы кто-нибудь прогналъ этихъ гадовъ и прогналъ силой: сами они отъ власти не уйдутъ, будутъ защищать ее по волчьи, а подходящихъ охотниковъ прогонять ихъ силой — пока не видно; союзнички только болтаютъ, да совѣщаются, ну а такія помойницы, какъ Семеновщина, опасны только для тѣхъ, у кого есть деньги, и вообще для всякой государственности и порядка.

На югѣ нѣмцы захватили Бахмачъ и быстро ползутъ на востокъ къ хлѣбнымъ, угольнымъ и нефтеносньімъ районамъ.

Изъ разговоровъ Учида съ корреспондентами ясно, что Японіи сейчасъ мѣшаться въ сибирскія дѣла невыгодно, въ японскихъ газетахъ прямо говорится, что Японіи сейчасъ не къ чему трепать свою армію, которая ей очень понадобится, когда начнутся настоящіе разговоры о мирѣ.

23 Марта. Получены первыя сообщенія о начавшемся наступленіи нѣмцевъ на западномъ фронтѣ, причемъ главный ударъ направленъ, повидимому, на англичанъ. Какъ хотѣлось бы, — вмѣсто того, чтобы томиться здѣсь въ бездѣйствіи и ждать, пока китаецъ портной сошьетъ платье, — быть сейчасъ на этомъ фронтѣ, гдѣ надолго рѣшаются судьбы міра и закладываются основанія жизни народовъ на грядущія времена.

Какъ обидно, что слѣпота и нерѣшительность союзниковъ не дала возможности использовать тѣ цѣнные запасы личнаго состава русской арміи, которые уже погибли и продолжаютъ гибнуть подъ краснымъ терроромъ. Сейчасъ союзники, своимъ непротивленіемъ большевизму и своимъ холоднымъ равнодушіемъ къ нашей судьбѣ, довели очень многихъ русскихъ до того, что у нихъ появилась острая злоба по отношенію къ союзникамъ и желаніе побѣды нѣмцамъ, которые сумѣютъ свернуть головы комиссарамъ, обуздать товарищей и навести на Руси полный порядокъ. Тяжело все это слышать послѣ всего того, что перенесено, пережито и потеряно благодаря этой войнѣ.

24 Марта. Бои на западѣ развиваются; нѣмцы несутъ большія потери, но имѣютъ частичный успѣхъ; главный ударъ направленъ на англичанъ, которымъ приходится имѣть дѣло съ лучшими частями нѣмецкой арміи. Наступаютъ рѣшительные для судебъ міра дни; очевидно, что это будутъ послѣднія напряженія обѣихъ сторонъ. Нѣмцамъ некогда ждать прибытія всѣхъ американскихъ войскъ; всѣ шансы пока на ихъ сторонѣ, такъ какъ они перебросили съ нашего фронта на западный нѣсколько десятковъ дивизій и огромную артиллерію, что даетъ имъ возможность имѣть большіе резервы и долго питать людскимъ матерьяломъ ту колоссальную, рѣшительную и чудовищно прожорливую операцію, которую они начали.

Но зато на сторонѣ союзниковъ огромныя преимущества обороны, дающія имъ возможность использовать для истребленія врага всѣ накопленныя ими ужасающія средства современной военной техники; этимъ путемъ они смогутъ сравнять шансы численнаго превосходства нѣмцевъ; резервы же у союзниковъ тоже очень почтенные.

25 Марта. Нѣмцы цѣной огромныхъ потерь прорвали англійскій фронтъ у С. Кентена, и по ихъ донесеніямъ взяли 25000 плѣнныхъ и 400 орудій. Положеніе союзниковъ признается очень серьезнымъ; сказывается во всю значеніе гибели русской арміи, при существованіи которой едва ли было бы возможно теперешнее нѣмецкое наступленіе.

26 Марта. Газеты принесли весьма сенсаціонное извѣстіе, что нѣмцы начали обстрѣливать Парижъ съ разстоянія 120 километровъ; очевидно, этотъ чудовищный рекордъ современной артиллерійской техники былъ спеціально подготовленъ къ настоящему наступленію, какъ Über-средство для того, чтобы хватить по нервамъ населенія столицы и центра жизни непріятельской стороны.

На фронтѣ нѣмцы продолжаютъ ломить во-всю, направляя теперь ударъ въ разрѣзъ между англичанами и французами — любимый нѣмцами пріемъ бить по стыку крупныхъ соединеній, гдѣ связь и сила сопротивленія, благодаря руководству разныхъ центровъ, и слабѣе, и менѣе однородны, и эффективны.

Очень серьезно сообщеніе нѣмцевъ о томъ, что первая стадія наступленія окончилась, и окончилась для нихъ съ большимъ внѣшнимъ успѣхомъ; значитъ, наступаетъ перерывъ въ операціи, а это очень похоже на то, что положеніе нѣмцевъ не такъ уже хорошо, какъ они выставляютъ. Принесенныя ими жертвы должны были дать болѣе существенные результаты, а тогда остановки быть не могло: «порывъ не терпитъ перерыва», такъ говоритъ старая военная практика; частные же успѣхи, достигнутые за это время, куплены слишкомъ дорогой цѣной; моря нѣмецкой крови прорвали союзныя плотины, но послѣднія успѣли починить и начинается новая еще болѣе рѣшительная эпопея. Французское командованіе держится, повидимому, очень осторожно и не тратитъ резервовъ, предоставляя нѣмцамъ исходить кровью на проломѣ всего того, что такъ долго готовила для этого союзная техника. Общая картина такова, что уже можно ставить на союзниковъ.

Въ Японіи идетъ особо сильная струя дружбы по отношенію къ Китаю и заявляется о страстномъ желаніи помочь континентальному сосѣду справиться со всѣми своими болѣзнями; говорятъ, что Японія выступаетъ примирителемъ между Сѣверомъ и Югомъ, и что японскіе капиталисты готовы заняться пробужденіемъ промышленности и развитіемъ естественныхъ богатствъ Китая. Во второй части, я думаю, никто никогда и не сомнѣвался, ну а въ первой — это басенки для грудныхъ дѣтей, ибо вся задача Японіи въ томъ, чтобы поддерживать въ Китаѣ безпорядокъ и пытаться раздробить его на составныя и враждующія части.

Здоровый и могучій Китай это конецъ Японіи, какъ промышленной и военной силы, ибо что такое микроскопическая Японія рядомъ съ своимъ сосѣдомъ, чудовищнымъ по размѣрамъ своего населенія, по своимъ богатствамъ и по природнымъ даннымъ своего народа, гораздо болѣе богато одареннаго. Эксплоатировать разрозненный, грядущій, самопожирающій и неспособный стать на свои дряблыя государственныя ножки Китай, это подъ силу Японіи, но имѣть его рядомъ здоровымъ и могучимъ, это ея конецъ или, во всякомъ случаѣ, полное затмѣніе и переходъ на третьи роли.

Интересны сообщенія газетъ о начавшемся въ Англіи рабочемъ движеніи, причемъ тамъ выдвинуты тоже очень крайніе соціалистическіе лозунги, но только разсредоточенные для осуществленія на долгіе періоды и разумно практически разработанные. Очевидно, что соціальная революція расползается по всему міру — таково неизбѣжное наслѣдство всѣхъ великихъ войнъ.

27 Марта. Несомнѣнно, что начатое нѣмцами грандіозное наступленіе не дало имъ того, на что они разсчитывали, то есть рѣшительнаго разгрома союзныхъ армій; будь у меня нѣмецкія цѣнности, я бы ихъ немедленно ликвидировалъ. При современномъ размахѣ большихъ битвъ и при несомнѣнномъ сохраненіи союзниками мощныхъ резервовъ, нѣмцамъ придется въ скоромъ времени встрѣтить контръ-ударъ союзниковъ и притомъ въ очень неблагопріятномъ для обороны положеніи, то-есть не на линіи стараго, отлично подготовленнаго фронта, а на только что занятыхъ случайныхъ позиціяхъ, которыя невозможно въ нѣсколько дней приспособить для обороны такъ, какъ того требуютъ современныя условія боя; тамъ не будетъ ни надежныхъ убѣжищъ и наблюдательныхъ пунктовъ, ни надлежащихъ средствъ связи, ни достаточно сильныхъ препятствій.

Встрѣтилъ нѣсколькихъ русскихъ, только что пріѣхавшихъ изъ Шанхая, Тяньцзина; всюду къ русскимъ относятся, какъ къ какимъ-то зачумленнымъ; во всемъ отказываютъ, помощи никакой; наши дипломатическіе представители брезгливо прячутся отъ соотечественниковъ, считая каждаго или большевикомъ, или жуликомъ, или попрошайкой. Рѣзкій контрастъ представляютъ поляки и евреи, организовавшіе свои комитеты, дѣятельно помогающіе своимъ соплеменникамъ и единовѣрцамъ.

При такомъ настроеніи мнѣ нечего тратить деньги и ѣхать въ Пекинъ съ тѣми же цѣлями, съ которыми я пріѣхалъ сюда; не стоитъ еще разъ изображать Донъ Кихота Ламанческаго.

28 Марта. Нѣмецкое наступленіе медленно продвигается впередъ; мѣстные нѣмцефилы и союзникофобы ликуютъ; я ихъ охлаждаю напоминаніемъ про судьбу клина, который не раскололъ бревна сразу, а застрялъ и продолжаетъ вбиваться уже ослабленными мелкими ударами въ то время, когда стѣнки раскола сохранили могучую силу сопротивленія и готовы энергично сжаться и выбросить клинъ вонъ. Большинство здѣсь считаетъ дѣло союзниковъ проигранным и искренно радуется; скрытое нѣмцефильство бурно выбивается наружу. Горькое имъ предстоитъ разочарованіе, когда выяснится, что цѣной огромныхъ потерь и частичныхъ тактическихъ успѣховъ нѣмцы близки уже къ стратегическому пораженію, и теперь весь вопросъ въ томъ, какъ имъ удастся вылѣзти изъ начатой ими операціи, успѣютъ ли они унести свои хвосты и отстояться за основными линіями, цѣльность сопротивленія которыхъ не могла быть не нарушена съ началомъ наступленія. Конецъ нѣмецкой наступательной волны долженъ быть началомъ контръ волны союзнаго перехода въ рѣшительное наступленіе — такова, повидимому, идея верховнаго союзнаго командованія.

29 Марта. Отчаянное нѣмецкое сопротивленіе продолжается; несомнѣнно, что главная цѣль нѣмцевъ заключается въ томъ, чтобы отрѣзать англичанъ и припереть ихъ къ морю; возвѣщаемое же наступленіе на Парижъ это только для отвода глазъ и, какъ говорятъ юнкера, для «наведенія дранжа» на очень чувствительныхъ во всемъ, что касается Парижа, французовъ.

Нѣмцефилы японцы (ихъ оказывается очень много) и очень многіе русскіе вожделѣнно смакуютъ грядущую побѣду тевтоно-австрійскихъ армій, отъ которыхъ ждутъ затѣмъ энергичныхъ дѣйствій по возстановленію порядка на Руси и возвращенію всѣхъ потерянныхъ правъ, преимуществъ и капиталовъ; во всемъ этомъ такъ и сквозитъ то, что именуется русскимъ патріотизмомъ.

30 Марта—4 Апрѣля. Томлюсь въ ожиданіи возможности двинуться въ обратный путь въ Харбинъ безъ заѣзда, какъ раньше думалъ, въ Пекинъ. Нѣмцы все еще ломятся впередъ подъ ликованіе мѣстныхъ милостивыхъ государей съ бердичевскаго и кобленцскаго фронтовъ; у многихъ слюнки текутъ отъ предвкушенія будущихъ жареныхъ рябчиковъ и прочаго благоуханія былыхъ временъ. Утромъ продолжительная бесѣда съ японскимъ жандармомъ; выяснилось, что наше посольство все время волнуется, скоро ли я уѣду, и представляетъ меня японцамъ, какъ большевика; отъ столь подлаго учрежденія трудно было ожидать чего либо другого; подлость усугубляется тѣмъ, что посолъ знаетъ, что это невѣрно; знаетъ причины моего отъѣзда изъ Петербурга и причины, побудившія меня пріѣхать въ Японію. Я разсказалъ жандарму причины моего прибытія, показалъ ему документы; тотъ разсыпался въ любезности и уговаривалъ не уѣзжать изъ Японіи, такъ какъ скоро цвѣтеніе вишенъ и много удовольствій и развлеченій. Поблагодарилъ его, сказавъ, что русскимъ сейчасъ не до развлеченій и что мнѣ надо ѣхать въ Харбинъ искать работы.

VARIA*

Главный земельный комитетъ**

В. П. Семенова Тянь-Шанскаго

Послѣ Февральской революціи Министромъ Земледѣлія сталъ А. И. Шингаревъ, по профессіи земскій врачъ, никогда раньше не имѣвшій отношенія къ этому вѣдомству и вообще не работавшій въ области земледѣлія и землеустройства. Однимъ изъ первыхъ дѣйствій новаго Министра было изданіе новаго закона о землѣ. Появленіе этого закона было вызвано причинами политическими или даже скорѣе демагогическими. Не имѣя ни понятія о структурѣ законовъ, ни опыта государственнаго дѣятеля, Шингаревъ создалъ не законъ, а какую-то декларацію, да и то не совсѣмъ грамотно написанную.

Появленіе новаго закона вызвало необходимость созданія цѣлой сѣти учрежденій для проведенія въ жизнь декларацiи, и въ главу этихъ учрежденій былъ поставленъ «Главный Земельный Комитетъ».

Комитетъ этотъ былъ сконструированъ наспѣхъ. Предсѣдателемъ его назначенъ профессоръ политической экономіи А. С. Постниковъ. Были привлечены къ участію въ Комитетѣ и представители вѣдомствъ. Вообще, какъ всѣ революціонныя учрежденія, Комитетъ имѣлъ, благодаря своей конструкціи и составу, а также отношенію къ другимъ оставшимся цѣлыми дореволюціоннымъ учрежденіямъ, совершенно неопредѣленную физіономію и функціи. На первыхъ порахъ ему, во всякомъ случаѣ, была поставлена задача сконструировать сѣть мѣстныхъ учрежденій и поставить ихъ въ іерархическую связь и зависимость другъ отъ друга.

Представителемъ отъ Министерства Юстиціи въ Комитетъ былъ назначенъ Оберъ-Прокуроръ 2-го Д-та Сената, проф. гражданскаго права, И. М. Тютрюмовъ, который, какъ самъ мнѣ лично сказалъ, далъ Министру Юстиціи свое согласіе лишь условно — если ему будетъ данъ замѣститель-помощникъ по его выбору; этимъ замѣстителемъ онъ просилъ быть меня, какъ своего старшаго товарища Оберъ-Прокурора и члена Совѣта Министра Юстиціи, причемъ, приглашая меня, поставилъ вопросъ такъ, что если бы я не согласился, то онъ, Тютрюмовъ, также отказался бы отъ предложенной ему обязанности.

Не ожидая большой пользы отъ своего участія въ Главномъ Земельномъ Комитетѣ, ибо было ясно, что все дѣло сводится къ отрицанію права частной собственности на землю, а мы съ Тютрюмовымъ, какъ цивилисты, не могли сочувствовать такому направленію, я все же согласился на сдѣланное мнѣ предложеніе, считая, что, быть можетъ, удастся обуздать нѣкоторыя неумѣренныя и неразумныя вожделѣнія и стремленія. Полагая, однако, что я буду замѣстителемъ Тютрюмова только тогда, когда ему самому нельзя будетъ бывать на засѣданіяхъ Комитета, я просилъ постоянно держать меня въ курсѣ какъ того, что тамъ дѣлается, такъ и того, какой линіи держится самъ представитель Министерства Юстиціи.

Въ самое первое время все такъ и шло. Но очень скоро мнѣ пришлось нести обязанности представителя почти исключительно одному. И. М. Тютрюмовъ имѣлъ присущее многимъ русскимъ свойство набирать себѣ цѣлую кучу всякихъ дѣлъ и обязанностей, очень часто мелочныхъ и служащихъ только къ тому, чтобъ онѣ мѣшали сосредоточиваться на главныхъ. Помимо своей службы въ Сенатѣ и профессуры въ Университетѣ, Тютрюмовъ былъ, напр., гласнымъ Петроградской Гор. Думы, предсѣдателемъ ея юридической комиссіи и не сумѣлъ даже отказаться отъ участія въ школьной комиссіи Думы, причемъ состоялъ завѣдующимъ 2 городскими школами, т. е. долженъ

* Въ настоящемъ отдѣлѣ «Архива Русской Революціи» будутъ печататься присылаемыя намъ дополненія и исправленія опубликованнаго уже въ вышедшихъ томахъ матеріала.

** Настоящая замѣтка вызвана желаніемъ дополнить, а отчасти и исправить воспоминанія А. Демьянова («Архивъ Русской Революціи», т. IV) въ той ихъ части (стр. 103), которая касается дѣятельности представителей Министерства Юстиціи въ Главномъ Земельномъ Комитетѣ.

былъ нянчиться съ нѣсколькими весьма мелочными дамами, учительницами этихъ школъ и проч. Уставши за зиму отъ всѣхъ этихъ обязанностей, Тютрюмовъ на лѣто уѣхалъ на отдыхъ къ себѣ въ деревню.

Какъ то лѣтомъ, пріѣхавъ въ Земельный Комитетъ до начала засѣданія, я подошелъ къ Постникову, который, имѣя нѣсколько минутъ свободнаго времени, сталъ со мной бесѣдовать по поводу работъ Комитета. Я высказалъ ему, что нахожу эту работу очень мало производительной и медленной, такъ какъ многіе члены Комитета, а въ особенности присылаемые изъ губерній мѣстные представители говорятъ слишкомъ много и безтолково, что такимъ образомъ не только невозможно создать какой либо законъ, благодаря юридической безграмотности большинства членовъ Комитета, но даже далеко не всегда можно уловить и общую идею предстоящей земельной реформы. Къ удивленію моему, Постниковъ не только раздѣлялъ мои взгляды, но высказывался гораздо болѣе рѣзко. Онъ прямо мнѣ сказалъ: «А вы думаете, что вообще здѣсь можно что либо создать? Надо попросту разогнать всѣхъ этихъ господъ. Вѣдь если кто можетъ что либо сдѣлать, то это только мы съ Вами и намъ подобные, — люди дѣйствительно интеллигентные и культурные, съ экономическимъ, юридическимъ и вообще высшимъ образованіемъ.»

Въ одномъ изъ ближайшихъ засѣданій Комитета со мною, какъ замѣстителемъ представителя Министерства Юстиціи, произошелъ такой инцидентъ. Незнакомое мнѣ, впервые появившееся въ засѣданіи лицо, вполнѣ культурнаго вида (въ отличіе отъ многихъ другихъ), попросивъ у предсѣдателя слова, обратился къ Постникову съ заявленіемъ, что хотя онъ и является представителемъ спеціальной части Министерства Юстиціи — межевой, но не видя представителя Министерства Юстиціи, И. М. Тютрюмова, желалъ бы высказать свои соображенія. Предсѣдатель остановилъ говорившаго и объяснилъ, что замѣститель представителя Министерства находится на лицо, и указалъ на меня. Произошелъ нѣкоторый конфузъ, а нѣкоторые члены (среди нихъ были, несомнѣнно, и большевики) злорадно, какъ мнѣ показалось, переглянулись. Въ перерывѣ засѣданія представитель Межевой части подошелъ ко мнѣ съ извиненіемъ, на что я сказалъ, что онъ здѣсь не при чемъ, а что виновато, конечно, Министерство, ибо мнѣ не было сообщено о назначеніи такого представителя отъ Межевой части (а послѣднему не было сообщено о томъ, что я состою замѣстителемъ представителя), и что я поѣду завтра въ Министерство Юстиціи объясняться. Составивъ на слѣдующій день докладную записку объ инцидентѣ и о томъ, что я считаю невозможнымъ работать, когда Министерство не только само не интересуется вопросами, обсуждающимися въ Комитетѣ, но не ставитъ въ курсъ дѣла и своего министра — члена Правительства, — я рѣшилъ поѣхать лично къ Ефремову, бывшему въ то время Министромъ Юстиціи. Не заставъ Министра, я передалъ мою записку Директору 1 Департамента, прося передать ее Министру, и уѣхалъ домой. Въ тотъ же или на слѣдующій день я по телефону получилъ приглашеніе явиться къ М-ру, что сейчасъ и сдѣлалъ. Ефремовъ тотчасъ же меня принялъ и сказалъ, что считаетъ меня вполнѣ правымъ: въ кабинетъ Министра въ это время входили товарищи Министра А. Демьяновъ и Г. Д. Скарятинъ, такъ что наша бесѣда велась частью при нихъ. Ефремовъ въ заключеніе разговора прибавилъ, что онъ вообще рѣшилъ усилить составъ представителей Министерства, почему и назначаетъ меня не замѣстителемъ, а вторымъ представителемъ, и проситъ меня все время ставить въ курсъ дѣла какъ лично его, такъ и его товарищей. На это я сказалъ, что считалъ бы полезнымъ имѣть общеніе не только съ чинами Министерства Юстиціи, но и съ представителями другихъ вѣдомствъ, что я одинъ разъ и сдѣлалъ уже частнымъ образомъ, устроивъ совѣщаніе съ представителями Министерства Вн. Дѣлъ (Управляющимъ Зем. Отдѣломъ и его помощникомъ) и выработавъ общій планъ дѣйствій для одного изъ засѣданій Земельнаго Комитета.

Такъ какъ Ефремовъ не былъ юристомъ, да и постоянныя засѣданія Совѣта Министровъ отнимали у него много времени, и наконецъ, онъ вскорѣ и вовсе ушелъ со своего поста, — въ дальнѣйшемъ я уже имѣлъ дѣло съ Демьяновымъ и Скарятинымъ, которымъ, между прочимъ, передалъ съ трудомъ полученный мною изъ канцеляріи Земельнаго Комитета циркуляръ Министра Земледѣлія Чернова, далеко превосходившій по радикальности и лѣвизнѣ, а также и безтолковости все то, что творилось въ Комитетѣ, и шедшій даже въ нѣкоторыхъ частяхъ въ разрѣзъ съ тѣмъ курсомъ, котораго старался держаться предсѣдатель Комитета (если это вообще возможно было назвать курсомъ). Постниковъ очень негодовалъ на этотъ циркуляръ не только по существу, но и потому, что его изданіе являлось вмѣшательствомъ въ его, Постникова, дѣятельность.

Впослѣдствіи, когда А. Демьяновъ написалъ свою записку по поводу этого циркуляра и вообще о незаконныхъ дѣйствіяхъ мѣстныхъ земельныхъ органовъ, поощряемыхъ къ тому Черновымъ, и копію этой записки получилъ и А. С. Постниковъ, послѣдній, по свойственной ему ревнивой обидчивости и старческой раздражительности, сталъ негодовать и на это, по его мнѣнію, вмѣшательство въ его сферу. Содержаніе записки онъ доложилъ Комитету. Благодаря наладившейся связи моей съ высшими чинами Министерства Юстиціи, копію записки Демьянова я имѣлъ въ рукахъ ранѣе Постникова и потому сказалъ въ засѣданіи Комитета, что записка эта имѣетъ въ виду указаніе исключительно на некоординированность дѣйствій Правительства. Какъ опытный предсѣдатель Пост-

никовъ не допустилъ обсужденія записки по существу въ Комитетѣ и заявилъ, что самъ поѣдетъ объясняться съ Министерствомъ Юстиціи. На этомъ въ Комитетѣ инцидентъ и окончился.

Записка А. Демьянова была составлена безъ какого бы то ни было участія съ моей стороны, но все же я подумалъ, что А. С. Постниковъ подозрѣваетъ меня въ сообществѣ съ чинами Министерства Юстиціи и вообще въ желаніи подковырнуть Комитетъ, тѣмъ болѣе, что нѣсколько ранѣе, исправляя обязанности Оберъ-Прокурора 2-го Д-та Сената (за отсутствіемъ И. М. Тютрюмова), я получилъ отъ одного уѣзднаго земельнаго комитета телеграмму, адресованную на имя Сената, съ требованіемъ выслать этому комитету одно изъ нерѣшенныхъ еще Сенатомъ землеустроительныхъ дѣлъ, съ угрозою, что если это не будетъ исполнено, то Уѣздный Комитетъ самъ рѣшитъ дѣло по своимъ собственнымъ соображеніямъ и своими средствами. На такой телеграммѣ, возмутительной по тону, я сдѣлалъ надпись «доложить Пр. Сенату», и секретарь мой заготовилъ уже ордеръ канцеляріи о докладѣ ея въ ближайшемъ засѣданіи. Однако, прежде чѣмъ подписать ордеръ, я показалъ телеграмму Первоприсутствующему Сенатору В. И. Тимофеевскому, состоявшему въ то время сенаторомъ 2-го Департамента. Тимофеевскій очень нервно вступилъ со мною въ пререканіе, говоря, что нельзя докладывать «всякія глупыя бумаги» Сенату, на что я возразилъ, что бумаги, адресованныя на имя не Оберъ-Прокурора, а Сената я не имѣю права «пріобщать къ ряду ненужныхъ бумагъ». Въ концѣ концовъ, мы, по моему предложенію, помирились на томъ, что Первоприсутствующій на телеграммѣ сдѣлаетъ надпись «передать къ дѣламъ Оберъ-Прокурора», а я уже отъ себя распоряжусь этою бумагою, — что я и сдѣлалъ, отправивъ эту телеграмму Министру Юстиціи. Возможно, что эта телеграмма также послужила матеріаломъ для записокъ А. Демьянова.

При постоянномъ общеніи съ высшими чинами Министерства Юстиціи, я вручилъ Г. Д. Скарятину также свою записку по поводу появившихся въ 1-омъ и 2-мъ №№ оффиціальнаго печатнаго органа Главнаго Земельнаго Комитета, его «Извѣстіяхъ» — передовыхъ статей Н. П. Огановскаго (также назначеннаго Керенскимъ Сенаторомъ во 2 Д-тъ, народнаго соціалиста), написанныхъ въ тонѣ призыва крестьянъ къ погромамъ частно-владѣльческихъ имѣній и усадебъ. О погромномъ характерѣ этихъ передовицъ, изложенныхъ въ формѣ бесѣдъ съ крестьянами и совѣтовъ, какъ имъ распорядиться землею, и о сродствѣ ихъ съ послѣдующимъ Ленинскимъ призывомъ «грабь награбленное» свидѣтельствовали такія напр. ихъ фразы: «когда это воронье гнѣздо — помѣщичье землевладѣніе — будетъ окончательно разорено» ... и т. д. или «въ 1905—06 гг., когда воля трудового народа — крестьянства была написана огненными буквами на небесахъ, въ видѣ зарева пожаровъ помѣщичьихъ усадебъ» и проч.

Такъ какъ составъ Комитета и періодическихъ съѣздовъ его мѣстныхъ представителей значительно лѣвѣлъ и все быстро катилось къ большевизму, причемъ очень часто высказывались сужденія, что съ «устарѣвшими» юридическими понятіями считаться вовсе не слѣдуетъ, ибо наступила пора «революціоннаго правосознанія и правотворчества», то намъ почти безполезно было дѣлать въ Комитетѣ свои возраженія, тѣмъ болѣе, что мы, представители вѣдомствъ, не пользовались даже правомъ рѣшающаго голоса. Одинъ разъ мое замѣчаніе, что въ составъ комитетовъ (главнаго и мѣстныхъ) не слѣдовало бы вводить «солдатскихъ и рабочихъ» депутатовъ, ибо они, если не крестьяне, не имѣютъ никакого отношенія къ землѣ, а если есть среди нихъ крестьяне, то они являются уже крестьянскими депутатами, причемъ солдаты — даже не классъ, а лишь временное состояніе каждаго гражданина, — вызвало такой потокъ негодующихъ словъ, что Постниковъ даже и не баллотировалъ моего предложенія. Другой разъ на недопустимую съ моей точки зрѣнія рѣчь одного изъ членовъ Комитета — соціалъ-демократа, несомнѣннаго большевика (еврея, фамиліи не помню), я далъ реплику, что во всякой цивилизованной странѣ, даже самой либеральной, рекомендуемыя ими мѣры были бы квалифицированы какъ грабежъ и разбой, и привелъ признаки этихъ преступленій по общимъ нормамъ уголовнаго права, — снова поднялся шумъ и возраженія, что представители министерства юстиціи имѣютъ устарѣлыя юридическія понятія.

При такихъ условіяхъ бѣдному А. С. Постникову было очень трудно держать какой либо курсъ, тѣмъ болѣе, что во всѣ законопроекты, составлявшіеся Канцеляріей Комитета по его указаніямъ, въ каждомъ засѣданіи, при частично мѣнявшемся составѣ членовъ, вносили постепенно новыя и новыя поправки, совершенно искажавшія уже обсужденныя статьи.

Хотя такимъ образомъ роль представителей вѣдомствъ сводилась почти исключительно къ наблюденію надъ происходящими событіями, — мною по соглашенію съ Г. Д. Скарятинымъ, во время обсужденія вопроса о составѣ и функціяхъ реорганизуемаго Главнаго Земельнаго Комитета, было внесено предложеніе о снабженіи правомъ рѣшающаго голоса и представителей Министерства Юстиціи. Совершенно случайно Постникову удалось провести это мое предложеніе (кажется большинствомъ 1 или 2 голосовъ)*; этотъ успѣхъ объяснялся лишь тѣмъ, что въ засѣданіи по какой то причинѣ не участвовала часть наиболѣе лѣвыхъ членовъ.

* Насколько помнится, такое же право голоса было дано и представителямъ Министерства Вн. Дѣлъ, которые присоединились къ моему предложенію.

Что касается собственно земельнаго закона, т. е. вопроса о землепользованіи, то не подлежало никакимъ сомнѣніямъ, что общее его основаніе должно было лежать въ полномъ отрицаніи права частной собственности на землю, въ чемъ сходились всѣ члены Комитета соціалисты, а ихъ было большинство. Однако, и между соціалистами шла жестокая грызня изъ за способовъ осуществленія этихъ основаній. Очень язвительно и жестоко нападали на народныхъ соціалистовъ и соціалистовъ-революціонеровъ соціалъ-демократы, вполнѣ логично говоря, что проводить идею отрицанія права частной собственности можно лишь въ полномъ объемѣ, т. е. тогда, когда она не будетъ признаваться не только по отношенію къ землѣ сельско-хозяйственнаго назначенія, но и ко всякой недвижимости и движимости. Въ смыслѣ перевертыванія всякихъ юридическихъ понятій доходило до того, что даже одинъ изъ чиновъ канцеляріи Комитета, кооптированный въ число его членовъ — не только за свою трудоспособность, но главнымъ образомъ, за свои демагогическіе пріемы (бывшій раньше моимъ помощникомъ по должности Оберъ-Прокурора Сената), — главный докладчикъ по законопроектамъ, — договорился до того, что земля не можетъ быть объектомъ права собственности потому, что таковымъ не можетъ быть напр. вода въ морѣ.

Видя, что изъ законопроектовъ, вырабатывавшихся въ Земельномъ Комитетѣ, ничего путнаго выйти не можетъ, я еще до возвращенія изъ деревни И. М. Тютрюмова совѣщался по поводу предстоящаго внесенія законопроекта о земельныхъ комитетахъ во Временное Правительство — съ Г. Д. Скарятинымъ и представилъ ему въ письменной формѣ всѣ свои возраженія на статьи этого законопроекта. Скарятинъ переговорилъ по поводу этого съ занявшимъ въ то время постъ Министра Юстиціи П. Н. Малянтовичемъ.

Вслѣдствіе этого мы, т. е. вернувшіеся къ этому времени изъ деревни И. М. Тютрюмовъ и я, а также Скарятинъ были приглашены черезъ нѣсколько дней къ Малянтовичу, для обсужденія законопроекта о земельныхъ комитетахъ, подлежавшаго разсмотрѣнію въ ближайшемъ засѣданіи Совѣта Министровъ (Временнаго Правительства). Малянтовичъ, котораго я видѣлъ въ первый разъ, произвелъ на меня впечатлѣніе человѣка толковаго и умѣющаго выслушивать другихъ, несмотря на полное различіе взглядовъ, но человѣка, желающаго показать и свою популярность, и свою энергію; такъ онъ успѣлъ намъ разсказать о своей дѣятельности въ Москвѣ въ первые дни революціи и о томъ, что онъ якобы спасъ какого-то полковника или генерала, принятаго толпою за жандарма, а оказавшагося служащимъ въ контръ-развѣдкѣ (военной), — но умолчалъ, конечно, о пятнахъ въ своей прежней дѣятельности. — Какъ курьезъ, могу разсказать, что, защищая въ разговорѣ съ Малянтовичемъ предложенную мною редакцію одной статьи, касавшейся отчужденія частей частновладѣльческихъ земель, я привелъ примѣръ, что въ нѣкоторыхъ случаяхъ такое отчужденіе можетъ быть вполнѣ цѣлесообразно и съ хозяйственной точки зрѣнія, напр., когда при проведеніи желѣзной дороги у частнаго владѣльца остается небольшой кусокъ земли за полотномъ дороги, которое мѣшаетъ ему вести хозяйство на отрѣзанномъ участкѣ. На это Малянтовичъ (соціалъ-демократъ) съ живостью сдѣлалъ такую реплику: «Представьте себѣ, какъ разъ такой случай былъ у меня въ имѣніи.» Думаю, что подобныхъ Малянтовичу соціалъ-демократовъ, владѣвшихъ имѣніями, въ Россіи можно было найти не одинъ десятокъ!

Такъ какъ разсмотрѣніе проекта закона о земельныхъ комитетахъ во Временномъ Правительствѣ почему-то замедлилось, то Малянтовичъ рѣшилъ еще созвать наше маленькое совѣщаніе, увеличивъ его составъ. Въ ближайшіе же дни такія совѣщанія и состоялись въ зданіи М-ва Юстиціи, подъ предсѣдательствомъ Г. Д. Скарятина и при участіи Директора 1 Департамента Мордухай-Болтовскаго. На нихъ мы составили подъ видомъ поправокъ свой собственный проектъ закона, который Малянтовичъ, въ видѣ такихъ поправокъ къ каждой статьѣ комитетскаго проекта долженъ былъ отстаивать во Временномъ Правительствѣ. Конечно, нашъ проектъ, въ виду того, что въ немъ участвовали только юристы, во всякомъ случаѣ былъ составленъ вполнѣ грамотно. На послѣднее наше совѣщаніе мы пригласили изъ Канцеляріи Главнаго Земельнаго Комитета, кажется, съ разрѣшенія Постникова, того самого чиновника, о которомъ я говорилъ выше и который долженъ былъ докладывать комитетскій проектъ закона въ засѣданіи Временнаго Правительства, и убѣдили его переработать и свой проектъ въ нѣкоторыхъ частяхъ для того, чтобы впослѣдствіи было меньше споровъ.

О томъ, что происходило въ засѣданіяхъ Временнаго Правительства при начавшемся обсужденіи законопроекта о земельныхъ комитетахъ, мнѣ въ точности неизвѣстно. Знаю я только то, что на докладчика способъ обсужденія не только этого проекта, но и другихъ вопросовъ, произвелъ удручающее впечатлѣніе. Въ особенности безотрадное впечатлѣніе производилъ самъ «глава» А. Ф. Керенскій, котораго этотъ докладчикъ уподобилъ прапорщику, радующемуся тому, что онъ надѣлъ новую военную форму. Обсужденіе земельныхъ законовъ все замедлялось, а затѣмъ наступилъ октябрьскій большевистскій переворотъ, и все съ нимъ кончилось...

Письмо въ редакцію

Господину Издателю Архива Русской революціи I. В. Гессену.

Милостивый Государь,

Въ томѣ IV Архива Русской революціи, на стр. 46-ой, изложена телеграмма командующаго войсками Московскаго военнаго Округа Генерала Мрозовскаго, отъ 1-го Марта 1917 г., Государю Императору въ Царское Село слѣдующаго содержанія:

«Вашему Императорскому Величеству всеподданнѣйше доношу: большинство войскъ съ артиллеріей передалось революціонерамъ, во власти которыхъ, поэтому находится весь городъ. Градоначальникъ съ помощникомъ выбыли изъ Градоначальства и т. д.»

Считаю своимъ долгомъ въ цѣляхъ правдивости будущей исторіи поправить неточность, вкравшуюся въ вышеизложенной телеграмѣ.

Градоначальникъ свиты Его Величества Генералъ-Маіоръ Шебеко и я, полковникъ В. И. Назанскій, его помощникъ, предѣла Градоначальства не оставляли ни на одинъ часъ.

Оба мы находились въ зданіи Градоначальства до послѣднихъ часовъ.

Въ ночь же съ 28-го на 1-го Марта, согласно приказа Командующаго войсками, власть гражданская перешла въ руки военнаго начальства, въ лицѣ начальника Охраны Москвы, Командира Ополченскаго корпуса Генерала Вогака, которому и перешли всѣ части находившіяся въ вѣдѣніи Градоначальника (казачьи сотни, 2 жандармскихъ дивизіона и полиція).

1-го Марта съ утра рабочіе начали собираться около Городской управы, при чемъ войска, которыя своимъ расположеніемъ по Садовой улицѣ, должны были не допускать рабочихъ изъ Замоскворѣчья въ центръ столицы, не прибыли къ назначенному часу и тѣмъ не выполнили своей задачи. Тутъ для меня стало очевиднымъ, что власть не можетъ болѣе опираться на войска, хотя казаки и жандармскія части были надежны и выполнили свой долгъ до конца.

Къ часу дня въ зданіе Градоначальства должны были быть собраны полицмейстера для полученія особыхъ распоряженій, но часть ихъ не въ состояніи была прибыть, такъ какъ по улицамъ уже останавливали революціонеры.

Въ это же время въ служебномъ кабинетѣ съ Градоначальникомъ Генераломъ Шебеко сдѣлался припадокъ печени съ потерей созданія. Къ тому же часу поступило донесеніе о движеніи толпы къ зданію Градоначальства, для разгромленія находившихся тамъ Охраннаго и Сыскного Отдѣленія. Мною было отдано распоряженіе брандъ-маіору принять мѣры охраны зданія Градоначальства отъ пожара. Въ виду тяжелаго болѣзненнаго положенія Градоначальника и зная, что жизни его можетъ угрожать опасность, я съ помощью чиновника особыхъ порученій перевезъ его въ два часа дня на Остоженку, въ квартиру его сестры, откуда и доложилъ по телефону генералу Мрозовскому.

Въ зданіе Градоначальства, къ сожалѣнію, попасть уже мнѣ не удалось, такъ какъ оно было окружено толпою, но связь я имѣлъ съ нимъ до конца черезъ докладчика по особому телефону, номеръ котораго не былъ выключенъ, какъ всѣ остальные.

На другой день Градоначальникъ утромъ переѣхалъ на мою квартиру — Новинскій бульваръ.

Въ тотъ же день, въ одной изъ газетъ, я прочиталъ объ отъѣздѣ моемъ въ Кіевъ. Глубоко возмущенный такою ложью, я протелефонировалъ Г-ну Челнокову, какъ Комиссару Москвы, что я нахожусь у себя на квартирѣ, гдѣ находится и Градоначальникъ. Черезъ полъ часа Градоначальникъ и я были отправлены въ Городскую Думу, гдѣ намъ объявили, что мы изолированы въ Кремлѣ въ квартирѣ дворцоваго комендента, — попросту говоря, арестованы.

Изъ вышеизложеннаго ясно видны тѣ неточности, которыя вкрались въ телеграммѣ командующаго войсками.

Бывшій помощникъ Московскаго Градоначальника
Полковникъ Назанскій.

29 Ноября 1922 г.

Въ газетѣ «Дни» (Берлинъ) въ номерѣ отъ 8-го іюля 1923 г. помѣщено слѣдующее письмо въ редакцію:

М. Г. Г-н Редактор!

Не откажите в любезности помѣстить нижеслѣдующее:

В X томѣ «Архива Русской Революціи» автор «Записок бѣлогвардейца» на стр. 83, говоря о самарском правительствѣ, пишет: «Не останавливаясь на том, как у нас шла работа по управленію областью, могу лишь указать, что, например, министерством внутренних дѣл завѣдовал Климушкин, бывшій в свое время волостным писарем и, конечно, оказавшійся совершенно неподготовленным ко взятым на себя обязанностям. Что это так, видно из того, что, несмотря на всю его развязность, ему пришлось обратиться к бывшему самарскому губернатору, проживающему там, (князю Голицыну), за частными указаніями для дѣл, в которых Климушкин запутался».

Во избѣжаніе недоразумѣній и ложных исторических оцѣнок считаю необходимым заявить слѣдующее: никогда волостным писарем я не был; точно также — никогда ни за какими совѣтами к бывшему Самарскому губернатору я не обращался и вообще даже не был знаком с ним.

Примите увѣренія в искреннем к Вам уваженіи.

П. Климушкин.

Прага, 1 іюля 1923 года.

Содержаніе

Напечатано и издано
Издательствомъ
«СЛОВО», Берлинъ

СОДЕРЖАНІЕ ВЫШЕДШИХЪ ВЪ СВѢТЪ ТОМОВЪ
АРХИВА РУССКОЙ РЕВОЛЮЦІИ

ТОМЪ I.

Задачи Архива. – В. Д. Набоковъ, Временное Правительство. – П. Красновъ, На внутреннемъ фронтѣ. – Р. Донской, Отъ Москвы до Берлина въ 1920 г. – С. Вороновъ, Петроградъ – Вятка въ 1919–1920 гг. – Н. Неклюдовъ, Предсказаніе русской революціи.

Документы и письма.

К. Крамаржъ, Основы Конституціи Россійскаго Государства. – Докладъ начальнику операціоннаго отдѣленія германскаго восточнаго фронта о положеніи дѣлъ на Украйнѣ въ мартѣ 1918 г. – Образованіе сѣверо-западнаго правительства (Докладъ Карташева, Кузьмина-Караваева и Суворова). – Письмо ген. Гофа генералу Юденичу.

Изъ частной переписки.

Послѣдніе дни Леонида Андреева. – Описаніе польскаго отступленія въ августѣ 1920 г.

*

ТОМЪ II.

Къ исторіи Манифеста 17 октября (Записки Н. И. Вуича и кн. Н. Д. Оболенскаго). – Ген. А. С. Лукомскій, Изъ воспоминаній. – А. Дроздовъ, Интеллигенція на Дону. – Р. Гуль, Кіевская эпопея. – Ф. Штейнманъ, Отступленіе отъ Одессы. – І. Рапопортъ, Полтора года въ совѣтскомъ Главкѣ. – О. Чернинъ, Брестъ-Литовскъ.

Документы и дневники.

Журналъ засѣданія Совѣта Министровъ Крымскаго Краевого Правительства 16 апр. 1919 г. – Изъ секретнаго доклада. – С. В. Милицынъ, Изъ моей тетради. – Бар. Фрейтагъ фонъ-Лорингофенъ, Изъ дневника.

*

ТОМЪ III.

С. Добровольскій, Борьба за возрожденіе Россіи въ сѣверной области. – М. Смильгъ-Бенаріо, На совѣтской службѣ. – А. Левинсонъ, Поѣздка изъ Петербурга въ Сибирь въ январѣ 1920 г. – Л. Л–ой, Очерки жизни въ Кіевѣ въ 1919–1920 гг. – Г. Игреневъ, Екатеринославскія воспоминанія.

Документы.

Документы къ «Воспоминаніямъ» ген. Лукомскаго. – Меморандумъ Эстонскаго Правительства.

*

ТОМЪ IV.

А. Блокъ, Послѣдніе дни стараго режима. – А. Демьяновъ, Моя служба при Временномъ Правительствѣ. – А. Синегубъ, Защита Зимняго Дворца. – Бар. М. Д. Врангель, Моя жизнь въ Совѣтскомъ Раю. – Р. Донской, Изъ Москвы до Берлина въ 1920 г. (Продолженіе.)

Документы и дневники.

Организація власти на югѣ Россіи въ періодъ гражданской войны. – А. В. – Дневникъ обывателя.

ТОМЪ V.

А. А. Валентиновъ, Крымская эпопея. – Ген. А. С. Лукомскій, Изъ воспоминаній. – П. Красновъ, Всевеликое Войско Донское. – Ген. Филимоновъ, Разгромъ Кубанской Рады.

Документы.

Письмо Вел. Кн. Александра Михайловича къ Николаю II. – Записка, составленная въ кружкѣ Римскаго-Корсакова и переданная Николаю II кн. Голицынымъ 6 ноября 1916 г. – Показанія Н. А. Маклакова о письмѣ Николаю II. – Денежные документы генерала Алексѣева. – Документы къ воспоминаніямъ ген. Филимонова.

*

ТОМЪ VI.

М. В. Родзянко, Госуд. Дума и февральская революція. – Ген. А. С. Лукомскій, Изъ воспоминаній. – А. А. Гольденвейзеръ, Изъ Кіевскихъ воспоминаній. – А. Гуровичъ, Высшій Совѣтъ Народнаго Хозяйства.

Документы.

Послѣдній всеподданнѣйшій докладъ М. В. Родзянки. – Докладъ Центральнаго Комитета Россійскаго Краснаго Креста.

*

ТОМЪ VII.

Бар. Б. Э. Нольде, В. Д. Набоковъ въ 1917 г. – С. А. Кореневъ, Чрезвычайная Коммиссія по дѣламъ о бывшихъ министрахъ. – А. С. Демьяновъ, Записки о подпольномъ Временномъ Правительствѣ. – Н. Вороновичъ, Межъ двухъ огней. – Б. Казановичъ, Поѣздка изъ Добровольческой Арміи въ «Красную Москву». – Г. Вилліамъ, Побѣжденные. – С. Кобяковъ, Красный судъ.

Документы.

Ставка 25–26 октября 1917 г. – Документы къ воспоминаніямъ Н. Вороновича.

*

ТОМЪ VIII.

С. В. Завадскій, На великомъ изломѣ. – С. Ан–скій, Послѣ переворота 25 октября 1917 г. – Н. Мейеръ, Служба въ комиссаріатѣ юстиціи и народномъ судѣ. – В. Красновъ, Изъ воспоминаній о 1917–1920 гг. – Герцогъ Г. Лейхтенбергскій, Какъ началась «Южная Армія». – Денежные знаки революціи и гражданской войны.

*

ТОМЪ IX.

Борисъ Соколовъ, Паденіе Сѣверной Области. – Б. Байковъ, Воспоминанія о революціи въ Закавказьи (1917–1920 гг.). – Н. Плешко, Изъ прошлаго провинціальнаго интеллигента.

Документы.

Отчетъ о командировкѣ изъ Добровольческой Арміи въ Сибирь въ 1918 г.

*

ТОМЪ X.

А. Изгоевъ, Пять лѣтъ въ Совѣтской Россіи. – Лейтенантъ N. N., Записки бѣлогвардейца. – А. Гефтеръ, Воспоминанія курьера. – Н. Савичъ, Три встрѣчи.

Документы.

Протоколы допроса адмирала Колчака Чрезвычайной Слѣдственной Коммиссіей въ Иркутскѣ въ январѣ–февралѣ 1920 г.

*

ТОМЪ XI.

С. В. Завадскій, На великомъ изломѣ. – Н. М. Могилянскій, Трагедія Украйны. – В. М. Красновъ, Изъ воспоминаній о 1917–1920 г. г.

Документы.

Исповѣдь В. И. Кельсіева.